

Николай Алексеевич
ОСОКИН

История средних веков

*Перед нами встает
целый ряд историографов,
сохранивших для нас мир далекой эпохи*

Николай Алексеевич
ОСОКИН

**История
средних веков**

УДК 940.1
ББК 63.3(0)4
О-75

Серия основана в 2001 году

Осокин Н. А.

О-75 История средних веков / Н. А. Осокин.— Мн.: Харвест, 2003.— 672 с.— (Историческая библиотека).

ISBN 985-13-1682-2.

Николай Алексеевич Осокин (1843—1895) — известный русский историк, профессор Казанского университета. Его труд «История средних веков» (1888) читается с огромным интересом и отличается живым, увлекательным изложением. На страницах книги перед нами встает целый ряд историографов, сохранивших для нас мир далекой эпохи, не просто соединивший античность и новое время, но давший начало эпохе Возрождения и современной цивилизации.

В «Очерке средневековой историографии», который автор поместил в конце книги, представлены сведения о западных, славянских, византийских и частично арабских историках и летописцах.

УДК 940.1
ББК 63.3(0)4

ISBN 985-13-1682-2

© Харвест, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Алексеевич Осокин (1843—1895), профессор Казанского университета, известный ученый, специализировался на истории средневековья. Ему же принадлежит работа «История альбигойцев и их времени», посвященная событиям XI—XII вв. Настоящее издание посвящено истории средних веков, той эпохе, которая началась с падением Западной Римской империи. Основой издания, впервые вышедшего в 1888 г., послужил курс лекций, впервые прочитанный автором в 1877—1878 гг. Живое изложение исторических событий сочетается со строго научным подходом и обширным использованием источников, что придает его труду высокую ценность, несмотря на то, что с момента первого издания прошло более века. История Запада после великого переселения народов и падения Западной Римской империи, история Византии, арабские завоевания, крестовые походы — вот события, о которых рассказывается в этой книге.

Западная Римская империя, распавшаяся в V веке, оказала основополагающее влияние на историческое развитие Западной Европы и всего мира. Римское право, сохранявшееся во многих странах наряду с обычным правом германских племен, легло в основу законодательств Англии, Франции, Германии. Латинский язык в течение многих веков был языком науки и литературы. Германские племена готов, франков, лангобардов, смешавшись с местным населением, формировали европейские нации. Христианство, ставшее государственной религией еще в Римской империи, послужило объединяющим началом для народов Европы. Все эти процессы происходили постепенно. Готские короли, правившие Италией, во многом сохраняли римское наследие. Их сменили лангобарды. Империя Карла Великого, провозглашенная в 800 г., объявила себя преемницей Западной Римской империи. Хотя эта империя существовала и недолго, но когда она распалась, то дала начало трем европейским государствам: Франции, Англии и Италии. Экспансия арабов привела к образованию на Пиренейском полуострове ряда мусульманских государств. А Восточная Римская империя —

Византия — пережила Западную на 900 лет, в первой половине VI века завоевала Италию и долгое время контролировала ее. В те же годы был создан знаменитый Кодекс Юстиниана, свод законов, основанных на римском праве.

Славянские народы создавали в этот период свои государства. Скандинавы-викинги, заполонив Европу, оставили свой след во многих странах: России, Англии, Франции, Италии. Но можно ли назвать эти века темными? Действительно, с падением Западной Римской империи уровень культуры снизился. Грамота была доступна немногим. Она сохранялась в монастырях, где трудились монахи-переписчики и хронисты-летописцы, основатели историографии, многое взявшие у римской и греческой литературы. Историографией занимались и светские лица. Именно этим хронистам Рима и Греции Н.А. Осокин уделяет особое внимание.

«Очерк средневековой историографии», помещенный в конце книги, рассказывает об историках тысячелетнего периода, который мы называем средними веками. В период раннего средневековья хроники на Западе писались по-латыни (в Византии — по-гречески), но уже в XII в. появились труды на родных языках авторов. С началом эпохи Возрождения хроники постепенно становились историческими трудами в современном понимании. О значении истории прекрасно сказал средневековый историограф Матвей Парижский: «Природа вложила в сердце каждого человека желание знания. Если вы забудете и презрите тех, которые умерли давно и оставили вас, то кто вспомнит о вас самих? Память о справедливом не погибнет; его имя вечно будет воздыматься к небу, напутствуемое общими благословениями; имя же несправедливого, бесчестного, напротив, будет сопряжено с проклятием и порицаниями. Жить, избегая примера злых, следуя шаг за шагом примеру добрых, о которых я хочу писать свою историю, — вот истинная цель книг, вот верное изображение обязанностей человека».

ВВЕДЕНИЕ

ХАРАКТЕР СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ И ЕЕ ИСТОЧНИКОВ

Тысячелетний период истории человечества от IV в. нашей эры до Реформации принято называть средневековьем.

Следует отметить, что выражение «средние века» не совсем точно и не совсем научно. Еще не установились те границы, те рамки, в которых должно заключаться так называемое средневековье.

Одни началом средневековой истории считают великое переселение народов, которое совпадает с падением Западной Римской империи; другие — время Константина и построение нового Рима или Константинополя; третьи начало средневековой истории отодвигают к началу христианства, то есть к эпохе первых римских императоров.

В последнем случае вся история человечества должна бы делиться на два периода — языческий и христианский, представляющие между собою существенное внешнее и внутреннее различие по характеру и смыслу событий. Представление о средних веках тогда явилось бы условным, как о подготовительном периоде для истории четырех последних столетий.

Термин *средние века* не есть что-либо сразу установившееся. В конце XVII в. в не очень известных исторических книгах, а именно в сочинениях немцев Келлера и Лёшера, появилось новое выражение — *medium aevum, mittlere Zeit, Mittelalter*. Из немецкой литературы оно перешло во все другие, как, например *тоттен-âge* у французов, *medio evo* у итальянцев¹. В начале XVIII века еще не понимали этого определения и не усвоили его. Принимая этот термин условно, как понятие периодическое, как пред-

¹ *Cellarius C. Historia medii aevi a temporibus Constantini Magni ad Constantinopolim a Turcis captam deducta, Cisiae, 1688.* Повторено издание там же в 1698 г. и в Иене в 1704 г. *Löscher E. Historie de mittleren Zeit, Leipzig, 1725.* Термин окончательно установился в более позднее время, только с появлением классического сочинения *Herder, Ideen zur Philosophie der Geschichte, Riga, 1784* и выхода книги *Totze M., Geschichte der mittlern Zeit, Leipzig, 1790.*

ставление о времени переходном, отделяющем античную историю от явлений более нам близких, мы будем должны выйти за пределы тех рамок, в которые учебники заключают средневековую историю с целью систематизации изложения. Становясь на строго научную почву, следует, согласно первой попытке Келлера, начинать средневековую историю с IV века нашей христианской эры. История Римской империи явится тогда обширным введением в средние века, не составляя неотъемлемой части собственно средневековой, более чем тысячелетней, эпохи.

Связь истории древней и средневековой. В самом деле, что чаще всего приходит на память при мысли о средних веках? Христианство, варварство, феодализм, рыцарство с его обязанностями к сюзеренам, к равным и к слабым, затем Священная Римская империя, теократия, гегемония пап, крестовые походы на Восток, временное торжество пап, совпадающее с разложением империи на отдельные государства, наконец, победа протестантского духа над клерикализмом. Всех этих отличительных признаков средневековой истории лишена древняя история, но оба первые присущи Римской империи. Следовательно, значительная часть истории Римской империи, обладая признаками, не соответствующими античному миру, строго говоря, должна бы излагаться вместе с историей средних веков.

Действительно, древняя Римская империя представляет собою отрицание тех форм, какими жил античный мир. Тут было много непонятого для человека древней истории. Чем далее шло время, тем более римлянин чувствовал себя чуждым настоящему. Истый римлянин не мог примириться с неограниченной властью императора, совмещавшего в себе, как в фокусе, все гражданские и военные власти, не мог одобрять ограничения рабства и постепенного распространения прав гражданства сперва на провинции, а потом и на варваров. Он продолжал ощущать себя особняком от остальных народов. Он всегда думал, что государство сотрет с лица земли этих презренных, ненавистных последователей Христа, которые горделиво выносили истязания. Но вот он увидел, что эти презируемые христиане, назаряне, восторжествовали и привлекли в свой лагерь полководцев, сенат и даже самих императоров, что языческие храмы пустеют и зарастают, их алтари покрываются плесенью и мхом. Римлянин думал, что назначение этих германцев, страшных, победоносных,

вечно и верно служить интересам римского государства; между тем эти германцы поселяются насильно на его землях; число их растет с ужасающей быстротой, так что сенат и граждане трепещут перед этими наемными варварами. Наконец, меняются сами роли. Варварские вожди постепенно отстраняют римских императоров и захватывают верховную власть в свои руки.

Таким образом, два новых элемента — христианство и варвары — создают историю древнеримской империи; элементы, которые прежде торжествовали, теперь становятся пассивными и наоборот. Христианство и варварство изменяют ход древней истории и делают из последних столетий императорской эпохи начало средних веков.

Содержание явлений средневековой истории. Когда христиане вышли из катакомб и когда римский император, до тех пор республиканский сановник, надел диадему восточных государей, изменил характер императорской власти, — а это совпадает с правлением Константина I, который за эдикт 313 г. получил от христианства прозвание Равноапостольного, — тогда повеял новый дух и в частных, и в общественных отношениях. Античный характер проявляется рефлексивно, всегда очень тускло, только в сохранении титулов и в попытках стоических философов защитить умирающее язычество. В восточной части государства продолжал преобладать деспотический характер правительственных форм; западная же силится жить самостоятельно, по старым политическим началам. Но такие попытки были безуспешны. Западная империя стала постепенно клониться к упадку.

Одно христианство само по себе не могло сокрушить древний мир и те старые исторические начала, которые его питали. К нему на помощь быстрыми шагами спешили варвары. Они многое изменили в империи и придали Западу другие формы. Если мы теперь ценим смысл громкого факта падения Западной Римской империи или, точнее, — свержения варварского питомца, Ромула Августула варварским же вождем герулом Одоакром, — то следует отметить, что такое громкое событие в свое время прошло незамеченным и ничем не отозвалось в умах современников. Лишь несколько темных намеков в тогдашних хрониках оставили память о нем. Так мало придавали тогда значения пустой власти императора, власти, которая давно была в руках германских воинов. Мы представляем себе это падение как тяжелое испытание несчаст-

ной империи; но в действительности сама империя несколько не чувствовала своих страданий, разлагаясь постепенно. Один хронист сказал мимоходом несколько слов, и из памятников того времени больше никаких суждений об этом событии до нас не дошло. Начинается полное разложение прежних общественных элементов власти с падением всякой цивилизации. От Западной империи не осталось и внешнего облика; но тем могущественнее было представление об этой силе в воображении следующих поколений.

Единая Римская империя после падения стала недостижимым идеалом, к которому стремились люди. Единый мир под единым духовным и светским главой — вот лозунг средних веков. Когда сложилась феодальная, а потом ленная система, то, казалось, настало время торжества частных интересов над общими и все видимо расчленилось. Но над всем продолжала существовать связь нравственная. Каждый вассал обещает своему ленному владыке служить честно, верой и правдой, своей жизнью и жизнью своих вассалов: недаром эти отношения сравнивают с брачным союзом. Все средние века зиждутся на этом идеале верности; все вассалы несут свои повинности перед сюзереном без всякого насильственного принуждения, только ради соблюдения верности данной ему клятве, хотя он сам иногда слабее не только всех вассалов, взятых вместе, но и каждого порознь.

Лица, связанные повсюду от Скандинавии до Испании клятвой взаимной верности, одним общим рыцарским и коммунальным, общинным духом, соединялись в цеха, города и подавали друг другу руку помощи. Власти тут не было: всякое отдельное лицо стояло на собственных ногах или опиралось на собственных союзников. Такая обособленность много содействовала образованию тех самодуров, людей крайне упрямых, варваров духом, которыми богаты средние века. Эти века отличаются необыкновенным движением: злодейства феодалов чередуются с высокими подвигами монашества, суровый аскетизм сменяется диким разгулом чувственности; тут и поклонение культу красоты, обожание женщины, но в то же время угнетение собственной семьи. Дело в том, что наше понятие о государстве не соответствует средневековым условиям. Государства в нашем понимании сложились уже на закате средних веков: вначале же знали только личные отношения, и государственные элементы сближались по своему внутреннему сродству. Поэтому скандинавский барон при-

знавал себе близким барона Каталонии и чешского графа, презирая и считая полностью чуждым себе виллана. Понятия отечества тоже долго не существовало. Поэтому людьми так сильно двигали общие идеи: папства, чести женщин и, наконец, идея Священной Римской империи, живым протестом против которой была политика отдельных королей. Но надлежит оговориться. Речь идет не обо всех людях абсолютно. Все упомянутые стремления были присущи только высшим классам, потомкам победителей. Многолюдная же масса побежденных, римлян и галлов, не жила исторической жизнью: только горожане завоевали себе право жить и действовать и, на протяжении всех средних веков, продолжали поддерживать свои права и бороться за них.

Между тем в обществе усиливалось сознание необходимости единства. Павшая Римская империя стала колыбелью христианства. Она была необыкновенно велика и могущественна. Идея восстановления этой империи воспламеняла воображение всех. Ради нее охотно проливали кровь сотни тысяч людей. Но полностью восстановить Западную Римскую империю, повторить ее историю было невысказано без согласия верховного господина Италии, папы. Римские первосвященники согласны были допустить власть императора только по идее, но не фактически. Эта империя должна была охватить не только Италию, Испанию, Францию и Германию, но Скандинавию и Славянские земли. Это была бы империя, которая превосходила все самые обширные древние государства, доселе известные истории. Все это не осуществилось. Папы предъявляли большие требования и требовали высокую цену за провозглашение Священной Римской империи. Из-за этого началась борьба пап со светской властью, называемая борьбой за инвеституру. Эта борьба, которая ослабила феодалов, дала простор самостоятельности городов и потрясла основы всякой верховной власти над ними, не могла бы идти успешно для церкви, если бы папы не прибегали к силе.

Этим средством папы пользовались также против еретиков. История еретических движений представляет новую сторону средних веков. В этом движении значительную долю участия приняло славянство, в котором, среди болгар, появилась на основе манихейства богомильская ересь, предшествовавшая альбигойской.

Эта борьба с императором и еретиками, в которой была применена инквизиция, унизила папу и общественном мнении Запа-

да, подорвала доверие к его авторитету и указала на необходимость преобразования церкви не только в обрядах и образе жизни ее служителей, но и в догматах самой религии, в которых она также далеко отклонилась от истинного евангельского учения.

С ослаблением авторитета пап средние века теряют свой клерикальный характер. Этому содействовало знакомство с классической образованностью и обнаружение массы преступлений, которые ни кардинальские мантии, ни папские тиары не могли прикрыть. На духовенство, начиная с папы, многие еще в XIV в. перестали смотреть как на лиц, осененных божественной благодатью. Это решительное и общее движение против римской церкви завершилось Реформацией.

Не так было на Востоке. Там не было борьбы между светской и духовной властью, но светская власть стояла над духовной. Таким образом, в восточной части бывшей Римской империи выработался принцип неограниченной самодержавной власти, перенесенный в Московское государство и скрепивший Российскую империю.

Итак, средние века на Западе кончились отрицанием тех идеалов, которые они сами провозгласили раньше. Следовательно, средние века представляют несомненное движение вперед. Это не эпоха варварства, как говорили в XVIII в., но время прогрессивного развития: это — сложение, разложение и сочетание новых формаций, подготовлявших развитие идеалов нашего времени. Да и вообще нет исторического периода, который представлял бы один застой. Средние века дали нам очень многое, а прежде всего корпоративный идеал, выразившийся между прочим в городском самоуправлении. Исследование средневековой истории дает для некоторых стран почти непочатый край работы.

Чтобы объяснить постепенный ход исторического прогресса, недостаточно одного изложения фактов. Следует, переносясь в ту отдаленную пору, раскрыть руководящие начала, одушевляющие широкий средневековой период. Эти начала называются в исторической науке *идеями*. Идея представляет собою духовное явление. Она есть дух событий, само событие есть только внешнее отражение этого высшего духовного стремления истории. Как человек состоит из души и тела, так исторические явления имеют внутреннюю и внешнюю сторону. На ход истории оказывают влияние не одни климатические и вообще естественно-исторические

условия, а также и незримая внутренняя сила, именуемая в исторической науке «идеей». Идеи бывают разнообразны; на них влияют религия, литература, общественные воззрения и т. п.; они могут быть прогрессивными и регрессивными; но во всяком периоде есть идея, которая служит внутренней связью фактов данного периода целиком или известной группы явлений. Исследуя идею, отражающую события, мы невольно должны останавливаться не на всех фактах известного периода, а на главнейших из них; мы должны обозревать обязательно не все уголки исторического мира, а только те страны, в которых наиболее отчетливо проявилась руководящая историческая идея. Характерным явлениям средних веков было присуще свое поступательное развитие. Отнесите эти явления к отвлеченным категориям и вы получите ряд собственно средневековых идей: христианства, варварства, феодализма, рыцарства, императорскую, теократическую и, как реакцию ее, идею протеста против римско-католической церкви. Вот схема так называемого средневековья.

Мы сделаем попытку изложить постепенное развитие средневекового человечества с высоты идей, его одушевляющих, насколько эти идеи отразились в фактах политической, духовной и культурной жизни.

Характер средневековой историографии. Свидетельства летописцев об исторических событиях обычно бывают разноречивы. Авторы часто не были очевидцами; они записывали то, что слышали от других, которые, в свою очередь, могли исказить событие. Сами авторы могли умышленно или невольно видоизменять факты, согласно своим взглядам. Также и позднейшие писатели иногда неправильно освещали факты, согласно своим убеждениям. Чтобы найти истину, историк прибегает к оценке свидетельств и для этого вводит т. н. историческую критику. Особенно важна историческая критика для средневековых летописей. Средние века — время религии, поэзии, любви, младенческой веры, а не точного исследования. В средние века на сцену истории выступили варвары, стоявшие на младенческой ступени развития. Поэтому научного исследования природы быть не могло. В bestiариях, сборниках о животных, сохранившихся на старофранцузском языке, говорится, что животные созданы, чтобы умудрять человека в вере. Лев спит с открытыми глазами, чтобы человек бодрствовал в вере. Львица родит мертвых львят, ожи-

вающих на третий день, как прообраз Христа, воскресшего в третий день, и т. п. С такой же целью писалась история. Каждая историческая книга была поэтической. Действительные факты перемешивались с вымыслами, иногда так сильно, что историк не отличал сказки от действительности. У огромного большинства средневековых летописцев преобладало исключительно клерикальное мировоззрение в духе католической церкви. Ранние летописцы, такие, как *Иорнанд*, или *Иордан* («О происхождении и деянии гетов и готов» («*De Gothorum sive Getarum origine et rebus geticis*», 550 г.)), *Павел Диакон Варнфрит* («История лангобардов» («*Langobardorum historia*», около 790 г.)), *Григорий Турский* («Церковная история франков» («*Historia ecclesiasticae Francorum*», около 594 г.)), хотя и были по своему положению духовными лицами, вставляли в историю народные сказания. Григорий, епископ Тура (во Франции), хотя писал собственно церковную историю франков, излагал события ради них самих, дабы сохранить память о прошлых деяниях, «так как занятия литературой преданы забвению и нет никого, кто бы рассказал в своих творениях события настоящего». К сожалению для исторической науки, история не пошла по этой верной дороге. *Августин* в знаменитой книге «О Граде Божием» («*De civitate Dei*», 414 г.) провел параллель между суетой земного царства и блаженным спокойствием небесного. Эта параллель стала вредить истории. Летописцы стали искать связи между небом и земными событиями, уснащая свой рассказ то представлениями и сценами страшного суда, то неуместным сравнением со священной историей. Так, англосакс *Беда Достопочтенный* в сочинении «О шести мировых периодах» («*De sex aetatibus mundi*»), доведенном до 729 г., говорит, что мир стар, что наступил шестой и последний его возраст и скоро будет конец этого дряхлого старчества, хотя новая христианская цивилизация в его время только еще начинала зарождаться в иной форме. В XII столетии то же явление. *Оттон Фрейзингенский* († 1158) изложил в семи книгах историю от Адама до Барбароссы; в восьмой книге, опираясь на Библию и Апокалипсис, он рассказывает о конце мира, о пришествии Антихриста, страшном суде, размещая действующих лиц в аду и в раю. По его мнению, есть два царства: временное и вечное, царство сатаны и Христа. Мудрый, по его словам, не должен останавливаться на земных событиях; он должен думать не о

здешнем настоящем мире, но о будущем, вечном Христовом царстве. Даже лучший из средневековых летописцев, *Матвей Парижский*, английский монах XIII в., автор «Большой хроники Сент-Альбана» («*Chronica major Sancti Albani*»)(1066—1250), который уступает только итальянскому историку *Джиованни Виллани*, имеет своеобразный взгляд на историю. Он считает ее целью только поучение, ибо именно так смотрели в его время на историю. «В начале своей хроники, — говорит он, — хочу ответить тем, которые считают историю бесполезной. Эти дурные люди говорят так: к чему описывать жизнь и смерть людей и разные события, которые происходят. Пусть знают ответ мудреца. Сама природа вложила в человека потребность знания. Человек необразованный, не зная прошлого, уподобляется животному; он похож на человека, заживо погребенного. Если вы не хотите знать дела предков, кто захочет знать ваши? Так вещает Псалмопевец. История прославляет дела добрых, проклинает злых и, приводя хорошие и дурные примеры, побуждает нас жить как добрые, а не как злые». Были и такие хроники, в коих исторические имена располагались по психическим категориям, причем действующие лица перемешивались с вымышленными, а в числе рыцарей считались: Гектор, Александр Македонский, Иисус Навин, Цезарь, Иуда Маккавей и Давид наряду с Карлом Великим и другими христианскими героями и королями¹.

¹ Подробное обозрение средневековой историографии см. в Приложении к этому труду.

I

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К УПРОЧЕНИЮ ХРИСТИАНСТВА

1. Время императора Константина I

На первых страницах средневековой истории перед нами встает величественное явление. Новая религия, учение Христа, из гонимой делается терпимой, а потом и сама поражает последователей других религий. Эта победа христианства заметна в обеих столицах и городах Востока и Запада империи. Но в Риме, впрочем, даже при Константине I, на одного христианина приходилось двадцать язычников, ибо язычество имело великое прошлое. Хотя и при Феодосии I встречались ходатайства за установление жертвенника Победы, однако успех христианства был решительным. Новая религия не столько вела пропаганду, сколько распространялась сама собою в силу тех условий, которые она представляла для прогресса истории. Эти условия коренились в существе христианского учения, покоящегося на началах любви, милосердия, человечности, братства. При императоре Константине I крещение стало обязательным для людей, занимавших видное общественное положение. Язычниками остались только некоторые философы и еще невежественные поселяне в своих *pagi*, т. е. селах. На этом основании язычники получили презрительную кличку *pagani* (поселяне, мужики). Их стали презирать. Языческие храмы Рима мало-помалу опустели; с упадком гражданской жизни опустели и театры и цирки. Но в Риме, как в городе, таилась могучая сила. Погибая, он восставал обновленным. Пало его языческое значение, он приобрел значение для христианства; в нем стали возникать многочисленные церкви. Император Константин не любил Рима за остатки гордого республиканского духа и основал новый Рим на месте прежней Византии, когда в 323 г. победил и убил Лициния. По христианской легенде, эта мысль была внушена ему самим Богом.

Основание Константинополя. Нет в свете города с местоположением более выгодным и более живописным, чем Византия. Здесь первое поселение было основано Визасом из Мегары за шесть с половиной веков до нашей эры. Античная легенда приписала пи-

фийскому оракулу выбор этого роскошного места, на которое «слепцы» долго не обращали внимания. Старая Византия — Византия Мегарская была разрушена в III столетии христианской эры, во время междоусобиц и варварских нашествий, раздиравших тогда Римскую империю. Константин задумал основать новую столицу непременно на востоке. Сначала он думал о Сардах, Солуне, Илионе и, наконец, остановился на разрушенной Византии. Там, где пролив, или Босфор Фракийский, сливается с водами Мраморного моря, он отделяет ветвь, которая врезается далеко в европейский берег. Этот длинный и узкий пролив называется Золотым Рогом из-за своей формы и красоты при вечернем солнце. На этом полуострове, омываемом с двух сторон Золотым Рогом и Мраморным морем, который вершиной опирается на Босфор, а широкой и длинной стеной ограждается от материка, расположен на семи холмах новый Рим, прозванный, еще при Константине, Константинополем. Ближе к стенам возвышается византийский акрополь, на вершине которого красовался дворец с колоннами из разноцветного мрамора, представлявший целый лабиринт; здесь вместо ларов и пенатов¹ были поставлены христианские часовни. Поблизости был форум и ипподром с прилегающими к ним храмами. Там, недалеко от дворца Константина-язычника, была заложена церковь, названная им храмом «мира». Эта, впоследствии христианская, церковь Св. Ирины была обращена в позднейшее время в турецкий арсенал; на форуме Августа, на триумфальной арке, сиял крест. Во дворце была также церковь Св. Апостолов, ныне старейшая турецкая мечеть Могамедиэ. Знаменитый храм Мудрости, или Св. Софии, был построен двумя столетиями позже. Тогда как в Риме продолжало существовать язычество, Константин сделал свою столицу столицей христианства, и она вполне заслужила это название. Даже статуи и памятники приноравливались к христианскому духу. Но здесь же, наряду с христианским элементом, можно было наблюдать теократические начала, потому что все население было набрано с Востока. Здесь в государственных формах господствовал полный деспотизм. В новую столицу не проникали из Рима новые мысли, а с ними свобода действий. В мае 330 г. была освящена резиденция императора, епископами и жрецами одновременно.

¹ Божества, покровители дома и семьи. — *Прим. ред.*

Государственные преобразования при Диоклетиане и Константине I. Известно, что свой восточный характер империя обрела при Диоклетиане, Константин упрочил реформы своего предшественника, развив то, что сделал Диоклетиан. Империя была разделена на 4 префектуры, а префектуры на 14 диэцезов. 1) Префектура Восточная охватывала Азию, Египет и Фракию. 2) Префектура Иллирийская — Мизию, Македонию и Грецию, то есть весь Балканский полуостров от Савы и Дуная. 3) Префектура Итальянская — Италию, часть Германии и Западную Африку. 4) Префектура Галльская — Галлию, Испанию и Британию. В префектурах главный начальник назывался префектом претории. Тогда государственная власть отделила гражданские обязанности от военных. Префект претории заведовал гражданской и полицейской властью, а кроме того совмещал с ней и судебную, наблюдая в то же время за торговлей и промыслами. Ему подчинялся викарий или претор, а викарию — ректор, управлявший провинцией. Эта система развила чиновничество с его самодурством и другими непохвальными качествами и упрочила деспотизм, хотя в память о старине выборные депутаты провинций ежегодно могли высказывать свои желания и просьбы о положении населения. Античная администрация часто требовала в одном лице совмещения различных достоинств и опиралась на выборное начало. Должностных лиц избирал народ прямо или косвенно; лишь немногие низшие чины назначались высшими; теперь же первых сановников назначал император. Особа императора все более и более покрывалась облаком величия; все повергалось ниц перед ним, дабы созерцать это новое божество, которое почти всегда достигало престола преступлением; но лучи этого божества освещали и сановников. Так изменился характер власти. Таким образом, в управлении создавались новые обычаи и новые приемы. Сановники, считая свою власть данной небом, управляют народом, не давая отчета и будучи ответственны только перед императором. Эти сановники вместе с императором царствуют над империей. Теперь императоры смотрят на своих подданных, как на стадо, приносящее доход, дающее запас денег, необходимых для содержания войска, императора и двора, таким образом создавался новый быт и новый характер управления 118 провинций империи.

Такая радикальная перемена сложилась в сущности, начиная с эпохи Диоклетиана, с III в. Верховному властителю не было надобности именовать себя народным трибуном. Уже при императоре

Клавдии II с римских монет сходят слова *tribunitia potestate* [власть трибуна], а в сущности только последняя и давала им верховную власть. Теперь власть обратилась к праву силы. Соответственно была изменена и финансовая система, введены новые поземельные налоги. Натуральные повинности были отменены. Для сбора поземельного налога вся территория каждые 15 лет делилась на равные участки, определявшиеся количеством голов и копыт; этот пятнадцатилетний период назывался индиктом, и для него определялись известные налоги. Способ взимания налогов был бесчеловечен и строг; обыкновенно не обращали внимания на то, что территория была опустошена неприятелями. За сбором приезжала целая армия чиновников. В начале каждого индикта являлись агенты, которые делали новую перепись. Если же при этом случалось, что владелец участка не мог заплатить налога, то за несостоятельного платил богатый, а господа за рабов. Горожане сами делались рабами, чтобы избежать податей и военной службы, так что по мере возрастания налогов возрастало и рабство. Крестьяне охотно записывались в зависимость к богатым землевладельцам и тогда уже не отправляли военной повинности и не платили податей. Такие-то поселяне, *adscripti ad glebam* [приписанные к земле], получили название колонов, а с варварского периода назывались вилланами — выражение презрительное, соответствующее, по позднейшей терминологии Московского государства, людям «подлым», низким. Но с возрастанием налогов увеличивалось число колонов и уменьшалось число свободных граждан. Из этих условий в средние века и развилось крепостное состояние. Что касается военной части, то она была преобразована Константином. Военные должности были отделены от гражданских. Гордость военная была унижена. Гражданские лица не только были приравнены к военным, но даже поставлены выше. В интересах верховной власти было разделить интересы общенародные и военные. Мало того, приток новых сил в войска уменьшился; число солдат в легионах было сокращено; вместо 6000 в каждом легионе оставили 1500. Это тяжело отразилось на положении поселян, они убегали к варварам. Зато и солдаты изнежились; их дисциплина была формальной, а не настоящей, не воинской. Следует отметить, что нижние чины армии в большинстве случаев были из варваров и тем более были чужды народу. Во времена республики легион получал полбу, со времени империи ему дают хлеб и мясо, а с конца III в. воины, кроме других съестных припасов, получают и

вино. Конечно, все эти издержки падали на народ, который еще содержал столь же многочисленную гражданскую армию. В этой армии каждый гражданский чиновник имел свой чин по табели. Самые близкие чиновники к императору стали называться *nobilissimi* [благороднейшие, выскороднейшие]; также титуловались принцы крови; придворные теперь именовались патрициями; сан консула сделался чином; далее шли *illustri* [светлейшие], *spectabiles* [великолепные], *clarissimi* [знатнейшие, яснейшие] и др. Но не заслуги давали чины, а произвол императора, который в любой момент какого-нибудь раба мог сделать «сиятельнейшим».

Экономические причины падения древнеримского общественного строя. Конечно, все эти гражданские и военные силы не могли придать прочности государству. Разумеется, империя была близка к падению сама по себе. Реформы, введенные Диоклетианом и Константином, могли только временно поддержать падающую империю; они не устранили главных причин падения. Никто не выразил точнее этого трепетного ожидания чего-то нового, чем Вергилий, который предчувствовал новый порядок тремя веками раньше. *Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo*, — говорит он в своей пророческой эклоге. Варвары должны были наследовать империи, а христианство — язычеству.

Необходимость перемены чувствовалась давно. Но в чем, собственно, будет состоять эта перемена? Приведут ли все эти преобразования к цели, или, будучи бесполезными, они останутся пустой формой?

Мы присутствуем при самых интересных моментах всемирной истории. Чтобы знать, почему эти преобразования не принесли желаемой пользы, надо вспомнить основы прежнего порядка. В прежнее время силу Римского государства составляли патриции с плебеями, но главным образом обуславливал могущество Рима поземельный надел. Чем больше был надел, тем больше силы приобретало государство. Каждый пролетарий был не гражданином, но орудием в руках других, вследствие чего плебс по мере лишения земель ослаблял государство. Обращение плебса в пролетариат подрывало не только значение плебса, но подрывало внутреннюю силу целого государства, а между тем ничто не могло защитить плебс от столь печальной судьбы. Чем больше увеличивались налоги, тем больше становилось безземельных. Трибуны недаром своими аграрными законами старались закрепить за плебсом преж-

ние земли. В руках плебса прежде находилась власть избрания на высшие должности, а теперь избирали только те, которые владели обширными поместьями. После этого республика падает; она пала, в числе прочих причин, и потому, что уменьшилось число избирателей. Во всей Западной Африке, по словам Плиния, при нем было только шесть крупных землевладельцев, которых Нерон приказал убить, желая воспользоваться их имуществом, о чем умолчали Светоний и Тацит. Крупная земельная собственность была менее производительна, чем мелкая. Настала империя... Она только прикрыла зло, но не изменила порядок вещей. Чем больше увеличивались налоги, тем сильнее развивался неимущий класс. Дурные императоры конфисковывали имения богатых, а самих владельцев казнили; хорошие властители приводили дела в порядок, но развитие крупной собственности порождало общее обеднение.

Другое не менее печальное явление представляет судьба городов. Города при республике, как и при империи, сохранили свое самоуправление, свою администрацию: они избирали куриалов и декурионов, которые составляли курию, соответствующую нашей думе. Эта курия была ответственна за подати. Сами куриалы взимали налоги, какие хотели, причем правительство не спрашивало, может ли город внести назначенную сумму казне. За недобор эти зажиточные граждане отвечали своим имуществом. Вот почему они постепенно беднели. Они старались отказываться от чести быть куриалами, но императорские эдикты не позволяли им уклоняться от этой обязанности. Богатые поневоле притесняли бедных до тех пор, пока сами не обращались в таковых же. Деньги, собранные для податей, они отдавали правительству, употребляя излишек на нужды города. При Константине существование этих зажиточных граждан стало совсем невыносимо. Тогда настало такое время, когда свобода перестала быть желанным благом. Приходилось отказываться от прав, от состояния, делаясь императорским чиновником. И землевладельцам, и горожанам их права стали в тягость. Многие прибегают к покровительству могущественных лиц, как к якорю спасения. Вот экономические причины, обусловившие падение империи и изменение учреждений.

Спрашивается — изменились ли эти причины при Константине? Реформы Константина не продлили существования западной части государства; они не могли придать жизни Западной империи, ибо здесь они представляли аномалию в сравнении с прежним по-

рядком. С каждым годом сила римских императоров становится все слабее, а варвары кажутся грознее. Наконец варвары как бы внедрились в империю. Вообще Римская империя не была чем-либо самостоятельным в истории. Эта эпоха была промежуточной пятивековой станцией между античной республикой и феодализмом. Древняя республика была известного рода системой со своим плебсом, патрициатом, распределением собственности. Феодализм также был системой с иерархическим распределением сеньоров, с сервами, новыми способами землевладения. Империя же не дала своей системы и потому существовала только до той поры, пока продолжалась дезорганизация, проявившаяся до нее. Вот почему реформы Константина не могли преуспеть на Западе, хотя они дали лишние десять веков Византийской империи, укрепив здесь принцип неограниченного самодержавия, развив его, в чем собственно и заключается историческое значение Византии — но все это потому, что на Восток не с такой стремительностью наступали варвары.

Христианство при Константине I. Таким образом, ослаблению Римской империи, а особенно ее западной части, содействовали две главные причины. Эти причины заключаются, во-первых, в изменении форм поземельной собственности, равно как в изменении условий и положения землевладельцев и горожан, и, во-вторых, в восточном характере абсолютной власти. То и другое противоречило основам античного государства. Обе причины вели к одному, причем абсолютная власть ускорила всеобщее расстройство, а не задержала его, как можно было ожидать. Опасность была сильнее в той части, которой больше грозили варвары. Когда новые германские дружины переплывали Рейн и начинали грозить Италии, перейдя Норические¹ Альпы, то положение провинций становилось безнадежнее. Чем слабее делалась империя, тем более усиливались способы нападения варваров. Когда силы Запада достаточно ослабели, а силы варваров достаточно усилились, плотина прорвалась и империя перестала существовать.

Но какую роль в этой борьбе играло христианство, которое таким чудесным и блестящим образом распространилось по империи?

Сначала христианство стояло в стороне. Оно не содействовало борьбе, стараясь только ослабить ее кризисы, одинаково просвещая

¹ Норик — местность к югу от Дуная. — *Прим. ред.*

учением любви и всепрощения и римлян, и варваров. Христианство в эту пору не обладало еще политическим значением. Когда Римская империя пала и почва ее покрылась тысячами обломков, христианское духовенство продолжало давать и побежденным и победителям один закон; то был закон взаимной любви. Не играя политической роли, христианство отделило свое дело от дела империи. Оно мечтало о небесном и мало интересовалось земным. Когда империя погибала под давлением решительного нашествия варваров, христианство всплыло на обломках разрушения и, соединившись с варварами, обратило их в свою религию. Западное христианское духовенство поставило пап рядом с королями, а потом само вошло в сферу феодализма. Но в то же время оно содействовало независимости духовной власти от светской, хотя не отказывалось от выгодных услуг последней. Это было уже заметно во времена Константина. Христианству было не до империи, потому что оно встретило в своей среде внутренних врагов, с которыми вступило в борьбу. Оно находило их в язычестве и в тех, кто позволял себе гностицизм, это соглашение колеблющегося разума с непостижимым, но основным догматом.

Здесь мы наталкиваемся на вопрос, почему язычество ослабело и уступило. Если бы мы захотели взглянуть в литературные источники этой эпохи, то увидели бы, что язычество господствовало над массой и в частной, и в общественной жизни, что оно продолжало жить духовными интересами, проявляя себя во влиятельных литературных произведениях. Оракулы по-прежнему занимали свое место в политическом строе. Известно, что во II и III вв. язычество вошло в соглашение с древней греческой философией; оно брало материалы для своего обновления где только могло и искало опоры даже в христианстве. Нравственно-религиозные поучения Максима Тирского, Златоуста, Деномакса и других возвещались под влиянием христианства. В IV в. мы наблюдаем, в числе прочих, весьма интересное движение. Язычество собирается с силами; оно не хочет без боя уступить место христианству. Конечно, оно уже не могло получить прежнего всеохватного значения. Тем не менее, образовалась языческая религия новой формации, по традициям и основам сходная с античной. Это новое интеллектуальное движение в области языческой религии, проявившееся совершенно в ином взгляде на древнюю мифологию, столкнулось с христианством и обусловило самый ход борьбы с ним. Это направление состояло в аллегорическом толковании древних мифов. Ста-

рые поэты, такие, как Гесиод и Гомер, пользовались величайшим почетом. Их читали, но понимали иносказательно. Теперь все мифологические подробности получили серьезный, даже священный смысл. На эти подробности, говорили тогда, нужно смотреть не прямо; в них надо видеть особые сокровенные стороны, из них следует заимствовать нравственные основы. Тот век, с какой бы стороны мы на него не смотрели, представляет сильное стремление к религиозному обновлению. Науки и литературы в нашем смысле, т. е. светской, в то время не существовало; все сосредоточивалось на объяснении религиозных вопросов. Христианство, помимо своей божественной сущности, преуспело и оттого, что необходимость религиозного обновления чувствовалась всеми. Верующий язычник имел такую религию, которая не удовлетворяла его нравственное чувство. У тогдашнего язычника недоставало твердой нравственной опоры, чем было так сильно христианство со своей возвышенной моралью. Язычнику также была необходима поддержка, которую он тщетно искал в своей религии и не находил. В этом-то и заключалась существенная причина победы одного культа над другим, победы христианства над язычеством. Поучения греческих философов могли влиять только на высший класс, образованных людей, между тем как христианская нравственность была руководящим началом для всех; она одинаково связывала между собою и христианина, и язычника; перед ней были равны великий и малый, самый последний из рабов и богатейший оптимат, невежда и образованный. Нравственность не всегда порождает высокую умственную культуру; тогда как умственное развитие более или менее обуславливает известную нравственную высоту. Таким образом, для деятельности христианства почва была подготовлена предварительной умственной культурой. Потому победа религиозных чувств в христианстве становилась высоким прогрессивным явлением. Облегчаемое нравственной работой, христианство в свою очередь облегчало ее.

Ереси в христианстве. Если христианство могло восторжествовать над эллинизмом, то оно могло также победить и иудейство. Но вместе с тем христианство, побеждая язычников, внутри себя образовало много ересей. Эти ереси, явившиеся в IV в., обуревавшие тогдашнюю церковь, сложились под влиянием философских систем эллинизма и иудейства. Кроме того, большую роль играло учение Мани — это извращение персидского мисти-

цизма, отголосок мыслей Зороастра. Учение это проповедовало борьбу двух начал в мире: духовного и телесного, доброго и злого, Бога и Сатаны. Это учение обладало немалым значением в средние века и породило много ересей.

Нам нужно несколько подробнее познакомиться с манихейством и начать с того момента, когда оно только что стало зарождаться.

Манихейство. Корень этого учения находится в степях средней Азии. Родившись в Индии, в начале III в., Мани провел большую часть жизни среди магов Персии, неоплатоников и гностиков Александрии. Из далекого Востока этот страстный эклектик, полуязычник, полухристианин, полубрамин, принес с собою в Европу понятие о борьбе двух начал, демонов добра и зла. Он готов был верить в Ормузда и Аримана, как искренне верил в каббалу и магию. Посвятив себя всецело поприщу и славе творца новой религии, он отказался от торговых дел, от своих богатств и весь отдался христианскому богословию, греческой науке и еврейской каббале. Также заметно влияние на его систему Эмпедокла и Пифагора. Но более всего Мани сосредоточился на изучении христианства. Вообразив себя призванным свыше очистить испорченное христианство, он назвался «*παράκλητος*», т. е. «утешителем». Книги евреев и Евангелие христиан он судил с высоты собственной теософии. Он отвергал Ветхий Завет целиком, как творение божества второстепенного; Новый же подверг критике и, многое отбросив, составил собственное Евангелие, которое после выдавал за посланное с неба. Он не всегда верил откровению, а всегда предпочитал философию античных мудрецов. Из своей колыбели, из пределов Индии и Китая, Мани вынес пантеизм, который был так присущ всем гностическим сектам. Он говорил, что не только причина и цель всего существования в Боге, но равным образом и Бог пребывает везде. Все души равны между собой, а Бог присутствует в них всех. Такое одухотворение присуще не только людям, но и животным; даже растения не лишены его. Но старый азиатский дуализм несколько омрачал это благородное воззрение Платона.

Повсюду на земле, толковал Мани, нельзя не видеть преобладания или добра, или зла; примирение — это вымысел, в действительности его не существует. Добрые и злые существа уже враждебны по самой своей природе, с самого дня своего рождения. Так как в добрых и злых явлениях, физических и моральных, нет ниче-

го общего, то они поэтому должны происходить от двух различных корней, быть созданием двух божеств, двух великих духов, доброго и злого, собственно Бога и Сатаны, ему враждебного. У каждого из них есть свой подвластный ему мир; оба они внутренне независимы, вечны и враждебны между собою, враги по самой природе своей. Князь тьмы творит Адама; Бог света дает ему разум. Адам принадлежит одинаково двум богам; оба начала ведут в нем свою вечную борьбу. Очищение, освобождение от привязанностей земных, чистота и святость жизни — вот цель бытия. Видимый мир, как и первый человек, исполнен поэтому тех же противоположных элементов; в нем все степени истечения существ; из него постоянно должна извлекаться материя. Между тем, когда грехи в мире увеличились и наслаждения рода человеческого стали обильны, Бог света, ревнуя о торжестве своего царства, решился сам идти на спасение рода человеческого. Тело его было лишь видимым, призрачным. Христом, Мессиею он назвался, чтобы исполнить давнишние ожидания евреев. Князь тьмы, напуганный торжеством побед нового Освободителя, устроил так, что евреи распяли его. Смерть Христа, хотя только призрачная, послужила символом освобождения всех душ. Освобождение от привязанностей земных, чистота и святость — цель бытия, поэтому душа человеческая, не очистившаяся полностью, помраченная земными удовольствиями, переходит в другое тело, дабы опять посвятить себя очищению, совершенствованию. Тогда уже, после этого нового переселения и блуждания по другим телам, душа продолжает очищаться в царстве луны, в озере, в течение пятнадцати дней; это небесное крещение водою. Затем душа очищается в царстве солнца и, как бы промытая и прожженная, допускается к созерцанию Бога; это небесное крещение огнем. Тогда наступает великое бесконечное царство духовное; душа достигает верха блаженства; она свободна от тела. Все души призваны со временем занять свое место в царстве добра после известной борьбы; демоны же тогда будут заключены в свои жилища. Когда все люди очистятся, тогда вся материя, лишенная всякого света и постороннего влияния, будет превращена огнем в мертвую массу и начнется блаженное царство духа. Воскресения мертвых Мани не признавал и твердо придерживался воззрений дуализма.

Такова была манихейская философская система, эта дуалистическая церковь, которая просуществовала все средние века.

Манихейство было особенной религией, как бы параллельной христианству, исходившей только из материалов, знакомых христианству, но создавшая чуждые ему фантазмы.

Хотя в 274 г. Мани, основатель секты, погиб мучительной смертью от рук персидского царя, осужденный магами, однако манихейство стало настолько широким на Востоке, что еще до открытого распространения христианства оно стало появляться то под видом иудейства, то под видом христианства, то под видом сделки с язычеством. Церковные обряды и ортодоксальные приемы способствовали распространению манихейства. Манихейцы принимали и крещение и причащение, но только как простые обряды, в память о словах Спасителя: «Аз есмь источник воды живой». Для своих последователей Мани являлся то Зороастром, то Буддой, то Митрой, то, наконец, Христом. Как мы увидим, влиянию его мыслей трудно будет определить пределы. Мощество его духа проявляется тем решительнее, тем ярче, что целая система была плодом лишь личных и исключительных его соображений. Дуализм видоизменялся и развивался в разные эпохи путем самостоятельного творчества, но в первой своей манихейской форме, притом самой влиятельной, он был во всяком случае делом одного ума.

Присциллианство. В то время как идеи Мани получили обширное применение на Востоке, на Западе, в особенности в Аквитании, утвердились идеи его ученика Присциллиана. Испанец родом, будущий аквилейский епископ, Присциллиан учился в школах Мемфиса и Киренаики. В противоположность Мани он всегда хотел исходить из христианских понятий, хотя, желая уяснить их, он не подчинялся ни теориям гностицизма и манихейства, ни учению Савеллия в догмате о Троице. Особенно он развил учение о загробной жизни на звездном небе. Строгая жизнь, воздержание от мяса и вина, посты, молитва и целомудрие — все это привлекало к Присциллиану массу последователей, жаждавших совершенствования. Вообще еретики, в этот век разложения Западной империи, представляли корпорацию более образованную, более крепкую своей нравственной силой. К ним часто обращались лучшие умы того времени. Многие риторы, поэты, ученые, весьма знаменитые женщины, наконец, священники, епископы принадлежали к этой секте, блиставшей дарованиями и красноречием своих основателей. Их распространение было до того широко, что скоро пришлось

действовать против последователей Присциллиана мерами строгости и соборами. В Сарагосе, в 380 г., учение Присциллиана было осуждено и семь его учеников были сожжены по приказанию императора Максима, что тогда было делом новым и подало пример для последующих сожжений еретиков.

Борьба с еретиками в IV в. Христианское духовенство, пользуясь покровительством Константина, с первых же дней своей самостоятельности приобрело особенную склонность часто прибегать в светскому мечу против еретиков и отпадших от церкви. К этому побуждали его быстрые успехи арианства. Если бы историк захотел определить, где нужно искать начало этих гонений, то он встретился бы с большим затруднением и скорее всего указал бы, что его следует искать в восточном влиянии. Сам Константин, хотя и сочувствовал христианству, однако из политических соображений и расчетов долго одинаково безразлично относился к христианству и язычеству. Когда он призывал к терпимости православных епископов, то ставил им в пример терпимость языческих философов. Известно, что Константин, вмешиваясь в христианские распри, вступая в споры о Троице, оставался в то же время язычником и крестился только за несколько недель до смерти. Почти до самой своей кончины он считался *pontifex maximus, dominus* и даже *deus*, а первые два выражения были отчеканены, по его приказанию, на римских монетах. На колонне, им же поставленной в Византии, были изображено солнце с головой Константина, вокруг чела которого в виде сияния были прибиты гвозди от креста Спасителя. Монограмма с именем Христа уже украшала военные орлы и знамена; гвоздь из креста Спасителя император носил, как святыню, на своем шлеме, однако статуе повелителя по-прежнему воздавалось языческое поклонение. Вообще, долгое время колебание в религиозных вопросах составляло отличительную черту характера Константина и его двора. Но, мало-помалу, христианские пресвитеры, указывая на беспорядки, происходившие в восточной церкви, обращали его внимание к христианству и привлекали на свою сторону. Христианскому духовенству сперва не было важно, искренен ли император по отношению к христианству или нет; ему нужны были только его администраторы, его войско для дальнейшего распространения святой веры. Сначала несогласия в церкви не были ощутимы. Христианские мученики, пострадавшие за веру, были для

христиан предметом подражания. Но явился вопрос: как быть с теми, которые во время Диоклетианова гонения отреклись от истинной церкви, и могут ли они снова быть приняты в церковь? Римский епископ Новат разрешил этот вопрос в отрицательном смысле еще в III в. Наконец затронули догматические основы. Явилась ересь Савеллия. Вследствие этого стали спорить о сущности Христа, о тысячелетнем царствии Его на земле, о вторичном крещении. Но настоящая опасность для церкви была еще впереди. В 320 г. заговорил священник Арий.

Арианство. Тот дух ненависти к расколу, дух нетерпимости к другим вероисповеданиям, который проявился в христианстве в IV в., не мог быть заимствован у прежних религиозных условий язычества. Известно, с какой свободой относилось официальное государственное язычество в другим религиям; римские боги были дружны со всеми культами, за исключением христианского, к которому государственная религия питала инстинктивную ненависть. В этом случае язычество точно угадывало опасность, грозившую подорвать в корне самое его существование. Следует отметить, что христианство распространилось первоначально на Востоке, в жарких странах — в Сирии, Египте, Палестине, — где духовенством руководил энтузиазм, который не успевал обдумывать все последствия. Страсти Востока, его увлечения, нетерпимость, ему свойственная, коснулись и религии. Новая религия, со своими высокими доселе неизвестными принципами, охватывала все существо этих страстных людей, этих неофитов, которые из-за нее терпели некогда ужаснейшие мучения, когда были гонимы и слабы. Эти чувства вызывали к мести, к разрушению языческих алтарей, к преследованию жрецов, а отсюда было уже недалеко до нетерпимости ко всяким отклонениям от христианского же верования большинства. Между тем, в Африке, на руинах Александрийских философских школ, естественным образом появились попытки критики новой религии, восстановления ее догматов. Там издавна относились с любовью к философским приемам в религии. В Александрии были особые кафедры для объяснения Священного Писания. Одну из них занимал священник Арий, высокий, худой, монах по виду, аскет по жизни, философ по образованию, всегда серьезный, человек замечательно твердого характера. Он не был любим, но тем не менее пользовался большим влиянием на паству и духовенство. Его

считали кандидатом на епископское место в Александрии, но этому препятствовало весьма серьезное обстоятельство.

В учении Ария были много остатков древней философии, а это не согласовалось с обязанностями епископа, призванного не рассуждать, а охранять неприкосновенность церковных догматов. Кроме того, Арий славился снисходительностью ко многим уклонениям от религиозных истин и препятствовал преследованию сектантов. За это Арий, будучи еще диаконом, был изгнан из города по приказанию Александрийского епископа Св. Петра, который мученически погиб во время гонения Диоклетиана. Преемник Петра, Ахилл, простил Ария, дозволил ему возвратиться и дал ему сан пресвитера. Многие думали, что Арий будет поставлен епископом Александрийским после Ахилла. Но когда на епископскую кафедру Александрии был избран другой кандидат, Александр, то в душе Ария вспыхнуло негодование и он стал искать громкой славы, домогаясь известности основателя секты. Слава ересиарха манила его. Он вступил в препирательство со своим епископом в скользком и трудном, хотя и существенно важном вопросе о происхождении Сына. В одной из своих проповедей, епископ Александрии упомянул о том, что Сын Божий имеет ту же сущность, как и Бог Отец. Арий стал учить, что Сын создан и сотворен и потому-де не имеет той же сущности, как Отец. Александр призвал Ария и старался разубедить его, по старания его были тщетны. После беседы с епископом Арий стал еще непреклоннее. Он быстро приобрел сторонников и насчитывал за собою не только массу светских лиц, но еще трех пресвитеров и двенадцать диаконов.

Новое учение стало быстро распространяться по Ливии и Египту. Александр обратился к соборам, из которых один не пришел ни к какому заключению, а два другие осудили Ария и его ересь. Осужденный Арий отдал свое вероисповедание на суд всей церкви. Христианство тогда было уже терпимой религией, даже торжествующей, хотя не официальной государственной. Восток взволновался и разделился. Арий приобрел еще защитников своего учения в лице нескольких влиятельных епископов. Такое положение дел продлилось бы долго, если бы не вмешательство и не поддержка со стороны светской власти. Дело Ария стало не только делом христианской общины, но и делом Римской империи. Христианская Александрия разделилась на две части — христиан православных и ариан. Епископ Александр предъявил целый том писем от частных лиц, своих

единомышленников; Арий же хвастал, что обладает столькими же документами. Христиане спорили в домах и на площадях о единственности Сына с Отцом. Язычники осмеивали споры христиан, выставляя их в комическом виде на театральной сцене.

Понятно, что такие обстоятельства могли вызвать вооруженное столкновение язычников с христианами. Вот почему Константин, опасаясь беспорядков и нуждаясь в единодушии христиан для своих политических видов, решился прекратить спор, тогда как в первые годы своего царствования он нерешительно относился к раздорам, раздиравшим христианскую церковь. Евсевий, епископ Кесарийский, оставил нам историю времен Константина и его биографию, в которой мы находим много важного для истории арианства. Надо, однако, помнить, что историк сам долго склонялся на сторону Ария. В биографии Константина находятся, в числе прочих, документы об отношениях светской власти к духовенству, которому издавна покровительствовал император, сознавая его силу, признав в нем особое сословие — клир, наградив недвижимым имуществом, правом собственного суда по религиозным и брачным делам, освободив от налогов, муниципальных обязанностей и военной службы, одним словом, поставив христианское духовенство в привилегированное положение.

Константин смотрел сначала на эти раздоры глазами философа и считал основание религиозных несогласий ничтожным. «Узнав причину этих раздоров, — писал он епископу Александру, — я удостоверился, что она неважна и недостойна возбуждать столько разногласия. Я принимаю на себя обязанность посредника и примирителя. Если бы причина спора была серьезной и значительной, то я и тогда бы надеялся прекратить его, обратясь за решением к людям благочестивым и разумным. Тем более могу надеяться на успех примирения, когда причина столь ничтожна». Император по-своему глядел на дело. Примечательно то обстоятельство, что церковь принимала к сведению и придавала значение мнениям императора-язычника. «Ты, Александр, — продолжает Константин, — напрасно предложил пресвитерам неуместные вопросы, а ты, Арий, высказал мнение, которое не следовало бы иметь, а если таковое имеешь, то хранить при себе. Вы должны сделать взаимные уступки. Ни тот ни другой из вас не желает сделаться основателем новой религии. По сути вы согласны. Сделайте же уступки. Вы не должны разделять народа христианского столь тщетным

спором. Возьмите пример с философов. Их школы не разделяются вопросами второстепенными, в которых последователи их не совершенно согласны. Тем более так должно быть в вашей церкви». Новые церковные историки — Неандер, Гизелер, Гетте, англичанин Мильман — полагают, что этот рескрипт был написан под влиянием Евсевия, епископа Кесарийского, но рескрипт этот мог выйти из-под пера императора и помимо Евсевия. Евсевий, хотя и был в дружественных отношениях со многими из ариан, но тем не менее не одобрял распри и резко негодовал на ту и другую сторону.

В деле примирения спорящих сторон принял участие римский пресвитер, а потом епископ кордуанский Осий. Факт этот важен ввиду того, что впоследствии папы и защитники папской системы усматривали в нем предпочтение, отдававшееся Римскому епископу уже в то время. Осий отвез рескрипт императора в Александрию; ему же поручено было принять дисциплинарные меры, вызванные положением дел.

Александрийский Собор по приезде Осия и получении письма императора счел нужным отлучить Ария, который удалился в Палестину и там продолжал распространять свое учение. Император, видя, что несогласия в христианстве продолжаются, что оно не перестает делиться, все более и более принимает участия в делах церковных. Император-язычник, глава языческой церкви, берет на себя право созывать собрание христианского духовенства.

Первый вселенский собор. В 325 г. в Никее, в Вифинии в пределах Малой Азии, состоялся собор, на котором присутствовало 318 епископов, и «нельзя было определить числа пресвитеров и диаконов». Сюда же явился сам император. Никея была центром восточной части империи; Византия пока еще не была объявлена столицей. *Евсевий, Геласий из Кизиков, Афанасий Александрийский* оставили нам трактаты о Никейском соборе. Кроме свидетельств Евсевия и Афанасия, мы располагаем также относящимся к тому времени «церковными историями» *Сократа, Созомена и Феодорита*, которые говорят, что собор этот украшали не только святители, но и чудотворцы¹. Члены Никей-

¹ История *Евсевия* доведена до 324 г., *Сократа Схоластика* до 439 г., *Эрмия Созомена* до 423 г., *Феодорита* до 427 г., *Никифора Каллиста* до 610 г. Все они писали по-гречески; один *Руфин* продолжал историю Евсевия по-латыни до 395 г.

ского собора представляли собою сонм мучеников; у одного были отрублены обе руки, у другого сожжены ноги, у того вырваны оба глаза, у иного обрезаны веки. Это был как бы синклит подвижников, истерзанных и изможденных страдальцев за веру Христову, которые своими язвами служили живым упреком для язычников. Но ни присутствие императора, ни святителей православной церкви не помешало греческим философам явиться в Никею и до открытия собора вступать в споры с христианскими пресвитерами и епископами. Христианские историки признают, что пастыри церкви православной с трудом защищались против эллинской риторики. Не желая и не будучи в состоянии бороться на поприще диалектики и философии с софистами, пресвитеры покончили с ними довольно лаконически. Они сказали: «Ни Христос, ни апостолы не учили нас ни философии, ни диалектике; они преподали нам простое и понятное учение, которому мы и следуем».

Сперва Константин потребовал у епископов, как председатель, объяснения, но потом отказался быть их судьей, предоставив это дело собору, на заседаниях которого присутствовал. Католические историки стараются доказать, что на соборе председательствовал Осий, в качестве легата Римского епископа. Однако председателей было несколько, но старшим из них был Евстафий, епископ Антиохийский. Известно, что собор 325 г. осудил Ария и его учение и изложил символ веры, которому до настоящего времени с буквальной точностью следует восточная церковь. Ересiarх отказался подписать постановление собора и был сослан с запрещением когда-либо возвращаться в Александрию. Но партия Ария не пала, ибо против него было употреблено насилие; в глазах своих последователей он был мучеником за веру. Ссылка Ария возбудила вражду между христианами и сектантами, число которых стало стремительно возрастать. Целые народы стали следовать арианству. Несмотря на поддержку светского меча, православие еще долго боролось с арианством. В 326 г. Константин посетил Рим, который тогда был еще столицей и средоточием языческого мира. Столица встретила императора холодно; холодность эта перешла скоро в открытую ненависть. Император хотел употребить против этого силу, но в это время он услышал от своей жены Фаусты о мнимом заговоре, во главе которого будто стоял его сын Крисп. Не разобрав дела, император приказал казнить Криспа. Когда же Елена, мать Константина,

разъяснила ему, что никакого заговора в действительности не существовало, но что все это интриги развратной Фаусты, то последняя была задушена в бане горячими парами. Тогда, как бы желая умиловить дотоле неведомого ему христианского Бога, Константин начинает строить храмы. Так им была построена в Риме церковь Св. Петра на том месте, где позже, в XVI в., был заложен знаменитый собор; тогда же была сооружена церковь Св. Павла, а также Св. Агнессы над катакомбами, где до сих пор находится много нетронутых могил христианских мучеников.

В этом посещении Рима Константином кроются факты весьма важные в истории гегемонии пап. Мы остановимся на двух из них: во-первых — на дарственной записи и во-вторых — на факте крещения Константина, о котором говорят подложные акты, приписываемые Св. Сильвестру.

Подложные римские документы. По римско-католическим преданиям, Константин в 326 г. не только снабдил собственностью храмы, которые он сам построил, но и дал право неограниченной власти Римскому епископу над Римом и Италией. Понятно, что защитить, доказать эти положения весьма трудно; они противоречат сами себе. В этом дарственном акте не согласуются даже хронологические данные; в нем нет внешней вероятности. Документ от 311 или 313 г. В нем, например, Римский епископ называется папой и отцом отцов, верховным первосвященником, *papa universalis*; между тем известно, что это название возникло гораздо позже; в нем упоминается о патриархе Византийском, тогда как Византия была основана в 330 г., а патриархат Византийский явился не ранее 381 г.; в нем упоминается о Никейском соборе, бывшем в 325 г., тогда как самый акт помечен 313 г. Далее говорится, что Константин отдал Рим и весь запад Римскому епископу, между тем известно, что то и другое было отдано императором сыну своему Константину II и, конечно, он не мог завещать два раза одно и то же разным лицам. Из того факта, что в записи говорится о божественной силе папы, о его власти над христианским миром, можно заключить, что акт этот написан в VIII в. Что касается крещения Константина в Риме, то это также невероятно, ибо известно, что император не решался креститься до последних дней своей жизни, всесторонне изучая новую веру. В Риме, около Латеранского собора, показывают даже купель Константина, т. н. баптистерию, безусловную выдумку. Кроме того, весь акт изложен дурным латин-

ским слогом со множеством ошибок. Это стараются объяснить тем, что первоначально акт был написан на греческом языке, а потом переведен на латинский. Но несомненно, что никогда Константин не издавал официальных документов по-гречески. Очевидно, что акт этот сочинен впоследствии.

Распространение арианства. В Азии и в Египте продолжало развиваться арианство, борьба с которым становилась все труднее и труднее. Даже среди родственников и придворных Константина было много ариан. Вражда, несмотря на увещевания императора, с каждым днем увеличивалась, и дело доходило даже до грязных скандалов. Иногда женщины являлись на собор и обличали епископов в прелюбодеянии, чтобы тем подорвать их авторитет. Так было, например, с Афанасием Александрийским, который был сослан императором в бельгийский Трир в угоду арианам. Сам же Арий Иерусалимским епископом был принят в церковь. Теперь и на Западе был возбужден арианский вопрос. В Константинополе Арий надменно оправдывается перед императором. Уже назначен был день состязания между никейцами и арианами к великому соблазну церкви. Внезапная смерть Ария на улице помешала этому, но не прекратила вражды.

Последние меры Константина по отношению к христианству; его крещение и кончина в 337 г. Если верить арианским толкам, ^{записанным современниками}, то Константин имел намерение созвать новый собор, отменить символ веры и отдать победу арианам, но умер, лишь случайно не исполнив этого мнимого намерения. По другим противоположным и более верным в глазах критики сведениям, Константин, ввиду внезапной смерти Ария, глубоко потрясенный, склонился еще более на сторону христианства, он предвидел, что христиане, приобретающие тысячи прозелитов, одолеют, и встал решительно на сторону последователей Христа, руководясь соображениями высшей мудрости. Церковные раздоры надоели императору. Сперва он хотел угодить той или другой стороне, но желание водворить порядок взяло верх и повело к тому, что он обнажил светский меч в делах церковных. Незадолго до смерти он издал суровый эдикт против еретиков, отлученных римской церковью. Еретики по этому эдикту лишались возможности пользоваться правами, предоставленными церкви христианской; им было запрещено собираться в публичных местах; их возбранялось допускать к муниципальным долж-

ностям; книги у них были отобраны, а церкви закрыты. Но примечательно, что в этом эдикте не говорится об арианах; это показывает, что император надеялся на обращение последних. В то время, находясь под влиянием христианских идей, окружив себя епископами, допуская разрушение и закрытие языческих храмов, повелев строить церкви в Палестине, приказав праздновать воскресный день, Константин хотел водворить в империи христианскую чистоту нравов, хотя бы с внешней стороны, связав всех в одно общество. Христианство было великой созидательной силой; оно, можно сказать, создало семью, запрещая разводы, вселяя в детей уважение к родителям. Константин старался ввести эти христианские понятия в римскую античную семью, как бы предполагая возможность уничтожения последней. Он ограничил разводы, которые тогда распространились до такой степени, что супружеские узы, считаясь формальными, не существовали в действительности. Он издал указ, которым ограничил разводы, и тем выразил уважение в христианству, взяв при издании закона в руководство христианское учение, порицающее развод. По этому закону женщина могла требовать развода с мужем только тогда, если уличала мужа в отравлении, в убийстве или же разрытии могилы, что составляло в то время довольно распространенное преступление. Если же она разводилась с мужем по другим причинам, менее важным, то лишалась своего имущества, которое предоставлялось в собственность мужа, а сама отправлялась в изгнание. Муж в свою очередь мог также требовать развода с женой тогда, когда уличал ее в прелюбодеянии и разврате; иначе он мог развестись только с условием возвращения приданого и обязательства не вступать в новый брак. Хотя положения эти были не вполне согласны с евангельским учением о нерасторжимости брака, однако они все-таки сближали общество с христианским воззрением и заставляли выше ценить брачные узы.

Когда сам император перед смертью, уже больной, около Троицына дня 337 г., принял, наконец, христианство в Никомедии от рук епископа Евсевия, то оно сделалось господствующей религией; весь двор, все приближенные целыми семействами последовали примеру государя и крестились. «Теперь нет больше колебаний», — произнес император при крещении, и по его слову бесповоротно направились духовные судьбы исторического мира. Он умер на 65-м году жизни. Его память чтили одинаково и хри-

стиане, и язычники. Последние оказали ему божеские почести, а церковь превознесла его как основателя христианской империи, чувствуя наименованием Великого и Равноапостольного.

2. Первые преемники Константина и упрочение христианства

Император Константин I оставил уже христианских наследников. После смерти его империя разделилась между тремя сыновьями: старшему сыну, носившему отцовское имя Константин, был отдан Запад, т. е. Галлия, Испания, Мавритания и Британия; Констанций получил Восток и Египет, а самый младший Констант — Италию, Иллирию и Африку. Но перед этим разделом два племянника Константина, Далмаций и Аннибалиан, которые управляли отдельными провинциями, погибли от рук солдат. При этом были задушены пятеро племянников покойного императора. Два сына Далмация были пощажены. То были Галл и Юлиан, которые укрылись под церковным алтарем. Их воспитывал Евсевий, епископ Кесарийский, который возвел их обоих в звание чтецов церковных. Одному из них, а именно Юлиану, предстояла громкая, но печальная будущность.

Борьба между сыновьями Константина. Настало время раздоров, преступлений и убийств при императорских дворах, и церкви пришлось умиротворять эти дикие страсти. Но все три императора не отличались высокими достоинствами. Замечено, что достойными наследниками римских императоров редко бывали их дети, а чаще лица, избираемые и усыновляемые императорами. Старший сын, которому было двадцать лет, больше других напоминал отца храбростью, стойкостью, хотя значительно уступал ему в политических и государственных талантах. Констанций был орудием в руках своих приближенных и друзей, которые льстили его самолюбию и этим портили его характер. Из братьев младший Констант полностью посвятил себя удовольствиям. Они были убежденными христианами того или другого направления. Раздоры христианской церкви послужили причиной раздоров между братьями. Несмотря на это, христианство осуществило величайшее завоевание. В его истории свершился акт огромного значения. В 341 г. на Востоке Констанций прекратил существование язычества декретом: *cesset superstitio, sacrificorum aboleatur insania*, «да престанет

суеверие, да прекратится жертвенное безумство»... Это был окончательный поворот к новому порядку.

На Западе продолжали действовать прежние политические и церковные условия, но официально они просуществовали не менее пятнадцати лет. Тогда в каждом доме были раздоры; они происходили между христианами и язычниками, но еще более обострялись между самими христианами. Отец держался никейского вероисповедания, сын арианского, а мать следовала какой-либо другой христианской секте. Только один молодой император Константин II оказался истинным и верным христианином. Он возвратил Афанасия из ссылки, в которой тот томился в бельгийском городе Трире. Ариане, конечно, сильно вознегодовали, но до времени затаили свою месть к католикам.

Единовластие Констанция и реакция арианства (351—361). Они усилились, когда Константин был убит в борьбе с Константом и когда Констанций, повелитель Востока, открыто принял арианство. Константин II еще мог бы удержать католицизм на Западе, куда с трудом проникало арианство, благодаря решительной и энергичной оппозиции римских епископов. Но Констант, победив старшего брата Константина, захватил весь Запад. К несчастью, Констант погиб в борьбе с франками и с Магненцием, который, убив императора, провозгласил сам себя императором Италии, Африки и Британии. Это был дурной прецедент. Но варвар недолго был императором Запада.

Понятно, что империя, пока была сильна, должна оказывать сопротивление варварству. Констанций выступил против Магненция, разбил его в 351 г. недалеко от Дуная и Савы при городе Мурсе, нынешнем Эссеке, на территории нынешней Словении, где дрались целые армии Востока и Запада. Затем он преследовал и в следующем году настиг его в Галлии, на берегах Дюрансы, где Магненций погиб. Констанций стал, таким образом, единодержавным императором. Тогда он эдиктом объявил язычество уничтоженным повсюду в пределах Империи и в 353 году, в начале своего единодержавия, назначил смертную казнь за принесение языческих жертв богам; но для Рима пришлось сделать исключение. Следствием крутых мер Констанция было то, что толпы язычников обращались в христианство поневоле и без сердечного убеждения в истинности его. Постепенно язычники удалялись из городов в свои *pagi*, отчего получили название *pagani*, что собственно значит «сельчане, крес-

тьяне». Известно, в каком смысле это слово перешло в русский язык. Но император, хотя и христианин, был сторонником арианства. Надо заметить, что он многим был обязан одному талантливому священнику, который наставлял его в ереси. Благодаря императору, авторитету его личности арианство крепко привилось среди императорского двора и в императорском семействе. Император посылает арианского священника в Александрию, но его народ не принимает; несмотря на возмущение, административная власть водворяет его и арианский епископ всходит по трупам на Александрийскую кафедру. Афанасий выступил на защиту православия и борется в Египте и Африке. В отчаянии он обращается к Римскому епископу Юлию, который созвал собор для разбора обвинений, взводимых на Афанасия его врагами и для решения вопроса о том, должен ли Запад оставаться в общении с ними и с арианским епископом Александром. Этот собор послужил новым поводом для римско-католической гордости, хотя тогдашний папа Юлий и не думал возвышать свою власть, а тем менее претендовал быть всеобщим судьей.

В то время церковь не имела ни малейшего понятия о верховной единоличной власти над собой. Единственным церковным судилищем в каждой провинции считался собор. Сперва эта власть была просто почетной, но, по постановлению следующего собора в 345 г. в Сардиках, было предоставлено римскому епископу решить спорный вопрос, т. е. или утвердить первое решение римского собора, или передать дело на обсуждение епископов смежной провинции. Этого постановления достаточно для прежних и нынешних защитников папской гегемонии. Действительные причины возвышения пап объясняются, таким образом, сами по себе, что будет видно из дальнейшего изложения.

Возвышение римской церкви. Обособление константинопольской церкви поставило на Западе высоко римскую церковь, как столичную, как освященную трудами Св. Апостолов. На Востоке святыни и воспоминания были рассеяны во множестве, но не так было на Западе. Понятно, что на Западе взоры христиан не отделялись от Рима еще в то время, как христианская церковь жила общей жизнью. Восток был чужд Западу. Вообще на Востоке привыкли равнодушно смотреть на Рим, не думая придавать какое-либо значение римскому епископу. Афанасий, восточный епископ, обращаясь к суду римского епископа, сам того не замечал, что этим усиливался авторитет папы. Он не думал, что рим-

ский епископ воспользуется этим незначительным фактом для того, чтобы упрочить за своей епархией главенство и право верховного церковного судилища и что на нем римская церковь будет основывать свои мировые претензии. Сам по себе римский престол был богаче других благодаря пожертвованиям, щедро приносимым со стороны богатых граждан. Из-за этого престола дрались партии, и люди умирали сотнями, обагрывая пороги храмов. Гладиаторы, наездники и всякий сброд вместе с монахами принимали участие в выборах епископа. Понятно, что римский епископ и клир не служили образцом нравственности, когда церковь окончательно восторжествовала при Констанции. Но к счастью римской церкви, там вовремя явилось монашество и своей конкуренцией побудило духовенство несколько исправиться, составив из себя корпорацию, одушевленную одним духом.

Иероним, основатель западного монашества, прибыл из Константинополя в Рим в 382 г. Он видел разногласия тамошнего духовенства; он открыто заявлял, что духовенство безнравственно; он же требовал от духовных лиц девственности, если они хотят сохранить свое влияние на общество. Тогда из духовных лиц одни оставались безбрачными, а другие вступали в брак, лишаясь из-за этого хорошей церковной карьеры. Наконец в Риме составляет убеждение, что нужно иметь одного главу, к которому можно было бы обращаться для решения спорных вопросов. Эта самая идея, распространившаяся в обществе, более всего способствовала гегемонии пап. Восточная система решения богословских вопросов соборами считалась на Западе неудобной. Действительно, что можно было разобрать в арианском вопросе, когда в IV столетии было 30 соборов против Ария, 15 за него и 17 склонилось на ту и на другую сторону. Отсутствие единого главы, отсутствие авторитетной разрешительной инстанции было причиной того, что варвары, желавшие принять христианство, не знали, где истина, принять ли веру никейскую или арианскую. Вместе с тем давление византийского двора на местные епископские кафедры привело к тому, что этот престол стал предметом раздоров и кровавых междоусобиц. Так, новый ересиарх Македоний силой захватил византийскую епархию, пройдя по трем тысячам трупов на ее ступени в 360 г. Между тем, Македоний не только говорил, подобно Арию, что Сын ниже Отца, но и отвергал божественность Святого Духа. Своей жестокостью он навлек на себя нена-

висть Констанция и был свергнут, но как могли считать на Западе авторитетной руководительницей ту церковь, главный пастырь которой ссылал православных¹, разрушал их храмы, выступал на них с оружием. Поднятый вопрос о Святом Духе занял умы так же, как раньше вопрос о Сыне Божиим. Православное учение о Св. Духе защищали Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Богослов. Запада не коснулись препирания по этому вопросу.

Таким образом, принцип римского единовластия мог сам собою упрочиться на Западе: в подложных актах в римских интересах надобности не было; они только дискредитировали дело; рост папства объясняется, таким образом, сам по себе...

Монашество и отшельничество в восточных церквях. Наряду с этим мы наблюдаем на Востоке другое явление. Из-за преобладания монашества, подвижничества и под влиянием восточного мистицизма, склонности к созерцанию здесь христианство было понято больше с отрицательной стороны. Страстный человек на Востоке от наслаждения жизнью быстро переходит к покаянию и аскетизму. Здесь христианство скоро стало поэзией могилы, религией страданий, полнейшего отречения от мира, монашества, аскетизма. Великие учителя православной восточной церкви, такие, как Василий Великий и его брат Григорий из Ниссы, проповедывали, например, презрение ко всем заветам искусства, с которыми неразлучно сроднился Древний Рим. Для них только природа, только вселенная с ее звездами, этими «цветами ночи», заслуживала поклонения; все остальное, ей подражающее, было ничтожно; этим принципом порицалось искусство. «Когда ты увидишь перед собою блестящее здание, — говорит Иоанн Златоуст, — когда будет привлекать тебя зрелище великолепной колоннады, скорее воззри на свод небесный и широкие поля, где пасутся стада по берегу озера. Как не презирать созданий искусства, дивясь в сердечной тишине на восходящее солнце, только что пролившее на землю свой золотой свет».

Первое христианское искусство. Климент Александрийский хотел только высоко поставить христианство, когда запрещал всякое почитание божества чем-либо вещественным под тем предлогом, что таковое может только унижить значение Бога. При таком

¹ Здесь — христиан, придерживающихся ортодоксального учения о Троице.

взгляде, конечно, искусство не могло не только развиваться, но даже существовать. Но если сам Иисус Христос изображал Царство Божие в притчах, то этим не возбранялось увековечение событий в образах. Всякое напоминание о Господе, говорили отцы восточной церкви в своем опасении идолопоклонства, будет так слабо, так ничтожно, что оно может только унижить то, что хочет представить. А между тем, устоять совершенно против вторжения античного искусства не могла и восточная церковь. Она старалась отнять у искусства красоту, но на Западе не имели такого отвращения к античным памятникам; там пользовались ими для своих целей. В этом отличие западного понимания религии от восточного.

В римских катакомбах, которые идут далее за город, под старой городской стеной, можно встретить священные изображения событий и сцен III—V вв. Это древнейшие памятники христианского искусства, которые, с одной стороны, показывают, как христиане смотрели на религию, а с другой, как они мирились с язычеством. Там начали с символических приемов. Сперва делали изображения из сцен Ветхого, а затем — Нового Завета. Так, олень значит стремление к Богу, агнец — это Иисус Христос, лоза с виноградной ветвью — Тайная Вечеря, корабль — церковь. Крест издавна был символом Распятого; он тогда был или равносторонний +, или T. Вся природа объяснялась в символах учения об искуплении и спасении. Так как Иоанн именует Христа светом мира, а древность представляла себе божество преимущественно в виде Солнца, одолевающего ночь и зиму, то природное прилагалось к духовному. Черты лица Иисуса Христа сперва пытались взять от Аполлона. Рождество Христово с 360 г. стали праздновать в день зимнего солнцеворота; на 25 декабря было назначено празднование потому, что Благовещение ранее праздновалось 25 марта, вместе с первым днем года, днем сотворения Мира. Богородицу стали изображать лишь в V в., так как с этого времени установился ее культ, но, по церковному преданию, евангелист Лука сам написал две иконы Божией Матери. Следовательно, образовательное искусство нашло для себя простор. Но иной была судьба драматического искусства. С ним христианство не могло примириться. Потому сцена на Востоке и Западе заслужила единодушное проклятие со стороны христианских учителей. Это было вполне понятно, так как здесь тиранили христианских мучеников, а там осмеивали их в театрах.

Все должно было измениться в обществе под влиянием христианства. Оно шло вперед, совершая теперь новые завоевания среди варваров.

3. Юлиан и последняя реакция язычества

В своем шествии вперед торжествующее христианство только раз встретило решительное и энергичное сопротивление со стороны язычества. Подразумеваю здесь оппозицию официальную, организованную, оказанную христианству со стороны самого правительства. Это сопротивление было слишком кратковременным, почти мимолетным. Оно имело место только потому, что христианство было разделено тогда на два одинаково могущественные исповедания, боровшиеся между собою и потому бессильные оказать дружный отпор язычеству. Я говорю об эпохе Юлиана, которого церковные историки прозвали отступником.

Характеристика Юлиана. Есть личности, которые в известные моменты вмещают в себя настроение всего общества, выражают тайные мысли большинства или лучших людей. Они могут ошибаться; их действия могут пройти бесследно, но тем не менее их личность принадлежит истории. К числу таких личностей относится Юлиан. Язычество не могло сдаться без борьбы, оно не могло само уничтожиться по одному приказанию сверху. В нем, правда, уже не было силы прежних идей и богатого содержания, но все-таки оно могло оказать сопротивление, хотя бесследное и мимолетное. Тогдашнее язычество приняло философский характер и придало своей религии символический смысл. Это была уже не обрядная, а философская религия, исходившая из учения Платона, и потому последователи ее могли в то же время называться неоплатониками, т. е. новыми сторонниками Платона. Все мыслящие язычники были люди по-своему религиозные. Само слово «философ», «эллин» означало тогда, на языке христианина, язычника. Следовательно, язычество тогда было распространено в рядах людей интеллигентных, к числу которых принадлежал Юлиан, внук Константина, бывший чтец на клиросе, обязанный христианскому алтарю спасением жизни, воспитанник христианского епископа. Он, однако, не ужился с христианскими условиями. Он получил образование двоякого рода; им руководили и христиане, и язычники; но влияние последних взяло верх. Тому, конечно, есть причина. Юлиан был склонен к заняти-

ям наукой. Она дала ему все; в ней он находил утешение от преследований, от несчастий, которые грозили ему и которые обрушились уже на его старшего брата, Галла. Галл раньше Юлиана был наименован Цезарем; он управлял Востоком в качестве соправителя Констанция, когда его вызвали ко двору, где и убили. Подозрительный Констанций хотел погубить и Юлиана. До него доходили слухи, слухи справедливые, о языческом настроении юноши. Но в судьбе Юлиана приняла участие жена Констанция, императрица Евсевия. Она не только защитила его, но и уговорила императора дать ему возможность закончить свое научное и философское образование в Афинах. Только там могло в душе Юлиана упрочиться чувство, самое искреннее, самое страстное, какое он имел, — ненависть к христианству. Эта ненависть, конечно, поселилась в душе Юлиана не сама по себе; она носилась среди небольшого кружка фанатиков паганизма [язычества]. Мы не можем сомневаться в этой страстной ненависти Юлиана к христианству, говорит историк Альбер де Брольи. Это чувство выражалось у него в различных формах, в его ученых и литературных произведениях. Играть комедию, притворяться, нельзя было так долго, да в этом и не было ему никакой пользы. Когда в порыве набожности Юлиан восклицал: «Я люблю богов, я дрожу перед ними, я боюсь и уважаю их», — в его голосе было слышно волнение, которому притворство не сумело бы подражать. Остается согласиться, что язычество тогда не вполне умерло, если такой образованный человек, как Юлиан, мог заблуждаться и дорожить баснями, над которыми смеялся уже Цицерон. Но возникает вопрос — какое это было место? какой характер имело современное ему язычество? Дело в том, что тогдашний эллинизм не был в тесном союзе с прогрессивным движением, присущим более или менее каждому общественному строю. Внешний характер язычества был давно осмеян. Оно было сильно не мифологией, не нравственным кодексом, которого в нем не было; оно держалось обрядностью и мрачным суеверием. В то время, когда люди перестали верить в Юпитера, Марса и Венеру, у того же Плиния, который смеялся над богами, в его «Истории», мы встречаем обширное поле для всяких сверхъестественных верований. Понятно, что только в свете науки отодвигаются назад темные силы, а до того самые сильные умы увлекаются предрассудками и привлекательными тайнами неба и земли. Не особенно

легковерный Август рассказывал, что в тот день, когда он едва не погиб от восстания легионов, он надел по несчастью левую сандалию раньше правой. Тот же Август, который не видел в затмении ничего чудесного, поздравлял себя с кометой, явившейся в день празднования его игр. Юлиан, живший почти четырем веками позже, не ушел в своих верованиях дальше, потому что наука за это время не сделала серьезных успехов. Зато греческая религия, усвоив философский характер, стала свежее и плодотворнее. Точка зрения на многобожие изменилась в период от Августа до Юлиана. Люди перестали верить в официальную прежнюю религию, предмет благоговения толпы; но философия, соединяясь с религией, привлекла к ней и высокие умы. Юлиан в одном из своих сочинений, направленных против христианства, сам указывает причину, почему он никогда не мог примириться с учением Христа. Он не мог постигнуть, как единый Бог управляет миром без свиты вспомогательных богов; эту свиту язычество находило в политеизме, в котором выражались разные силы духовного мира. Такое колебание, такое недоумение Юлиана весьма понятно, но из его почти единичной оппозиции вместе с тем ясно, что он шел против духа времени, против истории.

В жизни замечательных людей как в пределах политической их деятельности, так и в проявлениях умственной сферы, следует наблюдать две стороны: внешнюю, которой они действовали на других, и внутреннюю, которая обуславливала и порождала эти действия. По отношению к Юлиану пока остановимся на стороне внутренней.

Юлианом руководили два чувства. Одно заключалось в сердечном убеждении в необходимости восстановить античных богов на разных ступенях теогонии. Другое побуждение заключалось в негодовании, которое Юлиан чувствовал против христианских императоров, запятнанных кровью его родственников, державших самого его в страшном стеснении и постоянно грозивших ему гибелью. Он не задумывался, удовлетворяет ли его личное настроение духу времени, и потому все его лучшие усилия не принесли желаемой пользы и исторических результатов. Греческая философия не прояснила, а только затмила его духовный взор. В своей задаче Юлиан имел предшественника — Марка Аврелия. Между ними было много сходства. Марк Аврелий тоже был философом на престоле. Один был стоик, другой неоплатоник. Оба

они приносили с собою, как казалось, терпимость и свободу убеждений; но на деле тот и другой энергично преследовали чужую веру, религию христиан. Первый остановился, когда узнал некоторые подробности; второй, зная о христианах больше, вступил на путь, который привел бы его к варварскому насилию, если бы судьба дала ему несколько лишних лет. Философия, таким образом, не помешала гонениям и истреблениям. Но деятельность обоих прошла бесследно. Следовательно, ни стоицизм, ни неоплатонизм не удовлетворяли современности. Первое учение было неподвижно, второе шло назад к язычеству. Язычество не могло улучшить быт варварских народов, стремившихся к слиянию с Римом. Интересно было бы видеть германцев, принявших эллинскую мифологию. Могли ли бы они усвоить эту религию, променяли ли бы они на нее свою родную веру с той же легкостью, с какой променяли ее потом на христианство?¹ Попытка политеизма переродиться не привела к историческим результатам, потому что он был заглушен самым могучим и живучим растением, каким было христианство.

Мы нарочно потому так долго распространялись об этих фактах, что знаменитые писатели не только прошлого, но и настоящего времени полагают, что христианство своими успехами и победами обязано причинам случайным, что язычество жило бы дольше и что христианство восторжествовало над ним силой. С этой целью такие историки должны особенно высоко ставить Юлиана. Его не совсем точно называли отступником. Его внутреннее развитие шло прямым путем, без отклонений. Юлиану не было нужды делаться отступником, потому что он никогда не был подлинным христианином. Литтре совершенно справедливо замечает по этому поводу, что никто не называет отступниками Генриха IV Наваррского или принца Конде, которые, устрасясь Варфоломеевской ночи, приняли католичество, а потом снова перешли в протестантство. Для того, чтобы быть вероотступником, нужно исповедовать первую свою религию искренне, а не для вида, как это делал Юлиан. Конечно, сфера его деятельности и влияния были обширнее, чем двух упомянутых личностей. Он также тщательно скрывал свои верования и принуждал себя к

¹ Христианство не всегда легко принималось теми же германцами. Стоит вспомнить хотя бы саксонцев. — *Прим. ред.*

исполнению чуждых ему обрядов. Он так ловко и осторожно держался, что подозрительный двор арианского императора не мог раскрыть его эллинских языческих симпатий ни в Афинах, ни в столице.

Юлиан в Лютении. В 355 г. Констанций должен был отправиться в поход против персов. Надо было поручить кому-нибудь управление Западом, и Юлиана пришлось тогда объявить цезарем. Он учредил свою резиденцию в *Lutetia Parisiorum*, нынешнем Париже. Это был небольшой городок с амфитеатром и древними памятниками; там Юлиан соорудил себе великолепный дворец и термы (теперь *musée de Clugny*), развалины которых еще можно видеть на бульваре Сен-Мишель. Там новый цезарь сблизился с местным префектом Саллюстием, который тоже был в душе язычником, но, однако, своей опытностью сдерживал юношеское увлечение Юлиана. Саллюстию и Юлиану приходилось разбирать непрестанные столкновения между католиками и арианами, что еще более укрепляло их языческое настроение. Бенедиктинцы, составители литературной истории Франции¹, говорят, что Саллустий был Периклом для Юлиана, но что он с большей терпимостью относился к христианам. Для Констанция показалась подозрительной дружба Саллюстия с цезарем Галлии, и через два года он отозвал Саллюстия во Фракию. Юлиан написал трогательное письмо на разлуку с другом; в нем видно его любящее сердце. Он ждал императорской власти для того, чтобы возвратить к себе любимых людей и дать торжество эллинскому политеизму. Эта власть далась ему скорее, чем он ожидал, но еще раньше он успел прославиться своими военными успехами и административными реформами. Прибыв в Галлию, он из кабинетного ученого скоро стал отличным полководцем и администратором. Это был уже не философ, а государственный человек. Такая быстрая перемена показывает в Юлиане даровитость и богатство натуры. У него не было военного опыта, но в борьбе с германцами он имел успех вследствие своих природных качеств, главным образом, благодаря терпению и расчетливости.

Тогда германцы становились очень смелы; они часто с громадными силами осмеливались переходить через Рейн. Они стали соединяться в большие союзы, из которых особенно страшен

¹ Histoire littéraire de la France, I, p. 197.

был тогда союз алеманнов. То была агломерация рейнских племен, которые беспокоили римлян больше всего. Союз занимал территорию по всему среднему Рейну до Майна. Дальше, по нижнему Рейну, расположился союз франков. Эти федерации стремились разорить Галлию и овладеть ею. Юлиан разбил алеманнов при Страсбурге и даже пленил их вождя; потом, перейдя Рейн, он обратился против франков. Борьба с алеманнами не кончилась; Юлиан оставил ее в наследие своим преемникам. Он занимал у них укрепления, одно за другим, и на время остановил германский напор, внушив варварам уважение к римскому оружию. Неизвестно, мог ли он достичь прочных результатов, если бы в его распоряжении были большие военные средства; в этом можно сомневаться, как показали события.

Вдруг в 360 г. Юлиан получает приказание отправить часть своих войск на Восток, на помощь императору. Констанций, видимо, подозревал Юлиана. Цезарь с неохотой отправлял войска, да и сами легионы еще более неохотно шли на Восток. Перед отправлением эти войска взбунтовались перед дворцом Цезаря. Они потребовали своего любимого вождя, посадили его на щит, пронесли через улицы Лютеции и тем самым провозгласили его императором; прочие галльские войска поддерживали их. Юлиану нельзя было отказаться; иначе он погубил бы и себя и преданных ему людей. Юлиан известил Констанция о событиях в Лютеции, но тот потребовал полной покорности. Обстоятельства сложились так, что Юлиану пришлось объявить войну Констанцию. Он уже подходил к границам Фракии. Констанций выступил против него но, во время похода, внезапно скончался.

Император Юлиан (361—363). Других претендентов на престол, кроме Юлиана, не было, и он без протеста был признан императором в 361 г. Понятно, он не желал более скрывать своих чувств, враждебных христианству. Четыре года тому назад в Галлии закон грозил смертной казнью за жертвоприношения, а теперь их совершал торжественно и собственноручно молодой император. Кроме осуждения за роковую историческую ошибку, Юлиан заслужил справедливый упрек за мстительные преследования своих врагов и врагов его убитого брата. Прогнав от двора христианских духовных, Юлиан не сумел окружить себя лучшими людьми языческого мира. Вокруг него собрались остряки, шуты, пустые болтуны и софисты. Правда, он не позволял при-

ближенным участвовать в управлении и не подпал под их влияние. Но дух старины отлетел безвозвратно. Юлиан напрасно старался внушить, как нужно было держаться этой старины. Своего друга префекта Саллюстия он пригласил к себе в товарищи по консульству, чего на практике уже не делалось уже сто лет. Юлиан скоро провозгласил веротерпимость и равенство вероисповеданий, причем рассчитывал, что христианство само собой сокрушится от внутренней борьбы, от раздора между арианством и ортодоксальной верой. Но ариане и ортодоксальные христиане, вернувшись теперь из изгнания, боялись спорить друг с другом, одинаково презирая императора. Последовавший затем указ о запрещении христианам посещать школы грамматиков и риторов был также бесполезен. Юлиан рассчитывал этим лишать христиан образования, но грамматиков и риторов за деньги продолжали учить и христиан. Сам Юлиан искусственно оживлял дух язычества; он заимствовал у христиан их филантропические учреждения, которые, конечно, противоречили язычеству.

Юлиан хотел послужить империи на восточных границах, он необдуманно начал персидский поход, который отличался фантастичностью замысла и в который не верил он сам. Юлиан точно искал смерти. Она была ему предсказана на Востоке, о чем рассказывает современный ему историк Аммиан Марцеллин. Отправляясь в поход, он рассчитывал, в союзе с царем Армении, обещавшим ему помощь, взять Селевкию; но для этого сначала было нужно взять Ктесифон, который был соединен мостом с Селевкией. С трудом его армия дотянулась до Тигра и перешла его, но вместо того, чтобы взять город, она углубилась в степи. Обещанная армянская помощь все не являлась, а между тем персидский царь со своими конными полчищами оцепил римскую армию. Легионы возмутились, отказались дальше идти и требовали отступления; император с прискорбием должен был исполнить их желание. Он искусно вел отступление, но в одной из мелких стычек был смертельно ранен.

Прощаясь с друзьями, уже в последней агонии, он говорил, что умирает с радостью, рассчитываясь с природой, которая дала ему тело и жизнь. «Я не сделал ничего, — говорил он, — что заставило бы меня раскаиваться и воспоминание о чем побудило бы меня краснеть, — ни в изгнании, ни тогда, когда правил империей. Я сохранил власть незапятнанной, служа интересам и

благу народа». Когда его слуха достигли рыдания и стоны приближенных, он просил не сожалеть о нем, а радоваться, что римский император возвращается к небу и светилам. Он просил назвать то место, где он пал. Ему ответили, что это местечко — Фригия. Император судорожно вздрогнул и сказал: «Мне всегда предсказывали, что я умру во Фригии!» Как бы пораженный, он перестал метаться на своем ложе и спокойно испустил дух.

Он умер, как истый сын язычества.

4. Усиление христианской идеи после Юлиана

Иовиан (363—364). Попытка Юлиана задержать смерть язычества не была исторической и вместе с тем не соответствовала общественному настроению того времени. Подтверждением того служат обстоятельства, последовавшие непосредственно за смертью Юлиана. Так как он не оставил после себя преемника, то легионы провозгласили нового императора из среды своих полководцев. Выбор пал на Иовиана, христианина, который был хотя императором менее года, но который, несмотря на ограниченность своих способностей, все-таки дал прежнее официальное устройство и господство христианам. Следовательно, кратковременное усилие Юлиана пропало даром. Иовиану пришлось заключить постыдный мир с персами, за что осуждали его современные ему историки. Действительно, римлянам никогда не приходилось подписывать столь унижительных условий. Несколько городов на восточной границе, начинавших уже признавать римское господство, было уступлено персам. Армянский царь, союзник римлян, тоже был выдан; римской армии пришлось сложить оружие; армяне должны были принять персидских послов, посланных следить за исполнением мирного трактата. После такого поношения Иовиану не пришлось даже показаться на улицах Константинополя; он умер, не доехав до столицы.

Валентиниан I на Западе (364—375). Его преемником был суровый деспот Валентиниан I — человек способный и одаренный. Он передал управление восточной половиной империи своему жестокому и неспособному брату Валенту, который по настоянию своей жены принял арианство. Теперь империя разделилась не только в политическом отношении, но и в религиозном. Восток стал сферой арианства, а Запад — ортодоксальной веры. Разделение власти содействовало усилению римского престола, а также

и значения духовенства. Это сделал Валентиниан с целью возвысить Запад, которым он должен был править. Подтверждением этой мысли может служить следующий факт. Когда епископ города Арля, не явившись на суд римского первосвященника по его требованию, решился вступить с ним в борьбу, то Валентиниан велел объявить следующее: «Хотя приговоры такого великого лица, как римский епископ, и не нуждаются в подтверждении императора, но пусть все епископы знают, что приговоры римского первосвященника имеют одинаковую силу с правительственными указами и что со всяким, кто отважится явиться к суду папы, поступят по закону». Хотя этот эдикт и не был распространен на Востоке, тем не менее защита папской гегемонии находила в нем для себя достаточное легальное основание. Следует, впрочем, отметить, что этот эдикт, изданный Валентинианом как бы ради временных выгод, был внушен императору его любовью к порядку и страстью к регламентации. Он хотел, передав духовную власть папе, строго разграничить дела, подлежащие светской и духовной власти, не подзревая, конечно, дальнейших последствий.

Гонения на язычество и философию. Известно, что Валентиниан не давал пощады никому и не жалел смертных приговоров, будучи суров к язычникам, в чем походил на своего брата, действовавшего в пользу арианства. Таким образом, Валентиниан явился орудием падающего язычества. Когда христианство вновь и окончательно восторжествовало на Востоке и на Западе, были подтверждены законы 343 и 357 годов. Идолопоклонство было поставлено наравне с государственной изменой. Поклонение языческим богам считалось чародейством, а занятия философией — чернокнижием, так как одной из функций жречества было предсказание будущего. Таким образом, всякие занятия философией отождествлялись с идолопоклонством.

Такое отношение к философам отразилось на духе средних веков. Преследования, направленные против язычества, поражали остатки философии. Христиане же опирались на начала своей веры, которая в то время всецело удовлетворяла идеям, носившимся в обществе. Тогда возвысились люди, не получившие широкого образования, которыми руководила одна вера. Понятно, что обязанные своим положением и успехами церкви, они не могли терпеть рядом с собой присутствия философов. Всякое прегрешение казалось им преступлением, а всякое знание пред-

ставлялось в их глазах чернокнижием. Тогда легко было все свалить на чародеев, и если кто-либо губил другого, то прибавлял, что его враг предан чародейству. Христиане говорили про язычников, что они, предсказывая по халдейскому обычаю, гадают по линиям на руке, по звездам, луне, воде, по вырезанным на камнях халдейским талисманам. С этого времени средневековое духовенство на Западе относилось враждебно к знанию. Должно заметить, что оно не считало нужным просить помощи у старой науки. Даже решено было стереть с лица земли всех философов. Эта общественная ненависть была ужасна. Страх проник даже в христианские семейства до такой степени, что каждую рукопись, какую могли только захватить, сжигали, боясь, чтобы какое-нибудь выражение не погубило бы семью. Таким образом были сожжены целые сотни рукописей, целые библиотеки.

Тогда среди христианских учителей никто не возвысил своего голоса в защиту свободной мысли. Талантливые богословы не только не защищали, но старались погубить всякий остаток знания. Страсти после юлианской реакции слишком кипели, не дозволяя обращаться к разуму. Повторяем, что гонение на так называемое чернокнижие, т. е. на литературу, было общим явлением как на Западе, так и на Востоке, на котором ортодоксальные христиане преследовались чуть ли не наравне с язычниками, так как сам император был арианином. А Валент был в полной власти у окружающих его ариан. То было беспокойное время внутри государства. Изнутри ариане, а извне варвары, как бы по общему согласию, которого на самом деле не было, с разных сторон наступали на империю.

Сам Валентиниан боролся с алеманнами; его полководец Феодосий, родом из Испании, боролся с бриттами, усмирив которых, должен был броситься в Африку, где свирепствовали кочевые дикие народы. При тогдашних обстоятельствах только один Феодосий, будучи чужеземцем, мог справиться с опасностями, обладая выдающимися талантами полководца. Между тем, в благодарность за свои усилия усмирить врагов империи, он был казнен в Карфагене в 367 г. подозрительным императором. Границы Запада теперь вновь были открыты по-прежнему. Заслуги Феодосия выдвинули вперед сына его, носившего то же имя и наследовавшего таланты своего отца. Когда Валентиниан I умер в 375 г. от припадка гнева, завещав престол Грациану, то последний сде-

лал соправителем своим малолетнего брата Валентиниана II, а ближайшим советником его — Феодосия, который хотел завладеть всей империей без ограничения власти. То было время великого переселения народов. Напор гуннов из Азии всколебал остготов, а те толкнули вестготов к римским границам по Дунаю. Не касаясь пока этих событий, бросим взгляд на восточную половину империи.

Валент I на Востоке (364—378). Валент, восточный император, окруженный своими богословами, не мог справиться с вестготами, не желая даже и защищаться против своих единоверцев, которые просили или, точнее, требовали позволения поселиться в римских пределах, на что и получили разрешение. Поселившись на территории империи, они, возмущенные вымогательствами императорских чиновников, овладели Фракией. Валент, думая усмирить вестготов, сам погиб в 378 г. в битве в окрестностях Адрианополя. Он сгорел в хижине, которую подожгли готы, отыскивая его. Спаслась едва ли третья часть армии; здесь бились германцы с германцами, а ариане с арианами. Готы победили, римляне рассеялись в паническом страхе по всей Фракии до самого Константинополя.

Феодосий I (379—385) и развитие нетерпимости. Только искусство молодого Феодосия могло одолеть вестготов, и то лишь спустя семь лет. Победенные вестготы должны были поселиться на Западе в указанном месте. С ними наступил конец арианству. Феодосий как бы с боя овладел титулом восточного императора. С 383 г., после смерти Грациана, считают западным императором Валентиниана II, но действительным повелителем империи был уже Феодосий, женатый на сестре императора. Когда франк Арбогаст в 392 г. убил Валентиниана II и, опираясь на языческую партию, назначил императором Евгения, то Феодосий подчинил Западную Римскую империю и, за два года до своей смерти, стал считаться полным единодержавным императором обеих половин империи. Таким образом, всякие попытки Юлиана, а затем Арбогаста и Евгения поддержать язычество не имели серьезных последствий. Будучи искренним последователем никейского символа веры, император Феодосий, прозванный современниками и некоторыми церковными историками «великим», со всем увлечением, свойственным его натуре, преследовал арианство. Действительно, при нем кончилось господство ариан на Востоке.

Трудно сказать, что было более ненавистно для Феодосия: арианство или язычество.

Дело церкви он сделал делом государства. Это была неосторожная политика. Он в 391 и 392 гг. издал драконовские законы против язычников и еретиков и раздражил народные страсти против совершенно бессильных остатков язычества. Рассмотрение внутренностей животных с 391 г. было объявлено преступлением. Всякое случайное пребывание в языческом храме влекло за собою громадный штраф. Даже если в частном доме происходило воскурение богам, то дом передавали государственной казне. Феодосий велел разрушать языческие храмы и отнимать их имущество. Весталки, которых до сих пор щадили, были распущены. Последние олимпийские игры были отпразднованы в 393 г. и затем запрещены навсегда. Эта суровая политика продолжалась по отношению к язычникам и в дальнейшем. Языческие храмы и их собственность были конфискованы, жрецы изгнаны; затем все язычники были вскоре лишены права занимать административные и судебные должности. Все это было сделано круто, без постепенности. Таковы законы о секуляризации языческих храмов, изданные в 407, 408, 412, 415, 416 и 417 годах.

В свою очередь, законы Феодосия, направленные против еретиков, в интересах ортодоксального христианства, были очень строги; назначены были особые лица вроде инквизиторов, которые были и шпионами, и судьями. Еретики, которые не следовали учению епископов римского или александрийского, лишались права располагать своей собственностью. Тогда еще не установилось окончательно празднование Пасхи, вследствие чего некоторые праздновали ее вместе с евреями. На Никейском же соборе было постановлено тщательно избегать совпадения христианской Пасхи с еврейской. Феодосий всех тех, которые вздумали бы праздновать христианскую Пасху вместе с еврейской, объявлял еретиками и только тех, которые вполне следовали правилам Никейского собора, приказал называть *католиками*. Желая упрочить христианство, он другой рукой наносил жестокие удары свободе мысли. Благодаря такой решительной политике в деле распространения христианства последовала задержка в ходе человеческой мысли, поставившая на Западе религию во враждебные отношения с разумом и прогрессом. Чисто научные вопросы подвергались оценке богословов, суждение которых считалось окончатель-

ным, запелляющим, следствием чего был застой в науке и философии.

Первые церковные писатели, породившие мистическое направление в обществе, при всех своих талантах, презирая внешний мир, игнорируя его изучение, в то же время всякую философию продолжали считать лишней, пустой и ложной. Они поставили ее в непосредственную зависимость от богословия. Начало этому направлению было положено при императоре Феодосии. Учение о шарообразности земли, которое господствовало в греческой науке, осмеивалось ими. Они говорили: «Все, что не было указано в Библии, для христиан не существует, а всякое другое знание бесполезно и даже греховно». Понятно, что богословы прикладывали все усилия, чтобы заставить христиан сосредоточиться только на одних догматах и на церковной литературе. Гражданская власть искренне поддерживала это. Весь умственный капитал решено было собрать в одну богословскую систему и так передать последующему поколению. Трудно сказать, что стало предлогом и целью в деле преследования книг и вообще язычества.

Гонения на язычников. Примером того, каким беспощадным было гонение на язычников, может служить событие, случившееся в Александрии. Александрия была богатым и роскошным городом, сравнимым с Римом и Константинополем. Ее гавани были еще полны кораблей. Посреди города на площади возвышался роскошный мавзолей Александра Великого. То был город синагог, гимназий, музеев, храмов. Его населяли христиане, евреи, язычники, которые могли бы жить дружно между собою. Искоренение язычников в Александрии сопровождалось страшной катастрофой. Следует отметить, что Александрия имела богатое собрание древностей и великолепный музей. И то и другое со времен Клеопатры находилось при храме Сераписа. Это был красивейший храм на свете, ненавистный для христианского духовенства. Он был расположен на горе, на которую вело 100 ступеней, он блистал разноцветным мрамором и соблазнял богатством. Духовенство и епископ Феофил в 320 г. решились его уничтожить. В храме были инструменты, бронзовые круги, которыми Эратосфен когда-то измерял окружность Луны, а Тимохарис определял движение Венеры. Христианам внушали мысль, что это инструменты кудесников. Епископ, кроме того, распус-

тил слух, что под сводами храма совершаются отвратительные вещи, что будто там жрецы соблазняют богатых и красивых женщин. Жрецы защищались от обвинения и, когда увидели, что на них нападают, стали ловили христиан и насильно заставляя их приносить жертвы. Когда же в дело вмешалась светская власть, они сами сдались. Феодосий в наказание велел разрушить храм, сравнять его с землей и жестоко наказать виновных, предоставив эту расправу епископу. Тот начал с библиотеки. Потом, разрушив храм, отобрал золото и серебро. На месте храма Сераписа была сооружена христианская церковь. У епископа были христианские вооруженные отряды, которыми он пользовался для избиения евреев. По указу императора число евреев в Александрии было ограничено шестьюстами душами. При таких беспорядках жизнь евреев была в опасности. Однажды, когда их стала защищать светская власть, епископ вызвал пятьсот отшельников, которые чуть не убили самого префекта.

То, что христиане в Александрии проявляли совершенную нетерпимость, доказывает следующий факт. В Александрии была ученая женщина Ипатия, которая, имея собственную школу, преподавала там философию, математику и другие науки. Христианское духовенство не могло выносить присутствия рядом с ними язычницы, в академию которой стремилась вся интеллигенция города. Раз, когда она подъехала к своей школе, христиане стащили ее с колесницы, отвели в церковь и там убили; потом обнажили, терзали тело раковинами, отодрали кожу от костей и, наконец, останки бросили в огонь. Подобные сцены, конечно, происходили и в других местах. Христианство начало действовать наступательно, когда получило силу и могущество и когда враждебные ему элементы не представляли серьезной опасности. Такого рода фактами знаменуется движение христианской идеи в четвертом столетии.

Состояние римского общества в конце IV в. Наряду с этим явлением мы наблюдаем полную дезорганизацию в общественном и нравственном строе римлян IV в. Христианство не могло улучшить экономическую жизнь и не было в состоянии повлиять на нравственность массы. О том, каково было римское общество того времени, сообщает достовернейший свидетель Лактанций, христианский писатель IV в. Его слова рисуют нам несостоятельность реформ Константина, с помощью которых тот хотел возро-

дить Римское государство, смертельную борьбу между алчной казной и народом, тягостное положение, в котором находился тогда каждый гражданин империи. Сочинение Лактанция рассказывает о тех мелких мучениях и страданиях, которые делали жизнь ужасной и знаменовали близкую катастрофу. «Я не знаю, — говорит Лактанций, — сколько должностных лиц и чиновников под именем *magistri rationales* [старших казначеев] обрушивалось на все города провинций. Эти помощники префектов пускают в ход насилия не только часто повторяющиеся, но и постоянные; конфискации же имущества они соединяют всегда с невыносимыми оскорблениями». Число сборщиков стало так велико в сравнении с теми, кому приходилось платить, что у земледельцев не хватало сил выплачивать подати. Поля бросались необработанными, превращались в пустыни. Необработанная земля покрывалась лесами, страна разорялась и пустела. Особенно опустели провинции на рубеже IV и V веков, когда бич ценза проник в провинции и города. Цензоры явились наказанием неба в глазах народа; они описывали число деревьев, число виноградных корней, записывали число животных, поголовно переписывали людей. Для сличения показаний они употребляли палки и прибегали к пытке, вынуждали у раба показания против господина, у жены против мужа, у сына против отца; не было снисхождения ни к старости, ни к болезни, ни к полу, ни к возрасту. За недостатком свидетелей они заставляли свои жертвы показывать против самих себя, и все это делалось для того, чтобы взять больше податей. Для того же они прибавляли лета детям и уменьшали годы стариков. Казалось, происходило нашествие неприятелей на города. Цензоры действовали так, чтобы все разорить и разнести. Не довольствуясь этим, правительство посылало новых цензоров, которые, чтобы не показаться бездеятельными, требовали новых податей, между тем количество скота уменьшалось, люди умирали, а цензоры требовали податей и за мертвых. Таково было положение массы народа, громадного большинства из рабов и поселян. Иногда сельчане, выведенные из терпенья, восставали с оружием в руках; но восстания эти подавлялись военной силой. Так было с галльскими багаудами, земледельцами, восставшими под предводительством двоих христиан. Замечательно то, что христианские писатели того времени, например Сальвиан, сожалеют, что восстание это не удалось.

Вообще важно определить, какое влияние имело христианство на облегчение тягостного положения массы населения. Заключало ли оно в себе условия, облегчающие это положение, или христиане относились равнодушно к этой «злобе дня»?

Сочинение Сальвиана, марсельского священника, жившего в V в., «De gubernatione Dei» дает в этом отношении богатый материал для истории душевной, так сказать, интимной жизни тогдашнего общества. Из сочинения этого видно, что язычники всю ответственность за несчастья возлагали на христиан. Сальвиан в своем сочинении предлагает современникам оглянуться на самих себя. Он не щадит и христианское духовенство, решительно предпочитая во всех отношениях быт варваров быту римскому. Этим он как бы произносит смертельный приговор умирающей империи. «У нас, — говорит Сальвиан, — только тот в безопасности, кто имеет силу подвергать опасности других: должностные лица гордятся прозванием тирана, ибо оно дает и силу и почести». На вопрос, что делает христианское духовенство, Сальвиан отвечает: «Одни из них хранят молчание, а другие лучше сделали бы, если бы действительно молчали. Они боятся открыто высказывать горькие истины потому, что бесчестные люди преследуют пастырей за их проповеди. Потому-то молчат те, которые могли бы говорить. Между тем бедствия растут, вдовы стонут, сироты угнетены до того, что многие из них, будучи из богатых и знатных фамилий, получив хорошее образование, бегут к врагам римлян, к германцам: они ищут у варваров гуманности, чтобы не переносить дома римской бесчеловечности. Хотя они чужды варварам и по нравам и по языку, но им легче свыкнуться с их бытом, чем жить у себя дома. Они предпочитают жить людьми свободными, считаясь рабами, чем быть рабами, считаясь свободными. Общее и единственное желание всех римлян состоит в том, чтобы не подпасть под римские законы, а жить с варварами: мы же еще удивлялись, что не можем победить варваров, когда сами римляне предпочитают быть с ними, а не с нами». Сальвиан замечает, что римляне все убежали бы, если бы могли захватить свои пожитки и хижины.

Итак, римляне сами желали вторжения варваров.

В таких условиях не могло быть речи о воздействии римлян на варваров. Сами современники считали это дело невысказанным, неосуществимым, хотя несомненно, что отдельные попытки в этом

направлении встречались. «Мы, римляне, — продолжает Сальвиан, — заботимся об обращении готов и вандалов; но сами мы не только не лучше их, но даже не можем и равняться с ними. У нас каждый гражданин ненавидит другого. Кто у нас искренне расположен к другому? А между тем почти все варвары составляют одно племя и связаны если не родством, не местом, то властью одного кунинга или князя. У нас же даже родственники не чтут уз родства. Большая часть людей заражена неслыханным доселе злом и пороками. Никто не считает себя счастливым, пока не видит другого несчастным».

Это было скорбное, но искреннее признание в устах римлянина. Для уничтожения этого зла, исцелить которое было бесцельно даже христианство, необходимы были другие экономические и общественные условия.

Попытаемся отыскать их у так называемых новых людей, у варваров.

II

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ВАРВАРСКИХ НАРОДОВ И РАСПАД ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ НА ГЕРМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

1. Германцы, их быт и союзы

Если бы Европа состояла из таких обширных и гладких равнин, как Азия, то в самое непродолжительное время варварские племена, хаотически бродившие целые столетия между Днестром и Рейном, успели бы соединиться в один народ. Но в центральной Европе на сравнительно небольшом пространстве природа дала удивительное разнообразие. Земля, занятая германским племенем, т. е. центральная Европа, была в то время покрыта непроходимыми лесами и топкими болотами, прорезана горами и котловинами, что мешало сообщению соседних племен. Поэтому многие германские народы на протяжении столетий оставались неизвестными друг другу. Поэтому же мы видим столько враждующих между собою народов, соединившихся только для грабежа и дележа добычи, взятой с римлян. Германские племена, как известно, населяли не только центральную Европу, но занимали и берега Балтийского и Северного морей и группировались в Скандинавии.

Другие же народы, пришедшие по следам германцев, занимали всю восточную Европу; эти позднейшие выходцы были по преимуществу славяне того же арийского корня, что и другие народы, пришедшие из Азии. Таким образом, конец IV в. застаёт в Европе два противоположных политических стремления. Германцы стараются защитить свою независимость от азиатских полчищ, которые они называют гуннами и в числе которых считают славян и скифов, называя все негерманские племена гуннскими. В то же время, как мы видели, германцы сильнее напирают на римские границы. Что касается финских и славянских народов, то следует отметить, что в то время они не были активны: они жили или в восточных степях, или населяли леса нынешней северной России. Что германцы вышли из Азии, доказывается сходством германских слов с санскритскими и Zendскими¹.

¹ Материал для изучения быта древних германцев можно найти у следующих классических писателей: *Юлий Цезарь* — «Записки о галльской войне», специальное сочинение *Тацита* — «О происхождении германцев и местоположении Германии». О германцах также говорят *Диодор Сицилийский* в «Исторической библиотеке», географы *Страбон*, *Помпоний Мела* и *Клавдий Птоломей*, далее *Плиний Старший* в «Естественной истории», *Светоний* в своем сочинении «Жизни двенадцати Цезарей», *Плутарх* в биографии Мария («Сравнительные жизнеописания»), *Аппиан* в «Истории римлян», особенно в главах «О деяниях кельтов» и «О деяниях Иллирийцев» (в 160 г. до Р. Х.), *Фронтин* («Стратегематикон» — около 100 г. от Р. Х. о войне с кимврами); *Юстин* во «Всемирной истории», *Дион Кассий* в «Римской истории»; несколько подробнее «*Scriptores historiae augustae*», в конце III ст., из них особенно *Спартиан*, *Капитолин Вописк*; *Евтропий* (375) в «Очерках Римской истории», *Павел Орозий* (417), и наконец, *Аммиан Марцеллин*, живший в эпоху переселения народов, в своей «Римской истории от Нервы до смерти Валента» (до нас дошло изложение событий с 353 по 378). Все упомянутые писатели были чужды германцам по быту и по образованию. Из уст самих германцев мы не имеем ни одного свидетельства. Конечно, если бы они у нас были, то история Германии предстала, может быть, в другом, во всяком случае, в более ярком свете; но надлежало пройти многим столетиям, прежде чем начали появляться свидетельства самих германцев. Первый национальный германский писатель жил в начале шестого столетия и описал современные ему события — это был монах *Иордан*, по происхождению гот, написавший сочинение «О происхождении и деяниях

Первоначальное имя германцев было *тевтоны*, или, как они сами себя называли, *Teutsch*, что значит человек из народа. Их прародителем был Туискон, рожденный землей, а его сын Ман был героем и отцом людей. Название же *германцы* принадлежало первоначально небольшому племени тунгров, вооруженных копьями (*ger* — копье и *mann* — человек), которые ранее других перешли Рейн и поселилась среди галлов². Замечательно, что это название, не встречающееся ни у одного писателя до Цезаря, находится на мраморной дощечке, найденной в 1574 г. и датированной 223 г. до Р. Х. На этой дощечке написано, что в том году консул Марцелл одержал победу над галлами и *германцами*. Сами же германцы в V и VI веках, когда хотели обобщить свое племя, то охотнее называли себя *barbari*, нисколько не считая это имя унижительным.

Полудикий германец, высокого роста, с голубыми глазами, с лицом, полным воинственной отваги, почти нагой, покрытый звериной шкурой, с длинным и метким копьем в руке, свободный, не признающий над собой ничьей власти, составлял совершенную противоположность с римлянином того времени. Тацит, описы-

готов», которое служит лучшим источником при изучении эпохи переселения народов; он много сообщает о готах и гутнах. Ему мы посвящаем несколько страниц в приложении. Драгоценное пособие по древней географии представляет подлинная римская дорожная карта, сохранившаяся на полосе пергамента длиной около 3 сажень и шириной в 1 фут; на ней намечены все города Римской империи, их протяжение, расстояние одного от другого, но без всяких астрономических и геометрических определений. Она употреблялась в римских войсках и на ней показаны все военные дороги и станции. Одни ученые относят ее к III в., другие к концу IV в. Карта эта была отыскана в XVI в. в старых бумагах одной монастырской библиотеки и получила название *Певтингеровой карты* (*Tabula Peutingeriana*) по имени первого владельца Конрада Певтингера, городского писца в Аугсбурге. Здесь же следует упомянуть о древнейших географических свидетельствах относительно европейского севера, принадлежащих астроному Питеасу из Массилии (современный Марсель), который около 320 г. до Р. Х. странствовал на массивном судне по северным морям. В числе прочего он говорит о тевтонах, живших по среднему течению Вислы и о готах или гутонах, населявших янтарные берега Балтийского моря.

² Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии, с. 2.

вая нравы германцев первых времен, хотел дать своим соотечественникам хороший урок. Он замечает, что бесчестие и низость духа считались у германцев величайшими преступлениями и наказывались беспощадно. Но цивилизация успела оказать и на них отрицательное влияние. Так, Тацит не скрывает и их пороков; он говорит о страсти германцев к вину, к игре, к золоту¹, бичует их леность и нежелание трудиться². Но все эти пороки приписывает он только одному невежеству германцев. Он намекает, между прочим, что среди них скрывается разврат. Позднейшие историки, современники великого переселения народов, такие, как Сальвиан, указывают, как развратились германцы в IV и V столетиях. Сальвиан прямо говорит, что они почти не уступают в порочности римлянам. Их строй, во время Тацита, во II в. и позднее, был таким, каким отличаются молодые народы в начале своего исторического развития. Страбон замечает, что германцы почти не отличаются от галлов; они обожают те же божества, которые чтит жителя Греции и Италии, а больше всего грозные силы природы и солнце; идолы их такие же грубые и безобразные, какими они были у греков на самой заре их истории. У германцев, по словам Страбона, встречается много таких же учреждений, как у греков и других образованных народов того времени. Таково, например, отлучение за преступления от религиозных общественных игр. Религия германцев так же сурова, как религия всех молодых народов.

Древнегерманская мифология. Мифология древних народов, составляющая главное содержание их религиозных верований, отличается если не близким сходством, то явной аналогией в своих существенных основаниях. Ее колорит обусловлен харак-

¹ *Adversus sitim non eadem temperantia. Tacitus. Germania*, с. 23. «Что касается утоления жажды, то в этом они не отличаются такой же умеренностью». *Tacitum. О происхождении германцев*, с. 23. (Здесь и далее тексты Тацита даются в современном переводе А.С. Бобовича. — *Прим. ред.*)

² *Ipsi hebnt, mira diversitate naturae, cum iidem homines sic ament inertiam et oderint quietem. Ibid.*, с. 15. *Inertiam...Germanorum inertia. i bid.* с. 45. «Когда они не ведут войн, то много охотятся, а еще больше проводят время в полнейшей праздности, предаваясь сну и чревоугодию ...погрязают в бездействии». (Там же, с. 15.). «...у германцев, с присущей им нерадивостью». (Там же, с. 45.)

тером, духом народа, его художественным чутьем, степенью его поэтического творчества, но смысл образов, сфера предполагаемой деятельности каждого из них остаются как бы одинаково обязательными для всех племен, не просвещенных высшей идеей единобожия. Пластичная красота античных богов только и могла быть создана творческим воображением эллинов, живших под пленительным и вечно голубым небом Эллады и Южной Италии, при необычайно выгодных климатических условиях, в чудесной атмосфере Юга, в которой воображение дает особенно живые и завершенные плоды. Такие целостные и идеально красивые образы не могут возникнуть в угрюмых лесах, сырых долинах и болотах Восточной и Центральной Европы, куда судьба загнала тевтонов. Но главные божества древних германцев представляют удивительную аналогию с греческими и римскими. Они наделены теми же атрибутами, обладают теми же характерными свойствами и имеют ту же самую миссию, возложенную на них воображением человека и символизирующую силы природы. Из-за естественно-исторических условий очертания их обликов несколько величественнее, размашистее, но вместе мрачнее, энергичнее; они легче преодолевают могущество природы.

Водан, (Зевс, Юпитер) скандинавский *Один*, верховный бог, отец — *Allvater* — всего существующего, заключая в себе по разным свойствам и качествам прочих богов, им порождаемых, правит вселенной. Это творческая сила, дающая форму природе вообще и человеку в частности, создает все блага на земле и под землей. Он восседает в небесных сферах на золотом престоле, с высоты недостижимого величия созерцая землю и слабых, ничтожных людей. Когда он развлекается охотой, то, окруженный свитой богов и героев, мчится по облакам и морям на белом коне в золотом шлеме с мечом и копьем в руке. Ему посвящена была среда (старинное *Wodnesdag*). Он однажды сочетался с богиней земли, мира и плодородия, которую Тацит именует Нерттой (Нертус) и которая, подобно своему супругу, носится на золотой колеснице в надземном пространстве. От этого брака родился рыжебородый *Донар* и еще несколько сыновей — богов. Это Тор скандинавов, бог земледелия и плодородия, которому был посвящен четверг (*Donnerstag*). В руке у него молот, но он осторожно и по заслугам рассыпает свои удары. Противоположность ему представляет *Туу*, его брат, Тир у скандинавов, этот двойник Ареса и Марса. Вооруженный мечом,

германский бог войны гневен, как его отец, и никому не дает пощады. До сих пор память о нем германцы хранят в названии второго дня недели (*Dienstag*). Третий из братьев — *Фро*, Фрейр у скандинавов; бог солнца и веселья, покровительствует браку и плодородию, исцеляет от болезней и напастей. Это Гелиос у греков и, подобно ему, он носится по небу и земле на золотом вепре, награждая всех светом и счастьем. Мудрый и красноречивый *Бальдер* (иногда *Фола*), младший из сыновей, давший человечеству закон и правосудие, был убит злым богом Локи, получившем гнусную известность в немецком народном эпосе; за это Локи был наказан казнью Прометея. Прикованный к скале, он чувствовал, как ядовитая змея изливает на него капли яда.

Женские образы в германской мифологии не имеют такой определенности назначения, как мужские, и мало, по своей спутанности, напоминают идеальных богинь Гесиода и Гомера. Все они так или иначе близки Водану; все покровительствуют браку, семейной жизни, плодородию; все обладают лучшими семейными добродетелями, и добрые, и злые. Если жена злого Локи, Сигуна, собирает яд в особую чашу, оберегая своего супруга, то еще больше подвигов ради семьи совершают богини светлого ряда. Они умели с давних пор внушить тевтонам уважение к женщине, издавна получившей у древних германцев общественную самостоятельность и сделавшейся после, в феодальную и рыцарскую эпоху, предметом особого культа и поклонения. Несомненно, что рыцарство германцев выросло на готовой мифической и героической почве, питаясь тем живым материалом, который с самых ранних времен проник в общенародное сознание. Все германские богини так или иначе близки Водану. Верховный бог делит свои ласки между *Нерттой* (землей) и *Фригг*. Последняя восседает рядом с супругом на золотом престоле, не питая ревности к богине земли. Ее другое имя *Фрия*. Богиня *Фрейя* (от имени которой Якоб Гримм производит немецкое *Frau*) также подательница счастья и радости. Драгоценное ожерелье придает этой Афродите германцев особую привлекательность. Но еще более чувственно прекрасна прелестнейшая из богинь, любящая погружаться в прохладные волны озер и рек, *Хольда*. Она обитает под водою во дворце, украшенном золотом, окруженном душами еще неродившихся на земле младенцев, тогда как злая *Хель*, наполовину черная, наполовину белая, царица подземного мира,

источника горя, охраняет ад (Хель). Она дочь злого Локи и великанши Ангрбоды. Окруженная всеми атрибутами зла, убийства, крови, разрушения, Хель несет гибель всякому, кто переступит порог ее дома.

Всем этим богам и богиням древние германцы не строили храмов, но в глубине своих священных лесов они создавали им жертвенники, на которых в их честь закалывали рогатый скот и редко лошадей и людей; последних только для умилоствления разгневанного божества. Тацит упоминает о таких жертвоприношениях, как об исключениях. Так, когда началась война между хаттами и гермундурами, то каждая сторона обещала в случае победы совершить кровавое человеческое жертвоприношение. Победители исполнили клятву, зажав всех пленников вместе с лошадьми. Но обыкновенно в благодарность богам приносили плоды полей как на общественных, так и на частных семейных жертвенниках.

Теогония германцев соприкасается с волшебным героическим миром, в котором рядом с воинственными героями, их величаво гордыми женами, валькириями и другими чистыми в своем целомудрии девами, обладающими даром пророчества, поэзии и врачевания, мы встречаем тысячи маленьких грациозных эльфов, гномов, радостной толпой окружающих своего царя в блестящей короне из алмазов и изумрудов, горбатых карликов, охраняющих подземные клады, неуклюжих, могучих силой, но слабых духом великанов, домовых духов, этих ларов и пенатов древних, добрых и злых никсов, живущих в реках и озерах. Они хотят жить по-человечески, эти духи; они для того нарочно сближаются с людьми, обращаются к ним за врачебными и другими советами, берут от них жен, справляют свадьбы вместе с людьми, думают не без опасения о будущей жизни, интересуясь у людей, получат ли они помещение в Вальхалле или в аду.

Куль и жрецы. У древних германцев не было привилегированного жреческого сословия, наподобие друидов древних кельтов. Каждый отец семьи, по избранию и по способностям, мог совершать общественное служение, приносить жертвы от народа, произносить предсказания на основании гаданий, производимых в священных рощах, по ржанию и храпу особых белых лошадей или по другим приметам. Германский жрец, древний *Ewort*, сперва имел назначение блюсти (поздн. *warten*) порядок при общественном богослужении в судебных собраниях. Он был столько

же духовным, сколько светским лицом, сопровождая в то же время войско (*Heer*) в походах, наказывая во время войны преступников по заслугам. В семьях каждый домохозяин мог приносить жертвы, молиться и гадать о будущем. Долгое время гораздо большее значение, сравнительно с жрецами, имели народные пророчицы, энтузиастки, благородные поборницы древнегерманской свободы. Они предсказывали по разным, им только известным приметам, но руководствовались всегда духом любви к народу. Римские классические писатели с невольным почтением взирают на этих героинь, говоря о подвигах Ауринии, Веледы, Ганны, подвизавшихся во время первых варварских нашествий на римские границы. Несомненно, под их могущественным влиянием находились сами жрецы, руководствовавшиеся их указаниями и желаниями. Надо полагать, что с течением времени власть жрецов усилилась, окрепла, сливаясь иногда, в отдельных случаях, с административным главенством над тем или другим народом тевтонского племени.

Долгое время германцы не признавали другой власти, кроме жреческой. Повиновение служителям религии не считалось нарушением свободы. Но миновал теократический период, и германцы вступили в период монархический. По крайней мере, писатели V в. не видят у германцев республиканского образа правления; всюду, у всех германских народов, преобладает правление деспотическое. Наряду с этой властью существует некое подобие сената и знати, в зависимости от которой находится король и которая ограничивает его.

Мир римский и мир германский. Агломерация германских племен издавна, целые столетия, жила дружно с римским государством. При таких условиях в IV в. новой эры борьба двух миров, римского и германского, обещала окончиться мирным путем. Давно уже германцы целыми тысячами служили в римских легионах, заимствовали у римлян их цивилизацию и распространяли ее среди своих соплеменников. Это было сближение двух противоположных элементов, между которыми не осталось ничего связующего, кроме воспоминания дальнего родства, общего происхождения, общего, но слишком отдаленного пребывания в долинах Тибета. Такое мирное сближение римлян с германцами, происходившими от одного общего арийского (индоевропейского) корня, было очень полезным для распространения римской

цивилизации. Историки того времени представляют германцев народом свежим, бодрым, готовым к восприятию новых идей. Вторя им, немецкие историки новых времен говорят о состоянии обоих народов, в котором они находились в тот решающий момент: «Там, то есть у римлян, запустение целых округов; здесь же, то есть у германцев, массы народов, земледелие которых с каждым годом стесняется. Там возрастающий упадок воинской славы; здесь бодрая, веселая отвага в бою. Там широкая формальная образованность; здесь беспредельное стремление к ней и охота к ее восприятию. Там монархия, умирающая от своего могущества, развившая у себя систему рабства, здесь крепкое чувство свободы и проявляющееся уже стремление к соисканию политического могущества и самостоятельности. Там церковь, основанная на глубоких нравственных началах, способная нравственно воспитать человека, но не имеющая нравственно дельных людей и оттого слишком уже склонная проклинать и презирать; здесь, напротив, сильное, девственное племя, неудержимое в страстях, жаждавшее от церкви учения и готовое в свою очередь обновить ее своими свежими силами»¹.

Христианство могло бы стать той силой, которая была призвана примирить два мира — римский и варварский. Оно сгладило бы расовые и общественные разногласия.

Но случилось иначе.

Союзы тевтонских народов. Прежде чем христианские миссионеры, католики и ариане, проникли к германцам, последние должны были насильственно уничтожить империю. Причина, которая не дала совершиться этому мирному слиянию и привела к насильственному столкновению, заключалась в движении варварских полчищ, вышедших из Азии. Это были гунны, натиск которых заставил германцев прийти с огнем и мечом в пределы Римского государства. Но уже сами германцы в то время были не те, что прежде, ни по своему характеру, ни по компактности своей силы. Некоторые народы исчезли даже по названию. В конце IV в., не говоря уже о хаттах, херусках, кимврах, не было больше квадов, маркоманов, самонитов, норисков, лилиев и буриев. Последние когда-то населяли нынешнюю Силезию. Они были дикарями, носившими черные щиты и раскрашивающими свое тело.

¹ *Sybel*. Entstehung des deutschen Königthums, Frankfurth, 1881.

Они наводили на всех ужас своим видом и своими ночными нападениями. Встречались немногие, страшные прежде имена, как бруктеры, хамавы, сикамбры, — но они уже не были так грозны. Вместо них образуются четыре германских союза, успевшие сложиться после многих переворотов. Эти-то внутренние социальные перевороты, последствием которых было исчезновение целых народов, послужили причиной постепенного напора варваров на римские границы.

Четыре больших союза, о которых я упомянул, были союзами алеманнов, франков, саксов и готов. Наряду с ними действуют и другие народы, как, например: бургунды, вандалы, лангобарды и прочие; но они пока большого значения не имеют. Их историческая сила в будущем.

Ознакомимся с территориями каждого из четырех названных союзов.

Алеманны, название которых произошло от слов *alle* и *Малл*, занимали земли между Дунаем и Майном. Об алеманнах в первый раз упоминает писатель III в. Дион Кассий в биографии римского императора Каракаллы. В этот союз вошли остатки древних квадов и гермундугов. Известна упорная, страстная борьба алеманнов с Юлианом; они всякий раз после его экспедиций вторгались в римские пределы¹. Мы знаем, что борьба эта не привела ни к каким решительным результатам.

Франки. Второй союз был еще более знаменит. Его составляли *франки*, жившие по нижнему течению Рейна и в нынешних Нидерландах. Они упоминаются рядом с другими народами в III и IV веках, но первенство в союзе получили только в IV столетии². Издавна франки славились своей дерзкой отвагой и своими морскими походами, смелым плаванием на плоских лодках, сплетенных из ветвей, из Черного моря в Северное. Эти походы и героические странствия отразились в их народном эпосе. Может быть, слово «франк» происходит от тевтонского *franc*, что значит «блуждающий». Но это наименование правильнее переводить выражением «свободный» или «свирепый», сообразно древнейшему

¹ *Huschberg*. Geschichte der Allemannen und Franken bis Chlodwig, Salzburg, 1840.

² Знаменитому Лейбницу принадлежит специальная диссертация — «De origine Francorum» («О происхождении франков»), Hannover, 1715.

смыслу этого слова. В этот же союз вошли: сикамбры, салические франки, узипетры, хатты, бруктеры и другие народы. Как франки смотрели на самих себя, видно из их юридического салического кодекса, где говорится: «Знаменитый франкский народ, происходящий от Бога, храбрый на войне, постоянный в союзе, сильный, ловкий, красивый, твердый в совете, народ сначала малочисленный, но своей храбростью сокрушивший римское иго и т. д. ...» Они своими подвигами дали богатый материал для народной поэзии, в которой франки всегда рисуются героями. И действительно, они были типом истых германцев. Франки долгое время двигают вперед средневековую историю.

Саксы. *Саксонский* союз составляли все народы, не вошедшие во франкскую федерацию. О саксах упоминают Евтропий, Птолемей и Аммиан Марцеллин. Они говорят, что саксы присоединили к своему союзу фризов, херусков, бруктеров и другие народы, отпавшие от франков, завоевали Вестфалию, а потом подчинили и земли, расположенные по нижнему течению Везера, Эльбы и Эмса. Франки, вспомнив о своих потерянных землях, вступили с саксами в борьбу, длившуюся до XI в. Саксонский союз делился на три группы: остготов, вестготов и эмбров. О саксах известно, что они славились как хорошие моряки и с большим успехом пиратствовали в океане на своих легких, сплетенных из ветвей челноках. У саксов было замечательное государственное устройство, вследствие которого между ними никогда не было усобиц. Каждый из союзных народов в мирное время отправлял своих депутатов, которые собирались в определенном городе и составляли сейм, решавший все союзные дела.

Готы. Самым сильным и могущественным из союзов был союз *Готский*. Сперва Питеас, после Страбон и Тацит знали готов по Висле, недалеко от Янтарного берега. Слово «готы», «геты» значит «господа», то же, что «арии»; в верхненемецком языке с этим значением сохранилось слово *goth*. Липперт считает их тождественными «царским скифам» Геродота, которые неизвестно куда исчезли из истории незадолго до нашей эры. Но это лишь смелая гипотеза. Известно, что готы ушли в Скандинавию, где пробыли несколько столетий, и затем снова появились в Центральной Европе. Что заставило их покинуть Скандинавию — неизвестно; вероятнее всего, климатические условия. Долгое время готы были соседями славян-венедов. Когда среди славян началось сильное

движение, то готы двинулись сразу в трех направлениях: на юго-запад, юг и запад. Тогда же, вероятно, они разделились на остготов и вестготов. Первые выбирали королей из рода амалов («незапятнанных»), а вторые из рода балтов (т. е. сильных, отважных). Рядом с готами действовали герулы, гепиды, товринги, грейтонги и др. Остготы вместе с герулами предпринимали отважные походы на Балканский полуостров и раз даже разграбили Афины, потом пробрались в Трою и, наконец, разгромили в Эфесе храм Артемиды. Конечно, эти предприимчивые дружины, проникнув так далеко, нередко исчезали бесследно, но зато в Европе готы стремились к объединению и образованию сильного государства под властью одного лица. Таким образом, готский союз охватывал территорию от Днепра до Балтийского моря и включал нынешнюю Венгрию, Румынию, Польшу и часть Пруссии. Остготы ладили со скифами и роксоланами, которые изменили им при нашествии гуннов.

Германарих. Первым властителем готы избрали Германриха, который правил девяносто лет. Назначение это было вполне понятно: он считал себя оберегателем готской цивилизации и границ. Вообще в готском союзе были собраны все лучшие элементы германского племени. Готы всегда склонялись к римской цивилизации и праву, римскому общественному строю и нравам; они же первые приняли христианство. К этому же союзу принадлежали вандалы и бургундионы, позднейшие бургунды, жившие в Исполиновых горах, которые *Дион Кассий* называет Бургундскими; он же считает бургундионов одним из вандальских народов¹. Первоначально бургунды жили между Роной и Вислой, потом двинулись в Галлию, поселились в странах Майна и Рейна и отняли у римлян Бургундию. К этому же союзу принадлежали и лангобарды, жившие по берегам Рейна и на Эльбе.

Тацит не знает этих народов, которым впоследствии пришлось играть такую важную роль в истории. Готы, как было замечено, раньше всех своих соплеменников приняли христианство. Новая вера пришла к ним не вдруг, но распространялась последовательно на протяжении двух столетий. В 260 г. пленные каппадокийцы принесли готам Евангелие, и с тех пор между ними начало распространяться христианство. Уже в 325 г. готский епископ Феофил присутствовал на Никейском соборе.

¹ *Binding*. Geschichte des burgundischen Königreichs, Leipzig, 1868.

Вульфила (318—388). Вульфила — таково было настоящее имя готского просветителя — со всем усердием прозелита обращал вестготов в христианство, следуя арианскому духу. Их кунинг Фридигерн принял от него крещение. Его преемник Атнарих вел гонения на христиан и казнил нескольких учеников просветителя. Сам Вульфила должен был заботиться о собственном спасении. Спасаясь от гонителя, он увел за собой своих последователей на правый берег Дуная, в пределы нынешней Болгарии. Здесь, с разрешения императора Констанция, поселилась арианская колония тевтонов; здесь переселенцы, у подошвы Мезийских гор, мирно пасли свои стада; здесь Вульфила, оставаясь ревностным поборником арианства, составил алфавит для своих германских соплеменников, на основе греческого, с прибавлением рун. Ему посчастливилось перевести почти всю Библию, за исключением двух последних книг Царств. До нас дошли только небольшие отрывки из Ветхого Завета, но сохранились все четыре Евангелия благодаря бенедиктинской Верденской рукописи, известной под названием Серебряного кодекса, *codex argenteus*. Это драгоценнейшее наследство средних веков, первый памятник немецкого языка, написанный серебром, целые столетия хранился в Праге, куда был привезен из бенедиктинского Верденского монастыря; отсюда шведы в разгар тридцатилетней войны перенесли рукопись в Упсалу, где она находится в настоящее время.

Когда Священное Писание стало понятно остготам, они массово стали принимать христианство. Тогда они всем народом переселились за Дунай. Вульфила был вызван в Константинополь и там умер. Он был для готом тем же, чем для славян были Кирилл и Мефодий, с той лишь разницей, что Вульфила был одной нации с германцами и готами, а Кирилл и Мефодий различной с руссами и славянами¹. Вестготы приняли арианство и сохранили его в своем новом государстве, которое основали между Роной и Эбро. Должно заметить, что вандалы, свевы и бургунды принадлежали первоначально к православной церкви, но потом перешли в арианство, вероятно, под давлением вестготов, которые передали арианское исповедание и остготам. Таким образом к концу V в. весь готский союз был арианским и только в VI в. готы приняли к себе римских проповедников.

¹ Waitz. Ueber das Leben und die Lehre des Ulfila, 1840.

2. Гунны и великое переселение

Германариху, королю готскому, повиновалась вся Германия. Он был для тевтонов в своем роде Александром Македонским. Громадное царство германское представляло крепкую организацию, которая могла бы с течением времени усвоить римскую цивилизацию. Но новый дикий народ — гунны, вышедший из степей Азии, потеснил роксолан и скифов, обитателей нынешней Южной России и Украины, вследствие чего дан был сильный толчок всем народам, населяющим Европу. Это движение называется гуннским. Оно содействовало сближению и сплочению многих разноплеменных народов.

Вопрос о происхождении гуннов. В западной науке издавна признают, что гунны вышли из Маньчжурии, не поладив там с китайским правительством, и, пройдя всю Азию с огнем и мечом, через великие Каспийские ворота проникли в Европу и наполнили весь тогдашний мир ужасом.

Для уяснения вопроса обратимся к источникам. Характеристику гуннов оставили писатели, ближайшие к ним по времени: *Аммиан Марцеллин, Павел Орозий, Приск и Иордан*. Кроме того мы имеем панегирик, принадлежащий Аполлинарию Сидонию, который говорит о быте гуннов в середине V в. Что гунны кочевое племя, что они большую часть жизни проводили на коне, что, переезжая в своих кибитках, они наводили ужас на всех, с кем приходили в соприкосновение, — в этом все свидетельства сходятся, хотя относятся к разным временам. Теперь приведем мнение каждого порознь, начиная с Марцеллина. Следует отметить, что Марцеллин в IV в. написал большое сочинение — «*Regum gestarum libri XXXI*» (от Нервы до смерти Валента), — из которого до нас дошли последние 18 книг, охватывающие 353—378 гг. Труды Марцеллина, знавшего о гуннах только по слухам, пользуется и Иордан; но он не все заимствовал у Марцеллина; часто он приводит и легендарные сведения. Вот место, где он говорит о гуннах: «В домах гунны живут только в крайнем случае а все время проводят в разъездах по горам и долинам и с детства привыкают переносить голод и холод. Одеваются они в грубые холщовые рубахи и носят на голове шапку с висячими ушами. Жены следуют за ними в телегах, ткут грубую ткань и кормят детей. Никто из них не пашет земли, потому что они постоянных жилищ не име-

ют, а живут как бродяги, без всякого закона. Если вы спросите гунна, откуда он, где его родина — не получите ответа. Он не знает, где родился, где вырос. С ними нельзя заключать договоров, потому что они, подобно бессмысленным животным, не знают, что — правда, а что — неправда. Но они неудержимо и яростно стремятся достичь того, чего хотят, хотя часто переменяют свои желания». Здесь достаточно ясно охарактеризованы гунны; но подобным образом ни один греческий или римский историк не характеризовал славян. Подробнее говорит Иордан в главах 24 и 34—41. Он говорит верно, пока цитирует Марцеллина; когда же сообщает от себя, то часто смешивает истину с басней, хотя и ссылается на Орозия и Приска. Вот как у него начинается 24 глава: «Пятый готский царь Вилимер осудил некоторых подозрительных женщин и выгнал их из земли скифов далее на восток в степи. Нечистые духи, встретив их, сочетались с ними, от чего и произошел этот варварский народ гуннов. Сперва они жили в болотах. Это были низенькие, грязные гнусные люди; ни единый звук их голоса не напоминал человеческой речи. Эти-то гунны подступили к готским границам». Это место важно в том отношении, что показывает ужас, какой наводили гунны на современников; никто не мог появление их приписать чему другому, как порождению демонов.

Первое появление гуннов в Европе. Рассказывая историю гуннов, Иордан приводит следующее место из Приска, писателя начала V в.: «Гунны жили по ту сторону Меотийских болот¹ (в нынешней Кубани). Они имели опытность только в охоте и ни в чем больше; когда же разрослись в большой народ, то стали заниматься грабежом и беспокоить другие народы. Однажды гуннские охотники, преследуя добычу, встретили лань, которая вошла в болота. Следом за ней пошли и охотники. Лань то бежала, то останавливалась. Наконец, следуя за ланью, охотники переходят болота, которые прежде считались непроходимыми, и достигают Скифии. Лань исчезла. Думаю, что это сделали те же демоны», — добродушно заключает Иордан. Не подозревая существования другого мира по ту сторону Меотиды, суеверные гунны, при виде новой земли, приписали все эти обстоятельства указанию свыше. Торопливо они возвращаются назад, восхваляют Скифию и

¹ Азовского моря. — *Прим. ред.*

убеждают свой народ переселиться туда. Гунны той же дорогой спешат в Скифию. Все встречающиеся скифы были принесены в жертву Победе, а остальных в короткое время они покорили своей власти. Пройдя с огнем и копьем, они покорили аланов, которые не уступали им в военном искусстве, но были выше по своей культуре; они измучили их в сражениях.

Причину успеха гуннов Иордан объясняет их страшным отталкивающим видом, что, во всяком случае, имело значение в глазах современников. Гуннам, может быть, не удалось бы победить аланов, но уже своим появлением они приводили их в ужас и те обращались в поспешное бегство, ибо лицо у гуннов было ужасающей черноты, конечно, от пыли и грязи; оно походило, если так можно выразиться, на безобразный кусок мяса с двумя черными отверстиями вместо глаз. «Злобный взгляд их показывает могущество души. Они свирепствуют даже над своими детьми, исцарапывая лицо их ножом, чтобы они прежде, чем коснуться груди своей матери, испытали бы боль от ран». Они стареют, не имея бороды: лицо, изборожденное железом, лишается от рубцов «украшения взрослых». Они невысокие, но широкоплечие, с толстой шеей; вооружены огромным луком и длинными стрелами: они искусные наездники. Но, обладая человеческой фигурой, они живут по образу зверей¹.

Иордан жил в VI в., но его свидетельства относятся ко времени первого появления гуннов (в середине IV столетия). Интересно узнать, насколько видоизменились гунны впоследствии? К счастью, мы имеем панегирик Аполлинария Сидония. Дело в том, что спустя сто лет гунны продолжали бороться со скифами. Римский полководец Антемий около 460 года защищал римскую империю от вторжения этих варваров и свои наблюдения мог передать Аполлинарию, который внес их в сочиненный им панегирик, написанный тогда, когда Антемий стал императором. Сообщения его ясно свидетельствуют в пользу того, что гунны в продолжении ста лет несколько не переменились. «Этот гибельный народ, — говорит Сидоний, — жесток, жаден, дик выше всякого описания и может назваться варваром между варварами. Даже детские лица носят печать ужаса. Круглая масса, оканчивающаяся углом, круглый безобразный плоский нарост между щек, два

¹ Иордан. О происхождении и деянии гетов и готов, с. 24.

отверстия, вырытые во лбу, в которых вовсе не видно глаз, — вот наружность гунна. Расплющенные ноздри происходят от поясов, которыми стягивают лицо новорожденного, дабы нос не препятствовал шлему сидеть крепче на голове. Остальные части тела красивы: грудь и плечи широкие, рост выше среднего, если гунн пеший, и высокий, если он на коне. Как только ребенок перестает нуждаться в молоке матери, его сажают на коня, чтобы сделать его члены гибкими. С этих пор гунн всю жизнь свою проводит на коне. С огромным луком и стрелами он всегда попадает в цель, и горе тому, в кого он метит».

Это свидетельство V в., написанное через сто лет после Марцеллина и за столько же до Иордана. Видно, что Сидоний не подчиняется Марцеллину в такой степени, как подчиняется ему Иордан, а, напротив, отличается самостоятельностью. Гунны, казалось, могли бы измениться за сто лет, но этого не случилось.

Говорят, что римские историки не знали славян и могли их смешать с гуннами. Но у Приска мы находим первые упоминания о славянах, причем он достаточно четко отличает славян от гуннов. Известно, что славянская колонизация началась в пределах Римской империи в IV и V вв. (в нынешней Далмации и по Дунаю). В то время о славянах ничего еще не сообщалось. Непосредственные сведения о них находим у Прокопия и Маврикия. Оба они занимали высшие придворные посты в Византии и писали в первой половине VI в., т. е. одновременно с Иорданом, если не раньше. По рассказам их, нет никакого сходства между славянами и гуннами; они не лишены были возможности отличить одно племя от другого. Таким образом, оригинальное мнение г. Забелина о родстве славян с гуннами вряд ли может выдержать строгую критику, несмотря на всю эрудицию, которой оно внушительно обставлено. Тем не менее, ученый спор нельзя считать законченным; разрешение темного вопроса — в будущем.

Переходим к непосредственному изложению событий. Натиск гуннов был неодолимым. Немой ужас, какой испытали наши предки во время татарского нашествия, был слабой тенью страха от скифов и аланов. Скифы давили на остготов, остготы на вестготов. Паника в те ужасные времена доходила до того, что целые народы в 200 тысяч душ, лишённые всяких средств, теснились на берегах рек, не имея возможности перейти их. Король остготов *Германарих* рассчитывал на поддержку других племен, но они

ему изменили, чему он сам был, будто бы, причиной. *Германарих* два раза был разбит гуннами, и остготы должны были, наконец, покориться, когда кунинг с досады пронзил себя мечом и умер 110-летним старцем.

Гуннами тогда предводительствовал Виламир, человек, обладавший большим тактом. Он собрал вокруг себя громадные силы. В нынешней Южной России и Венгрии гунны прожили спокойно 50 лет. Тогда вестготы и овладели Фракией. Только Феодосий своими искусными действиями и переговорами мог удержать вестготов от вторжения в глубь империи.

Окончательное разделение империи на Восточную и Западную в 395 г. После Феодосия, умершего через год после объединения империи, она вновь по его воле была разделена на Восточную и Западную между его сыновьями Аркадием и Гонорием. Первый получил провинции на Востоке, второй — на Западе. Оба сына Феодосия — одному было тогда 18 лет, другому 11 — были воспитаны так, как будто бы их готовили в монахи или священники. Неспособные к правлению, сами они передали свою власть министрам. Конечно, они не могли управлять лично; у Гонория главным правителем был энергичный Стилихон, у Аркадия — Руфин, честолюбивый лицемер, думавший о себе, а не о государстве.

Стилихон и Аларих. Великодушный характером, благоговейный перед цивилизацией, полководец по призванию, Стилихон мог бы спасти империю, если бы это было возможно для человека. Он рассчитывал воссоединить и объединить обе ее части. То время было самым опасным для существования Римской империи. Не говоря о гуннах, воинственный народ вестготов, ведомый отважным Аларихом, грозил римским пределам. Вестготы перешли Дунай и вторглись в империю. Аларих был полководцем по призванию. Он родился на одном из островов Дуная; еще в молодости совершил многие военные подвиги и тогда еще навел ужас на Грецию. Но в душе у него была одна черта, которая сближала его с христианством. Арианин по вероисповеданию, он питал глубокое уважение к образованию; вестготы разрушали все, но щадили христианские церкви. При нашествии на Грецию в 396 г. Аларих пощадил Афины и монументальные памятники эллинского искусства. Язычники говорили, что сама Афина, стоя на стенах, грозила Алариху. Понятно, что такой соперник был опа-

сен Стилихону. Аларих считал себя вправе прогуливаться по империи со своими германцами; империю защищали также германцы, нанятые Стилихоном. В Лигурии, у города Полленции, близ берегов Генуэзского залива, в конце марта 403 г. произошла решительная битва за существование Римской империи. На этот раз перевес остался на сторон римлян. Аларих при отступлении потерпел второе, более решительное поражение под Вероной. Между тем германские дружины из бургундов, свевов, вандалов и аланов произвели новый натиск и дошли до Флоренции. Стилихон занял горные проходы. Долины Этрурии покрылись варварскими трупами. Здесь можно было наблюдать интересное явление. Потомки настоящих римлян поручили защищать себя варварам, а сами калечили себя, чтобы избавиться от военной службы. Империя сама не в силах была защитить себя; она медленно шла к падению, и заслуга Стилихона в том, что он отдалил конец ее еще на несколько лет. Но и в этом смысле он для Италии сделал то, что некогда свершили Камилл и Марий.

Западной империи грозили также гунны, которые не могли успокоиться на Востоке и смотрели на свою жизнь в Скифии, как на временный отдых. Собирая средства для защиты Италии, Стилихон отозвал легионы из Галлии и Испании, оставив, таким образом, эти провинции в жертву варварам. Франки, бургунды, свевы, аланы и вандалы теперь устремились в Галлию; первые — чтобы остаться здесь навсегда, последние же — чтобы оттуда через Пиренеи перейти в Испанию и там поселиться. Тогда пали нынешние Страсбург, Шпейер, Майнц и другие менее известные соседние города. Но тут же в Галлию с севера из Британии явился самозванец — Константин, который овладел не только Галлией, но и Испанией и господствовал в этих странах 4 года (407—411). В самой Испании явился одновременно другой самозванец. Стилихон должен был действовать везде и быстро.

Вестготы в Испании. Наконец и сама Испания застонала от напора вестготов. Стилихон, как думают некоторые, вошел в сношение с предводителем вестготов Аларихом, надеясь при его содействии свергнуть Гонория и овладеть сперва западной частью империи, а после стать повелителем всей империи. Но во всяком случае, если и были сношения с кунингом вестготов, то они не привели ни к каким результатам. Аларих подошел к границам Италии, предъявляя на нее свои права. Стилихон, понимая силу

кунинга вестготов, убеждал сенат обсудить требования Алариха. Этим воспользовались враги Стилихона, чтобы обвинить его в измене. Стилихон мог бы уничтожить своих противников, мог бы завладеть Равенной, но он не хотел обогреть кровью междоусобной войны империю, которую так любил. Гонорий, воспользовавшись нерешительностью Стилихона, велел его убить, хотя был женат на его дочери. Вождь умер с геройством, достойным римлянина (23 августа 408 г.). Его место занял Олимпий и открыл гонение на друзей Стилихона и на ариан вообще. Государственные сановники должны были теперь заниматься религиозными препираниями и исследованиями. Среди варваров в Риме было много ариан. Жены их, видя казни и притеснения своих родных, убежали к Алариху, прося его напасть на Рим и обещая полный успех. Сам Аларих был арианином и смотрел на предстоящую борьбу с религиозной стороны.

Осада Рима в 408 г. Переправившись через реку По, Аларих беспрепятственно дошел до Рима, обойдя Равенну, где жили императоры, и разрушая все по пути. Зимой 408 г. Аларих разбил свои шатры на берегах Тибра. Ужас овладел римлянами, которые шестьсот лет не видели внешних врагов у своих стен и восемьсот лет не встречали их на улицах вечного города. Вместе с ужасом проявилась и гнусная мстительность трусов. Сенат обрушился на неповинную вдову Стилихона, Серену, племянницу Феодосия Великого. Ее удавили с согласия императрицы Платидии, ее родственницы. Но это, конечно, несколько не помогло беде, а только более ободрило Алариха, который явился мстителем за Стилихона и который с омерзением узнал о новом убийстве. Подвоз съестных припасов в столицу прекратился благодаря конным разъездам вандалов, служивших в полчищах Алариха. Рим был обложен теснее. На столицу обрушилась страшная кара. Начался голод с раздирающими душу картинами. Тысячи людей ежедневно умирали мучительной смертью. Голодные бросались на трупы; бывали случаи, что матери убивали детей и ели их тело. Ко всем ужасам присоединилась эпидемия, уносившая неисчислимые жизни. Помощи не было ниоткуда.

-Долго держались римляне.

Наконец, сенат отправил к Алариху послов, которые с приторной гордостью превозносили римские войска и богатства. «Чем гуще трава, тем легче ее косить», — отвечал Аларих. Он

требовал себе всех богатств, оставляя римлянам «только одни души». Сенат согласился выдать пять тысяч фунтов золота и тридцать тысяч фунтов серебра и драгоценных товаров. Пришлось пожертвовать украшениями древних храмов и обратить в слитки серебряные идолы. Аларих захватил сорок тысяч освобожденных германских рабов. Он отступил от столицы, чтобы через два года снова напасть на нее.

В 410 г. Рим ожидали еще более тяжелые и уже на этот раз неотвратимые несчастья. Империи пришлось много выстрадать от руки варварского вождя, искупая этим свои прежние несправедливости к покоренным народам. Аларих, под предлогом исполнения договоров, считал себя истинным повелителем Западной империи. Его войско, увеличенное озлобленными рабами, стало еще грознее. Тогда Аларих, расположившись в Этрурии, завел новые переговоры с Равенной, требуя себе Норик и Далмацию для поселения вестготов. Гонорий имел неосторожность отказать. Тогда Аларих решил принудить в тому императора силой и осадил Равенну, где в то время находился Гонорий со своим двором. Но Равенна, получая съестные припасы с моря, не сдавалась. Тогда Аларих, все более и более озлобляясь, в 407 г. объявил второй поход на Рим, взял Остию, провозгласил императором Запада римского префекта Аттала, возложив на него через посредство арианского епископа знаки императорского сана. В свою очередь Аттал назначил Алариха главнокомандующим императорских войск. Это ни к чему не привело. Гонорий, руководимый патриотической партией, продолжал противиться, хотя по временам его одолевала трусость и он собирался бежать на Восток. Аттал, по приказанию Алариха, потребовал от него отречения от престола и получил презрительный отказ. Гонорий надеялся на крепость Равенны, силу четырех тысяч ветеранов, которые ее охраняли. Между тем Аларих разгневался на Аттала, который не пожелал уступить страшному кунингу Африку. Аларих так же быстро развенчал его, как прежде короновал; он попытался последний раз прийти к соглашению с Гонорием и снова получил тот же отказ. Теперь вождь вестготов окончательно решил во чтобы то ни стало покончить с Римом. Он объявил третий поход на столицу.

Взятие Рима Аларихом 24 августа 410 г. Рим должен был погибнуть. Это было в последние дни августа 410 г. С надеждой на добычу, исполненные радости и отваги, потекли десятки тысяч

опытных воинов Алариха из Этрурии на Рим. Стены не могли защитить город; жители были слабы и изнеженны. Римское духовенство не предполагало и не верило тому, что Аларих способен будет шадить церкви. Оно готовилось погибнуть со своей святыней. Когда готы подошли к Риму, то защита его была так слаба, что несколько человек сумели перелезть через стену и отворить ворота. Ворвавшись в город, кунинг отдал его на разграбление солдатам, как обещал им ранее. К победителям присоединились рабы, призванные к свободе. Разрушение было ужаснее, если бы Аларих и его воины не были христианами. Кунинг, хотя и арианин, запретил грабить католические церкви и, под страхом смертной казни, приказал воинам шадить имущество всех духовных лиц. Он запретил также трогать безоружных. Свирепость воинов обрушилась на памятники языческого искусства; разрушены были дворцы цезарей, откуда некогда предпринимались строгие меры против германцев. Грабеж города продолжался три дня и прекратился по следующему поводу. Один воин пришел в дом к христианке и стал отнимать у нее золотые сосуды, но она сказала, что сосуды эти священны, что они взяты с гроба Св. Петра. По приказанию Алариха эти предметы с торжеством были перенесены в храм Апостола. Римляне, составлявшие процессию, запели священные песни; грабители перестали свирепствовать, присоединились к процессии, и грабеж прекратился.

Разграбив Рим, Аларих, обремененный добычей, отправился в Южную Италию, строя самые широкие планы. Он понимал, что его многочисленные полчища не могут существовать без обладания Сицилией и Африкой, без этих житниц Древнего Рима, и потому теперь же замыслил покорить эти области. Но смерть настигла его во цвете лет, на 34 году жизни в неаполитанских пределах. Это было осенью 410 г. Готы заставили рабов отвести в сторону течение реки Бизонцы и на дне ее похоронили своего великого вождя с его сокровищами и любимым конем. Потом опять велели пустить воду в прежнее русло и умертвили работавших рабов. Готы боялись, что римляне еще восторжествуют и надругаются над трупом их вождя.

Атаульф (410—415) и поход вестготов в Испанию. После смерти Алариха готы признали вождем своим родственника его Атульфа. В числе пленных находилась прекрасная Плацидия, сестра Гонория, на которой Атаульф задумал жениться. Рассчи-

тывая получить что-нибудь в приданое за Плацидией, он захотел оформить это дело и отправил к Гонорию посольство просить руки его сестры. Гонорий согласился на брак и дал в приданое за сестрой Юго-Восточную Галлию.

Но тут готы не могли существовать вследствие недостатка съестных припасов, а Гонорий не намерен был помогать им своими средствами. Тогда вестготы пошли далее, заняли Южную Галлию и напали на Марсель, но были отбиты Бонифацием. Тогда Атаульф направился за Пиренеи и занял Северную Испанию. Здесь Атаульф и преемник его Валлия основали Вестготское королевство. Оно вначале простиралось от Гаронны до Эбро со столицей в Тулузе, а потом распространилось постепенно на весь Пиренейский полуостров, когда вандалы и аланы удалились в Африку. Вестготский кунинг был официально признан Гонорием императором, и Испания была уступлена ему как наместничество на тридцать лет, но готы остались там на целые века.

В то время одно племя за другим врвалось в Римскую империю, оставляя на прежних местах своего жительства только стариков и неспособных носить оружие. Приближение гуннов еще более усиливало движение. Бургунды, жившие на реке Майн, сдвинутые со своих мест, положили начало Бургундскому германскому королевству. Франки по их следам овладели северной Галлией.

Вандальское королевство в Африке. Вандалы, пришедшие с Балтийского моря, отошли в Южную Испанию, теснимые с севера остготами. Римский полководец Бонифаций, наместник Африки, призывает их на помощь против Аэция. Но вандалы, вместо помощи, завоевывают под предводительством Гензериха Африку и основывают здесь Вандальское королевство с главным городом Карфагеном.

На вандалах очень ясно обнаружилось влияние социальных, климатических и географических условий. Живя среди роскошной природы, не побуждаемые необходимостью трудиться, вандалы скоро изнежились, и государство их быстро стало разрушаться. Эти германцы с безотрадных, угрюмых берегов Балтийского моря, славившиеся всегда своей дикой свирепостью, вошедшей даже в пословицу, через одно поколение сделались истыми африканцами. Правда, их жестокости продолжали проявляться в ужасающих формах, но они оказались способными к культуре.

Во всем свете они считались отличнейшими гастрономами; пиры их были знамениты, а суровая их простота превратилась в женскую страсть к нарядам. Высокие, одетые в шелковые хламиды и великолепно разукрашенные, сидели они в театрах, любуясь танцовщицами и гистрионами и тоном знатоков, как истые меломаны, судили о достоинствах греческой струнной музыки. Они неумеренно, как никто из германцев, пользовались жизнью. Их мужской забавой осталась охота на львов и тигров, и эти подвиги часто изображались на германских щитах. Вандалы, как и все германцы, не любили городов; они жили помещицкой жизнью в отведенных им землях. Поэтому Гензерих, опасаясь вообще недоступных укреплений, приказал разрушить в Африке все городские стены. Эти варвары жили большей частью в прекрасных парках, которые греки считали раем, под сенью тропических растений и журчащих фонтанов. Они считались очень богатыми; огромные массы золота они привезли из Испании в Африку. Они владели отличными землями и не платили за них ничего. Вандалы, как и все германцы, завоевывая известную страну, третью часть земли брали в свою пользу, и люди, населявшие их землю, делались их крепостными. Примечательно, однако, что теперь жители менее жаловались на свое положение, чем прежде при императорах, когда они были свободны и когда каждый из них пользовался правом римского гражданства.

Изменения в быте и характере германцев. Положение других германцев немногим отличалось от обстановки вандалов. Они достигли того, чего искали. Каждый из них владел землями, которые отдавал поселянам для пользования на весьма выгодных для себя условиях. Каждый из них нежил в своем доме, как римлянин, на попечении толпы рабов. Покорно преклонялись перед ними греческие философы и римские риторы, а сенаторы рады были, что, пользуясь их покровительством, они сберегали себе жизнь. Но все-таки германцев поражало оживление и блеск римских городов; в городах эти землевладельцы сознавали себя невеждами и вообще чувствовали себя не на месте. И хотя они соревновались с римлянами в роскоши и старались сравняться с ними во внешнем блеске, но к их роскошному образу жизни примешивалась грубость германцев. Все это подражание было неумелым, странным, далеко не изящным, но тем не менее они пропитывались духом римской цивилизации, которая не умирала

долгие века. Эту цивилизацию римляне передали варварам. В то время, о котором мы говорим, на улицах римских городов германцы видели сотни красивых предметов, не зная их применения. Но при этом из души германцев никогда не уносилась идея великой римской империи. Каждый германец считал за честь быть подданным римского императора. Германские кунинги гордились не тем, что победили римлян, а тем, что будут находиться под верховной эгидой римских властителей. Ни один германский кунинг не обладал такими многочисленными стройными легионами, какие еще мог выставить римский император. Огромное пространство римской империи и огромные средства римских императоров поражали воображение германцев. Поэтому, хотя германские повелители неограниченно управляли своими народами, но все-таки признавали верховную власть римских императоров, будучи фактически всегда сильнее их.

Они заимствовали у римлян не только обстановку, законодательство, но и язык. Известно, что латинский язык оказал громадное влияние на германские. В италийском, провансальском, французском и испанском языках латинских корней больше, чем германских. В душе германцы всегда были способны к восприятию лучших сторон древности, к усвоению идей, выработанных классическим миром. Правда, их короли были безграмотны, но они понимали, что им не создать лучшей жизни, что необходимо заимствовать античные формы. Конечно, эти заимствуемые формы пропитывались германским духом, который господствовал в Европе до самых крестовых походов.

Напор гуннов. Пока германцы собирались разделить окраины римской империи, гунны вступили в сношения с восточными императорами. Преемник Валамира, гуннский князь Улд поступает на службу к Восточному императору в 405 г. и даже воюет с готами во Фракии и Мезии. После него считаются римскими вождями Донат и Руг, но уже последнему восточный император платил дань в триста пятьдесят фунтов золота¹. Донат жил где-то в Приднепровье; Руг продвинулся ближе к Западу.

В период между 410 и 430 гг. гунны делают величайшие успехи. В это время Восточный Римский император принял к себе бежавших скифов, подданных гуннов. По этому случаю завязал-

¹ См. *Földvary*. Les ancêtres d'Attila, 1875.

ся спор. Гунны требовали выдачи скифов, как переметчиков, а Византийский император не хотел уступить. Гунны требовали очень настоятельно. Тогда византийское правительство отправило к гуннам посольство с секретарем Приском, который оставил описание своего путешествия. Посольство не застало в живых Руга. Он умер в 434 или 435 г., оставив власть двум сыновьям своим Аттиле и Бледу (Влида), которые и приняли византийское посольство.

Аттила. Аттила убил брата своего Бледа и сделался единодержавным государем в пределах от Волги до Венгрии, от Ледовитого моря до Черного и Адриатического. Аттила кроме гуннов властвовал как народами Центральной Европы, над гепидами, лангобардами, остготами и славянами, которые, сохраняя своих князей, повиновались гуннам.

Личность Аттилы осталась в памяти потомства, окруженная обаянием величия и тайны. Он владел полумиллионной армией, конной и пешей; численность ее вовсе не преувеличена. Современники смотрели на него с подобострастием и ужасом. Он родился для внушения страха всем. Низкого роста, с широкой грудью, он выдавал свое гуннское происхождение маленькими глазами, редкой бородой, вздернутым крючком носом и почти черным цветом кожи. В бешенстве лицо его страшно изменялось, глаза метали пламень; тогда он приводил в трепет смелых мужчин. Его слова и действия были окрашены известного рода силой, рассчитанной на эффект. Если он куда устремлялся, то скорее для того, чтобы уничтожать, чем грабить. Когда убивал, то с тем, чтобы оставить тысячи трупов без погребения на зрелище живым. При этом он был милостив в тем, которые умели подчиняться, отзывчив на просьбы, благороден по отношению к своим слугам и справедлив, как судья, для своих подданных. Одежду он носил всегда простую, но чистую; его пища состояла из говядины, впрочем, без всякой приправы, которую ему подавали на деревянных блюдах. Вообще его простой и умеренный образ жизни как бы противоречил той роскоши, которую он любил видеть вокруг себя. В его царственной натуре была черта действительно теплого добродушия, ибо многие народные вожди, в сущности независимые, сохраняли ему искреннюю верность. Пока он был жив, до тех пор мощь и волшебная сила его обаяния делала его центром государства, которое не уступало монархии Александра

Великого и было построено на союзах. Он по своим дарованиям мог рассчитывать на славу, но найденный и принесенный ему меч Марса увеличил в нем его самоуверенность. В то время кочующий двор Аттилы был самым богатым в Европе и не отказывал себе в роскоши. Кунинги и князья германские составляли его придворный штат. В толпе, окружавшей резной забор его дома, находились предводители народов от Персии до Пиренеев. Княжеские дети из германских земель воспитывались у него, как заложники, и жили вместе с вождями племен, кочевавших по Волге и Средней Азии. Князья из знаменитейших германских родов ожидали его повелений. Покоренные прибалтийские славянские народы привозили ему меха соболей и выдр. Византийские и римские послы со страхом ожидали его решений. Спорить с ним было нельзя. Судьба властителей и народов зависела от его милости. Он занимал тогда такое же положение, какое занимал Наполеон I в начале XIX в.

В то время гунны были уже не те, какими они вышли из степей Азии. Гунны породнились с германскими, славянскими и финскими народами. Они привыкли к оседлой жизни. Теперь с ними можно было вести переговоры; они держали слово, потому что им приказывала одна воля. Они более походили на германцев во времена Арминия, чем на прежних гуннов. Первые победы Аттилы неизвестны. Аттила говорил тоном диктатора с римскими императорами.

Аэций. Может быть, он тогда же покорил бы Римскую империю, но встретил соперника в лиц Аэция, полководца Валентиниана III, человека честного и даровитого. Аэций воспитывался при гуннском дворе еще при отце Аттилы в качестве скифского заложника; может быть, он и сам был гуннского происхождения. Судьба определила Аэцию быть спасителем Римской цивилизации. Его благородные усилия привели к тому, что запад Европы остался чужд азиатскому влиянию, господствовавшему в стане Аттилы.

Мы уже замечали, как германцы, фактически господствуя над империей, преклонялись перед ее обаянием и ссорились из-за обладания ею. Каждый народ, который прежде других овладевал частью империи, считал делом чести защищать не только свою часть, но и все государство против своих же собратьев. Кунинги этих народов делались действительными правителями империи, но тем не менее верховную власть они признавали в лице импе-

ратора. Мало-помалу во всех областях появились германские вож-ди. Они были истинными властителями обеих империй, и как впоследствии рыцари преломляли копье по слову дамы, так и эти кунинги боролись со своими собратьями за обладание империей. Они не жалели своих сил и крови, если только получали от императора известные прерогативы или известную долю владений на правах вассалов. Раз усыновленные империей, они были верны ей и честно исполняли свои обязанности по отношению к сюзерену. К числу таких личностей принадлежит Аэций.

Мы не знаем, любил ли он в душе римскую цивилизацию, или боролся вследствие личной ненависти; но знаем то, что он защищал честь и достоинство империи, сам будучи варваром, против другого, более ужасного варвара. С одной стороны, он твердо держал знамя цивилизации в борьбе с Атилией, с другой — не стеснялся приглашать тех же гуннов против личных своих врагов.

Он получил военное воспитание и образование в гуннском стане, на берегах Тиссы. Сперва он неограниченно господствовал в Западной империи. Он вооружил слабого Гонория против его честолюбивой сестры Платидии, вдовы вестготского короля и против ее детей: Валентиниана и дочери Гонории. Он выгнал их из государства, так что они искали убежища при византийском дворе.

Феодосий II (408—450) и Пульхерия на Востоке. Там с 408 г. императором был Феодосий II, сын Аркадия, — орудие духовенства, евнухов, придворных и женщин. Это не помешало тому, что в царствование Феодосия II были сведены в кодекс памятники римского законодательства (*Codex Theodosianus*), благодаря труду комиссии из восьми юристов. При Византийском дворе умели согласовать благочестие с тонким образованием и пышностью. Впрочем, молодым императором руководила его талантливая сестра Пульхерия, обладавшая хорошими качествами своего деда Феодосия. Она не хотела выходить замуж, посвятив себя делам церкви и государства. Она явилась ревностной поборницей государственных интересов, но еще более заботилась о церквях и духовенстве. Получив титул Августы, она стала фактически императрицей. Сам Феодосий II жил во дворце, читал, молился, упражнялся в каллиграфии, переписывая молитвы, иногда охотился и всегда подписывал просмотренные сестрой повеления и распоряжения. Он женился по выбору Пульхерии, на неофитке Евдокии, дочери языческого философа, которая после стихами

Гомера слагала по Евангелию рассказы о жизни Спасителя и изображала в стихах ветхозаветные повествования. Евдокия впоследствии задумала приобрести политическое влияние. Тогда Пульхерия приревновала свою питомицу к власти и своевременно приняла решительные меры. Императрице было указано жить в одном из иерусалимских монастырей; ее приверженцы были устранены от дел, а некоторые казнены. Пульхерия еще более забрала в руки слабого, ленивого и податливого брата. От него имени она счастливо воевала с персидским шахом Бахрамом. Последствием этой войны было разделение Армении между Персией и Византией.

Валентиниан III (425—455) и Платидия на Западе. Аналогичное явление совершается на Западе. Так, вместо императора Валентиниана III правит его мать, Платидия, которая после смерти Гонория, в 423 г., успела отвоевать себе власть над западным престолом. Тот же Аэций, который боролся прежде против нее, становится теперь первым государственным чиновником и самым близким лицом. Это показывает азиатскую изворотливость и хитрость Аэция. Что он был замечательно ловок — это несомненно, но несомненно также и то, что он был человек незаменимый. Со времени вступления на престол Валентиниана III не проходило года, чтобы Аэций не отличился каким-нибудь полезным и славным предприятием. Аэций счастливо воевал с бургундами, алеманнами, франками, два раза отражал вестготов и так расположил к себе гуннов, что они долго не трогали Западной империи и ограничивались набегами на византийские пределы.

Обыкновенно Аэция обвиняют за его интриги с Бонифацием, который, будучи наместником Африки, дошел до того, что пригласил вандалов для защиты от притеснений со стороны императора. Действительно, Аэций не любил Бонифация и, может быть, сам склонил его к измене, чтобы после погубить его и затем предать страну вандалам, которые, по словам Августина, епископа Иппонского, произвели в ней страшные опустошения.

Известно, что вандалы, будучи арианами, свирепо мучили население. Они нарочно распространили заразу, обкладывая стены городов трупами, которые под действием африканского солнца быстро разлагались. Такой способ войны вандалы применяли с тою целью, чтобы скорее покорять города, которых штурмом они взять не могли. Те же вандалы первое время во всей Афри-

канской провинции оставили только три церкви; они губили виноградники, фруктовые деревья, разорив страну до того, что в некоторых городах не осталось не только ни одного дома, но и ни одного человека. Только после, когда вандалы осели и свыклись с побежденными, страна оправилась от страшного потрясения.

Какое печальное положение государственных и общественных дел было в то время в Западной империи, видно из того, что тот же Бонифаций, который лишил империю такой прекрасной провинции, как Африка, был приглашен Плацидией в соправители. Аэций справедливо возмутился; призвав гуннов против Бонифация, тот вступил с ним в борьбу, но был побежден и умер от раны. Аэций в сущности является мятежником. Но виной этому — сама Плацидия. Она передает начальство над войсками некоему Себастьяну, который приглашает к себе готов. Аэций одерживает верх, и та же Плацидия вверяет ему, своему вчерашнему врагу, начальство над войском и верховную власть, не скрывая все-таки намерений от него избавиться. Извинительно, что Аэций при этих обстоятельствах должен был поддерживать связи с гуннами, которые сверх того были опасны для слабой империи.

После этого понятен беспрестанный переход греков и римлян в гуннский лагерь. Положение было поистине ужасным; исчезло понятие о чести. Честность была чем-то ненормальным. Чиновники фиска стали сатрапами и вампирами страны.

В описании Приска, секретаря посольства к Аттиле, встречается факт, который показывает, с какой легкостью римляне и греки превращались в варваров. Приск встречает при дворе Аттилы одного скифа, хорошо одетого, постриженного в кружок, по скифскому образцу, и хорошо говорившего по-гречески. Приск спросил его, из какой он страны. Тот отвечал, что он был мирным греком, попал в плен к гуннам и, будучи рабом, дрался с римлянами и, после того как приобрел достаточное количество добычи, принес ее своему господину, от которого, в силу скифских законов, получил свободу. После этого он стал гунном, женился на женщине варварского племени и прижил с ней детей. Он предпочитал свое настоящее житье прежнему, потому что пленники живут в гуннском лагере спокойно и беззаботно. Каждый пользуется тем, что у него есть. Пленный грек затем, подобно нашему Котошихину, описал состояние византийского государства в далеко не привлекательных чертах. Он указывал на непосильное

взимание налогов, притеснения несправедливого и бесконечно долгого суда, наглое взяточничество и, при множестве законов, полное беззаконие. Все это делает жизнь в Византии невыносимой. Конечно, секретарю византийского посольства было неприятно выслушивать эту горькую истину. Он стал защищать свое государство. Он говорил, что римские законы хороши, что им подчиняются даже сами императоры, тогда как у варваров господствует произвол и нет гарантии свободы и безопасности. Под конец грек расчувствовался. Со слезами на глазах он сказал: «Законы римлян хороши, их государственный порядок также хорошо устроен, но дурные начальники колеблют и разрушают его».

Такое государство, расшатанное в своих политических и общественных основах, могло влачить остатки своего жалкого существования только в соглашении с варварами, постоянно его одолевавшими. Некоторыми сторонами варварский мир привлекал к себе. Там перед деспотизмом одного властелина были все равны; там не допускалось притеснения от чиновников; там правосудие было равно для всех от вождя германского племени до последнего раба. Сами греки сознавались, что жить под рукой Аттилы лучше, чем в империи. Зато Аттила был взыскателен к другим властителям; он и от них требовал безусловного повиновения. Аттила пожелал даже однажды принять участие в семейных делах своего писца. Он требовал от императора, чтобы его женили на той или другой богатой наследнице, грозя иначе пожаловать лично в Византию и разделить приданое со своим приближенным.

Аттила искал случая разорвать сношения с обеими империями. Случай этот скоро представился. По смерти Феодосия II его преемник Маркиан отказал Аттиле в обычной дани. Одновременно с этим он получил отказ от Валентиниана III, императора Западной Римской империи, в руке сестры его Гонории, которая сама дала ему слово и прислала кольцо. Известно, что этот факт перешел в поэтические сказания германского эпоса, где вместо Гонории выведен тип германской героини. Конечно, Гонория, вступая в заочные сношения с Аттилой, искала случая избавиться от железных тисков матери.

Но Аттила не считал лишним украсить свой гарем сестрой римского императора. Он принял предложение Гонории близко к сердцу; поэтому отказ сильно оскорбил Аттилу. Он еще раньше

имел разногласия с Валентинианом по поводу галльских вестготов, которых не переставал считать подданными. Теперь же дружественные отношения между могущественным Атиллой и обоими римскими дворами окончательно порвались. В то же время Атила получил от вандальского короля Гензериха подарки с предложением напасть одновременно на Запад и подчинить вестготов. У вандальского короля был серьезный предлог к войне с кунингом вестготов. Тогда повелителем вестготов был Теодорих. Он имел несчастье отдать свою дочь за сына Гензериха. Последний невзлюбил свою невестку. Однажды ему показалось, что она составляет для него яд. Этого было достаточно. По одному подозрению, без всяких доказательств, варвар отнял ее у мужа, отрезал ей уши, вырвал ноздри и отправил к отцу¹. Этой жестокостью возмутились даже вандалы. Отец несчастной решился отомстить злодею. Чтобы прогнать грозу, Гензерих обратился к Атилле, который продолжал считать вестготов своими подданными. Атила одновременно потребовал у Валентиниана выдачи вестготов, а от Теодориха отречения от союза с Римом; обоим им он отправил письма. «В этом видно человека тонкого, — замечает Иордан, — прежде чем вести войну, он сражается хитростью». Это дипломатическое искусство подкупало в пользу Атилы русских исследователей, именно Погодина и Забелина, которые видели в нем не вождя дикого племени, а царя народа, возросшего уже граждански. Но мы указывали, что гунны времен Атилы были далеко не те и что племенные свойства их после того, как они вышли из Азии, значительно изменились от сношения с соседями, от слияния со славянами и под влиянием географических и климатических условий.

Поход Атилы на Галлию. Атила, имея одинаковые поводы к вражде с Византией и Римом, двинулся на Запад в 450 г. Со времен Ксеркса Европа никогда не видела такого скопления известных и неизвестных народов; насчитывали не менее 500 тысяч, а по другим сведениям — до 700 тысяч человек в ополчении Атилы. Тут был азиатский кочевник и славянин; алан с огромным копьем, в роговой кирасе и в шлеме, раскрашенный и татуированный гелон, с косою вместо оружия и в накидке из человеческой кожи вместо плаща. Германия вызвала с севера и запада самые отдаленные из

¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов и готов, с. 36.

своих народов: и остгот, и гепид явились на зов со своей тяжелой пехотой, приводившей в отчаяние римлян. Король Ардарик начальствовал над гепидами; остготы явились под начальством трех братьев: Валамира, Теодемера и Видимера. Валамир был самым близким лицом к Аттиле. В этих полчищах, среди этих пестрых предводителей, собрались будущие владыки Италии, сменившие западных цезарей. Тут сошлись и друзья, и враги. Орест там мог сойтись с Одоакром, говорит Амедей Тьерри, с тем Одоакром, который был тогда простым солдатом из турцилингов¹.

Перемещение такого множества народов произвело, конечно, целую революцию на огромной равнине Восточной Европы. Славянское племя спустилось к берегам Черного моря, чтобы занять луга, оставленные остготами и некогда принадлежавшие им. Арьергард степных гуннов и авангард народов гуннской расы, авары, болгары и даже тюрки подвинулись на один шаг к Европе. Рассчитывая дойти до берегов Рейна в первых числах марта, Аттила в январе должен был подняться из своих становищ на Дунае. Он двинул свои войска, разделив их на две части по правому и левому берегу Дуная. Обе армии соединились при его истоках, у Шварцвальдского леса. Франки, жившие по берегам Неккера, при приближении Аттилы, выгнали своего герцога, поставленного римлянами, чтобы заменить его другим, «длинноволосым князем Меровеем», которому предстояло приобрести покровительство гуннов. Но этим не кончилось; франки стали вместе с меровеями под знамена гуннов. То же сделали тюринги и прирейнские бургунды.

Усилившись таким образом новыми союзниками, гунны начали начали готовиться к переходу через Рейн. Древний герцинский лес доставил им материалы для этой переправы; берега Рейна были соединены плавучими мостами из барок. Переправа происходила в нескольких местах. Сам Аттила с главными полчищами переправился около нынешнего Кобленца и остановился в Трире. Оттуда он обратился с воззванием к жителям Галлии, объявив, что пришел в качестве друга римлян и с единственной целью наказать вестготов, беглых подданных и врагов Рима, и что потому галлы должны оказать ему хороший прием, как своему освободителю и одному из полководцев Римской империи. «Иначе трава

¹ Мы воспользовались художественным описанием похода Аттилы и каталаунской битвы Амедея Тьерри в его монографии (1856, I, 140—196).

не будет расти там, где пройдет конь Аттилы», — заключал он свое воззвание. Было забавно и одновременно ужасно видеть этого самозванного римского полководца, как он принимал городских куриалов, сидя на лавке, убеждая их на ломаном латинском языке открыть ему городские ворота. Некоторые города повиновались, другие сделали попытку сопротивляться; но и те и другие были одинаково разграблены. Перед Аттилой шли пожары, а за ним голод. Все бежало или готовилось к бегству; жители селений сбегались в города, жители равнин перебирались в горы; леса населялись людьми, отбиравшими логова у диких зверей; жившие по берегам морей и рек спускали на воду свои суда и были наготове переправить семьи и имущество в те места, которые считались менее опасными. Так поступили жители небольшого города Лютетии, нынешнего Парижа.

Будущая столица Франции была тогда торговым рыбным складом и населена большей частью рыбаками. Этот город (нынешний Сите¹) находился на одном из островов Сены, был окружен ее глубокими рукавами и стенами, укрепленными башнями, а потому мог выдержать продолжительную осаду. Но на жителей Лютетии напала паника, та самая паника, которая распространилась тогда по другим большим городам Галлии. Все население Лютетии было готово к бегству, и суда спущены на воду; но в это время одно решительное слово молодой монахини спасло Лютетию.

Эта монахиня звалась Геневефа или, по французскому произношению, Женевьева. Она издавна славилась своей аскетической жизнью, своими видениями и чудесами; в ней видны черты будущей Жанны Д'Арк. Она довела свой организм до крайнего истощения и расстройств, так что у нее начались галлюцинации. Она приходила в восторженное состояние, слышала голоса; ее руками Бог совершал чудеса; расслабленные исцелялись; слепым возвращалось зрение; злые духи изгонялись; она узнавала будущее; читала самые сокровенные мысли людей; повелевала стихиями. Уверяли, что буря поднималась и затихала по ее голосу. Слава о ней распространялась далеко по христианскому миру.

Когда стали носиться слухи о скором приходе Аттилы, Женевьева дни и ночи молилась в храме, со слезами взывая к Богу о помиловании своей страны. В видениях ей было свыше открыто,

¹ Остров Сите находится в центре современного Парижа. — *Прим. ред.*

что Париж будет пощажён, если все покаются. Она стала убеждать своих соотечественников молиться и отложить все приготовления к переселению. Мужчины над ней смеялись; женщины поверили и решились не выходить из города. Они заперлись с Женевьевой в церкви Св. Стефана (на том месте, где теперь находится собор Парижской Богоматери). Толпа мужчин хотела убить Женевьеву, но в это время явился один диакон, который памятью Св. Германа заклинал народ повиноваться ей. Парижане послушались его и остались в городе. Предсказание Женевьевы сбылось. Атилл не подошёл к Парижу, а направился на Орлеан. Он думал взять его с помощью таранов, но не успел, ибо накануне штурма показались войска Аэция и Теодориха.

Атилл счёл невыгодным начинать сражение под Орлеаном и пошел назад, допуская грабеж лишь настолько, насколько то было необходимо для снабжения войска продовольствием. Когда он подошел к городу Труа, епископ Луп явился к нему и просил пощадить город и сельское население. «Святой человек мне нужен на пути», — сказал Атилл и оставил его у себя, но города не тронул, потому что искал места, более выгодного и удобного для сражения.

Каталаунское побоище. Наконец он остановился на Каталаунских полях, окружающих Шалон-на-Марне, в Шампани (лат. *Campania*, по обилию пашен). Этот город назывался прежде *Duro Catalaunum*, отсюда название битвы — Каталаунская. До сих пор еще показывают следы римского лагеря, в котором укрепился Атилл. Вокруг лагеря он поставил свои кибитки в виде круга; в центре была раскинута палатка вождя¹.

По преданию, Атилл очень беспокоился за исход битвы; но и римляне не были уверены в победе. Христианский отшельник, которого захватили сторожевые Атиллы, предсказал ему неудачу. «Ты бич Божий, — сказал он, — и палица, которой Провидение поражает мир; но Бог, по воле своей, ломает орудие кары и передает меч из одних рук в другие. Знай, что ты будешь побежден в битве с римлянами, и через то поймешь, что твоя сила не от мира сего». Такой смелый ответ несколько не раздражил царя гуннов.

¹ Об этой битве и вообще о первом походе Атиллы есть специальная монография *F. Fischer, De prima expeditione Attilae, L., 1780*. Полнее всего изложение у *Э. Гиббона, Life of Attila, 1780* и *А. Тьерри*, у которого оно доходит до высокой пластичности.

Аттила потребовал гадателей. Одни гадали по внутренностям животных, другие по расположению прутиков на скатерти, третьи вызывали тени умерших, четвертые предсказывали будущее по бараньим лопаткам. Все решили, что гунны потерпят поражение, но предводитель неприятелей падет в битве. Аттила подумал об Аэции, и на лице его блеснула радость. Аэций был большим препятствием для всех его намерений. По мнению вождя гуннов, стоило рискнуть битвой, можно было даже проиграть ее, если только Аэций будет убит. Эти колебания, эта неуверенность повлияли на исход сражения. Аттила занял центр со степной конницей; на левом крыле расположился Валамир с остготами; на правом Ардарик с гепидами и другими народами, может быть, славянами. Аэций лично руководил римскими легионами, стоявшими на его левом крыле. На правом расположились вестготы, как раз против остготов, а в центре были размещены бургунды, франки, арморики и аланы. Между двумя армиями находилось небольшое возвышение, овладеть которым, как наблюдательным пунктом, значило сейчас же получить перевес. Гунны послали туда несколько сот конных из авангарда, а Аэций, стоявший ближе, послал туда же Торисмунда с вестготской конницей. Прибыв первым на возвышение, он спустился на них со всей стремительностью и опрокинул их без труда. «Затем, — говорит Иордан, — началась битва свирепая, повсеместная, ужасная, отчаянная. Древность не повествует нам ни о таких подвигах, ни о такой резне». Полуиссякшие ручейки, протекавшие по долине, внезапно раздулись от потоков крови, смешавшейся с их водами, и раненые, утоляя жажду таким ужасным питьем, умирали мгновенно. Более ста пятидесяти тысяч погибло в этой битве. Теодорих Вестготский был убит, но Аэций одержал верх. Аттила постепенно и в беспорядке отступил, замкнулся в лагере и приготовился погибнуть.

Его спасли только случайные обстоятельства. Торисмунда, сына Теодориха, вестготы подняли на щиты, т. е. провозгласили королем вместо убитого отца. Но он боялся, согласятся ли на это избрание его братья и не воспользуются ли его отсутствием, чтобы составить себе партию. Поэтому он оставил римский лагерь; то же сделали и франки. Тогда Аттила снялся с места. Аэций с войском, наполовину уменьшенным, счел благоразумным не беспокоить отступавшего льва и отошел к нижнему Рейну.

Поход Аттилы на Италию и его кончина. В 452 г. Аттила предпринял второе нападение. Он пошел на Рим. Аэций, опустошив Ломбардию, шел туда же. Он выслал к Аттиле римского первосвященника Льва I, который будто бы напугал гунна, указывая на судьбу Алариха. Но вероятнее всего, Аттила повернул назад, потому что в его войске свирепствовала страшная эпидемия. Он вернулся в Паннонию, где в своем стане в 453 г. умер в первую ночь после свадьбы, может быть, от удара, может быть, от яда, данного ему молодой женой, бургундской принцессой, отца которой он убил и которую насильно сделал своей женой. Известно только то, что приближенные царя, войдя в спальню, увидели Аттилу мертвым на брачной постели, а его супругу, покрытую фатою, застали около его трупa.

Тело своего вождя гунны поставили на равнине для общего народного поклонения. Тогда все, которые его любили и чтили, обреза́ли себе волосы и надрезали лицо в знак скорби. Затем пели погребальные песни в честь непобедимого в самой смерти, «отца народа, бича врагов, ужаса вселенной». Труп Аттилы вместе с сокровищами положили в золотой гроб, который поставили в серебряный, а потом в железный. Похоронный обряд был совершен ночью, при свете факелов. Страшного для всего мира царя зарыли в лугах Тиссы, тщательно скрыв сам след могилы. Рабы, которые зарывали его, были убиты. Затем гунны и славяне по обычаю предков совершили веселую тризну над прахом своего «великого царя».

3. Распад Западной Римской империи

Одно народное предание приписывало удаление Аттилы от стен Рима чуду, которое обессмертила ватиканская фреска Рафаэля. Оно не могло не соединить представления о нашествии Аттилы на Италию в 452 г. с ужасной битвой перед столицей. Все сражавшиеся с обеих сторон, по этой легенде, погибли, исключая предводителей. Когда все воины пали, то души их поднялись к небу и там сражались три дня и три ночи. Эти мертвые борцы бились с таким же жаром, с каким они бились при жизни.

Легенда хочет выразить непримиримую вражду варварства и цивилизации.

На самом деле между римлянами и варварами не было такого взаимного ожесточения. Мы указывали на уход римлян к варварам, обусловленный экономическими причинами.

Теперь взглянем, как относилось к варварству христианство.

Блаженный Августин. «О граде Божием». Это мы можем показать на книге, которая имеет мировое историческое значение. Христианские писатели считают прогрессом для истории торжество варваров. Они становятся на их сторону уже тогда, когда беспрестанные разорения поселили горькое сожаление о прошлом. Язычники, которых было еще много, видели в этих грозных нашествиях варваров на цивилизацию наказание за отказ от древнего культа и винули в этом христиан. В свою очередь, набожные христиане пытались объяснить ниспосланием Божиим эти бесчисленные бедствия, которые принес не только Аларих, но и от мелкие варварские вожди, губившие империю.

Этот скорбный вопрос был неразрешимой загадкой для того времени. Один из церковных писателей V в. *Августин*, за сорок лет до нашествия Аттилы, взялся разрешить эту роковую дилемму. Важно, собственно, то, что Августин в своем сочинении «*De civitate Dei*» становится на сторону варваров; он старается убедить, что история пойдет от них. По своему происхождению Августин был кровным римлянином из Карфагена; он долго вел порочную и разгульную жизнь. Сперва он увлекся манихейством, потом занимался астрологией; но в его духе было много аскетизма, и путем долгой борьбы он пришел к христианству. Встреча с епископом Амвросием сделала его христианином; он стал ревностным неопитом, а потом сделался епископом города Иппона и в короткое время прославился, как лучший писатель западной церкви. Он положил начало разработке католического богословия, и до сих пор его сочинение служит своего рода кодексом для благочестивых католиков. Кроме того, он внес в него идею предопределения, ту идею, которой после воспользовались реформаты. Мы не будем здесь рассматривать его богословскую деятельность и обратим внимание на книгу со стороны ее влияния на средневековое общество. Хорошая литературная подготовка, тщательное изучение Цицерона сделали Августина блестящим писателем. В его стиле преобладают прекрасные приемы латинских классиков. Его исповедь стала любимой книгой благочестивых католиков. Недаром она служила воспитанию пятидесяти поколений набожных католических душ. Но его труд «О граде Божием», написанный в 414 и 415 гг., имеет важное историческое, политическое и социальное значение. Августин в принципе установил

тесную связь между варварством и христианством. Он отдает всю будущую историю варварству, т. е. миру новому, для которого как бы уготована новая религия. Он отмечает со снисхождением опустошения, убийства, грабежи; все это повторялось при завоевании Рима. Он удивляется этому милосердию варваров и приписывает его влиянию самого Господа. Его изумляет, что обширные базилики были назначены варварским вождем для людей, искавших убежища от погрома и разрушения. Августин проводит параллель между нашествием галлов и конскрипциями Мария и Суллы. Разве те демоны, говорит он между прочим, в которых вы верите, спасают вас от бедствий? Гусям или Богу обязан Капитолий спасению от галлов? Где были ваши боги во время поражения последних римских императоров; где были боги во время всех ваших несчастий? Наша политическая власть началась недавно, говорит он о христианстве; она не имеет связи с таким развратом и испорченностью. Ваши предки, говорит он о язычниках, сделали войну ремеслом и поработили соседние народы Востока. Роскошь, мотовство и разврат были естественными последствиями римских побед. Праздность римлян была результатом переполнения рабами Италии. Не мы наполнили Италию рабами; не мы поставили их ниже животных; не мы заставляли их исполнять работы, которые должны были нести скоты. Что касается нас, то мы проповедуем иное учение. Мы не налагали на жителей поработанных городов оков. Не мы заставляли собственников покидать свои имущества и бежать; не мы развратили вашу чернь даровой пищей, цирками и театрами; не мы погубили сенат и аристократию; не мы обессилили легионы, заставляя их сражаться между собой; не мы первые унизили Рим. Разве не Диоклетиан первый подал пример к унижению Рима, перенеся столицу в Никомедию? Ваши императоры раздавали права гражданства всем народам; они сами разрушили патриотизм. Не мы заправляли армией, которая на протяжении девяти лет дала нам более тридцати императоров и столько же претендентов. Чтобы соединить различные народы империи, надо создать нечто большее, чем мирские узы; эти узы нашлись только в христианстве. И вот возникает «царство Божие». Очистительный огонь варваров истребит язычество и сделает его достойным царствия Божия. Этому Божьему царству предстоит тысячелетие. В его обновленных стенах не будет честолюбия, жажды к славе; там будет

царствовать мир и справедливость; там настанет святая жизнь о Господе.

Вот что должны были отвечать христиане язычникам и вот в чем суть великолепного творения Августина. Церковь возлагает всю ответственность за несчастья на язычников. Мало того, Церковь отрешает римлян от истории и бразды империи предает варварам и потому-то снисходительно смотрит на гонителей, если только эти гонители христиане. Надо заметить, что Августин в конце своей жизни, когда уже книга его сделалась известной, должен был раскаяться в своих словах. Одним словом, Августин возвестил, что наступает новый мир, новая история.

То, что было сформулировано Августином, стало убеждением на Западе. Из этой веры как бы исходила политика Запада. Восток еще остерегался этому верить. На Западе же было решено, что империя должна уступить место варварским королевствам. Ученые теологи Запада с этой книгой в руках поддерживали господство варваров и за это получали, конечно, большие права и привилегии. Два начала, варварство и церковь, соединяются и идут рука об руку. Вот почему средневековая история приняла такой клерикальный характер. Особенно хорошо учение Августина было принято в Галлии, где варваров было очень много. Проспер, богослов из Аквитании, изложил труд Августина в стихах и сверх того от себя написал особенное сочинение о призвании народов; сам автор радуется перевороту, который совершился в то время. Христианские проповедники старались украсить достоинства варварских предводителей. Каждый из них стремился быть дружным с варварским кунингом, но вместе с тем, надо сознаться, в душе испытывал сочувствие к римлянам.

Церковь и варвары. Это видно из *Acta Sanctorum* — жизнеописаний католических святых. Вот что, например, говорит Св. Евгерий по поводу появления варваров в Бургундской Галлии в 440 г.: «Вся страна трепетала при приближении могущественного и раздраженного народа — и что же? тот, кого считали варваром, является с римским сердцем. Известно, что варвары, служившие у римлян, даже будучи стесняемы, не прибегали к просьбам об умилоствлении сильнейших и всегда отвергали условия победителей. Почему же ныне вождь варваров, имея власть истребить город, сам обращается к милосердию, несмотря на то, что мы, римляне, раздражали его? Кто же оказал стольким не-

счастливым такую услугу, что ярость обезоружена и победитель смягчается без всяких просьб?» Епископ объясняет это чудом Божиим, благим влиянием неба на варваров. Когда так торжественно духовенство воспевало успехи варваров, и торжество варваров стали приравнивать к торжеству Провидения, то духовенству вместе с народом пришлось идти навстречу варварам. Варвары сделали духовных своим орудием; с другой стороны, народ сделал их своим посредником. Духовенство хлопотало за народ; оно внушало варварам начала порядка, мира и человечности; оно сделало так, что языческое правительство усвоило римскую гражданскую цивилизацию. Конечно, духовенство преследовало свои личные цели, тем не менее оно оказало услугу как победителям, привив им римскую цивилизацию, так и побежденным, избавив их от уничтожения. Вообще учением Августина мир был подготовлен к господству варваров; варвары должны были сменить римлян. Эта идея, плод общественных стремлений, проявилась в известном факте — падении Западной Римской империи.

Когда выяснено, что общество было подготовлено известной идеей, то становится понятным, что борьба не могла долго продолжиться и что за десять-пятнадцать лет свершилось то, на что при других обстоятельствах было бы мало нескольких веков. Это событие в глазах современников прошло незамеченным, потому что его ожидали давно.

Развратный и трусливый Валентиниан III был орудием в руках варваров. Валентиниан своей рукой убил Аэция в 454 г. Убив его, император, по выражению одного современника, поступил так, как поступает безумец, отрубаящий свою правую руку левой. Он сам, в свою очередь, был вскоре, в начале следующего года, убит сенатором Максимом, жену которого обесчестил, обманом заманив во дворец.

Петроний Максим был провозглашен императором; после кончины своей опозоренной жены он женился на вдове убитого императора, Евдокии. Конечно, Евдокия не могла любить убийцу своего мужа; она искала случая не только убить его, но и отомстить. Предание рассказывает, что она пригласила вандалов, обратившись к их кунингу Гензериху.

Тогда вандалы еще не крепко осели в Африке; они считали своим призванием приносить повсюду разрушение. Гензерих мечтал заняться грабежами на своих мелких судах. Но этот маньяк

был особенно страшен, когда страдал припадками меланхолии. Бывали случаи, что он сам не знал, куда и зачем направлялся. Однажды кормчий спросил его: «Господин! Каким народам ты несешь войну?» — «Тем, которые прогневили Бога», — отвечал старый кунинг. Теперь он был доволен, имея ясную цель.

Вандалы в Риме в 455 г. Вандальские корабли, которые одинаково легко ходили и по морю, и по рекам, вошли в Тибр. Гензерих взял Остию и пошел на беззащитный Рим. Императора Максима уже не было в живых. Его растерзала мятежная толпа. Долго, 14 дней вандалы грабили столицу (15—29 июня). Они перетаскивали на свои суда все, что могли; остальное разрушали, а античные статуи разбивали без всякой жалости. Они расхищали священные сосуды, на которые не посягнула рука Алариха, даже золотую кровлю Капитолия. Много драгоценностей и, что еще важнее, бесценных художественных памятников древности погибло дорогой во время бури на море. Дикая вакханалия бесцельного разрушения с тех пор именуется вандализмом. Вандалы сверх того захватили до тысячи пленных мужчин и женщин и, разлучая мужей и жен, матерей и детей, они продавали их. Папа Лев, которому не удалось заступиться за Рим, с духовенством поспешил на помощь несчастным, жертвуя для этого церковным имуществом и церковной утварью. Один из пастырей, епископ Паулин, пожертвовал даже своей свободой, чтобы выкупить сына одной вдовы. Епископ карфагенский, обратив свои церкви в больницы, сам ухаживал за большими пленниками и пленницами. После вандальского погрома Рима агония Западной Римской империи продолжалась не больше двадцати лет. Последние представительницы императорского дома, дочери Валентиниана III, вместе с виновницей погрома, предательницей отечества, Евдокией, были увезены победителем как наложницы в Карфаген.

Последние римские императоры на Западе. Дом Феодосия Великого перестал существовать и в женской линии. В опустошенном Риме был провозглашен императором Авит, римский полководец, но в следующем году (457) Рицимер назвал императором Юлия Майорана (457—461). Теперь титул императора сделался номинальным; вся верховная власть сосредоточилась в руках варваров. Тогда судьбами Рима располагал свев Рицимер. История империи обращается мало-помалу в историю варвар-

ских вождей «патрициев», из которых каждый может провозгласить себя императором.

В это время в Галлии в руках римлян оставались только окрестности Суассона, где правил Эгидий, но только при жизни Майорана. Это был способный правитель, но ему никто не повиновался ни в войске, ни в народе. Своими походами и победами над бургундцами он показался Рицимеру слишком энергичным, и тот погубил его.

История была против тех людей, которые хотели поддержать существование Западной Римской империи. Замечательно, что западная часть империи ищет себе политический центр на Востоке, где в то время император Лев I вводит радикальные преобразования для поддержки империи. Западный император присягает восточному.

После убиения Майорана, Рицимер возвел на престол на четыре года Севера, не имевшего никакого значения; затем престол два года был вакантным, и наконец Византия присылает Италии в императоры своего полководца Антемия (по-гречески Анфимия). Антемий думал укрепиться, отдав свою красавицу дочь за Рицимера; он пытался действовать самостоятельно, но этим вызвал только ревнивую зависть Рицимера, который из Милана, провозгласив императором сенатора Олибрия, пошел на Рим и в июле 472 г. разнес его как новый вандал. Столицу теперь защищала дружина готов, но неудачно. Во время борьбы Антемия постигла участь предшественника: он был убит своим зятем. Впоследствии за благочестие католическая церковь признала его святым. Последовало третье, еще большее опустошение несчастной столицы, так как оно было сопряжено с моровой язвой и заразой. Жители тысячами гибли на улицах. Сам Рицимер, всеми ненавидимый, сделался жертвой заразы. Вскоре после него умер Олибрий.

Власть и войско получил его племянник, бургундский князь Гундобальд. Варвар провозгласил императором храброго воина Гликерия, который ничего не мог сделать без сильных легионов. Римский полководец Орест и вождь герулов Одоакр не повиновались ему. Орест выставил собственного кандидата в лице Юлия Непота. Гундобальд был побежден и бежал, а его кандидат Гликерий пошел в монахи и скоро стал епископом солонским. Таким образом Орест и Непот восторжествовали над своими противниками и заняли Рим; однако и они господствовали недолго. Сенат,

от которого зависело назначение императора, только затягивал своим вмешательством последнюю агонию империи; он насильственно принуждал ее жить, когда она была уже приговорена к смерти. Если Восточная империя, вводя коренные реформы, сохранила свое существование на много веков, то, напротив, Западная, со своими старыми изжившими себя учреждениями и порядками, мешавшими только и государственной, и общественной жизни, со своими стремлениями продлить республиканский образ правления, должна была погибнуть. Сам Орест вместо Непота поставил императором юного своего сына Ромула Августула в 475 г. Вместо Ромула его правильнее называли Момиллой. В том же году Одоакр, вождь герулов, решился сбросить маску и объявить себя тем, кем он был на самом деле, т. е. настоящим господином Италии. С этой целью, упоенный своими успехами, он вступил в Италию, сверг с престола Ромула Августула и сослал его в Кампанию с пенсией в 6000 золотых монет в год. Это было в конце августа 476 г. Одоакр победил, взял в плен и казнил Ореста, а сыну его назначил богатые имения. Победитель провозгласил для проформы императором сверженного Юлия Непота; но последний даже не приехал в Рим из своих далматских поместий, предоставив управление Италией Одоакру. Тогда дружина Одоакра избрала императором его самого. Но он отказался от императорского титула и назвался *rex gentium*, т. е. королем всех итальянских народов.

4. Остготское королевство в Италии

В 480 г. Западная Римская империя прекратила свое существование даже по имени; но это не значит, что разом изменились условия государственной жизни. Ни Одоакр со своими герулами, ни другие варварские вожди с их дружинами, о которых мы будем говорить, не внесли ничего нового в жизнь империи. Сенат и все вообще прежнее устройство государства остались без изменения. Варварам, у которых долгое время не вырабатывалось политических и гражданских конституций, приходилось брать все готовым у римлян; варвары считали даже делом чести продолжать империю и быть поборниками ее величия хотя бы ценой своей крови.

Наследие Аттилы. Между тем Византию в это время не беспокоили никакие внешние бури, и жизнь ее текла мирно и спокойно. Грозное некогда царство Аттилы распалось и избавило им-

перю от опасности по крайней мере с этой стороны. Вражда прежде всего началась в семье самого Атиллы, который, рассчитывая сохранить единство и силы своего царства, повелел, чтобы сын его Еллак наследовал ему полновластно. Но ни Еллак, и никто другой из наследников «бича Божия» не был способен управлять государством столь громадным и так скоро сложенным; оно могло держаться только благодаря личным свойствам Атиллы. Преемники гуннского завоевателя устроили как бы лотерею (по выражению Тьерри) из покоренных им наций. Знаменитые властители, сильные и храбрые, были распределены по жребию вместе с их подданными. Азиаты, для которых подобные приемы не были редкостью, покорились безропотно, но сердца гордых германцев воспламенились гневом за подобное обращение с ними. Первыми восстали гепиды под предводительством своего короля Ардариха, некогда приближенного Атиллы; за ним поднялись остготы, которых вел Видемир.

Таким образом царство Атиллы распалось на две части; с одной стороны стояли германцы — представители европейского начала, с другой — гунны, славяне и немногие оставшиеся верными германские народы. Обе стороны сначала долго наблюдали друг за другом, набирая воинов у соседних народов и готовясь к решительной битве, результатом которой должно было быть или постоянное рабство германских народов, или же их освобождение. Им пришлось сразиться в Паннонии на юг от Дуная, на запад от Дравы.

Здесь в смертельной борьбе столкнулись одни варвары с другими, подобно гладиаторам на арене, на глазах римлян, которые только теперь могли вздохнуть свободнее. Нельзя сказать, чтобы это была роковая борьба двух начал, но это была борьба, отличавшаяся особенной жестокостью; обе стороны были беспощадны. «Пусть, — говорит Иордан, — вообразят себе тело, у которого отрублена голова и члены которого, не повинувшись более общей воле, ведут между собой борьбу, — именно так дрались германцы». Битвы происходили в разных местах с переменным счастьем; однако в конце концов остготы победили. Гунны и славяне, оставив на поле битвы до 40 тысяч убитых, отступили. Еллак погиб такой славной смертью, что сам отец позавидовал бы ему, если бы был жив. Палатки победителей были поставлены на том самом месте, где некогда находился стан Атиллы. Гунны бежали

в нынешнюю южную Россию под предводительством детей Аттилы, не терявших еще надежды поправить свои неудачи. Остготы расположились в Паннонии от Сирмиума на Саве до Вены, чему не смели противиться восточные императоры. Ими управляли три храбрых брата из рода Амалов; они разделили страну на три части, Валамир взял Восточную Паннонию, Тудимир — Западную и Видемир — Среднюю. Они владели Паннонией на правах гостей и союзников Римской империи. Наложница одного из братьев, Тудимира, жившая на берегу озера Балатон, родила сына, которого отец на радостях назвал Теодорихом, так как в этот день узнал о победе своего брата. Ему предстояла блестящая историческая будущность.

После того, как гунны были побеждены, они перестали быть страшными для римлян; их место заняли остготы. Однако дети Аттилы не хотели уступить остготам первенства и сделали последнюю попытку. В 456 г. гунны внезапно перешли Дунай и устремились на Восточную Паннонию, т. е. на владения Валамира. К удивлению, Валамир один справился с гуннами, заманив их в болото и опрокинув их конницу. После этого часть гуннов под начальством Гернаха поселилась на Балканском полуострове в северной части Болгарии, обязавшись охранять те границы, пределы которых Аттила некогда разгромил. Остальные гунны заняли бывшую Скифию и распространились от Днестра до Кавказских гор на территории нынешней Украины и Южной России до Дона. До нас дошла в одном из древнерусских хронографов роспись болгарских князей¹. Из нее видно, что преемником Авитохола (вероятнее, Автохтона) был Ирник, потом Гернах, живший 108 лет; за ним Гостун, Курт, Безмер и, наконец, Аспарух, перешедший за Дунай и основавший болгарское царство в 678 г. Таким образом, в этой хронологической росписи болгарское царство ставится в связь с царством Аттилы. Этому царству болгарскому было суждено впоследствии не раз устрашать Восточную Римскую империю; но в то время всего более были страшны победители гуннов, остготы. Три кунинга их прошли с огнем и мечом всю империю и мстили за то, что не получали подарков от восточного императора. Они навели такой страх на императора Маркиана, что тот обещал им дары не только за настоящее, но и

¹ А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, I, 25.

за будущее, прося у них для гарантии Теодориха, сына Тудимира. Ему тогда исполнилось 10 лет. Отец и дядя согласились.

Теодорих, король остготов. Молодой Теодорих воспитывался в Византии при императорском дворе и приобрел любовь императора. Даровитый юноша не воспользовался своим пребыванием в Константинополе для приобретения книжных познаний. Он научился читать по-латыни и по-гречески, но не мог писать ни на одном языке и с трудом умел подписать свое имя. Зато он с любовью изучал военное дело и государственный механизм. Природная храбрость и врожденный военный талант развили в нем способности полководца. Через 7 лет он вернулся в Паннонию. Скоро Валамир умер, а Видемир ушел со своей дружиной к вестготам в Галлию. Тогда Тудимир стал кунингом всех остготов в Паннонии, а в его сыне заключались отныне надежды всего народа. Теодориху удалось победить Бабая, царя сарматов. Это сделало его особенно популярным. Готский народ после смерти отца, в 475 г., единогласно провозгласил его кунингом. Ему подчинялись теперь Реция, Норика, Паннония, Мезия, Иллирия. Преемник императора Маркиана, трусливый Зенон (474—491) усыновил Теодориха и назначил его консулом. Теодорих оказал нрстоящую услугу Восточной Римской империи. Хотя он мало чему научился, однако получил какую-то инстинктивную любовь к византийской цивилизации. У него было слишком много честолюбия, чтобы отказаться от мысли создать новое самостоятельное государство, и он решил покорить итальянское королевство. Он понимал, что гораздо скорее и легче овладеет империей Одоакра, если будет действовать от имени восточного императора, права которого на Западную Римскую империю были вне всякого сомнения. Наконец, Теодорих хорошо усвоил ту мысль, что только в Риме крепко утвердилось понятие о единстве верховной власти. И он решился овладеть Римом и Италией.

Теодорих рассчитывал на поддержку населения. Из Италии приходили вести, неблагоприятные для Одоакра. Толковали о его гнете, об унижении сената. Говоря о решимости Теодориха, Иордан замечает, что кунинг, перед отправлением в поход, обратился к императору восточному со следующими словами: «Гораздо лучше, чтобы я, сын и слуга ваш, в случае победы, получил от вас в дар эту землю, нежели Одоакр, которого вы не знаете и который наложил на римский сенат иго деспотизма, подчинив себе часть

вашего государства... А если там я паду, то Ваша Милость не только ничего не потеряет, но даже выиграет, ибо издержки на нас прекратятся»¹. Поход Теодориха в Италию окончился блистательно².

По словам Иордана, Теодорих взял с собой весь готский народ, но это, очевидно, преувеличено. По всей же вероятности, с ним было не менее двухсот тысяч человек различных племен; тут же шли жены, дети и старики, а за ними тянулись обозы. По свидетельству современников, поход Теодориха представлял настоящее переселение народов. Пройдя горные проходы Альп, Теодорих столкнулся здесь в первый раз с Одоакром, а при Вероне во второй раз. Оба раза Одоакр был разбит, и после второго поражения убежал в Среднюю Италию; но Рим, ненавидевший его, радовался его несчастью и запер перед ним ворота. Тогда Одоакр укрепился в Равенне, но Теодорих и тут осадил его и принудил к сдаче, обещав разделить с ним власть. Когда же Одоакр поверил и сдался ему, то вестготский кунинг коварно умертвил его.

Итальянцы, несмотря на все это, любили Теодориха, и вся Италия легко признала его власть, что объясняется отчасти и тем, что Теодорих действовал от лица византийского императора. Можно сказать, что Теодорих восстановил древнеримскую империю; он провозгласил в Италии власть восточного императора, а себя назначил его наместником. Впрочем, это не ограничивало его власти. Теодорих заставлял свою дружину приспособливаться к по-

¹ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов и готов, с. 56.

² Если говорить о памятниках литературы, то кроме известного *Иордана*, было бы весьма важно произведение *Кассиодора*, современника событий (538), «*De rebus gestis*», но оно не дошло до нас. Зато сохранился драгоценный *сборник Кассиодора* (*Variarum libri XII*). Кассиодор был префектом, консулом, сенатором, наконец министром Теодориха и вообще замечательным по своему высокому образованию человеком эпохи упадка. Для изучения внутренних отношений его сборник незаменим; тут собраны постановления, указы и распоряжения, действовавшие в остготском государстве. Затем для эпохи Теодориха можно указать на *Эннодия*, а для позднейшего времени на *Прокопия Кесарийского* (О Готской войне). Прокопий был секретарем Велисария и участником описываемой им войны. О его «Тайной истории», важной для биографии императора Юстиниана I, будем говорить ниже

бежденным, что представляет редкий пример в истории. Теодорих вообще старался придать авторитет римским обычаям и культуре. Он ввел во всеобщее употребление латинский язык. «Язык римлян — язык народа», — говорил он. Кунигг требовал, чтобы готы одевались в римскую одежду, простодушно думая, что готам стоит только надеть тогу, чтобы сделаться римлянами. Теодорих имел даже план слить с римлянами дунайских готов.

Влияние остготов в Италии выразилось только в том, что победители взяли треть земель. Римляне не только не чувствовали гнета победителей, но, напротив, могли постоянно замечать, как последние приспособлялись к ним, давая им возможность держать верх в политике и культуре. Административные таланты Теодориха видны также и из того, что он умел ладить с разнообразными элементами своего пестрого государства. Из народов, входящих в состав его империи, готы были арианами, итальянцы — католиками; многие же из германцев оставались язычниками. Одни говорили по-латыни, другие — по-гречески, третьи — по-еврейски, и, конечно, все эти разноплеменные народности не могли, по желанию короля, заговорить по-латыни. От короля-арианина требовалось много такта, чтобы незаметно влиять, например, на римского епископа. Конечно, власть римского епископа возрастала; но Теодорих продолжал оказывать влияние на курию. У него бывали столкновения с «католическим» духовенством, но, впрочем, эти столкновения были редкими и кончались тем, что Теодорих наказывал виновных, хотя папа провозглашал их мучениками.

Под конец жизни, однако, в Теодорихе сказался варвар. Он приказал умертвить философа Боэция, знаменитого своего советника, автора первых средневековых учебников по геометрии, арифметике, музыке, риторике, диалектике, из-за подозрений в его сношениях с Византией. В тюрьме, в предсмертные дни, Боэций облегчал свои страдания сочинением глубоко прочувствованного «Утешения философией» — этого популярного творения средних веков. Вместе с ним погибли сенаторы Альбин и Симах, тесть Боэция. Теодорих вскоре, впрочем, раскаялся в этом, но было уже поздно. Сам Теодорих умер в 526 г. В последние дни его мучали призраки невинных жертв. Его личность стала достоинством народной поэзии. Имя Дитриха Бернского сделалось гордостью всех германских народов.

После смерти Теодориха в Италии началась вражда сил, ранее находившихся в мире друг с другом.

Амаласунта. По смерти Теодориха, прозванного германскими историками Великим, Италией стала править его дочь Амаласунта от имени своего малолетнего сына. Теодорих дал ей воспитание, соответствующее ее положению. Она была хорошо знакома с итальянской образованностью того времени, владела греческим и латинским языками, как родными. Итальянцы, как и остготы, считали ее своей. Конечно, те и другие должны были удивиться, увидев преемницей Теодориха женщину. Ей было 28 лет, когда она стала править государством от имени своего сына Аталариха, которому завещал престол умирающий Теодорих. Ей во многом содействовал тот же Кассиодор, который не без риторизма превозносит ее как мудрую правительницу¹. Он хвалит ее благочестие, говорит что у Амаласунты больше благосклонности, чем власти, что она охотнее проявляет снисходительность, нежели строгость, так что если бы философы наблюдали за ней, то открыли бы, что в ней сокрыто больше мудрости, чем в их системах. Конечно, он преувеличивает, но Амаласунта много заботилась о благе своих подданных, хотя обстоятельства ей не благоприятствовали. Теодорих завещал своему народу жить в любви и дружбе с римским сенатом и византийским императором. Но он сам незадолго до своей смерти своей жестокостью разрушил эту связь и навлек на себя неприязнь византийского императора.

Первое распоряжение нового правительства имело целью примирить готов и римлян. Те и другие должны были дать клятву взаимной верности, и римский сенат поклялся в чувствах преданности остготскому правительству. Это было нечто новое, особенное. Амаласунта хотела уничтожить разделение между готами и римлянами, дать одинаковые права тому и другому народу и слить их в одну национальность. С этой целью в римском сенате появляются готы, тогда как прежде они не занимали гражданских должностей и не касались гражданских дел. Новая власть желала беспристрастно относиться к обоим народностям и по возможности исцелить те язвы, от которых тогда страдала Италия. Земледелие было в упадке: городской промышленности не существова-

¹ Его «История» дошла до наших дней в изложении Иордана и в «*Variarum libri XII*», которая сохранилась полностью.

ло. Правительница хотела приучить итальянцев к труду; для этого курионы были прикреплены к своим общинам, а поселяне — к своим поземельным участкам. То был век, когда богатые землевладельцы угнетали бедных поселян, когда высший класс людей порабощал людей низших классов, когда знатные и богачи притесняли бедных и незнатных, продавая или, точнее, навязывая им хлеб за высокую цену. Вельможи незаконно присваивали себе титулы. Неправосудие царило в судах; судьи явно шли наперекор справедливости. Для подавления этих зол равенское правительство издало несколько указов; оно обещало искоренить злоупотребления, стереть их с лица Италии, восстановить законное право — *jus civile legibus institutum*, — замечает в числе прочего Кассиодор. Главным средством сближения готского и римского народов Амаласунта считала распространение просвещения между подданными. В этом отношении она стояла выше малограмотного Теодориха, в котором при конце жизни сказалась варварская кровь. Сама Амаласунта любила итальянскую цивилизацию. Она желала, чтобы все готы учили латинский язык, и дала поручение сенату подготовить известное число учителей для всего народа.

То самое, что по мысли Амаласунты должно было сблизить готов и римлян, посеяло между ними вражду, и, таким образом, благие намерения Амаласунты не принесли желанных результатов. Ее любили римляне, но готы всегда ненавидели; они были недовольны правительницей за ее благосклонность к римлянам. Они не хотели склонять свои гордые головы перед римскими педагогами, и стоило мальчику-королю пожаловаться на своего учителя, чтобы ропот перешел в волнение. Знатные готы были недовольны тем воспитанием, которое Амаласунта давала своему сыну, будущему королю. Они говорили, что наука расслабляет тело, лишает его сил переносить физические труды. Будущему кунингу, говорили готы, следует заниматься военными упражнениями, а для этого его надо окружить не «бородатыми» учителями, а молодыми сверстниками, с которыми бы он упражнялся в физической силе и ловкости. Знать подняла восстание против правительницы и потребовала удаления учителей и новых придворных, римлян. Правительница уступила. Она теперь увидела, что восстание направлено не против итальянцев, а против нее самой.

Римляне негодовали, когда были удалены от двора. Они слишком любили влияние на государственные дела и самостоятель-

ность; они не привыкли так беспрекословно подчиняться насилию, как провинциалы. Они слишком много хранили старых республиканских преданий, чтобы без ропота покориться полуварварам. К тому же они по-прежнему считали себя нераздельными с единой империей и презирали готов-ариан, как еретиков. Римляне с любовью смотрели на иллирийский берег, откуда должно было прийти спасение, освобождение их от власти готов.

Юстиниан I (527—565). Императором византийским в то время был Юстиниан I, племянник Юстина, основавшего новую династию благодаря военному счастью. Его дядя, как и он сам, был крестьянского происхождения. Теперь не сомневаются, что он был славянин родом. Его мать звали Бигленицей, отца Савватием, а его самого Управдой¹. Имя *Justinianus* переделано со славянского; впоследствии ему прибавили наименование *Flavius*. В доме дяди он получил хорошее и всестороннее образование. Его царствование по справедливости относится к числу блистательнейших в Римской империи². Юстиниан был Людовиком XIV средних веков. Он возвысил в одинаковой степени искусство, литературу, право, внешнее обаяние. Этот государь обладал большой энергией и большим умом. Все, за что бы он ни брался, удавалось ему, и всюду успех следовал за его предприятиями, хотя сам он, подобно знаменитому французскому королю, не принимал личного участия ни в войнах, ни в законотворчестве. Важно было не личное участие, а важен тот стимул, та инициатива, благодаря которой все, что ни делалось, исходило от него. В его царствование был издан знаменитый кодекс, составленный Трибонианом и комиссией из шестнадцати юристов. Кодекс этот, в честь государя, назван кодексом Юстининана. Из него удалено все, что напо-

¹ Версия о славянском происхождении Юстининана относится к позднему средневековью. — *Прим. ред.*

² Источниками для изучения эпохи служат сочинения *Прокопия Кесарийского*. В них Юстиниан представляется в двояком освещении. Официальная история Прокопия прославляет императора (*Hist. sui temporis libri VIII*, ed. Maltrete, Paris, 1662), а «тайная», случайно открытая в XVII в. в сокровищах Византийской библиотеки, выставляет его в непривлекательном свете, сообщая много грязного про императрицу Феодору (*Anecdota seu historia arcana Justiniani*, Lugd. Bat., ed. Sichel, 1614, ed. Maltrete, Paris, 1663). Необходимо постоянно сравнивать одно произведение с другим.

минало прежнюю политическую свободу римлян и что не способствовало росту авторитета императора, что могло дискредитировать эту власть.

Трибониан был высокообразован, трудолюбив, но как государственный деятель, как судья и администратор обладал непривлекательной репутацией. Народное восстание в столице в 531 г. было направлено собственно против него; он был тогда принесен в жертву народному гневу, но потом снова получил власть и пользовался полным доверием императора до своей смерти, до 545 г. Ясно, что в нем Юстиниан нашел деятельного соратника в усилении абсолютизма, централизации власти, в подавлении всякого значения сената, муниципальных и областных учреждений, во вмешательстве в дела церкви. В кодексе просвечивает этот высший момент развития монархической власти в Византийской империи.

Сборники законов. Юстиниан застал много творений юристов, которые, по закону 426 г., получили значение обязательного права, но имелись не везде, сверх того новеллы Феодосия и Марциана, конституции трех ранних кодексов. Все это было разбросано в отрывках; отсутствовали целые статьи, давно утерянные. Получалось так, что у каждого судьи и адвоката был свой закон. Император принял энергичные меры с первых же дней своего правления для кодификации и составления полного свода положительного уголовного и гражданского законодательства, 1 августа 527 г. он вступил на престол, а 13 февраля 528 г. повелел составить свод прежних конституций. Еще в том же году было издано 40 «конституций», а в следующем году был обнародован весь кодекс, начавший действовать с середины апреля 529 г., хотя официально введенный 29 декабря 534 г. Затем издаются *decisiones, digestae, institutiones, repititae praelectionis*, наконец, *novellae*. В период правления Юстиниана не было ни одного года, который бы не ознаменовался тем или другим распоряжением по кодификации сборника или изданию новых законов. Сперва хотели только согласовать противоречия у юристов прежних лет, потом убедились в недостаточности этого приема и после обнародования т. н. *quinquaginta decisiones*, т. е. 50 статей, решились приступить к огромной организаторской работе. Последствием ее, плодом тридцатилетнего упорного труда, явился *Corpus juris civilis*, которым регулировалась гражданская жизнь всего западного и восточного европейского человечества, без различия

племени, веры, государственного строя. Этот великий памятник есть источник, из которого черпаются основы правовой жизни.

В него вошли: 1) собственно Кодекс Юстиниана, как существенный сборник положительных законов, действовавших на востоке и потом на западе империи, не дошедший до нас целиком, имевший практический характер; 2) *Institutiones* — теоретические правовые формулы, изучавшиеся в юридических школах, нечто вроде обширного учебного пособия; его редакция относится к 533 г.; 3) *Diegestae* или пандекты в 50 книгах, представляющие систематический сборник заключений старых юристов о разных юридических вопросах по применению законов; его редакция того же 533 г.; 4) *Codex repetitae praelectiones* в 12 книгах, те же дигесты с дополнениями, изданными в 534 г.; 5) *Novellae*, т. е. законы самого Юстиниана после 534 г., позднее переведенные на греческий язык. Ряд этих новелл начинается 1 января 535 г. и продолжается до самой его смерти; их насчитывается до 165. Деятельность по кодификации была особенно сильна в первые годы; новеллы же издавались особенно энергично до 545 г., т. е. до смерти Трибониана.

Как только появились кодексы, на них набросились глоссаторы и компиляторы, стараясь приспособить редакцию законов для преподавания в школах, где готовили будущих судей. Тогда-то началось научное преподавание римского права и одновременно его разработка. Это факт огромной важности в росте идей средневековой истории. Римские юристы свято хранили заветы высшей культуры и прочной цивилизации; они были носителями идеалов мира и общественного порядка. Они делали историю, сами того не замечая. Они упрочили авторитет идеи единой Римской империи в умах народов. Их желания оказывали влияние на историю в течение десяти столетий. Везде, где мечтали о единой прочной монархии, построенной на началах гражданственности, благоговейно чтили имена этих мирных, но могучих тружеников. На первых же порах выступили греческие толкователи: Феофил, сделавший парафраз институций, Стефан — подробный парафраз дигест, Фаллелей — глоссатор кодекса, адвокаты Афанасий и Феодор — интерпретаторы новелл.

Мы сравнили Юстиниана с Людовиком XIV. К сожалению, эта аналогия простирается слишком далеко, она охватывает даже темные стороны истории знаменитого французского короля. Юстиниан-законодатель боится изучения законов подданными. Он притес-

няет и закрывает школы для изучения права, школы, которых некогда было так много в империи и которые ее прославили. Юстиниан оставляет только две из них: в Константинополе и Бейруте; но и здесь органическое развитие науки права было стеснено различными ограничениями. Самые же известные училища в Афинах и Александрии он закрыл. Нужно ли упоминать о философских школах? Их давно не существовало: их существование, их учение было признано вредным, несовместным с высшими целями христианства. Последний оплот античной философской мысли, знаменитая академия Платона в Афинах, была закрыта указом Юстиниана в 522 г. Последние могоканы древней философии удалились в Персию, потом получили позволение вернуться в отечество; их было семеро: Дамаскин, Симплиций, Эвлакий, Исидор, Прискиан и финикийцы Гермий и Диоген. Даже истолкование законов в судебной практике было стеснено различными постановлениями. «*Imperatori solum concessum est leges et condere, et interpretari*» — право издавать и разъяснять законы принадлежит одной только верховной власти, так говорится в одном постановлении Юстиниана. Под живым впечатлением прежней громкой кодификаторской деятельности комментаторы его времени еще позволяли себе, при изложении законов, снабжать их своими личными мнениями.

Тем временем усилилась деятельность и борьба партий цирка в Константинополе. Эти факции, называемые по цветам и уборам, носимых приверженцами той или другой популярной наездницы, партиями синих и зеленых (венеты и прасины по-гречески) не имели особого политического значения. Но тем не менее они служили выражением общественного мнения, недовольного уничтожением самоуправления в городах. Юстиниан сначала прислушивался к этому голосу и принимал участие в борьбе цирковых партий, волей-неволей, как любитель цирка и как государственный человек. Но когда партии зашли далеко, когда они вызвали волнение в народе, протестуя против правительственных крутых мероприятий, Юстиниан приказал Велисария усмирить их и подавить народное восстание. Это стоило жизни тридцати тысячам человек. То была дань художественным инстинктам византийской толпы¹. Юстиниан все-таки не уничтожил партий. Он

¹ Речь идет о самом крупном в истории Константинополя восстании «Ника» 532 г. — *Прим. ред.*

очень любил их в душе и увлекался этой циркоманией, продолжавшей оказывать влияние на замещение престола, тем более что его супруга Феодора была когда-то сама цирковой наездницей. Вообще Константинопольский цирк был слабым отражением римского форума, и, конечно, отражением его худших сторон.

Новый свод законов постепенно вводился на Западе. Здесь для Юстиниана открывалось широкое поле деятельности. Он мечтал о воссоединении Италии с империей. Обстоятельства сложились необычайно благоприятно для Юстиниана. Сама повелительница остготов, оказавшись перед лицом народного восстания, вошла в сношение с императором. Юстиниан выразил ей сочувствие и обещал убежище в случае неудачной для нее борьбы. Амаласунта собралась было уже уехать на Восток, забрала с собой все свои богатства, но перед отъездом в ней заговорило чувство мести, и она убила тех вельмож, которых наиболее опасалась. Этим заговор против нее был расстроен, и она опять решила остаться в Италии. Но она не нашла утешения в своем сыне, Аталарихе. Будущий король, предоставленный самому себе, рос с дурными наклонностями. Он умер, не достигнув совершеннолетия. Конечно, готы не подчинились бы женщине. Поэтому Амаласунте, чтобы сохранить власть и избежать мести готов, следовало выйти замуж за какого-нибудь знатного гота. Выбор ее пал на Теодата, племянника Теодориха. Это был человек образованный, понимавший Платона, но совершенно незнакомый с военным делом, и притом скупой, жестокий и корыстолюбивый. На этот раз честолюбивая женщина жестоко ошиблась. Теодат ненавидел ее, но решился на несколько дней подавить это чувство. Вскоре после бракосочетания он удалил ее от себя, а потом приказал задушить свою жену в горячей бане.

Теодат. Юстиниан давно искал удобного случая, чтобы начать войну с готами и снова подчинить себе Италию. Теодат ничего не мог сделать лучше того, что он сделал, чтобы Юстиниан смог осуществить свои намерения. Последний объявил себя мстителем за смерть Амаласунты. Он решился захватить Италию. Напрасно Теодат унижался перед императором, напрасно соглашался признать его верховным правителем, обещая даже уступить ему корону итальянского королевства. Ничто не помогало, Юстиниан не соглашался ни на какие уступки. Тогда Теодат решился склонить на свою сторону сенат и римский народ. Преданность

сенаторов Теодату была кажущейся: внешне они изъявляли свою покорность готскому правительству, а тайно сносились с Юстинианом. В Византии твердо надеялись на поддержку со стороны итальянцев и римлян. Император рассчитывал, что все эти итальянцы, носившие оружие, присоединятся к войскам империи.

В то время Велисарий только что покорил вандальское государство в Африке. Храбрые и жестокие вандалы под жгучим солнцем Африки и под расслабляющим влиянием жаркого климата, изнежились и нисколько не походили на своих предков начала V в. Воинственный дух их угас. Это были уже не страшные пираты Гензериха и Гуннерика (471—484). Полководцу Юстиниану не стоило большего труда покорить их. Хильдерик, правивший в те годы, не мог даже защититься от номадов; он вступил в дружественные сношения с Юстинианом, в этой связи объявил веротерпимость и в то же время запретил разбой. Это возбудило недовольствие в войсках. Когда честолюбивому Гелимеру, двоюродному брату Хильдерика, удалось свергнуть последнего с престола и захватить власть в свои руки, Юстиниан, желая вмешаться, потребовал возвращения Хильдерика, но получил отказ от Гелимера. Раздраженный император послал Велисария с войском в Африку, и тот успешно окончил предприятие.

Это был один из первоклассных полководцев, первый военный талант своего века. Он теснил Гелимера шаг за шагом. Напрасно Гелимер убил Хильдерика и его детей, он этим не выиграл ничего. Велисарий принудил его капитулировать в 534 г. Тогда войска вандалов были включены в греко-римские полки на персидской границе, где были большей частью перебиты; оставшиеся в живых слились с населением.

Но не так легко было покорить Италию.

Временное возвращение Италии под императорскую власть. Борьба за Италию тянулась восемнадцать лет, в 535—553 годы. Эта война была тягостнее для Италии, чем все предыдущие войны. Франки, алеманны, бургунды прорывались в страну и разоряли ее. Со стороны греков ее вели оба лучших полководца того времени, Велисарий и Нарсес. Южные города легко подчинились грекам; только Неаполь долго держался и оказал отчаянное сопротивление. Поэтому, когда он сдался, стены города были разрушены, а население жестоко поплатилось за свое геройское сопротивление.

Тогда готы, видя неспособность Теодата сопротивляться врагам, сменили кунинга и вместо него выбрали Витигиса. Положение готов было слишком тяжелое. С юга их теснил Велисарий, а с севера нападали на Италию хищные франки, надеясь получить богатую добычу. Чтобы удержать их, Витигис уступил им все заальпийские города, которые принадлежали Италии. Но им этого было мало. Франки требовали денег и получили их как от греков, так и от остготов. Чтобы поправить свое положение, Витигис отважился на осаду Рима. Она не удалась. Велисарий выдержал годичную осаду. Франков сменили бургунды. Города, лишённые поддержки, должны были сдаваться. Бургунды мужчин убивали, а женщин уводили в плен. Большая часть общественных и частных зданий была разграблена и скрыта. Витигис не мог выдержать этого напора с двух сторон. Он удалился в Равенну; но и там Велисарий осадил его. Между тем франки, видя, что бургунды наживаются при разорении городов, снова поспешили в Италию и стали резать без различия — готов, римлян, греков, не щадя даже своих соотечественников. Это привело их к гибели; они в опустошенной стороне погибли большей частью от голода, и только небольшие остатки вернулись на родину. Витигис, доведенный до крайности, вступил в переговоры с Велисарием, предлагая ему корону и уступая город. Велисарий притворно согласился, но когда занял город, провозгласил власть византийского императора. Этот случай посеял недоразумения между ним и императором. Заподозренный Велисарий был отозван. После его удаления дела греков пошли худо.

Между тем готы в эти годы ободрились. Они храбро защищались, так что, наконец, от обороны перешли к наступлению. Был момент, когда новый король Тотила, казалось, станет спасителем самостоятельности остготов. Время с 545 по 553 год было самым ужасным, самым бедственным для Италии, а 546 год грозил гибелью Риму. Тогда варвары снова овладели столицей, и только великодушие варварского вождя спасло вечный город от окончательного разорения.

Именно в это время уничтожены многочисленные античные памятники, архитектурные произведения Рима и в других городов Италии. К счастью для греков, Тотила, все это время наводивший на них страх, в июле 552 г. был разбит и смертельно ранен в битве при Тагине у подножия Апеннин, где пало шесть

тысяч готов. Здесь над греческой армией начальствовал евнух Нарсес, сменивший Велисария. Он пользовался полным доверием императора, у которого был казначеем. Ранее он находился на гражданских должностях, но и в военном деле мало уступал Велисария. Тотила умер от ран в ночь несчастной для него битвы. Он унес с собой в могилу счастье своих соплеменников. Но остготы не сдавались. Тотиле нашелся достойный преемник. Избранный королем, Тейя пошел в Южную Италию, чтобы геройски погибнуть в сражении. Но это была последняя отчаянная попытка готов отстоять свою политическую самостоятельность.

Нарсес обладал большими средствами, которые не были своевременно даны Велисария, по подозрительности Византийского двора. Он прижал остготов к подошве Везувия. Здесь на берегах речки Сарно готы выдержали последний предсмертный, поистине героический бой и все погибли, за исключением тысячи человек, которые потребовали себе свободного отступления; оно было им дано. Тейя умер героем. Он не пережил падения славы своего народа. Война была окончена осенью 542 года, но страна, залитая кровью, была страшно разорена. Все несчастья войны, мор, голод, огонь, прошли по Италии; невозвратимее всего была потеря бесценных памятников древнего искусства.

Италия не обрадовалась греческому владычеству и потому впоследствии она легко склонилась под иго лангобардов.

5. Франкское королевство в Галлии

Все варвары, разгромившие Западную империю и разделившие ее на части, преклонялись перед римскою цивилизацией, стараясь подражать ей. Но процесс подчинения германизму каждой из обширных стран, а именно Галлии, Испании, Италии и Британии, был различен. Даже в одной и той же стране, как, например, в Галлии, разные народы германского племени относились к местному галло-римскому населению различно. Древнюю Галлию заняли бургунды, вестготы и франки. Среди них бургунды, осевшие в юго-восточной Галлии, по своему своеобразному добродушию представляли исключение из всех германских народов. Сделавшись владельцами земель, принадлежавших галльским собственникам, получив или взяв в качестве добычи две трети земель и треть рабов, они тщательно заботились о том, чтобы не переступить своих прав. Они не смотрели на

римлянина как на своего колона, или на лита, по германскому выражению; они видели в нем равного себе, смотря по сословному положению. Они ухаживали за богатыми сенаторами, склоняясь перед ними, хотя как землевладельцы были поставлены с сенаторами в одинаковое положение. Расположившись, подобно другим варварам, на постой в каком-нибудь знатном доме, бургунды явно чувствовали себя стесненно и, хотя могли бы тут распоряжаться как господа, они, тем не менее, играли роль римских клиентов. По утрам они ходили приветствовать хозяина дома, называя его батюшкой, что на германских наречиях было обычной формой, выражавшей уважение к старшему. Потом, вычистив оружие и намазав маслом свои длинные волосы, они начинали петь во все горло какую-нибудь национальную песню, с наивным добродушием спрашивая римлян, как им это нравится¹. Да и сам бургундский закон, одинаковый для победителей и для побежденных, запрещал первым всякое насилие.

Такой же умеренностью и простодушием отличались и приемы вестготов. Их военные прогулки по Греции и Италии внушали их предводителям честолюбивые стремления превзойти или, по крайней мере, продолжать в своих учреждениях римские, упроченные давностью формы. Преемник знаменитого Алариха, Атаульф, сначала высказывал было пламенное желание уничтожить самое римское имя и утвердить новую империю, готскую, вместо прежней римской, чтобы Романия сделалась Готией, а сам бы он уподобился, таким образом, Цезарю или Августу, но, поняв на опыте, что готам как племени слабо присуще повиновение законам, и, полагая, что не следует касаться законов, без которых государство перестает быть государством, он решил направить силы готов на восстановление во всей целостности и могуществе римской державы, чтобы обрести этим в потомстве славу, по крайней мере, восстановителя империи. Поэтому он прекратил войну и заботился о сохранении мира.

Франки. О франках, которые не только основали государство на севере Галлии, но впоследствии объединили всю Галлию, нельзя сказать того же. С именем франков связано представление о свирепой жестокости и бесчеловечности по отношению к побежден-

¹ Так отзывается о добродушии бургундов Аполлинарий Сидоний. *Bouquet. Scriptores rerum gallicarum*, I, 811.

ным. Из всех германских племен они долго оставались самыми дикими и мало походили, по своей страстной восприимчивости, на германцев V или VI в. Само слово *frank* значило то же, что латинское *ferox*, т. е. *неустрашимый, свирепый, жестокий*, также *свободный*, как его обыкновенно толкуют, и, уже позже, *могучий, сильный*. Но франки как бы отождествляли свое первоначальное родовое имя с понятием жестокости и бесчеловечия. Между тем, покорив галло-римлян, они основали из смешения племенных элементов нынешнюю Францию, нынешнее французское государство, следовательно, должны были внести в ее судьбы влиятельный и существенный элемент. Но можно ли узнать в нынешних французах потомков тех беспощадных, свирепых германцев?

Дело в том, что французское государство образовалось в результате долгой борьбы. Между древними франками и нынешними французами столько же общего, сколько между варягами нашей истории и новгородскими славянами или кривичами. В этой новой галльской национальности исчезли франкские отряды; в том и другом случае племенное имя дружинников перешло на целое государство, но имя так и осталось именем, не внеся в побежденную национальность каких-либо бытовых характерных черт. Только в сравнительно недавнее время во Франции историки отвыкли от представления о том, будто французские короли начинают свой длинный ряд с франкского кунинга Хлодвига. До 20-х годов XIX в. французская историческая наука питалась той мыслью, что французы ведут свое происхождение от франков, а французские короли — свою генеалогию от Хлодвига, переделанного в более благозвучную форму Клодовея, так как французское ухо не терпит германских звуков. Это делали с целью растянуть по возможности политическую историю Франции. Между тем в действительности до XI в. мы не знаем собственно французской истории, а знаем лишь борьбу германских военных отрядов на галльской почве. Действительно, центр исторического действия переносится из Рима в Галлию, но это будет история германская, а никак не французская. Повелитель Галлии не знал другого языка, кроме германского. Даже Карл Великий не был знаком с кельтским языком. От ассимиляции германцев-победителей с галлами-покоренными и произошла французская нация, но в народном характере французов продолжают преобладать черты галлов, указанные Цезарем в его известных «Записках о

галльской войне» («*De bello gallico*»). Тевтонское влияние исчезло почти полностью. Между тем германцы послужили цементом, сплотившим государство. Франкский элемент растаял в галльском, но это произошло впоследствии; в первое же время франки поработили население и причинили ему много бедствий.

Современники яркими красками описывают их свирепость. Сам внешний вид франков отличался какой-то необыкновенною дикостью. Они приподнимали и прикрепляли на верхней части лба свои русые волосы, которые, образовав род узла, падали назад, в виде длинной косы. Их лицо было гладко выбрито, за исключением длинных усов, висевших с обеих сторон рта. Они носили льняную одежду, перетянутую широким поясом, на котором висел меч. Любимым их оружием была секира об одном или двух лезвиях, которая, по их имени, называлась «франциской». Они также пользовались арканами для взятия в плен врагов и ловли диких лошадей. Они исступленно любили войну, видя в ней средство быть богатыми в этом мире и получить чувственные наслаждения. Самые юные из них и самые отчаянные испытывали во время битвы фанатический восторг, который делал их нечувствительными к боли и наделял сверхъестественной жизненной силой: они дрались, даже истекая кровью от ран.

Хлодвиг (466—511). Среди этих пришельцев из-за Рейна выделялись франки, жившие на берегах реки Салы. Салические франки считались наиболее благородными из всех, а из них самым достойным королевского звания считался род Меровингов (т. е. детей Меровея). Их переход через Рейн, утверждение в Северной Галлии, а также и все последующие завоевания тесно связаны с воспоминанием о короле Клодоее, или, правильнее, Хлодвиге, хотя эти победы были, конечно, делом целого ряда кунингов, имена которых остались неизвестны.

Монах Рикер в своей летописи говорит, что франки пошли в Галлию с целью истребить римлян за их притеснения и что с такой свирепостью они стали поступать, начиная с первого же города. Северной Галлией в то время правил Сиagriй, наместник византийский, ибо тогда уже имени Западной Римской империи не существовало. Это был последний защитник римской цивилизации и порядка. Он был разбит в 486 г. Хлодвигом при Суассоне и бежал в Тулузу к вестготскому королю. Хлодвиг потребовал его выдачи и потом тайно убил его. Это было одно из тысячи пре-

ступлений, совершенных этим диким варваром, неисправимым даже после принятия им христианства. Хлодвиг утвердился в стране до самой Соммы.

Мы нарочно провели параллель между бургундами, вестготами и франками, чтобы яснее оттенить чисто тевтонские, более или менее племенные черты характера последних.

Разве только христианство могло смягчить этот дикий народ. Труднее всего было склонить к христианству самого кунинга Хлодвигу. Это взяла на себя его молодая жена, бургундская принцесса Кротекильда, прозванная потом Клотильдой. Она сперва убедила мужа позволить окрестить обоих своих детей, но нужно было решительное побуждение, одно из тех, которые сильно влияют на суеверные, грубые натуры, чтобы заставить креститься Хлодвигу. Главный историк того времени, знаменитый Григорий Турский, галл по рождению, склонный придавать событиям мистический характер и готовый видеть во всем сверхъестественное вмешательство, приписывает обращение Хлодвигу чудесной помощи Бога в битве с алеманнами, происходившей, по всей вероятности, при Цюльпихе, в которой франки в 498 г. победили действительно каким-то чудом. Он мог слышать подробности от стариков монахов и, может быть, даже пользовался какими-нибудь монастырскими записками¹.

Крещение Хлодвигу и франков в 498 г. «Во время битвы с алеманнами король должен был исповедать то, что до сих пор упорно отвергал. Обе армии, вступив в битву, сражались с ожесточением, и франки были близки к гибели. Видя такую опасность, Клодовой поднял к небу глаза и воскликнул, утопая в слезах, от всего сердца: «Иисусе Христе! Ты, которого Кротекильда называет Сыном Бога живого, Ты, который, говорят, помогаешь находящимся в опасности и даешь победу надеющимся на Тебя, с благоговением взываю к Твоей небесной помощи. Если Ты можешь мне победить врагов, и, если я испытаю на деле Твое могущество, которое испытывают народы, верные Тебе, то и я уверую в Тебя и приму крещение во имя Твое. Я взывал к моим богам, но вижу, что они не могут мне помочь; я убежден теперь, что они не имеют власти, потому что не помогают тем, которые им поклоня-

¹ Только с V книги своей истории — их всех десять — он пишет как очевидец.

ются. Теперь я взываю к Тебе и в Тебя хочу верить. Помоги мне только одолеть моих врагов!» Едва он сказал это, как алеманны побежали. Увидев же своего короля мертвым, они подчинились власти Клодовея».

Затем Григорий рассказывает о внезапном будто бы отречении «всех франков» от язычества, причем слишком много приписывает Св. Ремигию, епископу Реймскому, который будто бы даже мог воскрешать мертвых. Здесь Григорий противоречит сам себе, указывая, что крестившихся франков всего было три тысячи, так что несомненно, что крестился только сам Хлодвиг со своими приближенными. Крещение происходило вскоре после битвы, т. е. в 498 г.

«Новый Константин» приблизился к купели. Когда он вошел не нее, то угодник Божий начал говорить своими вдохновенными устами: «Склони выю, укрощенный сикамбр¹; обоготворяй то, что ты истреблял и истребляй то, что обоготворял». По позднейшей легенде IX в., записанной у Гинкмара, епископа Реймского, голубь принес с неба миро для помазания, а лилии сыпались на короля, когда он выходил из баптистерии, но в действительности, конечно, современники не слышали и не подозревали ничего подобного².

Теперь во всяком случае католическое духовенство могло оказывать содействие Хлодвигу. Оно предпочитало суровых франков мягкосердым бургундам и вестготам, только потому, что последние были ариане. Об этом прямо говорит Григорий Турский.

Хлодвиг впредь во время своих войн стал щадить монастыри и имущества духовных. Кроме этого в нем не было ничего христианского. Он и после крещения оставался таким же диким и неукротимым варваром, каким был до крещения. В борьбе с вестготами он одерживает верх. В 507 г. они были разбиты на полях Вугле, недалеко от Пуатье, а король их Аларих был убит. Его сын перешел в Испанию и вся Южная Галлия досталась Хлодвигу (508 г.). По легенде стены городов сами падали при появлении франкского войска. По крайней мере, такое невероятное происшествие случилось с Ангулемом.

¹ *Сикамбрами* называлось одно из франкских племен, жившее на р. Сиг (*Sieg*), откуда и название, долго бывшее ужасом для римлян, так что имя их сделалось вообще синонимом храброго.

² Хлодвиг ранее исповедовал арианство, а в 498 г. принял католичество. — *Прим. ред.*

Теперь Хлодвиг перенес свою столицу в Париж. Византийский император Анастасий присылает ему титул консула, пурпурную тунику и корону. Хлодвиг очень гордился этими подарками, ездил в этом костюме по улицам Парижа и приказывал величать себя консулом и Августом. Последние годы своей жизни Хлодвиг опозорил насилиями и почти ежедневными жестокостями. Принятие христианства никак не отразилось на стиле его правления. Он использовал все возможности, чтобы уничтожить мелких кунингов и завладеть их землями и имуществом. У него был своеобразный способ отделяться от врагов. Он подстрекал близких родных на уничтожение друг друга, а оставшихся убивал сам. Так погиб от руки своего собственного сына Зигберта король рипуарских франков. Потом Хлодвиг велел также изменчески убить самого отцеубийцу, когда тот шарил в сокровищнице своего отца; тогда же погиб владетель Камбрэ, Рагнахарий, от меткой руки самого Хлодвига. Такие преступления ничуть не вызывают негодования монаха-летописца. Описав все эти подвиги, Григорий Турский прибавляет, восхваляя государя, который овладел чужими землями и сокровищами: «Каждый день Бог повергал к стопам короля его врагов и расширял королевство, ибо Клодовой ходил с сердцем правым перед Господом и поступал так, как могло быть приятно его очам».

Таково было понятие о нравственности и покровительстве Божиим в начале средних веков.

Под конец жизни Хлодвиг собрал вокруг себя оставшихся родных. Он казался очень опечаленным: «Горе мне! — восклицал он, — я остался как странник среди чужой земли. Я не имею родственников, которые могли бы мне помочь в случае несчастья!» Летописец спешит пояснить, что кунинг вовсе не был опечален их смертью, а говорил так из хитрости, рассчитывая узнать, не остался ли еще кто-нибудь в живых, чтобы умертвить всех, до последнего. Это невероятное варварство благочестивый христианский епископ оправдывает тем, что Хлодвиг хотел объединить Галлию. Хлодвиг умер в 511 г. в Париже и был погребен в базилике Св. Апостолов, которую он сам построил и на месте которой впоследствии была сооружена церковь Св. Женевьевы, переименованная в Пантеон, т. е. храм великих людей. Из ее склепов были выкинуты трупы всех королей Франции во время революции, в том числе и знаменитого кунинга, с именем которо-

го долго и несправедливо соединяли представления о просветителе и объединителе древней Галлии.

Междоусобицы Меровингов (511—548). Было бы ошибочно представлять историю первых Меровингов в Галлии началом французского королевства. Это история частных раздоров в семье Меровингов, вождей франкских дружин, и, конечно, подробности ее не имеют серьезного исторического значения.

Хлодвиг смотрел на Галлию, как на военную добычу. Умирая, он разделил свое государство на четыре части: Теодорих (по-французски Тьерри) имел свою резиденцию в Реймсе, Хлодомер в Орлеане, Хильдеберт в Париже и Хлотарь — в Камбрэ и Турне. Они поспешили по просьбе матери отомстить бургундскому королю, который убил ее отца. Вообще родовая месть служит главным стимулом для франкских королей, и история первых трех поколений Меровингов — история зверств и убийств. Здесь мы видим те же жестокости и то же оправдание со стороны епископа-летописца. Хлодомер, отправляясь вторично против бургундцев, решил умертвить пленного бургундского князя Сигмунда. Блаженный Авит отговаривает его от этого замысла. «Если, обратив свой взор к Богу, — сказал он, — ты изменишь свое намерение и если не допустишь покуситься на жизнь пленных, то Бог будет с тобою и ты обретешь победу. Но если ты умертвишь их, то сам попадешь в руки врагов и погибнешь их смертью; с тобой, твоей женой и детьми поступят так, как ты поступишь с Сигмундом, его женою и детьми». Хлодомер не обращает на это внимания. «По моему мнению, — отвечал он, — неблагоразумно, идя на одного неприятеля, другого держать в своих руках, оставляя одного в тылу в то время, когда другой будет перед тобой; я могу очутиться между двух неприятелей. Победа достанется легче и будет решительнее, если я отделю одного от другого: умертвив этого, я без труда умерщвлю и того». Он, конечно, убил ненавистного ему Сигмунда с женой и детьми и для большей безопасности трупы своих жертв бросил в колодезь.

Надо заметить, что Сигмунд, причисленный за свою смерть к лику святых, хотя при жизни не походил на святого, был родственником Хлодомера; на дочери Сигмунда был женат старший брат Хлодомера — Теодорих. Но этот Теодорих не считал нужным мстить за смерть своего тестя, потому что тот принадлежал к другому роду. Он, напротив, соединяется с братом, чтобы доби-

вать бургундцев, которые успели освободиться от франков, но на короткое время. В этой войне Хлодомера постигла смерть, предсказанная аббатом.

Не менее характерным является другой факт, свидетельствующий о том, что, помимо родовой мести, членами дома Меровингов руководила жадность. Во время своего пребывания в Тюрингии старший брат хочет убить младшего. Он использует такую хитрость. Спрятав вооруженных людей, он приглашает Хлотаря к себе как бы для совещания по одному секретному делу. Вооруженные люди были спрятаны за ковром, протянутым от одной стены до другой, но ковер оказался коротким, и потому из под него выглядывали ноги убийц. Хлотарь догадался и был настороже. Хитрость не удалась. Теодорих, чтоб загладить измену, подарил брату большое серебряное блюдо; потом ему стало жаль ценного подарка, и он послал своего сына взять подарок назад, так как брату достаточно и того, что он остался жив; сын получил подарок обратно. Все-таки братья остались по-прежнему дружны, и затем все три брата сосредоточивают месть на своих племянниках, сыновьях погибшего Хлодомера, которым формально принадлежало наследство их отца. Они хотят вырвать детей из рук бабки Кротекильды, опасаясь, чтобы они, из-за расположения старухи, не получили бы какой-либо части королевства. Они обещали ей возвести детей на отцовский престол, а на деле готовили им смерть. Бабка, ничего не подозревая, накормила и напоила внучат и отправила их, точно на праздник. Двое детей обманом были вызваны, а третий успел спастись. Детей схватили, разлучили со слугами и отдали под стражу. Одному ребенку было десять лет, а другому семь. Дяди отправили к своей матери посланца с обнаженным мечом и ножницами, т. е. предлагая на выбор или убить детей, или постричь в монахи. Бабка предпочла видеть их мертвыми, говоря, что не желает видеть любимых внучат обойденными престолом. Тогда Хлотарь собственноручно исполняет казнь. Он, как тигр, гоняется за жертвами и убивает их, несмотря на слезы детей, которые обнимают его колени. Кротекильда не думала печалиться. Она положила трупы детей в один гроб и похоронила их в парижской базилике, где был погребен Хлодвиг.

Слишком мало было христианского в этих варварах. В лучших представителях дома Меровингов, таких, как Кротекильда, видно только внешнее благочестие. Для характеристики нравов того вре-

мени интересно то, что та самая женщина, которая предпочла видеть своих внуков лучше мертвыми, чем монахами, вызывает в Григории Турском чуть не чувство благоговения. Он пишет: «Она обнаружила такое величие, что была уважаема всеми; ревностно подавая милостыню, она посвятила себя благочестивым деяниям, и, заботясь о чистоте нравов и укреплении добродетелей, она надеялась церкви, монастыри и святые места всем, что им было необходимо. Она делала благодеяния с таким чистосердечием и усердием, что все смотрели на нее не как на королеву, но как на рабыню Господа, всецело посвятившую себя служению ему. Ни могущество детей, ни честолюбие мира, ни богатства, — ничто не могло увлечь ее своими соблазнами на погибель, и через свое унижение она была возвеличена благодатью» и т. д.¹

Хлотарь I (548—561). Наконец братья Хлотаря умерли; племянников не существовало; и Хлотарь I в 548 г. соединил в своих руках всю Галлию. Он избегал городов и устроил свою резиденцию в окрестностях Суассона. Там до сих пор существует деревня Брень; она была одним из тех поместий, которые Хлотарь предпочитал всем другим городам Галлии. В окрестностях были огромные леса, полные зверей, которые развелись после погрома в огромном числе. Королевское жилище походило на нынешнюю усадьбу громадных размеров. Это жилище свирепого кунинга не было укреплено. В самом деле, кого ему было бояться? Конечно, всего менее гонимых, забитых галло-римлян. Вокруг главного здания располагались по порядку жилища дворцовых чинов из варваров и римлян, а также помещения для начальников дружин, поступавших на службу короля на условиях подчиненности и верности. Другие дома меньшего размера заняты были большим числом семейств: здесь мужчины и женщины своими руками должны были готовить для двора все, начиная с дорогих тканей и выделки оружия и кончая предметами первой необходимости. Эти ремесленники происходили или из обедневших германцев, или из покоренных галлов, насильно приведенных с женами и детьми для заселения королевского поместья. Все они назывались без различия происхождения литами, т. е. людьми, но в унижительном смысле, как немецкое *Leute* (последние, на латинском же языке — фискальными, т. е. приписанными к фиску). В потаен-

¹ Григорий Турский. Церковная история франков, IV, 18.

ном подвале франкского кунинга стояли огромные сундуки за тройными замками, в которых хранились его сокровища, скопленные всяким насилием и часто обогранные кровью многочисленных жертв. Там, в этом селении Хлотарь созывал соборы епископов галльских городов, принимал чужестранных послов и председательствовал на больших собраниях франкского народа, за которыми следовали пиры по образцу сохранившихся в преданиях тевтонского племени, пиры, на которых зажаренные кабаны и дикие козы целиком подавались на стол, а по четырем углам комнаты ставились откупоренные бочки с вином.

Нечего говорить, что Хлотарь не сдерживал диких привычек, которыми он напоминал своего отца. В 561 г. он приказал в наказание за возмущение сжечь своего сына с женой и детьми и со спокойной совестью вернулся в свои Бреннские поместья. Излишне прибавлять, что, игнорируя предписания церкви, он дорожил тем, что имел возможность обладать множеством наложниц в каждой из своих резиденций. Григорий Турский рассказывает в IV книге, что его жены переносили беспутство кунинга с покорностью, как рабыни. Однажды одна из его жен, Итонда, обратилась к нему с такой просьбой.

— Король, господин мой, сделал из рабыни все, что ему было угодно, и призвал меня разделить с ним ложе. Он совершил бы эти великие милости, если бы исполнил ее просьбу. В числе слуг твоих у меня есть сестра по имени Арегонда; дай ей, прошу тебя, мужа храброго и богатого, дабы не терпела я за нее посярмления.

Просьба эта, подстрекнув любопытство короля, возбудила в то же время его сластолюбивые вожеления. Он в тот же день отправился в поместье, где жила Арегонда. Хлотарь, найдя, что она так же красива, как и сестра ее, взял ее с собой, водворил в королевских покоях и возвел в сан своей супруги. Через несколько дней он пришел к Итонде и сказал ей:

— Я не забыл о милости, которую ты так откровенно у меня просила. Я искал для сестры твоей мужа богатого и разумного, но лучше себя никого не нашел. Узнай же, что я сделал ее своей супругой; я думаю, тебе это не будет противно.

— Да исполнится воля государя моего, как будет ему угодно, — отвечала Итонда, не выходя из своей покорности и супружеского смирения, — лишь бы меня, его рабыни, не лишил он своей милости.

Надо было пройти многим векам, чтобы женщина из рабыни, какой она была в древнем мире, сделалась существом, равным мужчине, и приобрела тот почет, которым она была окружена в эпоху рыцарства. В древнем мире, по закону, женщина была поставлена низко; на нее смотрели с государственной точки зрения. В христианстве же чистое евангельское учение полностью уравнило женщину в правах с мужчиной и запретило ему иметь более одной жены. Но на практике было далеко не так, как это мы видим на примере франкских кунингов. Даже богословы первых веков не могли утвердительно отвечать на этот вопрос. На одном из Западных соборов рассуждали: человек ли женщина? Тогда один из присутствовавших богословов решил спор следующим образом: Св. Писание называет Христа сыном человеческим, но на земле он назывался сыном Девы Марии. Вопрос, таким образом, был решен в пользу женщин, но франкские кунинги не считали нужным подчиняться этому решению.

Вообще представления о Боге первых кунингов-христиан о христианской религии вовсе не были духовными и возвышенными. Когда Хлотарь лежал в предсмертных мучениях, то из уст его раздавались укору и проклятия: «О! что нужно думать о том Царе Небесном, — воскликнул он, — который убивает столь могущественных королей земли!» Он умер в 561 г.

Раздел Галлии на четыре части. Четыре его сына перенесли труп отца в Суассон с великими почестями, причем пели псалмы и несли восковые факелы. Едва погребение было совершено, как третий из братьев Хильперик поспешил в Брень и завладел сокровищами своего отца. Часть их он раздарил предводителям дружин, которые провозгласили его кунингом. С ними он отправился на Париж, намереваясь стать первым между братьями и занять императорский дворец. Там были такие термы, каких теперь после варварских погромов не было во всей Галлии. Будучи полудикарем, он питал слабость к римской образованности. Он охотно потешался зрелищами в цирках и в довершение всего имел притязание быть грамотеем, богословом и даже поэтом. Его латинские вирши, редко подчинявшиеся правилам стихосложения, находили восторженных поклонников среди образованных галлов, которые рукоплескали им с трепетом, восклицая, что знаменитый сын сикамбров превзошел изяществом стиха сынов Ромула. К сожалению, стихотворные творения Хильперика не сохранилась.

Хильперик легко овладел Парижем, но ему не удалось удержать его надолго. Три других брата, соединившись, пошли против него, требуя равной доли из наследства отца. Хильперик вынужден был уступить, и братья разделили государство на четыре части. Прорезав мысленно карту Галлии двумя поперечными чертами от пролива до Пиренеев и от реки Луары до Вогезов, они получили части государства Меровингов, две на севере и две на юге. Эти части впоследствии закрепили в истории свои названия. Дележ был решен жеребьем. На долю Хариберта досталась юго-западная полоса Галлии от Сены до Пиренеев, так называемое Парижское королевство с городами Парижем, Туром, Пуатье, Бордо и др.; южная часть этой полосы назвалась впоследствии Аквитанией. Гунтрам получил Орлеанское королевство от Вогезов до Альп с Бургундией. Затем две части на севере достались Хильперiku и Сигиберту. Непосредственно на долю Хильперика выпал удел его отца — Суассонское королевство; это будущая Нейстрия, *Neoster rike*, т. е. западная часть. В сущности же это была северо-западная полоса Галлии, охватывавшая угол между Сенной, Луарой и Атлантическим океаном. Наконец последний, северо-восточный кусок, далеко выходящий за пределы нынешней Франции и охватывавший пространство между средним течением Сены и Рейна, был предоставлен Сигиберту. Номинальная власть его простиралась до рубежей саксов и славян. Его резиденция была в нынешнем Меце. Эта часть называлась *Oster rike*, отсюда Австразия, т. е. восточная земля.

Когда жребий определил каждому особую часть городов и поместий; братья поклялись на мощах св. угодников в том, что каждый будет довольствоваться своей долей и не захватит лишнего ни силой, ни хитростью. Но, как и следовало ожидать, никто из братьев не сдержал клятвы. Особенно склонен был к насилиям Хильперик. Он питал особенную ненависть к духовным лицам; он находил высшее удовольствие в уничтожении духовных завещаний, составленных в пользу монастыря или церкви. Нравы и поведение епископов были главным предметом его застольных острот и шуток. Не будучи проницательным, он сказал слова, которые впоследствии сбылись: «Наша казна беднеет, достояние наше отходит к церкви! Истинно царствуют в городах священники». Гунтрам в противоположность ему любил духовных лиц, но отличался меньшей свирепостью; у него случались припадки бешенства. Однажды за потерянный им

охотничий рог он предал пытке многих свободных людей, а в другой раз он велел умертвить благородного франка по подозрению в убийстве буйвола в королевском поместье.

Фредегонда и Брунгильда. Все братья, кроме Сигиберта, были в равной степени невоздержанны; все они имели по не́скольку жен. Мало того, они вступали в связь с сестрами своих наложниц и брали себе любовниц из монахинь. Парижский епископ попробовал отлучить Хариберта от церкви за то, что он женился на сестре своей умершей жены, но угроза не имела никаких последствий. Всего более было наложниц у Хильперика. У одной из его жен, Клудоверы, была служанка Фредегонда, девушка замечательной красоты. Она сумела хитростью удалить свою госпожу, уговорив ее, в отсутствие короля, крестить свою собственную дочь. Хильперик заставил жену принять монашество под предлогом того, что христианский закон не позволяет брака с кумой, и затем женился на Фредегонде. Отверженная королева, в то время как кунинг шумно праздновал новую свадьбу, отправилась в обитель, где через пятнадцать лет была умерщвлена по приказанию прежней своей служанки. Впоследствии она стала героиней германского эпоса под именем Кримхильды.

Другая героиня народных германских сказаний, Брунгильда, была полностью исторической личностью. Она была женой младшего из братьев, Сигиберта. Сигиберт, питая отвращение к распутной жизни братьев, решил выбрать себе жену из королевского дома. Выбор его пал на младшую дочь остготского короля Атангильда, Брунгильду¹. Брачная церемония совершилась в 566 г. в Меце. Королевская пышность произвела сильное впечатление на Хильперика, который позавидовал Сигиберту. Ему надоело возиться с наложницами и женами рабского происхождения. Он как бы устыдился своей жизни и предложил руку другой сестре Брунгильды, Гальсвинте. Но это намерение встретило препятствия, каких не было для Сигиберта. Вестготский король потребовал от Хильперика, в виде утреннего дара (*Morgengabe*) невесте, уступки Бордо, Беарна, Лиможа и Бигора с их округами. Хильперик согласился уступить эти города и женился. Фредегонда должна была покинуть своего

¹ Григорий Турский (Церковная история франков, IV, 27) считает ее скромной, умной, приятной в разговорах, а Беда Достопочтенный (Жизнь святого Колумбана, 19) называет презрешной и порочной. Эпос сделал из нее величественную героиню.

мужа, но Хильперик, по нерассудительности, дозволил ей остаться при дворе. Она жестоко отомстила своим врагам. Ей удалось задушить молодую Гальсвинту. За нее стала мстить сестра убитой, Брунгильда. Она убедила своего мужа Сигиберта начать войну. Но ей не повезло. Сигиберт пал от руки Фредегонды. Это был самый даровитый из Меровингов. По приговору семидесяти двух мужей дружины, приглашенных на совет, несмотря на победу, Хильперик должен был уступить наследнику Сигиберта, Хильдеберту и внукам Брунгильды, города, составлявшие утренний дар. Из-за них впоследствии вновь началась война, длившаяся десятки лет.

Во время этой войны на алтарь родовой мести было принесено множество жертв. Брунгильда губит своих врагов. Фредегонда не уступает ей в свирепости. Хильперик погиб на охоте близ Парижа. Его дети от первого брака погибли от руки ревнивой Фредегонды, очищавшей престол Галлии для своего сына, Хлотаря II, тогда еще мальчика. Пользуясь малолетством сыновей Хильдеберта, присоединившего к Австразии и Бургундию (умершего в 526 г.), Фредегонда, при содействии своего фаворита, пылая местью к ненавистной Брунгильде, начала войну и овладела Парижем, разбив войско австразийцев и бургундов. Она умерла своей смертью в зените могущества, но мучилась тем, что соперница ее переживет. Свою месть она завещала любимому сыну.

Между тем внуки Брунгильды одержали верх над кунингом Нейстрии, оставшимся без руководительницы. Они предоставили ему ничтожную долю его родовых владений. Когда они пересорились между собою, надежды Хлотаря II вновь оживилась.

Внуки Брунгильды даже в то невзыскательное время славились развратом и жестокостью. Тщетно увещевал их ирландский проповедник Св. Колумбан, основавший монастырь в горах Вогезов, трудившийся для просвещения полудиких франков и их развратных вождей. Брунгильда ревновала своих внуков. Ее любовь к ним была своеобразна. Снабжая их наложницами, она не позволяла им жениться. Теодорих одолел Теодеберта и пленил его изменой. Бабка согласилась постричь в монахи несчастного внука, которому изменила судьба. После он был убит братом, а его сыну Меровею размозжили голову о скалу. Теодорих II, властвуя над Австразией и Бургундией, рассчитывал присоединить Нейстрию, изгнав Хлотаря. Смерть предупредила его намерение. Она застала престарелую Брунгильду совершенно неподготовленной.

Ее партия, состоявшая главным образом из римлян и галлов, была слабее германской, которой руководили храбрые вельможи Пипин Ланденский и Арнаульф, ставший наследником Меца. Малолетние правнуки нелюбимого кунинга не обладали каким-либо значением в глазах недовольных вельмож. Раздраженные назойливым и постоянным вмешательством Брунгильды в дела управления, не желая более подчиняться женщине, которая лучшие места отдавала побежденным, австразийские вельможи пригласили быть у себя кунингом того самого Хлотаря II, сына Фредегонды, который в последнее время думал о бегстве за Рейн.

Хлотарь с нескрываемым удовольствием принял неожиданное предложение. Он приносил с собою родовую месть Брунгильде, которой изменили войска и те вожди, на которых она еще продолжала рассчитывать. Хлотарь водворился в Австразии без борьбы. Он прежде всего расправился с детьми Теодориха II; двое из них были убиты, один бежал, а четвертый, крестник нового кунинга, был заточен в тюрьму. Затем настала очередь Брунгильды, позорно преданной своим народом. Несчастную мучили три дня страшными истязаниями; потом окровавленную, уже умирающую, привязали к дикой лошади и растерзали.

Вообще вся история Меровингского дома — это трагедия, не вымышленная, а происходившая в действительности, трагедия, богатая искусной завязкой, развитием характеров героев и героинь, над которыми тяготеет злой рок, этот фатум античной драмы. Страсти бушуют в ней. Никого еще судьба, карающая за безнравственность и свирепость, не карала столь очевидно, как дом Меровингов. Эти люди не знали меры своим страстям. Напрасно духовенство возвышало свой голос против них. Самые лучшие и благороднейшие усилия не удавались.

В междоусобицах погиб почти весь дом Меровингов. Разъединенная и облитая кровью Галлия составила вновь единое государство в 613 г. под властью Хлотаря II.

6. Лангобардское владычество в Италии

Когда славяне, начавшие с VI столетия заявлять о своем существовании, стали нападать на Византию, опустошая чуть не ежегодно значительное пространство за Балканами и проникая иногда до южной оконечности Пелопоннеса, императорская власть не смогла более заботиться об Италии.

Равеннский экзархат. Там, в Италии, империя имела не вполне достойного представителя верховной византийской власти. Экзарх Нарсес, живший в Равенне, не имел достаточных возможностей держаться в Италии даже в мирное время. Он сумел справиться с алеманнскими авантюристами, которые вздумали было покорить Италию, но не был в состоянии защитить страну от сколько-нибудь организованного движения варваров. Он обратил все свое внимание на вымогательства, на выжимание последних соков из народа, без того уже разоренного. Грозный на войне, он сделался грозой и в мирное время. Он строго преследовал всякое отступление от его предписаний, не останавливаясь даже перед епископской властью, за которую он должен был держаться, в силу того авторитета, который она успела уже приобрести на Западе своей деятельностью. Нарсес самовластно притеснял итальянских епископов и тем вступил с ними в излишние и неуместные пререкания.

Понятно, итальянцы, и в особенности римляне, ненавидели Нарсеса и стали жаловаться на него императору. «Уж лучше бы нам повиноваться готам, чем грекам, мы выиграли только то, что нами управляет евнух Нарсес и обращается с нами как с рабами», — так в глаза Юстину II говорили римские послы и обещали предать Италию в руки варваров, если император не избавит их от деспота. Император Юстин II должен был сменить Нарсеса и прислать другого экзарха. Он назначил Лонгина, которым итальянцы также не могли быть довольны. Все зависело от общей системы правления, а не от личности экзарха; много значили также и денежные средства, которыми располагала императорская казна.

Одно позднейшее предание рассказывает, что император не удовольствовался только смещением Нарсеса, но что он при этом глубоко оскорбил знаменитого полководца. Императрица будто прислала Нарсесу прялку, намекая не совсем деликатно на те качества воина, которые не отвечали посту, им занимаемому. В ответ на это Нарсес обещал будто бы спрясть такую нитку, которую императрица не распрядет во всю свою жизнь. После этого Нарсес, удалившись в Неаполь, вступил в сношения с лангобардами, послал им соблазнительные дары и предложил им вторгнуться в Италию. Современные греческие историки умалчивают об этом факте. Надо заметить, что это

предание передается Павлом Варнфритом, жившим в VIII в., Анастасием, Исидором испанским и многими позднейшими христианами. Потому есть основание считать это предание вымыслом летописцев, вымыслом, не имеющим исторической подкладки и достоверности¹.

Во всяком случае, лангобарды не нуждались в особом приглашении для вторжения в пределы Апеннинского полуострова. Они давно уже были соседями Италии.

Лангобарды. Уничтожение остготов произвело сильное впечатление на все германские народности. Теодорих стал популярным героем не для одних только готов: он был дорог и другим германским народам; его славил и к нему слали посольства и гепиды, и лангобарды, и алеманны. Могли ли эти народы снести национальное оскорбление, когда была уничтожена обширная монархия могучего Теодориха? Особенно тяжело это оскорбление отозвалось в сердцах лангобардов, народа, родственного готам. Следовательно, на лангобардах, а не на каком-либо другом народе лежала обязанность мстить за готов. Притом же другие германские народы, близкие к Италии, уже прочно осели, а лангобарды еще не успели прискаты себе удобного места.

Они всегда славилась своею храбростью, хотя и не отличались многочисленностью. Птоломей знал их еще на нижней Эльбе. Павел Диакон говорит, что их первоначальное имя было венилы (?), что они уже сами переименовали себя в лангобардов, т. е. длиннородых. По его же свидетельству, лангобарды вышли из

¹ Главным источником для этой эпохи служит сочинение *Павла Варнфрита* «О деяниях лангобардов». Павел Диакон, сын Варнфрита, был монахом Монтекассиинского монастыря. Он жил в VIII в. и, не будучи современником описанных им событий, должен был пользоваться предшествовавшими ему летописями (Григория Турского, Иордана, Беды и др.), различными народными преданиями и сказками, которым он особенно склонен верить. Впрочем, он несколько раз, подобно Геродоту, напоминает читателю, что его обязанность — сообщать все то, что осталось от описываемой им эпохи. Для национальных преданий он обращался к Секунду Тридентскому. Поэтому-то вся его первая книга наполнена сказками, которыми, однако, должно дорожить, как памятниками национального эпоса. Свою летопись Павел заканчивает 744 г.

Скандинавии, откуда вышли и готы¹. В VI в. мы встречаем лангобардов в пределах нынешней Австрии. От Италии их отделяли только герулы и гепиды. Лангобарды платят дань герулам, вероятно, за обладание паннонской землей. Когда герулы, не довольствуясь данью, которую платили лангобарды, пошли на них войной, то потерпели поражение. Остатки их укрылись у гепидов.

Альбоин. Тогда лангобардами предводительствовал кунинг Альбоин. Он был создан для войны и приобрел громкую славу благодаря своему сильному характеру. Завязалась ожесточенная борьба между гепидами и лангобардами, но и гепиды потерпели полное поражение. Их престарелый кунинг пал в битве; Альбоин отрубил ему голову и велел из черепа сделать себе кубок. По преданию, причиной этой борьбы послужила роковая страсть Альбоина к дочери кунинга гепидов, красавице Розамунде, руку которой Альбоин мог получить только с боя. После победы Альбоин женился на Розамунде.

Теперь между лангобардами и Италией не лежало уже никакой преграды. Италия притягивала к себе всех варваров, потому что не могла отстоять свою независимость. Они успокаивались только тогда, когда твердо ощущали под собой итальянскую почву. Через год после покорения гепидов Альбоин объявил своему народу поход в Италию. Присоединив к своим полчищам до двадцати тысяч саксов, болгар, сарматов и других народов, лангобарды двинулись в 568 г., по обыкновению варварских племен, целыми семействами и со всем имуществом, а на их местах поселились авары.

Италия была в это время в самом бедственном положении. В 664 г., следовательно, незадолго до нашествия лангобардов, по всему Апеннинскому полуострову прошла моровая язва. Она ис-

¹ Упомянув о происхождении лангобардов, Павел Диакон сообщает далее ряд легенд, весьма занимательных и интересных, но не имеющих серьезного и исторического характера. Так, в первой книге встречаются народные сказки о семи римских богатырях, спящих на скале у берега океана, богатырях, от которых язычники должны получить свое спасение; тут же к чему-то упоминается о женщине, родившей семь сыновей, один из которых сражается с амазонками; далее идет трактат об амазонках. Настоящая история лангобардов сообщается с последних глав первой книги или почти со второй книги.

требила так много народа, что во многих местах, прежде населенных, некому было собирать хлеб и виноград. Италия была бессильна защищать себя. Это было обязанностью византийского правительства. Но это правительство предало Италию. Альбоин скоро овладел Северной Италией. Венецианская и лигурийская области с их городами были покорены без всякого почти сопротивления. Только Павия своей геройской защитой на некоторое время остановила успехи завоевателей. Отделив отряды для окончательного занятия Тосканы, Лигурии и Южной Италии, Альбоин остановился перед Павией и только через три года вынудил ее жителей к сдаче.

Теперь лангобарды рассеялись по всей Средней и Южной Италии. Только Равенна и Рим остались не занятыми. Для римского епископа открылось широкое поле деятельности. Лангобардские владения так окружили Рим, что он с трудом мог сноситься с Равенной. Поневоле Риму и епископу римскому пришлось обратиться к Западу, потому что сношения с Востоком были прекращены. Это топографическое обстоятельство весьма важно. Взоры Рима тогда как бы невольно обратились на Галлию и Испанию, а Юстин II по-прежнему нисколько не заботился об Италии. Он будто забыл ее.

Наконец, настал кризис для лангобардского владычества, Альбоин погиб насильственной смертью от своей мстительной супруги. Павел Диакон рассказывает, что Альбоин на одном веселом пиру, в своем загородном дворце близ Вероны, заставил Розамунду выпить вина из черепа ее отца, обращенного в кубок. Оскорбленная женщина, исполнив волю мужа, поклялась мстить. Она тайно стала женой Гельмигиса, для которого пожертвовала ранее свою честью. Сильный оруженосец принял участие в заговоре и умертвил Альбоина в его спальне. Розамунда хотела сделаться после смерти своего мужа королевой лангобардов, но это ей не удалось. Дружина Альбоина восстала против нее, и она должна была бежать под защиту экзарха Лонгина. Лонгин пленился ею и предлагал ей свою руку. Розамунда хотела покончить и со вторым мужем. Но Гельмигис, выпив половину снадобья, приготовленного Розамундой, догадался и заставил ее выпить остальное; оба нечестивых, замечает Павел Диакон, погибли одной смертью. Дочь Розамунды с сокровищами матери была отправлена в Византию к императору Тиверии II.

Борьба за Италию и начало лангобардской власти. Со смертью знаменитого кунинга лангобарды не растерялись. Они избрали себе нового вождя Клефа. Этот Клеф в течение года успел проявить себя только одними жестокостями. По смерти его целые десять лет лангобарды не чувствовали необходимости единовластия. Рассеявшись по Италии, они разделили ее между тридцатью знатными воинами. Понятно, что итальянцам от этого могло быть только тяжелее. «Многие благородные римляне, — говорит Павел Диакон, — стали жертвой ненасытной жадности герцогов (так назывались лангобардские владельцы земель), а остальные были разделены между их врагами, обязывались вносить третью часть всех сборов и таким образом сделались их данниками»¹. Лангобарды не щадили монастырей, разрушали их и предавали огню. Так они разрушили знаменитый Монтекассинский монастырь, который красуется на горе почти на полпути между Римом и Неаполем. В этом монастыре было хранилище рукописей; большая их часть погибла.

В Византии ничего другого не могли придумать для защиты Италии, как только пригласить франков. Послы императора Маврикия вручили Хильдеберту, королю франков, 50 тысяч золотых. Он обещал оказать помощь. Лангобарды испугались и постарались со своей стороны откупиться такой же суммой. Просьба итальянцев осталось неисполненной. Хильдеберт не двинулся с места. Результатом этого было то, что лангобарды сознали необходимость в единстве и выбрали королем Автариса, который сосредоточил разрозненные силы лангобардов и начал громить Италию. Экзарх Равеннский просил короля о перемирии, которое и было заключено на три года.

В 587 г. снова началась война с лангобардами. В Византии думали, что надо только сменить наместника, и дело поправится. Действительно, экзарх Смарагд был скоро смещен и место его занял Роман, человек энергичный и предприимчивый. Но и он не мог ничего сделать. Лангобардское владычество быстро распространялось. Наконец и Риму начала грозить опасность. Здесь положение дел было критическим; появился недостаток хлеба и стали распространяться заразные болезни. Лангобарды готовились взять Рим.

¹ *Paulus Diaconus. De gestis Lang. II, 32.*

Весь интерес истории заключался теперь в том, сумеет ли Рим отстоять свою самостоятельность. В этот решительный момент умер папа Пелагий II. Единодушный выбор пал на Григория, человека из знатного рода, долго служившего в Риме префектом. Он не искал власти, но, получив ее, крепко за нее ухватился. Только благодаря деятельности этого папы Италия спаслась от окончательного порабощения. Хотя ему не удалось свергнуть власть лангобардов, но он привил к ним цивилизацию вместе с католицизмом и тем спас Италию. В этом великая заслуга папы Григория I.

Папа Григорий I (590—604). С первых дней своего служения новый первосвященник посвятил себя благу Италии. Если кто из пап заслуживает названия Великого, то это именно Григорий I. Диалоги его риторичны, но в них попадаются существенно важные мысли. «Свирепый народ лангобардов, — говорит он, — устремившись из своих первоначальных убежищ, пал грозой на нашу голову, и многочисленный род людской, который наподобие густой нивы покрывал эту землю, иссыхает, подсекаемый мечами. Лежат опустошенные города, ниспровергнуты укрепления, сожжены и разрушены церкви, монастыри стоят опустелыми, поля оставлены земледельцами, земля покинута своими обитателями, дикие звери заняли те места, где прежде люди теснились во множестве. Что делается в других странах мира, мы не ведаем, но, судя по тому, что происходит вокруг нас, мы заключаем, что мир не только предвещает, но уже на деле доказывает нам свою кончину». Красноречивые толкования пророчеств Иезекииля построены в том же минорном тоне. «Напрасно бы я старался, — говорит понтифик, — обратить ум мой на божественные изречения, ибо на печаль настроена певница моя и орган мой вторит голосу плачущих».

Говорят, что за этим комментарием застало Григория известие о нашествии лангобардов. Григорий проявил чрезвычайную деятельность, тогда как экзарх препирался с ним о власти. Наместник надеялся, что смерть Автариса охладит порывы и энергию лангобардов.

Теоделинда. Между тем жена Автариса, Теоделинда, продолжала дело мужа¹. Она не могла быть королевой, ибо пример Ро-

¹ *Rion. Theodelinde, Prinzessin von Bayern, Augsburg, 1834.*

замунды был у всех на памяти. Но ради блага государства она выбрала своим мужем храброго герцога Туринского, Агилульфа. Она сама выехала к нему навстречу и, после обычных приветственных слов, поднесла ему кубок с вином. Агилульф выпил и поцеловал у Теоделинды руку. Тогда Теоделинда заметила ему, что он может взять ту же дань с губ. Королем, таким образом, становился Агилульф, но за Теоделиндой осталось большое влияние. Надо заметить, что она была католичка, тогда как лангобарды были, как известно, ариане. Этим обстоятельством воспользовался Григорий и вступил с Теоделиндой в переписку. Расчет был верен. Теоделинда прямо объявила себя приверженной к той вере, которую исповедовал римский епископ. Тогда Григорий послал ей свою книгу диалогов с доверенным человеком, который должен был всячески стараться склонить Теоделинду и ее супруга к миру «с христианской республикой», как выразился папа в своем письме по этому случаю, понимая под этим всю нераздельную Римскую империю. Григорий не отделяет себя от этой империи, а, как епископ римской церкви, считает первой своей обязанностью служить и помогать своему народу.

Таким образом, сперва его замыслы не были политическими. Он не мечтал о светской власти пап. Но, когда впоследствии его стремления были отвергнуты, даже осмеяны, естественно, что он стал стараться во что бы то ни стало найти другой, более верный способ упрочить свою власть. Он нашел его в том порядке, который применил в курии.

Тем временем, пока Григорий приводил таким образом в исполнение свои планы, желая примирить лангобардов с церковью и Италией, экзарх делал совсем другое. Он донес императору Маврикию о переписке папы. Император сделал выговор Григорию за то, что он вмешивается не в свое дело и назвал его даже простачком (*fatuus*), между тем как обязан был благодарить его за службу империи, Григорий, в свою очередь, послал колкий ответ императору. Он писал: «Я говорю не только за себя, я говорю за целую страну. То, что навлекло на меня только упрек в лживости, является причиной несчастий целой Италии, которая каждый день должна терпеть плен лангобардский: вот что особенно печалит меня. Пока словам моим не хотят дать веры, силы врагов наших растут неимоверно. Но я одно скажу моему высокому повелителю: пусть он будет обо мне самого дурного мнения,

только бы в деле, касающемся спасения Италии, не на всякие речи склонял он свой высокий слух и верил бы больше делам, чем словам». Заканчивая свое послание, Григорий говорит: «Скажу коротко: хотя аз есмь недостойный грешник, я более полагаюсь на милосердие грядущего Иисуса, чем на твое правосудие». Это был явный разрыв с империей.

В Риме близко принимали к сердцу положение Италии. Там всячески старались, насколько возможно, исцелить не только наружные, но и внутренние язвы. Там никогда не оставались равнодушными к тем притеснениям, которые терпел народ со стороны правительства. Там старались войти во все нужды народа, помочь им, действуя авторитетом и увещаниями, чтобы устранить злоупотребления. Результатом было то, что власть над римлянами и даже над уцелевшими императорскими округами перешла от экзарха к папе. Последний обладал могущественным влиянием: как итальянский патриот, он советует епископам стать политическими деятелями перед лицом опасности для отечества и заботиться о его сохранении. «Надо стараться, — говорит он, — не об одном спасении душ, но и о внешнем благосостоянии паствы». Из этого видно, что в светские дела Григорий вмешивается не в эгоистических целях, а только ввиду безысходного положения Италии.

Поэтому-то он сносится письменно не только с франкскими, вестготскими, англосакскими кунингами, не только с Брунгильдой и Теоделиндой, но также с епископами и сенаторами Галлии. За этими отношениями видна грандиозная мысль о централизации и единстве мира.

Эта мысль имела важные результаты. Галльские епископы вследствие этих взаимоотношений свыклись с авторитетом римского епископа. Про Италию, конечно, нечего и говорить. Сами лангобарды, наконец, были обращены в католическую веру. Эту задачу исполнили те же миссионеры Григория, которые только перед этим утвердили христианство в Британии.

Византийские императоры.

Маврикий (582—602). При тогдашнем положении Византии было бы чудом, если бы она могла удержать за собой Италию. У Византии было слишком много других проблем, чтобы обращать на Италию серьезное внимание. На южных границах империю беспокоят персы; на севере, в конце VI в., а именно с

590 г. — авары и славяне. Эти последние, точно на своих плечах, переносят через Дунай всю Скифию. Массы народа идут с севера. Империя не проиграла ни одной большой битвы, но стала объединяться вокруг Константинополя. Уже враги подошли к Балканам, приблизились к Адрианополю. Маврикий хочет лично выступить против врагов, но его семейство и патриарх мешают ему в этом. Однако он идет в храм Св. Софии и ждет там чуда или видения, которое убедило бы его в успехе похода; но ни чуда, ни видения нет. Наконец Маврикий выступает против славян. Войско при виде императора ободряется, но дух самого полководца вдруг падает. Стали появляться недобрые предзнаменования, записанные греческим историком Феофилом. В одном месте императору перебежала дорогу свинья; в другом перебежало какое-то чудовище; затем подвернулось стадо оленей. Заручившись такими благовидными предложениями, Маврикий повернул назад в Константинополь, предрекая, что благополучного исхода дела быть не может. Воодушевление в войске, конечно, остыло. Император подумывает перебраться на азиатский берег¹.

Фока (602—610). Маврикий погиб от военного мятежа, и его место захватил сотник Фока, человек развращенный и жестокий. Он резал и душил сотнями, за что впоследствии и получил заслуженное возмездие. Но, несмотря на то, что самый акт восшествия на престол Фоки был возмутителен, Григорий счел нужным послать новому властителю любезное письмо, зная, что расположение императора может иметь важное значение для блага Италии. Таким образом, Григорий и тут не выказывает намерения отступить от Восточной империи. Мало того, в Риме была поставлена даже статуя в честь Фоки. Между тем этот последний преследовал в Константинополе партию прасинов за то, что был осмеян ею в цирке. Он запретил членам ее занимать какие бы то ни было государственные должности. Это спровоцировало негодование и заговор. Народ, терпевший до сих пор свирепства императора, разорвал теперь его на части и сжег труп.

Ираклий (610—641). Вступивший на его место Ираклий оказался достойным императором. Только его личной энергии обязана была империя спасением от угрожавшего ей персидского заво-

¹ Подробности см. у Э. Гиббона в «Истории упадка и крушения Римской империи».

евания. Когда славяне и другие варвары убивали и опустошали владения на севере империи, когда Иерусалим и Антиохия были в руках персов, когда Египет был потерян, когда персам сдался Халкедон и они стали ввиду Константинополя, столица империи оставалась как бы островом среди наводнения. Вся Восточная империя заключалась почти только в Константинопольском округе и в небольшом числе приморских городов от Тирадо Трапезунда. Спасения нельзя было ждать ниоткуда. Ираклий двенадцать лет смотрит на падение империи. Наконец он решается на отчаянную борьбу с Хосровом¹, как бы почувствовав внезапный прилив сил при виде неотвратимой гибели. Доселе легкомысленный, Ираклий поклялся в храме Св. Софии жить и умереть вместе со своим народом. Церкви пожертвовали часть своего имущества; на эти средства были наняты варвары и среди них сорок тысяч хазар. Это было нечто подобное римским легионам. В несколько походов Ираклий сокрушил силу персов. В великой Ниневийской битве Хосров погиб, и Ираклий выговорил себе блистательный мир. Все завоевания персов были возвращены. В это время на юге является новый враг, арабы-мусульмане. Но Ираклий уже не думал о них; он, нуждаясь в отдыхе, опочил в триумфе, благодаря чему арабы и имели возможность наносить удары империи.

Ираклеон (641). Шесть месяцев после Ираклия правил его сын Ираклеон, но ему вырвали ноздри, а его любимому министру отрезали язык и на престол посадили внука старого императора, **Константа (641—668)**. Так распорядился сенат. Войска недовольны вмешательством сената. Они требуют, чтобы и братья Константа участвовали в управлении. Император соглашается, а между тем приказывает обрезать носы своим братьям-соправителям, хотя это не мешает тому, что их имена продолжают красоваться на государственных актах.

Его преемнику **Юстиниану II² (685—695 и 705—711)**, за невероятную жестокость и ложно приписанное намерение избить жителей столицы, отрезают нос и язык. Хотя он сумел вернуть себе престол, в конце концов он был убит. **Леонтий (695—698)**, занявший его место, тоже погиб в результате переворота.

¹ Хосров II Парвиз, персидский шах. — *Прим. ред.*

² Непосредственно после Константа правил Константин Погонат (668—685). — *Прим. ред.*

Византийским императорам явно было не до Италии.

При таких условиях естественно, что Италия была предоставлена сама себе, или лучше сказать папе Григорию и честолюбию лангобардов. Надо было заботиться о своих непосредственных границах, которые раздирались врагами.

А между тем тот человек, в руках которого были судьбы Италии, — папа Григорий — положил, как мы видели, основание обращению лангобардов к католичеству и таким образом сблизил их с римской цивилизацией, не дав им возможности сокрушить Рим. Дальнейшая история лангобардов — это постепенное сближение их с римлянами и папой. Это сближение имело значение влияние для судьбы Италии.

Рост муниципальной идеи в лангобардский период. Оно особенно проявилось в VII в. в городах, в муниципальном строе. Лангобарды застали полное разложение городской жизни на полуострове. Все, что хотело жить и ценило себя, бежало из городов. Состояние, когда-то почетное, внушало теперь к себе ужас и отвращение. В курии осталось лишь небольшое число членов, и почти без всякого имущества. По признанию самого законодательства, дошло дело до того, что даже важная должность дефензора служила теперь более к стыду, нежели к чести. На курии лежала, таким образом, печать разложения. Жизнь будущего должна была зародиться в другом лагере, а не в списке старых куриалов. Деятели новых городов должны были быть не одни римляне, но и варвары.

Следует отметить, что в курию не вошли выслужившиеся почетные лица, проживавшие в городах и называвшиеся *honorati*, а также и новые землевладельцы, так называемые *possessores*. Курия должна была только пополняться ими. Но лангобардское завоевание было слишком решительно, чтобы могло произойти правильное, постепенное изменение политических форм. Закрепив за собой обладание завоеванной страной, лангобарды предприняли новый раздел итальянских земель, причем прежние собственники лишались не только имущества, но даже жизни. Так погибли лучшие граждане старого римского происхождения. Тех, которые остались, ждала самая незавидная участь. Лишь меньшая часть их сохранила свободу, но большинство земледельческого сословия перешло в полусвободное состояние. Уцелели только крупные римские земледельцы. Позднейшее лангобардское

законодательство совершенно игнорирует римлян как народ, признавая римлянами только тех, которые примирились с новыми порядками.

На развитие городской и государственной жизни Италии влияло положение, которое заняли в этой стране лангобарды. Они не думали щадить Италию. Перед вступлением в нее они сражались с гепидами и герудами. Им не у кого было учиться мягкости нравов. Альбоин еще относился к побежденным с некоторой сдержанностью, но после его смерти исчезает всякий дух умеренности. Римлян, однако, тяготило не то, что лангобарды заставляли их платить две трети сбора. Так поступали все варвары. Но дело в том, что эта система утвердилась после ряда убийств и что эти отношения не были прочны. Когда герцоги лангобардские решились выбрать короля, то они подарили ему половину собственных владений. Естественно, что это должно было отозваться на римских крупных землевладельцах и крестьянах. Вместо того, чтобы вносить ранее определенную дань, римские владельцы вынуждены были уступить половину своих земель: крестьяне тоже должны были увеличить количество арендной платы; именно, вместо восьмой части они должны были платить половину. Экономические последствия этих порядков были тяжелыми.

Особенно пострадали от лангобардов города Италии. Из того, что некоторые из этих городов были покорены в позднейшее время, не следует думать, чтобы положение их было легче. Точно так же падали их стены, а жители считали за милость, если им позволяли оставить разоренные дома и удалиться в изгнание. Павел Диакон так говорит о взятии Падуи: «Наконец город был сожжен пожирающим пламенем и, по приказанию Агилульфа, разрушен до основания. Впрочем, войско, находившееся там, получило позволение воротиться в Равенну». Слова лаконические, но сильные и весьма впечатляющие¹. Так было с Кремоной, Монцей и многими другими. По словам лангобардского летописца, на месте городов оставались только незначительные села². Конечно, с одобрения лангобардской власти села опять оживали и возрастали до значения городов.

Городами управляли герцоги, которые начальствовали над целой областью. В менее важных местах жили так называемые

¹ Павел Диакон, IV, 24.

² Там же, IV, 47.

гастальды, управлявшие округами. В истории итальянских городов под лангобардским владычеством надобно различать два периода, разделительной чертой которых служит половина VII в. Сперва мы видим закабаление их, потом возрождение уже после слияния лангобардов с римлянами. Сперва центр городской жизни из курии переместился во дворец лангобардского наместника. Сюда горожане обращались с жалобами, здесь их судили. Общественные здания, городские имения, даже церковные земли — все это переходило в ведение герцогского двора, или наместника, или гастальда. Сделавшись резиденцией власти, центральным местом лангобардского управления, перестроенный и видоизмененный город привлекал к себе тех из лангобардов, которые хотели сделаться куриалами и с этой целью продавали свои земли. Эти лангобарды титуловали себя *nobiles*. Потом они слились с народным ополчением и стали называться *exercitales*, *arimanni* (*Heermann*) или *milites*. Эти новые люди из варваров вторгались в города почти насильственно, тем более что лангобардам в городе было привольно. Лангобард мог выгнать римлянина из его собственного дома и из хозяина сделать только управляющим. Но это еще была милость. Бывали примеры, что лангобард совершенно лишал римлянина имущества. Во всяком случае, если лангобард овладевал домом итальянца, то последний уже не мог даже заложить своего имущества, потому что в одном доме было теперь два хозяина и один из них был гораздо сильнее другого. Однако дух и строй старого времени, вопреки уверениям германистов, продолжал еще сохраняться. Рядом с варварским вновь организовывалось и римское общество, не перестававшее существовать как таковое. Положим, оно было загнано, забито, лишлось самостоятельности, собственности, должно было терпеть тяжесть чуждого закона, но численность и старая идея брала свое. Эта численность была слишком значительной, чтобы ее можно было игнорировать. Собственно в городах варварам было не совсем удобно. Лангобарды чувствовали себя здесь, как и все вообще германцы, неловко. Если тогдашняя история Италии и переполнена лангобардскими именами, то не следует думать, что римляне были совершенно устранены от государственных должностей. Когда же сгладилось религиозное различие между двумя нациями, то римляне полностью сравнялись с лангобардами. Прежние лангобардские епископы сменились итальянскими; тог-

да же стали практиковаться разные новые способы дарования итальянцам, состоявшим под патронатством, прав свободного гражданина. Они тогда могли уравниваться в правах с лангобардами. Экономическая сторона тоже имела значение в этом отношении. Между прочим богатые итальянские горожане получили право на то же вооружение, как и свободные лангобарды, так что *cives* и *miles* сливались в одно понятие. Естественно, что под понятие богатых граждан подошли вообще зажиточные граждане и между прочим ремесленники. Большое значение в деле сближения двух наций имели браки, которые существовали в лангобардском королевстве. Известно, что эти браки были либеральны. Лангобард мог жениться на полусвободной римлянке и тем возвести ее в свободное состояние. В городах экономические условия были на стороне римлян; относительное положение их менялось скорее, нежели на помещичьих землях. Чем более уравнивалось имущественное состояние римлян, тем более сближались они с лангобардами, и по мере того, как нарождалось новое поколение, прежняя вражда ослабевала, уступая место совершенному равнодушию к родовым отличиям. Римлянин своей ловкостью пробился внутрь варварского общества, разрушая все препоны и внося туда свой язык, нравы и понятия. Итальянцы победили варваров своей цивилизацией и культурой. Они коснулись внутренней, духовной стороны их жизни, нравов, понятий, образованности, ознакомив их с лучшей обстановкой и удобствами жизни.

Новое общество, образовавшееся из смешения двух различных элементов (варваров и римлян), получает особый характер. В нем непобедимая лангобардская энергия соединилась с тонко развитым римским умом. Приморские города Италии первые проявили свою энергию. Тогда-то начинается торговая деятельность в Венеции, возникшей из нескольких рыбацких хижин на берегу Адриатики. Затем сооружает свои галеры Пиза, а за ней и Генуя. Амальфи также вмешивается в торговые дела и богатеет. Самые большие богатства могли образоваться тогда в Равенне и Риме. Как видно из папских биографий, приписываемых Анастасию¹, ни один первосвященник не обходился без того, чтобы не использовать часть церковных сокровищ на сооружение новых

¹ «*Vitae pontificum Romanorum seu Liber pontificalis*», Muratori, III. См. жизнь папы Захария I у болландистов, 15 марта. *Acta Sanctorum*, II, 407—411.

храмов и других зданий, на выкуп итальянцев из несвободного состояния и т. п. При оживлении экономической деятельности, ознаменовавшей успокоение народа, изменяется характер отношений лангобардской власти к городам. В итальянских городах возникает национальная милиция, которая могла защищать города еще в первое время лангобардского нашествия.

Со временем сложилось так, что во главе власти в каждом городе стал сановник, который был администратором, гражданским и военным начальником, а вместе с тем и судьей. Горожане, состоявшие теперь уже из лангобардов и итальянцев, знали только его, а не курию, которая между тем заполнялась этими же сановниками, называвшимися судьями (*judices*), иногда принимавшими и другие названия, как то: *duces*, *magistri militum* и *consules*. Над ними, правда, стояли в покоренных городах лангобардские наместники: герцоги и так называемые гастальды, но народ знал только судью. Итальянцы издавна, таким образом, привыкли ценить только эту власть. Этим объясняется характер городской жизни, которым впоследствии прославилась Италия. Именно поэтому правительственная власть в Италии так быстро принимала военный характер. Мы увидим, как позднейший характер итальянцев сложился под влиянием лангобардов.

Конечно, Византии надо было бы теперь самой опереться на итальянские города, но она и прежде игнорировала их, что видно из ее законодательства относительно куриалов. Теперь империя, выдав Италию варварам, была бессильна удержать даже часть ее, тем более, что на юге империи появились новые враги — арабы. Уже было замечено, почему византийские императоры потеряли Рим. Та самая народная милиция, которая могла бы быть полезной византийской власти, теперь обратилась против нее. Греческие историки сообщают, что экзарх должен был узнать расположение равеннской и римской милиции на случай борьбы с лангобардами, но выводы, к которым он пришел, оказались неблагоприятны. Настроение милиции было невыгодно для империи, и экзарху пришлось нанимать тех же мусульман. Но тем не менее за милицией греческой власти пришлось ухаживать.

Император Константин Погонат сам признал совершившийся факт. Он в одной из своих грамот адресуетя прямо к клиру, народу и «римскому войску». Под последним имелось в виду народное ополчение. Этот военный класс не был новостью в Ита-

лии. Вооружались прежде всего те, которые наиболее считали себя горожанами, для которых ближе всего были городские интересы — это городская аристократия, состоявшая из *honorati* и *possessores*, которая находилась вне курии. Только эта аристократия и имела достаточные средства. А так как вооружаться обязаны были все богатые граждане, то аристократический элемент и милиция не разделялись. Заметим, что лангобардская власть относилась к этому элементу дружелюбно. Лангобардские наместники рассчитывали найти в нем опору, но ошиблись. Это ополчение заявило свой патриотический, национальный характер.

Тогда, т. е. во второй половине VII в., все итальянские города уже изменили свой строй. Он не походил ни на древнюю римскую муниципию, ни на варварскую бургаду. Вместо прежнего различия по происхождению явилось различие по сословиям. Таким образом, образовались клир, милиция, патрициат, богатые ремесленники, писцы и народ (*populi multitudo, plebs*). Среди этих сословий самое важное место занимала милиция — *arimanni, exercitales*, — которая одна и составляла класс граждан в полном смысле этого слова. Она состояла из лангобардов и итальянцев. Савиньи полагает, что в лангобардских городах римский и варварский элементы существовали параллельно с друг с другом и что лангобарды назывались *habitatores*, а римляне — *cives*. Исследователи восстают против этого предположения и указывают на полное смешение обоих элементов¹. Но дело не в этом. За исключением духовных лиц, остальная масса населения городов, не имевшая всех гражданских прав, но пользовавшаяся все-таки личной свободой, называлась *populus* или *plebs*. Она стала исторически влиятельной. Первый же класс был силен только в городах римской (т. е. не покоренной лангобардами) Италии: в Риме, Неаполе и Равенне. Заметим, что эти города, за некоторыми исключениями, продолжали признавать императорскую власть. Сохранилось только известие про мятеж в Неаполе, где власть захватил какой-то тиран, опираясь на городское ополчение. Но наместник успел подавить это восстание.

Венеция. На примере Венеции ясно, что итальянские города не позволяли экзарху вмешиваться в свои дела. Здесь в 697 г. власть трибуна была заменена властью дука — *dux* — слово,

¹ Hegel. Geschichte der Städteverfassungen von Italien.

обратившееся под влиянием местного выговора в название дожа. Этот дук, или дож, не походил на лангобардского дука (герцога) по своему значению. Он, как известно, был должностным лицом, находившемся под контролем аристократии и милиции.

Итальянская народность. Так национальные политические формы зарождались в Италии в VII столетии, хотя довольно медленно. Основным элементом был взят из римской муниципии. Лангобарды, против своего желания, оказывали содействие этому новому складу жизни. Мы не имеем подробной истории городов; особенно же скудны сведения о периоде зарождения новых политических форм. Иначе можно было бы показать, как в каждом городе предприимчивые куриалы брались за оружие, выбирали вождей; как эти вожди под разными наименованиями создали особый источник власти судебной, военной и гражданской; как с одной стороны герцоги и гастальды, а с другой — греческие наместники признавали совершившийся факт.

Особенно стало сильно это движение в VIII в. с 727 г., когда на папский престол взошел папа Григорий II, прервавший всякие отношения с Византией, где сидели тогда иконоборческие императоры.

Конечно, у римских католиков не могло быть речи о сделке с поносителями их исповедания. По голосу Григория население само стало избирать дуков, а в то же время Лиутпранд становится защитником итальянской цивилизации. Избранный королем в 712 г., он скоро берет Равенну и таким образом защищает последнюю опору императорской власти. Греческое влияние пало, но тем ощутительнее стала власть лангобардская. Как ни был цивилизован Лиутпранд, он не сделался все-таки истым итальянцем. Папа Григорий III ищет уже помощи на Западе.

Между тем национальный характер римлян постепенно преобразуется в итальянский. Прежних римлян нельзя сравнивать с итальянцами. Все, что в последних есть особенного, было создано лангобардским владычеством. Как иначе объяснить, что суровые римляне превратились в изнеженных итальянцев? Римское владычество приучило жителей к порядку, и это сохранялось до лангобардов. Завоевания Альбоина развили свободу мысли и поступков, свойственную итальянской природе. Отсутствие нравственных условий, чем ознаменовали себя итальянцы в XV в., также ведет начало от лангобардов. Смежность римских и вар-

варских владений на полуострове приучила жителей к перемене места. Мудрено было при этих условиях сохранить чистоту семейных связей, а вместе с тем восторженной любви к родине.

Папство также оказало свое влияние в этом отношении. Папы никогда не примирялись с лангобардами. Они слишком привыкли считать их еретиками. Наконец, в своих личных интересах, папство, как духовная курия, не могло действовать заодно с лангобардами, которые хотели создать свое особенное государство. Папство всячески им противодействовало. И действительно, оно не допускало слития двух элементов в одну итальянскую народность, в одно итальянское государство. Само итальянское население от почти непрерывной борьбы сделалось тревожным, непостоянным, кичливым.

Но если папство долго не позволяло образоваться единому итальянскому государству, то оно невольно оказало другую услугу. Дело в том что, благодаря именно этому явлению на почве Италии образовалось множество маленьких республик с широкими общественными стремлениями, с развитием образованности, права, искусства и промышленности в каждой из них.

7. Англосаксы в Британии

Английская народность, подобно итальянской, также сложилась из нескольких элементов путем долгой взаимной борьбы. В этот позднейший целостный тип вошли многообразные черты, присущие каждому из разноплеменных народов, пребывавшему в Британии на протяжении нескольких веков.

Британия в древнейшее время. В древнейшие времена этот остров назывался землей Зеленых Холмов, затем Медовым островом и, гораздо позже, Бритом или Придайном; отсюда слово «Британия». Кимвры, народ кельтского происхождения, пришли с восточных окраин Европы и заняли земли коренных жителей острова, которые бежали на север, в нынешнюю Шотландию, где получили название пиктов и скоттов. За ними появились логры (*Lloëgrwys*), пришедшие с юго-западного побережья Галлии. Уступая их давлению, первые переселенцы отходят к западным берегам острова, а логры поселяются на юго-востоке. Наконец, приходит еще третий народ — бритты, или оритопы, которые дали название острову и всем народам, населявшим его. Они вышли из северо-западной части Галлии, из земель между Сеной и Луа-

рой. Полагают, что они заняли места к северу от камбрийцев и логров, на границе валлийского населения, между заливами Форд и Солуэй. В первом в. до Р. Х. из болот Фландрии на беспарусных судах приплывают коронийцы, сперва на остров Уайт, а потом на берега Британии. Это были люди тевтонского племени, которые поселились по течению реки Гумбер и, таким образом, разделили логров на две части.

Вскоре после этого переселения в Британию пришли римляне. Известно, что Юлий Цезарь покорил остров, вторгнувшись с восточной части его — нынешнего Кента. После упорного сопротивления местные жители должны были уступить, и римское владычество распространилось на весь остров, за исключением северной части, населенной пиктами и скоттами, которые своим мужеством защитили северный край. Кельты называли римлян цезарийцами, по имени их вождя. Тогда же и северные обитатели решились спуститься со своих гор; с этих пор начинаются постоянные их нападения.

До нас дошли в отрывках кельтские летописи, в которых говорится, что «цезарийцы», после того как они угнетали остров четыреста лет и ежегодно собирали дань в три тысячи ливров серебра, возвратились в римскую землю для отражения нашествия «черной орды»; что при отплытии они оставили только женщин и малолетних детей, выросших потом камбрийцами. Для нас важно то, что бритты и камбрийцы смешались с римлянами чисто родственным образом за время их четырехсотлетнего пребывания на острове.

Известно, как быстро шла романизация Британии, с какой охотой местные жители отдавали своих детей в римские школы и даже отправляли их в Рим, с каким успехом римляне прививали им свою цивилизацию. Одним словом, в глазах римской администрации Британия считалась самой надежной и верной провинцией.

Но вскоре римские легионы должны были покинуть Британию, вызванные для защиты пределов империи от нашествия вестготов. По отплытии легионов бритты перестали признавать власть чужеземных правителей; прежний дух свободы и самоуправления ожил; римская администрация исчезла; вместо того возобновилась власть предводителей колен, некогда подавленная римлянами. Тогда явились люди, которые считали за собою право на звание начальников кантона или семейства, что одно и то же на языке этого народа.

Родственные связи составляли основание общественного быта бриттов; каждый из бриттов тщательно изучал и помнил все степени своего родства, составлял свою генеалогию, чтобы пользоваться собственностью в кантоне, где он родился. Каждый кантон принадлежал только одному первичному семейству, и никто не мог владеть законно никакой частью земли, если не был членом того семейства, которое, размножаясь, составляло колено или род.

Начало монархической власти у бриттов. Избавившись от римского владычества, бритты не могли вернуться к своему прежнему патриархальному быту. Такое устройство только разъединяло их, делало слабыми; между тем как единая сильная власть была необходима для защиты от постоянных набегов жителей севера, которые пылали ненавистью к изгнавшим их пришельцам и которых удерживала в их постоянном стремлении на юг сила римских легионов. Но как только кончилась римская власть, так пикты и скотты спускаются с гор, теснят жителей низменности, побеждают их и грозят уничтожить. Вот эта-то постоянная опасность от диких и храбрых жителей севера заставила бриттов создать высшую власть; они избрали начальника над начальниками, короля над страной и сделали этот сан выборным. Но это новое учреждение не принесло ожидаемой пользы, не придало народу единства и силы против внешних нападений; оно только принесло ему существенный вред, разъединив его еще более, ослабило и, наконец, сделалось основной причиной его рабства. Одно из двух племен, владевших южной частью острова, присвоило исключительно себе право поставлять королей стране. Резиденция короля была на земле логров, в древнем муниципальном городе, который назывался у бриттов Лон-динг, город кораблей (*Llundain, Londinum*). Ясно, что люди логрийского рода легче, нежели другие, достигали звания вождя над вождями. Камбрийцы завидовали этому преимуществу; они утверждали, что королевская власть законно принадлежит их родам, как древнейшему населению острова Британии. Логры не уступали. Когда связь между племенами нарушилась, они начали междоусобную войну, воспользовавшись которой их давние враги спустились с гор и разрушили построенную против них римскими императорами стену¹. В то же время другие, не менее страшные враги напали на берега острова. Это были пираты, пришедшие с берегов Северного моря.

¹ Адрианов вал. — Прим. ред.

Приглашение саксов. Чтобы избавиться от тех и других, Гуортеирн, король из племени логров, обратился к германским корсарам, вождями которых были два брата — Хенгист (*Hengist* — жеребец) и Хорза (*Hors* — лошадь). Это были саксонцы, т. е. люди с длинными ножами. На их знамени была изображена белая лошадь, символ вождей. Хенгист и Хорза с охотой приняли приглашение короля (449); они обещали защищать бриттов и доставлять все жизненные припасы, за что им был отдан небольшой остров Танет. Много раз они храбро и горячо сражались, поднимая против пиктов и скоттов свое знамя с изображением белой лошади, как бы напоминавшей имена их двух вождей; много раз толпы горцев, сильные числом, но дурно вооруженные длинными и ломкими копьями бежали от больших секир, составлявших народное вооружение саксонского союза. В Британии много радовались и удивлялись подвигам саксов. «Разбив наших врагов, — говорит древний поэт, — они торжествовали вместе с нами радость победы: мы наперерыв приветствовали их прибытие. Но да будет проклят день, в который мы их полюбили! да будут прокляты малодушные, совету которых последовал Гуортеирн!»

И действительно, согласие между союзниками продолжалось недолго; бритты скоро раскаялись в своей ошибке и должны были перенести все ее тяжкие последствия. Пришельцы начали предъявлять слишком большие требования: к ним приходили новые толпы искателей приключений. Уступленного острова было недостаточно для поселения всех; нужны были новые земли; требовалось более припасов и денег.

Не получив удовлетворения своих требований, они перешли на берега *Кента* и здесь основали первое германское королевство на земле Британии. Спротивление, оказанное им, было велико; но они вступили в союз с пиктами, пригласили их спуститься на юг, и, таким образом, разделив силы бриттов, устремились с востока на запад, принудили жителей бежать, а оставшихся поработили. Затем, двадцать два года спустя после первой высадки германцев, другой саксонец Элла пристал с тремя кораблями к югу, оттеснил бриттов к северу и западу и основал второе королевство саксов, так называемый *Суссекс*. Спустя восемнадцать лет появилась третья саксонская волна под предводительством Кедрика и основала третье королевство западных саксов, или *Уэссекс*. Между тем и восточный берег испытал такое же

нашествие: на берегах Темзы явились другие переселенцы, заняли город Лондинг, который сделался столицей восточного британо-саксонского королевства — *Эссекса*. Все эти завоевания произошли на землях логров, некогда призвавших к себе саксов. Продвигаясь на запад, саксы встретились с камбрийцами, которые дали им сильный отпор и выдержали продолжительную борьбу. Из рода камбрийцев вышли все позднейшие бойцы за свободу Британии. Из них особенно знаменит Артур, побеждавший саксов во многих сражениях. Подвиги его воспеты в национальной камбрийской поэзии.

Приглашение англов. Завоевания саксов пробудили желание такого же переселения и в народах, живших далее к востоку, по берегам Балтийского моря и называвшихся тогда англами. На шестидесяти кораблях явились они в устье Тейна, вступили в союз с пиктами и быстро пошли в глубь острова. Камбрийцы встретили их мужественно; их вожди Уриел и сын его Оуэн одержали над ними верх и после кровавого Кальтретского побоища (в 518 г. близ устья Клайда) оттеснили бриттов к берегам моря, овладели страной между западными горами и тут основали два королевства: одно из них удержало свое британское название — Берникия, а другое было названо Дейфром или Дейром. Позднее оба эти королевства соединились и составили *Нортумбрию*. К югу от Нортумбрии поселились англы, которые пришли сюда еще раньше их общего переселения; они сообща с восточными саксами удержались против местных жителей и образовали так называемую *Ост-Англию*. Древнее население — коронийцы, — жившее несколько веков к югу от Гумбера и в течение столь долгого времени не соединявшееся с бриттами, добровольно присоединилось к англосаксонским победителям, смешалось с ними и утратило свое имя, а занимаемая им страна между Гумбером и Узой была названа *Мерсией*, т. е. страной болот.

Семь королевств. Таким образом, большая и лучшая часть острова оказалась под иноземным владычеством. Жившие там народы или смешались с победителями, или были вытеснены; на их землях было основано семь независимых друг от друга королевств, или так называемая *гептархия*. Вытесненные бритты переселились в северо-западную часть Галлии, которой после дали название Бретань. Здесь, среди галльского населения, они сохранили свой национальный характер.

Но западные берега, почти на всем их протяжении от устьяв Клайда до оконечности Корнуолла, оставались во владении туземных племен. Здесь на гористой и малоплодородной земле обитали камбийцы. Пришлецы-победители, считая их чужеземцами, называли их на своем языке Галль, *Gwyddils*, откуда и произошло название Уэлльс. Эти слабые остатки великого народа со славой защищали свое последнее убежище, часто побеждали; непокоренные, они сохранили за долгие века убеждение, что их роду и имени предназначена какая-то таинственная вечность. Эта вечность была предсказана бардами VI в. «Делай, что хочешь, — говорили свободолюбивые горцы чужеземному завоевателю, проходившему через их страну, — но ни твое, ни чье бы то ни было могущество, кроме Божьего, не истребит нашего имени и нашего языка». И это имя, этот язык существуют до сих пор на той земле, куда загнали их завоеватели. Это был народ, живший поэзией. Поэт-музыкант, наряду с земледельцем и ремесленником, считался основателем гражданского быта. Эти поэты пели на одну тему: судьба отчизны, ее страдания, ее надежды. Огюстен Тьерри говорит: «Народ также поэт; он высоко ценил их слова, придавая особый смысл самым простым выражениям; желанья, выраженные бардами, принимались за обещания; их ожидания, надежды — за пророчество; даже их молчание за утверждение». Артур умер, но народ не хочет верить его смерти, потому что бард не поет ему о ней, и ждет его возвращения, а с ним и своего прежнего величия. «Жизнь воспоминаний и надежд украшала для бриттов их скалистую, суровую страну. Они были бедны, но веселы и общительны, легко переносили лишения, как преходящие страдания, и все ожидали большого общественного переворота в свою пользу: переворот этот должен возвратить им потерянное и, по выражению барда, вновь возложить на них венец Британии». Но они ждали напрасно: их древняя отчизна не возвратилась в руки соплеменников; поработители-чужеземцы были побеждены новыми пришельцами, бритты же не воспользовались поражением и политическим падением своих притеснителей. Так исчезли на острове Британия, исключая валлийцев, кельтские народы: камбийцы, логры и собственно бритты. Поистине печально было видеть уничтожение кельтского населения Британии.

Христианство в Британии. Обитатели острова с давних пор были христианами. Кто были первые проповедники у них, откуда

они пришли, как действовали, мы не знаем. Достоверно только то, что до VI в. бритты придерживались никейского исповедания. Британское духовенство строго следовало первоначальной чистоте христианского учения; оно понимало никейский символ веры лучше, нежели понимали его в Риме. Когда в Британии началось порабощение кельтской народности, то, как мы видели, часть бриттов бежала в Галлию. Отцы британской церкви активно повели дело проповеди в Галлии и, естественно, вошли в столкновение с католическим духовенством. Это были истинно христианские, бескорыстные проповедники: их миссионеры являлись бессребрениками, почти ничего не брали, не требовали ни питья, ни пищи; потому их везде и охотно принимали. Они никогда не вмешивались в светские дела, не привыкли к бенефициям и феодам; они были чужды той суетной жизни, которую вели западные духовники. Для последних было новостью видеть этих скромных священников, их странные обряды, их нежелание повиноваться галльскому прелату. Архиепископ турский, присвоив себе духовную власть над всей страной, предложил духовенству Бретани, чтобы оно признало его своим начальником и исправило свои обряды согласно требованиям католической церкви. Ему отвечали отказом. Тогда архиепископ двинул на бриттов франкские полчища. Бритты были побеждены, и победители предписали им, под страхом телесного наказания, следовать уставам римской церкви.

Когда англосаксы кончали завоевание Британии, на папском престоле восседал Григорий I. Он успешно устанавливал в митрополии Запада связи епископской иерархии. Могущественные короли были его верными союзниками и слугами; епископы галльские и итальянские были его подручниками. Подобное же отношение к завоевателям Британии, для блага католической веры и на пользу папской власти, было с ранних пор предметом ревности и честолюбия папы Григория. Рассказывают, может быть, без фактических оснований, что, увидав однажды на рынке в Риме двух невольников англов или саксов, папа очень удивился, узнав от них, что соотечественники их незнакомы с христианством католического толка. Он начал деятельно строить планы для обращения острова: он велел скупать на рынках англосаксонских рабов, готовил их в монахи, наставлял в католической вере для того, чтобы они могли преподавать ее на своем родном языке. Но план этот не осуществился, и в Британию посланы были иные люди,

люди испытанной учености. Начальником этой миссии был назначен Августин, соплеменник великого христианского писателя. Он был наречен и посвящен в епископы Англии, дав клятву повиноваться папскому престолу.

Первый архиепископ Августин Кентерберийский. Миссия прибыла в Кент. Король этой земли Этельберт был женат на женщине франкского происхождения, исповедовавшей католическую религию. При помощи ее и чудес Августину удалось обратиться короля в католичество; примеру короля последовали и его подданные. В залог своей искренности Этельберт дал духовенству дома и поземельные владения. Вскоре были обращены и восточные саксы. Папа послал Августину омофор, назначил его архиепископом с подчинением ему двенадцати епископов и приказал поселиться в Лондоне. Но из уважения к королю Этельберту Августин остался в Кенте, в городе Кентербери, с которым навсегда связал первую епархиальную кафедру Англии.

Вскоре он заставил папу опасаться его честолюбия и его широких замыслов. Это видно из послания Григория, в котором папа советует своему посланнику осторожнее употреблять сверхъестественные средства. Августин простер свои амбиции до того, что надменно спрашивал папу, что ему делать с епископами галльскими и британскими. Папа испугался и поспешил оградить галльское духовенство от притязаний кентерберийского архиепископа, дав также омофор арльскому прелату. «Он судия и глава галлов, — писал Григорий Августину, — и воспрещается тебе вторгаться с косою осуждения в чужое поле. Епископов же британских поручаю тебе всех; наставляй малознающих, утверждай слабых, наказывай худых по своему усмотрению».

Таким образом, бритты и их духовники, которые, с точки зрения римлянина, были раскольниками, теперь были полностью предоставлены Августину. Последний поспешил приобрести над ними духовное владычество. Он посылает духовенству побежденного населения Британии предложение признать его архиепископом всего острова под страхом гнева римской церкви и англосаксонских королей. Он назначил им свидание на берегах Северна, старался разъяснить им законность своих притязаний, предложил им исправить их церковные обряды по образцу римских, присоединиться к католическому единству, войти к нему в послушание и под его руководством содействовать обращению

англов. Но ни красноречие, ни чудеса, — Августин исцелил перед ними слепорожденного, — не могли поколебать камбрийцев. Они не отрелись от своей старой, гордой независимости. Августин не унывал: он назначил новое свидание, на которое прибыло семеро британских епископов и много монахов. Они жестоко оскорбились, когда Августин даже не встал при их приближении и не приветствовал их. На предложение признать его власть, вступить в дружбу с англосаксами они отвечали вторичным гордым отказом. «Хорошо! — вскричал раздраженный миссионер, — так как вы не желаете иметь мира с братьями, то будете иметь войну с врагами»... И некоторое время спустя кунинг одного англосаксонского племени, еще языческого, спустился из северной страны к тому месту, где было совещание. Камбрийцы были разбиты, их знаменитый Бангорский монастырь разрушен; монахи, которые так дерзко говорили с Августином, перебиты. Католические писатели говорят, что Августин не причастен к этому варварскому поступку, что он умер прежде нападения англов, но народная валлийская поэзия сохранила предание, что глава новой английской церкви возбудил это вторжение и направил нортумбрийских англов на Бангорский монастырь.

Лаурент, его преемник. После смерти Августина архиепископский сан перешел к Лауренту, также римлянину. При нем был обращен в христианство Сигберт, родственник Этельберта. При жизни этого короля духовенство пользовалось почестями и властью, но при его наследниках дела приняли другой оборот. Сыновья его вернулись к язычеству и отменили все законы, направленные в пользу христиан. Наконец, считая себя оскорбленными тем, что епископ Меллитий не велел давать им священного хлеба, когда они приходили в церковь, короли выгнали духовенство из своих владений. Епископы пришли в страну Кента, но и здесь их ожидала та же участь. Наследник Этельберта также приказал им уходить. Однако хитрые итальянцы успели взять верх и снова обратить отступников на путь истины. Уже готовы были суда, которые должны были отвезти епископов в Галлию, когда Лауренту пришла счастливая мысль: он испросил у короля позволение провести последнюю ночь в церкви Св. Петра. Там за ночь он изуродовал себя и в таком виде явился утром перед королем. «Смотри, — сказал он, — как апостол Петр покарал меня за то, что я хотел покинуть свое стадо». Хитрость подействовала:

король был поражен и, в страхе подвергнуться мщению апостола, велел Лауренту и его собратьям остаться и обещал им свое могущественное содействие в обращении на путь истины тех, которые, по его примеру, впали в идолопоклонство. С помощью светской власти вера ожила на берегах Темзы, и король Кента, думавший изгнать все христианское духовенство, получил от папы приветственное письмо с похвалой чистоте его веры и совершенству христианских подвигов. Спустя несколько лет владетель Нортумбрии, Эдвиг, женился на сестре Этельберта, Эдбалоде. Она, как христианка, прибыла к своему мужу в сопровождении католического священника Паулина, который должен был сделаться архиепископом Йорка, если ему удастся обратить язычника-короля в христианство. Паулин начал воздействовать на ум короля чудесами: он обещал ему вымолить для его жены безболезненные роды, если он даст обещание крестить ребенка. Король согласился, но сам и слышать не хотел о принятии христианства. Паулин не остановился на этом. При посредстве королевы он открыл Эдвигу тайну, и это так подействовало на короля Нортумбрии, что тот крестился со всем своим народом.

Церковное подчинение Риму. За крещением Нортумбрии последовало крещение остсаксов, что случилось в середине VII в.; через тридцать лет крестилась Мерсия, и, наконец, в конце VII в. крестились и последние англосаксы, жившие по южным берегам. Теперь эти новые христиане, англосаксонские кунинги, с ревностью прозелитов стали заботиться о подчинении независимой британской церкви Св. Престолу. Под сенью благословенных крестов, посылаемых из Рима, они совершали походы для истребления древних христиан Британии. Это были преимущественно кельты, потомки тех, которые были крещены еще Св. Патриком, в первой половине IV в., по восточному обряду. Теперь они спасаются бегством на север, в страну пиктов и скоттов, в нынешнюю Шотландию, где пел Фингал, сын Осиана, свои грустно-суровые песни о том счастливом прошлом, когда грубые, полудикие пришельцы-германцы еще не оскверняли кельтскую землю. Но и здесь им приходилось терпеть гонения и часто скрываться от преследователей. Их учителя и старцы удалялись в кельи, вели подвижническую отшельническую жизнь; они жили общинами, из которых после образовались монастыри, сделавшиеся предметом энергичного преследования римских миссио-

неров. Эти христиане, убежденные в неприязненности к ним римской церкви, все более и более утверждались в противодействии ее учению, предпочитая обращаться за советами по богословским вопросам к церкви константинопольской. Но уполномоченные и послы римского первосвященника, пользуясь религиозной зависимостью, в которой он держал податливых англосаксонских королей, мало-помалу сокрушили под гнетом ужаса дух свободы британских церквей.

Что касается кунингов, то они с их дружинами стали верными слугами римской церкви. Они за свой счет отправляют миссионеров для проповеди на континенте, в среде их соотечественников. Отсюда вышел знаменитый Винфрид, или Бонифаций, апостол Германии. Короли англосаксов благоговели перед Римом и престолом Св. Петра; они сделались рабами пап, делали им богатые приношения и даже стали платить ежегодную дань под названием «римского ценза», или «церковного оброка». Они строили церкви и монастыри, дарили духовенству земли; прежде свирепые кунинги теперь окружали себя монахами и нередко предавались затворничеству. Эта покорность римскому двору, постепенно переходившему от духовных преимуществ к политическому преобладанию, не была продолжительной. Усердие слабело, а зависимость становилась тяжкой. Короли увидели, что именем католической веры прикрывается чужеземное владычество, и отвергли его. Началась борьба, в которой саксонское духовенство, духовные дети римской церкви, приняло сначала сторону Рима и поддержало власть папы; но впоследствии, увлекаемое потоком народных стремлений, оно пыталось отстоять свою самостоятельность. Но было уже поздно.

На Западе сложились события так, что епископ Рима получил могущество столь сильное, что был в состоянии, пользуясь обстоятельствами, оказывать влияние на течение исторической жизни.

Вместе с тем между кунингами происходят раздоры за политическое преобладание на острове, что ослабляло силу сопротивления римскому влиянию и клерикальным стремлениям, исходившим из Рима. Зато островное изолированное положение избавляло англосаксонские государства от безусловного подчинения идеям, которые развивались и осуществлялись на континенте Западной Европы. Политические и церковные раздоры, обуревавшие тогдашнюю Британию, несколько утихли, когда в

827 г. один из кунингов Экберт соединил четыре южных саксонских королевства в одно государство — Уэссекс. Северные королевства англов еще влачили некоторое время отдельное существование, но над ними уже тяготела власть Уэссекса.

В это время на европейском континенте произошли важные события.

III

ФЕОДАЛИЗМ.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО НА ЗАПАДЕ И МУСУЛЬМАНСТВО НА ВОСТОКЕ

1. Происхождение феодальной системы

Изложив в нескольких очерках обстоятельства вторжения варваров в Римскую империю, мы должны познакомиться с новыми сторонами быта, внесенными в историю так называемыми новыми людьми, т. е. варварами. Начнем с очерка аллодиальной и ленной, или феодальной, системы.

Мы знаем проявление начал варварства в фактах политической жизни. Теперь взглянем на существенные идеи этих германских народностей, видоизменивших римскую жизнь. Посмотрим, что они внесли в историю.

Несомненно, что варварство по-своему направило историю, определив политические учреждения Западной Европы. Современникам казалось, что варварская масса нападает на римские провинции и что из этой безобразной силы ничего не образуется, кроме хаоса. Но из этого хаоса, после пятивекового брожения, появились упорядоченные общественные формы, не имевшие ничего общего с древним миром. Следовательно, в самом варварстве было нечто своеобразное; оно обладало могучей созидательной силой. Поэтому надо изучать его с того времени, когда варвары не вышли еще из своих лесов и когда они были совершенно чужды влиянию римской цивилизации.

Волость. У германцев не существовало в первое время ни идеи государственного единства, ни стройной политической организации. Политическое устройство у них было чисто общинным. Основой этого единства, его элементарной политической единицей, была волость (*gau, pagus*), состоявшая из нескольких малых об-

щин. Волость всегда была окружена лесом или другими природными границами. Первоначально у германцев не существовало наследственной частной собственности. Члены общины часто менялись своими участками, подобно нашим крестьянам. Из общинной собственности совершается, с течением веков, переход к частной поземельной собственности. Верховная власть принадлежала волостному собранию (*gauding*), в котором могли участвовать все полноправные члены общины. Это собрание ведало всеми ее делами. Оно решало вопросы о войне и мире; в нем сосредоточивалась и законодательная, и судебная власть. Исполнительная власть и председательство в суде поручалось волостным старшинам, которые избирались пожизненно волостным собранием. В общем строе заметна аналогия с поземельным устройством русских крестьян. Во время войны избирались герцоги, то есть люди, ведущие войско (*Heer-zog*); ополчение состояло из всех свободных людей волости. Только у немногих германских племен встречается наследственная королевская власть; у большинства германцев она появляется слишком поздно.

Все население волости разделялось на свободных и несвободных. Свободные — все владеющие поземельными участками, все полноправные жители. Только они имеют право носить оружие; только они составляют ополчение; только они имеют голос в волостном собрании. Таким образом, понятие о поземельной собственности сочеталось с понятием свободы; одно обуславливало другое: владеть поземельной собственностью значило быть свободным, и наоборот.

Адалинги. Но среди свободных отличались некоторые благородные роды, пользовавшиеся особенным почетом, так как в них предполагалось или божественное происхождение, или родство с героями, прославленными в германских сагах, с героями, близкими их богам. Но в сущности превосходство этих благородных родов (адалингов) над другими, менее громкими, заключалось не в особенных правах, а только в лучшем качестве земельных участков. Адалинги ограничивали королевскую власть, которая и вышла собственно из их среды; но знатные роды не нарушали демократического строя общины.

Несвободные. Несвободные жили при дворах и на землях владельцев. Вместе с землей, на которой они жили, несвободные принадлежали владельцу и в нем признавали единственного по-

велителя. Они не имели голоса в общине. Перед судом и везде, где было нужно, за них говорил и действовал их господин. Это отношение называлось *mundium*. Для этих несвободных не существовало общего народного права; они подлежали только действию своих местных распоряжков права. Это право определяло отношение господина к несвободным людям.

Все несвободные в свою очередь подразделялись на два разряда: 1) рабы (кнехты), в собственном смысле слова, без всякой самостоятельности и собственности, бывшие чем-то вроде движимого имущества господина; 2) люди оброчные, т. е. поселенные господином на его земле и не имевшие собственного хозяйства и усадьбы, обрабатывавшие свои участки исполу; сверх того они исправляли и другие материальные повинности. По своему быту они походили на наших холопов прежнего времени; они могли сперва свободно переходить от одного господина к другому; но потом, подобно им, как бы приросли к земле, и были закрепощены. Они не были *de jure* личными рабами, но не могли сойти с земли господина, а потому *de facto* вполне от него зависели.

Таким образом, германцы представляют из себя множество помещиков-землевладельцев, живших со своими рабами и земледельцами на собственных участках и управлявшихся законами. Всякая власть опиралась на землю. В пределах своего участка помещик действовал, в силу обычного права, полностью самостоятельно.

Право кунингов. Короли выбирались из числа самых крупных землевладельцев, что совпадало со знатностью рода. По возведении в сан они также увеличивали свои земельные участки. Соединение поземельной собственности с правом всякой, а тем более верховной власти есть коренное и основное германское понятие; оно целиком переходит в феодальное право. От характера собственности и владения зависит большая или меньшая степень свободы собственника. Только такая собственность, на которой не лежит никакой повинности или налога, никаких обязательств, делает человека полностью свободным.

Возникновение королевской власти не изменило ни поземельных отношений волости, ни права, соединенного с землевладением. Некоторая перемена в общественных отношениях появляется уже тогда, когда германцы осели на римской почве. Но в первый период завоевания существенным принципом остается

наклонность германцев к раздроблению быта и неспособность к большой и сложной политической организации — плод рассеянного землевладения. Известно, что свои вторжения в пределы Римской империи германцы делали массами, с семьями, причем двигались со всеми рабами и несвободными людьми. Дружины, окружающие особу короля, не были многочисленны, вопреки мнению Эйхгорна и Гизо, которые отстаивают дружинную систему.

С покорением римских провинций германские кунинги господствуют над всем племенем, сохраняя прежние отношения к свободным родам. Последние имеют над собой несвободных, а также часть покоренных. Овладев известной областью, германцы берут третью долю, иногда половину, а иногда две трети земли себе. Таким образом, количество несвободных должно возрастать, потому что увеличивалось покоренными. Но редко где стирался национальный элемент; это случилось только в Северной Галлии, где были ничтожные римские колонии, а кельтское население было очень велико. Тут прежние владельцы были уничтожены массой или обращены в оброчных. Но чем южнее, тем меньше было франков; они как будто боялись идти далее и селились ближе к своим прежним владениям. В Аквитании и Южной Галлии их почти не было, поэтому там в большой чистоте сохранился латинский язык. Вообще германцы не столько отнимали земли, сколько селились на пустых местах или в доменах римского императора. Надо также отметить, что в оброчников германцы обращали только мелких землевладельцев, а крупные оставались неприкосновенными.

Аллод. На новых землях германцы не сохраняют общинного строя; всякое предание о нем исчезает; всякий заботится о себе. Свободные люди, некогда связанные общинной собственностью, они теперь рассеялись по всей стране. Забыта идея общины; у каждого имеется свой кусок земли, который он имеет право передать своим детям; он получает его по жребию или же по праву первого захвата. Так как жребий назывался на старонемецком языке *Lod*, потом *Allod*, то и эти участки стали называться аллодами, а сама система аллодиальной. Земли же, принадлежавшие римской казне (фискальные), всецело предоставлялись в управление кунингу, но притом так, что за заслуги он мог воспользоваться значительной частью фискальных земель.

Кунинг, при более представительной обстановке, должен был и жить пышнее; поэтому ему и давалась значительная часть при

дележе земли. Кунинг номинально считался наместником императора, ибо не дерзал окончательно отринуть его авторитет.

Власть кунинга, таким образом, была двойкой — над германцами в аллодиальных землях и над местным населением в землях фискальных. В землях своих сподвижников он имел старые герцогские права, т. е. права военного вождя; в землях же фискальных он — неограниченный администратор, а иногда даже и законодатель. Таким образом, характер королевской власти должен был измениться. Она невольно заражается тем элементом самовласти, которому до тех пор оставалась чужда в диких лесах старины. Там германский кунинг прежде всего занимался своим хозяйством, обработкой полей. Здесь же ему надо было входить в интересы городов; вместе с тем он стал во главе довольно сложного управления. Явилась целая наука об управлении — наука, мало ему известная. Надо было входить в интересы духовенства, свободного населения, управлять горожанами и делать многое другое.

Общинный союз, таким образом, разрушился, и вместо него возник союз государственный. Все свободные люди стали подчиненными королю, как мы будем теперь называть кунинга, должны были приносить ему присягу в верности и обязывались этим: 1) нести общие государственные повинности, т. е. все аллодиальные владельцы обязаны по призыву участвовать в народном ополчении, вооружаясь за свой счет, и 2) делать подарки королю в известное время. Королю можно было легко усилиться. В его руках была личная собственность в виде самых наибольших участков из бывших императорских доменов, которая делала его самым крупным землевладельцем и упрочивала его авторитет. Усиление власти королей во многом зависело, наконец, от условий духовных, ибо всякую верховную власть христианство приняло за правило освящать. При известной идее и честолюбивых замыслах, в способных руках, власть варварских кунингов обещала быть очень сильной и подавляющей в каждой провинции, но этого не случилось; причиной было изменение взаимных отношений между королем и дружиной. Излишне объяснять, что такое дружина. Это люди, которые всего ближе стояли к кунингу, были его помощниками в управлении, находились впереди войска на войне; за все это они требовали хорошего вознаграждения. Прежде они получали подарки оружием, лошадьми и другим; теперь, когда король разбогател, дружина потребовала земель. Земель у их

короля было много и в непосредственном владении, а еще более в распоряжении, поэтому он мог щедро раздавать их дружине. Большая часть дружинников, получив от короля земли, селилась на них; только немногие оставались при особе короля. За свою службу дружинники получали много, даже очень много. Их владения были обширнее других аллодиальных владений. Они могли безбоязненно передавать эти земли и по наследству.

Понятно, что, живя вдали от кунинга, они мало имели с ним связи; в следующем поколении связь эта совершенно прекращалась.

Короли, приняв католичество, щедро дарили огромные имущества церквям и монастырям. Путем таких дарственных записей, посмертных завещаний и обработки пустых мест в руках церкви скопились богатые церковные имущества.

Бенефиции и лены. Таим образом, рядом с мелкими аллодиальными владениями мы видим большие королевские и монастырские поместья, владения дружинников, этих в будущем «знатных» людей. При этом королевские домены почти всегда равняются сумме всех аллодиальных владений. Следует отметить, что тогда земля представляла главную или почти единственную ценность; монета исчезла, металлы хранились в церквях и кладовых. Платить было нечем, даже жалованье король выдавал землей. Давать вместо денег землю было единственным способом для найма военных людей, ибо германцы, осев на новых привольных землях, не всегда шли на войну за своим королем. Когда король, в благодарность за услуги, давал дружиннику землю, то эта земля делалась только личной собственностью последнего, Король сначала не давал земли в наследственное владение. Это была пожизненная награда за услуги, род нашего старинного московского «кормления». За это дружинник обязывался королю военной службой. Получивший такую землю, называвшуюся *beneficium*, приносил особую присягу, отличную от присяги всех прочих аллодиальных владельцев. Этой присягой он обязывался следовать всякому призыву короля, служить ему в войне и мире. Таким образом, появляются уже не аллодиальные владения, а бенефициальные. Здесь, вместо государственных, политических отношений, узакониваются частные отношения, как бы договорные. Получивший бенефицию сохраняет ее до тех пор, пока остается верен королю. Король может отнять дарованную землю в случае измены, непослушания и т. п.; в наследство эта земля не

переходила, если новый владелец не давал новой присяги. Равным образом, если умирал король, то владелец должен был приносить присягу новому королю, который мог и отнять землю. Следовательно, бенефиция есть королевское достояние, отданное в пожизненное владение с обязательством военной или придворной службы. Ясно, что не бенефициальные владения вызывают военную и придворную службу, а напротив, служба дает право на бенефицию.

В природе всякого владения лежит естественная склонность к удержанию этого владения в потомстве, к наследственному праву. Так и владельцы бенефиций старались обращать домены в потомственные владения, не отказываясь от лежащих на них обязанностей. Короли противились этому. Сильные отбирали в свой фиск владения умерших, но слабые примирялись с фактом. Наконец уступки вошли в обычай. Короли, нуждаясь в военных людях, соглашались оставлять отцовские бенефиции за сыновьями, но с тем, чтобы они приносили новую присягу с теми же обязательствами. Дети их снова клянутся соблюдать к королю отношения отцов. По мере развития наследственной и обязательной военной службы она делается из личной вещественной и переносится на землю. Владение землей необходимо влечет за собой военную службу. Теперь даже простые воины за личную службу получают небольшие участки.

Таким образом, бенефициальная система переходит в дарственную. Так как «дарить» на древненемецком языке *leihen*, а дар *Lehn*, то сама система называется *ленной*. Но она в то же время и присяжная. «Владение» на древненемецком *od*, а «верность» — *fe*; присяга на владение *feod*; потому система эта называется также *феодальной*, а сами владельцы — феодалами.

Наряду с этим продолжают существовать аллоды, но ненадолго — они дробятся, переходят из рук в руки; феоды же неотчуждаемы и наследственны. По самому качеству такой род владения был привлекательнее и должен преобладать, за ним будущее.

Господство ленной, или феодальной, системы. Когда дружинникам позволялось передавать в наследство свои бенефиции детям, под условием присяги королю, то бенефиция переименовывалась в лен, или феод. Мы уже не будем иметь более дела с бенефициями, хотя этот термин еще встретится. Но аллоды, т. е. жеребьевые участки, продолжали существовать в подавляющем

большинстве. Рождался вопрос — какая форма владения одолеет: прежняя аллодиальная или новая ленная. Старые аллоды были родовой и неотъемлемой собственностью; они были делимы; их можно было продавать и отчуждать. Зато новые лены, по самой своей природе, по характеру лежавших на них личных обязанностей, не могли быть делимы и отчуждаемы. Мы увидим, что именно в силу этого последнего выгодного для владельцев обстоятельства ленный строй постепенно восторжествовал над аллодиальным.

В ленном владении можно видеть существенно важную сторону. Известно, что король в своих долинах пользовался не только собственной землей и ее доходами, не только местными жителями, так называемыми трибутариями, не только людьми, на ней поселенными, но и другими разнообразными статьями доходов. Например, он мог даровать своим дружинникам известную часть налога с предоставляемого участка; он мог предоставить все налоги или подати с участка; наконец, он мог дать дружинникам, например, право суда. Если бы у короля для раздачи дружинникам не хватило земли, то никто не препятствовал ему поступать таким образом, т. е. отдавать в лен какие-нибудь другие доходы. Таким образом возникло понятие о возможности смешения права и государственного и частного, т. е. хозяйства государственного с хозяйством частным, ленным. В этом обстоятельстве особенность всей средневековой истории. Она долго не могла отличать личное хозяйство от хозяйства государственного. Король, а за ним всякий крупный феодал никак не мог разделить эти две области.

Частное лицо могло получить в дар от короля, с обязательством одной лишь присяги, известную функцию государственной власти и эксплуатировать ее доходным образом. Причина в том, что, когда король получал домены, по завоевании известной провинции, он не мог удержаться от соблазна постепенно объявить своим доходом, своей личной собственностью все, некогда принадлежавшее римской государственной казне. Имея право раздавать в награду части своих доменов, он считал себя вправе посягнуть и на общественное, государственное достояние, ибо в пределах государства он был неограниченным властителем. Только германцы, его соплеменники, не признавали этой неограниченной власти. Вот тогда-то, т. е. приобретая опыт управления римским населением, поняв по-своему римское государственное

право, германские кунинги сочли своей частной собственностью и все государственные права: судебную власть, законодательство, подати и вообще все права верховной власти. Кунинг видел в них свои имущественные права, а если это было так, то кто ему мешал отчуждать, уступать другим и даже продавать эти права, подобно земле. Так происходило потому, что в одном городе было несколько господ, из которых один пользовался своими долями налогов, другой сбором с дорог (*viaticum*), с мостов (*pontaticum*), с ворот (*portaticum*); а третий, например, пользовался правом суда, статьёй доходной, потому что суд был сопряжен с вирой, с уплатой части ее как денежной пени (*fredium*).

Но каким образом раздробились до крайности средневековые лены, как они рассыпались на мелочные права? Это объясняется следующим обстоятельством. По примеру короля большие поземельные владельцы стали также выделять из своих земель участки, раздавая их в виде ленов свободным людям, добровольно поступавшим к ним на службу. Служить знатному человеку тогда не считалось унижительным. Даже несвободная прислуга помещика, т. е. дворня, считала свое занятие благородным и гордилась перед крепостными. Те же из дворовых, которые составляли военную силу владельца, постепенно вышли из несвободного класса и получили право на поземельное владение. Сверх того многие бывшие аллодиальные владельцы, обеднев или лишившись своих аллодиальных участков, доставшихся их предкам еще при завоевании, теперь поступали на службу к богатым феодалам. Последние раздавали им свои участки на тех же условиях, как и сами получали от короля, т. е. под обязательством личной военной службы; эти подначальные владения также становились наследственными. Если лен переходил в другие руки, то новый владелец удерживал при себе всех ленников прежнего владельца. У бенефициалов, т. е. владеющих бенефициями, появлялись, таким образом, как бы подбенефициалы. Эта передача в третьи руки (король, ленник, ленник ленника) называлась *infeodatio*. Все эти ленники через своих непосредственных сеньоров служили в сущности королю, ибо если король нуждался в войске, то он взывал к прямым ленникам, а те к своим и т. д.

Но быть ближе к королю, служить непосредственно ему было выгодно и доходно. Потому одновременно мы замечаем следующее явление. Аллодиальные владельцы, видя большие преиму-

щества феодалов, видя их участие в военных делах и добыче, переименовывали свои аллоды в феоды. Для этого стоило только явиться к королю, принести ему присягу, исполнить какой-нибудь формальный обряд, занестись в список ленников, и дело кончалось. Этим способом ленники выгадывали очень много: они избавлялись от насилия, от разбоя других феодалов, ибо совершить насилие над ними, оскорбить, отнять у них собственность значило бы оскорбить самого короля.

Но следующие поколения не прибегали и к этому обряду. Незаметно, как бы сами собой, аллоды перешли в лены; их просто привыкли считать таковыми. Таким образом, свободная, независимая, аллодиальная собственность сама собой принимала характер зависимой, условной, собственности. Король не хотел иметь дела ни с кем иным, как только с ленниками. Потому аллодиальные владения, владельцы которых не принимали присяги королю, невольно обращались в ленные.

Коммендации. Этому содействовало движение сверху. Но была еще одна причина, коренившаяся в самом свойстве имущественных отношений того времени. Шло параллельное движение снизу, как бы вторившее первому. Это движение возникало вследствие обычая так называемой «коммендации». Надо остановиться на этом явлении. Мы упоминали когда-то о мундиуме. Это слово в нынешнем немецком языке звучит в *Vormund* — опекун. Под этим словом с V в. понималось право и обязанность главы семейства защищать и охранять всех его членов и ходатайствовать за них перед судом. В мундиуме, таким образом, понятие о праве соединилось с понятием об обязанности. Этот семейный обычай перешел на отношение владельца к его подначальным, т. е. к лицам, живущим на его земле, к его слугам. Всякий, обладавший правом мундиума, пользовался следующими выгодами: 1) за опекаемое лицо он получал от суда денежную виру за убийство, за увечье или оскорбление кого-либо из лиц, состоящих под его опекой; 2) он получал известную сумму, *pretium*, в случае выхода замуж девицы, состоящей под его опекой; 3) он пользовался имуществом опекаемых им малолетних лиц; 4) он наследовал имущество лиц, находившихся под его мундиумом, если у них не было прямых наследников. Короче, немецкий мундиум — это римский патронат.

В смутные времена общегерманского периода, во время переселения, в эпоху личного произвола и непрерывной борьбы эле-

ментов, мундиум должен был получить сильное развитие, потому что, при недостатке других гарантий, он хотя бы сколько-нибудь удовлетворял естественным стремлениям каждого общества к порядку, к внутренней безопасности и законному быту.

Свободные, а тем более несвободные, нуждавшиеся в защите своей личности и имущества, люди слабые, естественно, избирали себе могущественного покровителя и поступали под его опеку или покровительство. Этот обычай добровольно отдавать себя под сильную руку называется *commendatio* или *recommendatio*. Потому *commendare se in mundium alicujus, commendare se alicui* — это значит по сущности идти в опеку, идти под покровительство. И большая часть свободных, но малосостоятельных и бедных с удовольствием шла под такое патронатство. Заметим, что это пожертвование своей личностью вовсе не уничтожало личной свободы, а только несколько сдерживало ее в общегосударственных вопросах. Коммендация влекла за собой повиновение, известную услугу и обязанность со стороны опекаемых и непременно присягу, обещание верности, — *promissio fidelitatis*. Так как самым сильным лицом в германском обществе был король, то понятно, что наибольшее число лиц находилось под опекой короля. Сюда принадлежали все вдовы, старики, малолетние, иностранцы. Все эти лица пользовались некоторыми преимуществами и предпочтением в судебном отношении. В случае обиды и за всякое против них совершенное преступление часть денежной пени (*fredium*) поступала в казну короля. Так как быть поблизости короля, состоять под его опекой считалось очень лестным, то даже сильные люди прибегали к коммендации, становились под руку короля (*in manu regis*); такие люди назывались *fideles* и *antrustiones*. Таким образом, выражение *in mundeburdio regis* (находиться под опекой короля) заменяется в сущности выражением *in truste dominica* — «быть под господской властью». Слова: *antrustio, trustis* происходят от древнеготского *Traust, Treue* — «верность» или от *Trust, Trosz* — «свита».

Вассалы. Впоследствии, с X в., вместо *commendatio* стало употребляться всем известное слово *vassaticum*, а вместо *antrustiones* стали говорить *vassi*, или вассалы. Вассалами стали называться те лица, которые приносили присягу на верность непосредственно перед королем, вследствие чего находились под его особым покровительством. Взамен этого вассалы обязуются

к разного рода услугам. Таким образом, вассалитет коренится в *mundium*. Правовым понятием, предшествовавшим вассалитету, было старинное представление опеки. Смысл того, другого и третьего выражений, которые употреблялись в разное время, один и тот же. Вассалом короля посредством коммемдации мог быть всякий, не только знатный и свободный, даже *litus* (низший из германцев, из народа, *Leute*), *tributarius* (т. е. плативший подати, крестьянин). Тем чаще сами вассалы, *majores homines*, имели вокруг себя подначальных вассалов (*minores homines*) из лиц несвободного состояния.

Таким образом, система отношений расширяется, подобно тому как экономические отношения вследствие влияния новых имущественных законов улучшаются. Теперь закон гарантирует права даже тех лиц, которые прежде были несвободны. Именно тогда тысячи аллодиальных участков обратились в феодальные, и одной из существенных причин этого движения, шедшего изнутри, было желание стать в вассальные отношения к сеньору; ибо это было выгодно, так как давало много гарантий. Таким образом, появляются феоды, не только данные самим королем, но *feodae oblatae*, т. е. поднесенные королю помимо его непосредственной инициативы.

Так выработались вассальные и феодальные отношения в Западной Европе. Мы заметили, что положение вассалов давало много выгод и много гарантий. Но какие же были это выгоды и гарантии? Довольно вспомнить то, что жизнь королевского антрустиона по вире ценилась в три раза дороже, чем жизнь свободного франка. Это преимущество в полной мере распространилось на вассалов. Но еще важнее было то, что король назначал всех должностных лиц исключительно из своих вассалов еще со времен Карла Великого. Следует отметить, что вассалитет в некоторой степени отличался от ленной системы в первое время развития социальных форм.

Отношения вассалов с сюзеренами. Вначале и коммемдации и вассатикум обуславливались чисто личными отношениями. Тогда вассальные отношения еще не соединялись с условием постоянного обладания землей. Но впоследствии коммемдации распространились и на землю. Если аллодиальный владелец, доселе свободный, хотел служить государству, он должен был, поступая под покровительство короля и делаясь его личным вассалом, от-

дать королю под присягой свою землю. Король, ударив его мечом по плечу, тотчас этим самым обрядом отдавал ему обратно поднесенную землю в пожизненное владение целиком, уверенный в том, что новый вассал будет исполнять верой и правдой свои обязанности. Понятно, что очень многие обращались вместо короля с предложением своей земли к знатым владельцам, ибо и в их руках было много земли и они также могли защитить своего вассала от разбоя и насилия. Необходимым последствием сильного распространения коммендаций и вассальных отношений было постепенное уменьшение числа независимых людей и самостоятельных собственников. К XV в. такие люди совершенно исчезают. Вассальные отношения крепкими тисками охватывали все общество, и мы вместо самостоятельных лиц видим уже ряд высших и низших зависимых состояний. Параллельно с этим исчезает и свободная поземельная собственность. Да и помимо того крупная ленная, вассальная собственность должна была вытеснить мелкие, постепенно дробившиеся аллодиальные участки. То, что мелкие собственники не выдерживают конкуренции — весьма обычное явление. Тем естественнее это было тогда, когда понятие о праве только еще складывалось, когда редко можно было найти крепкую гарантию, когда насилие было общим правилом.

Но бывали такие случаи, когда к королю или сеньору являлись мелкопоместные владельцы и отдавали ему свою землю; очень часто выходило, что ни король, ни даже феодал не принимали их на вассальных условиях. Ничтожность услуг мелкого владельца не стоила той ответственности, какую должен был взять на себя сеньор. Тогда с мелкого владельца требовали нечто большее, подвергая его денежному оброку, или цензу. Так, помимо вассальных возникали и другие отношения. Эти люди, ничтожная собственность которых была игнорируема, назывались цензуалами¹. Цензуалы рады были сохранить только личную свободу, ибо иначе сама их личность была бы поглощена крупными феодалами, разбойниками. Цензуалы немногим отличались от несвободных оброчников, над которыми господин имел неограниченную власть. Этот класс в свою очередь пополнялся теми, кто, не имея поземельной собственности или лишившись ее, охотно селился на землях больших владельцев, обязываясь платить оброк деньгами или натурой. Так ал-

¹ От слова «ценз», т. е. плата, которой облагались их имущество.

лоды постепенно заменились ленами и цензуалами во всех провинциях, покоренных варварами. Из всех провинций Римской империи, на которых поселились германцы, внося свои новые формы и идеи, только в Южной Галлии сохранились аллодиальные мелкие собственники, до окончания Альбигойских войн и до покорения Лангедока французами, т. е. до второй половины XIII в. Это происходило потому, что в южной Галлии действовало римское право и преобладали галло-римские понятия, а германское влияние было ничтожно. Во всех остальных германских государствах образовались крупные владения сеньоров, состоявшие, следовательно, из бенефиций самого сеньора, из феодалов его подвассалов, из участков цензуалов, трибутариев и рабов (*mansi ingenuiles, mansi litiles, mansi serviles*). Все, жившие в пределах территории, считались людьми сеньора: одни — вассалами, другие оброчниками, третьи были его рабами; два последних класса слились впоследствии в крепостных. В своих владениях эти крупные территориальные владельцы имели право верховной власти, предоставленной ему королем. Круг деятельности сеньора был, таким образом, довольно обширен. Сам сеньор был обыкновенно королевским вассалом, но, как очень редкое исключение, встречались и самостоятельные аллодиальные владельцы, которые не хотели признать новых отношений и не шли на поклон к королю. Это были непременно славнейшие, богатейшие владельцы, которые не имели причины бояться королей. Так как королевские вассалы имели непосредственное сношение со своими людьми и только они могли выставить военную силу, то, естественно, что они часто поднимали ее и пользовались ею для своих целей и в собственных интересах, часто даже против короля. Во всяком случае все сношения короля с массой народа были ограждены стеной сеньоров. Делая постановления касательно всего государства, предпринимая общие меры, король должен был прежде всего обращаться к сеньорам; только при их посредстве, при их содействии эти общие меры могли приводиться в исполнение. Элементы прежнего народного ополчения перешли этим долгим путем в частные руки, в зависимость от сеньоров.

Общий ход развития увлекал в будущем и королевскую власть в сферу вассальных отношений. С королем будут сноситься только непосредственные вассалы. Он, понятно, старался приобрести их как можно более и для личных, и для государственных це-

лей. Вне вассального союза король не будет иметь никакого значения и силы. Все его значение опирается на его непосредственные домены, но главным образом на количество подчинившихся ему вассалов. Теперь он не имеет возможности препятствовать наследственности феодалов. Вместе с этим прежнее государство, основанное на подданничестве, переходит в государство вассальное, в союз формаций, соединенных между собою иерархией высших и низших степеней. Таким образом, по существу монархическая власть падает. Карлу Великому удалось на короткое время воскресить ее в полном блеске и создать ту обширную империю, которая напоминала Римскую. Но этот блеск продолжался недолго. После его смерти империя вновь разделилась на части. Самый принцип феодализма находился в противоречии с крепким и слишком обширным государством. Он подрывал достоинство и самостоятельность неограниченной власти.

2. Обычное право древних германцев

Политические формы порождаются внешними обстоятельствами, теми или иными историческими событиями. Только право народа, его законы создаются им самим. Даже законодательство, данное извне, прививалось только тогда, когда народ был подготовлен к нему своим предшествующим развитием. Потому без знания права нет знания истории. Само развитие исторической науки подтверждает это положение. История стала на прочных основах только тогда, когда ввела в свой состав правовую область, как существенное проявление народных инстинктов, народных настроений, народных желаний.

Эта правовая сторона особенно важна при изучении средних веков. Пертц и Вайтц в Германии, Герард (Жерар) во Франции (в своей «*La Polyptique d'Irmenon*») составили себе славу, работая над юридическими средневековыми памятниками. Они-то и пролили особенно много нового света на средневековую историю.

Когда говорят о положительном праве, то подразумевают его форму, его содержание, т. е. памятник и самый смысл. Сперва, конечно, появляется право, которое уже впоследствии облекается в форму юридического памятника; эти памятники варварского периода называются *Leges Barbarorum*. Они прежде не имели письменных редакций. В лесах Германии, когда не было письменности, не было литературных стремлений, существовало пра-

во обычное, переходившее от отца к сыну. Только после более или менее прочного утверждения своего владычества в провинциях Западной Римской империи варвары составили себе первые письменные кодексы, большей частью на латинском языке.

Следует отличать право обычное от права письменного. Германское право всегда оставалось обычным правом по своему содержанию, потому что оно шло из народа, было его созданием; постепенно приравниваясь к народным потребностям, оно прислушивалось к народному голосу. Римское же право, составленное по старым римским традициям, было письменным, законченным и неподвижным по своему характеру. Иногда оба законодательства уживались вместе. Так было в Галлии. Северная часть нынешней Франции до Луары называлась в средние века *pays du droit des coutumes*, т. е. страной обычного права, а другая — *pays du droit écrit*, страной письменного права; в одной всегда господствовало право германское, а в другой, южной, римское. Основой германского права были варварские законы; они имели много кодексов. Не только каждый народ имел свои законодательства, но даже в одном народе были разные правовые представления. Тогда можно было видеть беседующими пять человек, из которых каждый жил по своим законам и судился по своему. Это варварское право было сначала не местным, но личным. Такой личный характер законов не мешал, разумеется, до некоторой степени, и выработке в них известных особенностей.

Leges barbarorum и кодексы **бургундский** и **вестготский**. Со временем, с переходом Германии в Империю, образовались письменные кодексы. Замечательнейшие из них: *Бургундский* (в королевстве Бургундском, в Юго-Восточной Галлии), *Вестготский* (в Южной Галлии), *Рипуарский* (в Северо-Восточной Галлии) и *Салический* (в Северной Галлии). Затем следуют менее важные кодексы позднейшей редакции: *Саксонский*, *Алеманнский* и *Лангобардский*. Мы остановимся на первых четырех кодексах.

Бургундский законник дошел до нас в редакции Гундобольда, бургундского короля, жившего в начале VI в. Эта редакция называется «*lex Gumbata, lex Gundobalda, loi Gombette*»¹.

¹ Для специального изучения бургундских законов см. *Peure, Lois des Bourguignons*, 1855. Все кодексы, здесь упомянутые, изданы Пертцем в его *Monumenta Germaniae historica*.

Вестготский законник появился несколько позже, в середине VII в. Этот кодекс оказал непосредственное влияние на Испанию, куда вестготы удалились, изгнанные из Галлии. Там этот кодекс вводился почти насильственно. В вестготском кодексе две части: первая часть, почти совершенно заимствованная из римских законов, введена вестготами при Аларихе II; эта часть, конечно, стройная, ясная, как все бывшее плодом работы или хотя бы сотрудничества римских юристов. Во второй, чисто германской части видна сбивчивость, запутанность, потому что редакторы не могли подобрать подходящих терминов для тевтонских юридических представлений. Первая часть этого кодекса была составлена по желанию Алариха в 505 г. для многочисленных галло-римских подданных. Она носит следующие названия: *lex Romana Visigothorum*, *breviarium Alaricianum*, *breviarum Aniani* по имени государственного канцлера Анния, который подписал каждый экземпляр сборника. Когда Аларих ввел этот кодекс, то, разумеется, он должен был уничтожить кодекс Феодосия, оказавшийся тогда уже излишним. Все германские кунинги впоследствии пользовались кодексом Алариха при составлении свода законов и, таким образом, невольно соединили свое национальное германское право с правом побежденных.

Салическая правда. Третий сборник, весьма важный, дало *Салическое законодательство*¹. Относительно самого сборника одни думали, что он был написан первоначально на латинском языке; другие же доказывали, что оригинал на древненемецком. Первое мнение теперь стало общепринятым. Действительно, мы не знаем письменных памятников у германцев раньше распространения между ними христианства, а рунами законы никогда и нигде не писались. Что касается рукописных вариантов, то это объясняется записыванием перевода поддиктовку германцев, когда, естественно, трудно было составителю быстро подобрать подходящий термин. Первая редакция Салического сборника принадлежит Хлодвигу, но шестьдесят пять глав относятся к арианскому периоду его правления, ибо они составлены до 490 г., а двенадцать следую-

¹ Одно из лучших изданий кодекса принадлежит *Пардессю*, который в 1843 г. издал огромный том, где поместил тщательный свод всех текстов Салического закона со всеми вариантами и с четырнадцатью специальными исследованиями о важнейших вопросах этого права.

щих — к католическому. Первоначальная редакция Салического сборника была сделана в областях Фландрии и Брабанта.

Сборник рипуарских франков был составлен позднее Салического сборника; он сделан в Австразии Теодорихом, сыном Хлодвига. Затем Хильдеберт и Хлотарь уничтожили и в этом сборнике остатки язычества, а Дагоберт I в середине VII в. дал окончательную редакцию. Эта редакция единственная, и у нее нет вариантов. Рипуарские франки крепко держались своих законов. Когда они решились признать Хлодвига своим королем, то включили условие, чтобы он оставил им их правовые особенности. Мы увидим, впрочем, что много общего в законодательствах у франков салических и рипуарских. Говоря о законах франков, нельзя не упомянуть еще об одном юридическом памятнике, открытом в последнее время¹.

Формулы Маркульфа. Это законодательный сборник племени хамавов, живших на правом берегу нижнего Рейна. Этот сборник, уже позднейший, составлен в начале IX в. при Карле Великом. Затем, уже гораздо позже, в VIII и IX столетиях явились сборники: Фризский, Саксонский, Алеманнский и Лангобардский. Все они не представляют особенного интереса с внешней стороны. При обзоре внешней стороны памятников нужно упомянуть о так называемых формулах Маркульфа. Под словом «формула» имеется в виду внешняя, бумажная сторона делопроизводства. Формулы — это образцы деловых бумаг; это законодательство в его действии. Для нас эти формулы важны не с внешней стороны, а собственно тем, что в них можно встретить и то, что пропущено законниками. Монах Маркульф, по происхождению франк, хорошо знавший древние обычаи, по просьбе парижского епископа Ландерика, составил в 660 г. сборник формул для разных бумаг. Он разделил его на две части, исходя из того, где производится дело, в королевском ли дворце, перед королем или перед графом и его асессорами. Первый отдел занимают *chartae regales*, второй — *chartae pagenses*. Теперь, кроме Маркульфовой, открыто много формул, в библиотеках: Венской, Парижской и др., относящихся к этому же времени и также объясняющих германское законодательство. Не стоит и говорить, что все это написано по-латыни, потому что германской письменности тогда еще не существовало.

¹ Jus pagi Xantesis, Pertz, Leges, t. III.

Содержание древнегерманского права. Теперь обратимся к содержанию древнего варварского законодательства. Остановимся прежде всего на праве семейном.

Германская семья опиралась на имущественную связь мужа и жены. Взамен приданого, которое приносила жена своему мужу, она, в свою очередь, требовала от будущего мужа *Morgengabe*, т. е. утреннего дара, который часто равнялся ее приданому. При этих основах семья должна была держаться крепко, потому что, в случае развода, одна сторона непременно лишалась не только своего дара, но и своей собственности. Как у всех древних народов, так и у германцев, брак носил первое время характер насильственный. Сперва практиковалось похищение, затем покупка жен; обряд этой покупки долго сохранялся как напоминание прежнего обычая во многих германских кодексах. В Салическом кодексе плата за жену назначалась в один солид; то же встречаем в Бургундском кодексе. Вдова стоила в три раза дороже. Это показывает, что браки со вдовами были реже, а в первое время даже наказывались, ибо по основам германского права всякая жена могла вступать только в один брак, так как она имеет «одно тело и одну душу». Подобную же теорию брака мы встречаем у славянских народов. И в первое время, и в позднейшее германское законодательство хочет скрепить узы брака, который оно ставило весьма высоко, возбраняя разводы без уважительных причин. Муж мог оставить свою жену в трех случаях: за измену, колдовство и поругание могилы; иначе брак не расторгался. Но бывали случаи, как видно из самого законодательства, что муж бросал жену и без этих причин, без явного доказательства ее неверности и преступлений. В таком случае он должен был отдать ей все свое имущество, а впоследствии ограничивался только тем, что отдавал ей лишь *Morgengabe*, ее утренний дар; затем он мог опять жениться. Но жена, бросившая своего мужа и тем задевшая его честь, наказывалась очень жестоко; ее живую топили в грязи.

Вира. Все наказания, которые обозначены очень обстоятельно в варварских кодексах, сводятся непосредственно к денежной пене. Эта пеня не так тяжела за обиды, но тяжела за убийства. Во всех *Leges barbarorum* не только свободные люди оценивались различно, смотря по происхождению, но даже несвободные имели разную цену, смотря по их способностям. Особенно эта разница проводится в Бургундском кодексе; например, за смерть простого,

неученого раба владелец получал тридцать солидов; но если его раб был приучен к золотых дел мастерству, то владелец требовал за убийство его сто пятьдесят солидов. В вестготском сборнике мы не находим древнейших германских представлений, потому что этот сборник переведен с памятников римского законодательства. Национальное германское представление уцелело в вестготском сборнике только во взглядах на семью. Похищение женщины и связь с ней влекли за собою рабство похитителя и двести ударов кнутом. Только уступка половины состояния похитителя избавляла от постыдного наказания, и то в том случае, если он не успел опозорить похищенную женщину. Если похищенная выразит желание выйти замуж за похитителя, то оба они наказывались смертью. Похитителя всякий мог убить безнаказанно. Также строги были законы против насилия и разврата. Жених или муж обольщенной могли безнаказанно убить соблазнителя; родственники оскорбленной имели право обратить его в своего раба.

Во всей относительной чистоте германское право сохранилось в салическом кодексе, т. е. в кодексе Северо-Восточной Галлии. Разводу франков вообще не допускался ни в каком случае; жена по евангельскому закону, гласит кодекс, может иметь только одного мужа, ибо она имеет только одно тело и одну душу. У салических франков сохранилось упоминание о покупке жен в виде обряда. Женщина покупалась у отца за один золотой, а цена вдовы была в три раза выше обыкновенной. Ввиду значения семьи или рода всякая обида, нанесенная отдельному лицу, оплачивалась всем родом. Отсюда происходит наследственная родовая месть. Не только нисходящее потомство, но и боковые линии принимали участие во всем, что касалось чести каждого из членов рода.

Плата за преступление называлась *Wehrgeld*, в латинском переводе — *compositio*. *Compositio* было старым обычаем в Германии; о нем упоминает еще Тацит. Но виру нельзя смешивать с денежным штрафом. Последний есть наказание, налагаемое государством; первая же не что иное, как сделка между обидчиком и родом, к которому обиженный принадлежал. В этой сделке государство не участвует, оно старается только о ее осуществлении. Вира делилась обыкновенно на две неравные части, носящие соответствующие названия. Большая часть шла обиженному и называлась *faida*; меньшая называлась *fredum* и принадлежала фиску, правительству, содействовавшему миру и гарантировавшему

его. Но если оскорбленный не желал получить денежного вознаграждения, он мог требовать личного удовлетворения вместо денег. Когда преступление совершалось, то обиженный или его семья требовали обидчика к суду; если он не являлся, то подвергался изгнанию. Правом мести пользовались лишь свободные; за несвободных мстил, т. е. получал деньги, их господин. Сами они не могли требовать ни мести, ни штрафа. Нередко неимущего присуждали не к изгнанию, не к телесному наказанию, а к большому штрафу; тогда, не имея возможности заплатить штраф, он должен был совершить позорный обряд. Его четыре раза водили на базар в толпу народа, и если не являлся покупатель, то его убивали. Так как весь род получал виру, то и уплата этой виры возлагалась на целый род. На этом основании гражданское законодательство уменьшало для каждого свободу распоряжаться своим имуществом. Отец семейства не мог распоряжаться своей землей, отчуждать ее без согласия своих детей и родственников. Желаящий выйти из рода, отказаться от него, имел для этого полную возможность. Для этого следовало лично заявить на собрании о таком желании, сломать четыре прута над головой, бросить куски и объявить об отречении и от всех прав и обязательств, соединявшихся с родом.

Цена за одно и то же преступление у германских народов была разной. Она зависела: 1) от племени, к которому принадлежал обиженный; 2) от его положения в обществе; 3) от времени и отчасти места, где совершено преступление и 4) от пола и возраста обиженного. Так, например, римлянин ценился вдвое дешевле франка; несвободный — вдвое дешевле свободного, а раб — втрое дешевле римлянина. Самой высокой была плата за убийство беременной женщины, потому что здесь государство теряло будущего гражданина или гражданку, а именно вира в семьсот золотых солидов; затем за убийство антрустиона, притом если последний принадлежал в франкскому племени, платилось шестьсот солидов, если же к римскому — только триста. Убийство свободного франка оценивалось в двести солидов; убийство свободного галло-римлянина, а также лита — сто солидов. За убийство раба была установлена разная цена, смотря по ремеслу или занятию убитого, от тридцати пяти до семидесяти пяти солидов.

Весьма точно и систематично были установлены цены за оскорбление или увечье женщины. Так, за простое пожатие паль-

ца или кисти руки свободной женщины положено пятнадцать солидов; за пожатие той же руки несколько выше, около локтя — тридцать пять солидов; за прикосновение к телу женщины — сорок пять солидов; за оскорбление словом более ста солидов; за похищение, сопряженное с насилием, двести солидов или двести ударов кнута; за удар, нанесенный беременной женщине в живот, шестьсот солидов.

Вероятно, войны с Римом невыгодно отозвались на нравственности германцев и они потеряли чувство прежнего уважения к женщине, если потребовались особые наказания.

3. Арабы и Мухаммед

Историческая роль мусульманства. В то время, как Западная Римская империя перестала существовать даже по имени, когда в ее провинциях крепко утвердились новые народы, когда греческая императорская власть слабо боролась с лангобардами в Италии, когда над Меровингами нависла новая сила в лице их мэров, или майордомов, когда из глубины Германии выходят последние независимые дружины, когда восточные императоры умирают один за другим, не оставляя после себя ничего, кроме новых раздоров и партий, кроме трупов убитых и изуродованных предшественников, одним словом, когда весь западный исторический мир был видимо и до крайности разъединен, — тогда, в первой половине VII в., на отдаленном Востоке зародилась новая объединяющая религиозная и политическая сила.

То было мусульманство.

Из приведенного сопоставления можно сделать вывод, что новая религия возникла в самое тяжелое для Европы время и потому предрекала великую опасность для христианства, которое приобрело в ней могучего соперника. Эта сила, осуществившая великие завоевания, была особенно могуча потому, что была идеальна в своей основе. Во всяком случае, мусульманство обратило к себе сотни миллионов людей, которые, без этого, приняли бы христианство. Мусульманство само в себе несло живучесть; иначе оно не могло бы сохранить по настоящее время вековую прочность и делать новые завоевания среди христианства даже в более позднее время.

Но эта сила, тем не менее, не могла быть исторически-творческой: мусульманство было удовлетворительно как религия, но,

однажды допустив насилие над иноверными, оно лишило себя возможности развития, и потому в истории человечества получило только отрицательное значение. Хотя мусульманство и теперь исповедуют многие десятки миллионов, но его история закончилась в первые века его существования и само по себе оно не дало жизненной идеи. Профессор Дальман, говоря об историческом значении мусульманства, определил его историю с отрицательной стороны. Как бы то ни было, но мусульманство запечатлело себя в истории, потому что влияло на ход исторической жизни Европы, вызывая ее на борьбу с собою. Следовательно, само по себе оно не вызывало движения, а лишь прилагалось так или иначе в истории христианства, относительно которого историческая заслуга мусульманства состояла в том, что оно способствовало более или менее объединению христианского мира.

Но были годы, когда мусульманство как бы порывалось к самодетельной жизни, когда оно выработало своеобразную цивилизацию и делило ее с Европой, когда оно хотело примкнуть к классической традиции, завещанной Грецией, — но уже это одно ясно показывает, что в самом себе мусульманский просветительный дух не заключал движения и саморазвития, что для выполнения исторической цели он должен был заключить союз и исходить из чуждых ему языческих античных начал.

Всем известно, что мусульманство вышло из Аравии, этой страны «Востока» по Библии. Корень географического наименования этой обширной, безлесной и бесплодной пустыни надо искать в древнееврейском слове, которое знали Псалмопевец и пророки¹ и которое значит *пустыня, степь, сухая земля*². Местные жители называют Аравию «Белед-эль-Араб» — страной арабов; персы и турки именуют ее Арабистаном. Название «араб» издавна применялось кномадам, кочевавшим в северной части полуострова между Палестиной и Красным морем и прибывшим с Юга. В климатических и топографических условиях и в прежней религии этой страны следует искать причины, обусловившие силу и характер новой религии.

Природа Аравии. Природа Аравии заранее должна была определить первые религиозные воззрения ее обитателей. Издревле,

¹ Пс LXXI, 10, 15; Ис XXI, 13; Иер XXV, 24; Иез XXVII, 21.

² Солярский. Опыт библейского словаря, I, 140.

еще «во времена неведения», как говорит арабский летописец, в Аравии, под влиянием местных климатических условий, создалась духовная вера сабеизма, звездочитания. Обряды этой веры проявлялись в поклонении светилам и звездам. На безоблачном и прозрачно-голубом небе Аравии особенно ярко светят звезды; они невольно притягивают в себе человека, который в объятиях этой знойной природы чувствует себя ее невольной жертвой.

На Аравийском полуострове природа сильно отличается в разных местах. Прибрежная полоса Красного моря считалась и может считаться раем земным; — это страна фимиама и благовоения, счастливая Аравия. Здесь роскошная растительность; здесь сахарный тростник, кофейное дерево, финики, бананы, померанцы, виноградные лозы, индейские смоквы красуются рядом с пальмами всевозможных оттенков. Но далее на востоке, внутри полуострова, картина меняется; это бесплодная каменистая степь, где население со своими табунами коней жмется по оазисам, где с трудом пробираются караваны. Здесь, точно из горнила, вырывается горячее дыхание самума и движущиеся песчаные столбы касаются чуть не до облаков своими верхушками. Блестящее поэтическое воображение арабов соединило с этими песчаными столбами представление о гении пустыни, об ангелах смерти, которые сметают все с лица земли. В пустынной части Аравии температура очень различна: ночью бывает страшный холод, а дневной жар часто доходит до 40°. В счастливой Аравии климат умеренный; здесь правильное орошение, тогда как в Аравии каменистой рек нет, потому что дожди идут редко и засухи преобладают почти три четверти года. Кочующее население бесплодной Аравии издревле было разъединено этой страшной степью. Каждый род ютился около родового вождя; родовая жизнь породила родовую месть. Взор нигде не мог остановиться на этой несчастной стране, лишенной прочных поселений, но звездам, которые светились на ее небосклоне, усердно и горячо молились немногочисленные ее кочевники, питавшиеся верблюжьим молоком.

Сабеизм. Чтобы понять происхождение и характер мусульманства, нужно знать тот культ сабеизма, из которого вышло мусульманство и к которому оно не раз возвращалось. Слово *сабеизм* происходит от еврейского «Саба», т. е. звезды, так как эта вера приписывает звездам доброе и злое влияние на судьбу человека. Говорят, что первыми стали исповедовать сабеизм ассирий-

ские пастухи; во всяком случае эта религия древнее египетской. Может быть, Тэйлор прав, говоря, что звездам служили еще до потопа. Сам Авраам знал эту веру; она была принята его потомками, детьми Израиля, но была возбранена в скрижалях завета, данных Моисею среди громов и молний Синайской горы. Сначала эта религия была чиста и идеальна; она проповедовала веру в единого Бога, учение о наградах и наказаниях в будущем мире и необходимость вести жизнь добродетельную и святую, чтобы достигнуть вечного блаженства. Уважение сабеян к Верховному Существому было так глубоко, что они никогда не произносили его имени и дерзали приблизиться к нему лишь через посредство духов и ангелов. Они предполагали, что духи эти обитают на небесных телах и оживляют их наподобие того, как душа оживляет человеческое тело, в котором она пребывает. Духи поставлены в своей определенной сфере, чтобы надзирать за миром и управлять им, служа Всевышнему. Следовательно, сперва поклонники звезд обращались к ходатаям их, а потом перенесли всю божественную силу на них самих.

Таким образом, мало-помалу сабейская религия потеряла свою первоначальную простоту и стала затемняться идолопоклонством. Сабейяне начали поклоняться звездам, как настоящим богам. Признавая прежде на них обиталище ангелов и не имея понятия о том, что такое Верховное Существо, они с ангелов перенесли поклонение на сами звезды. Мало того, в священных пальмовых рощах они ставили изваянные изображения, посвященные небесным светилам, и затем стали сооружать храмы в честь этих светил. У арабов сабеизм смешался с диким суеверием и упал, более, чем у кого-нибудь, до грубого идолопоклонства. Потребовались кровавые жертвы, для чего преимущественно избирали новорожденных девочек, которых сжигали живьем, так как женщины считались бесполезными и отягощающими в этой бродячей и кочевой жизни, исполненной всяких лишений.

Но первоначальная религия Аравийского полуострова не ограничилась одним сабеизмом: рядом с сабейской верой здесь впоследствии приютилась религия магов из Персии. Это было поклонение огню. Источник той и другой религии, сабеизма и зороастризма, был одним и тем же. Все исходило из поклонения и обожания светящей силы. В первой своей форме и зороастризм был чистой, духовной верой. Он признавал единое высшее суще-

ство, которое своим творческим словом создало Ормузда и Аримана, две враждебные и вечно борющиеся силы добра и зла. Маги не имели ни храмов, ни жертвенников. Они чтили также Солнце, как источник света и тепла, но воплощением его на земле признавали огонь и потому по ночам постоянно зажигали огни на видных местах, преимущественно на вершинах гор. Зороастр среди этих огнепоклонников впервые ввел в употребление храмы, где священный огонь, будто сошедший с неба, непрерывно поддерживался жрецами. Затем маги стали преимущественно поклоняться огню, как истинному Богу, и ненавидеть тьму, как обиталище сатаны. В своей фанатической ревности они хватали неверующих и предавали пламени, желая тем умиловать свое огненное божество.

Таким образом, в начале VI в., в Аравии повсюду господствовало идолопоклонство в форме сабеизма и зороастризма. Только иудеи и христиане принесли с собой в Аравию чисто духовное учение. В Аравии их было немало. Евреи пришли туда после разрушения Иерусалима. Известно, что апостол Павел лично проповедовал в Аравии. Затем многие христианские отшельники поселились на этом полуострове, спасаясь от гонений Византийского правительства и от раздоров, терзавших тогда христианскую церковь; христиане обратили многие кочевья арабов в истинную веру. Таким образом, ранняя история Аравии представляет собой борьбу различных родов и вместе с тем борьбу религий, среди последователей которых преобладает идолопоклонство. Никто не мог покорить арабов, этих сынов пустыни, но разъединенные арабы со своей стороны никому не грозили опасностью.

Характеристика Мухаммеда. Мухаммед, родившийся в апреле 569 г. в городе Мекке, поставил себе целью вернуть арабов к прежнему, неизвращенному поклонению незримому Верховному Существу и затем объединить силой веры свой разрозненный народ. Следовательно, Мухаммед имел идеалы в прошлом. Он хотел очистить древнюю религию предков, но в его духе всегда преобладали скорее религиозные стремления, чем политические. Происходя из знатного рода племени курейшитов, он был крайне беден. Само его рождение, по поэтическим арабским легендам, сопровождалось знаменами и чудесами, как рождение всякого великого пророка и основателя религии. Его мать не испытала болей при родах. Небесный огонь озарил окрестность, и младенец уже возговорил в первые минуты по своему рождению: «Нет

Бога, кроме Бога, и я пророк Его». В ту же самую ночь священный огонь Зороастра, который горел тысячи лет, внезапно погас и все идолы в мире упали. Демоны, которые, скрываясь на звездах, оказывают оттуда зловредное влияние на сынов человеческих, были изгнаны чистыми ангелами и, вместе со своим главой Иблисом, или Люцифером, низвержены в море. Само имя, данное младенцу, должно было говорить о его будущем величии. По преданию, не только овцы, завидя его, радостно блеяли, но и сама Луна почтительно поклонилась ему. Оставляя в стороне эти легенды, теперь следует поставить вопрос, насколько Мухаммед был одарен высокими порывами.

Он был поэт по натуре, но тело его было крайне болезненно. Он страдал припадками падучей болезни; он не раз говорил, что боится сойти с ума от страшного нервного потрясения, которое им овладевало. Поэтому христианские историки несправедливо называют его обманщиком и лицемером. Все, что он говорил, было не обманом, а искренним убеждением его души, на которое влияло его болезненно нервное настроение. Известно, что в XIII в. была распространена знаменитая книга, которую справедливо преследовало католическое духовенство главным образом потому, что в ней основателям религии приписываются слишком низменные цели. В их числе значился и Мухаммед. Она приобрела известность странным образом среди францисканских монахов. Этот памфлет — «De tribus impostoribus» («О трех обманщиках») появился, вероятно, среди итальянских еретиков¹; в 1598 г. книга была тайно напечатана неизвестно где; теперь ее осталось не более трех экземпляров. В настоящее время было бы уже странно смотреть на Мухаммеда, с точки зрения памфлетиста. Все его убеждения были искренни, и вся его жизнь подтверждает это.

В новой исторической науке ясно поставлен вопрос о том, что проповедь Мухаммеда обуславливалась его телесной организацией. На Мухаммеда еще с юношеских лет находили минуты высокого экстаза. Причиной этого были порывы его поэтической души, которую не удовлетворяли господствовавшие суеверия, которая возмущалась извращением старой религии. С другой сто-

¹ Считается, что в основу этого памфлета лег трактат «Махарик аль-анбийя» Ар-Рази (Разеса) (865—925), знаменитого иранского ученого, врача и философа. — *Прим. ред.*

роны, на его учение влияла суровая аскетическая жизнь, на которую Мухаммед рано обрек себя, сперва по необходимости, а потом по призванию. Он лишился отца еще в младенчестве, а матери на шестом году. Он рос у родных, которые плохо заботились о нем. Все его наследственное имущество состояло из пяти верблюдов, нескольких овец и одной рабыни. Ему приходилось наниматься в Мекке городским пастухом. Совершая путешествия в Сирию, он познакомился с христианским отшельником, имя которого в точности неизвестно; его называют то Георгием, то Сергием. Этот отшельник просветил христианским учением ум Мухаммеда. Женитьба на богатой вдове, Хадидже, поправила его средства, но не исцелила от галлюцинаций и иллюзий.

Физиология теперь обстоятельно выясняет причину произвольных иллюзий и галлюцинаций; эти доводы, резюмированные, например, Дрэпером, вполне приложимы к Мухаммеду. Когда сила непосредственной чувствительности становится слабее сил образов, уже запечатленных в мозгу, последние начинают преобладать, результатом чего являются всевозможные видения и призраки. Чем больше человек ослабляет свои органы чувств, тем живее бывает галлюцинация, тем глубже иллюзия. Эти образы, как бы сами собой возникающие, называются в физиологии обратным видением, или мозговым зрением. Их несправедливо считают сверхъестественными; это — явления не психические, а результат нервной деятельности; человек не отвечает за них.

Именно такими болезненными иллюзиями страдал Мухаммед. Человека, именовавшего себя посланником неба, посещали сверхъестественные видения; он слышал однажды, как тайный голос назвал его пророком. Это было в минуты самого сурового аскетизма, когда он в пустыне, в палатке, размышлял о незримом высшем существе. Ему в сумерках показалось, что в палатку вошел архангел Гавриил. Жена Хадиджа, бывшая с ним, заметив волнение на его лице, старалась его успокоить, а в сущности сама поселила в нем неотвязную мысль о его божественном призвании. Она первая преклонилась перед ним, признав себя первой верующей.

Через три года таких адептов было сорок. В числе их были: Али, его зять, только что женившийся на его дочери, Абу-Бекр, Осман, — все будущие халифы.

Все эти адепты признавали единое высшее существо, а Мухаммеда его пророком.

Ислам. Новая вера в сущности сперва стремилась к реставрации сабейской религии. Даже железный камень Каабы, которому издревле поклонялись арабы и который по одним преданиям был принесен Гавриилом, по другим — был найден им самим, по третьим — упал из рая, — даже и этот камень сохранил свое значение. Мухаммед, несмотря на то, что противился всякому вещественному изображению Божества, не лишил этот камень его религиозного значения, потому что с ним были связаны предания об Аврааме и Измаиле, родоначальниках племени. Этот знаменитый камень до сих пор служит предметом поклонения правоверных; он укреплен в южном углу священной мечети в Мекке.

Мухаммеда в первое время жестоко преследовали за его проповедь. Род корейшитов прикрыл его своим влиянием. Но вскоре ему пришлось спасаться от гонителей, когда умер Абу-Тaleb, глава рода корейшитов. Даже чудеса не действовали. Мухаммед объявил, что он носился на крылатом коне в Иерусалим, а оттуда к престолу Бога, где лицезрел первых пророков: Авраама, Моисея и Иисуса. Его осмеяли и хотели убить. Он в ночь на 16 июня 622 г. бежал в Медину, где построил первую мечеть, откуда пошло мусульманство.

Решение Мухаммеда пропагандировать свое учение относится к 623 г. н. э. Он не действовал наступательно и десяти лет, но за это время в Аравии совершилось много великих событий. Она радикально изменилась не только в своем религиозном, но и политическом быте. Уже одно это заставляет признать идеальную силу мусульманства.

По всей вероятности, Мухаммед был безграмотен. Арабское предание, записанное у Абул Феды, говорит, что он достиг таланта чтения и письма внезапно, по вдохновению свыше. Во всяком случае, пророк распространял свое учение изустно; только после приближенные записывали его изречения на пальмовых листьях, на коре, на коже, редактируя эти поучения, которые от арабского слова «караа», что значит «читал», получили название *Корана* (с прибавкою члена «аль», потому *Аль-коран* значит книга по преимуществу, *книга для чтения*). Само слово *ислам*, что значит покорность Богу, происходит от *салама*, что значит «предался». Христиане отсюда образовали *исламизм*, арабы же произвели *мослим*, *муслим*. Мусульманин будет тот, кто «предался Богу». В двойственном числе это слово образует *муслиман*, во

множественном *муслимун*; но в европейских языках множественное число из единственного образуется по своим, а не по семитическим лингвистическим формам, и отсюда вместо *муслимен*, французы говорят — *musulmans*, русские — *мусульмане*.

Самому Мухаммеду после бегства пришлось неоднократно упрочивать веру и словом, и мечом. Он усилил свое небольшое братство евреями; тут наблюдаются первые колебания в деятельности пророка, его неустойчивость. Ради привлечения христиан введен продолжительный пост; священным местом избран Иерусалим. Но когда евреи скоро отклонились от новой проповеди, то Мекка заменила место Иерусалима, и вместо христианского поста назначен Рамазан; тридцать дней посвящались посту и чувственному воздержанию, но пост соблюдался только от восхода до заката солнца. Недельным праздником была определена пятница, в отличие от еврейской субботы и христианского воскресенья. Молитва должна была совершаться пять раз в день. По изречению Мухаммеда, молитва ведет людей до половины пути к Богу, пост доводит до его порога, а милостыня и добрые дела ставят прямо перед лицом Бога. Таким образом, добрые дела положены в основу спасения. Всем известно, как широко Мухаммед пользовался Ветхим Заветом и Евангелием. Но дойдя до своего откровения путем аскетизма, он не считал нужным поддерживать ислам умерщвлением плоти. Напротив, он допускает многоженство, рекомендуя до четырех жен, хотя известно, что он сам пользовался своим правом весьма щедро, имея до девяти жен. Коран питает высокое уважение к Христу, как к Пророку, величайшему из посланных до Мухаммеда. Христос был послан по Корану для исправления закона, но всякая мысль о его божественности, тайна его смерти, воплощения, воскресения признается учением нечестивым, а христианское учение о Троице оскорбляющим единство Божие. И то и другое, т. е. тайну воплощения и учение о Троице, Коран считает заблуждением; такое мнение приняли некоторые арабские секты христиан, например несториане. Они также не допускали поклонения святым и не признавали икон. Того же придерживался и Мухаммед, борясь с идолослужением соплеменников, запрещая всякое живописное изображение живых существ. Мухаммед обыкновенно говорил, что ангелы не войдут в тот дом, где есть эти изображения, тот, кто их рисует, обречен на искание души для созданных им изображе-

ний. Известно, что это сильно повлияло на искусство мусульман, вызвав у них развитие замечательной архитектуры, но совершенно устранив живопись.

Заповедь Христа о милосердии нашла себе место и в Коране: «Не желай другим того, чего сам не желаешь себе; не будь несправедлив; обращай долг в милостыню; голодного накорми; больного посети; узника освободи, если он заключен невинно». По существу это есть известная Проповедь Спасителя, повествуемая евангелистом Матфеем (XXV, 42, 43) и перефразированная в Коране. Наставления этические развиты образно: «Бог противится гордому; будь скромн в поступи и в речах, ибо самый неприятный голос есть голос осла».

Парабола и блестящие сравнения, как бисер, нанизывают Коран, который поистине можно было бы назвать вдохновенной книгой, если бы в нем не встречалась нетерпимость. Запутанность, пестроту, беспорядочность изложения следует приписать Мухаммеду, который не только не писал и не составлял Коран, но даже и не редактировал составленного после него. После его кончины все разрозненные сентенции и листки Абу-Бекр передал секретарю Зеиду-ибн-Талебу, который вносил, что хотел, полагаясь на память, небрежно, без системы. Третий халиф Осман пересмотрел различные рукописи и составил один *ал-коран* (т. е. книгу), уничтожив все другие.

Догма Корана. Ислам, учение о спасении, содержит шесть основных догматов: 1) учение о Боге, 2) учение об ангелах, 3) значение самого Корана, 4) учение о пророках, 5) о страшном суде и 6) о преопределении.

Само происхождение Корана достаточно объясняет то условное доверие, которое можно оказывать этой книге, как священной и как принадлежащей Мухаммеду. Он мог давать одни и те же наставления или рассказывать одну и ту же притчу в разные времена, разным лицам, разными словами, а в Коран она заносилась в известной редакции, конечно, условной. Многие откровения, которые он передавал как принадлежавшие другим пророкам, его предшественникам, могли выдаваться потом другими за откровения, полученные им самим. К тому же существует догадка, что Абу-Бекр в первые дни своего халифата мог многое вставить в Коран из политических соображений, рассчитывая упрочить господство ислама. Если Абдалла ибн Саад при жизни Мухаммеда

подделывал Коран разными искажениями и вставками, то можно себе представить, какой простор открывался для этих подделок впоследствии. Сам Мухаммед пережил два противоположных внутренних фазиса. Сперва он был проповедником учения о любви, кротости, самопожертвовании, долготерпении. Это было до бегства в Медину. Успехи и соблазны власти сделали из него иного человека. Он становится мстительным к тем, которые до сих пор его угнетали, и честолюбивым в распространении своего господства. В его учении — противоречия, а в действиях — беспорядочность и непостоянство. Сам Бог Корана мстителен, жесток, карает грешников (III, 3; V, 26; XIV, 48). Он не направляет грешников на истинный путь (V, 5). Бог сам сотворил людей для ада (VII, 178), в то же время все подчинив безусловному предопределению, всему указав судьбу (XII, 14). Бога следует страшиться; сами ангелы боятся Его. О любви человека к Богу Коран не учит. Неправовверные не суть ближние, не суть люди; с ними не должно иметь дружбы; их можно убивать (IV, 102, 103; V, 56). Он учит мстить за обиды и ненавидеть врагов (II, 160), человек может нарушать свои обещания. Это темные и в то же время своеобразные стороны Корана.

Учение об ангелах переиначивает христианское учение: Гавриил — ангел откровения, который записывает решения Господа; Михаил — ангел воитель, руководитель правоверных в сражениях за веру; Азраил — ангел смерти, а Израфил тремя трубными звуками, от которых потрясется земля, возгласит воскресение людей для страшного суда. Еще был ангел Азазил, но он оказался гордым и мятежным; за то был проклят, изгнан из рая и стал называться сатаной. Мстя за унижение, он творит сынам человеческим всякое зло и вселяет в них непокорность и нечестие. Низшие ангелы называются Моакибат; ко всякому смертному, на каждый день, приставлены два таких ангела — справа и слева. К вечеру они улетают на небо с донесением, а на следующий день их место занимают двое других ангелов. Всякое доброе дело ангел справа записывает десять раз для поощрения смертного, а ангел слева, в случае, если человек согрешит, записывает грех не ранее, как через семь часов, в продолжение которых человеку предоставляется возможность искупить свой грех. Кроме ангелов, есть другие духовные существа; называются джиннами, или гениями; созданные из огня, они смертны и подчинены

дьяволу. Они делятся у шиитов на дэвов и пери. Дэвы — страшные великаны; пери — кроткие существа женского пола. Крылатые прекрасные женщины, кроме ангелов-гениев, защищают людей. Это богини судьбы. Они всегда с готовностью являются на помощь смертным.

Переходим к третьему вопросу — значению Корана. Эта книга также важна для мусульман, как Евангелие для христиане. Сам перевод этой книги нужно лобызать; нечистыми руками к ней нельзя прикасаться; в силу того же благоговейного чувства нельзя Коран держать ниже пояса. Мусульмане клянутся Кораном и гадают на нем. Хотя Коран есть произведение энтузиаста, но тем не менее это удивительный памятник самостоятельных законов, приноровленных к обычаям и потребностям знойного тропического климата. Что касается учения о пророках, то таких называют до двенадцати тысяч, но верховных пророков всего шесть: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус и Мухаммед.

Замечательно подробно развито учение о возмездии в загробной жизни, представление о страшном суде. Душу умершего правого встречает Азраил в эфирном бесконечном пространстве. Два ангела — Мункар и Накир — являются в могилу для допроса души, которая соединяется на это время с телом и остается в таком виде, пока производится испытание. Умершего ангелы заставляют почтительно встать и испытывают его вопросами о единстве Бога, о призвании Мухаммеда и о его деяниях. Все это тщательно записывается. Если ответы удовлетворительны, то душа тихо вылетает изо рта, а тело остается в недвижимом покое; если же нет, то ангелам приходится тихонько бить умершего по лбу железными палками, пока из него не выйдет душа, напутствуемая стонами и мучительными конвульсиями. Для удобства такого дознания мусульман хоронят в пещерах или в могилах со сводами, причем труп становится почти в вертикальном положении, дабы не затруднять покойника переворачиваться или выпрямляться; для того его завертывают в широкий саван. В силу этого у мусульман не дозволено погребение в гробах, что тщательно соблюдается при самых неблагоприятных условиях. До воскресения душа пребывает среди духов; такое состояние души — переходное. Святые люди и пророки сразу наслаждаются этой жизнью. Души простых людей порхают около могил до страшного суда. Поэтому могилы должны чествоваться и укра-

шаться деревьями. Страшный суд настанет после третьей трубы Израфила.

Со всей обстоятельностью, которой позавидовал бы сам Данте, толкователи Корана изображают ступени ада и услады рая. Ад (Джегеннум) имеет семь ярусов, из которых первый, очищающий ад, предназначается для мусульман; второй — Ляза, палящий огонь, для христиан; третий — Хутама, сильный огонь, для евреев; четвертый — Саир, пламенный огонь, для сабеев; пятый — Сакар, жгучий огонь, для магов; шестой — Джахим, знойно-жаркий огонь, для идолопоклонников; седьмой — Гавиа (*Hâvia*), бездна, для лицемеров. Мусульманин всегда спасется; по учению некоторых толкователей Корана, правоверный, даже согрешая, никак не попадет в геенну, это место для неверующих; по толкованию других, для грешников-мусульман наказанием служит скитание после смерти по земле от девяносто до двухсот тысяч лет. Чистилище, Аль-араф специально предназначено для детей, лунатиков, идиотов, для безвредных и в то же время бесполезных людей, у которых в жизни добро равнялось злу. Что касается Мухаммедова рая, Дженнет, украшенного всеми прелестями южного воображения, то впечатление, которое он долженствовал производить на мусульман, было чисто чувственное, доступное пониманию араба, жителя юга. Каждому правоверному там предназначаются черноглазые гурии, которые вечно возвращают свою девственность. Так как призванные в рай должны наслаждаться чувственно, то там не может быть старости; возрасты сглаживаются, а зрелый возраст человека (тридцать лет) берется за норму.

Шестой догмат, учение о предопределении, создал в сущности главный успех мусульманству. Благодаря предопределению мусульмане могли, не задумываясь, жертвовать своей жизнью. Смерть на поле битвы готовила мученику рай со всеми его прелестями, а победа при жизни сулила возможность воспользоваться чужими богатствами. Свободная человеческая воля была бессильна отвратить грех или несчастье: все на свете предопределено.

Успехи Мухаммеда. Мухаммед начал проповедовать, будучи сорока лет от роду. Никогда не изменял он своему образу мыслей. Он не думал о светском честолюбии. Получив власть, он из Медины делает беспощадные нападения на меккских корейшитов. Два города, таким образом, вступили в мелкую вражду, которая

проявлялась в разбойнических набегах как с той, так и с другой стороны. Мединцы были бедны и в сражениях храбры; корейшиты были богатыми торговцами, изнеженными и рано или поздно должны были потерпеть поражение. В первом столкновении Мухаммед одержал верх, но потом несколько раз оказался побежденным и был вынужден заключить с Меккой перемирие в 628 г. Но это было только началом борьбы; конец же был в пользу Мухаммеда. Еще раньше он решился наказать жителей еврейской общины. Это наказание было ужасно. В первый раз он вышел из себя и перебил всех мужчин, а женщин и детей обратил в рабство. Таким образом, нетерпимость сказалась в самом Мухаммеде; если уже он сам не был способен устоять, то, естественно, не устояли и его противники. Раз испробовав силу, Мухаммед решился применять ее ко всем. Хосров, шах Персидский, к которому Мухаммед обратился с предложением принять его учение слишком рано, разорвал его письмо. Наместник Египта, получив такое же предложение, казнил посла, привезшего грамоту. Между тем Мухаммед мог располагать уже тремя тысячами людей, которых он посылает на Египет, но неудачно. Не ожидая окончания срока перемирия с Меккой, Мухаммед нападает на этот город. Он овладел Меккой в 630 г., но велел казнить только четырех граждан. Идолопоклонство было уничтожено, но Кааба оставалась священным местом. Только тогда восторжествовал Мухаммед, и его учение стало распространяться между арабами. Перед смертью Мухаммед думал о походе на Византию, но это было пока не по его военным силам и средствам.

Во всяком случае ему содействовали не победы, а его увлечение, его экстаз, проповедь. Что он не был воином, это вне всякого сомнения. Мы видим, что удачи его следовали за неудачами и наоборот. То, что он не имел воинственного духа, объясняется образом его жизни. Известно, что всего приятнее он проводил свое время в кругу жен, к которым он являлся с расчесанными волосами, предварительно разгладив свою бороду. Он не скрывал, что две вещи на свете его восхищают: женщины и благовония. В нем не было воинственного закала и сильного духа его преемников; сам он равнодушно относился к своим военным успехам. Они не возбуждали в нем ни гордости, ни тщеславия. Дух его стремился унести выше земного; его занимали только слова проповеди; даже на высоте власти он сохранил первоначальную про-

стоту. Он избегал пышности в одежде, не любил почестей, в чем следовал другим пророкам. Он служил идее веры и с полным убеждением считал себя свыше призванным пророком. Эта вера была искренней и объясняется исключительно экзальтацией пророка, его болезненным организмом, его нервными припадками.

Что Мухаммед не искал власти, видно из того, что он никогда не пытался утвердить ее за своим семейством. Он не заботился о богатстве, щедро раздавал, что имел, и оставил после смерти меньше, чем получил от отца. Он отпустил рабов и рабынь, а все средства свои роздал бедным. Он умер бедняком, почти нищим. После него остался верблюд, несколько овец да оружие с куском земли. Вот все достояние человека, одно имя которого приводило в трепет соседние страны. Прекрасно выражается одна арабская легенда, что Аллах давал ему ключи ко всем сокровищам мира, но он не взял их. Несмотря на свои человеческие слабости, он выдержал свое призвание до конца. Он не считал нужным говорить, что стоит выше своей паствы; напротив, до последней минуты он сознавал, что недостойн созерцать блаженство рядом с Высшим Существом. Замечательно, что он до конца хотел быть простым человеком. Чувствуя близость смерти, Мухаммед не имел надобности притворяться.

В мечети, перед смертью, он просил прощения в проступках, соглашаясь лучше перенести наказание в этом мире, чем в вечности. Он дал три прощальных приказания: 1) изгонять идолослужение, 2) предоставлять всем, обращенным в ислам, одинаковые права и 3) непрестанно молиться. Когда его взор помутился и он лишился сознания, то язык его продолжал предвкушать сладчайшее свидание в раю с пророками. Его бреддышал искренним религиозным благоговением. С Кромвелем было то же самое в течение всей его жизни и в минуту смерти. И тот и другой страдали одинаково галлюцинациями от свойства нервной системы, склонностью к помещательству и тому подобными болезнями фанатиков.

Мухаммед умер в 63 года, 8 июня 632 г., в день своего рождения, на одиннадцатом году (хиджры) после бегства в Медину. Этих одиннадцати лет было достаточно, чтобы вызвать великое брожение за веру, за политическое преобладание Востока над Западом. Для объяснения успехов ислама следует кратко ознакомиться с содержанием этого учения.

Распространение мусульманства в VII и VIII столетиях. Благодаря догмату о предопределении учение Мухаммеда должно было

3. Арабы и Мухаммед

впоследствии порождать могущественных завоевателей. Свободная воля была бессильна отвратить счастье и несчастье; подвиг и грех — все было заранее предопределено Аллахом. Смерти избежать нельзя, а смерть в бою дает вечное наслаждение, сопровождающееся чарами чувственности, свойственными южным жителям. Ничто не спасает от смерти в определенный час, и вои мусульмане падают тысячами, но не отступают. Но в фатализме же лежит и причина падения. Не раз было замечено, что когда мусульмане перестали быть завоевателями, они успокоились в равнодушном созерцании несчастий, считая излишним бороться с ними. Фатализм силен фанатизмом; если фанатизм ослабевает то и фатализм начинает приносить только вред. Да и вообще та религия, которая опирается на фатализм и которую исповедуют мусульмане, не носит в себе зачатков развития. Зато фатализм двигает толпами в первое время религиозного энтузиазма. А им были в высокой степени воодушевлены первые последователи Мухаммеда. После смерти пророка мединцы предложили поставить преемником Мухаммеда, то есть его *халифом*, Абу-Бекра. Новый властитель продолжал хранить простоту Мухаммеда. Известно, что в то время, как полководцы его вели победоносные войны, он пас стада. Он не довольствовался усмирением враждебных племен, но перенес мусульманское оружие в Персию и Сирию. Зороастризм уступил учению Мухаммеда. Следующий халиф, Омар (634—644), появился уже на Евфрате, около Вавилона. Окончить сирийскую войну предстояло именно ему. Мусульманское ополчение сразилось с греческими войсками при Ярмуке и победило их. Результатом этой победы было занятие Дамаска и Иерусалима.

Ранее мусульмане насильно предписывали свою веру, но требования их остановились перед стенами Иерусалима, этой общей святыни Востока. Иерусалим соглашался сдаться только самому халифу. Омар, не получавший жалованья от государства и живший своим ремесленным трудом, приехал на плохом верблюде, с мехом воды и финиками, служившими ему скудной пищей. Иерусалим сдался; в силу этого жители сохранили жизнь, имущество и свою веру, но были поголовно обложены податями. Христиане были лишены права носить оружие; они были вынуждены снять кресты и колокола с храмов и обязались иметь особую одежду для отличия от мусульман. В 639 г. покорилась Сирия. Через два года та же участь постигла и Египет.

Этой хлебородной провинции Восточная империя лишилась по своей вине. Население Египта было разнообразно и по вере, и по происхождению. Коренные жители — копты — были монофизитами; их численность приближалась к шести миллионам. Пришельцы, римляне и греки, в числе трехсот тысяч, были несторианами, которым покровительствовал византийский двор. Правительство неосторожно усиливало раздоры. Оскорбленные туземцы с радостью приветствовали арабов, получив от них уверение в сохранении религии. Греческие войска были разбиты и отступили в Александрию, которая вскоре была взята полководцем Амром ибн ал-Асой. Ему несправедливо приписывается сожжение библиотеки в Александрии. Известно, что одна часть ее была сожжена в древнее время; другая же погибла от неистовства христиан, руководимых архиепископом Феофилом. Следовательно, факт об арабской жестокости вымышлен. Тогда в Александрии уже нечего было жечь.

Расположившись лагерем, Амр построил город Победы — Каир. Мусульмане основательно укрепились в Египте¹. Долина Нила стала снабжать хлебом бесплодную Аравию, для чего был прорыт канал между Средним Нилом и Красным морем, по плану, принадлежавшему еще фараону Нехао. Затем владычество мусульман стало быстро расширяться к Западу и Востоку. Ислам занял длинные полосы по тысяче миль в ту и другую сторону. На Востоке мусульман мог остановить только Китай многочисленностью своего населения; на Западе — Атлантический океан. Примечательно, что везде арабы были в сравнительно ничтожном количестве. На Тигре они построили чисто мусульманский город Бассору и уничтожили Персидское государство. Здесь, при разделе, каждый из шестидесяти тысяч мусульман получил богатые сокровища. Арабы, перейдя Окс², вступили в нынешнюю Среднюю Азию. Скоро арабские халифы получили наследие персидского царя. Таким образом, Омар стал основателем владычества мусульман. Он раздвинул пределы ислама от Индийского океана до Кавказа и от Триполи до Окса. Один из фанатиков-персов убил его на пороге мечети, мстя за своего шаха. Но Омар не переставал быть патриархальным владыкой до последней минуты. Другим типом был Ос-

¹ Weil. Geschichte des Abassiden Chalifats in Aegypten, 2 B. St, 1860—1862.

² Амударью. — Прим. ред.

ман (644—656), положивший начало династии Омейядов. Слабый старик, орудие честолюбцев, он допустил изменения в тексте Корана: уничтожив при окончательной редакции прочие списки, он вооружил против себя фанатичных поборников ислама. Он расточал государственные доходы, жил роскошно, держался гордо. Его убили. Противники Омейядов предложили халифат зятю пророка, Али, который хотел ограничиться одним Кораном. Его последователи позже положили начало особому направлению в исламе. Они называются *шиитами* и верховным толкователем Корана, и первосвященником (*имамом*) считают только Али и его потомков. Большинство мусульман было за допущение предания — *Сунны*, в дополнение Корана. Начались междоусобицы, для прекращения которых было решено убить всех соперников. То были: Али, Моавия и Амр. Из них уцелел только Моавия и занял престол халифа. В его лице упрочивается династия Омейядов, предки которой были в плохих отношениях с пророком. Столицей этой династии сделался Дамаск. Патриархальный образ жизни прежних халифов перешел здесь уже в дикий восточный деспотизм. Мы не будем говорить об этих преемниках Моавии (656—679): Иезиде I (680—683), Мерване (684—685), Абд-ал-Малике (685—705), Велиде (705—715), Сулеймане (715—717), Омаре II (717—720), Иезиде II (720—724), Хишаме (724—743), Велиде II (743—744), Иезиде III, который потерял престол в битве близ Ниневии в 750 г.

При династии Омейядов мусульманское владычество распространилось до Атлантического океана. Оно могло проникнуть в Европу или через Геркулесовы столбы (Гибралтарский пролив), или через Босфор. Но осада Константинополя, на которую мусульмане решились в 669 г. и которую вели до 676 г., была неудачна благодаря греческому огню, изобретенному греком Каллиником. Выгоднее было устремиться в Западную Европу через Испанию. Это совершилось при халифе Велиде I, в начале VIII в.

Тогда события в Испании особенно благоприятствовали арабам. В Северной Африке им подчинились не только берберы, но также и карфагеняне, которых стали называть маврами, хотя маврами справедливее бы было называть только кочевников-берберов. Когда владычество мусульман упрочилось в Африке, они стали стремиться к распространению ислама в Испании. Между тем дела там сложились так, что вмешательство мусульман было неизбежно.

Омейяды в Испании. После Каталаунской битвы вестготы утвердились в Испании. Эйрик (467—484) занял даже Юго-Восточную Галлию и избрал столицей город Арль. Из Галлии вестготы были вытеснены франками, при сыне Эйрика, Аларихе II (484—507), который погиб в битве при Вугле. Его преемники довольствовались Испанией. То были: Амаларих (507—531), Тевд (531—548), Агила (548—554), Атанагильд (554—568), отец знаменитой Брунгильды, Лиура и Леогевильд (568—586), Реккаред (568—601). Тейд перенес столицу королевства в Барселону в 531 г., с 551 г. она перешла в Толедо. Вестготы распространились не на всем Пиренейском полуострове. Португалия принадлежала свевам, но кунинг Леогевильд в 572 г. объединил разрозненное государство; при нем разрушилось в 583 г. владычество свевов в нынешних Галисии и Португалии. Он был арианин; арианство тогда исповедовали все вестготы. Он даже казнил сына, принявшего католичество. Но при Реккареде в 590 г. католичество было объявлено господствующей религией. Правление умного Реккареда было весьма счастливым царствованием. В Испании стало вводиться римское право, а латинский язык стал государственным. Целое столетие происходили благоприятные изменения в народе.

Если бы не междоусобицы, не сильная власть вельмож, бенефициалов и др., то история Испании могла бы принять другое направление; но раздоры ослабили страну и вызвали вмешательство мусульман. Падение вестготского государства шло постепенно в продолжение ста лет от Реккареда до Витицы, в период с 601 по 701 г.¹ В 710 г. король Витица, стеснивший самоуправство знатных грандов, был свергнут графом Родериком, который поспешил захватить престол. Враждебная партия, руководимая

¹ Имена этих слабых королей: Лиув (601—603), Виттерик (603—610), Гундамер (610—612), Сизебут (612—620), Реккаред II (620), Свинтил (620—631), окончательно изгнавший греков из Испании, Сизенальд (631—686), Гинтил (636—640), Тулга (640—642), Гиндазуинт (642—649), Рекказуинт (649—672), объединивший все население общим законодательством, так называемым *Fuero juzgo*, *Forum judicium*, Вамба (672—680), Эрвиг (680—687), Эгиг (687—701) и, наконец, Витица (701—710). Источником по Реккареду I служит IX книга *Григория Турского* до 591 г., а далее до 601 г. и для последующих королей — труды *Исидора Севильского* и *Луки Туденского*.

изменником графом Юлианом, от имени детей свергнутого короля, просила содействия арабов.

Муса был наместником Африки. Его полководец Тарик бен Саид, не дожидаясь разрешения, перешел пролив, который с тех пор назван был по его имени Джебель-ал-Тарик, или Гибралтар. Он легко разбил небольшие отряды испанцев в 712 г.¹. Следом за ним явился сам Муса, одобрявший распоряжения Тарика. Он привел многочисленное войско, настроенное фанатично. Главная битва произошла в окрестностях Хереса де-ла-Фронтера, на реке Саладо. Она продолжалась восемь дней. На восьмой день защитник христианства Родерик неизвестно куда исчез. Может быть, он погиб в волнах Саладо; на этой речке нашли его диадему и видели его боевого коня. Вестготское королевство пало, и мусульмане распространились по всему полуострову. Они легко взяли Мериду, Кордову, Толедо и Севилью.

Они имели стремление пройти в Галлию, но здесь движение их было остановлено.

4. Каролинги в Галлии и Италии

Когда Хлотарь II, потомок Фредегонды, соединил в одно государство в начале VII в. всю Галлию, то он прежде всего поспешил умертвить Брунгильду, которая была выдана своими придворными, а именно двумя австразийскими вельможами, Арнульфом и Пипином. Трагическая гибель Брунгильды возвысила дом Арнульфа. Таким образом, первые исторические сведения о представителях этого громкого рода были очень печальные.

По имени знаменитого представителя этого дома, императора Карла Великого, династию Арнульфа называют Каролингами или Карловингами. Впоследствии льстецы производили Каролингов от одного римского senatorского рода, но эта натянутая и ходульная генеалогия ничего никому не доказала.

Государство Хлотаря II не было, строго говоря, единым. Королем он был в Нейстрии; ему непосредственно повиновалась за-

¹ *Conde* производит название пролива от горы Победы, или Вступления, как был переименован возвышенный мыс африканского берега, с которого производилась переправа... «en honor suyo y para perpetua memoria se llamo Gebal Taric o monte de Taric, y tambien monte de la Victoria o Entrada». Dom. de los Arabes, p. 15.

падная часть Галлии и Аквитания. В Австразии был посажен на престол при жизни отца его старший сын, Дагоберт. Бургундия волновалась все время. Но когда Хлотарь II умер в 629 г., то сын его Дагоберт действительно объединил всю Галлию; он был последним из самостоятельных Меровингов.

Власть палатных мэров, или майордомов. Затем начинается период так называемых «ленивых Меровингов», номинальных королей. Дагоберт почувствовал себя настолько сильным, что решился отнять у духовенства значительную часть церковных и монастырских имений, пожертвованных прежними королями, в пользу государственной казны. Это вызвало ненависть к Меровингам и повредило судьбам этого дома. До сих пор галльское духовенство жило в тесной дружбе с франкскими королями, которые, будучи варварами, покровительствовали духовенству. Теперь духовенство соединилось с вельможами против королевской власти, и ее погибель стала неизбежна. Тот же Дагоберт, передавая Австразию своему сыну, по установленному обычаю, назначил регентом и опекуном главное должностное лицо, именно палатного мэра Пипина Ланденского. Этот палатный мэр иначе назывался майордомом.

Обязанности палатных мэров при Меровингах соответствовали обязанностям министра двора в современных монархических государствах. Они заведовали придворными королевскими чиновниками и даже наблюдали за хозяйством кунина. Домашним хозяйством руководила непосредственно супруга кунина; по германскому обычаю жена была главной распорядительницей дома; власть королевы в этих пределах была безгранична. Следовательно, майордомы имели много сношений с королевой, а это было особенно важно тогда, когда королевы были в то же время правительницами за своих малолетних детей. Первыми лицами в государстве должны были явиться майордомы. За неимением совершеннолетнего короля, майордомам очень часто приходилось председательствовать в королевском суде и даже предводительствовать войском на войне. Эти обязанности могли за ними остаться и тогда, когда король вырос, хотя такие должности по существу были вне их юрисдикции. Мало-помалу общество свыклось с этими наместниками; с ними народ сталкивался чаще, чем с самим королем. В их руках была сила. Обычно они избирались из королевских чиновников и стояли во главе их. Майордом стал своего рода царьком.

Скоро право назначения на эту должность ускользнуло из королевских рук и перешло к свободным гражданам, к народу. Поэтому-то в памятниках мы находим такие выражения: «*Omnes Austrasiaci majorem domus elegerunt*»¹. Это выражение ясно показывает, что впоследствии должность майордома стала избираемой и вместе с тем служила орудием аристократии.

Затем в следующий период эта власть, раз попав в руки сильного дома, осталась навсегда за ним и сделалась наследственной. Таким домом были Каролинги. Мы упомянули об Арнульфе. Сын его Ансегизил женился на дочери Пипина Ланденского, Берте, или точнее Бегги; от этого брака ведет свое происхождение знаменитый род. Надо заметить, что Арнульф воспитал сына Хлотаря II, Дагоберта. Его сын управлял Австразией при жизни отца, а после него захватил власть Пипин Ланденский. Но когда Пипин умер, то сын его Гримоальд силой овладел майордомством в Австразии. Нейстрией и Бургундией управляли свои палатные мэры.

Когда Гримоальд овладел Австразией, то он стал сильнее тамошнего короля Сигберта III; он даже осмелился постричь в монахи сына короля. Оказалось, что эта первая попытка свергнуть законного властителя была преждевременна; она была сделана целым веком раньше. Гримоальд был схвачен австразийскими вельможами и погиб в тюрьме. Свое дело и политическое влияние он завещал своему племяннику, внуку Арнульфа и Пипина, сыну Ансегизила, Пипину, прозванному Геристальским. Но юноше было трудно заместить отца. Тогда, по следам Арнульфа и Гримоальда, действовавших в Австразии, стали добиваться господства и другие честолюбцы. Таковым лицом был другой майордом, франк Эброин, получивший власть в Нейстрии. Это был человек отважный и предприимчивый. Он был близок к эшафоту, сидел несколько раз в тюрьмах, но в промежутках успел захватить неограниченную власть в государстве. Он был выбран вельможами в опекуны нейстрийского короля Хлотаря III.

До сих пор майордомы были орудием аристократии. Эброин решил бороться с ней. Его власть при Хлотаре III признавалась почти по всей Галлии. Впервые мы застаем полное господство палатного мэра; он убивает парижских и лионских епископов. Но самым сильным врагом его был епископ Отенский Легерий. Борьба с ловким епископом была Эброину не под силу.

¹ Избранный майордом всей Австразии. — *Прим. ред.*

После смерти Хлотаря III Эброин долго не мог удержать за собой власть и едва сохранил жизнь. Его сменил Отенский епископ, но ненадолго. Но на этот раз одержал верх Эброин. За ним и епископ попал в ту же тюрьму, где Легерий держал раньше Эброина. Оба временщика заключили союз, чтобы в скором времени опять рассориться. Легерий был замучен в тюрьме, за что и причислен к лику святых.

Пипин Геристальский (687—764). Эброин сделался полновластным властителем Нейстрии и Бургундии. Он вступил в борьбу с австразийцами, где правил тогда Пипин, который в отличие от деда именуется по своим доменам Геристальским. Эброин победил Пипина, но вскоре был изменнически убит. Расчистив дорогу Пипину, он, таким образом, невольно сам положил начало его господству. В личных достоинствах Пипина заключается объяснение могущества этой династии, умевшей из хаоса создать порядок государственный и общественный. Пипин остался без соперников, собрал свои силы и разбил австразийцев в битве при Тестри на реке Сомме в 681 г. Их король бежал, и в свою очередь Пипин стал править именем короля. Пипин не ограничился званием палатного мэра, назвал себя «*Dux et princeps Francorum*»¹, и с тех пор Галлия уже не разделялась.

Теперь роль короля Меровинга сделалась ничтожной. Король не принимает более участия в делах. Королю давалось жалованье, впрочем, весьма ограниченное. Он жил в своих поместьях, охотился и получал все готовое. Когда наступал день суда (*Mallberg*), то пара волов привозила этого заросшего волосами короля, с длиннейшей бородой, которой он не хотел лишаться, как единственного воспоминания о прежнем достоинстве. Его одевали, сажали в золотое кресло и заставляли председательствовать. Он был доволен уже тем, что его не стригли, ибо, по германскому обычаю, давать кому-либо брить бороду и стричь волосы значило подпасть под опеку того лица, которое совершало эту операцию. Король для видимости принимал послов, получал подарки, но все это делал по предварительному приказанию своего господина и министра, Пипина.

Старинная хроника города Меца говорит про Пипина следующее: «Каждый год 1 марта по древнему обычаю он созывал фран-

¹ Герцог и принцепс франков. — Прим. ред.

ков на всеобщее собрание, в котором, при уважении Пипина к королевскому имени, предоставлял председательство тому, кого Пипин в своем унижении и в своей кротости поставил выше себя, т. е. королю». Хроника из Меца оставила нам точное описание этих заседаний¹. На этих собраниях принимались от всех франкских вельмож жалобы; там рассуждали о мире, защите церквей, вдов, сирот; определяли наказания за похищения и поджоги; отдавали приказания военным людям быть наготове. Затем короля с почетной свитой отвозили домой; палатные мэры начинали хозяйничать. Пипину приходилось почти после каждой сессии воевать с фризами, баварами и алеманнами. Тогда же среди этих покоренных народов, оказавших последнее сопротивление во имя умиравшей национальной независимости, с успехом распространялось христианство, благодаря оружию Пипина; за его мечом шел монах с крестом. Он правил 27 лет и умер в 714 г. За неутомимую деятельность он заслужил историческую славу своему дому. Четыре меровингских короля прошли мимо него, оставив только свои имена.

Карл Мартелл (710—741). После его смерти мы наблюдаем междоусобицы не в королевском доме, о котором уже не упоминается, а в его собственном семействе. Летопись говорит о ссоре его детей. Пипин оставил внука от жены и сына Карла от наложницы. Другой законный сын Гримоальд был убит одним воином в церкви незадолго до кончины отца. Пипин больше любил внука, чем незаконного сына, вследствие чего обошел Карла, получившего после громкое прозвище Мартелл (молот) за свои счастливые и важные для христианства победы. Но Карл благодаря своей предприимчивости и военным способностям сам пробил себе дорогу. Между тем государство после смерти Пипина грозило разделиться. В 716 г. Карл бежал из тюрьмы, в которой держали его после смерти отца; он набрал дружину из австразийцев и одолел фризов. Затем, будучи провозглашен палатным мэром Австразии, Карл бросился на Нейстрию и настоял на признании своего принципатства и в этой части Галлии. В 720 г. он вновь объединяет Галлию и принимает титул *dux Francorum*. После битвы при Суассоне Нейстрия и Австразия должны были признать Карла вождем (*dux*) и принцепсом франков, хотя Меровинги

¹ Pertz, I, 314.

винг продолжал именовать себя королем, оставаясь при своем пустом титуле.

Карлу приходилось часто бороться с внешними врагами, а для того, чтобы воевать, нужна была дружина, а чтобы иметь дружину, ей следовало давать земли, которые, к сожалению, были уже розданы Пипином и даже его предшественниками. Теперь оставалось только церковное имущество. Ввиду крайней необходимости пришлось раздавать не только церковные поместья, но и епископские кафедры. Впоследствии высшие духовные лица избирались из родственников Пипина. Например, архиепископства Реймса и Трира получил один антрустион. Интересно было видеть службу этого безграмотного антрустиона, с кольцом на пальце и епископским жезлом в руке. Все антрустионы были безграмотны; все они лучше владели мечом, чем крестом; так и новый архиепископ скоро прославился как отличный воин. Германские вожди с женами и наложницами занимали епископские дворцы, надевая поверх брони церковное одеяние. Это-то обстоятельство побудило епископа Реймса сожалеть, что христианская религия была совершенно уничтожена в пределах Галлии и Германии. Действительно, впечатление, которое вызвали эти воинственные епископы, было невыгодно для авторитета церкви. Но тот же Карл, который был невольной причиной этого, явился героическим защитником церкви и европейской цивилизации от новых врагов, которые были страшнее германцев. То были арабы, которые заняли всю Испанию и теперь угрожали Галлии. В борьбе с ними Карл недаром получил впоследствии имя молота, Мартелла.

Тогда арабы под зелеными знаменами Мухаммеда перешли Геркулесовы столбы. Сарацины, как их стали называть в Европе от испорченного арабского слова «шаркийюн», что значит «восточный», — эти сарацины показали в пределах Галлии еще в 721 г. Они уже тогда опустошили Аквитанию. Надо заметить, что герцог Аквитании находился во враждебных отношениях с Карлом, который хотел сделать его своим вассалом. В то время, как сарацины врывались с юга, с севера шел король. Эвдон, герцог аквитанский, был между двух огней, но он не хотел покориться Карлу и предпочел бороться с ним, а не с мусульманами. Когда испанские арабы осадили Тулузу, тогда герцог опомнился; Карл забыл свои личные счеты. Оба они появились в Тулузе, уже погибавшей, окружили арабов и прогнали. Но через четыре года

арабы явились в большем числе под предводительством Абд-эль-Рахмана. Они овладели уже южной Галлией и крепко засели в Нарбоне, которую сделали базой своих военных операций. Из Нарбона они могли делать далекие набеги, врываются в самое сердце Галлии и здесь жгли христианские храмы.

Битва при Пуатье в 732 г. Но в 732 г. сарацины повели дело в Аквитании еще решительнее. Абд-эль-Рахман взял и сжег Бордо. Ранее гордый герцог не позволял себе просить помощи у Карла. Наконец, он осознал свое бессилие и понял, что ему нельзя без помощи Меровингов. Теперь, видя зарево пожара, испепелившего Бордо, видя с треском разрушающиеся храмы, Эвдон кинулся с просьбой о помощи к Карлу. Он признал себя его антрусионом, и франки под знаменами Карла появились в пределах Аквитании. Арабы стояли у Пуатье, и франки пошли на них. В рядах франков были, вероятно, в значительном числе галло-римские воины; у мусульман же было страшное разноязычие¹. Первая битва, в которой христианство сражалось с мусульманством, произошла в октябре 732 г. Шесть дней сражались враждебные армии. Битва была отчаянная. Обе стороны знали, за что они боролись. Крест победил, преградив как бы навсегда дальнейшее вторжение мусульман в Галлию. Арабы бежали. Не только Галлия была спасена на этот раз, но и вся Европа, которой они грозили порабощением. Впоследствии, через сто лет, они ворвались в Европу с другой стороны, но и тут европейские силы сломили храбрость мусульман. Этой героической победой Карл усилил свое влияние не только в Галлии, но и во всей Европе. Папа Григорий III умоляет его о помощи против лангобардов, обещая сбросить с себя номинальную зависимость от византийского императора. Но Карл Мартелл не успел или не пожелал вмешаться в широкие интересы западной политики.

Умирая, он отдал своему сыну Карломану Париж, Пипину — Нейстрию, Бургундию, Аквитанию и Прованс, а третьему, малолетнему Грифону, — небольшие уделы. В Нейстрии вельможи вытащили на сцену Меровинга, против его воли. Карломан и Пипин, настоящие властители, обещали повиновение длиннородому королю. Но когда Карломан, после счастливых войн, постригся в монахи, а Пипин остался единственным властителем

¹ *Dozy. Recherches sur l'histoire des musulmans en Espagne.*

Галлии, то он не захотел оставаться палатным мэром и в 751 г., с согласия папы, провозгласил себя не *dux*, а *rex Francorum*, королем объединенной Галлии.

Пипин Короткий. После удаления Карломана в монастырь, рассказывают анналы Лоршского монастыря, датированные 750 г., Вюрцбургский епископ и капеллан Фольрад были отправлены в Рим к папе для того, чтобы совещаться с ним относительно королей франкских, которые только носили титул, но не имели власти. Первосвященник отвечал через посланных, что лучше называться королем тому, у кого в руках верховная власть и, дав свое полномочие, повелел помазать Пипина королем. Он был помазан и возведен на престол в городе Суассоне. Хильдерик же, носивший королевский титул, пострижении головы, был отправлен в монастырь. То же повторяет известный Эйнгард в своей хронике¹. В других летописях очень мало подробностей об этом важном факте. Так, в одной из них указывается, что франки свергли своего короля, по совету послов и папы Захария II, а по другим, будто, Пипина поставили прямо по приказанию последнего. Это случилось в 751 г.

Мы сказали, что папы питали симпатии к палатным мэрам Галлии и что Григорий II то же самое предлагал несколькими годами раньше Карлу Мартеллу. Естественно, что в Риме рассчитывали извлечь пользу для папства и Италии из франкского могущества. В государственных актах еще прежде говорилось в заголовках: *regnante rege N, gubernante N majore domus*; следовательно, власть принадлежала не королям, а майордомам. Но в обстоятельствах государственного переворота важна, собственно, другая сторона. Папы, как мы увидим, будут изъявлять желание располагать западными престолами, хотя в действительности на этих полудиких людей римский первосвященник не мог оказывать в данное время решительного влияния. Своим успехом дом Каролингов обязан самому себе. Гизо не придает значения личности и усматривает какое-то новое австразийское движение среди франков наряду с ослаблением местного галло-римского элемента.

¹ *Eingard. Annales*, a. 749 (ошибочно), Эйнгард копировал (до 788 г.) — «*Annales Laureshamenses*». Помещено у *Pertz*, I, 22—39. Ср. «*Annales Mettenses*» под тем же годом (там же, 316—336), где этот факт даже игнорируется.

В той же летописи, которую мы цитировали, в 753 г. записано: «К королю Пипину прибыл в Кьерси папа Стефан, умоляя короля защитить его и церковь римскую от враждебных действий лангобардов. Явился туда и Карломан, брат короля, для того, чтобы, по приказанию своего аббата, противодействовать просьбам римского святителя. Он был послан от лангобардского короля, который думал отговорить Пипина от похода с помощью его брата». Карломан жил в Южной Италии, в Монтекассинском монастыре и, находясь там, естественно, должен был исполнить просьбу лангобардского властителя. Полагают, однако, что Карломан поступил так против своей воли, потому что не смел противиться приказанию своего аббата, да и аббат не дерзал противиться настоянию короля лангобардов, от которого он получил точные приказания.

Отношения Пипина с папами. Известно, что лангобарды были тогда обращены в католичество, но это не привело к хорошим отношениям между Равенной, которую тем временем завоевали лангобардские короли, и Римом. Между обеими властями возникла взаимная ревность и недоверие. Всякое усиление лангобардских государей влекло подчинение римского епископа. Католичество оказалось тут ни при чем. Когда византийские императоры впали в иконоборчество, то папа посчитал себя единственным хранителем истинной веры. Между тем папы нигде, за исключением Англии и Германии, не встречали себе защитников. Особенно невыгодным было их положение среди итальянского духовенства, которое позабывало духовный авторитет римского первосвященника. Папам невыгодно было постоянное покровительство и влияние лангобардов; им требовался покровитель отдаленный, который не мог бы постоянно напоминать им о своих благодеяниях. Такого покровителя они нашли в лице короля франков. Когда лангобарды, под предводительством своего короля, овладели всем равеннским экзархатом и городом Римом, то в 752 г. папа Стефан II, преемник Захария, пробовал сначала обратиться в Константинополь, к своему номинальному императору. Встретив там равнодушие и бессилие, он обратил свой взор на Пипина, который сразу же сочувственно отнесся к просьбе римского первосвященника. За это папа помазал обоих его сыновей, Карла и Карломана святым миром. К походу франки приготовились быстро. Предлогом к войне Пипин выставлял интересы римского епископата. Он должен заставить короля лангобардов ува-

жать святой римский престол. Когда Пипин вступил в Италию в 755 г., лангобарды оказали сопротивление; они перекрыли все горные проходы в Италию. Битва произошла в самых ущельях гор. Лангобарды отступили, а франки устремились потоком в Италию. Айстульф, король лангобардский, был осажден Пипином в Павии. Осада не снималась до тех пор, пока Пипин не получил сорок заложников в удостоверение того, что Айстульф исполнит все должное по отношению к папе. Пипин возвратился и дал папе для охраны в виде почетной стражи отряд франков. Он на этот раз не входил в Рим. Конечно, Айстульф не исполнил обещанного. В 756 г. Пипин во второй раз должен был совершить поход в Италию. Теперь король франков потребовал большего. Айстульф уступил ему Равенну со всем экзархатом, — это было не более и не менее, как двадцать два города. Пипин со своей стороны передал взятые города Св. Петру, как сказано в летописи: *tradidit sancto Petro*.

Вскоре после этого Айстульф умер. Лангобардским королем был избран его приближенный, маршал Дезидерий. Конец жизни Пипина прошел в войнах с саксами, баварцами и Вайфаром, герцогом аквитанским. Тогда Аквитания то признавала франкскую власть, то снова отпадала. Наконец, ему удалось вытеснить арабов из Аквитании и подчинить себе опорный пункт арабов в Галлии, Нарбон.

Франкская монархия была тогда сильной и могущественной, потому что Пипин был не только воином, но и законодателем. Весьма важно его распоряжение относительно церквей и духовенства. Близкие связи с папой придали Пипину авторитет в глазах духовенства. Пипин старался дать высокое общественное положение священникам; он поставил их наравне с герцогами и графами. Постановления церковных канонов относительно браков, разводов и т. п. приобрели силу государственных законов. Германский брак уступил место христианскому, церковному. Вообще франкская монархия с этого времени начинает принимать правильную административную и судебную организацию, доведенную до совершенства Карлом Великим.

5. Карл Великий

Пипин имел двух сыновей, Карла и Карломана. В завещании на случай смерти он разделил государство на две части, но уже не по прежней федеративной системе. Пипин разделил королевство по-своему. Вся юго-восточную часть, т. е. Бургундию с Про-

вансом (*Provincia*), Готию (Септиманию, Нарбонию), Эльзас (*Alsatia*) и всю Алеманнию он отдал младшему сыну Карломану. Карлу досталось все остальное.

Значение личности Карла Великого. Когда Пипин умер в 768 г. в Сен-Дени, Карлу было 26 лет. В нем готовился для истории один из ее величайших деятелей. В нем как бы воплотилась идея и потребность прочной государственной организации, которая нашла в Карле своего лучшего выразителя. Вся жизнь его была посвящена водворению порядка и созиданию новых государственных начал. Редко кто в такой степени имеет право на титул «Великого». Известно, что славянские народы самое понятие о власти сочетали с его именем. Слово «король» ведет свое происхождение от имени великого франка. Французы, называя его *Charlemagne* (Шарлемань), даже до сих пор не отделяют от его имени титул Великого. Таково было влияние этого воинственного франка на тогдашний исторический мир. В крови Карла осталось много варварских инстинктов, но силой воли он всегда мог подавлять их. Карл не избегал образования, а напротив, стремился и в духовной области достигнуть всего возможного. Как бы ни был пристрастен Эйнгард, мы можем иметь верное представление о деятельности Карла. Для историка важно уже то, что в каком-то полумифическом виде говорят о Карле одинаково немецкие, романские и арабские сказания. Не одни богатырские военные подвиги определили его славу, хотя Эйнгард и замечает, что ростом он был выше сажени, а хроника Дионисия с апломбом толкует при этом об огромной силе Карла, о страшных ударах его меча, носившего особое имя. Дело не в этом, и, очевидно, не в такого рода подвигах должно искать обаяния имени Карла. Богатырей-королей было много в средние века; но одна боевая сила не могла произвести обаяния.

Объяснение его величия надо искать в умении сплотить законодательной деятельностью разрозненные и, казалось, несоединимые части, и в том организаторском духе, который повсюду приносил этот человек. Он служил не только государству, но посвятил себя распространению и расширению христианства. Он, по летописям современников и по народным сказаниям, был прежде всего борец за Христа, гроза мусульман и язычников. Все сорок шесть лет своего царствования Карл вел войны из года в год, не уставая; но каждая из этих войн, за исключением итальянской,

имела единую идею — дать торжество христианству. Карл не только водворил прочно христианство в его римской форме, но он уничтожил навсегда возможность языческой реакции. Вот где скрываются причины его исторического обаяния.

Карлу Великому суждено было приступить к исторической деятельности с ясно сознанными силами и намерениями. Потому он никогда не колебался в выборе средств и видел впереди себя всегда одну неизменную цель. С первых же дней власти, когда он ею должен был делиться с восемнадцатилетним Карломаном, он заботился об издании законов, касающихся преследования непокорных вассалов, уверяя папу в своей готовности служить его делу. Мать его, Бертрана, развела сына с прежней женой и женила его на дочери лангобардского короля Дезидерия. Это было сделано по интригам, имевшим источник в Италии, для того, чтобы прекратить раздор между двумя народами. Участие в этом деле принимал и Карломан.

Папа Стефан III не сочувствовал этому замыслу. Он не мог допустить примирения двух соперников, вражда которых была так необходима для него. В случае их примирения римский первосвященник становился жертвой лангобардов и простым епископом Рима. Папа удивлялся в своем послании столь необдуманному союзу Карла; он писал ему, что изумлен его родственным союзом «с коварным, ужасным и зловонным народом лангобардов, которые не могут даже считаться народом, которые прокляты Богом и внесли в мир неправду». Далее он напоминал Карлу, что отец его завещал ему считать врагов Св. Петра своими собственными врагами.

Впрочем, испуг папы был напрасен: Карлу надоела Дезидерия. Он развелся с ней с легкостью, когда ему понравилась другая женщина, отправив Дезидерию к ее отцу в Италию. Понятно, как усилилась вследствие этого вражда к франкам со стороны лангобардского короля. Он стал поддерживать права на франкский престол двух малолетних детей Карломана.

Войны с саксами-язычниками. Сначала Карл был отвлечен саксонской войной. Надо заметить, что войны, которые вел Карл Великий, не походили на прежние, предпринимаемые с исключительной целью грабежа. Это были войны систематические, обдуманные в широком смысле этого слова, предписанные известной необходимостью. Саксы и славяне, как неисправимые язык-

ники в глазах христианина Карла, заслуживали истребления. Саксы и прежде были в постоянных войнах с франками, но при Карле эта вражда приняла религиозный, а потому и фанатический характер. Вместе с язычеством саксы сохранили много старины. Они еще помнили Одина и не признавали короля. Их защищали храбрые вожди. Они делились на три народа, а каждый народ — на три кастовых сословия; у них не было раздела земель. Вестфалы жили на левом берегу Везера, остфалы на нижней Эльбе, а энгры на север от них. Пользуясь прежней слабостью франкского государства, вестфалы подошли к берегам Рейна и грозили Австразии и Кельну. Где только они появлялись, там исчезали всякие следы христианства.

Против них счел своим долгом выступить Карл. Эта война увлекла Карла далеко от галльских пределов; она ввела в круг франкской политики всю среднюю и даже часть Восточной Европы. В 772 г. Карл пошел на столицу саксов, Эресбург. На высокой горе, где был построен замок, в вековой дубраве, стояло знаменитое древнее капище с идолом Ирмансула. Это было недалеко от знаменитого Тевтобургского леса, где, как известно, были некогда истреблены римские легионы. По преданию, в память этой победы в капище Ирмансулы хранился каменный столб, памятник торжества Арминия над римлянами. Франки овладели Эресбургом и три дня жгли капище со священным лесом. Но до победы было еще далеко. Испуганные саксы заключили мир с тем, чтобы снова начать войну. Франкам предстояло сделать еще семнадцать походов в Саксонию; война тянулась тридцать три года (772—804), при сильнейшем ожесточении с обеих сторон. «Трудно исчислить, — говорит Эйнгарт, — сколько раз побежденные саксы со слезами просили мира и сколько раз с поспешностью они нарушали свое слово; вообще трудно решить, к какой религии они имели более склонности — к злым ли духам или ко Христу. Не проходило года со времени объявления войны, чтобы саксы не успевали обнаруживать своего непостоянства»¹.

Конечно, саксы, обещая креститься, исполняли условия мира только для вида. Затем вспыхивал прежний фанатизм; католические священники обращались в бегство, а христианские храмы

¹ «...ut etiam cultum daemonnum dimittere et christianae religioni se subdere velle promitterent...» (Eginhardus. Vita Caroli Magni).

горели. Укрепления, построенные Карлом, не могли сдерживать восстания.

Во главе оппозиции стоял Видукинд; он был душой, борцом умиравшей языческой Германии. После десяти лет борьбы он не покорился Карлу. В Дании и Скандинавии у него всегда были покровители. Карл не мог занимать пределов Саксонии большими силами, и, лишь только он удалялся, как снова вспыхивало восстание. Карл и его вожди никогда не могли отыскать своего противника; он всегда успевал скрыться. Раз саксы в 882 г., изъявив внешнюю покорность, изменнически разбили войско, проходившее по их стране; скоро повсюду запылали церкви. Тогда Карл снова явился в Саксонию; он обдумал страшную месть. Видукинд бежал, саксы были разбиты. Карл вытребовал зачинщиков, и четыре с половиной тысячи голов скатились с эшафота в один день. Но и эта жестокость не отстранила дальнейшего движения. Правда, в 785 г. Видукинд сам явился к Карлу с покорностью и принял крещение; с ним крестились все саксы; но еще двадцать лет продолжалась война. Только в 806 г., когда десять тысяч саксов были высланы Карлом с берегов Эльбы в Галлию, тогда только саксы, «отказавшись окончательно от злых духов, приняли христианство и составили один народ с франками»¹.

Надо удивляться изворотливости Карла. Он поспевал всюду: бил саксов, шел на арабов, потом на славян. Последняя славянская война, по Эйнгарду, относится в 789 г. Интересна XII глава в «Жизни Карла Великого» Эйнгарда, где этот повествователь говорит о славянах: «*Sclavi* по-нашему называются *Vilzi*, а по-своему, по-славянски, *Welatabi*. В походе против них вместе с другими народами следовали также и саксы в качестве союзников, хотя они приворялись в своем расположении, потому что ободриты оскорбляли их набегами, от которых не могли быть удерживаемы одними приказаниями. От западного океана на восток тянется залив; длина его неизвестна, а ширина не превышает нигде ста тысяч шагов (здесь имеется в виду Балтийское море). Тут, по берегам этого залива, живет много народов: даны, свеоны, которых мы называем норманнами. Они занимают северные берега и все принадлежащие к нему острова. Но восточные берега (очевидно, юго-восточные и

¹ «...et Francis adunati, unus cum eis populus efficerentur...» (*Eginhardus, Vita Coroli Magni*).

южные) населяют славяне, аисты (т. е. эсты, о которых упоминает Тацит), а также и другие различные народы. Между ними первое место занимают велатабы, которым в то время король объявил войну». За один поход Карл так укротил славян, что в другой раз они не считали удобным при его жизни поднимать восстание.

Под конец своего царствования Карлу снова пришлось вести войну. Он совершил поход в Паннонию, где жили остатки гуннов и аваров. Может быть, там укрывались саксы и славяне, находя себе ресурсы для войны против Карла. Эта война продолжалась восемь лет. Франки произвели здесь страшные опустошения. Эйнгард говорит, что в эту войну в Паннонии не осталось ни одного человека, а места, где стояли шатры кагана, превратились в пустыню. Ни одна война не окупалась так блистательно. В шатре кагана франки нашли несметные богатства, накопленные веками. «До того времени, — говорит Эйнгард в XIII главе, — франки считались бедными, а теперь обогатились. Во дворце кагана они приобрели столько золота и серебра, как никогда прежде, и то, что те незаконными войнами добыли от других народов, по справедливости (!) досталось франкам».

Отношения Карла Великого с Римом. Для средневековой истории самое существенное значение имеют отношения Карла Великого к Италии вообще и к папскому престолу в особенности. Распоряжения Пипина, сделанные в Италии, не были уважены в свое время. Дезидерий нарушил договор, Адриан VI просил помощи могущественного Карла.

Окончив первую саксонскую войну, Карл в 773 г. двинулся на защиту папы. Дезидерий ждал его по обыкновению в альпийских проходах, через которые было трудно пройти. Но, вероятно, в рядах его войска была посеяна интрига и измена. Дезидерий потерял присутствие духа и, очистив проходы, отступил в Северную Италию. Он сам заперся в Павии, по примеру прежних лет, а его сын в Вероне. Павия держалась почти целый год; но Верона сдалась несколько раньше. Сын его успел бежать в Византию, но Дезидерий, последний король лангобардов, попал в руки Карла. Развенчанный властитель вместе со своим семейством был увезен на север Галлии, где кончил жизнь в темнице.

Казалось, настало господство римской курии, но только на первое время. Карл не был из числа таких властителей, которые бы делились своей властью. В 773 г. Карл явился в Рим, подтвер-

дил папе дарственную запись Пипина, т. е. передал ему двадцать два города, а остальную часть взял себе под названием герцогства лангобардского. Следует, однако, отметить, что Лангобардское герцогство в Средней и Южной Италии удержало свою самостоятельность; большая же часть северных итальянских городов попала под владычество духовных и светских сеньоров. Последние поспешили изъявить покорность Карлу и принесли ему присягу.

Карлу несколько раз приходилось устраивать итальянские дела, но он никогда не хотел усиления светской власти пап. В сущности Карл не прибавил папе ничего, кроме областей, назначенных его отцом. Между тем твердость франкской власти сказалась в Италии. Сам папа должен был обращаться к его суду при разбирательстве дела с архиепископом равеннским, а равно и при столкновении с франкскими вассалами, которые старались упрочить власть своего государя на полуострове. В сущности, Карл был пока римским патрицием в Италии, т. е. наместником византийского императора, титулярные права которого еще не прекратились. Но сами обстоятельства уже складывались так, что фактическая власть переходила к тому, кто имел ее в руках, а не к тому, кто претендовал на нее по историческому праву. Когда преемник Адриана, Лев III, был захвачен и изуродован противной партией, то он должен был обратиться в Ахен за помощью к Карлу. На Византию папа не мог надеяться; с ней Рим разошелся уже давно. Там власть была в руках женщины, императрицы Ирины, которая была поглощена умиротворением империи.

Неизвестно, что произошло в Ахене между Карлом и папой. Эйнгард благоразумно об этом умалчивает. Надо полагать, что все последовавшее затем было результатом свидания Карла с папой. Вероятно, Карл обещал водворить беглого папу снова в Риме, взамен чего Лев III должен был провозгласить Карла Римским императором. То, что папа не желал усиления новой франкской государственной власти в Италии, что он не радовался появлению на полуострове франкских вассалов, с которыми он должен был сноситься не как с подданными, а как с равными, — ясно без объяснений. Для него была выгоднее призрачная власть византийского императора. Влияние же такого энергичного человека, каков был Карл, без сомнения, было опасно для римского первосвященника. Тот государь, который даровал римскому народу двадцать два города, мог во всякое время отнять их и, кроме того, влиять на самую судьбу папского престола.

Коронация Карла императорской короной 25 декабря 800 г. Мы не находим у Эйнгарда подробностей о том, как свершилось величайшее историческое событие того времени. Имеется в виду коронация Карла императорской короной. На зиму 800 г. король поехал в Рим, чтобы защитить папу Льва III, которому его враги выкололи глаза и урезали язык. В Риме он получил приятный подарок от своего друга и учителя Алкуина — исправленные и переплетенные рукописи Священного Писания. В письме, которое сопровождало подарок и которое было доставлено сыном Карла, Пипином, Алкуин впервые величает Карла императором (*imperialis potentia*). Значит, при дворе Карла знали заранее, что король будет провозглашен императором. Самый обряд совершился как бы внезапно, 25 декабря 800 г., в церкви Св. Петра в Риме, тогда еще деревянной и невзрачной. Карл будто избегал коронации. Если бы он знал намерение первосвященника, то не пошел бы в церковь к обедне, несмотря на торжественность праздника. Этому, конечно, трудно поверить. Папа во время литургии возложил на Карла драгоценную императорскую корону. Хор запел: «Карлу Августу, рукою Божьею венчанному, и миротворному императору Римскому, жизнь и победа!» Папа тогда пал ниц к ногам императора и совершил над ним и над сыном его Пипином таинство миропомазания. Так как, по убеждению германского народа, с представлением об императоре было соединено представление об обладании целым римским миром, то и Карл отныне смотрит на себя, как на представителя светской и духовной власти. Действительно, Карл Великий умел всегда держать духовную власть в зависимых отношениях: он считал ее своим орудием. На другой же день после коронации ясно обозначилось, что папа без императора не имеет значения. Сами папы должны были склониться перед новой силой, которую они же увенчали. Замыслы Карла были велики. После того как он, с принятием императорского титула, стал во враждебные отношения к Византии, ему приходили на ум мысли о судьбах Востока, о возможности единения всего исторического мира. Но его ум был достаточно трезвым и глубоким, чтобы сдерживать свои порывы.

Он не почил на лаврах, достигнув такого величия; он считал своим призванием жизнь труженика. Относительно учреждений франкской монархии, к которым мы переходим, можно сказать, что все здесь — дело его рук; весь хаос, царствовавший до него, он привел в порядок.

Государственные учреждения монархии Карла Великого. Юрисдикция германского кунинга издавна была обширна. Он был источником не только правосудия и управления; он вместе с сеньорами издавал законы. Правильный государственный строй требует неперменного обязательного раздела властей. В начале средних веков, конечно, не знали такого разделения. Это значение древнегерманской власти отразилось в дальнейших судьбах средних веков. Вообще в средние века никогда не доходили до необходимости строгого разделения власти; таковой принцип осуществился на практике лишь в начале новой истории, и то только в Англии. В отдаленное же время, напротив, король должен был один заботиться о мире в государстве; потому суд и расправа тогда были предметами его исключительной деятельности.

Это высшее право повеления и запрещения — то, что римляне называли *imperium*, — германцы определили термином *Bann*. Всякий, кто не повиновался королю, подпадал его *Bann* и наказывался не чем иным, как более или менее значительной денежной вирой, пеней (*Wehrgeld*). Вся означенная сумма власти короля распадается с течением времени на две ветви: власть военную (*Heerbann*) и гражданскую (*Gerichtsbann*). Король управлял государством при содействии окружающих его сановников, которых он назначал из числа своих вассалов. Таким образом, придворная служба в то время совпадает с государственной, военной и гражданской. При древних кунингах формируются новые чины: они образовались под влиянием Византии, которая незримо, будучи наследием Рима, охватывала собою германские понятия. В германских государствах долго признавался верховный принципиальный авторитет византийского императора. Эти чины были: *cubicularius* (спальник) или *camerarius*, *marescalcus* или *comes stabuli* (маршал), *senescalcus*, *buticularius* (мундшенк), *venator* (егермейстер), *falconarius* (сокольник). В некоторых странах эти чины существуют до сих пор¹ и играют важную роль; тем более извинительно было в древнее время кунингам поручать своим спальникам отправление государственных должностей.

Переходим теперь непосредственно к государственным должностным лицам; это были *comes palatii* (впоследствии пфальцграф, палатин, который был первым сановником в государстве).

¹ Восьмидесятые годы XIX в. — Прим. ред.

Король занимался судопроизводством лично, особенно в важных делах, в случае апелляций; он требует к своему суду всякого, кто не исполняет решения низших инстанций и, конечно, властен изменять решения последних, ибо выше его суда ничего нет. Но король судит в присутствии своей *курии* (*curia regis, placitum palatii*), то есть при содействии пфальцграфов и других перечисленных придворных сановников, которые тогда назывались *comites palatii* и были помощниками короля в управлении его двором. Так как король не мог всегда и везде лично присутствовать в своих обширных владениях, то за него управляют герцоги (*heerzog, duces*), графы, вице-графы и маркграфы.

Графы. Любопытно определить значение всех этих должностных лиц и сановников. Центр тяжести административной приходился на графов; потому сперва следует остановиться на их юрисдикции.

Мы говорили, что древние германские общества делились на волости, где господствовала круговая порука и которые управлялись самостоятельно. Теперь, в эпоху королей, под влиянием римских и византийских понятий, волостями называются территории, управляемые наместниками короля, которые и назывались *графами, comites*; они не избирались, а назначались королем. В Галлии, где не было деления на волости, графствами сделались прежние городские округа. Граф, он же *judex fiscalis*, государственный судья был наместником и представителем короля в полном смысле слова, т. е. у себя в графстве имел точно такую же власть, какая принадлежала королю во всем государстве; недаром он назывался *сотрудником* — *comes*, помощником короля. Так как аллоды почти все превратились в королевские феодалы, то наблюдению графа подпадают все вассальные земли, потому что он здесь заменяет собою особу короля. Только самые богатые аллоды или феодалы составляли исключение; выйдя из подчинения графу, они повиновались непосредственно королю, и то на суде. Граф вершит у себя суд; он же исполняет приговоры; он заботится о безопасности общин, о порядке и благоустройстве графства; церкви, вдовы, сироты, бедные вверены его попечениям, ибо все эти учреждения и лица издревле находились под опекой короля (*in mundiburdio regis*).

Граф собирал подати и налоги с жителей, собирал доходы с застав (*portaticum*), мостов (*pontaticum*), дорог (*viaticum*), рек (*fluviatricum*); он отдавал деньги в королевскую казну, причем пред-

ставлял отчеты. Понятно, что у него был наибольший участок и более всего вассалов, потому что все обращались к нему с предложением коммендации. Но его власть была не над всеми; подобно королю, он должен был три раза в год созывать собрания из всех свободных людей графства и председательствовать на них.

Собрания и суды. Эти собрания назывались *placita generalia* и были очень многолюдны. Поэтому с течением времени большие собрания были заменены съездом главных землевладельцев графства. На этих собраниях граф предъявлял законы и постановления, сделанные общими государственными сеймами, о которых мы будем говорить далее; тут же он провозглашал и собственно от него исходящие административные и полицейские меры касательно местного управления страной. В этих делах собрание имело совещательный голос; решения принадлежали графу.

Что же делало это немое собрание? Оно судило... Из этих собраний образовались впоследствии так называемые ассизы и суд присяжных в Европе. Когда *placitum* собиралось для суда, то оно называлось *mallus comitis*, *Mallberg*, гора суда. Но следует отметить, что и в суде не все присутствовавшие принимали участие, т. е. имели право голоса; граф сам избирал из числа зажиточных помещиков заседателей, которые вместе с ним голосовали; эти присяжные назывались *boni homines*, добрые, т. е. опытные, искусные люди. Хотя здесь и коренится начало европейского института присяжных, но между обоими учреждениями есть существенное различие. Число прежних присяжных не было определено; они избирались в зависимости от важности и количества дел. Сперва они избирались только на время ассизов; потом их стали назначать в определенном количестве, семи и двенадцати человек. Со времен Карла Великого они назывались в Галлии *scabini* (*echèvins*), у немцев — *Schöffen*, у англосаксов — шерифы. Присяжные того времени отличаются и тем, что они не только определяли виновность или невиновность, но были и следователями и судьями; они назначали наказания под председательством графа, который в таких случаях имел одинаковое право голоса и которому поручалось внести дело и исполнить приговор. Так как иные дела нельзя было откладывать до созыва ассизов на несколько месяцев, то граф держал при себе постоянно малые ассизы.

Викарии, виконты. Подразделения графства назывались цененами, потому что прежде эти участки состояли из ста отдель-

ных семейств. Лица, управлявшие ими, назывались в Северной Галлии *vicarii*; в Южной Галлии, по-провансальски *viquiers*; у немцев — центграфы; и избирались они в своих округах при содействии графов. Викарии имели свои ассизы и свой суд присяжных, но разбирать могли только в уголовных делах мелкие преступления (приблизительно в пределах юрисдикции русских мировых судей) и небольшие претензии в делах гражданских. Более же важные дела передавались на графские ассизы; тут сам граф приезжал и председательствовал в местных ассизах; иногда он же присылал своих помощников. Помощники графа назывались вице-графами (*vicecomites*), отсюда французские виконты. Они назначались графом, причем брали на себя часть многочисленных обязанностей графа или получали отдельный участок; отсюда виконтства.

Что касается городских общин, то над ними наибольшее влияние сохранялось у епископов; авторитет последних основывался на их нравственном влиянии, на привычке к ним горожан; когда граф ездил, епископ постоянно сидел на месте. В Средней Галлии города большей частью считались епископскими и были в вассальных отношениях к королю. Эта возможность была привлекательной для духовенства. Большая часть духовенства охотно предпочитала светскую карьеру, управляя участками, верша суд, сражаясь; впоследствии светские обязанности смешались с духовными; это повело к порче, деморализации духовенства западной церкви. Вообще в то время духовные власти имели преобладающее значение, и если случалось, что один из замешанных в деле был духовным лицом, то или граф приглашал епископов, или они сами являлись без зова, причем всегда кто-нибудь из епископов председательствовал на суде.

Иммунитет. Мы упомянули о землях крупных феодалов, которые не хотели повиноваться королю и в своих владениях имели собственное управление. Такие земли назывались изъятими (*immunes*), а самый факт изъятия назывался *immunitas*. Права же, не подлежащие ведению графа, назывались иммунитетом. К числу изъятых земель принадлежали и непосредственные королевские домены, имевшие свое особенное управление. В разных графствах встречаются города, которые составляли частную собственность королевского фиска, сохраняя своих особых покровителей. Еще более было изъято церковных земель, которых

было так много в каждом графстве, что иногда они тянулись целыми полосами; жители их зависели только от своих церковных правителей и назывались *homines ecclesiastici*. Часто король предоставлял церквям средства взимать доходы вроде сбора с мостов, рек и т. п. Там был свой суд и своя полиция, свой *defensor* и *advocatus ecclesiae*, который у немцев назывался фохтом. Сперва этих защитников церквям давал сам король, но потом они избирались причтами из крупных соседних собственников. У фохта была такая же власть, как и у графа, с той единственной разницей, что на войне он с своими людьми становился под знамена графа, т. е. подчинялся ему. Так как канонические узаконения не позволяли церкви судить уголовные преступления и осуждать на смертную казнь, то адвокат спрашивал у короля особое право на это (*Blutbann*), т. е. право уголовной расправы, которое заключалось только в короле и только от него передавалось в другие руки. За свои услуги фохт получал какой-нибудь феодал от церкви или награждался одной третью денежной пени с подсудимых.

Власть герцогов. Выше графов, сделавшихся простыми королевскими сановниками, стояли герцоги. Как и самое слово показывает, они были по преимуществу людьми военными, водившими войско (*Heer-zog, duces*). Заметим, что помимо тех военных герцогов, имена которых встречаем, начиная еще с первых лет немецкой истории, при Карле доменами из нескольких графств управляли герцоги с гражданской властью. Значит, герцоги были двух родов. Исключительно военное значение в то время они имели только в Галлии, а гражданской властью обладали у тюрингов, алеманнов, баваров. Они тоже стали вассалами короля, но управляли своими землями независимо, и их подчинение королю было только номинальным; даже управляя королевскими владениями, они не считали себя обязанными отдавать весь доход в королевскую казну. Они сами назначали графов и центграфов, точно короли; они иногда собирали собрания; иногда нет. По количеству и богатству своих владений они почти не уступали иному королю; вот почему они держались гордо перед королем, ограничиваясь только уплатой дани. Вся сила их проистекала из того, что предшественники Карла поручили им по неосторожности много земель. Карл Великий особенно боялся таких гражданских герцогов, и все старания его были направлены на уничтожение этих сановников; он не позволял соединения нескольких графств в одно под властью герцога.

Под конец его жизни все герцоги были обращены в простых графов. Но когда не стало этого великого человека и исчезла его тяжелая рука, опять появились сильные герцоги, которые захватили в свои руки несколько графств. Эта узурпация была главной причиной ослабления королевской власти.

Пограничные графства всегда назывались марками, а лица, заведовавшие ими, маркграфами. Гражданская и военная власть этих «*marchiones*» была усилена в видах опасности от соседних врагов.

Зендграфы. Не довольствуясь такой упорядоченной администрацией в государстве, Карл Великий учредил еще один замечательный институт — институт зендграфов, королевских уполномоченных, то есть ревизоров, контролеров с большими полномочиями. Они назывались *missi* или *nuntii*. Короли посылали этих легатов в графства и прежде, но со времен Карла началось более правильное наблюдение за управлением. Вся страна была разделена на особые легатства, из которых в каждое посылались два зендграфа (*missatici*): один — епископ, другой — знатный вассал. Они требовали отчета от всех должностных лиц, производили смотр ополчения, принимали жалобы на всех без исключения королевских сановников. В них Карл видел гарантию королевской силы и порядка; со временем, при благоприятных обстоятельствах, это учреждение должно бы было положить начало иному, феодальному строю, если бы институт зендграфов упрочился. Зендграфы проникали повсюду; перед ними не было никаких преград; они собирали большие собрания из всего вассального населения и приглашали на них всех должностных лиц, как светских, так и духовных, графов, викариев, зендграфов, епископов, аббатов, фохтов. Зендграфы проводили один принцип равенства перед законом и одинаковой ответственности перед королем и народом; и это было еще в то время, когда новые элементы не успели сложиться. В разных местах, четыре раза в год, с помощью избираемых ими же присяжных, зендграфы производили высший суд. Сюда поступали апелляции от суда, жалобы на графов, на их проволочки или несправедливость приговоров. Тут же разбирались все тяжбы, неподсудные графам, например все тяжбы государственных сановников, герцогов, графов, епископов, аббатов или особенно важные судебные случаи. Одним словом, это был тот же королевский суд, но только подвижный. Со

смертью Карла это полезное учреждение лишилось значения, когда все исчисленные должности получили наследственный характер и когда обязанности этих лиц стали номинальными. Тогда, естественно, королевская власть, не поддерживаемая этими административными и контролирующими учреждениями, должна была погибнуть; она стала тенью, а те люди, которых она предназначила для охранения народных прав, — те люди подорвали ее. Во всяком случае то время, историю которого мы будем излагать, имело достаточно хорошо организованный строй для юного, несложившегося еще общества, правильную администрацию, контроль над должностными лицами. Конечно, все это развилось преимущественно среди франков, которым выпала завидная роль стоять во главе всего германского племени, но известно, что и остальные государства западного континента в то время были более или менее подчинены франкам, так что эти учреждения были перенесены и в Галлию, и в Испанию, и отчасти в Италию.

Издание законов. Надо прибавить, что король не был исключительным источником законодательной власти, но и в лучшее время королевской силы, обыкновенно, созывал собрания из придворных, епископов, знатных вассалов, предъявляя им разработанные законы для обсуждения на майских собраниях, происходивших в разных местах. На эти собрания собирались все свободные люди; светские и духовные сановники, имевшие должности или значение, составляли сейм из двух палат: светской и духовной. Об общих делах обе палаты совещались вместе, но в духовной палате исключительно были духовные лица, и главное влияние принадлежало епископам. К сожалению, круг деятельности сейма и его права не были точно определены; но известно, что все законы франкской монархии выработались усилиями этих собраний. Королевская власть обыкновенно утверждала проекты законов. Постановления этих собраний назывались *capitulatio* (*capita*, главы, статьи закона).

При жизни Карла везде чувствовалась его тяжелая рука. Хотя тогда и существовали народные собрания, но сам Карл был на первом плане. «Он был центром и душой всего, — говорит Гизо, — по его воле собрание и собиралось, и рассуждало; он разузнавал о состоянии страны, предлагал и утверждал законы; везде была его воля, и от него исходил первый толчок; каждое дело начиналось у него, с тем чтобы возвратиться к нему. Вовсе

не было речи ни о широкой общественной свободе, ни о настоящей политической жизни; народное собрание являлось весьма сильным органом правительства»¹.

Капитулярии Карла Великого. Но влияние его особенно сказалось в одном, а именно в разработке статей законов, судебных формул и постановлений, известных под именем капитуляриев. Не все они принадлежат Карлу Великому; очень многие изданы после него. Всего на почве одной Франции насчитывают до 1700 таких статей, кроме тех, которые изданы Каролингами, правившими в Германии и Италии². Ошибочно полагают, что будто все эти капитулярии суть законы Карла Великого. Напротив, это целый лабиринт разных правил и постановлений вместе с указами императора. Здесь даже мало новых законов. Там инструкции Карла графам, герцогам, епископам, сотникам перемешаны с судебными приговорами и решениями, грамоты с привилегиями и т. п. Надо критически смотреть на них, чтобы выделить из этого хаоса дух законов.

Гизо сделал это весьма удачно. Он делит все шестьдесят пять капитуляриев Карла на восемь разделов сообразно с характером внутреннего содержания: 1) законодательство моральное; 2) политическое; 3) уголовное; 4) гражданское; 5) каноническое; 6) распоряжения хозяйственные; 7) церковные и 8) частные.

Что касается первого отдела, то это не законы в нашем понимании, а нравственные, этические изречения. Например, в капитуляриях этого отдела находим, что скупость есть корень всего зла, что надо быть гостеприимным, что не надо дозволять себе грабежа, лжесвидетельства. «В этом мы всегда убеждаем, и это запрещает закон Божий». Наставления эти были уместны в то время, когда потребно было вселять идею морали в общество не в форме законов, а в форме проповеди; в них заключаются или запрещения, или предписания; словом — это повторение заповедей Божьих. Здесь законодатель относится к обществу, как отец к детям. Понимая всю силу, какую может иметь над людьми идея долга, законодатель старается провести эту идею в человека всеми путями, и, таким образом, в его руках законодательство является чем-то вроде проповеди, средством назидания. К моральному за-

¹ Guizot. Histoire de la civilisation en France, 4 vls, 1831.

² Они помещены в сборнике *Балузия* (Париж, 1677) и у *Пертца* (Monumenta Germ. Leges).

конодательству того времени следует отнести все распоряжения, касавшиеся интеллектуального развития человека, все указы Карла Великого о школах, о распространении и исправлении церковных книг и т. д.

Большое место отведено политическому законодательству. Здесь говорится об обязанностях графов, герцогов, наместников, сотников и т. д., затем о судебной администрации и судопроизводстве; тут же приводятся административные распоряжения, полицейские меры, весьма разнообразные и доходящие до мельчайших подробностей. Провинция, войско, церковь, купцы, нищие, внутренность императорского дворца служат по очереди их предметом. Помеченные 806 г. находим меры против нищенства; а 800 г. — распоряжения относительно внутренней полиции, которые запрещают давать преступникам убежище в королевском дворце. В случае если какой-нибудь свободный человек нарушит это запрещение, скрыв во дворце преступника, то он присуждается нести его на своих плечах до лобного места, где их вместе привязывают к столбу. К числу политических законов следует отнести распоряжения, касавшиеся управления бенефициями, розданными Карлом Великим, а равно его отношений к бенефициалам.

В уголовные капитулярии вошли извлечения из франкского, лангобардского и баварского «обычных» законодательств. Новые распоряжения Карла Великого стремились вообще к смягчению древнего германского законодательства и особенно жестоких наказаний, которым подвергались рабы. Они носят объединяющий характер. Но ввиду особых условий современности Карл в известных случаях не только не смягчал наказания, но еще усиливал, особенно если кара являлась в его руках орудием политики. Так, смертная казнь, обыкновенно редкая в варварских законах, появляется почти в каждом параграфе капитулярия 789 г., направленного к тому, чтобы удержать и обратить саксов; почти всякое нарушение порядка, всякое обращение к идолопоклонству наказывалось смертью.

В области гражданского права Карлу представлялось мало случаев к вмешательству, так как древние законы и обычаи продолжали сохранять свою силу. Но от себя Карл только устанавливает прочные семейные отношения, вероятно, под влиянием духовенства. В ту эпоху брачные узы разрывались с крайней легкостью; муж брал и бросал жену весьма легко, почти без всяких

формальностей. Закону предстояло регулировать эти семейные отношения, и Карл Великий хорошо сознавал необходимость в этом. Вследствие этого в его капитуляриях мы находим множество параграфов, предписывающих известные условия для брака, как-то: степени родства, обязанности мужа по отношению к жене и т. п. Закон, опираясь на церковные каноны, назначал большие штрафы за незаконные браки и налагал смертную казнь за похищение рабом дочери господина.

Каноническое право и особенные церковные распоряжения охватывали собой мероприятия не только касательно духовенства, но вообще регулировали отношения подданных христианского государя с духовенством. Непосредственно каноническое законодательство имело в виду одно церковное общество и взаимные отношения членов духовенства; оно было сообщено только епископам. Такое законодательство занимает самое обширное место в капитуляриях; это понятно. Епископы были главными советниками Карла Великого; они заседали в наибольшем числе в народных собраниях; поэтому больше всего они обращали внимание на свои интересы. Вследствие того народные собрания рассматривались вообще как соборы, и определения, постановлявшиеся на них, входили в собрание канонов. Все такие определения издавались в интересах епископской власти. На заре династии Каролингов епископской аристократии почти не было, а если и была, то бессильная. Карл Великий счел нужным ее усилить, упрочить. Снабженная движимым и недвижимым имуществом, под его рукой она приобрела правильное устройство, корпоративный дух и сделалась на несколько веков преобладающим началом церкви. Карл называет себя усердным защитником и скромным помощником святой церкви. Он обращается к епископам и пастырям церкви, советуя им заботливо и ревностно приводить народ к истинной вере и обращать на путь истины заблудших. При этом государственная власть даже санкционирует гонения за религиозные убеждения. Карл предписывает не только убеждать и усовещивать каждого в правой вере, но даже принуждать. Епископам рекомендуется осторожное посвящение в духовный сан. Что касается образа жизни духовных, то им предписывается строгая жизнь, запрещается держать в своих домах женщин, кроме матери, сестры, допуская только тех, которые не могут навлечь подозрения. Далее строго запрещается ростовщичество.

Например, по § 20 Падерборнского саксонского капитулярия за неприличный брак назначалась пеня в 60 солидов с благородного и 30 со свободного человека; при этом даже лит (*litus*), т. е. простолудин, подвергался взысканию за незаконный, т. е. не одобренный канонами брак.

Священники должны блюсти тишину в храме, не пускать в алтарь женщин; они должны сами хорошо понимать молитвы за обедней, толково и внятно читать их. Священникам и диаконам внушается, чтобы они не носили оружия и больше доверяли за защите Бога, нежели меча. Нетерпимость проявляется в числе прочего и в следующем постановлении: «Не должно ни верить, ни читать поддельные сочинения, рассказы сомнительной верности и вообще все, что против католической веры, сквернейшие и ложные послания, которые в прошлом году разносились бродягами, уверявшими, что эти послания упали с неба, чем они вводили иных в заблуждение. Все такое сжигать, чтобы народ подобными сочинениями не был вовлечен в заблуждение. Можно читать и передавать одни канонические книги, католические трактаты и сказания Святых Отцов». Везде просвечивает строгий клерикальный характер. Высшим образцом для подражания представляется жизнь Святых Отцов.

Наказания страшно строги, а это обыкновенное явление в полуварварском обществе, которое управляется применением грозной кары. Смертная казнь безусловно назначается за следующие преступления: за убийство епископа, священника, диакона, за сожжение трупа по языческому обычаю, за жертвоприношение дьяволу, за сношения с злыми духами, за похищение рабом дочери господина, за неверность государю-королю и, наконец, за употребление в пищу мяса в постное время. В последнем случае снисхождение оказывается только тогда, если кто ел мясо *по необходимости*; это предоставляется разобрать священнику. Весьма интересен для характеристики эпохи § 6 Падерборнского капитулярия, изданного для саксов. «Если кто, обманутый дьяволом, по обычаю язычников, поверит, что мужчина или женщина предаются колдовству и едят людей и их сожжет или даст мясо их есть другим или сам съест, то смертью наказан будет»¹. Отсюда можно заключить, что со временем католическое законодательство не только не стало гуманнее в отно-

¹ Cap Paderbunnes. Pertz, I, 49.

шении так называемых колдунов и колдуний; напротив, оно сделалось еще более суровым и бесчеловечным.

Хозяйственные распоряжения содержат в себе различные инструкции, с которыми Карл обращался в разные времена к управляющим своих поместий; из них выдается капитулярий *de Villis imperialibus*. Эти инструкции важны в том отношении, что они служат материалом для сельскохозяйственной истории того времени, о которой будем говорить позже.

Начало средневековой образованности. Когда Карл Великий стал царствовать в западном мире, а науки почти повсюду находились в упадке, так что все охладели к служению истинному Богу, случилось, что на берег Западной Галлии вместе с купцами высадились два скотта из Ирландии. Это были люди очень сведущие в мирских науках и Священном Писании. Они не выставляли напоказ никаких продажных товаров; но когда около них собиралась толпа, жадная до покупок, то они кричали: «Кто желает приобрести мудрость, тот пусть придет к нам и получит; ее можно купить именно у нас». Если они объявляли цену на мудрость, то только потому, оговаривается летописец, что видели, как народ охотнее кидался на дорогие товары, чем на даровые. Они кричали, пока не нашлись люди, которые, или будучи удивлены всем происшедшим, или считая их сумасшедшими, донесли о них Карлу Великому, который постоянно обнаруживал сильную любовь к мудрости. Он потребовал их немедленно к себе и спросил, справедливы ли дошедшие до него слухи, что они возят с собою мудрость. Они отвечали: «Да; мы обладаем ею и готовы сообщить о ней всякому, кто будет просить о ней именем Бога». Когда Карл спросил их далее, что они потребуют за это, они объяснили: «Удобного помещения для любознательных учеников, а вместе с тем и того, что необходимо для всякого странника, т. е. пищу и одежду».

Так рассказывает Сан-Галленский летописец о начале просвещения в средневековой Европе, о поводах и обстоятельствах открытия монастырских школ, которые были первыми рассадниками европейской науки¹. Из тех школ вышли первые учителя Европы.

Карл очень обрадовался этим иностранцам; сначала удержал их при себе, а потом, отправляясь в поход, одного из них, Кли-

¹ См. Стасюлевич М. М. История средних веков, II : 94—116.

мента, послал в Галлию, дав ему готовое поместье и много мальчиков разного происхождения; другого же, Дунгала, отправил в Италию и отвел ему монастырь Св. Августина близ города Павии, рекомендовав посещение его лекций людям всякого возраста. Таким образом, образование в Европе началось в двух местах — в Аквитании и в Италии.

Алкуин. В Англии и в Йорке узнал об этом некто Флакк Альбин, который также назывался Алкуином. В Йорке монастырская школа процветала еще со времен друидов; уже несколько веков эту школу посещали галлы, искавшие просвещения, но не находившие его на родине. Архиепископ Йоркский был главным наставником в школе. Один из них, ученый Элеберт, говорит его ученик Алкуин, «напоил огрубелые умы прямо из источников разных наук. Одним он старался сообщить искусство и правила грамматики, другим — риторике; одних он упражнял в прениях судебных; других в песнях Аонии. Многие у него научились играть на флейте Касталии или ударять ногой о вершины Парнаса (т. е. заниматься поэзией). Другие знакомились через него с гармонией небесного свода, с путями солнца и луны, с пятью поясами полюса, с законами течения звезд, их восходом и закатом, движением моря, землетрясениями, с науками о природе человека, зверей, птиц и всего лесного населения. Он раскрывал перед ними различные качества и сочетания чисел, а главное — научил с достоверностью вычислять время Пасхи и объяснять таинства Священного Писания».

Мог ли быть тогда человек, обладавший более разнообразными сведениями! За знакомство со всеми этими специальностями в очень серьезном тоне ручается сам Алкуин. Если бы не случай, то вряд ли такой многоученный муж, пользовавшийся общей любовью, оставил бы Йорк; но ему пришлось ехать за паллиумом в Рим. В Париже он встретился в 780 г. с Карлом Великим, который знал его по слухам и который в приеме, сделанном ему, выразил свое глубокое уважение к просвещению. Карл переманил его к себе и сделал самым близким себе человеком.

Алкуин, в 782 г. переселившись окончательно в Галлию, устроил при дворе Карла известную Палатинскую школу. Карл любил, когда его называли учеником Алкуина; часто сам великий император со своим семейством посещал эту школу и выслушивал ответы учеников. Четырнадцать лет Алкуин управлял этой

школой, основывая училища при других монастырях и заботясь о собирании и исправлении манускриптов. Но придворная жизнь не по душе людям, призванным к исследованию истины. Трудно казалось Алкуину служить двум богам; поэтому он просил Карла поселить его в каком-нибудь монастыре, где он мог бы основать новую школу. Карл отвел ему аббатство Св. Мартина в Турени. Здесь он основал школу, которую посещали многие ученики¹.

Алкуин — философ, поэт, историк (он писал, между прочим, о войне Карла с саксами) — своей благородной деятельностью оказал цивилизации великие услуги. Упомянутая школа Св. Мартина была тогдашним университетом. Тем сильнее начинаешь сочувствовать этой благородной деятельности Алкуина, когда узнаешь те идеальные, высокие идеи, которые он развивал в науке. В своей беседе с учениками он доказывает, что в науке заключается существенное, облагораживающее значение, возвышающее душу. «Мудрость узнается тогда только, — говорит Алкуин, — когда вы полюбите ее ради ее самой, для Бога, ради душевной чистоты, для познания истины, а не для человеческой славы, награды и богатства; чем больше любят последние, тем дальше блуждают от света науки».

Умственная дисциплина. Для нас, конечно, оригинальны те образовательные приемы, к которым прибегал Алкуин при преподавании. Он хотел развить в своих слушателях прежде всего умственную дисциплину. Поэтому в его трудах можно встретить весь ученый материал, которым располагало то время. Так как математика тогда не была еще разработана, а преподаванием одной грамматики нельзя было достигнуть высших педагогических целей, то Алкуин нашел другой способ для развития умственной дисциплины — способ немногочисленный. Он развивает в учениках прежде всего диалектику. Его уроки — это ряд загадок и ответов на них, ответов, которые ученик мог дать, только напрягаясь умственно до известной степени. Конечно, эти загадки имели целью развить диалектические способности учеников.

Учитель, например, спрашивает: «Я видел мертвое, оно родило живое, а дыхание живого поглотило мертвое»; ученик отве-

¹ См. *Lorens*, *Alcuins Leben*, 1829., *Monnier*. *Alcuin et son influence litteraire, religieuse et politique*, 1853. *Werner*. *Alcuin und sein Jahrhundert*, *Pad.*, 1876.

чает: «От трения дерева родится огонь, который пожирает дерево» — «Что такое огонь, не гаснущий в воздухе?» — «Известь», — решает ученик. «Что такое существует и вместе не существует?» — «Ничто, потому что оно существует по имени, а на самом деле его нет». — «Что делает горькое сладким?» — «Голод», — отвечает ученик, очень основательно. «Что человека не утомляет?» — «Прибыль» и т. д. Иногда в вопросах видно желание приучить к риторическим фигурам. Сон — образ смерти; берег моря — стена земли; трава и вообще злаки — одежда земли. Иногда преследуются диалектическая и риторическая цель одновременно. Например, учитель спрашивает: «Что такое богатство без мудрости?» Ответ: «Богатство без мудрости то же, что тело без души: мудрость возвышает смертного; нищего извлекает из ничтожества, чтобы посадить его с царями; она же поддерживает престол славы». «Что такое вера?» — «Уверенность в том, чего не знаешь и что считаешь чудесным».

Наука и ее содержание. В этих беседах Алкуин высказал те основные начала знания, которые двигали его на протяжении средних веков. До самого возрождения классицизма средневековая наука питалась скудными остатками древней мысли, обломками древней науки, которая слабо мерцала среди риторических ухищрений и богословских тонкостей. Боэций, о котором мы упоминали, говоря о последних годах царствования Теодориха, был посредником между древним и средневековым умствованием. Где-то у Соломона сказано, что мудрость построила себе дом на семи столбах. Здесь имеются в виду дары Св. Духа. А так как в грубое время люди готовы выводить из Священного Писания все жизненные истины, придавая ему грубо реальный смысл, то никто не додумался до настоящего значения этой метафоры. С легкой руки Алкуина тогдашние ученые заключили, что книжная мудрость (*sapientia liberarium litterarum*) точно так же утверждается на семи столбах и что, только поднявшись на эти ступени, люди достигают совершенства. Эти ступени суть: 1) грамматика, 2) риторика, 3) диалектика, 4) арифметика, 5) геометрия, 6) астрономия и 7) музыка. «Над ними, — говорит Алкуин, — потрудились философы; ими они просветились и превзошли славой царей и прославились навеки». С того времени, как Боэций, а потом Алкуин распределили градации наук, с того самого времени считали невозможным прибавить к ним что-либо новое; дру-

гого знания не существует. Известно, что эти науки были знакомы древним.

Как же понималась наука в это время? В чем заключается цель знания вообще? — «Оно необходимо, как опора веры, для борьбы с ересями». Вот исключительная цель образования, тот заколдованный круг, в котором суждено было ему вращаться и из которого оно не выходит до самого Возрождения. «Этими науками защитники вашей католической веры одержали верх над всеми ересиархами», — говорит Алкуин. Выше всего находится Священное Писание. «Вооружившись этим знанием, вы, — обращается он к слушателям, — выступите после неодолимыми защитниками и утвердителями истин веры»¹.

Так вслед за Алкуином на Западе думали все средневековые люди. Поэтому мы остановились на Алкуине, знаменитом современнике и сподвижнике Карла, чтобы указать, с какого раннего момента средневековой цивилизации и образованности выработалось уже то убеждение, что «философия — служанка теологии».

В переходное время — в так называемые темные века — просвещение стояло выше на Востоке, чем на Западе. Надо помнить, что в это время духовная жизнь могла приютиться только в Византии. Если страдали провинции Востока, то не страдала сама столица, где было столько школ, насажденных еще императорами. Но уже было замечено, что религия на Востоке получила особый характер; там презирали искусство; там сама наука как бы приноравливалась к потребностям религии. Только Марциан Капелла (в V в.) решился воспользоваться результатами древней науки. Он задумал энциклопедировать тогдашние знания, хотел дать изложение всех тогда известных наук, в прозе и стихах. Он в 470 г. конспектировал в девяти книгах науки того времени. В двух первых он говорит о «свадьбе Филологии с Меркурием», а в остальных семи книгах содержится изложение семи искусств. Эта так называемый *Тривиум* — грамматика, риторика и диалектика и *Квадривиум* — музыка, арифметика, геометрия и астрономия. Этим учебником пользовались во всех монастырских школах. Таким образом, Алкуин усвоил как бы готовую форму, из которой не хотел выходить; его нововведение состоит собственно в том, что он выше всего поставил Священное Писание и всякую науку сделал комментарием Библии.

¹ *Migne. Patrologia*, I, 854.

Происхождение схоластики. Так как эти науки преподавались только в монастырских школах (*schola*) и вне этих школ нельзя было чему-нибудь научиться, то тогдашние ученые получили название «схоластиков» (*scholastici*), а сама наука, направляемая в смысле богословско-философском, была названа «схоластикой». В ней было два основных элемента: логика Аристотеля, заключающаяся в «Органоне», и католицизм. Без «Органона» схоластика приняла бы иное направление, иные формы. Весь умственный кругозор расширялся или сужался смотря по тому, как и какая школа переводила Аристотеля, его «Логикку», служившую основой знания. В средние века под словом *philosophus* понимали собственно Аристотеля; других философов не признавали. Величайшие умы средних веков, которые, пожалуй, по умственной мощи, по силе сообразительности и логики мало уступали греческим мыслителям, только потому, может быть, не сделали многого, что считали себя рабами, слугами и учениками Аристотеля.

Известно, что до арабов знали в отрывках одни логические сочинения Аристотеля по дурно сделанным переводам. Вся умственная деятельность должна была поддерживаться только посредством этого скудного материала. Первые источники сухого схоластического знания заключались, как известно, в трудах Боэция и Капеллы.

Историческое значение философии Боэция заключается в том, что он пытался связать христианство с традициями древней мысли. В нем соединяется умирающее предание неоплатонизма и философия отцов церкви. Боэций же первый комментирует Порфирия, а именно его «Введение в категории Аристотеля». По одному поводу, может быть, совершенно случайно, он дал собственный комментарий, что послужило к разработке вопроса «о роде и видах», чем питалась вся средневековая философия до XIII в. и о чем мы будем говорить в свое время.

Второй элемент образования, католицизм, в свою очередь, еще более стеснял кругозор мысли. Образованность вследствие исторических, социальных и экономических причин не могла выйти за пределы духовного круга, который, следовательно, должен был носить специально-клерикальный характер. Так как христианство распространялось среди германских и среди романских народов единственно из Рима, то оно приняло на Западе одностороннее всегда воинствующее направление. Из церковной истории

известно, почему это было так. Духовенство, хотя и не было замкнутой кастой, но по кругу своей деятельности имело притязание властвовать над миром. Эта власть, основывавшаяся на силе молодой веры, в те времена была действительно велика и могуча.

Одна церковь являлась для народа необходимой посредницей в сношениях с вечным, духовным, божественным. Священник был для человека лицом самым авторитетным в жизни. Он наполнял воображение народа содержанием религиозного материала, которое всегда имело столь сильное влияние на жизнь. При подавляющем возобладании церкви над всеми вопросами жизни, и притом церкви римской, которая приняла наступательный характер, понятно, что чувственный человек приносился в жертву высшим духовным целям. Как искусно старались возвысить обаяние церкви, к каким насилиям прибегали для этого, с самого начала водворения христианства среди германцев, можно видеть из приведенных нами мест Падерборнского капитулярия. В нем, между прочим, преследуется языческий обычай сжигания трупов, колдовство, даже вера в силу колдовства. Это показывает, как еще сильна была оппозиция введению христианства, особенно среди племен, живших на восточных окраинах Западной империи.

Люди всегда остаются верными окружающим их условиям и если, например, в средние века германцы и галлы не мыслили, как греки, то это проистекало из того, что жизнь складывалась из молитв и обетов, аскетических подвигов и странствований к святым местам, веры в чудеса и т. п. Среди всего этого проявлялись грубые порывы чувственности. Серьезной науке, позитивному знанию было мало места, зато открывался самый широкий простор фантазии.

Карл со своей стороны сделал для успеха науки все возможное. В этом отношении, как вообще по силе творчества и энергии, его можно сравнить с Петром Великим. Сам он, говорит Эйнгард, с большим прилежанием занимался науками и, высоко почитая ученых, оказывал им великие почести. Грамматику он слушал у Петра Падуанского, другие науки у Алкуина; прекрасно и с увлечением говорил по-латыни, так что его «можно было принять за учителя». Изучив основательно арифметику, он занимался астрономическими выкладками, следил за звездами. Но, владея языком, писать по-латыни не научился. До самой смерти, даже больной, он держал под подушкой табличку для письма, но цели не достиг.

Кончина Карла Великого. Сама смерть Карла была возвещаемая народу особыми знаменами. Майнцкий мост на Рейне, результат десятилетних работ, неизвестно отчего сгорел в течение трех часов; здания разрушались; с неба падали метеориты; молния ударила в Ахенский собор; императорский дворец дрожал в основании. Все это записано Эйнгардом со всей пунктуальностью. Карл Великий скончался 8 января 814 г. в Ахене от лихорадки, усложненной плевритом. Его оплакивали все, даже язычники, как отца отечества (*quasi pater orbis*)¹.

Его похоронили в тот же день, как он умер и, по преданиям, оригинально, как не хоронили ни одного государя. Вечный воин должен был изображать собой вечное бодрствование. Его забальзамированное тело усадили в золоченое кресло, надели корону, в которую был вделан кусок Св. Креста, облекли в императорское одеяние, вложили в руки меч, золотой скипетр и золотой щит, на колени возложили Евангелие и так поставили в склепах Ахенского кафедрала, сооруженного им при жизни. Над могильной плитой была сделана золоченая арка с его изображением и надписью, совершенно верно передававшей исторический подвиг гениального человека:

«Под сим памятником положен прах Карла Великого и католического императора. Сильно расширил он королевство франков и счастливо правил XLVII лет. Он скончался 70 лет в год Господень DCCCXIII индикта VII. Кал. V февр.»

Но для воображения современников действительных исторических заслуг было мало.

Карл Великий после смерти. По поэтическому представлению, для Карла Великого не существует времени и пространства; он вихрем носится по Европе из одного конца в другой: он всегда и везде. Он никогда не был побежден; его меч повсюду торжествует. Его таинственное коронование, его войны с язычниками и мусульманами, со славянами, маврами и саксонцами, великолепные праздники и турниры, Ахенский двор, это чудо тогдашней Европы, — такова была его политическая, фактическая деятельность. Если же взять его образ в легендарном представлении, как рисуют его хроника Псевдо-Турпина, Сан-Галленская летопись и хроника, которая велась в парижском монастыре Сен-

¹ *Einhard. Annales, a. 814 (Pertz, I, 201).*

Дени, то там он является в несколько ином, более грандиозном виде. Он мечом и кровью содействовал обращению язычников в христианство. Он был типом величавого христианина, воителем-апостолом. Умирая, он думает лишь о торжестве Креста. Известно, что Карл зорко следил за возвышением пап, препятствовал этому возвышению, но здесь, в хрониках, он представлен иначе. В последние минуты его предсмертные мысли, говорят летописцы, сосредоточиваются на Риме, где наместник Христа был освобожден благодаря императору. Он вспомнил, что Германия наводнена католическими миссионерами, что все европейские язычники стали христианами и, в восторге пропев последние слова Спасителя, закрыл глаза навеки. Эта картина заслуживала того, чтобы быть воспетой поэзией.

Но через несколько десятков лет этот могучий образ разрастается еще грандиознее в воображении потомства. Карл Великий является чуть не мифическим лицом. Он наделен всевозможными силами духа и тела. Его законодательство и победы в народном воображении осеняются необычайным ореолом; ради великого императора и исторические сведения о нем перепутываются тогдашними хронистами, а тем более рапсористами. Летописец, собирая народные предания, конечно, старался излагать их собразно с понятиями своего времени, а потому, естественно, подчинялся творческой деятельности певцов.

Каролингский эпос. Личность Карла Великого породила в средневековой литературе особый цикл рыцарских песен, получивший название *каролингского*. Эти песни нельзя называть плодом воображения отдельных поэтов. В известные эпохи, собственно говоря, и не может быть великих поэтов; никто не в состоянии возвести на высшую ступень творчества общедоступные идеалы; их дело прекрасно исполняет сам народ, ибо нет необходимости отдельному лицу возвышаться до общепонятного идеала. Таково было положение Европы с V до XII столетия. В это время только народное воображение было поэтом. Прежде пели о богах; жизнь богов облакалась в поэтические образы; потом эпос перестал заниматься ими и получил характер героический. Какое-нибудь великое событие или необыкновенное зрелище должно было подвигнуть ум человеческий к мечте о рыцарстве. Что же касается Карла Великого, то он, без сомнения, был первый рыцарь по своим поступкам и действиям. Его многовоинственные

подвиги должны были потрясти даже самое холодное воображение. В то время дела были такими поразительными, умы народов так ограниченными, отсутствие самых элементарных естественнонаучных сведений таким полным, что всякий, кто хорошо владел языком, мог воспеть подвиг. Всякий мог рассказать то, во что верил весь свет. К этому еще примешались старые воспоминания о великанах и волшебниках, таинственные приключения которых заманчиво рисовались в народном воображении. Таким образом, самим своим содержанием чудные подвиги Карла Великого поражали современников. Следует принять при этом во внимание ту живость воображения, какая была у этих людей, только что вышедших из состояния варварства.

Пользуясь старыми легендами и былинами, позднейшие редакторы несколько изменили их сюжеты и создали так называемые рыцарские каролингские романы, в которых имя Карла Великого, его подвиги и похождения его дружинников-паладинов упоминаются на каждой странице. Год от года, вплоть до XI в., растет обаяние этого образа. В легендах имя Карла Великого всегда на первом месте.

Интерес сосредоточивается на его испанской войне с маврами; все прочие народы забыты. Он является защитником империи и веры. Известно, какое впечатление производили триумфы Наполеона; тем более впечатляющими были победы Карла. Если иногда еще преувеличивают успехи Наполеона в Египте, то тем простительнее было утверждать, что Карл Великий с двадцатью тысячами победил полмиллиона мавров, и после этого прибавить, что до кончины века не будет такого героя. Солнце останавливается перед ним, как перед Иисусом Навином; по поэтическому сказанию, ему всегда сопутствует ангел, его неотступный советник и друг. Легенда, представляя императора грозным при жизни, не покидает его и после смерти. Колокола сами собой звонят погребально, когда несут его тело. В своей ахенской гробнице император не лежит, а сидит; на коленях у него меч, который страшен язычникам и по сие время; его седая борода продолжает расти и, обвивая ноги, опускается до земли; двенадцать пэров Карла Великого служат любимыми героями рыцарской поэзии, а деяния их предметом обширных поэм. Потомство между прочим сохранило воспоминание о поражении франкского арьергарда, которое в сущности было делом басков, а не мавров. Но это пора-

жение стоило сотни побед: в нем героические сподвижники Карла проявили чудеса нечеловеческой храбрости. Народная фантазия воспользовалась этими мотивами, дивно разработала их и явила чудесную «Песнь о Роланде». Она не перестанет служить предметом восторга целых поколений, так как в ней обильно льется источник истинной поэзии¹.

Можно сказать, что без Карла Великого не было бы национальной эпопеи во Франции.

6. Судьба империи при первых преемниках Карла Великого

Причины падения империи Карла. Есть такие могучие политические формы, которые возбуждают постоянное к себе уважение у разноплеменных народов, которые покоряют сердца всех, которые живут тысячелетия и которые не теряют способности быть политическим идеалом. Карл Великий, обладавший сильным организаторским талантом, гений, который подчинил феодализм прочным и правильным законам, в конце концов выставил идеалом ту же империю с Римом в ее центре. Те общественные и государственные интересы, которые были присущи германцам на заре их политической жизни, должны были слиться с древнеримскими началами. Но это слияние не было прочным: связуемые элементы были слишком противоположны. Идея феодализма, прирожденное германское общественное начало, не могла слиться с императорской идеей, этим наследием классического мира. В Древнем Риме предполагалась неограниченная верховная власть то в силу трибунатства правителей, действовавших во имя интересов всего плебса, то в силу обожествления властителей под влиянием Востока, при поддержке христианства. В германстве же подразумевалась совершенно несовместимая с ней идея личной свободы каждого германца, его право быть хозяином на своей территории, неразлучно связанное с обязанностью каждого отдельного владельца быть подчиненным интересам одной верховной воли. Тогда, в древности, долгая история сгладила все общественные неровности; здесь они снова возроди-

¹ Кроме «Песни о Роланде», насчитывается около двухсот поэм (т.н. жес-тов), составляющих особый цикл романов об этом императоре и его двенадцати пэрах (см. *Gautier. Les épopées françaises*). Издание «Песни о Роланде» в подлиннике и с переводом в первый раз осуществлено *Michel*, 1837

лись. В эпоху новых стремлений должна была преобладать и новая форма, в которой было бы больше живучести, т. е. феодализм. От того-то империя и распалась. Огюстен Тьерри и Гизо дают более сложное объяснение. Рассматривая события в государственных интересах Франции, изучая их с точки зрения Парижа, Тьерри говорит о вражде национальностей, той вражде, которая была причиной распада империи Карла на земли королевств Французского, Итальянского и Германского. Гизо указывает на подробности, из которых делает вывод, что иногда идею империи защищали сами германцы, что борьбу за империю направляли не одни национальные интересы, но и географические условия и, наконец, личные расчеты. В конце концов, однако, Гизо решительно высказывает, что моральное и социальное состояние народов в ту эпоху противилось всякому объединению, всякому единичному и обширному правительству¹. Люди тогда имели мало идей, говорит Гизо по этому поводу, да и те были слишком бедны; общественные отношения были тогда весьма редки и ограничены; горизонт мысли и жизни был весьма не обширен. При таких условиях великие общества невозможны. Тогда могли существовать лишь мелкие общества с более мелкими правительствами и с мельчавшими социальными отношениями.

Людовик I Благочестивый (814—840). То, что единство империи Карла было непрочным и недолговечным, было несомненным для самого ее творца. Уже Карл допускал в принципе разделение империи между своими сыновьями, но с тем, чтобы отдельные владетели повиновались императору, т. е. старшему брату. Но когда сыновья Карла Великого, Карломан и Пипин, умерли и остался один Людовик, то разделение было уже невозможно само по себе. Конечно, личные причины, характер преемников Карла Великого также оказали свое влияние. Например, его любимый сын Людовик Благочестивый, долго бывший при нем наместником Аквитании, проявлял постоянное ханжество, за что был любим галло-римским духовенством, которое наградило его титулом Благочестивого². На это были достаточные основания. Людовик творил чудеса воздержания;

¹ *Guizot*. *Historie de la civilisation en France*, 24 leçon.

² Биографы Людовика: *Astronomus*, *Vita sancti Hludovici imperatoris*, (*Pertz*, II, с. 607-648); *Teganus*, *Vita Hludovici imperatoris* (там же, с. 585-604); оба писатели духовные, весьма расположенные к Людовику Благочестивому, передают в этом отношении весьма мелкие и характерные факты.

он по сорок дней питался одним опресноком; он знал всю церковную службу; еще в молодости он едва не ушел в монастырь, и только строгий отец удержал его. Он оказывал особенную любовь тем, которые посвящали себя созерцательной жизни, говорит биограф, близко знавший его. «До его правления в Аквитании, — замечает он в числе прочего, — монашеское сословие пришло в совершенный упадок; при нем оно снова достигло цветущего состояния, ибо он сам, подражая полезному примеру своего дяди Карломана (сына Пипина Короткого), хотел так достигнуть высоты подвижнической жизни»¹. Он возобновил и выстроил более двадцати шести монастырей; но тут же летописец замечает, что эти благочестивые деяния не мешали Людовику быть хорошим правителем, служить предметом гордости своего отца. Аквитания в его правление достигла даже цветущего и счастливого состояния, так что когда король объезжал страну или оставался дома, то ему вовсе не приходилось вершить дела, судить; ни один человек не являлся с жалобой на какую-либо несправедливость. Отец радовался за сына; перед смертью он дал ему несколько наставлений касательно управления государством. Еще за год до своей смерти он провозгласил Людовика императором и умер с полной уверенностью, что оставил наследника, подобного себе.

Но Людовик не обладал гениальностью Карла Великого. Это был человек способный к труду, преимущественно административному, склонный к монашеской жизни; но в нем не было ничего, напоминавшего гений Карла. Теганус рассказывает нам об этих способностях. С первого дня своего самостоятельного управления империей после смерти отца Людовик мог уже заявить свое направление. В Ахене он приказал немедленно представить ему многочисленные сокровища отца, сестрам своим отдал законную их часть, а остальное все роздал церквам и монастырям на успокоение души Карла. Наибольшую часть сокровищ отправил он в Рим папе Льву, а то небольшое, что осталось, разделил между странниками, духовными, бедными, вдовами и сиротами; себе же оставил только один серебряный треугольный стол, на память об отце. Так распорядился этот оригинальный добряк громадными сокровищами, которые необходимы были для государства.

¹ *Astronomus. Vita sancti Hludovici imperatoris*, с. 19.

Затем летописец сообщает еще некоторые факты, свидетельствующие о благочестии и набожности того же короля. «Со дня на день возрастали в нем святые добродетели, которые было бы трудно перечислить». Он избегал всяких удовольствий, кроме охоты, никогда не смеялся громко, носил простую одежду, кроме торжественных случаев и выходов. Понятно, что под одним таким влиянием не развиваются правительственные способности. Взоры Людовика были постоянно обращены на Рим, на папу, которому он всегда старался засвидетельствовать и доказать свое глубокое уважение.

Настала какая-то мертвая и блаженная тишина после шумного царствования. Это была тишина перед разрушением. Мелкие войны с полабскими и балтийскими славянами, набеги норманнов и саксов на берега Галлии и Фрисландии, потеря Сардинии и Балеарских островов, которые были оторваны от империи испанскими мусульманами, — вот все факты внешней истории империи при Людовике Благочестивом. Постоянно проходили собрания духовенства, но административная деятельность шла по образцу прежнего времени. Слабость характера императора обнаруживалась прежде всего в отношениях с детьми. Он не мог сладить с ними; его правление прошло в почти постоянной борьбе с сыновьями. Мог ли он иметь время и способность управлять такой обширной империей, когда приходилось защищать ее от собственных сыновей, оберегая свой кров и даже свою жизнь.

Сыновья Людовика принесли ему много неприятностей. Из-за слабостей личного характера императора. При всем своем благочестии он был слишком женолюбив. Он сперва подчинялся влиянию первой жены своей Ирмингарды, а после ее смерти подпал под более сильное влияние второй супруги. Ирмингарда старалась доставить независимые владения своим сыновьям — Лотарю, Пипину и Людвигу. За идею единства и нераздельности империи стояло все духовенство, что очень естественно, так как прелаты были люди романского происхождения, среди которых императорский принцип был популярен. Кроме того, единство империи казалось необходимым для единства церковного. В междоусобицах Людовика с его детьми, в их упорной борьбе, в этой пестроте бурных событий мы видим борьбу двух начал, борьбу принципа империи, поддерживаемого всем духовенством, с принципом национальным, стремившимся раздробить империю Карла Великого.

Уже через три года по вступлении Людовика на престол Ирмингарда стала настаивать на разделе государства. В государственном акте, изданном в Ахене в 817 г., думали прикрыть злозвучными фразами, полагали, что этот раздел не был-де нарушением единства империи, которое скреплено самим Богом, что самое намерение разделить империю было бы величайшим соблазном для церкви и оскорблением величия Божия, а между тем на этот самый соблазн решались фактически. Императором при жизни самого Людовика был назначен его старший сын Лотарь, которого станем называть теперь по-латыни, с назначением владеть непосредственно Италией и Бургундией. Пипин получил Аквитанию, т. е. часть нынешней Южной Франции, Гасконь, Тулузскую марку, а младший сын, Людвиг, получил собственно Германию, т. е. Баварию, Алеманнию, земли аваров и формально Чехию, которая имела собственную национальную династию Премыслов. Себе же бывший император оставлял Галлию, в сущности среднюю и северную часть нынешней Франции (с прежней Австразией, т. е. с северо-восточными землями по Рейну). Два младших брата, Пипин и Людвиг, по трактату были связаны со старшим узами повиновения. Они обязывались приносить ему дары; без его согласия они не могли жениться, начинать войну и заключать мир; после их смерти подданные должны были признать общими королями их старших сыновей, чтобы не могло произойти дальнейшее деление королевства.

Полагали, что это поддержит единство империи. Только при таких условиях высшее духовенство согласилось на ратификацию договора. Но оказалось, что в тот грубый век нельзя было полагаться на родственные узы. В трактате было оговорено, что побочные сыновья не наследуют. Тут же явился обиженный в дележе побочный брат императора Бернгард. Он поднял восстание, но был укрощен, смирился перед бывшим императором, который, однако, в наказание выколол ему глаза. Лотарь поспешил короноваться в Риме, причем обряд помазания совершил над ним сам папа.

Но его отец плохо предугадывал будущее. Ирмингарда умерла. Дочь баварского графа Юдифь, блиставшая красотой и образованием, прельстила Людовика. Он женился во второй раз и полностью подчинился новой супруге. Она стала управлять за мужа государством. Ее влияние еще более усилилось, когда она подарила

своему благочестивому супругу сына, которого в честь знаменитого деда называли Карлом. На нем отец и мать сосредоточивали всю свою любовь. Задачей Юдифи с этих пор стало приискание возможно большего удела для любимца. Но при этом приходилось обидеть старших сыновей, которые давно располагали данными им уделами как собственностью. Это грозило новыми волнениями. Их должно было еще более усилить честолюбие Юдифи. Она пригласила к сыну в качестве воспитателя слепого дядю, герцога Бернгарда, а через него склонила вельмож и императора к новому переделу. Для Карла нашлась доля, составленная из других участков, а именно Алеманния, Эльзас и часть Бургундии. Церковная партия, которая отстаивала идею единства, потерпела поражение. Она убедилась, что раз допущенное деление влечет дальнейшие. Эта партия поняла, что ошиблась, но при этом старалась исправить ошибку; она решила бороться за свой принцип. Она поставила себе целью, по крайней мере, не допускать дальнейших ошибок, если нельзя будет исправить прежнюю. Известны последствия этой борьбы. Дело оказалось неправильно поставленным по существу, в силу основной причины, в силу того, что феодализм, по своей сущности, не мог примириться с империей, как вода с огнем. Конечно, деятели тогдашних событий, люди той эпохи, не понимали руководящей идеи; они направлялись только своими личными эгоистическими побуждениями, но тем не менее все эти мелкие частные факты сами собой обобщались в одну основную идею борьбы за единство и борьбы за феодализм.

Междоусобицы в его доме. Уже в 830 г. возникли междоусобицы. Их начал Пипин Аквитанский. Все три сына восстали против отца. Людовик Благочестивый был оставлен не только своими родными и друзьями, но даже духовенством, которое он всегда щедро наделял всякого рода добром. Войско ему тоже изменило. Бернгард, на которого надеялся Людовик, бежал в Испанию. Победившие пасынки отправили Юдифь в монастырь. Император должен был сдаться сыну своему, Лотарю, тоже императору. Последний собрал совет в Нимвегене, чтобы решить, что ему делать с отцом. Здесь феодалы постановили снова возвратить Людовику Благочестивому престол. Доли Пипина, Людвига (сына) и Карла были увеличены, причем прибавлено, что отец может награждать почтительных сыновей на счет непокорных. Но через два года Пипин поднял новое большое восстание в силу

того же принципа. Братья на этот раз не выдали Пипина, а приняли его сторону. Отцу приходилось плохо; войско опять изменило. Папа, который приехал с Лотарем к императору, в благодарность за расположение благочестивого Людовика, употребил все усилия, чтобы уговорить набожного венценосца покориться. Сыновья овладели отцом, которого Лотарь теперь повез в Компендию (нынешний Компьен). Тут разыгрались грязные сцены; сын убеждал отца идти в монахи. Епископы особенно грубо и жестоко обращались с императором, который их благодетельствовал; между ними были и такие, которых он возвысил из состояния последнего рабства до великих почестей, замечает Теганус¹. В конце концов император должен был принести в церкви местного монастыря торжественное покаяние; распростершись в прахе, лежал он перед церковным алтарем; его облекли во власяницу и лишили меча. Затем его посадили в тюрьму, подвергая самым недостойным оскорблениям, и все из-за того, что он переделил империю по неосторожному совету близких ему людей. Только Людвиг Немецкий освободил отца из рук Лотаря, который бежал сперва в Орлеан, потом в Италию. Людвиг созвал большое собрание (в Тионвилле в 835 г.), которое должно было разобрать дело. Там были наказаны четыре прелата (два архиепископа и два епископа), особенно грубо обходившиеся с императором. Юдифь снова вернулась и опять стала интриговать в пользу своего Карла; она сошлась с Лотарем, как с человеком, от которого ее сын был в невольной зависимости; Пипин между тем умер. Пользуясь этим, отец отдал Аквитанию Карлу, прозванному Лысым. На это последовал протест прямых наследников, вследствие которого вспыхнуло новое восстание. В это время Людовик Благочестивый умер, как самый набожный христианин, исполнив в последний час все обряды католической церкви, в 840 г.

Император Лотарь I (840—855). Начинается борьба за идею: быть или не быть Римской империи. Ее завещала древность. Начало единства оказалось неудовлетворяющим действительности; эта высокая идея была не по росту тем мелким людям, которые тогда действовали. За нее было высшее духовенство, потому что оно было галло-римского или чисто римского происхождения, потому что оно гналось за светским единством вместе с единством

¹ *Teganus. Vita Hludovici imperatoris*, с. 43.

церковным. Мы видели, с каким ожесточением прелаты отомстили императору Людовику Благочестивому за разделы Римской империи Карла, на совершение которых сами же соглашались. Но эти прелаты были виноваты, потому что ранее допустили осуществление распоряжения Людовика. Лотарю, его сыну, пришлось разыгрывать ту же самую роль, которая суждена была его отцу.

Когда умер его слишком несчастный и слишком добродушный отец, Лотарь был признан императором без сопротивления. Он и Карл Лысый нашли себе историка в Нитгарде. Это был человек, принадлежащий к высшей франкской аристократии. По удивительному и общему для того времени настроению умов он бросил меч и взялся за перо, поступил в духовное звание и скоро сделался аббатом. Может быть, писать историю его побудил наследственный талант. Отец Нитгарда, Ангильберт был славным ученым при дворе Карла Великого; притом он приходился родственником знаменитому императору, его зятем. Надо помнить, что Нитгард не совсем беспристрастен; он был связан узами дружбы с Карлом Лысым, к которому благоволил даже более, чем к самому Лотарю. Сперва Лотарь действовал в интересах Карла. Для него, исполняя предсмертное приказание отца, он разошелся с Людвигом Немецким. Эту борьбу Людвига и Лотаря в защиту Карла летописец объясняет какой-то предвзятой хитростью против Карла. Между тем он сам проговаривается, замечая, что Карл первый начал борьбу и вызвал месть Лотаря. Действительно, когда последовало сближение между Лотарем и Людвигом Немецким, положение Карла стало непрочным. Братья не хотели признавать распоряжений покойного отца и намеревались устранить Карла Лысого с дороги. Они решились защищать права сына умершего, Пипина Аквитанского. Но прежде, чем Карл был стеснен, оба брата успели поссориться, так что Карл мог примириться с Людвигом и выступить против Лотаря, который поддерживал Пипина II, правившего Аквитанией.

Битва при Тавриаке и Страсбургская клятва. В 841 г. близ Оксерра, при Тавриаке, сошлось триста тысяч войска. Лотарь был разбит и потерял сорок тысяч убитыми. Он укрылся в Ахене, откуда стал действовать на национальные германские элементы, склоняя в восстанию саксонских язычников против высших классов, против феодалов-христиан. Тогда Людвиг Немецкий и Карл

Лысыя сблизились теснее. В Страсбурге они поклялись перед войском блюсти неразрывный союз. Чтобы быть понятыми, они говорили на народных языках, притом нарочно Людвиг на романском, Карл на тевтонском. Эти клятвы записаны Нитгардом в оригинале. В них мы имеем древнейшие филологические памятники двух важнейших европейских языков¹. Эти образцы указывают, каковы были зарождавшиеся языки французский и немецкий в IX в. Перед этими клятвами были сказаны речи Людвигом по-романски, Карлом по-тевтонски. Но они не были записаны, а, вероятно, вымышлены историком. Клятвы королей, немецкая и романская, были таковы.

Людвиг говорил по-романски, желая быть понятным враждебному войску:

— *Pro Deo amur et pro christian poblo et nostro commun salvament, dist di in avant, in quant Deus savir et podir me dunat, si salvaraeio cist meon fradre Karlo, et in adiudha et in cadhunna cosa, si cum om per dreit son fradra salvar d'ist, in o quid il mi altresi fazet, et ab Ludher nul plaid numquam prindari, qui meon val cist meon fradre Karle in damno sit.*

Карл на это отвечал теми же словами, но по-немецки:

— *In Godes minna ind in thes christianes folches ind unser bedhero gealtnissi, fon thesemo dage frammordes, so fram so mir Got gewiżci indi madh furgibit, so haldih tesam minon bruodher, soso man mit rehtu sinan bruher scal, in thiu, thaz er mig sosoma duo; indi mit Lundheren in nohhein in thing ne geganga, the minan willon imo ce scadhen werhen².*

Затем поклялись воины, каждый на своем языке.

Франко-галлы клялись:

— *Si Lodhuwigs sacrament, quae son fradre Karlo jurat, conservat, et Karlus meos sendra de suo part non lo stanit, si io*

¹ *Нитгард*. *Historiarum libri IV*. (Русский перевод М. М. Стасюлеви-ча, II, с. 184.)

² Ради любви к Богу и ради христианского народа и нашего общего спасения от сего дня и впредь, насколько Бог даст мне разума и силы, так буду защищать этого моего брата, помогать ему и всякими другими способами, как надлежит по правде защищать брата, с тем чтобы и он мне сделал то же самое, а с Лотарем не вступлю никогда ни в какие сношения, которые, если мне станет известно, будут вредны ему (моему брату).

returnar non lint pois, ne io ne neuls cui eo returnar int pois, in nulla adjudha contra Lodhuwig uun li iver¹.

Предки будущих немцев говорили в свою очередь:

— *Oba Karl then cid, then er sineno bruodher Ludhuwige gesuor, geleistit, indi Ludhuwig min herro then er imo gesuor, forbrichhit, ob ih inan es irwenden ne mag, non ih noh thero nohhein then ih es irwenden mag, widhar Karle imo ce follusti ne wirdhic².*

Лотарь отступил к Провансу и там стал на Средней Роне. Епископы собрались в Ахене и объявили Лотаря лишенным отцовского наследства. Тогда стали делить империю, не посмевав, однако, тронуть Италии. Ясно было, что враги не смели обойти Лотаря, а всякое деление без согласия Лотаря ничего не значило. Наконец Лотарь согласился вступить в переговоры. Это было в 842 г., в середине июля. Эти дни имеют весьма важное значение. Тогда впервые было решено, что империя Карла разделится по трем народам — на государства Итальянское, Немецкое и Французское. С этого дня ведут свою историю три главные нации Западной Европы. Лотарь потребовал, чтобы Италия, Бавария и Аквитания остались за ним, но ему пришлось удовольствоваться одной Италией. Баварию получил Людвиг, Аквитанию с Галлией Карл; остальное же решено было поделить по участкам, так чтобы они прилегали к трем главным странам: Италии, Галлии и Баварии.

Верденский договор 842 г. Национальный принцип был положен в основу при совещаниях, происходивших сначала в Меце, а потом в Кобленце. Здесь в монастыре Св. Кастора было положено начало бытию трех национальных государств. Впрочем, совещания были прерваны на некоторое время, потому что сто десять послов, из которых ни один не знал географии, только путали дело. Они сознались в своем невежестве и разошлись, чтобы ознакомиться с местностью.

¹ Если Людвиг клятву, которою он своему брату Карлу клялся, сохранит, а Карл, мой государь, со своей стороны того не сдержит, а я не буду в состоянии его удержать и в том ему воспрепятствовать, то никакой помощи против Людвига не окажу ему.

² Если Карл клятву, которою он своему брату Людвигу клялся, сохранит, а Людвиг, мой государь, со своей стороны того не сдержит, а я не буду в состоянии его удержать и в том ему воспрепятствовать, то никакой помощи против Карла не окажу ему.

Окончательным последствием всех этих совещаний был трактат, заключенный год спустя в Вердене в 842 г. Этот трактат не дошел до нас в подлиннике, но о нем упоминает продолжатель Бертинских Анналов. В нем был признан национальный принцип, в силу которого Римская империя завершала свое существование, не просуществовав и столетия, а западный мир делился на три нации: итальянскую, французскую и немецкую. За Лотарем номинально остался императорский титул, который не давал никаких привилегий, не требовал обязательств за исключением того, что император должен был иметь две столицы: Рим и Ахен, т. е. древнюю и новую. По этому договору Лотарь, кроме Италии, получил широкую громадную полосу, которая соединяет Ломбардию с Северным морем. Эта полоса врезается клином во Францию и Германию. Ее обрамляют с одной стороны линия Альп и Рейна, с другой — линия Роны, ее притока Соны, Мааса и Шельды. С того места, где Сона берет свое начало на линии Базеля, направляясь с этого пункта далее на юг, весь край называется Бургундией. Считая с этого пункта на север до Северного моря, другая часть называлась *Lotharii regnum*, нынешняя Лотарингия. С тех пор за этой областью навсегда сохранилось название Лотарингии, вследствие ее принадлежности Лотарю. Особенно упрочилось название за этой областью с того времени, как Лотарь отдал эту часть владений своему сыну Лотарю II. Понятно, что, владея таким широким клином, Лотарь, повелитель Италии, мог влиять на королевство Немецкое и королевство Французское; с другой стороны, владение этим клином было неудобно, потому что соединение двух противников лишило бы Италию всей этой прекрасной горной области. Карл Лысый получил всю Галлию с Аквитанией, т. е. южной ее частью; последняя доставляла ему много хлопот, так как в ней не прекращали борьбы потомки Пипина. В действительности на юге Карл не мог утвердиться даже на время; трудно сказать, кто собственно правил Южной Францией. Наибольшее влияние имел герцог Тулузский, дом которого ведет свое существование с тех пор, до конца Альбигойских войн. Тогда же было положено начало антагонизму между Лангедоком и Францией, между языками провансальским и французским, который долго имел большое историческое значение. Владения Людвига Немецкого по Верденскому договору были расширены; кроме Баварии, он получил всю Германию от Рейна до отдаленных восточных границ с Майнцем,

Вормсом и Шпейером. За этими границами начиналась область Лотаря, а за ней от Мааса и Шельды владения французские. Теперь каждая из этих областей будет иметь свою историю. Конечно, феодализм придает им одинаковый характер, окрашивает все в один цвет. Феодализм представляет в сущности историю корпораций, сословий, цехов. Феодал не имел в виду интересов государства; он ничего не хотел видеть далее стен и ворот своего замка.

Набеги норманнов. Например, какое ему было дело до того, что норманны опустошают Галлию, сея всюду ужас? Эти обитатели Скандинавии принадлежали к тому же племени, к германцам. Они дольше всех тевтонов сохраняли древние национальные черты. Местность определила занятия викингов, этих морских королей, которые, не довольствуясь своим прежним состоянием, искали лучшего — то на берегах той же Скандинавии, то в отдаленных от нее местах. Извилистые берега Скандинавии содействовали морскому делу. На мелких судах, первое время даже без парусов, эти викинги со своими дружинами отдавались течению волн, ища берегов. Все, находящееся на берегах, они считали своей собственностью. Они называли это «страндгуг», право поборов. Эти наезды были бичом для ближайших соплеменников, у которых они убивали скот, мясо съедали, а шкуры уносили с собой. Тем беспощаднее были пираты, добираясь до чужих берегов. Тут они с лихвой вознаграждали себя за опасное, далекое и неудобное плавание. У них было правило не уходить назад без добычи.

Впервые они показали у берегов Галлии при Карле Великом около 800 г. Мудрый император предвидел в этом враге своим пронзительным взором большую опасность для государства. Норманны любили разорять преимущественно города и монастыри. Феодальные замки они оставляли в покое. Разграблению монастырей военные феодалы не могли не радоваться, потому что духовная аристократия была во вражде со светской. Людовик Благочестивый думал, что крещение умиротворит норманнов. Поэтому он пытался обратить викингов в христианство и давал им за это золото. Этим он только подзывал на лакомый кусок новых норманнов. В 841 г. они появились в устье Сены, а в 851 г. уже были в устье Луары. Проплыв по Атлантическому океану, они вошли в эту реку, разграбили Нант и осадили Тур. Но этого мало, в 844 г. совершенно неожиданно пираты появились в Гаронне. Разграбив Бордо, они на веслах поплыли вверх по Гаронне

и прошли до Тулузы, которую разорили. Им оставалось немного, чтобы, пройдя через водораздельную линию, попасть в Средиземное море. Далее этого дерзость их не могла простирается. В 846 г. они разорили Париж, приплыв на ста тридцати лодках.

Карл Лысый, в погоне за чужими владениями в Германии и Италии, будучи неспособен защищать свои собственные, позвал на помощь Лотаря, но и оба они ничего не могли сделать против норманнов, которые даже осмеливались вторгаться в глубь страны, разоряя внутренние провинции Франции. Карлу притом приходилось бороться против Людвига немецкого, который не прочь был поддерживать его мятежных феодалов на севере и юге. Карл при случае платил ему тем же. Чтобы отвлечь брата от таких действий, Карл не раз предлагал съезды. На этих съездах проводилась идея о солидарности интересов западных народов на континенте, хотя эту благую мысль не применяли на деле.

Император Людовик II (855—875). Когда в 855 г. Лотарь отказался от престола, разделив свою власть между тремя сыновьями, интриги Карла Лысого вполне обнаружились. Императорский титул вместе с Италией Лотарь передал старшему сыну, Людовику II; другому сыну Лотарю, своему тезке, он отдал часть бывшей Австразии, именно полосу между Рейном и Маасом, которую называли Лотарингией; эта земля свое теперешнее название получила, следовательно, с 855 г. Нижнюю часть этого широкого клина, т. е. Бургундию и Прованс с Лионом и Женевским озером, получил третий сын, Карл. Оба младших брата, Лотарь II и Карл, скоро умерли; их земли должны были отойти к старшему брату, а именно к Людовику II. Но Карл Лысый не допустил этого; он отбил Лотарингию, опираясь на свою партию. Только императорское оружие укротило его, причем эта область была разделена вторично пополам. В 875 г. Людовик II умер бездетным.

Император Карл Лысый (875—887). Карл спешил воспользоваться и остальным наследством — Италией. Людвиг Немецкий хотел отбить Италию, но не успел, так что Карл действовал свободно. Он мог легко добыть императорскую корону, пообещав кое-что папе и феодалам. Он не довольствовался империей и Италией. Игнорируя набеги норманнов, разбойничавших в его землях, он ищет случая воспользоваться достоянием племянников, которые, по смерти короля Людвига Немецкого, разделили Германию на три части: Карломан взял Баварию, Людвиг северную часть

Германии, Карл Толстый — Швабию. Воспользоваться немецким наследством Карлу не удалось. Он золотом купил мир у норманнов, с которыми не мог сладить оружием, и поехал в Италию.

Капитулярий в Кьерси в 877 г. Перед отъездом Карл созвал в город Кьерси светских и духовных сановников. Здесь он совершил две величайших политических ошибки. Он узаконил своим капитулярием все вредное, что фактически существовало в обществе. Он назначил своим преемником Людовика Косноязычного, своего сына, но это назначение купил ценой важной уступки. Эта уступка показывает, что Карл был не способен мыслить в государственном масштабе. 12 июня 877 г. не только санкционируется феодализм, но даже государственные должности приобретают наследственный характер. Бенефиции стали наследственными без различия возраста наследников. Мы знаем, как важны были обязанности графов, герцогов, сотников и т. д. Карл допустил, чтобы все эти должности пополнялись даже малолетними, т. е. допустил полный хаос и разложение общества. Это вредное постановление заключается в девятой главе Кьерсийского капитулярия. Там говорится следующее: «Если граф умрет, а сын будет с нами или в отсутствии, то управляет графством, по избранию короля, ближайший родственник, с епископом и королевскими чиновниками. Если сын малолетний, то он вступает в номинальное управление, под руководством назначенных лиц. Если сына нет, то преемника назначает король. Тот же порядок должны соблюдать и другие феодалы в своих землях». Понятно, что феодалы могли только благодарить за такой неожиданный подарок. Эту благодарность они выразили своеобразно. Карл на собрании вассалов предлагал вопросы относительно своих постановлений, а феодалы давали ответы. На заданный вопрос они отвечали: «Сия глава в ответе не нуждается, потому что она составлена и определена вашим благоразумием». Это показывает, как управлял внук великого императора. Самоуправство, насилие вводились в закон. Герцогом, графом мог быть пятилетний ребенок. Результатом Кьерсийского капитулярия было политическое расчленение государства и распад империи на мелкие части. Карл Лысый умер в том же году в пастушеской хижине на Мон-Сенисе, на обратном пути из Италии, куда призывал его на помощь Иоанн, теснимый римскими патрициями. Император умер, может быть, от болезни, может быть, от отравы, данной ему случайно его врачом, евреем Седекией, немелом лечившим императора от лихорадки.

После его смерти, при неспособных и еще более ленивых преемниках, беспорядок усиливается в высшей степени и настает продолжительная анархия.

Но, пользуясь этой анархией, зарождается новая политическая идея самостоятельности германских и других народов, стремившихся к выделению из громадной римской империи Карла Великого. Настало время возникновения новых государств в Европе. Оно связано с распадом великой западной монархии, просуществовавшей немногим более полувека, и с возрастанием могущества папской власти.

7. Усиление папства и мусульманства до середины IX в.

Условия роста авторитета пап. Наука нашего времени приступает к рассмотрению величавых судеб папства, уже обогащенная целым рядом самых противоположных, но одинаково достойных внимания трудов. Поэтому она не может смотреть на эту долгую историю легкомысленно; она не станет вносить в нее ненависти протестанта или сарказма радикала. Римская церковь сложилась вследствие благоприятных политических обстоятельств, но более всего она своим могуществом обязана тактике своих римских вождей, силе их ума, в моральном отношении не всегда безупречного.

Когда христианская религия, по воле императоров, сделалась государственной в империи, нахлынули варвары. Западная империя рухнула, но Восточная уцелела. Крест высился и торжествовал над развалинами. Германцы получили его в наследие, как завет их будущей исторической жизни. Они дали новые политические формы западному миру; они разрушили памятники его величия, доконали искусство, но не могли не поддаться праву и религии павшей империи. Они задалась задачей поддерживать эту империю, хотя бы в идее. *Non nobis conflagimus, nobis perimus, tibi vincimus* — мы бьемся, мы гибнем и все это для вас — говорили варвары римлянам. Так писал кунинг Валлия Гонорию. Такова была сила этой идеи общего единства охраняемой религии.

Рим взял на себя право быть представителем христианства по отношению к варварам. В V в. Рим был обыкновенной патриархией, считаясь лишь номинально центром западного христи-

анства; его епископ был гораздо ниже патриархов Константинополя, Антиохии, Александрии и Иерусалима по могуществу и влиянию. Он, правда, указывал, что в вечном городе владыкой был апостол Петр, что любимый ученик Спасителя был замучен здесь, но на это мало обращали внимания гордые своими преданиями восточные иерархи. Последние указывали на больший ряд страдальцев за веру не только в своих столицах, но даже в мелких городах. Там на Востоке мощами их украшались даже селения; Италия же не могла состязаться памятниками христианства не только с Сирией, но даже с Африкой. Мало доверяли и завещанию, данному Спасителем апостолу Петру, которому не хотели уступить именованья верховного. Многие протестантские историки отрицают самый факт пребывания апостола Петра в Риме¹.

Как резиденция западного патриарха, Рим, следовательно, не мог рассчитывать на ту блестящую будущность, которую вторично предопределила ему судьба. Этому городу для того, чтобы думать об ином, нравственном влиянии, надо было приобрести прочный духовный авторитет в пределах Италии, что могло обещать со временем и материальную силу. Как бы то ни было, но с влиянием духовным связывается и реальное; папы рано узнали эту истину и действовали во имя ее со всей последовательностью, чем и объясняется их могущество. Действительно, еще при последних императорах епископам римским удалось обратить на себя внимание итальянцев. Тогда положение в стране было ужасным. Италия буквально терзалась на куски варварами: каждый день проходил в страхе; кровь, зверские истязания и, как лучший исход, безответный грабеж, отсутствие власти и законов — все это было слишком обыкновенно. Аларих вел дружины готов на Рим; грозный вождь все истреблял на пути; Гонорий заперся в Равенне. Столица трепетала от страха. Она была совершенно беззащитна. И вот ее духовный владыка, Иннокентий I (402—417) спасает ее своими мольбами, спасает если не от покорения, то от разграбления. На нее устремляется с полумиллионным воинством Аттила; бич Божий грозит не оставить в ней камня на камне (452 г.). Валентиниан III забыл о бывшей столице и,

¹ Например, *Weingarten, Zeittafeln zur Kirchengesch.*, 1844. Пребывание апостола Петра в Риме он считает легендой явно еврейского происхождения, сочиненной в середине II в., ради которой известный пожар Рима перенесен с 64 на 67 год.

к общему удивлению, архипастырь ее одними мольбами укрощает завоевателя. Слезы Льва I (440—461) и напоминание мести Божией совершили, по мнению народа, чудо в лагере гуннов.

Итак, духовной власти как бы покровительствует само небо; лишь ее заступничеством живет народ. Будто по предварительному договору, эти отцы Рима, эти «папы» — как прозвали их варвары от испорченного греческого слова, — поставили себе целью заботиться лишь о благе паствы. Они помогают ей хлебом; они утешают ее в несчастьях; они ищут случая и повода к какому-либо чуду в глазах толпы; их предсказания всегда такого рода, что сбываться для них становится необходимостью. Титулярные императоры были вовсе не известны жителям Рима, Милана и даже Равенны; они возводились и низводились варварами. Сенаторы и народ имели дело лишь с папой; у епископов скорее можно было найти правосудие; их наказания были несравненно легче, а суд справедливее; они хранили у себя крепкое старое право, уже исчезавшее из жизни. Только среди лиц духовных укрывалось какое-либо образование, ими же преследуемое в массах. Изредка основывались монастыри, которые уважались варварами; в этих обителях тишины можно было еще найти покой; там стало собираться все, что только искало духовной жизни. Их было еще немного, когда последовало падение империи; около того же времени Св. Бенедикт дает им организацию. Сперва обитатели монастырей не были даже духовными лицами, а считались всегда мирянами, но их жизнь внушала уважение самим варварам; из них начинают избираться священники и епископы. Они быстро завоевывают себе первенство; в конце V и начале VI в. монашеский мир делается интеллигенцией и руководящей частью духовенства. Их одежда, их многочисленность, их образ жизни — все это заставляло склоняться перед ними самих дикарей. Белое духовенство они грабили, но не решались наложить руку на монастырь. В устройстве обителей зародились идеи правильной администрации, перешедшие потом в иерархический строй под главенством римского епископа, приобретающего в это время общего хаоса и разложения форм нравственный авторитет. Иногда он еще состязался с влиянием епископов Милана и Равенны, но стоит приложить некоторые силы — и их можно победить; потом следует распространить владычество на церкви Испании, Галлии и Британии. Идея власти уже сама по себе требует известной правильности в организации, градаций. Потому несправедливы были нападки писателей-кальвинистов на

деспотическую организацию католической церкви; это значило бы переносить понятия XVII в. на век VII. Особые условия времени и обстоятельств требовали известного абсолютизма; на священниках лежало преемничество рукоположения, а на епископах тем большая сила; они верховники уже в силу своего звания; связь с апостолами дает им непогрешимость — догмат, который старались в Риме узаконить весьма рано и который был включен в веру при тесном воздействии папской политики в период хаотического состояния Италии.

Остается только расширить территорию и распространить это полезное влияние за пределы полуострова; об этом папы заботятся с конца VI в.

Прежде всего необходим полный простор для осуществления планов в самой Италии. Ostготы, а потом греки покорили ее. Уже прошло время Теодориха; Рим твердо держал знамя веры. Он задумал свержение ига, но о борьбе реальной не может быть и речи. Необходим тонкий государственный ум, и он явился в лице Григория I. Мы уже упоминали, что римская церковь канонизировала его, а история прозвала Великим за даровитость и искусство соединить высокий исторический подвиг с благородством нравственного характера. Он положил начало зданию католицизма, а это, конечно, мог сделать лишь выдающийся талант.

Причины усиления папской власти в VII в. Экзарх греческого императора, живший в Равенне, был чужд интересам итальянцев; он и не следил за той новой властью, которая созидалась в самом центре полуострова. В Италии начинали с того, что признавали духовный авторитет римского престола, а оканчивали тем, что не отвергали и некоторого правительственного надзора с его стороны; в той степени, как распространялось римское влияние, падал авторитет экзарха¹. Нашествие лангобардов могло лишь помочь папскому делу. Заняв Северную Италию, они, как ариане, прогнали архиепископа миланского, который бежал в Геную со всем миланским католическим клиром. А в Генуе он не мог обойтись без поддержки со стороны Рима, поддержки, обратившейся в господство, потому что с тех пор миланские иерархи стали посвящаться в сан папой. Конечно, и епископы равеннские должны были подчиниться общему тяготению. Стоило только приобрести влияние такого рода; магическая сила заправляла успехом. Остановимся на одном из мотивов. Рань-

¹ Кудрявцев. Судьбы Италии, с. 166.

ше феодальных понятий возникло в среде римского клира убеждение в необходимости владения землею как для существования, так и для получения доходов, с целью осуществления великих предприятий, будто судьбой завещанных Риму средневековому Римом старым. Поземельный надел и впоследствии, например в XII в., как увидим, много содействовал интересам церкви; он уравнивал притязания абсолютизма над епископским началом; он не дал возможности перевеса светской власти; он был опорой равновесия в папско-императорской борьбе. Так важен был этот экономический элемент, особенно существенный для понимания истории отношений папства к империи.

Политика папы Григория I. И в Риме рано поняли важность земельной собственности; уже первые папы стремились к ней. Они завели себе патримонии в разных местах Италии, особенно в Кампании и Сицилии. Патримонии соединялись в несколько округов, из которых каждый состоял под управлением особого ректора¹ и под ним дефензоров с полномочной властью. Они считались викариями, наместниками папы. Грузы хлеба отправлялись отсюда в Рим; колонны, этот полукрепостной народ, были довольны своим положением; на них непосредственно отражалось благотворное влияние пап; с отеческой заботливостью относился к ним Григорий I, как доказывают его письма². Папство, как вообще христианство в первое время своей истории, было на стороне слабого против сильного. Строго следил Григорий за поступками правителей; он связывал их административные обязанности с религиозными; смело, в глаза бичевал он всякое уклонение от правды. С Григорием I не связано понятие о той хитрой политике, в которой уличают позднейших носителей тирары, легко осуществивших самые смелые его мечтания. Он следил за губернаторами греческими не только в пределах Италии; его власть ощущалась на островах и даже в Африке. Иногда он, минуя экзархат, доводил извещения о злоупотреблениях правителей прямо до сведения византийского двора, как, например, в письме императрице Констанции³; он в глаза уличает проконсула Италии в лихоимстве и угнетении, сопровождая это уроками

¹ *Hehel. Geschichte der Staedtefreiheit von Italien, I, 160.*

² *Epistola S. Gregorii. I; 42, 70. Migne. Patrologia, LXXV—LXXIX.*

³ *Epistola S. Gregorii. IV, 33.*

на будущее¹. И общество, и он сам хорошо понимали, что в период политического и гражданского беспорядка духовному лицу приходится отправлять и светские обязанности. «Знайте, — пишет Григорий, — мы живем в такое время, когда здание власти (*in regibus arce*) должно быть так устроено, чтобы заботиться не только о спасении душ, но и о внешней пользе подданных, а также об их безопасности»². Он переписывается с одичавшими от разнужданности франкскими королями. Восхваляя ревность какого-нибудь Хильдеберта в вере³, Григорий, в знак особенной приязни, посылает ему для ношения на шее как святыню, ключи, которые он сам называет Петровыми и в которых, по его словам, вложена частица от уз Св. Петра. Множество писем к Брунгильде, к королям франкским; Теодориху, Теодеберту, Хлотарю I, к вельможам и епископам Галлии, к королям и князьям лангобардским, к Теоделинде, благодаря которой, наконец, ему удалось распространить католицизм на завоевателей Италии, к кунингам весготским, к королям англосаксонским, к которым, как к небожителям по имени, посылает Августина заменить восточные обряды западными, — все эти плоды его деятельности были началом предстоявшей гегемонии Рима.

Таким образом, едва только зародился порядок в Италии, как уже возникла мысль о подчинении ее авторитету всей Западной Европы, и эта мысль упорно и быстро воплощалась в действительность.

Усилия Григория I были далеко не бесплодны. Епископы Галлии начинали свыкаться с этим подчинением верховному надзору Рима; если Германия не входила в планы папы, то ее увлекли туда первые проповедники, вышедшие из только что покоренной Англии. При всем таком успехе Григорий I был слишком скромн и слишком хорошо знал свое время, чтобы увлекаться гигантскими думами Гильдебранда или Иннокентия III. Его тон в обращении даже к подчиненным епископам полупочтителен; эпитет *universalis* он прямо называет *vocabulum stultum*. Не одно горделивое самоунижение было в его титуле — *servus servorum Dei*, которым он наименовал себя в отличие от патриарха константи-

¹ *Epistola S. Gregorii*. VIII, 20.

² *De extrinseca subjectorum utilitate et cautela*, VIII, 40.

³ *Epistola S. Gregorii*. V, 6.

нопольского, принявшего имя Вселенского. При объяснении его характера надо помнить прежде всего, что он был аскет по убеждениям; как аскет, он ненавидел литературу небогословскую; как аскет, он жег памятники язычества.

Всевластие папское, как всякое историческое явление, складывалось долгим путем: случайности тут не было; ряд испытаний и успехов шел на протяжении веков; особенности ума, искусства и способностей деятелей только распоряжались временем явлений. Образ действия Григория I умерен, а в течение нескольких десятков лет после него на глазах пап далеко не гениальных римская патриархия возвышается, когда другие падают; когда константинопольская исчезает в блеске византийского двора, когда Антиохия, Александрия и Иерусалим оказались под властью мусульман, тогда один епископ Рима высится своим могуществом над всеми духовными властями.

Успехи ислама. Папство, направленное после деятельности Григория I на верный путь, могло расти само по себе, но оно подвергалось существенной опасности. В продолжение следующих ста лет ислам совершил необычайные завоевания, грозя не только Риму, но и христианству вообще. Уже было замечено, что своими успехами ислам был обязан прежде всего фанатической идее, им двигавшей, опиравшейся на фатализм, и затем — раздорам, обуревавшим христианство. В начале VIII в. само существование христианства было в опасности. То, что в исламе было много внутренней силы, неудержимо покорявшей сердца, ясно из того, что христианство за восемьсот лет не создало половины того, что удалось мусульманству за пятьдесят. В VIII в., в центре Европы, в Германии язычество было в полной силе, так что для проповеди требовались десятки миссионеров; зато везде, где прошел меч арабов — от Алтая и Китайской стены до Атлантического океана и от Каспийского моря до конца Индостана и Индийского океана, — везде в этих неизмеримых пределах не было идолопоклонства. К христианам и евреям мусульмане относились полупрезрительно, но идолы уничтожались огнем и мечом. Проповедь ислама должна была остановиться там, где сама природа ставила преграды его распространению. Когда мусульманское воинство дошло до Атлантического океана, то ему некуда было идти вперед. Тогда вождь на коне въехал в море и, глядя на далекие Канарские острова, восклик-

нул: «Великий Аллах! Если бы не был я остановлен этим океаном, я пошел бы дальше, в неизвестные царства Запада, проповедуя единство Твоего святого имени и поражая мечом непокорные народы, которые поклоняются другим богам, кроме Тебя».

Впрочем, выход нашелся.

Мы говорили уже, как Муса, наместник Африки, разрешил Тарику вторгнуться в Андалузию, эту Гесперию древних, куда призывали мусульман междуусобицы христиан. После победы своего полководца он сам явился туда. Покорение Пиренейского полуострова было довершено, и остаток готской армии был изгнан в Галлию. При Карле Мартелле мусульмане дошли до Луары. Христианские церкви уничтожались, монастыри пылали. Муса имел намерение идти через Южную Галлию на Италию и проповедовать единство Аллаха и посланника его Мухаммеда в папском дворце. Отсюда он хотел через Иллирию идти на Константинополь и, положив конец Римской империи и христианству вообще, перейти в Азию, чтобы повергнуть свой победоносный меч к ногам халифа в Дамаске. Если этого не случилось, если Рим и папство уцелели, то причиной было не христианское оружие, не поражение мусульман под Тулузой, а раздоры, которые охватили чрезмерно увеличившийся халифат. Появились придворные интриги, зависть; Муса, завидовавший Тарику, посадил его в тюрьму, но за последнего вступились в Дамаске; Муса, в награду за свои завоевания, был высечен и заточен.

Затем халифат разделился на *Дамасский* (Абассиды), *Каирский* (Фатимиды), *Багдадский* (Омейяды). Во всяком случае, именно в разделении халифата на части и в наставших междуусобицах в мусульманском мире заключалась существенная причина спасения Рима и усиления папства.

Об обстоятельствах разделения великого наследия Мухаммеда мы будем говорить ниже. Теперь заметим только, что мусульманская Испания отошла под власть династии Омейядов и, под именем Кордовского наместничества, долго составляла часть Багдадского халифата. После восстания против Омейядов в Багдаде халиф Абдеррахман, спасаясь от насильственной смерти, постигшей всю его родню, бежал из Азии и в 755 г. перенес свою резиденцию на Пиренейский полуостров. Так был основан самостоятельный Кордовский халифат. Эмиры, правители отдельных областей, недовольные близостью незванного халифа, заволнова-

лись, и один из них, правитель Сарагосы, призвал на помощь франков из Галлии. Это дало возможность Карлу Великому вернуть христианству значительную часть Испании до реки Эбро в 788 г., названную Испанской маркой.

Начало церковного подчинения Германии Риму. Бонифаций. Папство могло тогда сосредоточиться на Германии и в этой стране укрепить свою власть. Мы говорили о том, каких верных слуг папство нашло для себя в англосаксонских кунингах. С тех же островов, т. е. с Эрина (Ирландии) и из Британии вышли проповедники для Германии и для Северной Европы, где христианство еще не было распространено. Они руководствовались одним религиозным чувством. Их соблазняли не почести и награды, а слава мучеников. Колумбан и Галл из Ирландии еще в начале VII в. распространили христианство в нынешней Швейцарии. Из Британии в VII и VIII столетиях действовали Килиан во Франконии, Эммерон в Баварии, Руперт в Зальцбурге, Виллиброду фризов и саксов.

Самым замечательным был англосаксонец Винфрит, бенедиктинский монах, прозванный Бонифацием (благодетелем). Он проповедовал в средней Германии в 718—755 гг.¹. Он доходил до жилищ восточных саксов, начав свою пропаганду с берегов Рейна по Франконии, Тюрингии и Гессену. Отправляясь на проповедь, он в 723 г. присягнул папе. Он собирал германцев в определенных местах для назидания и выслушивания проповеди; в этих пунктах после возникли города. Устроив епископские и монастырские школы, как, например, в Фульде, он заботился о распространении вероучения и одновременно цивилизации. Подобно тому, как Паулин в Нортумбрии, Винфрит в Германии собственноручно сокрушал язычество, разрушая храмы, свергая идолов в священных лесах вместе со священными деревьями, в которых, по мнению язычников, заключалось божество. Замечательно, что Бонифаций в своем донесении папе жалуется не столько на язычников-франков, сколько на христианских миссионеров из франков. Это показывает, в какие руки папство предавало высокое дело проповеди. Война и охота были занятием этих миссионеров. «Здесь, — пишет Бонифаций, — уже

¹ Источники: *Willibaldus, Vita Sancto Boninfacil; Pertz, Monumenta Germaniae historica*, II, с. 334—353) и дополнение анонимного майнцского священника (там же, с. 357).

давно христианская религия, ранее насажденная, находится в совершенном унижении. Франки более восьмидесяти лет не созывали соборов и не имели архиереев». В 746 г. папа назначил его архиепископом Майнцским, а за три года перед тем он торжественно подчинил всю свою паству римскому престолу. Таким образом, папа был признан в Германии единственным главой. Но Бонифаций не удовлетворился почестями архиепископского сана; он продолжал обращать язычников. Однажды он направился к новопросвещенным фризам, чтобы торжественно преподать им благословение. Толпа вооруженных дикарей бросилась на его спутников, рассчитывая на добычу. Свита взялась за оружие, но архиепископ запретил проливать кровь и был убит вместе с пятьюдесятью тремя спутниками. Умирая, он оставил многолюдную Германию в духовное наследие папства, которое от этого стало сильнее не только нравственно, но и материально.

Папство в VIII в. Арабы приносят Коран в Испанию, но при Григории II (715—731) начинается католизация Германии Бонифацием. Григорий III (731—741) уже может грозить восточному императору отпадением Италии. Защищая догмат иконопочтения, он приобретает себе горячих сторонников на полуострове в полемической борьбе против Льва Исавра. Иконоборство, о котором будем говорить после, лишь содействовало разрыву духовных связей между Византией и Римом. Восьмое столетие имеет большую важность в истории папства и особенно Италии. От пап зависело тогда направление хода политических событий на полуострове. Наступал роковой момент.

То было время понтификата Захарии I (741—752), Стефана IV (752—757), Стефана III (768—772), Адриана I (772—795), Льва III (795—816). Папы могли позволить лангобардам создать сильное и независимое итальянское королевство, создать его раньше, нежели какое-либо из европейских государств, и в то же время от них зависело воспрепятствовать этому и обусловить величие своей страны и свое собственное, т. е. величие римской курии. Первый исход был бы проще; может быть, он не дал бы Италии той богатой духовной и экономической жизни, какая наблюдалась в ней в XIII—XV столетиях, но он создал бы твердой рукой германского племени физически могучее государство. Второй исход давал Риму или собственно римской курии, вторичную диктатуру над Европой, но откладывал

этим образование единого итальянского королевства с VIII на XIX столетие. Папы избрали последний исход, и за это их проклинали Данте, Макиавелли и многие итальянские патриоты.

Папа Стефан II (752—757). Стефан II, получив Равеннский экзархат за возведение Каролингов на галло-германский трон, как благодарность от Пипина, принимая его как наследие Св. Петра и за это одарив кунинга титулом римского патриция, решил на долгое время судьбу папства и Италии, хотя не положил этим начало папскому всевластию, как думают некоторые¹. Дело в том, что таким образом, а тем более увеличением территории римской при Карле Великом, папы отдавались под покровительство власти более сильной, чем власть лангобардская, а именно подчинялись западным римским императорам. А такое покровительство в сущности приравнялось к союзу слабого с сильным; папы знали, что, создавая сильное и прочное государство в самом центре полуострова, они потеряли бы созданную ими собственную власть, которая упрочилась бы при надзоре из далекого Ахена или Парижа. Бесспорно, что Карл Великий не мог обойтись без эгоистического побуждения, но папы, подобные Адриану, настолько понимали свое положение и, скажем, настолько провидели будущее, что, сознавая силу Каролингов, унижались перед императорской короной, использовали все уловки слабого в надежде на благоприятное влияние времени.

Папы Адриан I и Григорий IV (827—844). Адриан в своем письме не знает, как возвеличить Карла: «Величайший из королей, — пишет он ему, — господин мой, богом поставленный великий король, сладчайший и возлюбленнейший из сыновей, превосходнейший, наиславнейший король». Не всегда же, рассуждали папы, будет сидеть на престоле Великий Карл, одно имя которого придает гордость королям, — и ожидания их оправдались. Самые деятельные и даровитейшие императоры не унаследовали счастья Карла и его политических успехов. Этот человек был государственным деятелем настолько, чтобы не следовать влечениям личной дружбы. Покорив Ломбардию, он не думал присоединять ее к владениям римского престола; напротив, он всегда искал случая уменьшить эти владения. Его миссы (наместники) овладевали папскими городами, например в Сабинском крае, в Беневенто, в Тоскане.

¹ Например, *Walchs. Römischen Päpste.*

Удовлетворяя молениям своего друга, Карл сделал видимые уступки; он закрепил снова за Римом отнятые города, но оставил за собой административный и судебный распорядок. Как же, спрашивал в недоумении первосвященник, как мы будем управлять этими городами, когда жители без нашего разрешения могут делать, что им угодно. Дошло дело до того, что папа стал просить уже об одном: не уменьшать старых владений Св. Петра (*ut nullam novitatem imponere*). Но папы, понимая дело, терпели пока все. Тотчас же после смерти Карла характер событий видоизменился; наследник могучего императора — покорный раб церкви. Затем начинаются междоусобицы — и вот Григорий IV в 838 г. смело и громко провозглашает *независимость духовной власти от светской*. Друзья освободились от всякого надзора; им сопутствует успех, а от успеха растет их авторитет. Около этого времени папство подвергается внешней, мимолетной опасности. В 846 г. мусульманские пираты входят в устье Тибра и появляются под стенами Рима. Они не пытаются взять город, но свирепствуют на Ватиканском холме. Из церкви Св. Петра они берут серебряный алтарь и отсылают его в Африку.

Это были последние усилия фанатических последователей ислама в Западной Европе.

Самые важные факты развития папской власти совершились за два столетия, IX и X. Авторитет папства, упроченный политикой Григория I, папами Захарием и Адрианом, усиливался уже сам собой. К этому авторитету уже начинают привыкать.

Лжеисидоровские декреты. Николай I (858—867), не разбиравший средств, пускает в ход лжеисидоровские декреты. Теперь подделываются постановления соборов и выдумывается небывалая переписка; всему миру доказывается, что папа — единственный наместник Христа на земле, общий владыка всех церквей, что только он имеет право назначать и отрешать епископов, что лишь ему подсудны все духовные чины, что лишь он может созывать соборы, самая власть которых исходит-де от него же. В стройных и резких формулах создается каноническое право западной церкви, о развитии которого нам придется еще говорить несколько раз; возникает положение о неподсудности духовных мирянам.

При Иоанне VIII (872—882) Рим смело вмешивается в политические события; обещанием короны Карлу Лысому у светской

власти, которую так высоко поставил Карл Великий, вырывается торжественное заявление, что императорская корона переходит не по праву наследства, а по воле святейшего отца-папы. Эта столь важная для Рима грамота подписана днем Рождества 875 г., а через два года совершилась и коронация. Слабейшему и малоспособнейшему из государей суждено было так прихотливо сделаться виновником двух важнейших событий христианской истории; можно сказать даже, что он невольно направил средние века известным образом. В Кьерси, 12 июня 877 г., он узаконивает феодализм своим капитулярием, а после коронования в Реймсе признает за епископом римским именование *papa universalis*, подчиняя этим ему все другие церкви и номинально даже восточные патриархии. И оба эти столь важнейшие постановления делаются в сущности лишь ради достижения вожделенной короны Италии. Но решительное заявление о первенстве вызвало и решительный раскол между церквами Востока и Запада. Они разделились, и дальнейшие попытки примирения были напрасны. Теперь судьба римской курии складывается своеобразно. Идея церковной гегемонии, высказанная во всеуслышание, укореняется в истории. Но она должна была выдержать тяжелые испытания. Со второй половины IX в., а особенно в следующем, X столетии, поступательное движение папской идеи несколько ослабло. Причины этого коренились в изменении характера политической жизни Западной Европы.

Карл II Лысый, согласившись подписать капитулярий в Кьерси, в сущности подписал смертный приговор империи, узаконив расчленение и произвол. Его преемники были еще слабее. Династия Каролингов преследует какое-то таинственное вырождение. Она умирает без борьбы под напором феодалов.

Элегия Флора. Образованные современники хорошо понимали это и сожалели о падении империи. В VII томе собрания французских хроник находится весьма интересная в этом отношении латинская элегия, написанная лионским диаконом Флором под впечатлением грустных событий, разворачивавшихся перед его глазами. Это очень важный литературный памятник для историка. Вот что читаем между прочим в этих строфах: «Под чудной диадемой процветала прекрасная империя. Был один государь и один народ; все города имели судей и законы; ревность пастырей поддерживалась частыми соборами; молодые люди по-

стоянно читали священные книги; ум детей постоянно упражняли на изучении литературы; любовь и страх везде поддерживали доброе согласие, и потому нация франков блистала в глазах целого мира. Иностранные государства, греки, варвары, сенат Лациума отправляли посольства к франкам; поколения Ромула, сам Рим, метрополия государства подчинялись франкам. Счастлива была империя, если бы только она понимала свое счастье, имея в Риме опору, а в Апостоле своего основателя. А ныне разрушилось это великое государство, потеряло со своим блеском самое наименование империи и свою прочность; то, что недавно еще было прочно соединено, разделилось на три части; нет никого, в ком бы можно было видеть императора; вместо короля владеют империей князья, а вместо королевства [мы видим его] обломки. Общего блага не существует; каждый заботится о своих интересах; думают обо всем, один Бог забыт. Пастыри Господни, привыкшие собираться вместе, не могут иметь церковных соборов среди такого хаоса. Нет более народных собраний, нет законов. Напрасно ждать чужеземных посольств там, где нет двора. Что станет с соседними народами по Дунаю, Рейну, Роне, Луаре и По? Все, прежде соединенные узами согласия, теперь, когда союз разрушен, будут терзаемы мрачными раздорами. Чем гнев Божий разрешит все эти бедствия? Нет такого, который размышлял бы без ужаса о настоящем; многие даже радуются распаду империи, называя миром порядок вещей, который ничем не напоминает ни одного блага мира»¹.

Из этого памятника видно, что масса не разделяла печали автора, ибо все свершилось так, как желало того громадное большинство. Большинство же, разделенное между собою языком и даже происхождением, стремилось к разложению по национальностям. Это распадение империи всего сильнее обнаружилось после смерти Карла II Лысого, уподобляясь движению по наклонной плоскости.

Император Людовик III (877—879). Прямым наследником императорской короны после смерти Карла II Лысого был его

¹ *Drepanins Florus. Epistola seu carmen ad Madonium Audustodunensem episcopum, apud Bouquet, VI, 262.* Поэт, богослов, он был около 850 г. капонином в Лионской епархии. Умер около 860 г. Те же места в «*Querela de divisione impirii post mortem Ludovici Pii*», apud *Bouquet, VII, 301.*

сын, Людовик III Косноязычный, прозванный современниками совершенно справедливо лентяем¹. Он был в душе феодалом, хотя в то же время на его стороне был папа Иоанн VIII. Когда некоторые вассалы не хотели признать Людовика III императором, то папа Иоанн VIII на соборе в Труа проклял недовольных.

Игнорируя детей Людовика III после его смерти, Людовика (880) и Карломана (882), которые в памятниках считались одновременно государями Галлии и жили в тесной дружбе, национальная галльская партия вместе с прелатами на юге выдвигает на сцену историю герцога Бозона, зятя Людовика Благочестивого, сестра которого была женой Карла Лысого. Сторонники его поддерживают, но встречают сильное противодействие своим желанием со стороны врагов. Однако Бозон не унывает и хочет во что бы то ни стало получить королевскую корону и власть. Шесть архиепископов и семнадцать епископов Южной Франции при содействии папы образовали новое провансальское государство и передали королевскую галльскую корону тому же герцогу Бозону. Наследники Людвига Немецкого и Людовика Косноязычного, т. е. законные короли Германский и Франко-Галльский, заявили на это претензию, но без успеха. Тому и другому едва можно было уследить за собственными владениями; к тому же они скоро умерли. Пярых наследников отавалось только двое: сын Людвига Немецкого Карл, по прозванию Толстый, и сын Людовика Косноязычного, Карл Простоватый, который был в это время пятилетним ребенком.

Император Карл III Толстый (881—887). Карл, прозванный Толстым, с 881 г. считался императором, хотя и номинально, а с 885 г. королем франков и Галлии. Личность его сама по себе была ничтожна. Не ему было сохранить порядок и мир в этом хаосе. В то время герцог Бозон, кандидат национальной партии, повелевавший Провансом, Лионом, нынешними Франш-Конте и Савойей, был гораздо сильнее императора. Впрочем, сильнее императора был всякий крупный вассал. В Аквитании, например, герцог Басконии, владевший землей между морем, Пиренеями и Гаронной, совершенно не признавал власти Каролингов и основал свою династию. Вместе с Басконией отделились от империи: христианская Испанская марка, где столицей была Барселона,

¹ Французские историки считают его, как короля французского, Вторым (Louis II, dit le Begue).

Септимания, где, кроме того, были отдельные графы, виконты Нарбона, Каркассона, Нима и Безьера, герцогство Тулузское с Эвдоном и Овернь. Понятно, что в Северной Галлии, в славянских и аварских землях, даже в Италии, власть Карла Толстого, едва способного управлять самим собой, признавалась только номинально. В Германии, впрочем, присягнули императору все, даже крупные властители. Там даже возлагали на него большие надежды, но неудачная война с норманнами на Маасе, постыдный договор с разбойниками, которые получили от императора дань золотом, награбленным Карлом специально для них в окрестных церквах, — все это озлобило против недостойного императора феодалов Германии, поспешивших отделиться от него.

Герцог Одон (Эд). Среди этих всеобщих беспорядков и общего измельчания является в Галлии крупная личность — Эд, или Одон, сын Роберта (по-тевтонски «ode» значило «богатый»). Одон стал герцогом Парижа в 866 г. Через двадцать лет после этого Парижу пришлось перенести страшное испытание. Среди общих неурядиц, на семистах расписанных лодках, норманны вторично вошли в реку Сену и осадили Париж. Императору Карлу Толстому как бы не было никакого дела до того, что происходит в Галлии. Он медлил и не высылал помощи осажденным парижанам, и потому Парижу пришлось по необходимости положиться на свои собственные силы. Одон геройски защищал Париж, но не мог, однако, устоять против сильных полчищ норманнов. Наконец, страдания парижан привлекли сожаление и сочувствие приближенных императора. Последний вышел, точно после долгой спячки, из обычного для него состояния лени и отупения. Он собрал войско и направился к Парижу. Но вместо того, чтобы вступить в битву с норманнами, он купил у них мир за двадцать пудов серебра и позволил им остаться в Бургундии, так как жители этой страны считали королем Бозона и не признавали недостойного правнука Карла Великого.

Обособление Франции. Как ни ничтожна была сила общественного мнения в то время, однако такой поступок Карла Толстого произвел страшное раздражение во всем обществе, — от невежды до образованного, — раздражение, стоившее Карлу императорской короны. Карлу довелось претерпеть то, как германские вельможи, оскорбленные отсутствием мужества и энергии в вожде, низложили его и лишили престола. Они отдали им-

ператорскую корону Арнульфу, племяннику Карла Толстого. Арнульф (887—899), из жалости к павшему императору, дал ему уголок в Швабии, где развенчанный император Карл Толстый умер в 888 г., заслуженно всеми презираемый. Арнульф получил главенство во Франкской монархии.

Граф Одон (Эд), король Франции (888—898). Следует отметить, что до своего отречения Карл Толстый передал северо-запад Франции, т. е. земли между Сеной и Луарой, знаменитому защитнику города Парижа Эду, или Одону, где этот вождь приобрел большую популярность. Теперь Одон, после отречения Карла, в 888 г. был провозглашен королем Франции. Таким образом, этот год — начало власти первой национальной французской династии Капетингов, начало эры французского народа.

Одон был достойным вождем этого народа. В 888 г. он нанес сильное поражение норманнам, а это еще более увеличило популярность его среди его французских подданных. Тогда он получил от Арнульфа золотую корону и признание прав на наследство Карла Лысого, т. е. на всю Галлию, за исключением Лотарингии, которая окончательно отошла к Германии. Опираясь на это полномочие, Одон перешел Луару. Тогда же его признал своим сюзереном могущественный граф Фландрии; ему покорился и граф Пуатье. Власть его, хотя и номинально, признали независимые владельцы Южной Франции, такие, как граф Оверни. Ему не следовало бы гнаться за новыми приобретениями, а именно за Аквитанией, сломить которую было трудно, когда норманнская опасность была близка. Ему пришлось деньгами откупаться от этой постоянной язвы тогдашней Франции. Последним разгромом норманнов Одон частично обезопасил Галлию от дальнейших их нападений. Но не так силен был Одон у себя дома. Ему надо было бы ревностнее заняться делами своего государства, но дух корысти, так свойственный всем феодалам того времени, одолел его, и ему вздумалось подражать прочим государям, которых мучило тщеславие. Одон посадил на графство Пуатье своего брата, когда был жив прямой наследник этого графства. Это было прямым нарушением феодального права. За феодальные принципы вступились те, кому они были дороги, и в результате против Одона выставили Карла, сына Людовика Косноязычного. Его признали королем и на севере, и на юге Галлии. Но нельзя было обновить кровь умершей и выжившей династии.

Карл Простоватый (898—922). Новый король будущей Франции был тот самый Карл Простоватый, которого потомство наградило не очень лестными эпитетами, например: *simplex*, *stultus*, *sottus*, *insapiens* и т. п. Но не следует принимать этих эпитетов в значении простоты и глупости Карла Простоватого, тем более что непосредственные источники не приводили этих эпитетов, которые впервые встречаются в оскорбительном смысле у Титмара, значит двести лет спустя, а *simplex* в XI в. — и то только у враждебных летописцев Южной Галлии, где власть Каролингов вообще не признавалась. Карл вовсе не был простоват, как его называют историки. Он только не мог успешно бороться с не совсем ему покорной Раллией и с Одоном, который уступал ему лишь одно графство Лаон. Достоинно внимания то обстоятельство, что Карл Простоватый и последние Каролинги не были любимы и даже презирались тогдашним обществом. Однако при всей слабости своей, Карл Простоватый все-таки явился претендентом на королевский престол после смерти Одона в 898 г. Даже Роберт, брат Одона, признал Карла. Но, конечно, при первой возможности все вассалы возмутились. В конце концов он должен был отступить перед вассалами, во главе которых стояла родня Одона, его брат Роберт и племянник Гуго, прозванный Великим. Они сокрушили Карла. Его лишают престола и провозглашают королем новой Франции Роберта, которого в том же 992 г. спешат короновать в Реймсе. Это значило признание факта окончательного падения даже и номинальной власти Каролингов. Но это падение совершилось под благоприятными знаменами. Среди воинственного шума и резни обозначались племенные особенности. Тогда, говорит Бертинская летопись, произошло «разделение между франками латинскими и немецкими», т. е. *Франция обособилась от Германии окончательно и навсегда.*

Феодальные принципы, усвоенные Германской империей и введенные в государственную и общественную жизнь Запада, должны были с одинаковым успехом привиться и к другой значительной части германской расы, к скандинавской. Те самые норманны, которые вели бурную жизнь пиратов и которых ничто не могло укротить, склонились перед организованной идеей феодализма. У викингов, т. е. у морских королей, дружинники служили всегда на феодальных условиях; на тех же условиях признавали власть своих королей и мелкие князья, называвшиеся ярлами.

Среди викингов в конце IX в. прославился Харальд Хаарфагер (т. е. прекрасноволосый). Покорив всю Норвегию, он стал строго преследовать пиратов; мало того, он запретил в своих владениях прибегать к вооруженному насилию. При этом он беспощадно изгонял всех ослушников.

Рольф, герцог нормандский в 912 г. Из числа последних был и Рольф, или Ролла, человек громадного роста, прозванный «пешеходом», потому что он нигде не мог отыскать себе подходящего коня. С именем этого Рольфа соединяется множество героических легенд. Не желая подчиняться Харальду, Рольф оставил Норвегию и уплыл на Гебридские острова; здесь он забрал других искателей приключений и с ними бросился в устье Сены. В это время Карл Простоватый был занят спором за престол с Одоном. Поэтому Рольф свободно гулял по Сене и дошел до Руана. Жители этого города вынесли столько бедствий от норманнских набегов, что были совершенно не в силах оказать сопротивление Рольфу. По убеждению архиепископа, они решились покориться норманнам. Рольф пощадил жителей и согласился на условия, предложенные руанцами. Руан понравился Рольфу, и он сделал его базой в своих дальнейших действиях. Затем Рольф поплыл вверх по Сене и, одержав победу над французскими войсками, осадил Париж. Но тут он не имел удачи. Зато, вернувшись в Руан, он покорил большую часть Нейстрии, где и утвердился. Теперь норманны не имели более причины и необходимости разбойничать и грабить. Они осели и удовольствовались упорядоченной данью с сел и городов, разделив все завоеванное на феодальных основаниях и провозгласив кунингом Рольфа. Таким образом, вся Нейстрия отпала от империи, а вместе с тем и от Галлии. Хотя Рольф и оставался язычником, но христиане тем не менее любили его. Он энергично защищал страну от новых грабителей; прежних бедствий от набегов норманнов здесь не повторялось. Но Рольф не думал сам отказаться от набегов на соседние области. Феодалы стали настаивать на том, чтобы король освободил страну от норманнов. Но сопротивление норманнам было невозможно. Приходилось признать факт, сознаться в бессилии отбиться от пиратов. Тогда, по словам современников, вследствие постоянных норманнских набегов всюду виднелись трупы и разоренные деревни и церкви; от Блуа до Санлиса не было и десятины посева, и никто не смел работать ни в поле, ни на винограднике,

поэтому большей части Франции постоянно грозил голод. Тогда король внял голосу народа и в 912 г. сам, через посредство архиепископа руанского, предложил Рольфу выгодные условия мира. «Карл предлагает тебе, — сказал архиепископ Рольфу, — свою дочь и всю страну от реки Эпты до Бретани в обладание, но с тем чтобы ты, примирившись с французами, принял христианство». Это была нынешняя провинция Нормандия. Но Рольф не удовольствовался этим; он потребовал Бретань. Карл должен был уступить, и мир был заключен торжественно, по феодальному порядку. Но когда пришлось преклонить по обычаю колени и поцеловать ногу короля, то Рольф, отказавшись сам исполнить обряд, поручил сделать это одному из своих дружинников. Тот подошел к королю и, не сгибая колен, схватил его ногу, так что король упал навзничь. Это оскорбление, однако, не расстроило примирения.

Ранке справедливо считает утверждение норманнов в Галлии фактом огромной важности¹. Действительно, северные вторжения прекратились; Франция могла спокойно развиваться. Но, помимо этого, норманнская оседлость оказалась связана с новыми судьбами Англии и Италии, что будет видно из дальнейшего изложения.

Потеряв сравнительно небольшую территорию, Карл, по крайней мере, гарантировал безопасность других земель от норманнских нашествий. Норманны скоро смешались с побежденными и стали даже говорить на романском языке. Таким образом, во Франции оказался третий элемент — норманнский, который имел значительное влияние на формирование французской национальности. Этот норманнский элемент получил впоследствии еще большее значение по отношению к Бретани. Обезопасив северо-запад Галлии, Карл не избавился от борьбы с феодалами. Малейшее увеличение власти возбуждало подозрение в феодалах. Во главе национальной феодальной партии, после Роберта Парижского, стоял Рауль, или Рудольф, герцог бургундский, его зять. В 923 г. Рудольф был провозглашен королем. Карл должен был искать защиты у Герберта, графа Вермандуа, который объявил его пленником и посадил его в Перонне в крепостную башню, где он томился семь лет до самой смерти. Но Рудольфу не при-

¹ *Ranke. Weltgeschichte, VIII, 10.*

шло отдыхать. Появились новые враги *угры*, или, по современному произношению, — *венгры*, от имени их вождей, когда-то называвшихся оногурами (*’Ovoououoi, Oūvrou, Ungari*, жгри).

Венгры. Понятно, что венгерские историки стараются скрыть темные факты первых страниц венгерских летописей¹. Они говорят, что венгерские нашествия, наводившие столько ужаса в Западной Европе, преувеличены немецкими летописцами. Известно, что венгры, или угры, выйдя из Азии, остановились временно у подошвы Уральского хребта. В X в. византийцы и ломбардец Лиутпранд называют их *Тоѳрхои, Тики*, на том, конечно, основании, что их династия была первоначально тюркской. Эта династия придала воинственный характер финскому народу (правильнее фенскому) мадьяров, приучив побежденных к наездничеству, к набегам, в которых мадьяры так быстро преуспели, что превзошли даже своих учителей. В конце IX в. венгры состояли из семи племен, управляемых отдельными князьями; впоследствии к ним присоединилось племя кабиров (может быть, хазаров). Эти отдельные вожди племен вскоре сложили свою власть перед одним предводителем, Арпадом. Тогда нападения венгров сделались еще чаще и ужаснее. Только Булгарское царство несколько задержало их успехи на Западе. Они остановились между Карпатами и Дунаем, где случайно осели. Здесь перед глазами разворачиваются бесконечные пастбища, которые прельстили собою этот кочевой народ, двигавшийся на конях с большим обозом. Венгры всегда стремились на теплый Запад. В 900 г. они были уже в Ломбардии. Они с огнем и мечом прошли через Моравию и Баварию и нанесли жестокое поражение немцам в 906 г. Через два года они вторично разгромили немцев на полях Тюрингии. В 912 г. немцы были разбиты в третий раз.

¹ Когда венгры вошли в круг европейской жизни, то стали появляться (с XVI в.) летописи на латинском языке. Из числа летописцев укажу на *Антонна Беранчича, Николая Истванфи, Прая*. В XVI же веке латинская летопись сменяется венгерской. Первыми национальными летописцами были *Стефан Секели, Каспар Гелтай, Иоанн Саларди*. Но эти хронисты мало занимаются первоначальным периодом венгерской истории; они не любят касаться древнего языка, происхождения своего народа, а прямо переходят к современности. Поэтому они отодвинули основателя национальной династии, Арпада, на семь поколений назад, ближе к Аттиле. Такого же направления держится венгерская историография позднейшего времени.

Следует заметить, что Германия в то время находилась в ужасном положении. После Арнульфа, умершего в 899 г., престол занимает лишь номинально сын его Людовик Дитя. Со смертью этого Людовика «Дитяти» (911 г.) прекратился род Каролингов в Германии. Интересно, что кончина его прошла совершенно незаметно; ни одна летопись не нашла даже нужным записать время и место этого события. Все-таки последним императором из Каролингов был король германский. Так за владельцами Германии установилось право на императорский престол; поэтому через пятьдесят-шестьдесят лет императором был провозглашен не галльский король; кандидата искали в Германии. Это случайное обстоятельство очень важно по своим последствиям.

Со смертью Людовика Дитяти Германия распалась на совершенно отдельные земли, ничем не связанные между собой в течение всех средних веков. Несомненно, причиной распада Германии были венгерские нашествия. Заметим здесь, что под напором венгров распалось и славянское племя, распалось так, что до сих пор части его боязливо протягивают друг другу руку. Потому-то движение венгров имеет большое значение и для славянской истории.

Людовик IV Заморский в Галлии (936—954). Отголосок венгерского нашествия повлиял также и на историю Галлии. Это было в последние годы правления короля Рудольфа Бургундского (†936). Там шла борьба партий короля и феодалов. Как недавно боролся представитель феодальной партии Одон, так теперь борется сын Роберта, Гуго (прозванный Великим) с сыном Карла Простоватого, Людовиком IV Заморским. Несмотря на то, что Людовик жил в Англии и совершенно не знал страны, Гуго тотчас по смерти Рудольфа, вызвал его из Англии и объявил королем (936 г.). Гуго думал при этом управлять за него. Но он жестоко ошибся. Людовик был догадлив. Через год после своей коронации он объявил себя совершеннолетним и активно принялся за дело, что доказала его удачная война с норманнами. Людовик IV хотел присоединить к своим владениям Нормандию, сделавшись опекуном малолетнего нормандского герцога. Но норманны не желали подчиняться ему и успешно защищались. Гуго, обманутый в своих надеждах относительно короля, явился во главе феодалов, но с явным намерением, воспользовавшись их содействием для своих целей, укротить их, лишь только получит корону. Норманны вероломно захватили Людовика и только тогда освободили его, когда он

обещал выполнить их требования и дать в заложники своего сына. Гуго освободил сына Людовика, но в свою очередь сам посадил юношу в тюрьму, соглашаясь дать ему свободу, если отец исполнит его требования. Король не успел их исполнить.

Лотарь и Людовик V в Галлии (954—987). Людовик умер спокойно, оставив престол сыну своему Лотарю (954—986). Через два года после смерти Людовика умер и Гуго, передав своим детям те же притязания на престол. Из детей Гуго особенно выдвинулся Гуго Капет, который вступил в борьбу с Лотарем. После смерти Лотаря в 986 г. престол перешел к сыну его Людовику V Ленивому, который через год внезапно скончался, по подозрению, отравленный своей женой. Но так как он был бездетен, то им кончилась династия Каролингов во Франции. Понятно, что Гуго достиг своего, потому что, хотя и был претендент на престол, дядя Людовика V — Карл Лотарингский, но он был ненавидим, как вассал германского короля. Когда Карл стал предъявлять свои права, то был захвачен и умер в тюрьме около 1000 г. Капет был провозглашен королем в 987 г.

Каролингов более не существовало.

8. Образование англосаксонского королевства

С X в. в Европе на развалинах Римской империи начинают складываться национальные типы. Слабость Каролингов, национальные идеи, чувство особенности послужили причиной этих стремлений и вместе с тем положили твердое основание разделению политической жизни Запада. Британии, можно сказать, принадлежит инициатива в вопросе возрождения отдельных национальностей на Западе из развалин Римской империи. Известно, что могущество Карла Великого, даже его нравственный авторитет не простирались на соседний большой остров. Там, как мы уже имели случай заметить, сложилось семь самостоятельных государств, известных под именем гептархии; это были: Суссекс, Уэссекс, Эссекс, Кент, Ост-Англия, Мерсия и Нортумбрия, северная часть которой граничила с Шотландией. Все эти государства были основаны саксами и англами, народами, как известно, германской расы и родственными между собою. Естественно, что вследствие отсутствия точных границ между назван-

ными государствами происходили раздоры и войны. Вместе с тем Англию обуревали происки римского духовенства, старавшегося вытеснить остатки восточной, никейской веры, распространение которой в Англии приписывается отдаленной древности. Римская курия не могла допустить национального клира и поэтому старалась пополнять этот персонал преимущественно людьми итальянского происхождения. Но это, как мы уже заметили, не удалось, и в церкви восторжествовал национальный принцип.

Междоусобицы отдельных государств окончились в 828 г., когда Экберт соединил четыре южных саксонских государства в одно королевство Уэссекс и вместе с этим получил значительную долю влияния и на северные области, т. е. на Ост-Англию, Мерсию и Нортумбрию. Во всяком случае династии в трех северных государствах продолжали свое существование, между тем как в южных, саксонских королевствах господство Эгберта соединило все четыре области в одну. Замечательно, что это стремление к объединению совпадает с разделением империи Карла Великого. Но сходство истории Англии с судьбой Галлии, одной из частей империи Карла Великого, было чисто внешним. Соединенные английские королевства начинают страдать вместе с Галлией и вообще с Западной Европой от нашествий норманнов. Эти нашествия особенно усилились при преемнике Эгберта, Этельвульфе, с 837 по 858 г. Теперь слово «кунинг» можно заменить славянским «король», ибо слово это образовалось среди славян как бы под обаянием имени Карла Великого, этого величайшего из «королей».

Набеги норманнов на Британию. Норманны из Дании и Норвегии прибегали к своей обыкновенной тактике: они в своих челнах входили в устья рек, поднимались вверх по течению и таким образом проникали внутрь страны. Там они сходили со своих судов, вытаскивали их на сушу, рассыпались по стране, добывали припасы и из моряков, как говорят их древние поэты, быстро делались всадниками, отовсюду забирая лошадей. Если страна нравилась им, то они оставались в ней, изгнав аборигенов или прежнее население. Из викингов, совершавших нападения на Англию, предание сохранило имя Рогнара Ладброга и его сыновей и то лишь потому, что викинги эти прославились несчастьями, что особенно любит народная поэзия. Ветер случайно прибил корабль его к берегам Нортумбрии, где он должен был высадиться. Местные жители встретили его враждебно, имея на своей стороне огромный численный

перевес. Все норманны погибли, а их король, слава которого была так известна, попал в плен. В плену его ужасно мучили, посадив в яму, наполненную змеями и ехиднами. Предание приписывает ему знаменитую «песню». Здесь воспеваются с энтузиазмом наслаждения войны, как ни в одной эпической песне, но вместе с тем слышится вопль страдания и призыв к мести¹.

Она характеризует весьма рельефно современность: «Мы рубились мечами в тот день, как я сломил молодого кудрявого вождя; с утра он привык ходить за девицами, прохладиться со вдовами. Какая же участь храброго, если не смерть впереди всех? Скучно жить тому, кто не ранен в боях. Человек должен идти на человека, должен нападать, должен отражать. Мы рубились мечами в пятьдесят одной битве. Есть ли на свете король славнее меня? Смолоду я учился обагрять железо кровью. Нечего плакать о моей смерти; пора мне кончить. Богини, посланные ко мне Одном, зовут меня... Я иду. Сяду впереди распивать пиво с богами. Жизнь моя прошла; умираю, смеюсь...»

Может быть, песня эта сочинена впоследствии товарищами подвигов Рогнара, чтобы подвинуть друзей его к мести. Как бы то ни было, но именно тогда завязалась дальнейшая драма, сильно повлиявшая на исторические судьбы Англии. Цель этого призывного голоса мести была достигнута. Отозвались друзья Рогнара, а с ними тысячи искателей приключений, на горе Англии. Мстители за Рогнара прибыли на восьми кораблях и намеревались пристать к Нортумбрии, где погиб их герой, но по ошибке кормчего пристали южнее, к Ост-Англии. Высадившись, они пошли на Йорк. Англичане были разбиты, и тот самый кунинг, который замучил Рогнара, попал в плен; неслыханными мучениями он заплатил за страдания Рогнара. Затем норманны заняли почти всю Нортумбрию.

К ним вскоре прибыли другие выходцы из Дании и Норвегии. Завоеватели совершали нападения на юг и с особенным удовольствием уничтожали церкви и монастыри. Так, они разбили саксов у Кройландского аббатства; само аббатство и церковь были разрушены; игумен и оставшиеся монахи перебиты. Та же участь постигла знаменитое Петербэргское аббатство, где вершились политические дела. Сами здания горели три дня. Можно поэтому

¹ В оригинале имеется 29 строф этой песни (она находится целиком у *Turner. History of Anglo-Saxons, II, 480*).

судить, сколько рукописного материала и архивов было истреблено мстителями. Король Вест-Англии попал в плен и был замучен, а страна его вместе с Нортумбрией стала королевством датских норманнов и обетованной землей для других выходцев с севера. Так заплатил король за то равнодушие, с каким относился до этого времени к гибели Нортумбрии. Местное население потеряло земельную собственность и стало работать на иноземцев.

Та же участь грозила Мерсии, а за ней и другим южным саксонским государствам, которые, как уже известно, были соединены под властью короля Уэссекса. Последний приблизительно в 870 г. вступил в борьбу с датчанами и для этого заключил союз с королем Мерсии, но исход этой борьбы был неудачным. Поборники саксонской независимости были побеждены. Мерсия была потеряна. Вся Англия после этого разделилась на две отдельные части — северную датскую и южную саксонскую. В 871 г. король Уэссекса, Этельред, погиб в отчаянной борьбе с датчанами.

Король Альфред (871—901). После него осталось много сыновей, но народ избрал одного из них, Альфреда, которому шел тогда двадцать первый год и который славился храбростью и ученостью. Последнее, столь редкое свойство особенно поражает в то время общего отупения. За это качество современные ему хронисты дали Альфреду титул Великого. Конечно, величие Альфреда было условно. Альфред обогатил свой ум познаниями и ученостью благодаря путешествиям по Италии и Испании, где он наблюдал процесс столкновения различных народов, где изучал их обычаи и нравы. Он знал римских классиков позднейшего времени и от них, вероятно, заимствовал уважение к римской литературе. Он старался концентрировать верховную власть в своих руках. Он не щадил продажных судей и наказывал неуважение к законам. Может быть, эти черты справедливого гнева и создали ему славу сурового, холодного и эгоистического короля. Современные памятники говорят, что Альфред не любил народа и не был любим этим последним, но в принципе он поступал справедливо. Один из летописцев X в. говорит: «Если требовалась помощь или защита Альфреда, то он не удаивал приема просителей, не выслушивал их жалоб, не снисходил к слабым и считал их за ничто».

Новые историки, например Огюстен Тьерри, Тернер и др., принимают это заявление на веру, придавая исторический смысл словам лиц, заинтересованных в деле. Но как бы то ни было,

против Альфреда было возбуждено общественное мнение страны. Когда датчане вторглись в его землю, то подданные были равнодушны; они не думали защищать короля, а с ним и родину. Его любили и понимали только немногие, но это не были люди меча и брони. Они, говорят, плакали, слушая его трогательные сочинения, но это не были герои войны. Напрасно герольды, посланные Альфредом, призывали к военной службе. Явилось так мало, что Альфред остался почти без войска. Он понял, когда уже было поздно, причину своей непопулярности; он понял, что был слишком горд, слишком черств сердцем. Норманны наступали, опасность с каждым днем увеличивалась. Тогда Альфред в свою очередь бросил войско и народ, будучи оставлен ими. Он скрывался то в лесах, то в хижинах поселян под чужим именем. Он видел, как хозяйничали норманны, но ничего не мог сделать.

Жители побережья садились на суда и уплывали, а остальные должны были покориться, стали работать для победителей и платить им подати. Они, конечно, не расположены были спокойно сносить чужеземное иго. Когда они увидели, что Альфред нашелся, что он собрал отряд и ведет партизанскую войну с победителями, то мало-помалу поднялись на помощь ему. Партизанский отряд бывшего короля грабил норманнов, обогатившихся добычей, а за неимением таковых не щадил и своих соотечественников, саксов, покорившихся норманнам. Альфред, недавний король, сделался теперь отчаянным разбойником и ни перед чем не останавливался для защиты своего народа. Такие личности всегда бывают любимы народом. Никто не мог узнать прежнего ученого в этом жестоком, беспощадном атамане. Полгода Альфред скрывал свое имя и происхождение; он назвал себя только тогда, когда почувствовал, что уже достаточно силен, чтобы напасть на вражеский стан. Он разослал во все стороны ловких гонцов, чтобы созвать защитников отечества, которые и стали быстро собираться. Сечение это произошло незаметно для датчан.

На датчан напали врасплох при Этанбуре, у так называемого «большого леса» в Юго-Западной Англии. Вследствие внезапности нападения и неподготовленности норманны были разбиты. В 876 г. кунинг их Годрун обещал креститься и удалиться на север, в Ост-Англию. Он со своими сподвижниками поклялся на браслете, который носил на руке, что примет христианство. Альфред был его восприемником.

После этого Англия была разделена мирным путем между Альфредом и Годруном. Граница шла по Темзе, а потом поднималась на север и проходила с юго-востока на северо-запад по направлению древней британо-римской или друидо-римской стены, остатки которой существуют до настоящего времени. Но война не прекратилась. Альфред тем временем сделался очень популярным, и все четыре прежние области признали его королем. Выгодным результатом войны для Англии было то, что границы, разделявшие четыре названных государства, были смыты под ударами датчан. Тогда можно было говорить только о Северной и Южной Англии. Теперь приобретает значение новый передел земли, сделанный Альфредом. Вместо прежних графств, образованных саксами, выступают так называемые ширы, т. е. деление по сотням семейств, деление часто территориальное. Ширы все были равны между собою. Эта поземельная система не была изобретением Альфреда; он нашел готовый образец ее в прежних формах землевладения саксов, когда они не осели еще на римских землях. Альфреду потребовалось очень много времени, чтобы залечить раны, нанесенные стране владычеством чужеземцев. Между тем с севера снова стали грозить враги. Лишь только король Гастингс, который, как говорит предание, избрал своим жилищем Океан, посетил берега Нортумбрии, как датчане пригласили его на помощь против Альфреда. Гастингс, высадив своих пиратов, пошел на Уэссекс, но был разбит Альфредом, который уже привык к войне и которому помогал сын его Эдуард. Разбитый Гастингс с норманнами пошел искать счастья в Галлии, где не раз на берегах Сены раздавался звук его знаменитого рога.

Под конец своей жизни Альфред приобрел громадную популярность; то была полная противоположность прежней антипатии его подданных. Он первый, после Карла Великого, содействовал успеху народного образования и, можно сказать, упрочил его. Наряду со светскими учреждениями он стал заводить монастыри и школы. Он понял, что наука существенно необходима для народа, который должен пользоваться ее плодами. Английский народ до сих пор видит в нем справедливого государя, который с твердостью своей расы, в тяжелую минуту для народа сумел собрать вокруг себя поборников национального интереса.

В IX в. стало ясно, что англосаксонский элемент восторжествовал над нормандским и, в свою очередь, стеснил его. Зато в

Х в. последовала кровавая нормандская реакция, цель которой было дать полное торжество нормандскому элементу, но уже в другой форме, с тем, чтобы последний окончательно слился с англосаксонским.

Англия в Х в. Преемник Альфреда — Эдуард (901—924) всю жизнь провел в борьбе с датчанами. Он оттеснил их внутрь страны и построил укрепления до Гумбера. Его наследник Эдельстан перешел эту реку, отнял город Йорк и принудил датчан дать клятву, что в будущем их стремления станут одинаковыми. Несмотря на все ласки, оказываемые пленному датскому кунингу, тот убежал и сделался снова пиратом, потому что, по словам летописи, датчанин был не способен жить без воды, подобно рыбе. Нортумбрия была отнята англичанами; датчане стеснены. Отныне Эдельстан правит над всей Англией. Его войска прошли даже далее. Они сами вторглись в земли пиктов и скоттов, нынешнюю Шотландию. Этим англичане только повредили себе. Полудикие племена пиктов и скоттов на севере нашли себе союзников в тех же датчанах, которых поддерживали пираты. Олаф, последний датский король Нортумбрии, стал вождем всех врагов Англии. Он был, впрочем, разбит при Брунанбурге. Эта победа оставила о себе восторженные лирические песни. Затем англичане совершенно стеснили датчан в Нортумбрии и внесли туда свое местное поземельное деление, оставив при этом скандинавское слово «ярл», что значило — старшина, дружинник, вождь при викингах. В Нортумбрии эти ярлы владели участками с правом военной и гражданской власти; из их поземельных участков впоследствии образовались лордства. Они были доверенными кунингов. Это учреждение «ярлов» так понравилось англичанам, что они перенесли его к себе. Ярлам у англосаксов подчинились префекты широв, префекты городов и старшины в селах (олдермены). С покорением Нортумбрии (или Нортумберленда) и с возвращением ее под английскую власть датчане, прежде владевшие ей, приняв христианство, перестали считаться чужеземцами. Иные, вследствие крайностей, присущих человеческому духу, стали монахами и променяли броню на рясу, отличаясь так же неумеренностью аскетизма, как прежде боевым экстазом. Но этим страна еще не умиротворилась. Завязка ее истории, можно сказать, теперь только начинается. Надо припомнить, что своим единством Англия была обязана искусству и счастью южных королей —

Эдуарда и Эдельстана. Понятно, что последний воспользовался выгодами своего положения. Деспотические замашки овладели им. При этом английский король не мог не искутиться соблазном власти и легкостью насилия. Он владел Нортумбрией по праву завоевателя и, конечно, склонен был переносить те же приемы в свои саксонские земли, где также прибегал к насилию, с которым не согласовались феодальные воззрения английских вассалов и условия отношений к побежденным элементам. Эдельстан, например, перестал уже совещаться с народом в лице совета и обставил себя неслыханным дотоле великолепием.

Расширение пределов английского государства на всю прежнюю гептархию вместо четырех саксонских не усилило короля. Из этого не следует, что государство обладало крепкой внутренней силой; напротив, единая Англия была бессильна оказать сопротивление внешнему врагу, хотя тогда король просто назывался *Occidentalium Saxonum Rex*. Этот титул применялся ко всем преемникам Альфреда: Эдмунду I (940—946), Эдреду (946—955), Эдви и Эдгару (955—975), Эдуарду II (до 978 г.), Этельреду II (978—1004), из которых каждый прибавлял к титулу несколько строк. Покоренная норманнами, Северная Англия не переставала ожидать своего освобождения и победы. Там не переставали с надеждой обращать свои взоры к морю, рассчитывая, что благоприятный ветер принесет им избавителя.

Все X столетие прошло в торжестве английского народного элемента. Почти семьдесят лет датчане ждали напрасно. Наконец, около 990 г. новые норманны из Дании стали прибывать большими партиями, которые напоминали нашествие прошлого столетия. Так, появление семи нормандских кораблей у берегов Кента, несколько южнее Темзы, всполошило даже Лондон, в котором утвердилась теперь столица соединенного королевства. Это было при последнем из названных королей — Этельреде II. Ему пришлось созвать большой народный совет, к которому в последнее время стали прибегать часто и на котором на этот раз решили откупиться от врага деньгами. Определили воспользоваться теми деньгами, которые шли на содержание датской морской стражи. Эти деньги предполагалось вручить норманнам в виде подарка. Впоследствии эта уплата повторялась ежегодно, обратившись в дань норманнам. Уже после первой дани датчане вернулись снова, чтоб грабить страну. Они, понятно, находили опору в местном датском элементе.

Нашествие датчан Свена. Эти новообращенные христиане охотно соединялись с прибывшими к ним соотечественниками. Но тем ужаснее стало положение английского короля, когда большой флот уже не из семи, а из семидесяти кораблей, под предводительством Олафа Норвежского и Свена (т. е. юноши) Датского, вошел в саму Темзу. Этельред заплатил теперь в два раза большую дань и только выговорил удаление и крещение одного из вождей. Надо заметить, что норманнские вожди вовсе не скрывали того, что за деньги крестились двадцать раз и столько же отрекались, так что христианство стало для них весьма выгодным делом. Надеюсь, что англичане будут соблюдать условия, они остались на зимовку. Известно от летописца Матвея Вестминстерского (*Flores historiarum*), что эти гости чинили всяческие насилия в Англии: они бесчестили женщин и убивали мужчин. Их насилия вызвали кровавое возмездие. В 1003 г., в ночь Св. Бриция, при участии королевских слуг, старшин и ярл, внезапно произошло избиение норманнов, поселившихся в юго-восточной части острова. Это событие разнеслось по всем концам тогдашнего норманнского мира и побудило пылкие норманнские сердца к страшной мести, на которую были всегда отзывчивы норманны. Свен соорудил теперь множество судов с многочисленным воинством, в рядах которого не было ни одного раба, ни одного старшины. Когда такое блестящее войско высадилось на берег Англии, то оно, развернув изображение ворона на знамени, пошло вперед, истребляя и сжигая все на пути. Этельред бежал на остров Уайт, чтобы оттуда перебраться во Францию, а Свен в это время разбойничал, по всей Южной Британии в течение почти десяти лет, он овладел западными и внутренними областями страны, приняв титул короля Англии в 1013 г., т. е. через десять лет после страшного ночного избиения. Теперь настала эпоха тридцатилетнего датского пленения.

Надо помнить, что отдаленная связь родства между англосаксами южногерманской расы и норманнами северогерманской расы, давно исчезла и, при разных случайностях, эти племена вступали во враждебные отношения. Между ними не было ничего общего даже по языку, ибо норманны Северной Галлии приняли местный, или романо-валлонский, язык, а норманны-датчане говорили на испорченном скандинавском языке. Этельред даже искал защиты у герцога норманнского во Франции, который обещал оказать ее, но при более выгодных обстоятельствах.

Канут. Между тем Свен умер внезапно в 1014 г. и королем провозгласили его сына Канута, или Кнута. Пользуясь этим, Уэссекс и частью Суссекс опять пригласили Этельреда с условием управлять лучше прежнего. Он дал клятву и сдержал ее. Теперь нельзя было узнать этого робкого, нерешительного человека. Он стал изо всех сил бороться с Канутом. Во время этой борьбы Этельред погиб, завещая продолжение дела своему побочному сыну Эдмунду (Железные бока), который отнял Лондон у датчан и дал им пять больших сражений. Он принудил Канута принять свои условия и удержать за собою южную часть от Темзы. Но в 1017 г. Эдмунд умер, и тогда Канут остался полным властителем до 1035 г. Свирепый норманн не мог удержаться от мести. Он мстил со всей злобой разбойника. «Кто принесет мне голову кого-либо из врагов, будет мне лучше родного брата», — восклицал он. Он преследовал всю родню прежних династий. Тем не менее постоянное напряжение, постоянное опасение противников, неуверенность в прочности власти мучили его. По совету близких, он женился на вдове Этельреда — Эмме, сестре Ричарда, которую в Англии прозвали Альфгивой (подарок эльфов). Когда у нее от Канута родился сын, то она забыла детей от прежнего брака и отвергла их. Альфред и Эдуард, дети Этельреда, брошенные матерью, воспитывались при норманнском дворе во Франции; они оставили родные нравы и забыли англосаксонский язык, научившись французскому. Это имело важное значение для будущего. Между тем Канут значительно смягчился после брака с Эммой; он стал ревностным христианином, хотя и грубоватым. Он не расположен был поддерживать своих дружинников и соотечественников. Он выселил их из страны, оставив только дворцовую стражу. Но насилия тех немногих датчан, которые остались при Кануте, раздражали народ. Канут сам содействовал уменьшению числа своих защитников. В припадке благочестия Канут поспешил в Рим в одежде пилигрима. Он поклонился гробнице апостола и под влиянием религиозного настроения обещал в послании к своему народу из Рима устроить свою жизнь по правде и управлять народом правосудно. Вот его слова, записанные в летописи Вигорна: «Если в увлечении молодости я нарушил чем-нибудь справедливость, то теперь, с Божией помощью, думаю по возможности все исправить, поэтому прошу всех начальников не делать несправедливости ни в угоду сильным, ни из страха передо мной».

Гардеканут (1035—1040). Канут, умирая в 1035 г., завещал престол сыну от Эммы, Гардекануту (Кануту Смелому). Но дружина и земли на север от Темзы признали не его, а старшего — Гаральда. Впрочем, Гаральд менее младшего брата удовлетворял национальному чувству англичан, местного населения. В нем было много языческого; он открыто презирал христианство. Это был, можно сказать, кандидат датской языческой партии. Но тем не менее, из-за долгого отсутствия Канута Гаральд был признан везде. Он успешно противостоял слабой попытке освобождения Англии от датчан, сделанной из-за моря. Эту попытку предпринял Альфред, но был взят в плен, ослеплен и погиб в мучениях. После смерти Гаральда Гардеканут остался без соперника. Но его жестокости только усилили народное возмущение. Англичане страдались от датских мучений. Каждый датчанин из свиты короля мог властвовать, где угодно, и брать, что угодно. Все эти годы были годами скорби и насилия. Законы и обещания Канута не действовали, не применялись на практике. Все это вызывало восстания. Англо-саксонцу Годвину, бывшему пастуху, и его сыну Гаральду принадлежит слава освобождения родины от датчан в 1041 г. В этом году последние датчане бежали, сели на суда и уплыли на родину. Тогда освобожденная страна пригласила из французской Нормандии второго сына Этельреда — Эдуарда III, прозванного Исповедником, который женился на дочери Годвина. Его окружали норманны. С ним в Англию был внесен норманно-французский элемент в такой степени, что внешне Англия перестала походить на прежнюю.

9. Византийская империя в VIII—X вв.

Характер византийской истории. Изучение византийской истории до последнего времени находилось в неблагоприятных условиях и отличалось крайне тенденциозным характером. Восточная Римская империя, эта *Bas-Empire* французов, внушала постоянное нерасположение к себе у западных ученых, которые долго не хотели оценить заслуг, оказанных ею цивилизации вообще, а особенно гражданственности и водворению порядка среди восточноевропейских народов. После разделения единой империи Царьград на Востоке имел такую же великую историческую миссию, как Рим на Западе, и осуществил ее с не меньшим успехом. В IV в. готы, в V гунны, в VI славяне, в VII авары и персы, шах которых Хосров не хотел прекра-

тить войны до тех пор, пока христиане не откажутся от Распятого и не станут поклоняться солнцу, в VIII арабы, в IX болгары, русы, половцы, печенеги, в X венгры, в XI турки, — все эти более или менее хищнические народы имели инстинктивное стремление к Царьграду, угрожая разрушением той цивилизации, которая была унаследована от древности и облагорожена христианством. Византия не только отстояла мир от варварства ценой страшных жертв и применением политического искусства; она сделала большее. Подобно Риму, Царьград усыновил эти варварские народы цивилизации, но совершил это с большим самопожертвованием, благородно отказываясь от политического и церковно-иерархического преобладания над молодыми государствами, подчинившимися гражданственности. В деле распространения христианства Византия сравнительно с Римом имела две счастливые особенности. Она возвещала учение Спасителя неопитам на их родных языках, содействуя тем национальной и политической самостоятельности обращенных народов и никогда не прибегала к насилию при проповеди христианства. Завещая истории новые христианские государства, преимущественно славянские, Византия в то же время выносила на своих плечах всю тяжесть энергичного напора мусульман, долго представляя для них неодолимую преграду. Арабы, задержанные ею в высший момент их могущества, были вынуждены пробираться в Европу длинным круглым путем по берегу Африки, отчего их напор потерял свою интенсивность и опасность. Турки, разгромленные греческим войском под Никеей, должны были долго собираться с силами, чтобы перешагнуть на Балканский полуостров, где целое столетие употребили на сокрушение Царьграда, дав возможность Западной Европе приготовиться к отпору, который не мог быть успешен двумя веками ранее.

Такова была тысячелетняя служба Византии истории человечества.

Внутренняя жизнь Византии сложилась своеобразно. На западе духовенство стояло над государством; здесь церковь подчинилась государству, так что само государство жило церковными интересами. Это наложило отпечаток на духовную историю Восточной империи. Государственная власть подчинила себе церковь до такой степени, что издавала канонические законы в руководство патриархам. Императоры были только защитниками и покровителями церкви, но они властно вмешивались даже во внутренний строй ее, и архиереи, получив епархию от двора,

становились в зависимость от придворных. За императорами и народ вошел в церковную сферу. В театрах и цирках занимались спорами о догматике, и часто из-за религиозных вопросов партии вступали в кровавую вражду; для политической жизни иного рода не было простора. Византия хранила у себя лучшие сокровища классической мудрости, но наука приняла в ней условный характер, и только историческое знание, давшее византийской литературе прекрасные образцы, развивалось рядом с богословием, хотя строго научное направление богословия прекратилось после Максима Исповедника и Иоанна Дамаскина, который в середине VIII в. сделал для восточной церкви то, что пятьсот лет спустя пытался совершить Фома Аквинский для церкви римской. На духовную и вообще внутреннюю жизнь вредно влияло административное вмешательство и давление; оно отчасти сократило срок существования этой многострадальной империи, вынесшей такие нечеловеческие испытания. Было в высшей степени ненормальным явлением, что правительственная власть могла сделать обязательным известный догмат или обряд; она же должна была поддерживать его, прибегая часто к физической силе.

Поклонение иконам. Таков, например, был вопрос об иконах, которые явились впервые в начале IV в. в Испании, а на Востоке стали общепринятыми лишь с V в. Прежние эмблематические изображения Христа, например в виде агнца, стали заменяться постепенно Его лицевыми изображениями, причем художники руководствовались известным типом для Востока, типом, который существовал лишь в предании, а последнее исходило из того, что из рода в род передавалось изображение статуи, которая будто была поставлена некогда в Кесарии в честь Иисуса Христа кровоточивой женой; после стали указывать на иконы, написанные Св. Евангелистом Лукой, и на оттиски Никодима. Со времени несторианских препирательств явились изображения Богородицы, спустя, следовательно, пятьсот лет после Ее успения. Подобные изображения Спасителя на Востоке писали согласно раз установленному типу, причем не дозволялись какие-либо художественные вольности. Византийское церковное искусство стояло на окаменелой традиции; оно, неподвижное, не допускало отступлений¹. На иконы в Византии смотрели как на чувственный образ. Из благо-

¹ Кондаков. Histoire de l'art byzantin, P., 1886.

говения перед памятью Спасителя стали поклоняться самой его иконе; форма отступила перед выражаемым ею содержанием, которое казалось менее важно; гораздо большее значение в глазах массы приобретала сама форма изображения. Отсюда легко развилось поклонение собственно иконам, а не изображаемым лицам. «Иконы ввели для оживления благоговения, — говорит немецкий церковный историк. — В них видели книги для безграмотных, а более образованным предлагали составлять себе образ Христа из чтения Евангелия. Но народ был слишком склонен к тому, чтобы считать самое лицо присутствующим в иконе и через нее действующим. Скоро стали поклоняться иконам непосредственно и верить в их чудотворность». Известно, что на Западе уже Августин сетовал на несоответственное и неправильно понимаемое поклонение иконам. Естественно, что в Византии была партия, которая была недовольна боготворением икон, протестовала против него, как против возвращения к идолопоклонству. Но с появлением мусульманства в значительной части христианского общества на Востоке возросла ненависть в иконам, потому что именно эта сторона христианского культа часто подвергалась осмеянию со стороны иноверцев, которые оскорбительно указывали, что христианство, в своем почитании икон будто мало ушло от идолопоклонства¹. Иудеи со своей стороны стали также презрительно указывать на почитание икон.

Начало иконоборчества; император Лев III (717—741). Наконец, реакция против иконопочитания нашла своего выразителя на троне. Это совпадает с вступлением на Византийский престол исаврийской династии. В 717 г. Лев Исавр прославился удачной защитой столицы от арабов. Когда Византийская империя теряла одну область за другой, когда она лишилась Северной Африки и почти всей Азии, когда войска отказывались повиноваться своим императорам, провозглашая августами своих начальников, — настала полная анархия. Никто не знал, что император в столице был одним, а в армии другим человеком. Лев был выдвинут азиатским войском. Он был храбр, но без военного опыта. Лев пошел на

¹ Ранке в пятом томе своей «Weltgeschichte» устанавливает по отношению к иконоборческому движению факт влияния ислама на Византию. Впрочем, еще в 1812 г. Шлоссер в образцовой монографии (*Geschichte der bilderstürmenden Kaiser*) подходил к вопросу также с этой стороны.

столицу, чтобы свергнуть Феодосия III. Для своей цели он обезопасил себя от арабов договором. Провозглашенный императором, он более не нуждался в помощи арабов и, завладев Константинополем, сделался их страшным противником. Тогда мусульмане осадили Константинополь с суши и с моря. Зима в тот год была особенно суровой. Греческий огонь, моровая язва и голод причиняли арабам много вреда, а потому они, потеряв до ста тысяч человек, должны были отступить. Этот подвиг Льва возродил на некоторое время византийцев, упавших духом, и вселил в них ненадолго свежесть, которой они уже давно не знали. Но Лев не мог стать выше исторических традиций; он даже ближе других современников принимал к сердцу религиозные интересы.

Избавившись от внешней опасности, он, с крутостью воина, простым эдиктом в 726 г. запретил сначала почитание всяких священных изображений, а через четыре года велел совершенно истребить иконы, статуи, воспрещая вместе с тем почитать мощи и священные памятники. Большая статуя Спасителя, стоявшая на Константиновом рынке, была полностью разбита оруженосцем императора, который поплатился за это жизнью от разъяренного народа. Это было знаком к религиозной фанатической борьбе.

Следует заметить, что против иконопочитания был только небольшой придворный кружок да правительственная власть. Начались возмущения. Император смешивал эти восстания с государственными мятежами. Во главе оппозиции стояло монашество, которое имело огромное влияние на народ. Император подавил у себя волнение военной силой и, с гордостью усматривая в этом божественную помощь, готов был уничтожить иконопочитание, сделавшееся ему еще более ненавистным вследствие энергичного сопротивления. Но Лев должен был убедиться, что дело не так просто и что, например, для итальянских византийских владений этот вопрос был существенно важным. В Италии папы и все население сильно противилось ненавистному императору, а некоторые из итальянских областей совершенно отпали вследствие этого от империи, и на этот раз навсегда. Было замечено суеверным народом, что с того времени как император начал борьбу против иконопочитания, несчастия обрушились на государство. Арабы, а вместе с тем голод и язва появились в империи. Император, дотоле любимый, потерял под конец жизни всякую популярность даже в своей иконоборческой партии.

Но борьба с иконами была как бы историческим призванием исаврийской династии.

Император Константин IV (741—775). Константин IV Копроним¹, подобно отцу своему, начал преследовать иконопочитание, только с большей настойчивостью и жестокостью. Шлоссер в своей монографии, специально посвященной иконоборству, заметил, что все поступки Константина Копронима по самому своему характеру отличались насилием, а потому намерения его не были поняты современниками, с предубеждением смотревшими на все его действия. Нельзя отрицать его энергии, административных способностей, но вместе с тем нельзя не указать на то, что вся жизнь его прошла в намерении оскорбить по возможности господствовавший взгляд на иконы, опозорив все то, что было дорого народу. Отсюда понятна ненависть к нему духовенства, которое говорило, что император еще в детстве осквернил святыню, намекая на то, что он во время крещения оставил не совсем чистые следы на купели, в которой его крестили. Деятельность Константина IV прошла в борьбе с болгарами. Известно, что первые болгары на Балканском полуострове были азиатского происхождения, но впоследствии смешались со славянами, несравненно более многочисленными, среди которых азиатские кочевники растворились, передав, однако, славянам свое имя. В VII столетии, основав в нынешней Болгарии независимое государство, они стали постоянно вмешиваться во все внутренние дела и смуты империи, служа за деньги то той, то другой партии. Своим вмешательством и набегами они приносили много забот и несчастий для Византии, которая нередко трепетала от них, так что император Анастасий I построил большую стену близ столицы. С этого времени болгары начали брать ежегодную дань с императоров. Константин IV, отказавшись исполнить этот унижительный обычай, начал с ними войну, в которой его войско отличалось храбростью и жестокостью. Чтобы навсегда воспрепятствовать нападениям болгар, Константин устроил на границе несколько укреплений. Во втором походе против болгар император захватил и умер.

Но другое следует сказать о его внутренней деятельности. На Константинопольском соборе в 754 г. единомышленное духовен-

¹ Пноеименный, иногда именуемый лошадиником, *καρῳλλίνος*.

ство, по желанию императора, объявило иконы изобретением дьявола, а поклонение им признало суеверием. Чтущие иконы приравнивались к последователям Ария, Нестория и Евтихия. В одном из постановлений и монашество было признано заблуждением. Дело в том, что среди членов собора было много лиц белого духовенства. Решения собора, объявленные сперва в столице, а потом в провинциях, повели к беспорядкам. Икононенавистники, увлеченные диким фанатизмом, бросились истреблять иконы в церквях; они старательно уничтожали их следы, нарочно оставляя изображение растений, зверей и всякие орнаменты. Монахов били, монахинь бесчестили в монастырях. Тогда много иноков из Малой Азии бежало на Кипр, Крит, в Крым или переселилось в Южную Италию, в Апулию и Калабрию; в эти страны тогда перешла византийская иконопись, сохранившаяся донныне.

Конечно, чем энергичнее и чем возмутительнее действовало исаврийское правительство, тем более предметы гонения приобретали ценный смысл для народа. Образа, мощи, ладанки — все это как бы страдало вместе с почитателями святыни. Император употреблял все возможное, чтобы нанести оскорбление лицам, расположенным к иконопочитанию. Иконы массами стали складываться в костры, их протыкали копьями, плевали на них и мучили тех, кто поклонялся иконам. Тогда инок Андрей, весьма уважаемый в Константинополе, вышел из своей кельи, чтобы обличить всенародно императора в нечестии. Он был приговорен к сожжению и погиб мученической смертью.

Лев IV (774—780). Между тем в самом доме Константина готовилась оппозиция. Ирина, современница Карла Великого, которая тайно поощряла духовенство к сопротивлению, имела большое влияние на своего слабохарактерного супруга, Льва IV. Ее обвиняли в преждевременной смерти императора, который после смерти оставил малолетнего сына Константина Багрянородного.

Константин VI (780—797) и Ирина (до ноября 802). Партия иконопочитателей провозгласила Ирину регентшей Константина V, против желания сената и войска. Оппозиция против икон поддерживалась только войском, которое было враждебно настроено против поклонения иконам. Созванный Ириной собор в Константинополе был разогнан солдатами, а потому она удалилась в Никею, где и созвала седьмой вселенский собор в 787 г.

Никейский собор 787 г. На этом соборе было отвергнуто все то, что было сделано иконоборцами в последние шестьдесят лет. В собрании присутствовало триста шестьдесят семь епископов, в том числе два папских легата под председательством патриарха Тарасия. Десять епископов принесли покаяние в заблуждениях и были приняты в лоно церкви. Иконоборцы были преданы анафеме. В Никее было решено воздавать иконам не богопоклонение (*λατρεία, adoratio*), а обязательное почитательное поклонение (*προσκύνησις τιμητή*). Следует чтить святые иконы, гласит соборное постановление, следует кланяться им не как Богу, а как воспоминательному начертанию Его и святых Его. Но если прежде число преследователей икон было в меньшинстве, то за последние шестьдесят лет два новых поколения было воспитано в ненависти к иконопочитанию. Потому императрице трудно было достигнуть своей цели. Ирина энергично боролась со своими врагами, но обстоятельства заставили ее отказаться от регентства и уступить власть сыну (790). Впоследствии Константин сам осознал свою неспособность и снова должен был пригласить мать к участию в делах государства, хотя не переставал завидовать влиянию матери и интриговать против нее. Та была слишком честолюбива, чтобы уступить. Когда Константин изъявил намерение воспользоваться войском, то, по приказанию матери, был ослеплен. Теперь Ирина правила одна почти до 803 г., опираясь на поддержку духовенства и монахов. Она вмешалась в политику Запада и вступила в переговоры о союзе с Карлом против Мухаммеда.

Никифор I (802—811). Несмотря на эту сильную поддержку, императрица была низвергнута государственным казначеем Никифором осенью 802 г. и сослана сперва на о. Принкин, а потом на Лесбос, где через два года умерла. После победы над мятежным Варданом в Азии, Никифор первый провозгласил себя *самодержцем* (*αυτοκράτορ*) 19 июля 803 г. От этого титула не отказались его преемники, и он традиционно был передан впоследствии Московским государям. Никифор умер в войне с болгарами. В 811 г. в окрестностях Шумлы болгарский хан Крум отрубил ему голову и из его обработанного черепа сделал чашу для торжественных пиршеств. После этого наступила новая реакция против икон, более сильная и более энергичная, чем первая.

Тогда все разделилось. Зверства, самые ужасные, стали обыкновенными явлениями. Есть историки известной окраски, кото-

рые оправдывают все деяния иконоборческих императоров, стараются объяснить все темные факты эпохи исторической необходимостью, целями прогресса, понятием весьма растяжимым. В иконоборческом движении, как в протесте против внешних форм, они видят начало реформационного движения. Они обвиняют в фанатизме защитников икон: монахов и энергичных женщин-правительниц. В какой мере этот упрек применим к иконоборческим императорам, видно из деятельности Константина V Копронима. Он отличался особенным зверством в гонении на иконы. Он запирали монастыри, выгонял из них монахов и монахинь, последних насильно выдавал замуж, сжигал останки мертвых, издевался над патриархом самым неистовым образом, публично высек его, обрил ему брови, выставил на публичное посмеяние в цирке и наконец убил его. Как бы попирая все заветы религии, он посадил на патриарший престол евнуха. Ничего подобного нельзя сказать о правителях другого направления. Ирина была честолюбивой женщиной, беспощадность ее к сыну доходила до зверства, до забвения семейных уз, но она старалась водворить иконопочитание другими средствами. О жестокости ее преемников, Никифора I (802—811) и Михаила Рангаве (811—813) хронографы не упоминают.

Лев V Армянин (813—820). Последний был свергнут с престола своим полководцем Львом, который и был провозглашен императором под именем Льва V. Этот новый император принес с собой из Армении прежнюю ненависть к иконам. Он запретил поклонение образам, изгнал константинопольского патриарха, который старался доказать неверующему императору, что иконопочитание относится в древнему времени, что даже апостолы делали изображения Спасителя и Богородицы, что в Риме имелось изображение Преображения, написанное будто по приказанию апостола Петра.

Коварство и жестокость Льва обнаруживаются более всего по отношению к болгарам. Болгарским ханом был тогда Крум. Лев думал отделаться от него убийством, но царь спасся, и месть его навлекла на империю страшные несчастья. Он увел из византийских пределов тысячи пленных, которых поселил на Дунае. Здесь они, смешавшись с местным населением — даками, образовали влахов. В 815 г. Крум появился перед Царьградом. Через пять лет Лев был убит придворными заговорщиками.

Михаил II Травл¹ (820—829). Убийцы возвели на престол Михаила II Косноязычного собственно потому, что при Льве он был в опале. Михаил попытался объявить себя нейтральным по отношению к иконоборцам. Этим компромиссом он вооружил против себя обе партии, особенно защитников икон, которые через монахов вооружили народ и произвели в столице реакцию. Надо заметить, что все это происходило в то время, когда империя находилась в самом ужасном положении: с севера грозили болгары, с юга и запада надвигались арабы; мусульмане отняли Крит, теперь уже навсегда; потеря Сицилии стала только вопросом времени. Эти несчастья приписали безбожью императора; про него распускали грязные слухи; говорили, что он не верит в воскресение мертвых и др. Сын Михаила напомнил своей ненавистью к иконам времена Копронима и Льва IV.

Феофил (829—842). Феофил приказал разрисовать церковные стены вместо священных сцен деревьями и фигурами животных. Он проявлял симпатию к арабам. Он старался перенимать технические арабские изобретения, усовершенствованные музыкальные инструменты, механические игрушки вроде птиц, певших на золотых ветках, и т. п. Вместе с тем (о чем забывают его враги) он был единственным из византийских императоров, который заботился о науке, собирал рукописи классиков. Ему цивилизация обязана многими сбережениями остатков античной литературы. Симпатия Феофила к арабам выразилась в посольстве 832 г. Иоанна Грамматика к султану Мамуну (из династии Омейядов). Султан походил на Феофила характером и отличался такой же ненавистью к формальной стороне религии. Он осмеливался не признавать Коран божественной книгой и принадлежал к той партии, которая считала Коран простым поэтическим произведением. Он озаботился перевести греческих классиков на арабский язык, почему разошелся с улемами и вообще с духовенством. Казалось, это сходство взглядов обоих властителей должно было сблизить их между собой, но они стали во враждебные отношения, продолжавшиеся до смерти Феофила. Сицилия, которая еще продолжала подчиняться византийским императорам, была отторгнута мусульманами. Панорма (ныне Палермо) после продолжительной осады, лишившись шестидесяти тысяч населения, сдалась арабам. Христиане

¹ Косноязычный. — Прим. ред.

обязались платить дань; епископ Лука, выговорив себе свободу, бежал в Италию, бросив свою паству. Феофил нисколько не печалился о потере Сицилии. Он изобретал мучения для иконопочлонников. Он приказывал бичевать их и клеймить им лицо разными бранными выражениями. Так поступили с мучениками Феодором и Феофаном (*начертанными, υραπτοι*). При Феофиле иконоборство достигло крайних своих пределов, той точки, с которой должна была начаться реакция: все движение и без того сделалось уже антихристианским.

Михаил III (842—867) и Феодора. Его сын, Михаил III, был шести лет, когда умер отец; за него управляла его мать Феодора с 842 г. Она была на стороне монахов, напугавших ее страхом адских мучений, в которые был повергнут ее муж. Для уменьшения его страданий Феодора решила защищать иконы. На соборе 842 г. иконопочитание было восстановлено. Патриарх Иоанн Грамматик, последний сторонник иконоборства, был низложен и заменен Мефодием, который на соборе в императорском дворце анафемствовал иконоборцев. Это было 12 февраля 842 г. на первой неделе Великого поста. Тогда было установлено «торжество православия». Но правительству пришлось считаться с оппозицией. В течение столетия выросло четыре поколения, которые, привыкнув к презрению икон, стали избегать их. Новое направление должно было также употребить силу. Феодора не обладала энергией и талантами Ирины, а теперь они были необходимы.

Разделение церквей. Результат иконоборства заключался в разделении церквей. Иконоборство поселило вражду между восточной и западной церквями. Когда против образов боролись на Востоке, на Западе иконопочитание развивалось. В этот долгий период римская церковь создала славную иерархию, увенчала неограниченной властью своего главу, папу. В 838 г. папа Григорий IV провозгласил независимость духовной власти от светской, а менее чем через сорок лет Карл Лысый признал, что императорская корона передается не по праву наследства, а по воле папы, который в 877 г. получил титул *papa universalis*. Римская курия стала стремиться к всемирному господству. Папы стали властно относиться к восточным патриархам. Патриархи сами подали повод к этому: они не раз обращались в Рим за разъяснениями и советами, признавая, таким образом, верховный авторитет курии, от которого впоследствии сами отвернулись. На протяжении ста

двадцати лет папы привыкли приказывать церквям Востока. В вопросе об иконах папа Адриан I согласился с VII вселенским собором. Впрочем, на западных соборах, Франкфуртском 794 г. и Парижском 825 г., было запрещено боготворение икон (*adoratio, servitus*); оно было названо суеверием (*superstitio*). Папы считали себя вправе требовать чуть не покорности со стороны восточной церкви.

Греческая церковь среди славянства. Новой причиной антагонизма обеих церквей явилось распространение христианства среди славян. Благодаря деятельности Константина и Мефодия моравы, хорваты, болгары приняли христианство. В 845 г. Мефодий пробовал распространить христианство между хазарами, но без успеха. Распространение христианства среди болгар относится к 863 г. С водворением христианства в Болгарии Византийская империя могла отдохнуть. При более широкой политике Византия могла бы стать даже в дружеские отношения к болгарам. Это приобретение было неприятно Риму. Обращение болгар без участия римских миссионеров усиливало восточную церковь.

Патриарх Фотий. В первое время итальянцы искусно успели отвлечь болгар от греков, которые не пользовались любовью у новообращенных, но под конец греческое влияние одолело. Это обстоятельство было главной причиной разделения церквей. Нужен был предлог — и он нашелся. Патриарх Игнатий хотел дать не имевшему уважения к церкви императору Михаилу урок: он не допустил к причастию брата Феодоры, дядю императора, правителя государства Варды, носившего титул кесаря. Патриарх публично обличал «кесаря» в сожительстве со снохой, Варда тут же в церкви обещал заколоть патриарха; тот посоветовал ему самому приготовиться к смерти. Варда жаловался императору. Михаил созвал собор, на котором Игнатий был низложен. Вместо него был назначен новый патриарх из мирян. Фотий, человек очень ученый, но уклончивый и готовый в случае выгоды унижаться. Фотий все время находился на гражданской службе; он не имел ничего общего с церковью. Он приобрел известность как наставник детей императора Феофила. Он учил их риторике, философии, астрономии, музыке. Свободный доступ во дворец сблизил его с придворным влиятельным кружком. Он понравился императрице Феодоре, которая отдала ему руку своей сестры. С тех пор его карьера, говоря нынешним языком, упрочилась. Он

стал первым секретарем империи (πρωτοασπρητης). Ему было шестьдесят лет, когда император Михаил предложил ему сан патриарха. Он был вдов. В несколько дней его посвятили в диаконы, священники и хиротонисовали в епископы. Не все духовенство признало Фотия; в некоторых церквях поминали Игнатия. Фотий почувствовал потребность заручиться признанием своего достоинства со стороны папы. Николай I в 858 г. на Римском соборе отказал Фотию в признании и грозил проклятием, если он не откажется от сана, дарованного светской властью. С этого времени начинается борьба. Литература спора, равно как и биография Фотия, относится к церковной истории¹. Но нам необходимо отметить обстоятельства, обусловившие разрыв между западной и восточной церквями. Вина Фотия в том, что он, с излишней почтительностью обращаясь к римскому первосвященнику и сообщая ему о своем избрании, тем самым как бы признавал если не главенство, то преобладание папы над прочими патриархами. Он сам неосторожно дал оружие в руки соперника и тем как бы подчинял восточную церковь. Он остановился, когда уже было поздно. До нас дошли три окружных послания папы Николая и ответы на них Фотия. Препирались два одинаково ловких дипломата, но больше диалектического искусства и тонкости проявил римский деятель. Папа, в окружном послании к восточным архиереям, отрицая справедливость постановлений Константинопольского собора 861 г., утвердившего назначение Фотия, заявляет, что верховный суд в делах такого рода принадлежит римскому епископу, которого судит только Иисус Христос. Фотия папа называет не патриархом, а благоразумнейшим мужем (...*prudentissimo viro*) и внушает ему, что все церкви обязаны послушанием римской. На вопрос Фотия о доказательстве таковых прав папы и о юридических источниках, на кои Рим опирается в столь важном деле, Николай I, называя Фотия хищником, развязно отвечает: «Если ты и в правду не ведаешь и не имеешь у себя этих декретов, то этим обнаруживаешь свое нерадение; а если знаешь и не соблюдаешь, то заслуживаешь наказания за преступное слушание». Очевидно, римский противник брал смелостью, он искусно

¹ *Hergenrother, Photius, Patriarch von Constantinopolis, 1867; Лебедев, Очерки внутренней истории Византийской Восточной Церкви в IX, X, XI вв., М., 1878.*

воспользовался теми распрями, которые впоследствии возникли между патриархом и двором.

Император Михаил не в состоянии был управлять империей; сначала правил его дядя Варда, но надоел императору и был убит. Место его занял Василий, македонянин по происхождению, вышедший из простого народа. Он был провозглашен кесарем. Преданный исключительно удовольствиям, император опасался всякого энергичного человека рядом с собой, он стал подозрительно относиться к Василию, лишь только тот возвысился.

Все эти дрязги происходили в то время, как империи со всех сторон грозили опасности. К арабам, утвердившимся в Рагузе, присоединились еще новые враги из Скифии. Под 865 годом в летописи записано о нашествии племени русов из-за Днепра. Это была или славянская, или варяжская дружина. Буря спасла на этот раз Византию от угрожавшей опасности. Фотий между тем решился навести удар папе. В мае 861 г. владыки восточной церкви на соборе в Константинополе единогласно предали Николая I анафеме, о чем постановили известить его. В это самое время отношения Михаила к Василию сделались натянутыми; последний организовал заговор, жертвой которого пал Михаил. Василий вступил на престол в 867 г. и начал новую династию — Македонскую.

Македонская династия. Говоря о Македонской династии, следует прежде всего заметить, что ее первый представитель был одним из лучших византийских императоров. Венценосный историк Константин в его биографии и в «Церемониале Византийского двора» приписывает ему широкие намерения. Он заботился об экономическом развитии империи, первый затронул вопрос об улучшении положения простого народа, мечтал возродить занятия римским правом и развить действующее законодательство, но это были одни желания, не осуществившиеся на практике. Василий Македонянин сместил Фотия, восстановил Игнатия, но после смерти последнего, пользовавшегося общим уважением за свою жизнь и характер, он должен был опять обратиться к тому же Фотию.

Лев VI (886—911). Его сын Лев VI, прозванный Мудрым за ученость и законодательную деятельность, начал свое правление насилием против Фотия. Патриарх был низложен и заключен в монастырь. Патриарха осудило то самое духовенство, которое ползало перед ним, когда он был в высоком патриаршьем сане. Трудно представить себе ошибку более серьезную и более богатую последстви-

ями. Это значило играть на руку Риму. Впрочем, много своих ошибок Лев VI искупил заботами об устройстве государства. Это, можно сказать, был последний византийский император, одушевленный высшими целями. Он издал сборник действующих законов (Базилика). Тогда Византии еще раз улыбнулось счастье. Венеция и часть Апулии признали над собой греческую власть. Для утверждения византийского влияния в Апулии Лев VI отправил туда греческих колонистов. Может быть, среди них находились и славяне, потому что в Южной Италии были небольшие славянские поселения и славянский говор там слышен до сих пор. Если Лев VI не успел поладить с болгарским царем Симеоном, то это была его собственная вина. Симеон поднял войну против Византии из экономических соображений. Тогда у императора продолжались враждебные отношения с патриархом. Придерживаясь канонических постановлений, патриарх не давал Льву разрешения на четвертый брак. К стыду империи, Лев обратился за разрешением к папе и в то же время низложил неуступчивого патриарха. Папа, конечно, не заставил просить себя вторично. Таким образом, благодаря насильственному вторжению светской власти в дела церкви Византия сама просилась под церковное главенство Рима.

Александр (911—912) и Константин VII Багрянородный (911—959). Брат Льва, Александр, погрязший в оргиях и распутстве, правил один год, а вступивший с ним одновременно племянник его, Константин VII Багрянородный, считался только номинально Византийским императором; в сущности власть принадлежала сперва его матери Зое и тестю Роману, а потом его жене, императрице Елене. Грязные сцены, разыгрывавшиеся при Феодоре, жене Романа, сменились на весьма короткое время блестящими страницами времени Иоанна Цимисхия, победившего нашего Святослава. Начиная с этого времени, вся дальнейшая история Византии заключается в борьбе с болгарами, в предсмертных усилиях защититься от арабов и во внутренних раздорах. В этой утомительной истории можно отметить только два факта — прекращение сношений между восточной и западной церквями, которые разделились окончательно в 1054 г., а также вступление на престол новой династии Комнинов в 1057 г¹.

¹ С 1057 по 1058 гг. правил Исаак I Комнин. Но фактически династия Комнинов началось в 1081 г., когда к власти пришел Алексей I Комнин. — *Прим. ред.*

10. Славяне и их первые попытки политического объединения

История славянских народов в средние века принадлежит наименее разработанным частям науки. Между тем, это весьма благодатная нива, особенно для русских ученых. Долго русская историческая наука не могла освоиться со своей непосредственной задачей. Следуя примеру немецких ученых, с рабским подражанием, русские исследователи привыкли с какой-то иронией относиться в разнообразным и сложным фактам славянской истории. Это было несравненно легче самостоятельной разработки. У немцев было понятно национальное предубеждение против славян; их историография относилась к славянам с нерасположением. Во многих славянских землях немцы сидели как победители; они не хотели допускать, рядом с претензиями рас германской и романской, другого направления самостоятельного, особого, но долго незаметного и недостаточно авторитетного. Только полное политическое и национальное возрождение славянских народов может породить славянскую историю как науку, может создать славянское самопознание, а следовательно, и бытописание. Чешский народ дал первых ученых славянских историков, например Шафарик. Это произошло потому, что чехи первые из других славянских народов осознали свою национальность. Жизнь других славянских государств долго была поверхностной; затем она была обезличена; потому славяне долго не имели желания разрабатывать свою историю. Это обезличение в той же степени простиралось и на Россию по отношению к ее литературе и науке, в которой долго не находилось места славяноведению и в которой оно и до сих пор не упрочилось. В России только с сороковых годов текущего столетия¹ раздалось первое громкое слово за общеславянские интересы, за славянское единение и за необходимость самостоятельной разработки славянской истории.

На судьбе славянской историографии ясно доказывается тесная связь исторической науки с тем или другим ходом политической истории. Развитие историографии каждого славянского народа идет рядом с его национальным и политическим возрождением, а рост идеи племенного славянского единства проявляет-

¹ XIX в. — *Прим. ред.*

ся параллельно с успехами сознания этой солидарности в литературе ученой и художественной у каждого народа отдельно.

Не одна простая историческая случайность разрознила великое славянское племя, которое по своей многочисленности равнялось и романскому, и германскому племенам вместе взятым. Полагают, что венгры были одной из главных причин разъединения славян, врезавшись клином в середину района, занятого славянским племенем. Но была, по нашему мнению, еще более сильная и более влиятельная причина, заключавшаяся в процессе принятия христианства славянами. В IX в. начались раздоры между восточной и западной церквами, которые повели к разделению этих церквей. Не будь иконоборства, не будь разделения церквей, может быть, все славянские народности были бы ближе между собой в средние века и не смотрели бы одна на другую враждебно.

Связь между германцами и славянами. До сих пор недостаточно выяснено, кто раньше пришел в Среднюю Европу, германец или славянин. Липперт, один из ученейших представителей экономической школы в исторической науке, в сочинении, только что появившемся в свет, не признает по существу никакой разницы между германцами и славянами даже после их переселения из Азии в Европу, считая безразлично тех и других *скифами* Геродота¹. Не подчиняясь никаким национальным предрассудкам, он не только видит в них людей одного племени, но считает, что они в период дикого состояния были полностью тождественными с той лишь разницей, что германцы, переходя в сравнительно высшую хозяйственную форму, будучи номадами, питались молоком лошадей, тогда как для славян лошадь была только мясным животным.

То, что такое весьма продолжительное племенное единство существовало, — это несомненно. Было бы наивно представлять себе, что каждому племени свойственно проявлять с самого своего появления в истории какую-нибудь расовую особенность и что определенный экономический порядок есть принадлежность известной расы. И германцы, и славяне проходили те же первоначальные стадии развития. Несомненно, однако, то, что распад или, точнее, выделение высшей культуры, — если таковой была в тот момент германская, — последовало задолго до гуннского нашествия. Степ-

¹ *Lippert. Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau. L., 1888.*

ные гунны и осевшие ранее славяне медленно продвигались по направлению к Западу. Те, другие и третьи следовали целыми племенами, но вехами их исторического передвижения были столетия. Славяне шли непосредственно за германцами, постепенно сбрасывая с себя азиатские привычки, постепенно приобретая высшую культуру, как бы нагоняя германцев и последовательно занимая те земли, которые покидали тевтоны. В погоне за ними славяне достигли линии Везера. Известно, что в IV в. славяне, появившиеся на юг от Карпат или около среднего Дуная, подвинулись к северу от своих поселений. Ясно, что славяне не отличались ни особенной воинственностью, ни единодушием, если их могли бить с одной стороны даки, с другой германцы. Готы, например, еще раньше покорили славянские народы, жившие в нынешних русских западных губерниях. Это покорение произошло в то время, когда готы совершали свое знаменитое передвижение от Балтийского моря к Черному. В свою очередь готы были покорены гуннами. По распаде гуннской державы славяне стали политически самостоятельными. Они точно удивились этой неожиданной свободе и на заре своей самостоятельности начали славянскую историю ссорами и раздорами, ставшими хроническим недугом этого племени, для которого единство представляется недостижимым идеалом. Один из южных славянских народов передвинулся в конце V в. в Далмацию, к Адриатическому морю, откуда прогнал римских колонистов в адриатические города: Рагузу (Дубровник), Сплет, Задр и др. Впоследствии славяне заняли и вышеупомянутые пункты, дав им свои славянские названия, которые позднее переменялись преимущественно на итальянские, при усиленной колонизации итальянцев в Далмации, после покорения этой территории венецианцами.

Постепенно разрастались поселения славян на Балканском полуострове; они стали даже вхожи в Византию. Даровитейшие из них поступали на императорскую службу, делались сановниками и полководцами. Наместник Фракии, *Ἀναγύστης*, сын *Οὐγύσχοῦ*, записанный под 468 г., был, конечно, славянин Оногост, сын Унеслава. Он защитил Фракию от гуннов; Доброгост и Всегорд начальствовали против персов; Хвилибуд, родом ант, был воеводой во Фракии при Юстиниане I. Мало того, мы уже говорили, считают, что сам Юстиниан I был славянин Управда, сын Савватия, из славянской деревни Ведряны, в старой Сербии. Его

мать и сестра прозывались Бегленица, звуки славянские. Иные и Велисария производят от славянского имени Величарь¹.

Булгары. Передвижение славян началось с V в., усилилось в VI и продолжалось до середины VII столетия. Какая-то неведомая сила устремляла массы за Дунай. По всей вероятности, они были побуждаемы к этому натиском новых орд тюркского племени, которые тогда спешили одна за другой занять привольные степи нынешней Южной России и Венгрии. Одна из этих азиатских орд носила название булгар, может быть, от реки Волги, как говорит Диоклейский епископ и летописец XIII в.: «*Nam a Volga flumine Vulcari usque in praesentem diem vocantur*».

Из византийских летописей видно, что в первой половине VII в. среди булгар, которые пришли в Болгарию из нынешней Южной России, появляется князь Кубрат. Он и его преемники с дружинами, окружавшими князей, были представителями азиатского элемента, который по мере сближения с славянами, поселившись за Дунаем, растворился в славянской национальности. Союз с Ираклием, богатые дары, полученные Кубратом от императора, и сан патриция утвердили надолго мирные отношения между греками и булгарами. Они продолжались до Константина Погоната (668—685). В 660 г. умер Кубрат; его четыре сына передвинулись одни к Дунаю, другие севернее в Паннонию, нынешнюю Венгрию. Последние орды получили название тисских булгар от реки Тиссы, притока Дуная. В числе этих сыновей летописец называет Аспаруха; это же имя называет недавно открытый хронограф древней русской редакции. Аспарух занимал земли на север от устья Дуная. Это место было прозвано Онголом, т. е. углом (от греческого ὄγκος), нынешний Буджак. Это показывает, что в дружине Аспаруха, до передвижения за Дунай, было много славян, которые заставили говорить остатки азиатской орды по-славянски. Таким образом, чужеземная дружина ослабилась среди болгар. Аспарух и его дружинники не довольствовались тем, что заняли северную часть устья Дуная. Их интересовала наиболее южная часть, за Балканами. Скоро они

¹ *Гильфердинг*, соч. 17. Ср. *Финлей*, (Греция под римским владычеством, с. 178), который славянство Юстиниана считает более или менее условным и *В. И. Ламанский*, который признает этот факт бесспорным (О славянах в Малой Азии, с. 203).

перешли за Дунай и покорили семь славянских народов, которые переправились сюда ранее, еще в конце V и в течение VI в.

Отголосок этого факта встречается у Нестора: «По мнозех же временех селе суть словени по Дунаеви, где есть ныне оугорская земля и болгарская. От тех словен разидошася по земли и прозвашася имены своими, где седше на котором месте: яко пришедше седоша на реце именем мораве и прозвашася морава, а друзии чесе и нарекошася; а се ти же словене хорвати белии, и серпь, и хорутане...» Тут следует известное место, представляющее географический перечень славянских народов нынешней России по местам их жительства, описание пути из Варяг в Царьград. Затем Нестор замечает: «Словеньску же языку, яко же рекохом живуцю на Дунаи, придоша от скуф, рекше от козар, рекомии болгаре, и седоша по Дунаеви и насельнице словеном беша¹».

Это были славяне, жившие от линии Моравы-Белграда на восток до Черного моря. Эти семь славянских народов, занимавшие такую обширную территорию, конечно, были весьма многочисленны. Они раскинулись от Дуная за Балканы на восток от сербов, которые занимали ранее сравнительно небольшое пространство. Имя народа, к которому принадлежала правящая династия, было перенесено на подданных. Здесь наблюдаем такой же факт, какой впоследствии совершился в России, т. е. что имя русов — будет ли то от варягов, скандинавов или от поморских славян — имя пришельцев, их дружины, было перенесено на народы славянские, которые покорились своей участи. Так, славяне, не имевшие до сих пор никакого особого родового названия, переименовались в болгар с той поры, как их покорили тюркские булгары.

Их история не представляет долгое время ничего замечательного, кроме постоянных набегов дружин болгар и славян на Византию. Род Аспаруха прекратился и сменился потомками Кубрата и кубратичами в лице Крума, господствовавшими доселе на берегах венгерской Тиссы. Когда болгарские славяне, т. е. жившие за Дунаем, пригласили, после прекращения династии Аспаруха, кубратичей, понятно, что кубратичи удержали власть и над угорскими болгарями. Булгары, слившись со славянами или, луч-

¹ Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, издание Археографической комиссии, Спб., 1871, с. 5 и 8.

ше сказать, растворившись в них, были теперь объединены и потому стали наиболее опасны. Они ведут уже серьезную войну с Византией. Они приблизились к Константинополю и стали грозить ему. В них видно стремление к государственной жизни; у них зарождается идея централизации власти.

Неизвестно, где была столица Крума, хотя достоверно, что он отнял от Византии значительную часть Балканского полуострова до самого Адрианополя. Может быть, она была за линией Балкан, в пределах древней Македонии. Эта-то южная забалканская часть Болгарии и называлась в летописях Загорской страной. Эту обширную область, лежащую за Балканскими горами, Кубратич получил от Юстиниана за содействие в возведении последнего на императорский престол. Загорская страна была впоследствии поводом для беспрестанных войн между булгарами и греками.

Уступленная земля представляла удобные порты на Черном море и давала важные преимущества болгарам. Когда уступка не была признана византийским правительством, то Крум приготовился разгромить Византию. Он привлек к себе всех подвластных аваров (обров), которые некогда были победителями славян и которые до сих пор жили мирно. На пяти тысячах повозок болгары перевезли стенобитные машины через Балканы к Византии. Но перед самым открытием кампании Крум умер от удара. Константинополь был спасен.

Распространение христианства среди славян. Преемники Кубрата не были так счастливы. Его сестра попала в плен, крестилась и была воспитана при Византийском дворе как бы с тем, чтобы после содействовать распространению христианства на своей родине. Росту христианства содействовали еще первые семена, посеянные среди паннонских болгар греческими и франкскими пленниками. Христианство проникло к болгарам уже при позднейшем царе Борисе, у которого, как известно, была столица в Великой Преславе и который крестился под влиянием своей сестры, возвратившейся из греческого плена искренней христианкой. Его крестил Св. Мефодий и при крещении дал Борису имя Михаил в честь Византийского императора, который был заочным крестным отцом его. Борис отличался особенным войнолюбием, пока был язычником. Ему пришлось тоже вести войны не только с Византией, но и с Сербией. Он значительно расширил Болгарское царство, но с принятием христианства Борис сильно изменился.

Племенные названия славян. Нам приходится остановиться на сербах. Это славянское племя удержало за собой общее расовое имя, ибо, как считают, все славяне назывались *сербами*. Следует отметить, что слово «славяне» появляется лишь с конца V в., — вероятно, от *слава, слова* (поклонения Славе); по Шафарыку от *salava* — низменность. Любопытно проследить, как себя называли славяне раньше и как их называли. Венелин принимает название «болгар», а Морошкин «Русь» за родовое. Это мнение было вскоре отвергнуто. Все славяне без различия, по мнению Шафарыка и Григоровича, называли себя сербами. Это однозначно с *genus, natio*; Шафарик также полагает, что у многих народов нарицательное имя «народ» было и собственным. Славянское *na rod* пишется раздельно, чем ясно указывается, что *genus* и *natio* синонимы. Григорович делает такие конъектуры. В Литовском статуте он находит слово «сербщина» — понятие, относящееся к народу. Слово па-ср-б встречается в малороссийском наречии [украинском языке] и польском языке в смысле отпрыска в семействе, пасынка. Корень его в санскритском *pacar*, персидском *pusar*, даже латинское *puer* писалось *puser*. Это слово означало того, кто дальше *prognatus est*, т. е. кто распространен. В иностранных памятниках славяне назывались «споры». Очень может быть, что Прокопий, записывая «споры», знал смысл слова, но не объяснил его. Оно равнозначно с латинским *serere*, греческим *σπείρω*, от этого последнего произошло *σποραδίη*, «рассеяно» — по толкованию Прокопия: такими разбросанными, отдельными поселками жили славяне.

Но из этого не следует, чтобы сербами называли славян другие народы. Общее название их было иное. Тот же ученый дает следующее объяснение тому, как называли славян другие народы. Все они сводятся к *Wend, Wind*, как называли наших предков кельты и германцы. Корень этого слова *ind* (*w* — придыхание); *wend* значило водяной; это слово применялось к славянам, потому что они жили на топких местах, по большей части на берегах Балтийского моря. *Wind* и *Wend* со временем разделились исторически; для южных германцев славяне были винды, для северных — венды, для скандинавов же *Wen, Wan*, как и поныне финны называют славян. Готы иногда отбрасывали букву *w*; отсюда *Ant, Ent*. Поэтому гот Иордан и Прокопий называют славян антами, вендами, венетами и спорами. Во всяком случае западные

летописи, говоря о передвижении сербов на Дунай, подразумевают не все славянское племя, а один из народцев, двигавшихся с севера из закарпатской страны, где была (по Константину Багрянородному) древняя земля хорватская и сербская и местность, называемая Бойки (в нынешней Восточной, русинской Галиции). Эти-то сербы, собственно хорваты, заняли за Дунаем пространство от Моравы до Адриатического моря и скутарийского озера, только что оставленное аварами. У Константина читаем имена пяти братьев (Клюк, Ловел, Коснец, Мухол, Хорват) и двух сестер (Туга и Вуга). После завоевания Хорватия разделилась на две части: Приморскую и Савскую. Затем пришел новый сербский народ, живший на восток от хорватов, на водоразделе Вислы и Днепра. От императора Ираклия эти поздние пришельцы получили земли восточнее, а именно нынешнее сербское королевство с Босной и Расой (Герцеговина)¹. Тогда же образовались славянские земли: Захолмия, Травуния и Диоклея, ставшие уделами. Переселение было постепенное, с явным дружинным характером. Владения каждого дружинника назывались жупами; они были весьма дробны. Соединенные вместе, они составляли федерацию, в которой король назывался великим жупаном. Среди сербов-победителей были сословия знатных (владельцев) и простолюдинов (сербов); побежденные, крепостные назывались не-ропхами. На Балканах оба народа, болгарский и сербский, успокоились. Ранее принуждаемые к войне, они предались мирным занятиям, когда получили прочные поселения. Так как болгарские цари утвердились завоеванием, то они сообщили скоро воинственный дух своему народу. Сербы же предались отдыху на долгое время. Они заявили себя не раньше IX в., а собственно сербы — еще позже, около XII столетия. Христианство было той силой, которая сделала славянское племя причастным исторической жизни.

Быт и нравы славян. В истории каждого племени можно открыть присутствие некоторых как бы присущих ему черт и таких характерных особенностей, которые являются еще на заре его жизни. Известно, что к нынешним французам удачно применяют ту характеристику, которую дал Цезарь кельтам. То же можно сказать и относительно славян, с той разницей, что у них родовой

¹ Сербия, Босния и Герцеговина. — *Прим. ред.*

быт очень рано видоизменился, приняв общинный характер, вытекавший из экономических условий, из земельного владения. *Общины*, или верви, владевшие землей сообща, избиравшие себе *старшину*, или *владыку*, составляли *волость*, *погост*, или *жупу*. Древнейшие свидетельства о славянах находим у Иордана, Прокопия и Маврикия. Они, говоря о виндах и спорах, как тогда называли славян, дают общую характеристику отличительных признаков славянской расы, таких признаков, которые и поныне сохранились в среде славянских племен. Прокопий¹ замечает, что «славяне живут в плохих избах, разбросанных на большом расстоянии одна от другой», управляются демократически; «славяне не повинуются одному мужу, но издревле живут при народном правлении»². Маврикий говорит о славянах, что «они скромны, что женщины их чрезвычайно целомудренны», что они терпеливо переносят бедствия и т. д. Но этот же император не скрывает и недостатков в характере славян, указывая на их раздоры и нежелание подчиняться власти. «Между ними постоянно господствуют раздоры. Они ни в чем между собою не соглашаются; если в чем согласятся, другие тотчас же нарушают их решение, ибо все питают друг к другу вражду и ни один не хочет повиноваться другому». Эта черта характера в славянском племени, отмеченная еще в конце VI в., принесла много зла и много бедствий славянам в их борьбе с германцами и азиатскими завоевателями, что покажет дальнейший исторический очерк славянских народов. Славяне всегда и везде, продолжает Маврикий, славилась своим гостеприимством. «Они ласковы к иностранцам и с большим усердием провожают их с одного места на другое, дабы предохранить их от несчастья; если случится обида гостю, по нерадению хозяина, то сосед последнего вооружается на него, считая священной обязанностью мстить за странника». Рабы и военнопленные, по истечении известного срока, становились свободными и могли жениться на славянках. «Военнопленные содержатся в рабстве у славян не на всю жизнь, как это делается у других народов, — замечает Маврикий, — но по прошествии известного времени им предоставляется выбор: возвратиться на родину, заплатив выкуп, или остаться между ними и быть друзь-

¹ Прокопий. О готской войне, III, XIV.

² ... ἐν δημοκρατία (при демократии). Там же.

ями»¹. Из того, что говорят историки о занятиях славян, можно заключить, что они занимались ремеслами и торговлей. Само слово «торг» чисто славянского происхождения, и, как доказывал покойный Григорович, это слово заимствовали у славян немцы и скандинавы. Так, нынешний Триест у славян назывался Торговище ввиду его выгодного торгового положения. Мирный, кроткий нрав славян проявлялся в характере их общественного быта. Все было построено на идее земли, на земщине. Масса жила в деревнях и селах, на просторе лесов и полей, занимаясь земледелием. Города возникли довольно поздно от знакомства с немцами и греками. Город, в противоположность деревне, означал *огороженное* место, обыкновенно наскоро укрепленное для того, чтобы в случае вражеского нашествия в нем могло укрыться сельское окрестное население; укрепления состояли из деревянных стен или земляных валов. Города были или деревянные (срубить город) или земляные (сметать город). В городе решались общественные дела; сюда также сходились для поклонения и жертвоприношения богам. Потому главнейшими зданиями были: княжий двор и храм, если таковой допускала религия того или другого славянского народа. Около города ютился пригород для торговцев. За ним лепились слободы, та же деревня. Сперва пригород имел временный характер, потом стал существенной принадлежностью города и, наконец, слился с ним. Тогда город назывался торговым². Славяне не любили крепостей; их города не наводили страха, как города немецкие с этими башнями, стенами, рвами, подъемными мостами, бойницами, решетками и воротами, отделявшими *Ritterstadt* от *Bürgerstadt* и т. п. У славян город служил для обмена товаров и временного приезда сельчан. Крепостей часто не достраивали; весь интерес городского населения, поглощенного торговым делом, сосредоточивался на пригородах.

Таковы были основные черты быта славян без различия местностей и народов. В этом отношении поморяне, т. е. балтийские славяне, походили на кривичей, как те на моравов и сербов.

Сообщения Аль-Бекри о славянах X в. Говоря о славянах несколько более позднего времени, например X в., мы можем пользоваться характерными сообщениями арабского историка

¹ Маврикий. *Strategematicon*, с. 273.

² Макушев. Сказания иностранцев, с. 116.

второй половины XI столетия Абу-Обейда Абдаллаха Аль-Бекри, который, живя в Кордове и Севилье, имел возможность располагать запиской о славянах, составленной в конце X в. ученым еврейским путешественником Ибрагимом Ибн-Якубом¹. Тогда торговля Испании с отдаленной Германией и славянскими странами были в руках евреев. Ибрагим, как видно из характера тех сведений, которыми воспользовался Аль-Бекри, имел наиболее точные представления даже о тогдашних восточных славянах. Например, он знал, что некоторые северные племена (варяго-русы) поселились среди тамошних славян и усвоили их язык, хотя эти русы продолжали разбойничать на Балтийских берегах и грабить землю пруссов с запада. Ибрагим по торговым делам был в Мекленбурге; надо полагать, он закупал рабов у поморских славян и продавал их в Испании и Африке. Это была весьма выгодная торговля, не менее выгодная, чем покупка весьма дешевого пушного товара у восточных славян.

Поставленный в такие выгодные условия, Ибрагим сообщает много интересного материала, в котором, конечно, есть и непроверенные данные, дошедшие до автора по слухам. О географии славянских земель Ибрагим и Аль-Бекри имеют довольно смутные представления, но и они интересны для нас как ходячие мнения о славянах. Ибрагим делил известных ему по наблюдению и по слухам славян на четыре больших группы: 1) болгары придунайские, на Балканах; 2) чехи с городами Прагой и Краковом; 3) поляки под властью «северного» царя Мешко, княжившего в Познани или в Гнезно и 4) полабские славяне, под властью Накуна вместе с поморскими. Он не знает сербов и хорватов; о восточных славянах упоминает только по поводу пиратов-русов, говоря, что «племена севера завладели некоторыми из них (славян) и обитают по сие время между ними». Ознакомлению путешественника с западными славянами способствовало двукратное посещение двора Оттона, императора «Румов» (римлян). По словам Ибрагима, «западных славян считают храбрейшими; у них просят помощи другие». Это отголосок долгой борьбы моравов и чехов с немцами за независимость.

¹ Разработкой Аль-Бекри и постановкой вопроса об его источнике наука обязана академику А. Куньку. См.: «Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах», Спб., 1878, в приложении к XXXII тому Записок Императорской Академии Наук. Пер. отрывков В. Розена.

«Вообще славяне люди смелые, — пишет Аль-Бекри, — и наступательные, и *если бы не было разрозненности* их вследствие многочисленных разветвлений их колен и разбросанности их племен, *то не померился бы с ними в силе ни один народ в мире*. Они обитают в странах, богатейших обиталищами и жизненными припасами. Они усердствуют в земледелии и в добывании себе пропитания и превосходят в этом все народы Севера. И доходят товары их морем и сушей до русов и до Константинополя. И главнейшие из племен Севера говорят по-славянски, потому что смешались с ними, как, например, племена ал-Тришкин, и Анклий, и Баджанакиа, и Русы, и Хазары. И во всех странах севера голод не бывает следствием бездождия и продолжительной засухи, а происходит от обилия дождя и продолжительной сырости. И у них засуха не считается губительной, ибо никто, кого она поражает, ее не боится по причине влажности их земель и значительного холода. Они сеют в два времени года, летом и весною, пожиная две жатвы. И большая часть их посева состоит из проса. Холод у них здоров, хотя бы он был очень сильным, а жара для них пагубна. И они не могут путешествовать в страны Либкардии (Ломбардию) по причине тамошней жары, ибо жара у них (лангобардов) очень сильная, вследствие чего они (славяне) погибают. Страны славян весьма холодны; и сильнее всего холод у них тогда, когда ночи бывают лунные и дни ясные. Тогда холод увеличивается и мороз усиливается. И земля тогда становится как камень, и все жидкости замерзают и покрываются как бы гипсом колодезь и пруды, так что становятся подобными камню. И когда люди выпускают воду из носа, то бороды их покрываются слоями льда, как бы стеклом, так что нужно их ломать, пока не согреешься или не придешь в жилье... И общи всем им две болезни; едва ли найдутся между ними свободные от них. Это двоякого рода опухоли: рожа и геморрой. Они воздерживаются от употребления в пищу цыплят, ибо они вредны для них, как они утверждают; от этого усиливается у них рожа; но они едят мясо коров и гусей, и оно соответствует их потребностям. Они одеваются в широкие платья, но только нижняя часть их рукавов узка».

Говоря о нравах и положении женщин, Аль-Бекри очень высокого мнения о замужних, но совершенно противоположного о девушках, которые не стесняются в образе жизни и в увлечениях. Женихи, по его словам, даже ценят в невестах доказательства их

падения и отказываются от тех, которые не успели привлечь к себе поклонников. Зато, раз выйдя замуж, женщина становится собственностью супруга. «Цари держат своих жен заключенными, — говорит он, — и сильно ревнуют». Арабский писатель намекает на многоженство: «И бывает у одного мужчины двадцать жен и более»¹.

Славяне жили в тех же курных избах, парились в банях, подробно описанных наблюдательным евреем², ездили в тех же невозможных телегах, которые для «царей», больных и раненых имели некоторые приспособления³.

Славянское язычество. Что касается славянской языческой религии, мифологии, то это слабейшая сторона славяноведения⁴. Основой славянского языческого культа было поклонение, обожание природы. Вот что говорит Прокопий о религии славян:

¹ Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, Спб., 1878, с. 53, 56.

² Они устраивают себе дома из дерева и законопачивают щели его некоторой материей, которая образуется на деревьях, походит на зеленоватый водяной мох и которую они называют *удж* (*мх* по чтению издателей). Она служит им вместо смолы для их кораблей. Затем они устраивают очаг из камней в одном из углов этого дома и на самом верху против очага открывают окно для прохода дыма. Когда же очаг раскалится, они закрывают это окно и запирают двери дома — а в нем есть резервуары для воды — и поливают этой водой раскалившийся очаг; и поднимаются тогда пары. И в руке у каждого из них связка сухих ветвей, которой они приводят в движение воздух и притягивают его к себе. И тогда открываются их поры, и исходит излишнее из их тел, и текут от них реки. И не остаются ни на одном из них следы сыпи или нарыва, и они называют этот дом (баню) *ал-атбба* (Известия Аль-Бекри, с. 57).

³ «И цари их ездят на больших катящихся высоких телегах на четырех колесах и ножках; в углах их четыре крепкие подпоры, к ним привешен крепкими цепями кузов, который обивается шелком. И потому не трясется сидящий в нем так, как трясется телега» (Известия Аль-Бекри, с. 57).

⁴ Больше всего материала собрано в классическом труде *Шафарика*. См. также: *Н. И. Костомаров*, Мифология славян; *И. И. Срезневский*, Исследование о языческих богослужениях древних славян; Об обожании солнца; *С. М. Соловьев*, История России, т. 1; *Афанасьев*, Воззрения славян на природу, 3 ч.

«Славяне и анты признают единого бога, громовержца, единым владыкой вселенной и приносят ему в жертву быков и иных священных животных. Они поклоняются также рекам и нимфам, а равно некоторым другим божествам; всем им они приносят жертвы и при этих жертвоприношениях гадают»¹. Славяне, таким образом, не были политеистами в строгом смысле, хотя и признавали, кроме единого владыки вселенной, другие второстепенные подчиненные божества и приносили им жертвы. Старшие в роду и семье при жертвоприношениях исполняли роль жрецов, так как привилегированных жрецов долго не было в славянском языческом культе, как их не было и в германском культе. Само поклонение божеству у славян сначала было непосредственным, без всяких внешних атрибутов, без олицетворения. Богослужение, чаще всего вечером, совершалось обыкновенно в священных рощах и на горах; и только впоследствии под влиянием финнов у славян появляются идолы. Источником других божеств было таинственное божество неба, *Сварог*, соответствовавшее Урану эллинов. Его сочетание с Землей породило множество божеств, имевших специальное назначение: *Святовид*, *Дажьбог*, *Волос*, *Купало* — богов светлой, солнечной генерации; *Перуна* — бога грома и молнии. По отчеству они именовались Сварожичами. Кроме того, каждая стихия, каждая сила и каждое явление природы символизировались особыми мифическими существами. То был целый мир, более или менее художественный: *Стрибог*, бог ветров, *Велес*, хранитель стада, *Жива*, богиня плодородия, *Весна*, богиня молодости, *Кощей* — холод, *Баба-яга*, разносящая бури и вьюги, *Морена*, несущая смерть. Бедствия олицетворялись *ведьмами*, *трясавицами*, *нежитью* — все это злые духи женского рода; воды были населены *русалками*, *вилами*; деревья — *полудницами*, леса — *лешими*; каждая гора, каждый источник имели сверх того своего божка. Любимым деревом богов была липа. У славян были *домовые* божества, *Рожаница* и пр. Мифология славян не является чем-то целостным, органическим; в этом отношении она стоит не только ниже эллинской, но даже, по разработке типов, значительно уступает германской. Тем не менее древние празднества славян не лишены поэтичности. Борьба света и мрака, холода и тепла вы-

¹ *Прокопий*. О готской войне, III, XIV.

разилась в Колядах и Купале, праздновавшихся во время зимнего и летнего солнцеворота.

Взглянем на те элементы в религии славян, которые способствовали принятию христианского мировоззрения. Буддизм и гностицизм с Востока проникли и в среду славян; в особенности такие еретические воззрения были в ходу между славянами болгарскими. У последних также, как и у поморских славян, был развит культ поклонения темным и светлым силам природы, т. е. дуализм. Их Бел-бог и Черно-бог были тем же, чем были Бог и Сатана в манихействе и в позднейшем богомильстве. Этим внутренним сродством и объясняется, почему богомильство так прочно утвердилось и так долго продолжало существовать среди славян и особенно среди болгар. Таким путем славяне были подготовлены к принятию христианского мировоззрения. Понятно, что само христианство у славян некоторое время сильно отзывалось дуализмом. Они издавна признавали бессмертие души; тела же умерших сжигали и пепел в глиняных сосудах зарывали в лесах и на дорогах, иногда с любимыми вещами покойника. Над могилами устраивались тризны с песнями и плясками.

Крещение болгарских славян в 863 г. Христианство стало распространяться между славянами, когда они приблизились к грекам на Балканском полуострове. Славяне переселились за Балканы в Загорную область, недовольные областями между Балканами и Дунаем, которые им уступило правительство Византии. В IX столетии от Р. Х. славяне занимали всю северную часть Балканского полуострова, имели поселения в Средней и даже в Южной Греции — Пелопоннесе. Еще до проповеди Кирилла и Мефодия многие из славян, живших на Балканском полуострове, были христианами. В 863 г. болгарский царь Борис, вместе со своими детьми, тайно от народа, принял крещение от руки Мефодия. К этому его побудила сестра, воспитанная при Константинопольском дворе. При крещении Борису дано было имя Михаил, вероятно, в честь Византийского императора.

Но крещение государя нельзя было долго скрывать от народа. Последний был недоволен поведением Бориса, его изменой старой языческой вере. Поднялся мятеж; народ осадил Бориса во дворце. Восстание было с трудом подавлено. Ради упрочения новой веры было казнено пятьдесят два язычника, которые упорно отказывались креститься. Противная сторона, утраченная этим,

смирилась и подчинилась воле государя, приняв крещение. Тогда христианство восторжествовало в Болгарии.

Новообращенный Борис желал заключить вечный мир с единой Византией. Империя по этому случаю формально уступила ему в вечное владение княжество Загорское, которое на протяжении ста пятидесяти лет было причиной кровавых раздоров между болгарами и греками.

Болгария приняла христианство в форме византийского православия от проповедников-греков. Солунские братья, Кирилл и Мефодий, будучи по крови греками, а не славянами, как думали некоторые, основательно знали по-славянски, потому что выросли в земле, населенной славянами. Тогда Кирилл занят был великим делом, переводом Св. Писания на тот славянский говор, который был бы понятен и болгарам, и моравам. К последним вместе с братом он спешил с миссионерской целью, по поручению своего правительства. Пребывание среди балканских славян в значительной степени содействовало успеху его труда. Он изобрел славянскую азбуку, конечно, до поездки в Моравию и, может быть, познакомил двор Бориса с некоторыми священными книгами раньше, чем других славян. Но Борис из политических целей в течение нескольких лет колебался, рассчитывая, кому выгоднее подчиниться в религиозном отношении — Риму или Византии; и только при патриархе Фотии перевес остался за византийским влиянием. Утвердив православие в своих владениях, Борис передал престол сыну Владимиру, а сам около 885 г. удалился в монастырь. При этом государе едва не произошла реакция в пользу язычества. Недостойное поведение сына заставило Бориса выйти из монастыря и принять бразды правления в свои руки. С помощью своих приверженцев он захватил сына, приказал ослепить и посадить в темницу. Затем, передав престол другому сыну — Симеону, Борис снова удалился в монастырь, где и умер около 907 г.

Симеон, царь болгарский (893—927). Борис оставил своему сыну Симеону обширное государство, простиравшееся от реки Моравы вдоль по течению Дуная, до его устья, занимавшее все побережье Черного моря до Бургосского залива, часть Северной Фракии, земли верхней Албании и почти всю Македонию до реки Ибара. Неизвестно, как далеко простиралось господство болгар по левую сторону Дуная. Монархия эта создавалась в то время, ког-

да проявилось стремление средневековых народов к национальной обособленности. При Симеоне государство болгар достигло апогея своего политического могущества и умственного процветания, довольно высокого для того времени. «Долгое и славное царствование царя Симеона, — говорит Палаузов, — есть единственная эпоха в истории болгар, на которой можно отдохнуть после непрерывных войн и опустошений, характеризующих предшествовавшие и большей частью последующие правления. В правление Симеона это государство, поставленное на перепутье Востока и Запада, окруженное отовсюду княжествами, раздираемыми внутренними неурядицами и усобицами, непрерывными политическими интригами и мятежами Византии, резко выдвигается вперед своей внешней и внутренней силой. Симеон, получивший блестящее образование в Царьграде, владеет более развитыми понятиями о государственном величии, чем его предшественники. Отсюда его грозные войны с соседями, из которых можно видеть, как дорожил он этим величием. С другой стороны, внешняя сила Болгарии в правление Симеона тесно обуславливалась внутренним устройством государства. Если и нет никаких юридических памятников, которые бы указали на государственное устройство Болгарии в это время, то тем не менее можно составить себе понятие о болгарской письменности, которая исключительно принадлежит эпохе Симеона. Разве широкое поприще книжного труда не опирается на гражданское устройство, о котором, к несчастью, славянская наука имеет только отрывочные данные, отдельные намеки?»¹

Объединение западных славян. Переходим к обозрению судеб другой группы того же племени — славян западных. Под западными славянами понимают ту часть виндов, которые были оторваны венграми от общей исторической жизни с южными славянами, т. е. поляков с поморянами, чехов с моравами и словаками, лужичан горных и дольных и исчезнувшее племя славян полабских, известных под именем лютичей и бодричей².

¹ Палаузов. Век болгарского царя Симеона, с. 33.

² Чешские сборники летописей: *Freher* (12 т., 1612), *Dobner* (6 т., 1764), *Petzel et Dobrowsky* (3 т., 1783—1829). См. также: *Balbinus*, *Boemia Sancta*, 1682.

Польские источники: *Pistorius*, *Corpus Polonicae historiae* 3 т., 1582. В 1752 г. *Jablonowsky*, *Monumenta Poloniae*, 4 т., 1752; Назовем еще сводные

Чехи в борьбе с аварами. Уже в I столетии от Р. Х. славяне занимали обширное пространство на западе Европы от Балтийского моря до устья Тиссы и от Карпат до Эльбы. Впрочем, это пространство было заселено славянским племенем не сразу. Еще в 450 г. нынешнюю Богемию занимали маркоманны. Пораженные гуннами, маркоманны не могли больше держаться против натиска славян и ушли на юг в Баварию. Богемию заняли чехи. Время победы чехов над маркоманнами в точности неизвестно; столкновение произошло между 450 и 495 годами. Когда в 495 г. герулы, побитые лангобардами, пробирались в Ютландию, то, по словам Иордана, нашли всю полабскую страну занятой виндами¹. По изгнании маркоманнов соседями славян на севере оказались саксы, на юге — тюринги. С первыми (саксами) вступили в жестокую и упорную борьбу бодричи и лютичи, а с последними (тюрингами) — чехи и лужичане. Германцы, ослабленные продолжительной борьбой с римским миром, сначала не могли успешно бороться со славянами и должны были уступать им свои земли, сами продвигаясь дальше к Западу. Но в это время в среде германского мира, ранее раздробленного, появилось движение в направлении объединения германских племен. Инициативу этому движению дали франкские короли. Франки, покорив тюрингов, положили предел завоеваниям славян и сами предприняли наступательное движение на Восток. Но вслед за тем явился другой, сильнейший враг для славян — авары. Авары, или обры, как называли их славяне, были азиатскими кочевниками туранского племени. Они пришли на Дунай в 558 г. Воспользовавшись враж-

издания: *Mizler de Kolof*, 4 f., 1761, *Dogiel, Teubner, Bielowsky* (Monumenta, 3 v.); труды по истории Польши: *Lelevel, Polska w wiekow srednich*, Posn., 1846.

Труды по истории балтийских славян: *Giesebrecht, Wendische Geschichte*; полабских славян — см. *Павинский* (1871); поморских славян — *Langebeck, Scryptores regum Danicarum*, 7 vls., 1772—1792). В русской науке важно исследование *И. А. Лебедева* в 2 частях: 1) Последняя борьба Балтийских славян против онемечения и 2) Обзор источников по истории балтийских славян (1876). Также см. труд *Фортинского* (1872) — специальный разбор летописи Титмара Мерзебургского от 908—1018 гг., в котором установлено, что сообщения Титмара весьма важны по своей исторической достоверности и что с 1003 г. Титмар пишет как современник.

¹ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов и готов, III, 15.

дой славян между собой, авары подчинили их и сделали своими данниками. Вероятно, все западные славяне, за исключением лютичей и бодричей, подпали под власть аваров. Чехи первые покорились им. Авары поняли, какое важное значение будет иметь для них Чехия в борьбе с германским миром, и постарались подчинить ее себе. Главная причина, побудившая славян покориться аварам, заключалась в отсутствии единодушия, в их взаимной вражде и в неумении подчиняться власти. Тяжелое положение, в котором теперь находились славяне, заставило их забыть на время свои раздоры и объединиться для борьбы против общего врага. Чехи выбрали своим предводителем иноземца Сама. Одни считают его франком, а другие — славянином. Против избрания Сама не возражало ни одно племя, и это дало ему возможность соединить раздробленных до сих пор славян и потом общими силами победить аваров.

Сам и Крок. После счастливой войны с аварами Сам всенародно был избран государем; причем власть его была мощнее, чем старая, принадлежавшая прежним славянским князьям. Свергнув аварское иго, Сам создал обширную монархию, в которую вошли все славянские народы от Штирийских Альп до Шпре, от Карпатских гор до границ франков. Сам был первый, известный истории, славянский государь. Но власть Сама возникла не из внутренних элементов чешской народности, а была создана чисто внешними условиями. Он понимал это, понимал, что война создала его власть и что война же должна его и поддерживать. Поэтому в продолжение всего своего царствования Сам постоянно вел войну сначала с аварами, а потом с франками. Он удачно отразил нападение франкского короля Дагоберта. Со смертью Сама в 658 г. распалась его военная монархия, а с распадом ее возвратились к славянам их прежние раздоры и беспорядки. Но монархия оставила уже свои корни на славянской почве. Поэтому, когда мудрый и могущественный Крок предложил чехам выбрать себя в князья, он был встречен с сочувствием. Крок снова утвердил порядок в земле чехов. Три его дочери — Каза, Тета и особенно Либуше — славились мудростью.

Премысл. От замужества Либуше с земледельцем Премыслом произошел целый ряд чешских государей, вся жизнь которых проходила в старании упрочить единоедержавный порядок в стране. Но эта цель достигалась не всегда. Единоедержавие у че-

хов — явление, принесенное извне, — требовало для своего развития внешних побудительных обстоятельств, посторонних толчков. Такой толчок был дан Каролингами. Но именно вследствие этого обстоятельства центр государственной власти перешел из Чехии в Моравию. При Премысле резиденция князя была учреждена во вновь выстроенной Праге, специально укрепленной. Первые Премысловичи (Незамысл, Мната, Воен, Унислав, Кресамысл, Неклань, Гостевид) до Боривоя известны только поэзии.

Моравия в IX в. К концу VIII в., когда Карл Великий уничтожил Аварское ханство на месте древней Паннонии и Дакии и учредил так называемую Аварскую марку с архиепископом Зальцбургским для пропаганды католичества, земли нынешней Моравии, занятые некогда аварами, отошли к словакам, чехам и морavam. Моравы, поработив остатки баварцев и авар, мстили им за прежний гнет. Те жаловались императору, и Карл в 803 г. заставил моравов подчиниться себе на Регенсбургском сейме. Моравия вошла, таким образом, в состав Римской империи. Это пошло морavam на пользу. Они окрепли под опекой франков и распространились от Силезии до Буга и Дравы. Столица их была в Велеграде, или Девине, нынешнем Градище.

На Моравию повлияли государственные идеи франкской монархии, которой она была подчинена, т. е. идеи единодержавия и централизации. Эти идеи распространились посредством взаимных сношений франков и моравов. Они создали единодержавную власть князя Моравского, Моймира. С сознанием силы возрастало патриотическое стремление, имевшее в виду свергнуть немецкое иго рано или поздно. Что касается Карла Великого, то он справедливо рассчитывал в вопросе германизации страны на содействие римско-германского духовенства. Так, архиепископу Зальцбургскому были поручены все славяне к югу от Раабы, а архиепископу Пассавскому славяне к северу от нее. Каждый архиепископ имел своих епископов.

Крещение князя Моймира в 823 г. Подобного рода распространение христианства не щадило ни местного языка, ни местных преданий и, рассекая мечом все затруднительные вопросы, только раздражало народ. На сейме в 822 г. моравы, равно как и все окрестные славяне в лице своих послов, официально подчинились императору. В последующем 823 г. князь моравский Моймир принял крещение по западному обряду. Он старался насто-

ять на том, чтобы весь моравский народ крестился. Он положил такие основы Моравской державе, что она стала страшна для немцев. Потому Людвиг Немецкий в 846 г. свергнул Моймира и посадил Ростислава.

Ростислав. В князе Ростиславе немцы встретили более искусного противника. Он воспользовался затруднениями империи, пошел на немецкого короля и разбил его в 849 г. Он покрыл страну крепостями, сделал засеки, вошел в дружественные сношения с чехами, поморянами, болгарам, одним словом, с остальным славянским миром, чтобы найти в нем поддержку. Наконец в 855 г. Ростислав открыто возмутился. Людвиг Немецкий явился с войском, но напрасно. Моравы засели по своим крепостям; им помогали чехи; немцы отступили. Ростислав перешел Дунай и стал грозить немцам. Германия должна была на этот раз безмолвно отказаться от притязаний на Моравию. Теперь Ростислав пользовался всем для увеличения и украшения страны. Это был, можно сказать, замечательнейший из всех славянских государей, который по справедливости заслужил титул Великого. Он старался дать свободному славянскому миру национальный религиозный культ.

Все, что сделано за это время, принадлежит идеям и пониманию Ростислава. Он поступал как патриот в лучшем смысле этого слова. Он обнаружил ловкость, проницательность, организаторский талант, государственные способности. Он искусно пользовался междоусобицами в Германии, чтобы подчинить себе Паннонского князя Коцела, что он и сделал. Он собрал вокруг себя не только чехов, но и принуждал к союзу всех славян. Новому государству недоставало только религиозной особенности, но вот в 863 г. Ростислав услышал, что греческие проповедники говорят с болгарам на славянском языке. Он пригласил их к себе.

Это были солунские братья, Кирилл и Мефодий.

Религиозный вопрос в Моравии. Св. Кирилл и Мефодий. Для вступления в духовную связь с греческими проповедниками святой веры, необходимо было избавиться от немецкой зависимости. Только необходимость заставила его подчиниться в 864 г. немцам. Ростислав ждал благоприятного случая освободиться. Случай этот представился через два года, когда у него укрылся сын Людвиг Немецкий, который обещал Моравии независимость, если Ростислав поможет ему. Сообразив, что в таком слу-

чае он может влиять на политическую судьбу Германии, Ростислав согласился, собрал войско, исправил крепости, заготовил припасы, заключил союз с чехами и лужичанами и выступил в поход. Его действия увенчались успехом. Но гораздо важнее этой внешней деятельности Ростислава была внутренняя. Надобно было избавить страну от немецкого духовенства, которое стремилось к онемечиванию Моравии. Пропаганда чужеземцев была опасна для народа. Нельзя было допускать ее; надо было изолировать народ от немецкого влияния. Моравия в церковном отношении принадлежала к двум епархиям: Зальцбургской и Пассавской. Когда Ростислав задумал свергнуть немецкое иго, он по необходимости должен был устранить католическую пропаганду. Немецкое влияние было немыслимо без католической агитации. Но, оставаясь благочестивым и ревностным в вере, Ростислав не думал подчиняться католическим монахам. Он знал, что греки допускают богослужение на народном языке. Он совещался со своими удельными князьями Святополком и Коцелом о замене духовенства латинского греческим. Сообща они отправляют в Византию посольство, которое должно было сказать приблизительно следующее: «Земля наша крещена, но нет у нас учителей, которые бы нас наставляли и объясняли бы нам священные книги. Мы не знаем ни греческого, ни латинского языков, а учителя, которые живут теперь у нас, учат разно; от этого мы книг читать и понимать не можем. Пришли к нам учителей, которые бы учили книжному Писанию и разумению на нашем языке и наставляли бы нас на путь истинный¹.

Император собрал совет. Вспомним, что в то время большую роль при дворе играл тесть императора Вард. По его совету было решено отправить миссионерами двух братьев Мефодия и Константина — греков из Солуны. Старший, Мефодий, был тогда игуменом Полихронского монастыря на азиатском берегу Черного моря. До этого Мефодий десять лет был правителем Славонии, как бы для того, чтобы научиться славянскому языку, который принес ему огромную пользу. Константин был гораздо моложе и находился в Константинополе при церкви Св. Апостолов. Он прежде занимал должность библиотекаря при Софийской церкви, а потом удалился к брату на Олимп. Следует отме-

¹ Так гласит житие Св. Мефодия.

тять, что братья еще раньше прославились проповеднической деятельностью среди аваров и хозар в Херсонесе. У последних братья встретили русских славян. Может быть, как говорит житие Кирилла, они там познакомились с опытом перевода отрывков из Евангелия и Псалтири, писанных какими-то славянскими письменами. По последним, Константин мог лучше познакомиться с языком русских. На обратном пути из Херсонеса братья могли встретить славянские поселения, где проповедовали жителям на их родном языке. Это было в 863 г. Получив новое миссионерское поручение, братья решились прежде всего составить славянскую азбуку. Это дело взял на себя Константин. Старые «черты и резы», которыми, вероятно, были написаны отрывки из Евангелия и Псалтири, встреченные им в Херсоне, — эти славянские руны, — Константин упростил и составил глаголицу, названную так потому, что ее назначение было «глаголати славянам закон божеский и человеческий».

Император, патриарх и весь совет одобрили мысль Константина идти уже с готовым переводом Св. Писания для проповеди Евангелия в Моравии. Впоследствии глаголицу сильно поддерживали богомилы, которые считали ее священной азбукой¹. Дорогой братья крестили болгарского царя Бориса, о чем мы уже упоминали. Ростислав торжественно встретил апостолов. Они начали тогда же совершать церковные службы на славянском языке по греческому обряду. Они ходили по городам и селам и везде лично проповедовали свое учение, обращая много язычников. «И ради быша словене, яко слышаша величья Божия своим языком», — с чувством замечает летописец Нестор². Первая православная церковь была сооружена в Моравии, в Олумуце во имя Апостола Петра, а потом церковь Св. Климента, папы Римского, на границах Моравских, освященная самим Константином в 863 г.

Цель Ростислава постепенно достигалась. Он становился не только самостоятельным Моравским государем, но и всеславянским. Мы сказали, что в это время на Западе стало проявляться

¹ Подробности об этом у *К. Иречка* (История болгар). См. также в работе *Н. Осокина* «История альбигойцев и их времени», во 2 главе, где эта азбука поставлена в связь с богомилством.

² Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, издание Археографической комиссии, Спб., 1871, с. 19.

стремление к национальности. Естественно, что славяне, как племя историческое, озарились той же идеей племенного унитаризма. Славянское богослужение, славянская письменность во многом содействовали духовному единству славян. Все это шло из маленькой Моравии. Немцы теперь с горечью должны были оставить мысль об обладании Моравией, по крайней мере на некоторое время. Император должен был отказаться считать Моравию своей. Кроме того, идея императорства в это время еще не созрела в самой Германии. Понятно, что латинское духовенство с озлоблением относилось к новым проповедникам. Оно угадало своих опаснейших соперников; оно видело, как народ покидает их церкви, как вместе с тем исчезают их десятины.

Стараясь подорвать успехи славянских проповедников, латинское духовенство стало распространять в народе убеждение, что богослужение следует совершать только на тех трех языках, на которых Пилат писал на кресте Спасителя, и что славянские письмены и славянский язык только оскорбляют и унижают религию и богослужение. Такое лжеучение произвело в Моравии волнение. Оно вынуждало Кирилла и Мефодия прибегать к ссорам и спорам с латинским духовенством, опровергать эту «пилатную, или трехязычную» ересь. Латинское духовенство жаловалось папе римскому.

Николай I приказал братьям явиться к себе в Рим в 867 г. Они повиновались. Они взяли с собой часть мощей Св. Климента, которые они открыли, еще находясь в Хазарии. Они шли через землю Коцела Паннонского, которого также обратили в греческую веру и получили от него для обучения до пятидесяти юношей. Затем, проходя через Хорватскую землю, они распространяли здесь слово Божье на славянском языке. В честь их пребывания в Хорватии были названы их именами некоторые местечки¹. Одна хорватская хроника, найденная Рачкием в Ватикане, говорит, что братья дорогой крестили много хорват. Это обстоятельство, по справедливому замечанию Леже, показывает, как любили все славяне братьев и как желали богослужения непременно на народном языке.

В Риме встретили апостолов дружески, особенно когда узнали, что они привезли с собой мощи Климента, бывшего римского

¹ В. Ягич. История сербскохорватской литературы. Пер. М. П. Петровского, Казань, 1871, с. 49.

папы. Адриан одобрил труды братьев. В Риме было определено, что славянское богослужение будет совершаться так, как оно было установлено Кириллом и Мефодием, а на хулителей славянского пения и чтения было повелено наложить анафему. Папа руководился в этом случае политическими соображениями. Он рассчитывал, что для удержания Болгарии, Моравии и Чехии необходимо поддержать славянское богослужение и что это будет единственным средством, которое может удержать Моравию в его руках.

Таким образом, Рим в своих отношениях к славянам изменил своим прежним узким традициям.

В Риме Константин захворал, принял схиму и имя Кирилла и умер 14 февраля 869 г. Мефодий, опечаленный кончиной своего брата, возвратился через Паннонию в Моравию; теперь папа дал ему в помощники одного епископа, трех священников и двух чтецов. Затем Мефодий вторично приходил в Рим за архиепископским паллиумом, о чем просил папу Коцел. Папа должен был исполнить просьбу Коцела. Он видел, что Болгария отпала совершенно от Рима и что ее примеру скоро последует Моравия.

Могущество Ростислава и его гибель. Теперь Моравия, казалось, была свободна от немцев. Еще в 866 г. Ростислав официально отказался от повиновения немецкому королю, а в 868 г. начал войну, после которой немцы ушли из Моравии. Теперь Моравское государство простиралось от Дуная до лужичан и от Карпат до Чехии. В своем государстве Ростислав стремился к централизации и неограниченной власти, что вызвало сильное неудовольствие удельных князей и особенно его племянника Святополка, который, не желая уступить дяде, подчинился со своей областью немцам. Ростислав приказал схватить племянника и умертвить; но тот нашел себе защитников в удельных князьях и латинском духовенстве, которое рассчитывало на него более, чем на Ростислава. Вместо того, чтобы схватить Святополка, Ростислав сам был схвачен им и выдан франкам. Он был посажен в темницу и подвергнут суду из немцев и изменников-славян, в котором председательствовал Людвиг Немецкий. Никто этому не был так рад, как латинское духовенство. Святополк явился жестоким врагом национальных интересов. Он управлял Моравией при помощи наемного немецкого войска и при услугах немецких наместников. Суд приговорил Ростислава к смерти, но импера-

тор, в виде милости, приказал выколоть ему глаза и заточить в какой-то немецкий монастырь. Немцы и латинское духовенство готовились разделить его наследие.

Святополк I Моравский. Святополк скоро должен был убедиться в истинных целях того чужеземного кружка, которому он подчинился. Немцы думали сделать Святополка своим орудием, и когда князь воспротивился, то от него решились отделаться тем же путем. Его предательски заманили и посадили в тюрьму. Моравы, оставшиеся без вождя, заволновались и из мести стали истреблять немцев. Во главе их теперь стояли славянские священники православного толка. Испуганный король отпустил Святополка. Началась жестокая борьба двух партий и религий.

Погубив Ростислава, Святополк старался осуществить принцип единодержавия и объединения западных славян, но он не умел устоять на почве национального дела. Первое время врагам славянства казалось, что Святополк будет на их стороне. Все знали, что у него были старинные симпатии к франкам, но последние оказались врагами Святополка. Ему предстояло испытать на себе то, что испытал Ростислав; его также вероломно захватили немцы; он также некоторое время провел в немецкой тюрьме и освободился из нее под тем условием, чтобы поддерживать императорскую власть. Это должно было убедить его, что физическая сила заключается в доверии народа, а моральная — в национальном культе.

Наказанный за свое доверие к франкам, Святополк начал беспощадную борьбу с немцами, которая, однако же, по разным причинам ослабела впоследствии. Освобожденный из немецкой тюрьмы с тем, чтобы успокоить восстание с помощью немецкого войска, он под Велеградом предал моравам сопровождавших его немецких воинов, которые тут поголовно были истреблены; остался только один изуродованный пленник.

После такого предательского избиения немцев Святополк не смел вернуться назад, ибо не мог ждать пощады. Ему предстояло вести дальнейшую борьбу с немцами. Карломан несколько раз был разбит Святополком, который вторгся в Баварию и опустошил ее до отдаленных краев Германии. Тогда сам Людвиг прибыл на место, чтобы признать совершившийся факт. Король немецкий просил мира, который был заключен в Форхгейме в 874 г. при условии признания независимости Моравии.

Отсюда началась история могущества Моравии, в которую переместился центр тяжести истории западных славян. Святополк тогда женился на сестре чешского короля Боривоя. Соседние славяне продолжали тяготеть к Моравии. Полабские лужичане изгнали немцев и обязались платить дань морavam. Так сложилась Великоморавская держава, которая была обуреваема враждой католиков и православных.

Но Святополк не устоял в этой борьбе на прямой дороге. Увлекаемый ложными политическими соображениями, он часто принимал сторону врагов своих, немцев, отчасти потому, что руководствовался личной ненавистью к Мефодию, который умер 4 апреля 884 г., а также потому, что славянское духовенство не могло сочувствовать его суровому образу действий. С подчиненными князьями Святополк обходился дерзко и надменно. Моравская легенда недаром называет его «неистовым князем»; он никогда не показывался народу; потому у моравов и чехов составила поговорка: «Святопулка гледати». У него впереди были не общественные, а скорее личные цели; без счета он напустил немцев в Моравию; они раздирали ее постоянными интригами, закрепляя немецкие порядки. Борьба, которую они подняли против Мефодия, заняла собою лучшие силы народа, силы, способные принести здоровые плоды.

До какой степени Святополк сделался немцем, видно из того, что папа Иоанн VIII в своем послании назвал его графом, хотя он таковым не был. Хорошие отношения с немцами имели, впрочем, ту выгоду, что содействовали расширению Моравского государства.

Так, в 890 г., при личном свидании с преемником одного из последних Каролингов, Карла Толстого, Арнульфом, Святополк получил всю Чехию. Поляки, тогда занимавшие большую территорию между Неманом и Одером, еще не выступали на историческую сцену и жили частной, а не исторической жизнью. Когда Арнульф упрочился на германском престоле, его политика изменилась; Святополк отказался признать ленную зависимость от Арнульфа, что послужило поводом к войне.

Арнульф прежде всего поспешил воспользоваться славянскими раздорами. Он заключил союз с хорватами и хорутанами, пробовал сдружиться с Болгарским государем Владимиром, хотя неудачно, затем воспользовался появлением венгров, чтобы их орды с Востока напустить на Моравию.

Святополку предстояла большая работа. Он развернул весь свой военный талант и все средства народа. Как «лев в западне», он кидается во все стороны и всегда устрашает своих врагов. Он отразил венгров, устремился на Арнульфа, потом бросился на хорватов, затем на хорутан и, заставив всех союзников отложиться от немцев, он разрушил целую коалицию. Арнульф уступил и заключил мир с Святополком в 894 г. на прежних условиях, признав независимость Великоморавской державы.

В том же году Святополк умер, оставив после себя обширное царство. Он был соседом зарождавшейся Руси и распадавшейся Германии.

Сравнение Ростислава и Святополка. Его преимущество заключалось в том, что он правил сплоченным национальным государством, тогда как соседи его владели раздробленными землями. Будучи больше великим воином, чем государственным человеком, он уступал Ростиславу в понимании государственных задач. Ростислав был призван для власти и управления. Святополк — для войны и для спасения славян от немцев. Эту миссию он исполнил, как мог, но забывал существенное, не понимая внутренних стремлений своего народа. Святополк не знал, что чужеземное влияние проявляется не только в завоевательной форме, но и в жизни общественной. Он не знал, что влияние распространяется обычаями, что в его положении надо было бороться против упрочения немецкого обаяния, надо было ратовать за новую веру на родном языке, ибо этот родной язык, внесенный в религиозную область, освещал совершенно иначе зарождающуюся национальность. Церковнославянский язык был для нее крепким спаем, тогда как латинское внешнее влияние приносило дезорганизацию. Ростислав сумел сблизить западных славян, сумел внушить им сознание общности интересов; Святополк, напротив, дал почувствовать чехам, хорватам и хорутанам только тяжесть своей руки, вследствие чего между западными славянами не замедлило возникнуть обоюдное холодное недоверие, зависть, что и обнаружилось после смерти Святополка. Потому-то результаты политики двух государей, более глубокой со стороны Ростислава и внешней со стороны Святополка, принесли различные плоды.

Ростислав оставил славянскую церковь в полном развитии; Святополк уничтожил его усилия и дал восторжествовать враж-

дебным элементам, назначив преемником Мефодия немца Витиха и принеся западный догмат *filioque*, т. е. исхождение Св. Духа и от Сына. Он очутился в таком положении, когда деятель не угождает ни той, ни другой стороне: его ненавидел и не понимал собственный народ; от народа он отшатнулся вследствие своей недоступности и гордости.

Его душевные мучения видны из следующего предания, записанного Козьмой Пращским.

«В 894 г. Святополк, король Моравский, — пишет Козьма, — внезапно скрылся от своих войск и никогда более не показывался. Когда он, сосредоточившись на самом себе, увидел, что несправедливо и вопреки долгу благодарности поднял оружие на Арнульфа, своего господина, повелителя и отца, который поработил его власти не только Богемию, но и другие страны до реки Грана, то, движимый раскаянием, среди глубокой ночной тьмы, тайно от всех, сел на коня и, оставив свой лагерь, помчался к одному месту, которое лежит с боку горы Зобер, где некогда три отшельника в густом и малодоступном для людей лесу построили церковь при его помощи и усердии. Прибыв сюда, он умерщвляет своего коня в самом глухом месте этого леса, а меч свой зарывает в землю. С рассветом дня он приходит к отшельникам; здесь, не признанный ими, он принимает пострижение и облачается в монашеское одеяние, оставаясь никому неведомым. Наконец, чувствуя приближение смерти, он открывается монахам, называет себя и тотчас отходит»¹. Ясно, что западные историки видели в обстоятельствах смерти Святополка какое-то наказание за те победы, которые тот одержал над немцами. Позднейшее онемеченное духовенство представляло себе моравского Святополка в виде раскаявшегося монаха.

Распад державы Святополка Моравского. Немцы не довольствовались его уступками и изменой национальному делу. Созданное великим Ростиславом государство потеряло тот национальный, религиозный спай, которым оно могло держаться. Его разложению способствовал сам Святополк своим завещанием, в силу которого Моравия делилась между его тремя сыновьями; сильнейшим из которых был Моймир. Чехия сейчас же восстала, а в остальной части началась религиозная борьба за обряды.

¹ *Cosmas Pragensis. Chronicae Bohemorum libri tres, I, 21.*

Немцы еще при жизни Святополка, в 892 г., схватив славянского иерарха Горазда, преемника Мефодия, и других влиятельных учеников апостола, заключили их в тюрьму, а потом выслали в Болгарию. Святополк ничем не откликнулся на это насилие; он предал национальный культ, а немцы думали этим сразу ослабить славянскую церковь. Станным образом моравская национальная церковь нашла поддержку в папе Иоанне IX, который велел оставить все так, как было при Мефодии, с подчинением моравской епархии лично папе, вопреки желанию германских епископов. Но моравской церкви недолго предстояло существовать; в 948 г. она была уничтожена, а между тем самостоятельность богослужения была в своем роде необходимостью, жизненной силой для бытия славянской народности. Впрочем, когда прекратила свое существование моравская церковь, Моравии как государства уже не было. Теперь не только венгры и немцы, но и свои братья-чехи кидаются в Моравию и терзают ее.

Западные летописцы перестают упоминать о Моравии как об отдельном государстве с 906 г. Полагают, что князь Моймир в 907 г. заключил союз с немцами против венгров. Известная битва при Пресбурге была не в пользу христиан: Людвиг Немецкий и Моймир Моравский были разбиты в ней, причем Людвиг успел спастись, а Моймир сложил свою голову на полях Пресбурга; венгры разлились по беззащитной Моравии, откуда население бежало к болгарам и хорватам. Так печально кончилась политическая роль Моравии после того блестящего периода, который прошел как краткий сон; на сцену теперь выступает Чехия.

Боривой и крещение чехов в 890 г. Чехия считала себя в силах играть ту роль, которая перед тем принадлежала уничтоженной Моравии. Боривой, чешский король, до самой своей смерти подчинялся моравскому государю. Под влиянием своей жены Людмилы Боривой распространял в своей стране христианство. Приняв крещение в 890 г. от рук Мефодия, в то же время он выдал за Святополка свою сестру. Он пригласил к себе в Чехию славянского священника Павла Сайха и в Кралеве-Градце появилась первая церковь в честь Св. Климента; тогда, вероятно, сооружена в Праге вторая славянская церковь в честь того же святого. Несмотря на сопротивление языческой партии, которая даже выгнала Боривоя из королевства на короткое время, он в 894 г. успел водворить христианство в своей стране, когда Моравия начала уже распадаться.

Спитигнев, его сын, держался христианства, но в немецком духе. Он отложился от Моравии и провозгласил самостоятельность Чехии. Но Вратислав, его преемник, с 912 г., является сторонником более национальной партии. Его жена Драгомира, дочь Стадарского князя из народа лютичей, была истинной героиней славянского племени. Это была Брунгильда тогдашних славян; она питала страстную ненависть к немцам, и немудрено, что такая женщина стала побуждать мужа к свержению немецкого ига. Вратислав победил баварцев, у которых был под властью до сих пор, но, свергнув немецкую власть, он в то же время выказал приверженность к язычеству. Впрочем, эта реакция, бывшая слишком ничтожной, продолжалась только до его смерти.

Драгомира и Вацлав. С 928 г. при Вацлаве, прозванным святым, христианство упрочилось. Вацлав вступил на престол еще ребенком. Конечно, Драгомира управляла за него всем; она же распорядилась умертвить Людмилу, бабу князя, которой опасалась; но, в области внешней и внутренней политики, Драгомира руководствовалась чисто патриотическим стремлением и панславянской идеей. На этом пути чехи встретили сопротивление со стороны энергичного Генриха I.

Этот император в одной битве нанес такое поражение полабским славянам, истребив громадное число их, что остальные принуждены были «принести императору дань, а Богу христианство». Затем с огромным войском Генрих пошел на Прагу; Вацлав покорился и обязался платить дань. По заключении мира с немцами все свои усилия Вацлав направил на распространение христианства; имея возможность пользоваться услугами моравских национальных священников, он входит в сношения с епископом Регенсбургским. Народу это не нравилось, особенно когда сопоставлялась деятельность Вацлава с деятельностью его энергичной матери и брата Болеслава. Надо заметить, что Драгомира была впоследствии удалена от двора.

Болеслав Крутой (935—967) чешский. В 935 г. вспыхнул заговор, и Вацлав пал его жертвой, убитый рукой брата Болеслава, который вззошел на престол. Несмотря на такое преступное начало правления, царствование Болеслава занимает блестящие страницы в истории Чехии. Он обладал большой энергией, за что чехи называли его Крутым; в то же время он славился обширными дипломатическими способностями. Болеслав Крутой по-

ставил Чехию на ту же высоту, на которой стояла Моравия, но он не мог достигнуть главной цели — независимости церковной и политической, хотя и питал эти затаенные надежды. Он видел, что не может сладить с такими энергичными императорами, какими были Генрих I и Оттон I, — с императорами, державшими в страхе весь Запад. Это и было его несчастьем. Он понял, что гораздо лучше сохранить славянское единство под императорским покровительством и своей властью, чем допустить уничтожение славян порознь. Существенным условием единства было признание католичества. Болеслав, конечно, только по необходимости, а вовсе не по симпатии к немцам должен был поддерживать немецкие порядки, потому что они только оберегали это единство. Под конец своей жизни он поневоле сделался с виду усердным приверженцем германского императора, верным и полезным рабом германской империи и короны Оттона. С самого начала правления Болеслав поспешил склониться перед германскими прелатами и, принимая регенсбургского епископа в Праге, тем самым признал зависимость. Он был побужден к тому одним соображением — удержаться на престоле, обогренном кровью брата, считавшегося святым в глазах католиков. Чтобы снискать прощение у немецкого духовенства, он выдает православных священников. Он соединился с полабскими славянами на случай внешних врагов и занялся делами внутренними. Он подчинил себе удельных князей, до того времени совершенно независимых и пользовавшихся прежде тем же титулом, как и великие князья. Высшее чешское сословие не всегда повиновалось князю, но Болеслав поставил его в полную зависимость от себя, за что и прозван был Крутым. Поняв, что ему трудно было избавиться от немецких прелатов, он, чтобы восстановить славянское богослужение, ищет опоры в немецком императоре. Только в немецкой поддержке он видел силу, связующую славянство; он думал сплотить славян под кровом империи, простодушно полагая, что затем не последует онемечивания.

Пораженный великодушием императора Оттона, который не занял Праги, хотя имел для того полную возможность, Болеслав поклялся ему в верности и никогда не изменил своей клятве. Он стал его верным союзником и другом. Понятно, что в этих отношениях выгоды достигли не славяне, а немцы. Идея объединения славян под покровительством немцев была фальшива в самой

сущности. Действительно, если Болеслав при помощи Оттона отнял у венгров Моравию и землю словаков, а также Белую Хорватию и Червоную Русь, если он повлиял на Польшу, одним словом, если он и объединил западный славянский мир, то за это он должен был сделать громадные уступки в пользу немцев, как, например, отдать на истребление немцам лютичей и всех полабских славян, с которыми боролся германский император. Через посредство духовенства империя имела правилом и конечной целью всегда домогаться политических выгод наряду с отвлеченными, идеальными.

Понятно, что при всех этих условиях Болеслав не мог удержать от германизации свое обширное государство, хотя, может быть, не желал этого. Он вводит немецкие сословия, немецкую корпорацию, городские привилегии, потому что этого требовала сама жизнь. С того времени Чехия, отказавшись от своих письменных традиций, решила подчиниться империи. Болеслав умер в 967 г.

Болеслав II Благочестивый (967—999). Его преемник Болеслав II Благочестивый, женатый на немке Эмме, получил уже потрясенное изнутри государство с надломленными силами. Он также под императорской эгидой собирает славян, т. е. продолжает политику отца, но от этого выигрывает только империя. Так, в 973 г. в Праге была учреждена архиепископия с латинскими обрядами. Первым епископом был саксонец Дитмар, а потом чех Войцех, который прославился усердным порабощением Риму западных славян. Тогда Болеслав II питал тщетные намерения продолжать дело отца; но главную роль в истории западных славян стали тогда играть не чехи, не моравы, а поляки.

Польша до Мечислава. Подобно Сербии, Польша поздно вышла на историческую сцену. Она принимает участие в исторической жизни только с середины X столетия. Поляки были самым многочисленным во всей западнославянской ветви народом и занимали обширное пространство по низменной полосе, покрытой лесами и болотами, между южным берегом Балтийского моря от устья Одера до Немана; граница их на востоке шла по реке Неман до Гродно, далее прямой линией до Брест-Литовска на Буге; потом на юг к Сандомиру, отсюда вверх по Висле до реки Дунаец; по этой реке и Татрам до верховьев Вага; на запад Судетскими горами и рекой Одером (Одрой) до Балтийского моря.

Польское население делилось на великопольское, малопольское, мазурское, словинское и кашубское; последние жили в Померании. В северо-восточной части страны между кашубами и мазурами полосой вдоль Фришгафа и Куришгафа жили пруссы, народ литовского племени. Общеславянские общественные права развились у поляков гораздо резче и сильнее, чем у других западных соплеменников. Первые дни существования Польши протекли в борьбе с датчанами, населявшими Ютландию и пространство между нижним течением Вислы и Одера. Понятно, что борьба эта не могла не отразиться на развитии в Польше государственной жизни. Постоянная опасность нападений воинственных соседей, необходимость самообороны вызывала потребность крепкой монархической власти. Поляки то избирали себе властителя, то свергали его, возвращаясь к анархии. Это повторялось несколько раз в начальном периоде польской истории, когда, можно сказать, сложились основные черты польского национального типа. Польские Лешки и Кракусы полностью сделались достоянием народного творчества.

Длугош о древней Польше. Краковский каноник Ян Лонгин, или Длугош, живший в XV в. (1415—1480), этот национальный польский историк, следующим образом передает начальную пору истории польского народа, наполняя рассказ характерными легендами¹.

Не только при управлении и господстве Леха, первого князя и родича поляков, который стоил того, чтобы быть князем над родом и племенем польским, но и в управлении сынов и внуков его, из которых каждый, принимая управление после предков и отца, назывался Лехом, — земля польская в продолжении многих лет, веков и поколений была безопасна, пользовалась тишиной и свободой. Редко она подвергалась несчастьям, ибо, окруженная Альпами и морем, знала о войнах других народов, с которыми граничила со стороны суши, более по слуху, нежели на самом деле.

Польский народ имеет среди великого пространства земли деревни и поселения, но ни морем, ни сушей не посещал по чужеземному обычаю торжищ, не стремился к заморской и загранич-

¹ *Iana Dlugosza. Dzieje Polskie, przelozone na język Polski przez Bornemana Gustawa (w Lesznie i Gneznie, 1841).* Латинский оригинал имеет много изданий.

ной торговле или брачным союзам. Употребляя простую пищу, какую доставляет родная земля, и одежду некрасивую, обработанную туземным промыслом, польский народ удовлетворял, без большой претензии и разборчивости, жажду водой, голод хлебом, мясом, рыбой, молоком, медом и огородной зеленью. Он не имел тогда никаких запасов, которые бы прельщали или приманивали соседние и пограничные народы для поселения или грабежа. Прав гражданских он не знал; воля князя была законом. И что князь постановил, одобрил или определил, то узаконивалось; непокорных же и упорных постигала страшная кара, не допускавшая отсрочки для раскаяния. Приказ князя считался законом, и ничего нельзя было сделать ни необдуманно, ни с намерением, так как власти королевской подлежали и награды, и наказания, и даже право над жизнью.

Все по очереди и в назначенное время исполняли на князя работы, давали также дань для стола его и двора хлебом, скотом домашним и дичиной, рыбой, медом и другими съестными припасами, необходимыми для князя, несли в дань известное количество мехов лесных зверей: куниц, бобров, горностаев и лис, которыми в то время была богата Польша. В такого рода работах, дарах и повинностях они исправляли годовые подати; золота, серебра и других металлов не доставляли, исключая одно железо на копья, плуги и другие орудия.

Покрывая крышу соломой, лежа на голой земле, богатые скотом и хлебом, не зная споров, ссор и судов, они известны были как враги всякой излишней обстановки; поэтому ни один странствующий чужеземец к ним не приходил, никто не привозил ни сукна, ни кореньев, ни вина, ни других излишних вещей, от которых преимущественно людские нравы, хотя и суровые, ослабевают, зная, что народ, привыкший к простой и грубой пище, более презирает все это, нежели ценит. Ибо в то время поляки не привыкли еще иметь что-либо излишнее и ненужное. Только побуждаемые необходимостью они пускались в торговлю, ибо не было тогда ни своих, ни заграничных денег, а если какие привозились, то ими пренебрегали; в торговле же пользовались сделками и обманом на слово; таким образом, было покупаемо и продаваемо больше, чем на деньги.

Не было тогда у них ни врагов, ни ненависти, ни войн с пограничными народами, ни союзов, ни неправд. Все были спокойны и

свободны, все счастливы и настолько в полной безопасности, что век в продолжении господствования Леха его сыновей и внуков можно было назвать скорее золотым, нежели Леховым; тогда легкие и даже незначительные проступки были наказываемы, дабы вследствие снисхождения не возникали большие, а преступления были уничтожаемы в самом начале, чтобы гнусные примеры не увлекли других. Короли и князья польские вызывали тогда своей особой большой страх, чем сами законы.

При господствующей между поляками умеренности и скромности, как мы сказали, общая сила их до того возросла, что они не только страны, ими занятые сначала, сделали населенными, но и заселили некоторые морские острова; они распространили ветви своих поселений вплоть до немцев. Большая часть поселившихся на свободных землях получила различные названия, как-то: древляне, от множества лесов, в которых они сначала обитали, у коих следующие замечательные города: Буковец, теперешний Любек, Гам, т. е. Гамбург, Бреме, Слесник, Чешнина. Затем — кашубяне, от складок на одежде, какую они прежде носили, ибо *huba* в польском или славянском языке зовется складкой (*farsa*); *каш* же значит *складывай*, в повелительном наклонении. Еще травяне, прозванные от изобилия трав, ибо место, где они поселились, было полно травой. Еще поморяне, которые жили на берегу Северного моря; от них получила название земля Поморская. Затем сербяне, прозванные от начальника своего Серба.

Хотя они и называются различными названиями вследствие местного положения или от имен начальников, однако все говорят одним лешским или польским языком, причем, смешавшись с тевтонами в саксами, занявшими их страны, по причине порчи языка произносят дурные и неправильные слова.

Остальные лехиты, занявшие другие земли, без перемены настоящего названия, зовутся поляками, хотя между ними есть какое-то разделение по землям, в которых они живут, прозванным от столичных их городов, возникших там в последующее время.

Лех и его потомки. Все как близкие, так и отдаленные народы, без всякого препирательства, не отказываясь, платили подати князю Леху, его сыновьям и внукам, воздавая им честь в виде частных приношений и подарков из местных плодов.

Между сыновьями и внуками первого князя и основателя

Польши, Леха, после его смерти, не возникало ни партий, ни несогласий, а первый и старший, по общему соглашению, вступил на престол и в достоинство бывшего князя. С того времени это постановление вошло в обычай; оно было свято и ненарушимо сохраняемо, пока, после длинных поколений, времен и веков, совершенно не прекратилось в прямой линии потомство князя Леха.

Все более известные происшествия и войны, которые вели Лех и его внуки, все какие-либо замечательные и великие дела, а также страдания их и радости, когда и в продолжении многих лет они правили лехитами или поляками, какими отличались доблестями и качествами или какими позорились пороками, что именно они совершили у себя и у соседей, — вследствие продолжительности времени и недостатка записей, так как у самих поляков не было совершенно ни писателей, ни хроник, — все пришло в вечное забвение. Слава их государей покрылась мраком, ибо польские князья того времени и века не имели необходимости и не считали обязанностью дела свои и войны передавать позднему потомству.

Поляки скоро отменяют у себя королевский сан. Когда род Леха, первого князя Польского, совершенно прекратился, и первые польские паны и дворянство совещались в Гнезно о выборе нового князя, то всем в то время, казалось, лучше быть избавленными от княжеского дома и пользоваться полной свободой, не допускать никаким образом подданства новому властителю из опасения прежних притеснений.

Итак, они уничтожили монархическое правление, благодаря которому королям и управителям было можно безнаказанно делать всякие своеволия, так как, вследствие богатства и природных пороков, они дошли до такого бесчинства, что презирали своих соотечественников, добродетельных преследовали, а порочным доброжелательствовали, вызывая всякого рода упреки. Они нарушали отеческие законы, преступая границы их своими пороками, бесчестили женщин, без приговора лишали имений и жизни; не довольствуясь пристойной любовью, оскверняли себя непозволительной; до такой степени во всех делах, вместо справедливости, руководились страстями. Все, склонившись к такому решению, чтобы Польша, заключающаяся в таких обширных землях, не осталась без управления, прежде всего восстанавливают отеческие законы, какие, казалось, достаточны были в тот простой и грубый век.

Двенадцать воевод. Потом они выбирали двенадцать мужей из знатнейших, жизни неиспорченной, воли твердой, отличающихся благородством и богатством; им поручают высшую власть в управлении Речью Посполитой, в решении всех дел и наказании неправд и раздоров; их власть продолжалась до избрания новых, если того потребовала бы необходимость или выгода. Хотя они ведали безукоризненно вверенным управлением, насколько возможно, но непривычка к законности и свободе причинила то, что их господство стало ненавистным и презираемым. Поляки, забыв древний порядок и суровость, вследствие полученной свободы, вольничали; не хотели слушать двенадцать воевод, если те, следуя порядку и по крайней необходимости, приказывали что-либо, и осуждали их мнения и решения. Все непослушные и недовольные, видя, что не могут быть наказаны, обвиняли самих двенадцать воевод в том, что те мало заботятся о Речи Посполитой, а, в ущерб объявленным законам, стараются будто о собственной прибыли и корысти. Отсюда часто между воеводами и гражданами возникали несогласия и споры, которые только вредили благоустройению Речи Посполитой. Природа людей оказывается такой же, как море; если оно раз даст расколыхать свои воды ветру, то нескоро возвратится к прежней тишине.

Когда, по милости Божией, прекратились короли и князья, поляки твердо постановили и решили держать свое государство на началах свободы и законов, рассуждая, что они гораздо лучше делают, повинувшись законам, а не королям и что общественные их дела пойдут счастливо при приобретенной свободе. Исключая некоторых, большинство, ставши непокорным и дерзким вследствие природы своей, обширности государства, безнаказанности поступков и своеволия, разнуздалось на всякие непристойности и безобразия. Не довольствуясь внутренними и домашними беззакониями, они распространили свою ненависть на соседние народы и земли. А потому соседние народы, возбужденные их неправдами, мстили им многими и частыми войнами; а так как нападения неприятелей никто в польских странах не отражал, споря за свободу, то враги опустошали их. Таким образом, желаемая вольность, предназначенная для государства, к чему стремились поляки, принесла Речи Посполитой неизмеримые беды и несчастья. Слабейшие, притесняемые сильнейшими, поздно и не вовремя получали помощь от воевод. Ибо каждый из них стре-

мился к своим целям и намерениям; тем они дали повод думать, что господство многих в управлении Речи Посполитой невыгодно и непрочно, что большей частью вместо того, чтобы заботиться, как в обыкновенное время, о доблестях, развилась зависть до того, что каждый жаждет первенства и хочет отличаться как в выборах, так и в других общественных делах; происходили ужасные несогласия, раздоры и даже кровопролития, вследствие чего принуждены были снова обратиться к монархии.

Но теперь возникал вопрос, кто поднимет такое бремя и кто способнее к управлению народом, который вследствие вольности стал довольно упрям и непослушен и оказывал часто большое сопротивление. Однако, после обстоятельного рассмотрения дела, все с общего согласия обратились к мужу известному, жившему на реке Висле, недалеко от Паннонских гор, сильному, умному и изворотливому, именем Грику, или Граху, так как знали, что он отличался перед другими способностями, а честность его, много раз доказанная, была не заподозрена. Тогда они, с общего согласия и постановления, выбирают его князем и вверяют ему высшую власть и кормило целого королевства. Он, не соглашаясь, долго противился тем, кто возлагал на него знаки власти и пурпур; он думал с искренним изумлением, не шутят ли они над ним, как над безумцем, возлагая знаки величия. Наконец, когда убеждения просящих рассеяли его сомнение, не будучи в состоянии долее сопротивляться, он принял управление Польшей. И с того времени начал ведать общественными польскими делами, с таким благоразумием и предусмотрительностью, что поляки почитали его как отца. Он не распространял на поляков, как древние князья польские, ни тираннии, ни презрения; но все устраивал на пользу и благо подданных; поэтому он одинаково оставался дорогим для дворянства и народа и правил суровым и грубым народом более посредством ласки, нежели силы.

Его слава и благородство до того стали известны, что ему покорились чехи и находились под его правлением и господством в продолжении всей его жизни.

Некоторые думают и утверждают, что князь Грах правил поляками за четыреста лет до воплощения Христа и приобрел себе славу могуществом и проницательностью (?!).

Грах, польский князь, устранив врагов то войной, то сделками и, уверившись во внешней безопасности, обратил усиленное старание на устройство дел внутренних. Прежде всего на высокой

горе, которую местные жители называли Вавадом, орошаемой водами Вислы и имеющей на вершине своей широкую площадь, он ставит замок. Потом закладывает город недалеко от замка для большей его прочности, славы и украшения, на той же реке, и дает ему по своему имени название Грахов (Краков).

В таком-то месте и замке он уже установил столицу своего королевства; там он судил чехов и поляков, называя его первым и столичным городом своего государства; он льстил себе несомненной надеждой на будущее величие города вследствие его на редкость удобного положения. Благодаря скорому росту и счастью город усилился и до того разбогател, что соседние города и земли стали завидовать его счастью и богатству. Наибольшую зависть к нему питал город Гнезно, так как он отнял у последнего знаки первенства и затмил его древнюю славу.

Затем, после целого ряда сказок, Длугош говорит о выборе Попела князем и его тирании.

Это целый мир легенд, имеющих весьма слабую историческую почву, также как и сказания о Пясте, установившем порядок.

На границе соседние народы нападали на Польшу с враждебными войсками, беспокоили ее грабежом и разорением; для своих выгод, без всякого сопротивления, они захватили некоторые ее земли под свое государство и власть. Весьма печально было положение польских панов и дворянства, которые, ненавидя друг друга взаимной ненавистью, разорялись от частых грабежей и опустошений. Поэтому, на некоторое время, взволнованная внутренними и домашними войнами, Польша стала открытой для нападений и опустошений, а народы, живущие на границе, «веселились и плясали в неслыханной радости», думая, что королевство Польское, истощенное от многочисленных домашних войн, разрушится совершенно.

Когда главные паны увидели, что земля Польская вследствие домашних раздоров страдает и нищает более чем от войн внешних, они созвали в Красвицу для избрания князя другой съезд. Там, когда все паны и народ собрались для избрания князя, оставив прежние раздоры и ненависть (ибо к прекращению их принуждала крайняя опасность, грозящая отечеству), начали спокойно и согласно рассуждать о выборе князя.

Был в местечке Красвице муж именем Пяст, прозванный так оттого, что был на самом деле низкого роста, но здоровый и до-

родный: ибо поляки на своем языке называют *пястой* ту короткую и толстую часть колеса, которая прилегает к оси.

Муж прямой и честный по природе, отличавшийся всякими почтенными качествами, но, вследствие бедности, обрабатывавший плохим плугом небольшой кусок земли, для которого, как обыкновенно, бедность была причиной уважения, а также столь же добродетельная и честная его жена, по имени Репица и один сын, с ней прижитый, не названный еще никаким именем, занимающаяся обработкой земли, питались исключительно плодами полей. Гостеприимство, достойное удивления и восхваляемое устами всех, они оказывали бедным пришельцам, странникам, несчастным и всем другим, кто просил их помощи; хотя сами они были язычниками, но к их нищей хижине приходило больше, чем на королевские праздники. Случилось, — еще при жизни безбожного короля Попела, съеденного мышами, — что два чужеземных странника, нигде дотоле неизвестные, невиданные, приятной наружности, пришли в Красвицу и прежде всего в королевском замке попросили ночлега и пищи. Когда доступ к королевским покоям им был запрещен и двери перед ними закрылись, они удалились в простой, но гостеприимный дом Пяста, и как Пястом, так и его супругой Репицей были ласково приняты; их приветствовали любезнейшим образом.

Когда польские паны и все дворянство потеряли напрасно много дней на выборах короля в Красвице, а знатные совершенно рассорились (ибо спор о правах на княжество препятствовал благоприятному исходу голосования), — случилось, что для той толпы, которая явилась на выборы, недостало съестных припасов. Когда это обстоятельство всех обеспокоило и грозило бедствием по окончании выборов, те же два гостя входят в дом Пяста, к немалой радости его самого и жены его, приветствуют его польским королем, прибавляя, что он в Польше много лет будет царствовать в потомстве сыновей и внуков. Пораженного этим известием они успокаивают, возвещая ему, что он получает королевство по воле Божией, отвратить которую нельзя, а что они возвещают это вследствие Премудрого Промысла.

Когда паны и дворяне натерпелись не столько от голода, сколько от жажды, то Пяст, наученный своими гостями, по их приказанию, выставляет сосуд с медом, который только что сам со своими домочадцами пил и которым подкрепил уставших стран-

ников. Хотя все сборище, так нуждавшееся в подкреплении, жалось к его дому, однако мед чудного качества и питательный благодаря добавкам удовлетворил не только их жажду, но и голод, так что все напились пьяными. А так как об этом чуде разглашали и прежде, а теперь были на деле убеждены, то вследствие какого-то божественного вдохновения сердца всех были воодушевлены, чтобы избрать этого благочестивого мужа королем.

Пяст. Один из всех Пяст был удостоен чудного знамения. Его признали достойным господствования, и трудно понять, какое побуждение охватило сердца всех панов, дворян, что столь великую честь предложили Пясту. На другой день они все собираются на площади, все единогласно выбирают и провозглашают Пяста королем, по предсказанию объявленному днем ранее ангелами; прибывшие в великом множестве к его дому, по законному обычаю, приглашают на трон и делают королем человека уже немолодых лет. Но насколько они торопились с выбором, настолько упорно сам избранный отказывался. Наконец, все, окружив отказывающегося, просили, и он более по принуждению, чем по желанию, принял королевство. Очевидно, что тем с большей для себя и всего потомства честью он приобрел это почетное звание не происками среди земляков, но замечательной скромностью и по божескому определению. Тогда приветствуют его королем своим, всей земли и всего народа, несмотря на то, что муж тот был рожден поддеревенской кровлей, что он вовсе не был причастен дворянскому роду, был очень беден и на самом деле занимался земледелием и пчеловодством. Когда же он из дурной избы, в которой жил, переселился в княжеские покои, то взял с собой башмаки, сделанные из пробочного дуба, велел их положить в княжескую палату и всем своим потомкам показывать и ставить перед глазами, дабы те, вступая на трон польский, не гордились и не спесивились, узнав, что первоначальный их родич, получивший достоинство королевское, был из низшего рода и что род этот должен почитаться за чрезмерно счастливый. От него произошло столько знаменитых ветвей, столько яснейших панов, столько родилось душ, славных в своем достоинстве, разумею — королей и польских князей, процветающих даже до настоящих дней.

Он противился бы всяким способом своему избранию, если бы не был предупрежден об этом чудным образом своими гостями. Затем он, хоть изумленный и полный сомнения, согласился

на выбор. Он не мог прийти в себя от мысли, что его постигло счастье, на которое он не только не надеялся, но даже о котором мечтать не смел. Потомство его стало настолько же знаменитым, насколько предок был в унижении. В управлении Польским королевством он оказывал необыкновенное благочестие. Несмотря на свое язычество, с заботливой и усиленной ревностью, как тогда, когда был ничем, творил он дела милосердия; то же благочестие одарило его такими успехами, что все удивлялись и славили его правление. Паны и вся польская шляхта, видя образцовую и чрезвычайную мудрость, которую он проявлял и которая, казалось, была не его природным уделом, а дана самим небом, — пребывали ему послушными, оказывая полную покорность и повинование во всем, что он постановлял и приказывал.

Под его же правлением прекратились наезды всех неприятелей, нападавших на Польшу. Уничтожилась свирепость разбойников и злодеев после того, как достойной удивления справедливостью и умеренностью он усмирил неприятелей, а разбойников укротил справедливой карой.

Вышло так, что Речь Посполитая, под управлением коварного короля Попела, а позднее, после гибели его со всем потомством, вследствие смут и домашних войн панов и дворян, очень ослабленная и отягощенная, снова достигла великого могущества. Тогда столицу из Кросвицы Пяст переносит в Гнезно.

Мечислав и крещение поляков в 962 г. Пяст был, несомненно, исторической личностью второй половины IX в. Он сумел высоко поставить значение Польши и вернул все потерянное при слабых предшественниках. С княжения Мечислава, или Мешко, правнука Земовита, Польша начинает входить в круг государств Западной Европы. Мечислав женился на Добровне, сестре чешского короля Болеслава Крутого и в 962 г. крестил свой народ. Польша добровольно признала себя немецкой ленницей, и Оттон I учредил для нее тогда познанское епископство.

Обстоятельства женитьбы и крещения Мечислава сходны с историей женитьбы и крещения русского князя Владимира Святого. Мечислав усиленно искал покровительства Оттона и получил от него титул маркграфа славян с условием, что он обязуется подчинить империи все непокоренные доселе славянские народы. Это было после того, когда поляки победили чехов и освободились от политической зависимости в 990 г. Теперь Мечислав,

предавший своих славян немцам, помышлял о короне. Ему не удалось осуществить этого желания. Он умер на вершине своего могущества.

Ему наследовал старший сын его Болеслав Храбрый. Его царствование относится уже к XI в. На этой противославянской миссии мы оставляем молодую Польшу.

IV

ЗАПАД В X И XI СТОЛЕТИЯХ.

СВЯЩЕННАЯ РИМСКО-ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В БОРЬБЕ С ПАПСТВОМ И СЛАВЯНАМИ

1. До папско-императорской борьбы

1. 1. САКСОНСКИЙ ДОМ В БОРЬБЕ СО СЛАВЯНАМИ

Излагая историю романо-германских земель, мы остановились на прекращении дома Каролингов; говоря об истории юго-восточных и западных славян, мы дошли до того момента, когда славяне приходят в соприкосновение с Германией и когда начинается национальная борьба между этими двумя народностями. Борьба эта не могла быть успешной для славян, потому что им пришлось иметь дело на этот раз с Германией, уже окрепшей, ибо она возродилась в империи. Обаяние империи, распространяющей по римским воспоминаниям свою власть на весь мир, было всегда сильно у германцев. Варвары благоговели перед императором и империей, когда еще римская цивилизация не успела наложить на них свою печать.

Связь Каролингов с саксонским герцогским домом. Мы упоминали о том состоянии, в котором находилась Германия во время Карла Великого. Из самых сильных и живучих германских народов саксонцы, после столь долговременной борьбы за свою независимость, были совершенно разгромлены франками. Но все-таки в саксонцах было столько живучести, столько силы, что они вновь явились соперниками франков, переродившихся теперь во франконцев. Карл Толстый, властитель почти всех земель монархии Карла¹, был последним представителем этой прямой ли-

¹ Король Швабии с 876 г., Италии с 879, император с 881, король Франции с 885, низложен в 887 г.

нии. Его племянник Арнульф, принявший императорский титул в 896 г., и сын, немецкий король Людвиг IV (899—912), были последними из Каролингов на германском престоле. Сестра Людвига, Гедвига, дочь Арнульфа вступила в брак с знаменитым саксонским герцогом Оттоном, которого современники прозвали Великим за его удачные войны. Сын от этого брака, герцог Генрих, прозванный после Птицеловом, в шестом поколении приходился потомком Карла Великого по женской линии и перенес на саксонский дом традиции Каролингов. Эта брачная связь и была главной причиной, в силу которой императорская корона досталась в Германии дому саксонских герцогов.

Король Конрад I (912—918). Когда Людвиг умер, то весь народ пожелал возложить королевскую корону на саксонского герцога Оттона. Оттон был стар и потому отклонил предложение в пользу Конрада, герцога Франконии, сына другой дочери Арнульфа, Глисмонды, следовательно, стоявшего по отношению к Карлу Великому в той же степени родства, как и Генрих Саксонский. Франкония занимала нынешнюю Гессен-Нассау с северной частью Баварии, Вюртемберга и Бадена, а именно земли между Швабией, Чехией, Тюрингией и Лотарингией. То было самое сильное герцогство после саксонского, с городами Майнцем, Франкфуртом, Вюрцбургом, Вормсом, Шпейером и др. Поэтому в истории Германии X—XII столетий мы видим постоянную борьбу за престол между франконским и саксонским домами¹.

Уступив корону Конраду, старый Оттон Саксонский только скрыл свои истинные намерения. Он вскоре умер. Его преемник Генрих, успевший отличиться в борьбе со славянами и аварами, выставил свою кандидатуру. Понятно, что Конрад не захотел добровольно уступить корону Германии Генриху. Началась борьба. Уже в первой битве погибло столько франков, что странствующие певцы, видимо, сочувствовавшие Генриху, составляли песни, в которых, в числе прочего, ставили такой вопрос: «Где можно найти столь обширный ад, который бы мог вместить в себе всех павших франконцев?» Конрад должен был сознаться в своей бессилии. Общее мнение в Германии было за Генриха Саксонского. Все, даже франконцы желали видеть сына великого Оттона на

¹ *Schwartz. König Konrad I der Franke, Fulda, 1858. Stein. Geschichte Konrads des I von Franken, Nördl., 1872.*

императорском престоле. Зная об этом, Конрад, будучи бездетным, просил своего наследника и брата отречься от короны и передать ее врагу их дома. Он говорил: «Мы можем выставить и вывести в поход много войска; у нас есть крепости, оружие, регалии и все, что служит возвышению королевского достоинства; но у нас нет счастья и удачи. Счастье, мой брат, вместе с блестящей удачей стоит на стороне Генриха. Следовательно, и спасение Германии в руках саксов. Генрих будет истинным королем и повелителем народов». Конрад завещал брату своему передать Генриху все регалии старых королей: копье, мантию, меч и корону, что было в точности исполнено.

Король Генрих I (919—936). Весной 919 г., после смерти Конрада, его брат провозгласил саксонского принца королем Германии и отправил к нему послов с регалиями. Послы будто заставили Генриха за птичьей ловлей, отчего Генрих и получил прозвище Птицелова. Впрочем, это указание встречается только у позднейших летописцев, лет полтора спустя, т. е. во второй половине XI в.; современникам это прозвище известно не было. Генрих не заставил себя долго просить. Он возложил на себя корону, хотя положение его было затруднительным. Швабы и баварцы не признавали его в королевском достоинстве; на немцев налетали венгры, авары и, давно уже раздраженные германцами, славяне.

Генрих обладал многими данными для успеха в борьбе. Витекинд, может быть, преувеличенно, считает его мудрым, но по общим отзывам современников он принес с собой на престол опытность, приобретенную им в борьбе со славянами и аварами, и счастье, которое, казалось, никогда его не покидало¹.

¹ Надо заметить, что Витекинд, или Видукинд, на которого мы только что указали, не мог знать лично Генриха, потому что он умер около 1000 г., тогда как Генрих скончался в 936 г. Хроника Витекинда — «*Res destate Saxonisae*», доведенная до 973 г., состоит из трех книг. Это существенный источник. Хотя Витекинд, как монах Корвэйского монастыря, облагодетельствованного саксонской династией, и пристрастен к Генриху, но все же из его рассказов можно выделить правду. Царствованию Генриха посвящена первая книга; царствованию Оттона Великого — вторая и третья. Другой летописец того времени, *Лиутпранд* из Павии, секретарь итальянского короля Беренгария II, а потом епископ Кремонский, занят преимущественно итальянскими отношениями. В своем «*Antapogosis*» он пристрастен к саксонцам, потому что

Может быть, саксонская династия освещена таким благоприятным светом потому, что источники имеют односторонний характер. Насколько Витекинд не может без волнения вспомнить о саксонцах, видно из следующего: «Преславная, благородная, по мудрости ни с кем несравнимая королева Матильда родила королю перворожденного сына, любимца вселенной, по имени Оттон, потом второго, украшенного отцовским именем, Генриха, храброго и умного мужа, затем третьего, по имени Бруно, который в одно и то же время был мужественным полководцем и верховным владыкой (а в сущности только Кельнским архиепископом)...¹

Положение Генриха было затруднительно. Внешние враги не заставили себя долго ждать. Через два года по вступлении Генриха на престол, т. е. в 921 г., в Германии появились венгры и осадили Генриха в собственном его замке. Счастливая вылазка помогла Генриху. Он взял в плен вождя, любимого венграми. На просьбу венгров выдать пленника Генрих выставил условием девятилетнего перемирие, на что венгры согласились. Этим временем император поспешил воспользоваться².

Он прежде всего обратил внимание на грабежи и разбои. Он ловил разбойников и населял ими вновь строящиеся города. Этими разбойниками был населен Мерзебург и его окрестности. Новый город сделался базой дальнейших операций против славян. Из своего войска он выбрал каждого девятого человека и поселил выбранных в крепостях с тем, чтобы они заботились о приготовлении пищи для остальных восьми воинов. Поселян славянского происхождения он заставил платить треть их доходов на построение крепостей, над чем, по замечанию Витекинды, работали день и ночь. На случай войны поселяне должны были сидеть в ближайших к ним крепостях, спалив предварительно свои де-

пользовался большим благоволением со стороны Генриха. Сверх того его сочинения надуты, изысканны, фигуральны; но за этими качествами можно открыть много верных фактов, отделив, конечно, прикрасы и риторiku. Затем следует упомянуть о хронике аббата *Регино* или, лучше, его продолжателя, доведенной до 367 г. и передающей только сухие факты, а также о хронике французского монаха *Рухера* из Сан-Реми. Его «*Histor. Libri IV*» (888—995) найдены лишь не 1883 г. Пертцем в Бамберге.

¹ *Widukindi. Res destate Saxonise*, I, 31.

² *Ibid.*, II, 35.

ревни, дабы неприятель не мог укрыться в них. Так как венгры были конниками и, следовательно, борьба с ними для пеших немцев была неравной. Генрих приучил последних к конной битве, к которой германцы и без него чувствовали склонность. Был восстановлен старый закон, в силу которого в случае войны призывались к защите все способные носить оружие.

Борьба с Генриха I с полабскими славянами. Прежде чем начать войну с венграми, Генрих захотел испробовать свою систему на менее опасных и более мирных славянах. Он нападает на одно из славянских племен, гаволян, главным городом которых был Бранный Бор (Бранибор), или, как называет его Витекинд, Бреннабург (нынешний Бранденбург). Воспользовавшись сильным морозом, он расположился на льду реки и взял город. С потерей своей крепости гаволяне покорились, причем Генрих взял в плен их князя Тумира. Успехи ободрили Генриха. Перейдя на левый берег Лабы, он в 929 г. покорил долеминцев, подчинил чешского князя Венцеслава (Вячеслава), прозванного святым, и обложил его данью¹.

Другое полабское население было на очереди, так как ротари с севера стали ближайшими соседями покоренных гаволян. Они не дождались нападения Генриха, а сами напали на него и взяли одну крепость. По этому сигналу восстали все полабские славяне и составили так называемый Велетский союз, главной крепостью которого было Ленчино на Эльбе (Лабе). Королевское войско пошло на них. Союзники потерпели решительную неудачу. Они бежали по болотам и озерами, гонимые немцами. От большой рати осталось только немного ратников.

Поход кончился беспощадным истреблением окрестных славян. Немцы убивали не только мужчин, захваченных в плен, по большей части рабов, но также женщин и детей. Скоро явились мстители за славян. То были бодричи и датчане. Впрочем, Генрих и на этот раз был счастлив. Он покорил бодричей и в 935 г. усмирил датчан. Была заложена новая Саксонская марка, ближайшая к славянам. На ней пролилось много крови.

Борьба с венграми. Тогда Генрих почувствовал, что настало время отомстить венграм. Когда венгры по прошествии девятилетнего перемирия пришли за данью, Генрих отказал им. Часто

¹ Об этом подробно говорит *Адам Бременский* (I, 48).

приводят предание, будто Генрих послал венграм паршивую собаку с отрубленной головой; факт, вероятно, вымышленный; по крайней мере, Витекинд ничего подобного не говорит. Генрих, собрав сейм, сказал, что если германцы будут продолжать платить дань венграм, то придется отобрать богатства церквей. Собрание потребовало войны.

Теперь настало время направить все силы к отмщению. Между тем два ополчения венгров подвигались вперед. Генрих испытал свое искусство. Первое ополчение бежало из Тюрингии, второе — из-под Мерзебурга. Венгерская сила была сломлена. Много венгров попало в плен.

После этого Генрих велел раздать бедным и церквям дань, платимую венграм, и, чтобы увековечить событие, приказал написать картину битвы. Тогда, под влиянием увлечения и чувства благодарности, войска тут же на поле битвы провозгласили своего короля императором. По словам Витекинда, Генрих, столь счастливый в войнах и мире, на закате дней своих хотел предпринять поход в Италию и подчинить ее Германии. Известно, что деятельность выдающихся людей обыкновенно везде украшается различными вымыслами. Например, того же Генриха считают основателем таких маркграфств, таких епископств, которые не могли существовать в его время.

Городское право. Во всяком случае, справедливо одно из предположений позднейших историков, относящееся к Генриху. В деятельности Генриха видно желание создать городское сословие. До того времени города были населены рабами и евреями, жизнь которых не была ничем защищена от насилия. Евреи еще со времен Гонория пользовались различными льготами; например, им дано было право свободного проживания в некоторых городах. Кроме еврейского населения, в городах не было свободного промышленного сословия. Заслуга Генриха и состоит именно в том, что он победил отвращение германцев и саксонцев к городской жизни. Этого он достиг путем дарования льгот. Например, он давал переселившимся в города обеспечение в скором суде. В городах назначались особые графы, считавшиеся в зависимости от окружных графов, но в сущности самостоятельные. Эти графы судили в мирное время и предводительствовали городским ополчением во время войны. Так как окружные жители стали съезжаться в города на различные празднества, то в них образова-

лись ярмарки. До сих пор все изготовлялось в деревнях и селах, по преимуществу крепостными. Теперь за труд взялись свободные. Появились различные ремесленники, мастера, подмастерья и т. д. Возможность промышленных работ сама собою увеличивала городское население. Вокруг городов воздвигались посады и слободы, которые впоследствии обнесли стенами.

Таким образом, в административных мерах Генриха коренится источник одной из важных сторон развития цивилизации. Трудно согласиться с немецкими историками-патриотами, что Генрих поступал в этом случае сознательно. Его заслуга тут случайна, потому что города со своей промышленностью возникали помимо его воли.

Коронация Оттона I (936—973). Под конец жизни Генрих созвал своих вассалов в Эрфурт и убедил их признать Оттона при жизни королем Германии. Этому приему после часто подражали немецкие государи. Коронация Оттона в Ахене была в высшей степени торжественной и послужила как бы программой для будущих коронаций. Это коронование описано у Витекинда в первой главе второй книги. Архиепископы Майнцский, Кельнский, Трирский соперничали за честь быть руководителями церемонии. Франконский герцог заведовал кушаньями, Швабский — вином, Баварский — конюшнями и т. д. Таким образом, здесь видно начало позднейших чинов имперских избирателей. Оттон не привлекал к себе сердца подданных, однако внушал к себе уважение, хотя ему и было только двадцать четыре года. Но когда ему подали при коронации меч с наставлением заботиться об изгнании врагов Христа, о благе народа и соблюдать мир во всем христианстве, все присутствовавшие прониклись уверенностью, что он исполнит свое назначение. Ожидания их отчасти оправдались¹.

¹ Продолжительное и блестящее царствование Оттона I небогато историками. Кроме общих источников X в., второй и третьей книг *Витекинда*, можно указать историческую поэму *Гросвиты*, монахини в Гандерсгейме, «Panegyricus Ottonis Magni», не лишнюю некоторого исторического значения, потому что автором ее была современница событий. Само название «Panegyricus Ottonis Magni» показывает характер поэмы, принадлежащей перу известной драматической писательницы того времени. Гросвита хотела отблагодарить Оттона Великого за покровительство монастырю, к которому он питал уважение, и поэтому, по поручению Оттона II, описала блистательные

Известно, что Оттон I хотел объединить под своей властью Германию, чтобы потом усилить ее Италией. Он был выразителем задач своего времени. Способный на всякую жестокость, крайне честолюбивый, Оттон умел владеть собой. Его характер, исполненный великодушия, гордости, высоких порывов, честолюбия, давал ему возможность достигнуть желаемого. Он не ка-

подвиги Оттонов до 967 г. В этой поэме есть существенное достоинство: она вторит голосу народа, отражает, так сказать, общественное воззрение на Оттонов в Германии. Писательница начинает поэму 919 годом и оканчивает началом 967 г.; но, к сожалению, в этом «Панегирике Оттона Великого» потерял большой период от 953 до 962 г. *Лиутпранд* оставил неоконченное сочинение об Оттоне I в 22 главах; он писал в 964 г. и касательно Италии сообщал менее, чем о другом. Автор сопутствовал Оттону в его италийском походе и за эту услугу получил место епископа Кремоны, где за четыре года до своей смерти дополнил прежнее сочинение. Косвенно сюда же относятся: жизнеописания Кельнского архиепископа *Бруно*, брата Оттона и Аугсбургского епископа *Адалариха*, особенно первого, написанные бенедиктинским монахом *Рутгером* в 966 г. Бруно много помогал брату, служа ему и опорой своим нравственным влиянием. *Одилон*, аббат монастыря Ключни, в Бургундии близ Макона, принадлежит к числу замечательных политических и общественных деятелей XI в. Он составил жизнеописание императрицы Аделаиды, жены Оттона I. Аббатство Ключни имело огромное значение для истории в средние века. Задачей *Одилона* было прославить принципы новой реформы, совершившейся в монастыре, и тем подготовить возрождение клира. Вскоре правилам Ключнийского монастыря подчинились многие монастыри Франции, Бургундии, Италии и Германии; в самом Риме был основан монастырь Ключнийской конгрегации, откуда вышел Григорий Гильдебранд. Это было одно из аббатств, которое проводило принцип нравственности и действительно заботилось об исправлении общества и духовенства. Первый монастырь Ключни был основан в 909 г. Берноном, но настоящим его преобразователем был *Одо*, преемники которого *Эймар* и *Майон* продолжали его труд; аббат Ключни в конце X в. сделался верховным владыкой и судьей Западной Европы. На суд Ключнийского аббата покорно шли императоры, короли и даже папы. Потому имена этих аббатов для той эпохи играют более важную роль, чем история современных королей и пап. *Майон* и *Одилон* правили монастырем пятьдесят шесть лет в 993—1049 гг. *Аделаида*, как королева Бургундии, Германии и Италии, имела большое влияние на распространение ключнийской реформы; ввиду этого *Одилон* и описал ее жизнь в 1040 г.

заялся государем, а в действительности был таковым. Он принес с собой на престол самые широкие представления о королевской власти. Он не был по росту современникам.

Кроме войн с внешними врагами, Оттону не раз приходилось вести серьезную борьбу и внутри государства: против него восстали герцоги Франконии и Тюрингии, а вскоре прошел слух о заговорах.

Междоусобица в Германии. Родные братья стали его врагами. Сначала он должен был воевать с Тинкмаром, старшим братом, который не имел права на престол, потому что императорский сан издавна был избирательным; затем он боролся с младшим братом Генрихом. В союзе с герцогом франконским Тинкмар произвел одновременное восстание в Саксонии и Франконии. Однако заговор этот в 941 г. был подавлен не столько силой оружия, сколько благодаря счастливому стечению обстоятельств. Оттон простил мятежников, отняв у них владения. Франкония по прекращении законной династии была раздроблена. Лотарингию император отдал своему зятю, Конраду Вормскому, женатому на единственной дочери Оттона, Люитгарде. От этого брака происходит Лотарингский дом, с которым впоследствии породнилась габсбургская династия и дала линию австрийских императоров. Сыну своему, Людольфу, король отдал Швабию, а Саксонией и Тюрингией управлял сам; но по причине продолжительных отлучек из Тюрингии сперва предоставил управление Саксонией Герману, сыну Биллинга, с титулом герцога, — а остальную, пограничную часть, Саксонскую марку, после победы над славянами, передал графу Герону.

Войны со славянами. Герман Биллинг и маркграф Герон. Кроме итальянских войн император также предпринимает походы против восставших вассалов, а также против полабских славян; в том и другом случае ему помогал чешский король Болеслав Крутой. Так, когда в 953 г. восстание имперских вассалов грозило Оттону серьезной опасностью, Болеслав поспешил к нему на помощь и много способствовал его победе; потом он же помогал ему в войне с мадьярами.

Когда в ближайшем соседстве бодричей и лютичей утвердилась власть саксонцев, в лице маркграфа Герона и герцога Германа Биллинга, то в славянах стало усиливаться негодование, которое вызвало впоследствии вооруженное столкновение, так как в их землях стали появляться немецкие проповедники и сборщики; притом и

Биллинг, и маркграф ненавидели славянство. Полабские князья, по словам Витекинда, задумали убить маркграфа Герона, который казался им особенно опасным. Но маркграф предупредил их. Напоив допьяна тридцать славянских князей, он зарезал их. Такое позорное нарушение прав гостеприимства вызвало ожесточенную месть. В ответ на это раздался клич: «Борьба насмерть с немцами». Борьба велась с большими жестокостями со стороны славян, которые жгли немецкие селения, убивали немецких колонистов и вторгались на германские земли. Бодричи шли впереди; они разбили саксонцев, стеснили Герона и заняли марку. Сам Оттон должен был явиться, чтобы спасти империю. Завязалась непримиримая борьба со всеми ее ужасами. Витекинд хорошо понял смысл этой борьбы, говоря, что немцы сражаются за славу и распространение своей власти, а для славян речь идет о выборе между свободой и рабством; всякое бедствие в глазах славян было ничтожно в сравнении с потерей свободы. «Это какое-то суровое отродье людей, которое нельзя испугать никакой строгостью, — метко замечает Витекинд. — Привыкнув к самой жалкой пище, славяне считают наслаждением то, что для нас было бы невыносимым бременем»¹.

Герман Биллинг правил одновременно с Оттоном (936—973). С его именем и вообще с Биллингами соединяется представление о той бессердечной политике, которая обратила кроткого славянина в ожесточенного врага христианства, настойчиво и упорно распространяемого при Биллингах².

То, чего не могли сделать храбрость и искусство Оттона, совершила измена. Пленный славянский князь Тугумир предложил немцам свои услуги. Ему обещали власть над гаволями в Браниборе с обязательством подчинения. Он согласился, убил своего племянника и предал Бранибор Оттону. Ротари принуждены были смириться, и тогда покоренные славяне между Лабой и Одром согласились платить дань немецкому королю в 939 г. Но по мере того, как число немецких проповедников и сборщиков увеличивалось в славянских землях, народом овладевало негодование, которое часто вызывало вооруженное сопротивление.

До 954 г. тянулось перемирие. Оно находилось в связи с внешней политикой Оттона, его пангерманскими замыслами. Но вот

¹ *Widukindi. Res destate Saxonise*, Sax. II, 20, apud *Pertz*; V, 444.

² *Павинский. Полабские славяне*, с. 74.

Герон снова ударил на славян на берегах Одры (Одера) и победил их; за свой подвиг он прослыл по немецким землям могучим и славным человеком¹.

Тогда бодричи и лютичи снова поднялись. Они нашли поддержку в саксонских претендентах. Племянники Биллинга, Вихман и Экберт, преследуемые своим дядей и Оттоном, укрылись у венетов, в Светлом Кранце. Дяди осадили племянников, но безуспешно. Они отступили и на обратном пути были разбиты славянским войском. По их следам ворвались в Саксонию славяне. Их вел Вихман, хорошо знавший свою родину; его увлекала, конечно, месть, а не какое-либо расположение к славянам.

Поражение немцев послужило знаком для других. Вихман и Экберт заняли со своими сообщниками несколько городов, но, отгесненные Германом, они подняли бодричей, которые и пришли к ним на помощь под начальством двух вождей. Бодричи весной напали на саксонцев; однако они не позорили свой путь грабежами и убийствами, пока сами саксонцы не подали им повода к жестокостям. Одна соседняя немецкая крепость сдалась бодричам вместе с рабами и имуществом; но сдавшиеся выговорили неприкосновенность и свободу как для себя, так и для своих жен и детей. Когда славяне вступили в город, то один из воинов, узнав свою прежнюю невольницу, бывшую уже замужем за свободным человеком в этом городе, старался вырвать ее из рук мужа, но получил от него удар и, считая себя обиженным, закричал, что саксонцы нарушили договорные условия. Тогда все бодричи бросились на саксонцев, мужчин всех истребили, а жен и детей увели в рабство. Отчаявшись победить бодричей собственными силами, Герман просил у Оттона помощи.

Оттон сначала не мог помочь ему, потому что имел тогда дела с мадярами; но потом, одержав над ними полную победу на берегах Леха, в 955 г., с сильным войском вступил в страну бодричей.

Когда Оттон увидел себя во главе огромного войска, то сделался надменным в высшей степени, радуясь тому, что наконец нашел случай отомстить бодричам, требуя при этом вознаграждения за зарезанных в крепости. Предпочитая войну унижительному миру, бодричи, велеты, череспеняне, долиничане взялись тотчас за оружие, и все пространство от Лабы до Одры воодушевилось одной общей мыслью.

¹ *Widukindi. Res destate Saxonise*, III, 20, apud *Pertz*; V, 461.

Впрочем, поморяне не поддержали своих соплеменников, потому что не имели политических претензий к немцам. Это было совершенно в славянском духе. Напротив, ране, или ругии, с острова Рана (Рюген), руководимые духом славянской розни, изменили своим и помогли немцам. Славяне находились в критическом положении, так как на них с юга шел через земли гаволян и украинцев маркграф Герон, а с запада через Лабу приближался сам Оттон в союзе с изменником, чешским князем Болеславом Крутым.

Между тем Стойгнев, руководивший делами славян, завлек императора Оттона в болотистые и лесистые окрестности Морычского озера, около Малкова, где до сих пор сохранились следы старых укреплений; здесь князь окружил врага со всех сторон. В таком положении немцы пробыли долго, а между тем у них появились в войске болезни и голод. Не зная, на что решиться, немцы, желая показать свою непобедимость, предлагали славянам сдаться, хотя сами были измучены. Однако Стойгнев не согласился, а только засмеялся над подобным предложением.

В конце концов Герману удалось выйти из этой местности; немцы построили наскоро через реку три моста и перешли ее. Узнав об этом, славяне беспорядочной толпой устремились за ними, вследствие чего немцы легко убивали их и затем обратили в бегство (955). Сам предводитель бодричей Стойгнев был убит; его голова была выставлена на позор; немцы устроили вокруг него гекатомбу, перерезав семьсот пленников; этими трофеями они обложили голову ненавистного князя. Вихман и Экберт укрылись во Франции. Саксонцам, конечно, эта борьба обходилась дешево, потому что они боролись чужими средствами. Однако славяне, хотя не раз были побиты, но тем не менее не изъявляли покорность ни перед самим Оттоном, ни перед Героном, этим защитником отечества, как его называет Титмар. Оттон еще целых четыре года предпринимал поход на ротарей, пока, наконец, не увлекся итальянскими делами.

Тогда Вихман, оставив ротарей, покорился дяде, но снова не поладил с ним и опять убежал к тем же благодушным ротарям. Только теперь настал конец беспокойной деятельности саксонского изгнанника. Он вовлек ротарей в войну с Мечиславом польским, другом и союзником императора. В одной из стычек Вихман был ранен, окружен поляками и умер на их глазах (967). С его смертью исчез тот стимул, который двигал славян в борьбе с

немцами. Ротари сопротивляются еще год. Оттон велел истребить их; он пишет герцогу Саксонскому из Италии (968), куда снова уехал после славянской войны: «Вы знаете, как часто эти люди нарушали верность и сколько вреда они причинили; поработите ротарей и покончите с ними скорее». Император обещал сам прибыть для исполнения задуманного плана.

Оттона не дождалось. Саксонцы без него заключили мир с ротарями, потому что на них напали одновременно датчане и поляки, которые разбили Герона на Одре в 972 г. Когда император в 973 г. прибыл в Кведлинбург, то на Пасхе его окружили покорные вассалы из славян с данью. Здесь впервые склонились перед императорской короной и полабские славяне, и Болеслав чешский, и Мечислав польский. Империя простирала свою руку на весь славянский мир от Балтийского моря до Чехии, от левого берега Лабы до Одра. В 973 г. Оттон дарует одной магдебургской церкви часть дани, платимой ему жителями пограничья, речанами (*Rezini*), долинчанами, ротарями и череспенянами.

Германизация и окатоличивание славян. Подобно Карлу Великому, обратившему саксонцев в христианскую веру и слившему их с остальными германцами, Оттон, постоянно бравший Карла себе как образец, всю жизнь свою домогался всякими способами обратить славян в католичество и онемечить их. Это было весьма тяжёлым делом, но Оттон почитал его угодным Богу. Конечно, насильно навязанная религия не могла упрочиться между славянами до тех пор, пока они поддерживали тесные сношения со своими единоплеменниками-язычниками. Каждый подвиг немецкого оружия влек за собой учреждение епархий и аббатств. Из славянских епископств, основанных Оттоном, примечательны: Магдебургское, Мерзебургское в Жницах (Зайтц), в Мишнах (Мейссен), в Браниборе (Бранденбурге) для украинцев и речан, Гавельсберг для доленчан, Старгард для бодричей.

За распространение католичества из всех славянских князей ратовал только Болеслав Храбрый Польский. На содержание духовенства Болеслав назначил десятину, но с тем условием, чтобы на нее содержались как епископ с капелланами, так и школы, заводить которые поставлено было в обязанность каждому епископу. До этого времени славяне смотрели на католических священников как на грабителей; славяне старались всеми силами противодействовать распространению христианства, которое

признавали только до тех пор, пока оно было подкрепляемо оружием, а затем снова возвращались к язычеству. Так о племени полабских сербов известно, что они, будучи христианами, не посещали христианских храмов, а втайне даже приносили жертвы языческим богам. При этом они были обязаны доставлять епископам десятую часть дани, а в пользу католического духовенства одну меру хлеба, сорок мотков льна и тринадцать марок серебра. Кроме того, славянские поселяне были обременяемы и другими различными налогами.

Не питая искреннего уважения к христианской религии, славяне часто подвергали ее осмеянию. Так, Бозан, епископ Мезербургский, написал однажды *κίριε ἔλεησον* [«кирие элейсон»] и просил своих пасомых из славян пропеть ему; они же насмешливо переиначили слова, применив их к старинной своей пословице, и пели «кри вольша», т. е. «В кусте стоит ольха», или плохо разбирая епископские буквы, или нарочно издеваясь над новой верой.

На столетие славяне вырвались из немецких тисков. Этим они были обязаны ослаблению императорской власти в Германии, сосредоточению ее в Италии и усилению Польши.

1. 2. САКСОНСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДОМ

В БОРЬБЕ ЗА ГОСПОДСТВО В ИТАЛИИ

И СВЕРЖЕНИЕ НЕМЕЦКОГО ИГА ЗАПАДНЫМИ СЛАВЯНАМИ

Идея единой империи. Мы остановились на внутренней политике короля Германского Оттона I. Мы еще не говорили собственно о его императорстве, которое находится в связи с политическим возвышением Германии и ее всесветным значением. Существенным и важным моментом в правлении Оттона I служат его итальянские дела и отношения. Его высокая историческая заслуга, за которую современники несколько преувеличенно прозвали его «великим», заключается в том, что он первый понял необходимость организации тогдашнего общества, так как от раздельности и раздоров страдали германские и другие народы.

Но дело в том, что Оттон слишком обобщил эти стремления; он хотел славянское племя сплотить воедино с германским в то время, когда кровавая вражда разделяла одно племя с другим. Представление об империи было неразлучно с понятием обладания Италией, которая составляла как бы необходимое звено для бытия империи. Какой город мог заменить Рим как столицу всего света? Все

крупные города тогдашней Галлии и Германии были в сравнении с ним местечками. Рим, неоднократно разграбленный, все еще продолжал быть обширнейшим и лучшим городом тогдашнего мира. Не говоря о влиянии великих исторических воспоминаний, самая идея римской власти и гегемонии продолжала жить в сердцах варваров. Как прежде властители Германии подчинились Риму, так и теперь, спустя пять веков, они склонялись перед величием столицы мира. Так сильны бывают исторические традиции.

Идея единой империи, притом Римской, казалась священной, и эта империя действительно называлась Священной. Она приняла величавые формы в воображении народа. Ее пределы безграничны, как безграничен мир. Все, что исповедует христианство, должно войти в ее область: все, что не озарено верой Христовой до настоящего времени, просветится ее светом только под кровом империи. За такую идею стоило умирать сотням тысяч людей. Она имела всегда мистическое значение. Центр целого мира находится в Риме.

Пророк Даниил разгадал и растолковал когда-то царю Навуходоносору виденный им сон; юноша раскрыл владыке Вавилона величественную картину будущего, которое воплощалось в виде истукана с золотой головой, серебряными руками и грудью, медными бедрами и чревом, железными голеньями и глиняными ногами. Пророк, указав на медное царство, которое будет владычествовать над всей землей, т. е. Римскую империю, провидел воображением в будущем нечто еще более могучее. Он говорил о четвертом царстве, «крепком как железо», но при этом разделенном, ибо пальцы и ноги истукана были из железа. «Как железо не смешивается с глиной, так не сольются одно с другим» части этого царства. Это был прообраз Священной Римской империи, унаследовавшей империи языческой. Языческое царство было могучим, но временным. Христианское же — вечное и бесконечное. На это прямо указал пророк: «И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу: оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно»¹.

Целые столетия общее мнение всего католического Запада усматривало в каждом слове пророка указание на Священную Рим-

¹ Дан II, 31—43, 44.

скую империю. Народам необходим был надежный прочный кров и твердая рука властителя. Когда пала Западная Римская империя, то такой кров оставался в Восточной Византийской империи, монархи которой были для всех образованных и грамотных людей теми же римскими императорами. Долго латинские хронисты VI—IX веков ведут хронологию местных событий, увязывая ее с византийскими императорами, сохраняя формальное единство. Так продолжалось до Карла Великого. Теперь на Западе вновь был найден свой политический центр. Но ничтожество преемников великого императора лишило народы тех выгод, какие давало это единство. Между тем число врагов растет. Помимо язычников, возникла страшная мусульманская сила. Сарацины грозили обратить в мечеть храм Св. Петра. И вот, когда почувствовалась опасность для западного христианства, явились властители в недрах Германии, которые увлеклись грандиозной задачей восстановления единой империи. Они успели, ибо после церковных раздоров, навсегда разделивших христианство, Рим не мог допустить, чтобы такое призвание взяли на себя императоры схизматической в его глазах Византии. До известного времени папская духовная власть будет поддерживать императорскую.

Карл Великий, создавший империю, ввергнул Италию в хаос и сделал ее сценой междоусобиц более, чем какую-либо другую страну тогдашнего мира; он допустил в ней разделение власти. В Италии появилось много властителей, хотя они чувствовали, что назначение Италии совершенно иное. В обществе не умирала мысль, что Италия должна быть во главе западных государств. Так как последние из Каролингов были повелителями Германии, то продолжали думать, что и Арнульф, король Германии, который не был прямым потомком Карла, а только побочным наследником, может иметь претензии на Италию.

Положение Италии в IX в. В доказательство приведем одно место из хроники Регино, в которой под 888 г. читаем: «После смерти Карла государство, повиновавшееся его слову, разложилось на части, как бы не имея общего наследника. Каждая часть не обращалась к своему естественному повелителю, т. е. Арнульфу, но спешила избрать из своей среды собственного короля. Никто не превосходил других настолько, чтобы подчинить остальных своей власти». Эти слова высокой важности. Они раскрывают взгляд общества на совершившееся событие. Очевидно, в умах

господствовала уверенность, что все западные государства с Римской империей во главе должны бы были вновь сплотиться воедино, как были слиты они пять веков тому назад. Итальянские Каролинги вымерли раньше других. Они не передали своих прав никому ни на Италию, ни на Лотарингию, ни на две Бургундии, т. е. на все те области, которые после Карла были долго неразлучны и которые разделены были лишь Лотарем I в 855 г.

Император Людовик II Итальянский умер в 875 г. без наследников, и Италию стали делить налетевшие на нее честолюбцы, в то время, как на юге ее засели в прибрежных скалах сарацинские пираты, а в Беневенто и других местах правили лангобардские князья. Кое-где признавалась еще номинальная власть византийского императора. В 887 г. встречаем итальянского короля Беренгария, владетеля Фриуля; в Милане он короновался железной ломбардской короной. Его конкурентом явился Гвидо, сын герцога Сполатского. Долго они жили дружно, но потом разошлись. Эти отношения обратились во вражду, и «из этих междоусобий, — говорит Регино, — выросли для обеих сторон великие потери». Гвидо одержал верх и, коронованный императором в феврале 891 г., изгнал Беренгария, который обратился за помощью к Арнульфу Германскому. Тот трижды приходил в Италию в 894, 895 и 899 г. Беренгарий считал за собою больше законных прав, так как приходился по матери внуком Людовика Благочестивого. Он согласился признать себя вассалом Арнульфа, если тот утвердит его на престоле. В доказательство своего повиновения Беренгарий в торжественных случаях носил за Арнульфом королевский щит. Милан сдался немцам, Арнульф пошел на Павию и, оттеснив Гвидо, в начале 896 г. устремился на Рим. Рим отказал в сдаче. Немцы приготовились к штурму. Но не пришлось штурмовать стен вечного города. Заяц самым невинным образом испугал потомков Ромула; римляне были отвлечены во время этого переполоха и отворили ворота немцам. Арнульф был коронован императоры папой Формозой в Риме в 896 г., но он пробыл в столице только пятнадцать дней, поспешив удалиться, так как мало оказывал внимания римской святыне и не умел поладить с тамошним духовенством¹. Лиутпранд пишет: «Служители Бога влачили в оковах; девы претерпевали насилие, замужних бес-

¹ *Muratori. Annali d'Italia*, V, 219.

честили. Сами храмы не служили убежищем от неистовства наемников. В них совершались пиры, попойки, раздавались песни и праздновались вакханалии. В самых церквях женщины публично предавались разврату (*prostitute bantur*)»¹.

Эти обычные ужасы варварского нашествия обратили особое внимание современников. Итальянцы мстили немцам, как могли, и, будучи слабы, прибегали к низким средствам. Лиутпранд рассказывает, как Арнульф был отравлен в Италии медленным ядом, от которого он впоследствии был изъеден червями. Яд был дан вдовой императора Гвидо, который не пережил торжества своего врага и умер в декабре 894 г. На обратном пути Арнульф хотел ослепить Беренгария, думая утвердить Италию за Германиею. Но это не удалось: Беренгарий скрылся, Арнульф, энергично отстаивая национальные интересы, преследовал немцев, но в конце того же 899 г. умер.

Итальянское королевство. Беренгарий I (888—924). Гуго (до 947). Беренгарий насильно захватил королевский престол, но итальянцы недолюбливали его. «Итальянцы, — говорит Лиутпранд, — всегда предпочитают иметь двух властителей, чтобы удержать одного страхом другого. Поэтому они, не довольствуясь одним Беренгарием, поставили королем сына умершего Гвидо, Ламберта». Беренгарий удалился в Верону, дожидаясь, пока сами итальянцы не попросят его принять власть. Он ждал напрасно, находясь в постоянной борьбе то с Арнульфом, то с нижнебургундским королем, Людовиком II, которого он ослепил в 905 г., то с верхнебургундским королем, Рудольфом II.

Только что названные повелители Бургундии считали себя в одинаковых правах на итальянское королевство, потому что были родственниками Каролингов по женской линии. Сын ослепленного нижнебургундского короля Людовика, Гуго, мстит за отца. Убив в 924 г. Беренгария и овладев итальянским престолом, он уступил свое бургундское наследство ближайшему наследнику Рудольфу II, верхнебургундскому королю. Тогда обе Бургундии соединяются. Гуго правит в Италии до 947 г. Но и помимо этих междоусобий, Италия должна была претерпеть много от внешних врагов. Венгры, приглашенные еще Беренгарием I, не переставали с 924 г. грабить богатую Ломбардию, а родственники убитого короля, Бе-

¹ *Liutprand. Antapodosis*, I, 33; *Pertz*, V, 283.

ренгарий II и Ансгарий, дети Иврейского маркграфа Адельберта, считали себя в таком же праве на итальянский престол, как и Гуго. Погром Павии венгерскими варварами был ужасен; сорок три церкви было сожжено; из всего населения осталось только двести человек. Эти невероятные зверства совершились 12 марта 924 г.

Беренгарий II (до 964). Беренгарий II, который теперь получил известность, был внуком Беренгария I по матери. Беренгарий II отличался дальновидностью и хитростью; Ансгарий же решительностью и отвагой. От Ансгария Гуго успел отделаться скоро, но Беренгарий не слагал оружия. Напрасно Гуго пытался ослепить его, Беренгарий скрылся в Швабии, перейдя через перевал Сен-Бернар, который назывался тогда горой Юпитера.

В это время в Германии уже правил Оттон I. Он взял Беренгария II под свое покровительство, несмотря на просьбу Гуго. Может быть вместе с тем Оттон взял подарок и у другой стороны, т. е. у Гуго, но, во всяком случае, выдать Беренгария отказался.

Здесь завязывается узел немецких притязаний на Италию, Летописец сохранил нам ответ Оттона, из которого видно, что последний держал Беренгария не для погубления, а для примирения его с итальянцами. Так он сказал между прочим итальянским послам: «Если бы я мог помочь чем-нибудь вашему государю, то не только бы не принял подарков, но еще сам послал бы вашему королю дары от себя. Просить же меня о том, чтобы я не оказывал помощи Беренгарию или кому бы то ни было, кто обращается к моему милосердию, — это верх глупости»¹. Но Лиутпранд еще раньше заметил, что Оттон взял подарки от Гуго и потом сам противоречит себе. Во всяком случае Оттон удерживал Беренгария, как будущую угрозу, как узел немецкого господства в Италии. Беренгарий, интриговавший в Италии, всегда был выгоден для Оттона. Через него он держал под своим влиянием слабый, раздираемый соперничеством полуостров.

Итальянские города и князья равно привыкли переходить из-под власти одного во власть другого. У Беренгария нашлись приверженцы. Гуго бежал в Прованс, поручив номинальную власть своему сыну Лотарю при самых невыгодных обстоятельствах. Он умер за границей в 945 г. В Италии, таким образом, осталось два короля: Беренгарий II и Лотарь. Последний, женатый на дочери

¹ *Liutprand. Antapodosis*, V, 13; *Pertz*, V, 331.

верхнебургундского короля, был лишь номинальным властителем, а на самом деле повелителем был Беренгарий II, обязанный столь многим Оттону.

Лиутпранд, изгнанный Беренгарием II из отечества, рисует его самыми темными красками, доходя до цинизма в описании его жизни, но вместе с тем он не скрывает мрачных фактов из жизни тогдашнего итальянского общества. Между прочим он рассказывает, как была публично осмеяна справедливость. Например, на венгерскую дань, говорит он, все — от стара до млада — должны были внести по одной монете. Беренгарий, получив такую дань, сбыв фальшивую монету венграм, оставив в свою пользу то, что было добыто жителями с таким трудом. Он очень рассчитывал на покровительство Оттона, забыв историческое тяготение императоров к Италии. Оттон уследил легкую добычу.

Беренгарий II думал, между прочим, утвердиться в Италии женитьбой на Аделаиде. Ранее он пытался ограбить свою невесту, но когда это не удалось, он захотел на ней жениться. Узнав, что та не согласилась, он посадил ее в тюрьму. Оттуда она бежала при помощи священника и укрылась у епископа Реджио, который отказался ее выдать Беренгарию. Романтические приключения и похождения Аделаиды описаны в поэме Гросвиты.

Походы Оттона I в Италию. Оттон был тогда вдовцом. Узнав о приключениях Аделаиды, может быть, по искреннему увлечению, а может быть, и из ненависти к Беренгарию, он решил быть рыцарем Аделаиды и через нее обогатиться в Италии. Нет сведений, что Аделаида лично просила помощи.

В 951 г. немецкий король лично явился в Северную Италию, взял Павию, куда Беренгарий в страхе скрылся. Его вассалы присягнули Оттону. Оттон отправил посольство к Аделаиде с предложением руки в несколько грубой форме. Он велел намекнуть, что будущую королеву ждут великие подарки. «Когда же он увидел ее, — замечает хроника, — то выбрал в подруги, как достойнейшую». После свадьбы, в конце 951 г., он провозгласил себя ломбардским королем. Так началось чужеземное владычество над Италией.

Национальное государство, как мы видели, не просуществовало и ста лет. Хотя оно страдало от раздоров искателей, но все-таки могло иметь лучшую будущность. Из немецкого ига Италии не было возможности вырваться, и она невольно подчинялась:

Другая причина, которая подрывала основание национального государства в Италии, заключалась в условиях феодального быта, который вообще не допускал прочного строя. Первое время Италия не высказывала особой ненависти к немцам, ибо национальность в то время только зарождалась и не получила пока определенного характера, особого оттенка. Для Италии одна власть от другой отличалась мало. Вообще, в средние века общественные отношения играли главную роль.

Но это было только началом германского влияния. Оттон смотрел на ломбардское королевство, как на ступень в здании империи.

Обстоятельства сами собой влекли Оттона в Италию. Беренгарий II не оказывал ему должного послушания. Он теснил вассалов Оттона, которые, наконец, обратились к немецкому королю с мольбой о защите.

Через десять лет после первой кампании Оттон снова явился в Ломбардию. Его звал на этот раз папа Иоанн XII, восемнадцатилетний молодой человек, известнейший развратник своего времени. Оттон по просьбе этого юноши-первосвященника пошел на Рим, предварительно, в ноябре 961 г., короновавшись итальянской королевской короной в Милане. Беренгарий укрылся в крепости, а его сын бежал на Корсику. Все города отворяли ворота Оттону; 2 февраля 962 г. Иоанн XII помазал Оттона императором, за что тот возвратил папе не только все, ранее принадлежавшее ему, но наградил его дорогими подарками, состоявшими из драгоценных камней, золота и серебра. Папа и первые городские лица принесли императору клятву над гробницей Св. Петра никогда не оказывать помощи ни Беренгарию, ни сыну его. Затем император, нимало не медля, возвратился в Германию.

Но папа Иоанн не сдержал клятвы; он приглашал вернуться Адальберта, сына Беренгария, который был на Корсике, обещая ему помощь против императора. Это удивило Оттона. Впрочем ничего иного нельзя было ожидать от этого оригинального патриарха. Оттон отправил в Рим доверенных лиц и убедился, что враждебная манифестация была делом развратного папы.

Папа Иоанн XII (956—963). Любопытно коснуться биографии этой личности, пользуясь сообщениями Лиутпранда. Иоанну XII было восемнадцать лет, когда он, благодаря своей матери Теодоре, вступил на престол. Он принадлежал к семейству Феодоры и Мароччии, которые дали Риму нескольких пап. Иоанн пользовался церков-

ным имуществом для своих непосредственных целей. Он наделял своих фаворитов золотыми распятиями, золотыми чашами из храма Св. Петра. Он разнообразил состав своих возлюбленных тетками, племянницами и сестрами. «Латеранский дворец, — говорит современник Лиутпранд в своей истории, — был местом публичного разврата, вместилищем порока, сборищем падших женщин»¹. Посторонние женщины перестали ходить в храм Св. Петра, боясь молиться перед гробом Апостола, ибо здесь его святейшество не разбирает ни богатых, ни бедных; ему было все равно, говорит летописец, кто приходил в церковь пешком или кто приезжал на красивых конях. «А между тем, — пишет летописец, — сама церковь течет, балки валяются, смерть смотрит с кровли и гонит вон из храма». Так говорит современник о состоянии тогдашнего папского двора; ему не было надобности преувеличивать на этот раз. Никаких энергичных действий нельзя было ожидать от этого глубоко падшего юноши. В следующем году Оттон подошел к Риму. Папа и Адальберт бежали. В храме Св. Петра был созван собор, на котором председательствовал император, для разбора обстоятельств жизни бежавшего папы и для избрания нового.

Против папы Иоанна XII были прочитаны следующие обвинения: папа посвящал в епископы в конюшне за деньги, ослепил своего крестного отца; изуродовал, а затем умертвил одного кардинала; устраивал пожары; подпоясывался мечом, носил шлем и панцирь; свой дворец обратил в дом разврата; упивался вином; публично играл в кости, причем призывал имена нечистых духов и языческих божеств; не посещал утренних служб и никогда почти не осенял себя крестным знаменем. Все духовные клялись своей будущей жизнью в верности сказанного. Тогда Оттон пригласил папу явиться на суд для оправдания, так как он обвинен в убийстве, кровосмешении, святотатстве и клятвопреступлениях. Иоанн отвечал отказом и безграмотными угрозами на латинском языке. Ему внушили, что его письмо показывает, что он не может даже правильно писать по-латыни, употребляя два отрицания (*non habeatis licentiam nullam ordinare*), и просили в последний раз явиться к ответу. Но нигде новые посланцы не могли отыскать Иоанна. Тогда был избран в папы кардинал Лев VIII, а Иоанн, как богоотступник,

¹ *Liutprand. Hist. Ottons, c. 10; Pertz, V, 343 (sanctum palatium lupanar et prostibulum fecisse).*

был низложен. Римский народ с духовенством обещали впредь не избирать папы без согласия императора.

Латеранский собор 963 г. Латеранский собор в Риме 963 г. не прекратил столкновения сторонников императора и папства, немцев и итальянцев. Оттон не хотел вернуться в Германию, не покончив с Римом и не установив нормальных отношений с папой. Он тогда же мог видеть, что его авторитет заключается не в одном римском первосвященнике, а в отношениях с римским населением. В глазах римлян Оттон был ненавистным чужеземцем, от которого необходимо было избавиться. Это доказали последующие события.

Действительно, стоило только Иоанну XII посулить римлянам церковную сокровищницу, возбудить алчность толпы, предполагая напасть на императора и на Льва, и Рим, как один человек, восстал против императора. Тибрский мост, который соединяет ватиканский холм, где находится храм Св. Петра, с главной частью города, покрылся баррикадами. Надо было прекратить сообщение немцев с заречным Римом. Но немцы снесли баррикады и начали беспощадно избивать римлян. Оттон с трудом остановил воинов; он взял заложников, которых возвратил, однако, по просьбе Льва, и оставил Рим, чтобы пойти против Адельберта, сына Беренгария II.

Но в отсутствие императора Лев VIII был изгнан и едва спасся от рук приверженцев бывшего папы Иоанна XII. Сторонники Льва и императора из высшего духовенства претерпевали много оскорблений и истязаний от народа. Лев просил помощи у Оттона.

Оттон в третий раз явился перед стенами Рима. Иоанна XII уже не было в живых; он не успел еще раз воспользоваться тирарой и был найден мертвым в доме одной женщины в римских окрестностях. Папой был провозглашен Бенедикт; но Оттон скоро взял Рим и сверг папу, который публично на соборе просил пощады у ног императора. Низведенный в диаконы, он был сослан. Тогда же был пленен Беренгарий и заточен в крепость Бамберг. Оттон, чувствуя всю силу своей власти, оставил Италию в 961 г.

Замыслы Оттона I. Положив лишь начало онемечиванию и окатоличиванию славян, император Оттон не считал своего дела законченным. Вернувшись из Италии, он не застал в живых своего брата Бруно и мать Матильду. Он чувствовал себя могущественным, но честолюбие его еще не было удовлетворено. Перед ним, когда он взошел на эту высоту власти, открывался новый широкий горизонт.

Не вся Италия принадлежала ему. В южной ее части были греческие владения. Оттон убедился, что пока греки будут владеть Южной Италией, его власть на полуострове останется непрочной. Мысль о Византии бродила в уме еще Карла Великого. Естественно было вспомнить о ней его преемнику и продолжателю.

Оттон отправил с этою целью послов в Византию с Лиутпрандом, епископом Кремонским. Лиутпранд описал свое путешествие в Византию в «*De legatione*» со свойственной ему наблюдательностью. От лица своего государя Лиутпранд просил руки дочери императора Никифора Феофании для сына Оттона, римского короля. Никифор отказал. Но начало сношений было положено, хотя византийский император недружелюбно встретил послов, зная, что Оттон протягивает руки к его греческим владениям в Италии. Никифор с гордостью указывает, что настоящие римляне могут быть только в Константинополе; но послы заметили слабые стороны монархии: любовь к роскоши, зрелищам, церковные раздоры. Могущество Византии не в собственных силах, замечает Лиутпранд, но в нанятых солдатах из Венеции да в русских моряхах. Это были пленные русы, которым посчастливилось в походе на Константинополь в 941 г. «Я думаю, — прихвастнул Лиутпранд, что четырехсот германцев достаточно, чтобы в открытом поле обратить в бегство целое византийское войско». Посольство Оттона вернулось ни с чем.

Тогда Оттон стал добиваться своей цели оружием. Вдруг в 969 г. было получено известие, что Никифор убит, и новый император Иоанн Цимисхий готов отдать Феофанию. Она была обвенчана с молодым Оттоном, будущим императором, в 972 г. Последние итальянские греческие владения перешли к западному императору только номинально, но их надобно было завоевать при тогдашних обстоятельствах, чтобы удержать за собой. Таким образом, Оттон, сокрушив римлян, итальянцев, венгерцев и славян, считал себя могущественным. Но он не успел насладиться этим полным счастьем. В 973 г. он умер. Его похоронили в любимом Магдебурге.

Император Оттон II (973—983). Своим преемником Оттон оставил девятнадцатилетнего сына своего, Оттона II (973—983), прозванного Красным за цвет лица. У нового императора не было выдержки в характере; он был горд, вспыльчив, принимался за дело слишком горячо и потом также скоро охладевал к нему. Его добродушие сменялось суровостью; щедрость переходила в рас-

точительность. У него не было благоразумия, что понятно в таком незрелом возрасте, но в нем было много храбрости, так что он умел поддержать на известной высоте планы своего отца.

Последний из Каролингов, Лотарь галльский, думал вырвать Лотарингию из вассальной зависимости от Германии. В 978 г. Лотарь внезапно пошел к Ахену и едва не овладел им. Он, ограбив город, утвердился во дворце Карла Великого и велел обратить орла на замке клювом к западу в знак того, что Лотарингия теперь принадлежит Франции. Немцы выгнали врагов из Лотарингии и, под предводительством Оттона II, вторглись во Францию, не встречая сопротивления. Через Реймс немцы подошли к Парижу и остановились лагерем ввиду столицы. Это было первое немецкое нашествие на обособившихся французов, первое при той племенной розни, которая тогда же начала оказывать свое действие. Оттон не мог взять хорошо укрепленного города, защищаемого Гуго Капетом, который здесь положил начало своей славе.

Поход в Италию в 980 г. В 980 г. Оттон II отправился в Италию. Он считал себя обладателем греческих областей на полуострове по правам своей жены; но ему предстояло силой утвердить за Священной империей эти области. Тамошние греки не хотели подчиняться императору; они предпочитали союз с сарацинами. В итальянских греческих владениях славился город Салерно, расположенный на берегу чудесного залива, в местности, где царит вечное лето, отделенный от материка высокими горами. Оттон осадил этот город и, по истечении шести недель, взял его, затем занял Бари и Таренто, последние греческие города в Италии, и вступил в горную Калабрию. Здесь он разбил греков и начал преследовать их, но в самой невыгодной местности при Сквилачче близ Таренто был окружен арабами, во множестве спустившимися с гор. Тут арабы совершенно истребили немецкое войско. Оттон едва спасся вплавь, вскочив на палубу одного судна.

Судно оказалось греческим. Оттон не был узан никем, кроме одного славянина, признавшего императора, так как он недавно вернулся из Германии. Не питая никакой национальной злобы, добродушный славянин помог императору спастись вплавь и укрыться на материке¹.

¹ *Thietmarus. Chronicae*, III, 12; *Pertz*, V, 766 (*szlavonice Zolunta vocantur*).

Безоружный император вернулся одиноким, без свиты, как беглец, в Верону, потеряв все свои греческие завоевания. На Веронском сейме вассалы обязались признать его сына будущим императором, увезли малютку в Ахен и там короновали еще при жизни отца. На другой день узнали, что Оттона II нет в живых. Он скончался в Риме, откуда думал снова сделать поход на греков, чтобы отнять у них Южную Италию. Его похоронили в базилике Св. Петра, где, под сводами нижней церкви, до сих пор находится его гробница.

Император Оттон III (983—1002). Его трехлетний сын и наследник, Оттон III, остался под опекой своей матери гречанки Феофании и бабушки, знаменитой Аделаиды. Наставником малолетнего императора мать избрала знаменитого и ученого Герберта, который славился тогда, как алхимик, астролог, кудесник, волшебник только потому, что занимался механикой и собирал минералогические коллекции. Генрих Баварский, лишенный герцогства, поднял восстание. Он обещал своим сторонникам многое, если его возведут на престол вместо женщины, учителя и младенца, которые втроем правили государством. Но Генрих, именовавшийся долго Сварливым, за свои вечные происки и беспокойства, встретил поддержку не в немецких феодалах и не в герцогах, но среди славянского народа. Угнетенные славянские народы в Полабии с трудом сносили иго немцев. Всякие налоги, вымогательства духовных, притеснения светских чиновников раздражали их до крайности. Довольно тяжела была одна десятина в пользу духовных, а теперь требовали с каждого двора меру хлеба, сорок мотков льна и тринадцать марок серебра, что при тогдашней бедности было слишком много. Одним словом, на церковные расходы, не имея церквей, славяне платили по крайней мере одну треть своих доходов.

Национальное движение среди славян. Лишь только славянские князья узнали о поражении Оттона II в Италии, то дали знак к восстанию. Мятеж поднялся среди гаволян. Народная ненависть прежде всего обрушилась на католическое духовенство и на христианство вообще. Народные боги и идолы воскресли. Соборный клир был весь перебит. Титмар Мерзебургский подробно описывает все жестокости, совершенные над христианами. Даже там, где христианство было прочнее, как, например, у полабских бодричей, были разрушены христианские церкви. Хотя бодричский князь Мстивой был женат на немке, сестре старгар-

дского епископа Стефана, хотя он предназначал свою несовершеннолетнюю дочь в настоятельницы монастыря, но под влиянием народного движения и он должен был прогнать свою жену, разорвать свои связи с епископом, с духовенством и стать во главе восставших. Они вторглись даже в Саксонию, но здесь были остановлены. Тем не менее гаволяне, оставшись хозяевами своих неприглядных болот, восстановили у себя прежний народный порядок, перестали платить немецкую дань и уничтожили следы христианства самым беспощадным образом. Все это совершилось еще при жизни Оттона II.

Когда Генрих Баварский, пользуясь малолетством Оттона III, провозгласил себя в Мекленбурге и в Саксонии королем, то он, лишенный поддержки герцога, рассчитывал сильно на славян полабских, чешских и польских. Но его сношения с ненавистными славянами окончательно восстановили против него всю Германию, вооружили его немецких друзей, которые все перешли на сторону Феофании и законного императора. Генрих должен был отказаться от своих мечтаний и передать Оттона III, которого держал у себя в руках, его матери, а вместе с тем и присягнуть ему. Он провел конец жизни мирно и получил прозвище «Миролюбивый» вместо Сварливого.

Но это не повлияло на враждебное отношение полабских славян. Лишившись такого вождя, на которого они много рассчитывали, славяне думали справиться с немцами одни; они действительно достигли своей цели.

С отпадением от немецкой власти, после свержения немецкого ига, даже у бодричей христианство исчезло. Титмар Мерзбургский по этому поводу говорит, что духовные лица и церкви были обречены на истребление. В одном Старгарде, в том самом месте, где был епископом Стефан, было замучено шестьдесят священников. Епископ бежал (991). По словам Адама Бременского, в это время у полабских славян погибло столько христианских мучеников, что из их мартиролога можно было бы составить целую книгу. Долго немцы боролись безуспешно.

Шестнадцатилетний Оттон III совершил поход на бодричан. Другие славяне, чешские и полабские, предали в этом походе своих братьев и шли заодно с немцами.

В Оттоне III, когда он вырос, мы встречаемся с редким типом. Жизнь надоела ему, хотя ему не было еще и 20 лет. Он кидался из

одного итальянского монастыря в другой, посещал схимников, проводил с ними целые недели, даже месяцы и дошел до того, что стал принимать пищу только раз в неделю.

Когда один из приближенных императора, его друг Чех Войцех (у немцев звавшийся Адальбертом), будучи пражским епископом, отправился на проповедь к язычникам пруссам и умер там смертью мученика, то император Оттон, узнав о том, забыл все дела и поспешил на могилу своего друга в Польшу, в Гнезно. Завидев издали желанный город, император пал на колени и босой отправился к гробу святого. После того Гнезненская епархия переименована в архиепископию, которой подчинены были еще епископы: бреславльский, краковский и кольбергский.

Это было единственное распоряжение императора относительно славян, которых он сначала, по примеру отца, хотел подчинить силой, но потом предоставил самим себе. Он на опыте узнал, что Германия того времени не могла успешно бороться со славянской коалицией, если только среди коалиции не оказывалось предателей.

Когда Оттон III поспешил в Италию, то дела были в том же положении; он оставлял славян полностью самостоятельными и независимых, официально свергнувших немецкую власть. В 1000 г. славяне были в том же независимом положении, как две-сти лет тому назад. Они стали совершенно свободны. Все немецкие завоевания были потеряны. Язычество подняло голову; народные божества снова восторжествовали. Преемник Оттона III должен был признать этот факт, задабривая славян подарками и обещаниями. Усиление же Польши уже сделало из славян серьезных соперников Германии.

Походы в Италию в 996 и 998 гг. Император в 996 г., по совету своей бабки Аделаиды, отправился на коронацию в Рим. Феофания уже умерла. Тогда в Риме только что прекратились волнения, причиной которых был патриций Крешенци, установивший диктатуру в городе. Папа Григорий V, первый немец на первосвященническом престоле, приведя дела в порядок, немедленно короновал Оттона III в мае 996 г.

Но в отсутствие императора Григорий V был изгнан из Рима, а на его место поставлен папой Филагат, епископ Пиаченцы. Оттон вынужден был вновь отправиться в Италию. Рим был осажден; замок Святого Ангела взят. Крешенци был обезглавлен им-

ператором на площади. Григорий вторично был восстановлен на папском престоле и стал жестоко издеваться над своим соперником, антипапой.

В 999 г. вместо Григория V, после его смерти, император посадил на папский престол, в благодарность, своего знаменитого учителя Герберта, под именем Сильвестра II.

Это был человек, которого считали волшебником за его знания, богоотступником за его сношения с учеными, про которого сложились оригинальные представления в средневековой поэзии. Может быть, близость с Гербертом повлияла на характер Оттона III¹. Его учение поселило в Оттоне меланхолическое настроение, недовольство самим собою, искание идеалов.

Он мечтал восстановить Римскую империю во всем ее величии и для этого стремился покорить Византию. Герберт внушил ему высокие мысли об императорском достоинстве, любовь ко всему греческому и презрение ко всему немецкому. Император старался ввести при дворе греческие обычаи, он установил греческие придворные и почетные должности с титулами.

Уносясь по обыкновению за облака, Оттон и теперь ничего не видел перед глазами. Римляне почти издевались над ним, а он питал к ним платоническую страсть. Римляне заперли своего императора в Авентинском дворце и чуть не уморили голодом, прекратив всякое сообщение с ним. Императора спас от голодной смерти один немецкий епископ. Освобожденный из рук римлян, император разочаровался в Италии, не осуществив и половины своих мечтаний; он умер от оспы в 1003 г.

Итальянцы видели в нем завоевателя и непримиримого врага, потому что он, подобно своему деду и отцу, появлялся на полуострове во главе немецкого войска. Когда везли его труп в Германию, то нужно было оберегать останки императора от камней и грязи.

Таким образом, саксонская династия потеряла большую часть своих лучших сил в Италии. От этой династии остался только Генрих, герцог Баварский, внук Генриха I, основателя династии. Он не приходился близким родственником императору, но тем не менее был претендентом на престол, так как происходил из саксонского дома. Несмотря на сопротивление других герцогов, он

¹ См. *Бубнов Н.* Сборник писем Герберта как исторический источник, Спб., 1888.

однако, был признан королем германским. Это был тот Генрих II, который получил от католического духовенства титул Святого за свое благочестие. Им кончилась саксонская династия¹.

¹ *Титмар Мерзебургский* особенно важен для изучения отношений славян с немцами. Титмар, происходя из графского рода, получил духовное образование и в молодые годы был аббатом монастыря, основанного его предками. Аристократическое происхождение открывало ему дорогу; в 1009 г. он был выбран в епископы Мерзебурга, где умер через девять лет после своего избрания, в 1018 г. Его «Хроника» (876—1018) была окончена за год до его смерти. В XII в. Титмара считали образцом изложения, его сравнивали с Ливием и Тацитом; в действительности же рассказ Титмара запутан, язык темен.

Утрехтский епископ *Адельбольд*, сделавший извлечение из Титмара, составил биографию Генриха II, но не закончил ее. Специальную биографию первого из франкоцев, Конрада II, написал *Випон*, его капеллан; она имеет самостоятельное значение. Затем, *Генрих Contractus*, т. е. Расслабленный, бенедиктинский монах, графского происхождения, служит источником для Генрихов II и III. Он говорит о первой половине XI в. от 1000—1054 г., а *Бернольд Констанский* продолжает его до 1110 г. Затем следует весьма крупная личность средневековой историографии — *Адам Бременский*. Он писал гораздо позже Титмара в конце XI в., тогда как Титмар жил в начале века; его «*Gesta Hammenburgensis ecclesiae pontificum libri IV*» главным образом относится к истории католической миссии среди славян, ибо Гамбургская епархия служила источником этого миссионерства и католизации славян. Жизнь Адама известна мало; он был из славянских Мишен, переименованных в Мейссен, хорошо знал славянский быт, который и описывал. Он получил классическое образование, читал Саллюстия и пользовался его оборотами в своих сочинениях. Адам Бременский излагал собственно историю своей епархии с VIII в. по 1076 г., но вместе с тем его хроника весьма важна и для времени Генриха IV. Что касается *Ламберта Ашафенбургского*, то это лучший историк XI в. Он пишет о 1050—1077 гг., но делает обширное введение, начиная с древних времен; язык его лучше других летописцев, даже с претензиями на красоту изложения; он принадлежал к церковной партии, но умел оставаться беспристрастным и справедливым к Генриху, чего нельзя сказать про *Бруно Корвейского*, автора истории славянской войны, искажившего все в ущерб императорской партии, во время великой борьбы. *Эккегард (Urangiensis)* довел свою хроника до 1126 г. Он был беспристрастнее всех перечисленных нами летописцев, включая Ламберта. Менее важные хроники принадлежат: *Мариану Скотту* до 1083 г. (продолжение его до 1200 г.) и *Сигберту* (до начала XII в.).

Император Генрих II (1002—1024). Генрих, будучи Баварским герцогом, был избран в 1002 г. благодаря влиянию духовенства. Не происходя по прямой линии от Оттона, он, тем не менее, находился в родстве с прежней династией; в этом было все его право на престол, ибо саксонская династия в прямой линии перестала существовать. Он получил в наследство от Оттона два вопроса: итальянский и славянский.

Походы в Италию. После смерти Оттона III в Италии возникла попытка избрать национального короля в лице маркграфа Ардуина. Генрих II на следующий год пришел в Италию, изгнал Ардуина и короновался в Павии железной короной королевства лангобардского. Совершенно безосновательно надеясь на преданность итальянцев, Генрих распустил свой отряд и остался чуть ли не один в Павии. Павийцы кинулись во дворец, король выпрыгнул из окна, причем сломал себе ногу; немецкое войско едва спасло короля, ворвалось в город, где произошло открытое восстание, в котором принимали участие все жители. Генрих II должен был оставить Италию.

Но нельзя было германскому королю отказаться от императорского наследства, которое было добыто саксонской династией. Каждый немецкий король должен был идти в Рим для того, чтобы там удостоиться императорской короны.

За этой императорской короной Генрих II вновь явился в Рим, через девять лет после своей неудачи в Павии. Бенедикт VIII, его клиент, короновал его в феврале 1014 г. В 1021 г. Генрих отправился в третий раз в Италию, взял Беневенто, Салерно и Неаполь, которыми тогда управлял Ардуин. Этот поход удовлетворил и гордости Генриха, и германскому национальному честолюбию; Генриха везде в Италии признавали за императора.

Борьба со славянами. Но этот император не мог утвердить своего владычества на Востоке, среди славян, которые, созвав свои силы, не хотели более склоняться перед немцами. Самым могучим из славянских народов были тогда поляки под управлением короля Болеслава, прозванного Храбрым.

Главный интерес внутренней истории Германии того времени обращается вокруг борьбы ее со славянами. Теперь шла речь не только о том, как спастись от немецких притеснений. Этим не ограничивались: поляки желали по возможности расширить славянские пределы. Для истории Польши следует обращаться к

старому летописцу, Длугошу, который, хотя не был современником Болеслава Храброго и жил четыре века спустя, тем не менее пользовался ценными материалами; они далеко не все дошли до нас. Мы уже видели, как он тщательно записывал все предания отдаленной старины; тем важнее он для исторического времени.

Болеслав Храбрый, король польский и его реформы (992—1025). Причиной усиления славянского элемента в XI столетии был энергичный король Болеслав Храбрый. Он поставил себе целью бороться против славянской розни вообще и против дурного социального строя Польши в частности. Для этого он вступил в борьбу со своей мачехой Одой и братьями, которые владели уделами, согласно завещанию своего отца Мечислава.

Мачеха и братья должны были бежать в Рим и просить помощи у папы, но совершенно напрасно, потому что папа был тогда полностью бессилен. Болеслав обратил внимание на главное зло тогдашней Польши, на подавление низшего класса, т. е. кметов, высшими сословиями: шляхтой и вельможами. Чтобы укрепить страну, надо было поднять положение крестьянского сословия, до сих пор угнетаемого. Болеслав, для беспрепятственного выполнения дальнейших своих целей, прежде всего хотел быть самостоятельным, независимым от шляхты государем. Раньше совет двенадцати вельмож ограничивал власть князя; теперь Болеслав подчинил себе этот совет своим простым обращением, своей любезностью и гостеприимством; вельможи и шляхта ежедневно приглашались к княжескому столу. Устранив по возможности шляхту и совет от правительственных дел, хотя и не законодательным путем, Болеслав присвоил себе и право суда: причем суд и наказания стали одинаковы как для рыцарей, так и для крестьян. Болеслав не стеснялся делать из кметов рыцарей. В особенности старался сословное войско обратить в народное; для этого были сделаны преобразования в войске. Шляхта служила в коннице и доставляла всадников в количестве, равном половине общего числа; города должны были выставять пехоту; кметы, т. е. крестьяне, должны были доставлять пограничный гарнизон; те же из них, которые не служили, должны были вносить ежегодно запасы хлеба и овса для продовольствия войска, которым командовал гетман, но только в военное время. Для защиты королевства Болеслав построил много замков, а к ним были приписаны кметы, составлявшие так называемую маетность замка.

Для начальства в каждом замке было поставлено по одному кастеляну, или старосте, который сверх того управлял причисленными к замку волостями. Эти должности — гетмана, кастеляна или старосты — оставались в Польше до позднейшего времени. Все это было созданием ее первого замечательного короля. Вследствие этих преобразований в Польше развились большие военные силы — и для наступления, и для обороны. Она стала теперь не только сильнейшим из славянских государств, но и одним из сильных европейских. Онемечивания Польши теперь не могло произойти под бдительным оком Болеслава.

Подчинение Чехии Польше в 1000 г. В 999 г. умер чешский князь Болеслав II; он оставил Чехию в жертву врагам. Польский король хотел первый наложить свою сильную руку на Чехию, объединив западных славян под своей властью и создав оплот против немецких стремлений. Поляки быстро кинулись на чешские пределы. Моравия, Силезия, Славония были отняты у чехов, затем Болеслав стремительно двинулся на Краков, взял его и перебил чешских колонистов. Благодаря ему Польша увеличилась почти вдвое. Теперь она состояла из шести областей: Великой Польши, Мазовии, Краковии, Силезии, Моравии и Померании, т. е. земли балтийских славян. Это было на рубеже второго тысячелетия.

Тогда Оттон III прибил в Польшу — в Гнезно, чтобы поклониться гробу первого апостола Пруссии, известного у немцев под именем Адальберта, а среди чехов и славян под своим именем — Войцеха. Пребыванием Оттона в Гнезно воспользовался Болеслав для своих целей.

Коронация Болеслава в Гнезно. В Гнезно же совершился обряд коронации, причем император надел свою корону на польского государя. «Неприлично такому мужу, — говорил Оттон, — стоять на одной ступени с императорскими князьями и называться герцогом или графом; пусть со славой восседает он на королевском троне, увенчанный короной». Обрадованный Болеслав согласился на условия Гнезненского трактата, где перевес оставался на стороне императора. Болеслав получил все страны, населенные еретиками и язычниками, но за это обязан был распространить в них католическую веру. Для укрепления и расширения славянского государства Болеслав женил своего сына на дочери императора. При Генрихе II Болеслав овладел Мейссенской мар-

кой, часть которой передал императору; лужичан и меличан он оставил за Польшей. Затем Болеслав, пользуясь чешскими междоусобицами, овладел Прагой, которую хотел сделать столицей не только Польши, но и всего славянского мира.

Теперь его государство охватывало огромное пространство. Все земли западных славян от Северного моря до Эльбы и от Карпат до Балтийского моря принадлежали ему. Из полабских славян только бодричи и лютичи не входили в польскую державу, оставаясь подвластными немцам.

Болеслав и германско-славянская война. Когда Генрих II потребовал от Болеслава присяги за Чехию, тот отказался дать ее, ибо чувствовал себя сильным для успешной борьбы с императором. Это обстоятельство повело к четырем продолжительным войнам между поляками и империей, которые кончились благополучно для славян и в которых счастье переходило от одной стороны к другой. Болеслав вторгся в Саксонию и даже прошел в Баварию. Генрих II взял в свой лагерь чешского князя Яромира и обещал возвратить ему Чехию, если тот ему поможет в борьбе с Польшей. Вместо Польши немцы вторглись в Чехию и дошли до Праги, откуда Болеслав, извещенный о грозившей опасности, бежал, оставив в жертву своих воинов. Поляки были побеждены в Чехии. Затем немцы взяли Будишин, столицу мильчан, — один из лучших городов полабских славян — и, наконец, расположились на зимних квартирах в Мерзебурге. На следующий год Генрих возобновил поход; его поддерживали язычники-лютичи, так как славяне не могли обойтись без того, чтобы не выдать своих. Немцы перешли через Одру и подступили к Познани, где и предписали Болеславу условия мира в 1005 г.

По несчастному Познанскому миру, Болеслав отказался от Чехии, Лузации и Мильчании. Но он смотрел на этот мир, как на вынужденный, и готовился к новой войне. Через два года Болеслав возобновил борьбу, вызванный на это самим Генрихом, который понимал, что без сокрушения Польши нельзя онемечить славян.

Генрих заключил союз с венгерским королем Стефаном. Болеслав отвоевал лужичан, мильчан, отнял Будишин и устремился к Магдебургу, опустошая окрестности. Потом он бросился на венгров, три года счастливо сражался со Стефаном и отнял у него земли между Карпатами и Дунаем.

Затем началась третья война, которая закончилась свиданием императора и короля в Мерзербурге, где Польша получила Лузацию, Мильчанию и Бранденбург со всей окраиной, которая была обращена в так называемую Бранденбургскую марку, это ядро будущей Пруссии. Болеслав же взамен этого должен был подчиниться в церковных делах архиепископу Магдебургскому. Это было в 1013 г.

Немцы думали отделаться от Болеслава, направив его на русского князя Владимира¹, в то же время требуя от него вспомогательного отряда для итальянской войны. Болеслав отказал; это послужило поводом к четвертой польско-немецкой войне, которая продолжалась до 1017 г. и закончилась миром в Будишине.

По Будишинскому миру Болеслав утвердил за собой все, что было им ранее приобретено, он освободился от магдебургского архиепископа; по этому миру уже не император требовал от Болеслава вспомогательного отряда, а, напротив, давал ему свой немецкий отряд для войны с русскими. Таким образом немцы, по словам Титмара, заключали мир не так, как следовало, а как возможно было по тогдашним обстоятельствам.

Теперь Болеслав стал расширять свое государство на Восток. Получив отказ от великого князя Ярослава в руке его сестры Предславы, Болеслав устремился на русские пределы с поляками, чехами, венграми, немцами и даже печенегам. Разбив войско Ярослава на реке Буге, он направился в Киев. От многочисленного русского воинства остались очень немногие, которые бежали вместе с Ярославом в Новгород. Болеслав, находясь в Киеве, имел неосторожность распустить вспомогательные отряды печенегов, немцев и венгров. Киевляне, воспользовавшись оплошностью Болеслава, стали избивать поляков, и Болеслав бежал в страхе, захватив с собою Предиславу, которую прежде просил в супружество, а также ее сестер.

Мечислав II, король польский. Русская война была последним подвигом Болеслава. Через год после смерти Генриха II, венчаный королем, он умер в 1025 г. При его наследнике Мечиславе II Польша потеряла некоторые из областей; так, русские вернули Галицию, венгры Моравию и Хорватию, немцы Мильча-

¹ *Thietmaris. Chronicae*, VII, 52. Русская летопись умалчивает об этой войне. См. *Иловайский Д. И. История России*, I, 301 (прим.).

нию, которую отдали чехам; но остальные славянские области долгое время продолжали входить в состав Польши, спасаясь под ее защитой от онемечивания. В этом состоит значение польского государства того времени и заслуга Болеслава Храброго. Своей патриотической и национальной деятельностью он представляет противоположность своим предшественникам, которые для того чтобы слабыми руками удержать монархическую власть над народом, не стеснялись предавать своих подданных немцам и по первому приказу императоров сражались против своих соплеменников, изменяя славянству.

Обстоятельства значительно переменялись к выгоде славян. Немецкое иго было свергнуто. На короткое время поляки и западные славяне вообще, почувствовав свою силу, воодушевились горделивыми и сильными порывами. Возмущенный этим, немецкий епископ-летописец называет славян «гонителями немцев».

2. Папско-императорская борьба за преобладание власти

2.1. ПАПСТВО И КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В XI в. И ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КОНРАДА II

С самого начала владычества франконской династии в Германии обнаружилось стремление к унитаризму. Эти унитарные стремления имеют большое историческое значение. Они проявились у императора Конрада II, родоначальника франконской династии, раньше, чем у кого-либо другого.

Объединение и усиление Германии стало прежде всего опасно для римского первосвященника, который находился до сего времени под покровительством императоров. В последних он видел своих защитников, своих патронов. Это зависело от слабости римской курии, от тех печальных условий, в которые она была поставлена. В них надо искать разгадку событий, в которых находились папство и город Рим в XI и XII столетиях.

Папство и духовенство в описываемую эпоху. Нам надо вернуться немного назад и ознакомиться с этими условиями. С 891 г. наступает самое тяжкое время для римской истории, какое только она переживала в христианский период¹. Графы тускуланские и князь Крешенци, укрепившись в своих домах, дерутся за обладание

¹ См. *Gregorovius. Rom im Mittelalter.*

замком Св. Ангела и по произволу распоряжаются папским престолом; пап то сажали, то сталкивали. Император Оттон Великий на несколько лет установил законное избрание, но он слишком эгоистично направил дело, чтобы даже посаженные им креатуры могли довольствоваться ролью архиепископов Германии. Священная Римская империя не была западной империей Карла. Феодализм поставил особу германского императора в иные отношения; император к Германии был в таком же почти отношении, как папа к своей резиденции. После Оттона графы тускуланские опять вертят тиарой. Императоры и без того привыкли посещать Италию для коронавания; они считали дело Рима близким себе, но народ римский далеко не питал к ним такого же чувства дружбы. Постоянные драки немцев с чернью на римских улицах, казалось, должны были бы охладить в императорах их привязанность к имени христианской столицы; но они довольствовались и тем, что, заняв город на несколько дней оружием, рискуя собственной жизнью, могли поклониться раке апостолов. Огнем и мечом добивались императоры власти над избирателями. Они не верили, что историческая санкция была одной формой, но и немецкие ставленники надевали тиару лишь тогда, когда избрание их было утверждено римским клиром и народом; следовательно, демократическое начало избрания слишком вошло в обычай, если могло состязаться с императорским оружием. Общий же строй церкви был скорее конституционным. Власть пап была абсолютной в силу догмы, но никакое правительство не прибегало так часто к всеобщему началу, к общему обсуждению дела. Мы видим соборы провинциальные, национальные, латеранские. Корреспонденцией, обнародованием посланий, грамот, т. н. булл, увещаниями, апологетическими и обличительными сочинениями двигается эта машина. «Можно подумать, — говорит Гизо, — что находишься в греческой философской школе, а между тем идет речь не об ученом споре, не об изыскании отвлеченной истины, — речь идет о власти, о принятии административных мер, об издании законов, словом, о правительстве. Следовательно, недра этого правительства наполнялись умственной жизнью; она была так сильна и энергична, что сделалась господствующим фактом, подчинившим себе все другие; во всем процессе видно действие разума и свободы».

Такова была эта церковь; поэтому в ней были силы, которые не могли сокрушиться при самых неблагоприятных обстоятельствах, и они не сокрушились даже за это темное время. Вдобавок,

в самых основах этого здания совершалась выгодная для судьбы католицизма перемена; это произошло в половине XI в. Целый ряд нравственно развращенных личностей сидел на папском престоле на протяжении по крайней мере полутора столетий. Рассматривая внешнюю историю курии, мы должны невольно останавливаться на характеристике тогдашнего духовенства, хотя бы без подробного изображения всей грязи Рима темного времени.

Носители тиары готовились тогда подорвать всякое доверие к папскому сану, только что утвердившееся в умах варваров-победителей. Мрачные картины азиатских деспотий развертывались в христианском Риме. Короткие заметки летописей развились в ужасающие сцены под пером протестантских историков. Редкий папа не погибал от интриги; над редким политические враги не совершали самых диких истязаний; сами трупы не избегали посрамления; яд, коварство, святотатство, владычество падших женщин, убийства, оргии мести — все это было обыкновенным явлением в это время Феодор и Мароччии, давших престолу своего сына и внука. «Латеранский дворец, — говорит современник Лиутпранд в «Истории Оттона», — был местом публичного разврата и вместилищем порока (*lupanar et prostibulum*)»¹.

Распушенность нравов и страстей была полнейшая. Она кладет даже ровный до однообразия отпечаток на этот период; юноши-развратники всходили не престол; порок без всякого стыда гордился собою. Источники оставили массу подробностей. Они касаются нравов и быта духовенства Западной Европы. Впрочем, можно догадаться о том, что происходило, судя по Риму. Вспомним, что еще не наступало время полного развития феодализма и рыцарских понятий, явившихся впоследствии. Духовенство было тесно связано своими землями с бытом других свободных сословий. В руке его, по духу времени, был посох и меч. Это было даже идеалом². Прелаты сделались воинами, но о главных своих обязанностях никто не думал. Это не епископы, говорит современник, а тираны, окруженные войском; с руками, запятнанными неприятельской кровью, они приступают к совершению таинств³.

¹ *Liutprandus. Hist. Ottonus*, c. 10; *Pertz*, V, 343.

² *Thietmarus. II*, 17; *Pertz*, V, 752.

³ *Fulberti. Epistolae*, 74; *Bouquet. Rerum gallicarum et francicarum scriptores*, X, 479.

Зло было в том, что каждое духовное место рассматривалось как феоде; если ребенок мог быть графом, то отчего ему не быть епископом. Например, пятилетний сын графа Вермандуа предназначался в Реймскую епархию, и король с папой утвердили это назначение. Однажды папа лично посвятил десятилетнего епископа; хорошо, если при этом не совершалось какого-нибудь святотатства. Наконец, сам Бенедикт IX был не более двенадцати лет при избрании. Епископские должности на всем Западе продавались с публичного торга; та же участь постигла, как увидим, и папскую тиару.

Вот император священной империи назначает торг на духовные должности в своем дворце: желающие надбавляли один перед другим. «Аббаты сулили золотые горы, — говорит Ламберт про этот аукцион, — продавец иногда и не мечтал о том, что предлагалось ему покупателями; реки, богатства, сокровища Креза были в руках монахов. *O tempora, o mores*¹ — о позор, о отвращение, — заканчивает летописец (1075)».

Тот же Ламберт несколькими годами раньше описывает одно происшествие, бывшее в Госларе, в кафедральном соборе, в самый день Рождества — рассказ весьма подходящий для характеристики времени.

Это было на глазах короля. Когда в церкви стали расставлять стулья для вечерни, поднялся сильный спор между слугами епископа гильдесгеймского Гезело и аббата фульдского Видерада. От брани и кулаков дело дошло бы и до оружия, если бы герцог баварский Отгон, стоявший за аббата, не умиротворил спорящих. Причина была в том, что аббат всегда считал себя вправе занимать первое место после архиепископа майнцкого, а епископ доказывал, что это привилегия его, если только архиепископ в его диоцезе. Этим дело не кончилось: епископ искал случая отомстить, и случай представился. На празднике Троицы опять поднялся спор в госларской церкви; епископ поставил за алтарем отряд графа Экберта. Услышав шум, воины графа бросились на фульдских вассалов, избили их кулаками, палками и выгнали из церкви. Но фульдцы получили подкрепление и с оружием в руках ворвались в храм. Тогда началась кровавая схватка; церковь огласилась дикими воплями сражающихся, стонами раненых; поли-

¹ О времена, о нравы! — *Прим. ред.*

лась кровь; дрались на хорах среди певчих, даже у самого алтаря. Епископ воззваниями с амвона подкреплял энергию сражающихся. Напрасно король напоминал народу святость места, присутствие королевского величества; никто не обращал внимания на его слова и просьбы. Боясь за свою собственную жизнь, он решился выйти из церкви; с трудом проложили ему дорогу телохранители. Между тем схватки продолжались; с обеих сторон было много убитых; наконец, епископ одолел, а наступившая ночь прекратила драку.

На другой день было назначено строгое следствие. Граф, как родственник короля, отделался легко; всю тяжесть вины свалили на аббата. Епископ, «приняв на себя маску Моисеевой кротости и апостольской святости», обвинял аббата в святотатстве громче других. Сам главный виновник, он вздумал отлучить от церкви сражавшихся и запретил хоронить убитых. Дело кончилось тем, что обвиняемый аббат подкупил и судей, и даже самого короля, и тем избавился от беды¹. «Приняты были меры, чтобы никто не узнал, сколько именно получил король, сколько его доверенные и сколько епископ. Верно только то, что монастырь, доселе богатый и цветущий по всей Германии, обеднел так, что не осталось и следов прежнего богатства».

Подобные явления, впрочем, не были редкостью; нравы духовенства этого времени везде оттеняются одинаково. Ратьеро Веронский говорит прямо, что «священники всю жизнь проводят в тавернах; в алтарях грязные сцены пьяной оргии (*hesternam ebrietatem vel crapulam ante altare Domini super ipsum carnem vel sanguinem rictant agni*). Они заняты лишь тяжбами, жаждой прибытка; зависть и ненависть иссушают их. Те, которые должны проповедовать любовь к другу, употребляют все козни для обмана; они берут проценты, продают церковную утварь, продают само отпущение грехов: Они отличаются от светского общества разве тем, что бреют бороду». Несомненно, что подобное состояние явилось результатом общей испорченности людей. Духовенство не только не указывало иного пути для жизни, но само не устояло против общего течения; не все епископы превосходили баронов образованием. Не все духовные знали «Верую», говорит тот же современник; не все понимали то, что читали; многие ограничивались только складами. Епископ

¹ Этот рассказ приводится у Адальберта Бременского.

бамбергский не мог перевести латинского псалма, а не только разъяснить его смысл, хотя бы за это и простилось ему много грехов¹. Бенедикт VIII на соборе публично и цинично говорил духовенству, что «Служители Божии... в бездумной роскоши»².

В одной чувственности и удовольствиях проходила жизнь и в холодной Англии, и в теплой Италии. Дунстан Кентерберийский также на соборе говорил, что между духовенством столько позорных преступлений, что их жилища в общем мнении считаются домами разврата и вместилищем всяких нечистот³. Хотя браки дозволялись, но женами не довольствовались (*honesto nomine presbyterissae vocantur*), несмотря на то, что обычай не возбранял допускать жен жить в монастыре; один архиепископ был обвинен в содомии. Мы приводим лишь те факты, от которых не отпираются и католические историки. Смущаются последние, когда приходится им оправдывать при таких данных десницу Промысла. Тогда приходится им повторять вместе с Баронием, что «Иисус Христос глубоким сном опочил на корабле своем, когда судно металось по волнам ветрами и бурей»⁴.

Понятно после этого, что распространению симонии⁵ не могло быть пределов; сильна она была в Германии, не менее того и во Франции, в стране, где еще недавно Гинкмар Реймский думал о национальной церкви, где была удобная почва для цистерцианского ордена и для славных клюнийских монастырей. Об этой страте монах Глабер пишет во второй книге своей истории⁶, что «короли французские, вместо того чтобы избирать для служения святой религии лиц способнейших, считали более удобным для паствы душ назначать тех, кто может подарить больше. А когда такие сделаются епископами, то они не знают пределов своей жадности; ей одной они поклоняются, как идолу, и думают лишь об удовлетворении этой страсти».

Казалось, условия, в каких находилась курия, были крайне неблагоприятны. Однако папы сохранили свою независимость,

¹ *Lambertus Hersfeldensis. Annales a. 1075; Pertz, VII, 260.*

² *Mansi. Concilia, XIX, 345.*

³ *Ibid., XXV, 527.*

⁴ *Annales eccles. a, 912.*

⁵ Симония — торговля церковными должностями. — *Прим. ред.*

⁶ *Rodolphus Glaber. Francorum hist. ad a. usque 1044; Pertz, VII, 51—72.*

потому что пользовались слабостью императора, силы которого были разрознены между Германией и Италией. Тем не менее император мог бы свободно вытеснить папу из Рима вследствие того, что в папской столице была полнейшая анархия. Поэтому в интересах пап было оставить Германию *in statu quo ante*¹, — ибо в ней императоры были почти столь же бессильны, как папы в своей резиденции. Это могло гарантировать их будущность и сохранить те обоюдные условия, которые существовали между папами и императорами прежде, т. е. условия полного равенства между ними. Но все-таки с влиянием Германии на Римскую курию папы не могли не считаться уже при первых франконцах, носивших императорский венец.

Франконский дом: император Конрад II (1024—1039). Точно инстинктивно предчувствуя опасность от водворения франконского дома на императорском престоле, высшее духовенство в Германии энергично противилось выбору Конрада Старшего, когда, после смерти Генриха II, на берега Рейна, близ Оппенгейма, съехались избиратели, сопровождаемые огромной свитой епископов и аббатов. Конрад казался опасен для прелатов не своими родовыми владениями — они были очень невелики, — а своим характером. Он происходил от Конрада Мудрого, герцога Лотарингии, женатого на дочери Оттона I; одно это усиливало его права. Его дед, герцог Каринтии, был внуком императора Оттона. Он славился энергией, силой воли, храбростью, а вместе с тем политической ловкостью; знали, что он умеет привлекать к себе одних убеждением, других угрозой, третьих щедростью. Феодалы его любили за рыцарские подвиги, которыми он прославился на турнирах. В основателе франконской династии совместились, таким образом, качества, которые прославили этот дом. Нетрудно было найти предлог для враждебной агитации против Конрада. Он был женат на близкой родственнице — Гизеле, вдове Эрнста, герцога Швабского, которая принесла ему богатые владения в пределах нынешнего Вюртемберга, но которая, в глазах духовенства, скомпрометировала себя тем, что слишком поспешила со вторым браком, как бы обрадовавшись смерти первого супруга. Собственно этот брак и выдвинул кандидатуру Франконского дома, но он же послужил опорой для возражений церковной оп-

² В предшествующем состоянии. — *Прим. ред.*

позиции. Князь, поправший канонические законы, не мог быть, по словам прелатов, кандидатом в императоры. Церковная партия не возражала против другого франконца, тоже Конрада, называвшегося, в отличие от своего старшего двоюродного брата, Младшим. Но последний не обладал качествами, необходимыми для императора. Он не успел прославиться геройством: его подвиги на рыцарских турнирах еще не занимали собой молвы. Сознавая это, Конрад Младший ради общих интересов франконского дома отказался от своих прав и обещал поддерживать старшего родственника. После того, как архиепископ Майнцский и духовные избиратели волей-неволей произнесли имя Куно (*Chuno*) Старшего, он сам при выборах подал открыто за него голос и тем решил успех франконской кандидатуры. Конрад II был избран единогласно. Скоро церковники убедились, что они ошиблись. Не в Конраде II они должны были искать себе соперника. Новый император оказался очень податливым. Випон рассказывает, что общий голос населения в высшей степени сочувственно отнесся к первому франконцу. Его поездка в Майнц на коронацию была целым триумфом: миряне пели светские песни, клир — церковные. Если бы воскрес сам Великий Карл, говорили тогда, радость не была бы большей. Тот же Випон, скоро получивший место в канцелярии нового императора, или, как тогда говорили, в капелле, замечает, что после Карла Великого едва ли кто с большим достоинством восседал на императорском престоле. Тогда, вероятно, не без основания, говорили, что король Конрад «сидит в стрменах великого Карла»¹.

В чем же заключалась причина столь огромной популярности основателя франконской династии? Влиял ли он на современников высотой своего ума, своим образованием? Нет; он был даже безграмотен, как свидетельствует его биограф. Совершил ли он героические подвиги, как его знаменитый предок? Ничего подобного летописи не сообщают. А между тем перед ним с охотой склонялись могущественнейшие князья Германии. Тот же Випон сообщает нам разгадку обаяния первого венценосного франкон-

¹ «*Sella Chuonradi habet ascensoria Caroli*». *Wipo*, «*Vita Chuonradi II imperatoris*», с. 6; *Pertz*, XI; 248—254. Випон — существенный и единственный источник. В XVII и XVIII веках жизнь Конрада II служила предметом многих латинских трактатов и диссертаций.

ца. Конрад, говорит он, умел благоразумно управлять даже духовенством; внешне показывая любезность и щедрость, он между тем на деле умел подчинять клир приличной дисциплине. Он в высшей степени обладал качествами практического государственного деятеля и, понимая значение популярности, не стеснялся добиваться ее.

Он проявил такие свойства с первого же дня правления. Шествуя на коронацию, он задержал всю торжественную процессию к великому неудовольствию епископов и церемониймейстеров. Ему на пути подали жалобы какой-то поселянин, вдова и сирота. Он остановился, чтобы выслушать просителей с должным вниманием. Его торопили епископы, напоминая о службе, о проповеди.

«Человек с характером никогда не должен откладывать до другого раза то, что может сделать сейчас, — отвечал Конрад. — Не лучше ли прямо начать делать дело, чем спешить выслушать проповедь о том, что еще надлежит делать».

«Счастлиное начало царствования того государя, который, прежде чем короноваться, спешил исполнить закон», — наизидательно замечает современник, видимо, тронутый этим примером, вероятно, редким в своем роде.

Борьба со славянами. Мы говорили, что Конрад умел управлять духовенством. Он своим образом действий внушил к себе симпатии в этом влиятельном и господствовавшем сословии. Он явился ревностным слугой Креста в борьбе с язычниками-славянами, которые никак не могли усвоить себе христианство, подносимое на острие меча. Как только ослабевал надзор со стороны саксонских блюстителей, специально приставленных к полабским лютичам, славяне возвращались к своим языческим обрядам. В Саксонской марке, населенной лютичами и колонизированной немецкими военными поселениями, тогда начиналось движение против славяноотступников. Гонцы скакали из замка в замок, звали на помощь герцога, а тот, отправляясь в поход, сообщал императору о случившемся, предупреждая его на случай о необходимости в скором времени пожаловать на помощь вассалам. Тогда обыкновенно славяне начинали деятельно готовиться к защите, устраивали в лесах засеки, портили и без того негодные дороги, князья и старшины сгоняли народ в те места, где не было немцев, снабжали города припасами, готовили копья, луки и стрелы. Надо заметить, что речь шла вовсе не об отпадении язычников. Это было только страшное сло-

во, которым всегда более или менее удачно пользовались немцы и которым они прикрывали действительное положение дела. Когда германские памятники говорят нам о языческой реакции, есть полное основание заключить, что славяне, подавленные невозможным экономическим гнетом, лишенные права распоряжаться плодами трудов своих, обложенные тяжелой данью, решались свергнуть с себя чужеземное иго, которое становилось не в меру тяжелым. Религиозный же вопрос в такого рода движениях стоял на втором плане. Славяне вообще отличались религиозной индифферентностью.

Так было и теперь, при императоре Конраде II. Он уже успел проявить свою энергию и решительность в Польше, которую, со времени герцога Болеслава, считал вассальной страной и которую своей властью передал на короткое время Одону, младшему сыну Болеслава с титулом герцога, обойдя другого, старшего, Мешко. Последний должен был смириться и после смерти Одона, склонив на свою сторону императрицу Гизелу, получил наследие отца, хотя значительно уменьшенное распоряжением императора. В Польше рядом с Мешко были посажены другие вассалы.

При такой ревности к своей власти Конрад не мог простить лютичам их отпадения. Он не хотел подумать о том, что несчастные лютичи, с тех пор как испытали прелесть немецкой власти, были лишены человеческих прав, что они были обращены в рабов¹, что немецкие колонисты не называли их иначе как собаками, неверными, что они всегда дрожали за свое имущество и саму жизнь. Император явился в Саксонию в 1034 г. Посольство из лютичей оправдывалось перед императором; конечно, оно нарочно было подобрано из христиан; оно жаловалось на разбойнические нападения саксонцев, живших и хозяйничавших в их земле, от которых ни властителям, не кметам не было защиты. В свою очередь саксонцы винули славян во всем. Конрад, верный рыцарским обычаям, предоставил решить спор так называемым Божьим судом, на чем особенно настаивали лютичи, желая торжественно доказать свое христианство. Сразились два борца с той и другой стороны; славянин победил, саксонец был убит. Император должен был склониться перед высшим судом. Не доверяя, однако же, славянам, Конрад, оставляя на некоторое вре-

¹ *Титмар* (*Chronica*, VI, 18) сам почти сознается в этом.

мя страну, выстроил пограничную крепость Вербну, которую поручил защищать саксонцам, взяв с их князей клятву, что они будут единодушны и неустойчивы в борьбе со славянами.

Можно представить себе, как обострились отношения между саксонцами и лютичами, почувствовавшими и свою правоту, и свою силу. Славяне боялись только внушительных императорских воинов. На другой же год, после удаления Конрада, они напали на Вербну, взяли крепость и перерезали пленных; затем они не преминули разнести огонь и меч по Саксонской марке. Конрад был во Франконии; он еще не распускал войска и поспешил на Эльбу. Он начал обдуманную заранее месть. Его воины ворвались в землю лютичей и сожгли все, что было возможно; император был впереди. Он легко разогнал славян и постарался теперь оправдать новый титул «мстителя за веру», который ему поднесли услужливые стихоплеты. Он велел рубить массами пленных за то, что они будто издевались когда-то над деревянным изображением Распятого. Он сам, видимо, придумывал наказания. Хронист, всегда обстоятельный, на этот раз опускает завесу: «Император истреблял славян смертью различного рода...»

Приобретение Бургундии в 1034 г. В пределах Германии Конрад II не имел случая проявить такого рода жестокость и изобретательность. Бургундия досталась ему легко. Покойный король Рудольф III был дядей его жены; он завещал ему свои владения, под клятвой, еще при жизни, под условием передачи их внуку, римскому королю Генриху, сыну Конрада. Но притязания племянника Рудольфа, Одо, — которого, вероятно, поддерживали феодалы, не желавшие прямого подчинения императору, — задержали водворение франконского дома в Бургундии на непродолжительное время. В начале 1034 г., — известного по своей суровой, почти полярной зиме на Западе, — Конрад II был избран высшими и низшими феодалами и коронован королем Бургундии. Это было приобретение огромной важности. В тогдашнюю Бургундию входила вся богатейшая, обширная, густо населенная территория нынешней Юго-Восточной Франции с Провансом, значительные части французской и итальянской Швейцарии, части Савойи и генуэзского берега. Она занимала пространство между линией Соны и Роны с Запада, Боденского озера и истоков Рейна с Севера и оттуда к Югу до берегов Средиземного моря, доходя на Востоке до Цюриха и истоков По. Такие

богатые города, как Лион, Арль, Вьенн, Марсель, Гренобль, Безансон, Женева и десятки других входили в пределы Бургундии могущественные феодалы которой теперь подчинились императору. Здесь были все благоприятные данные для процветания промышленности и торговли при превосходных климатических условиях. Можно себе представить, как внушительно увеличилось обаяние франконского дома и его материальное могущество с приобретением в наследственную собственность этого королевства.

Вмешательство в дела Италии. Конрад II теперь мог обратить внимание на положение Италии. Там происходило неслыханное прежде движение, перед которым в смущении останавливается германский хронист под 1035 годом. Действительно, произошло нечто такое, чего не могли разгадать современники. Итальянский народ, *populus*, населявший города, осмелился заключать клятвенные союзы (*conjuratio*) и восставать против феодалов. Речь шла об агитации так называемых коммун в Ломбардии, этих дерзких городов, которые произвели поистине неслыханное волнение — *inaudita confusio*. Мы узнаем после, что некоторое время спустя такую же клятву стали приносить друг другу горожане в Северной Франции, что, не довольствуясь этим, города, и тут и там, стали заключать между собой союзы — приобщения, *communio* (отсюда *commune*). Коммунальное движение проявилось, следовательно, почти одновременно, но почин, несомненно, принадлежал Италии или, точнее, Ломбардии. Там загорелся тот новый светоч, который после так долго светил ярким огнем в истории цивилизации. Нарождалась новая могучая сила городов, выдержавшая варварское испытание, прошедшая через лангобардские руки, чтобы изменить содержание истории и направить иначе ее движение.

Современники, недостаточно проникательные, не оценили этого события, столь богатого последствиями. Вот, например, как простодушно взглянул на дело Випон, капеллан императора: «В Италии все (!) *valvassores* (т. е. горожане) и простые воины составили клятвенный заговор против своих высших, не желая ничего от них терпеть без отщипления, если бы господа задумали что-либо делать без их желания»¹. Когда сеньо-

¹ Это знаменитое место у Випона, с. 34.

ры городов не пожелали уступить свои права бунтовщикам, те обратились за помощью к императору Конраду II.

Не было ничего благоприятнее для расчетов императорской политики в Италии. В интересах Священной империи, в интересах упрочения своего владычества в Италии, властители Германии должны бы были воспользоваться новой силой, которая сама давалась им в руки. Но, к счастью Италии и, позволим себе прибавить, к счастью для цивилизации, Конрад II не оказался на высоте своего положения. Впредь же такой удобный случай для утверждения при соответственных обстоятельствах императорского владычества над Северной Италией более не повторялся.

До какой степени Конрад II был лишен широты понимания выраставших перед ним явлений видно из ответа, который он дал итальянцам. «Если *наш император* не хочет прийти, мы сами добудем себе закон», — говорили в ломбардских городах. Когда об этом было доведено до сведения Конрада, он будто ответил: «Если итальянцы так возжелали закона, то я с Божьей помощью досыта накормлю их законом».

Итальянцы звали императора как друга, как своего властителя, как надежного защитника от притеснения феодалов, прежде всего и наиболее опасных для императорской власти. Он предпочел явиться как враг, во всеоружии мстителя за нарушение порядка. Его смущало роковое слово *conjuratio*. Очевидно, в политической деятельности тогдашних властителей возникло весьма крупное непонимание положения дел, которое раз навсегда установилось в обоюдных отношениях церкви и империи.

Конрад II прежде всего обрушился на высшее духовенство в Милане, которое считал главным виновником и соучастником беспорядков. Во главе этой партии стоял архиепископ Гериберт, который еще ранее, в Германии, успел доказать свою преданность императору. Конечно, архиепископ сочувствовал движению горожан против светских феодалов, прекращение претензий которых открывало простор его честолюбию и усиливало как экономическое, так и нравственное влияние церковников. Но эти планы вовсе не расходились с прямыми интересами императора. Прелат торжественно встретил Конрада в церкви Св. Амвросия. Император отнесся к нему сухо, явно настроенный против архиепископа. Когда депутаты от города просили императора взять коммуну под свое покровительство, что было сопряжено только с пребыванием

германского отряда для военной охраны города в случае нападения, то Конрад не только отказал наотрез, но приказал захватить, как агитатора, Гериберта, объявил его пленником, держал в тюрьме, потом велел влечь за собой. Три епископа были отправлены в ссылку без суда, что смутило даже биографа, относящегося к Конраду II с чувством благоговения. «Нельзя осуждать пастырей Христовых без суда», — замечает Випон по этому поводу. Затем императорским повелением были уничтожены коммуны. Но это было напрасно; в Италии не привыкли к таким декретам. Гериберт убежал от императора и вновь произвел движение в Милане.

Феодальный закон 1037 г. Конрад пошел на Милан, где готовились к защите. Немцы обложили город, но не могли взять его. Рассчитывая поколебать единство горожан, император в мае 1037 г. издал феодальный закон: *constitutio de feudis*, который сделал его имя знаменитым. По этому закону т. н. вальвассоры [горожане] приобретали право передачи своих ленных владений в наследство, право быть подсудными суду равных, право апелляции к императору через посредство его наместника. Лена лишался только тот, кого суд равных признавал виновным в каком-либо преступлении. Таким образом, мелкие владельцы получили полную самостоятельность и приобрели вместе с имущественными вообще гражданские права.

Несомненно, новый закон был благодетелен для большинства мелких владельцев. За ним было будущее. Мелкопоместные владельцы и горожане становились орудием императора в борьбе с крупными вассалами, носившими громкие титулы графов и герцогов. Но в данном случае он не принес пользы для императора. В Милане и вообще в Италии в нем не нуждались. Там жизнь ушла далее этого закона. Практическое общественное значение этот юридический акт получил в Германии в последующее время, ибо он ослаблял могущество вельмож и старался сократить поводы к самоуправству.

Конраду пришлось снять осаду Милана; неудачи постоянно преследовали его под стенами этого гордого города.

Оставив область Милана, Конрад не хотел покидать Италии, не водворив в ней порядка. Между тем ненависть к немцам проявлялась повсюду в Ломбардии.

В Парме дело кончилось кровопролитием. За случайное убийство императорского повара (которого хронист называет добрым

мужем Конрадом), немецкое воинство, обрушившись на горожан, произвело беспощадное истребление. Ожесточившиеся немцы всех резали, не разбирая ни пола, ни возраста. Парма запылала. Когда пожар прекратился, император приказал разрушить большую часть стен, чтобы развалины были поучительны для других городов. Оттуда Конрад II, перейдя через Апеннины, прошел с своим войском вдоль всей Италии до берегов Апулии, везде водворяя «порядок, законы и правду». Довольный своим делом, он вернулся обратно в Равенну. Он занялся приготовлениями к борьбе с миланцами, но жестокая моровая язва, жертвами которой сделались второй сын Конрада и его невестка, жена будущего императора, заставила его покинуть Италию.

Вскоре по возвращении из Италии Конрад II скончался в Утрехте, передав престол сыну своему Генриху. Он был похоронен в склепах готического Шпейерского кафедрального собора, над сооружением которого он трудился в последние годы своей жизни, завещав окончание постройки своему сыну. Теперь империя становилась наследственной. В передаче престола сыну Конрад II заручился еще при жизни.

Божье перемирие. С именем императора Конрада II некоторые историки соединяют представление о благотворной деятельности в вопросе обязательного прекращения насилия в пределах империи на определенный период времени, Это был т. н. Божий мир или, точнее, Божье перемирие — *Truga Dei*, великий шаг в истории цивилизации Европы. Не говоря про то, что памятники не дают непосредственных указаний касательно участия в этих мерах Конрада II, — хотя некоторые из них приурочены к его правлению, — вся законодательная деятельность в этом вопросе принадлежала церкви. Некоторые немецкие историки утверждали, что вследствие продолжительного голода, после морозов зимних месяцев 1034 г., в Бургундии и Лотарингии, летом этого года, феодалы и рыцари условились ограничить войну только известными днями, положив добровольно некоторые преграды насилию и самоуправству, причем императору приписывалось как одобрение этих мер, так и распространение их на прочие страны Германии.

Теперь доказано, что римская церковь давно работала в этом направлении и потому становилась во враждебные отношения к феодализму. Бароны, гордые грубой силой, возводимой ими в принцип, не признавали над собой никакого иного судьи, кроме

Бога и меча, или точнее, кроме последнего, рассчитывая, что от небесной кары можно избавиться покаянием перед смертью. Духовенство тщетно прибегало к проповеди и назиданию; наконец, оно решило запугать насильников и грабителей. В 989 г. в Пуату, где церкви страдали постоянно, в монастыре Шарру был созван собор, под председательством архиепископа Гомбода, на котором, в присутствии христиан обоего пола, были преданы проклятию грабители церковного имущества и всякие разорители бедняков. Приходилось, рисуя с натуры, с самой жизни, подробно перечислять злодеяния, которые приходили на память. «Если кто завладеет овцой, быком, ослом, коровой, козлом, поросенком *земледельца или другого бедняка*, без всякой вины с его стороны, и если не вознаградит за убыток, то да будет проклят». Здесь церковь прямо брала под свою защиту земледельца.

Но ее благородная миссия встретила большие и непреодолимые препятствия. Духовенству за такие прекрасные попытки приходилось расплачиваться своим имуществом. Скоро такие решительные распоряжения духовных властей были забыты. Тогда церковь пошла на сделку; вместо *рэх*, мира, она предложила *треуга*, перемирие. В разных местностях Запада выработалась почти одновременно мысль о том, чтобы оговорить по крайней мере известные дни, в которые бы каждый мог быть уверен в спокойствии от грабителей и только эти дни решила отстаивать церковь своим духовным мечом. Так, в пределах графства Руссильон, близ Пиренеев, недалеко от Перпиньяна, в епархии Эльн, 16 мая 1027 г., было решено на поместном соборе ограничить разбой, выговорив по крайней мере воскресенье. Начиная с трех часов дня каждой субботы, т. е. с заката солнца до восхода солнечного, а именно до шести часов утра понедельника, никто не дерзнет напасть на монаха, безоружного клирика, на всякого мирянина, идущего в церковь или возвращающегося из нее, а равно на всякого сопровождающего женщин; запрещалось нападать на церкви или на дома, расположенные в тридцати шагах от церквей. Это была слишком робкая мера. Но важен был толчок; этой инициативе стали подражать в каждой епархии по-своему. К середине XI в. во Франции, Бургундии, Германии и Италии запрет был расширен на целую половину недели. С вечера среды до утра понедельника никто не смел извлекать меч и начинать распри; нарушители подвергались проклятию и отлучению.

Все это было делом духовной, а не светской власти, которая в то время еще не стояла на высоте своей задачи и не успела усвоить той простой мысли, что ее главный враг — разбойник-феодал, не признававший над собой никакого закона. Обыкновенно в той местности, где ощущались тяжелые последствия разбоев, где слышались общие жалобы на насилия, епископ или аббат созывали прихожан к воскресной службе и там, после проповеди, брали клятву касательно ограничения грабежа, заключали так называемую «Тревогу». Хотя наказанием ослушников служили грома небесные, а не земные, но есть свидетельства, что феодалы и грабители имели терпение выжидать эти льготные дни, рассчитывая, может быть, с избытком вернуть потерянное в остальные дни недели.

Из постановлений о «перемирии» особенно замечательно по разработке подробностей Тюлюжское, от 1041 г., в пределах того же Руссильона и Клермонское, принятое на соборе 1096 г. В первом епископы запрещают в числе прочего сжигать или разрушать жилища крестьян. Никто не смеет умерщвлять, бить, увечить крестьянина, раба или жену его, ни брать, ни уводить их, если эти люди не совершали преступления, а если таковое совершили, то виновные должны быть представлены в суд, о чем должны быть оповещены. Нельзя отнимать одежду у крестьянина; никто не смеет сжигать крестьянские плуги, ломать оливковые рощи¹.

Кроме церковных наказаний, впоследствии были определены и пени, уголовные кары за нарушение Божьего перемирия. За неявку по вызову, кроме вознаграждения за убытки, назначалась пеня, которая в иных случаях доходила до ста солидов. Тот, кто во время условленных дней убьет человека, изгонялся на семь лет, если сами родственники убитого не простят преступника; впоследствии убийцы изгонялись законом на всю жизнь. Во всяком случае убийца платит пенью в тридцать фунтов, которая делится между епископом и тем графом, в пределах судебного округа которого совершилось злодеяние.

Впоследствии в круг запретных дней вошли как кануны великих праздников, так и сами праздники; затем сюда же были отнесены святки и все дни Великого поста. Сам объем зловред-

¹ *Dom-Martene et Durand. Thesaurus anecdotorum novus, Paris, 1717, 5f., IV, 121—124. Русский перевод Стасюлевича, II, 954—962.*

ных деяний был расширен. Например, если кто-либо во время перемирия устроит засаду или кого-либо заставит сделать таковую, чтобы захватить замок или пленить кого-либо, то такое деяние считалось равным разбою и убийству. Во время перемирия запрещалось на некоторых соборах строить замки во время великого поста и разрешалась постройка укреплений в таком лишь случае, если она была начата за две недели до наступления поста.

Несомненно, что все такие меры, в которых, повторяем, светская власть была неповинна, содействовали уменьшению зла; так сильна была в людях вера. С ослаблением религиозного авторитета все подобного рода законы стали мертвой буквой. Тогда только вмешалась в дело порядка королевская власть.

По настоящее время в разных странах Западной Европы можно видеть каменные старые кресты, вросшие в землю на полях и дорогах. Они не служат рубежными знаками земельных участков, а сохраняются лишь как памятник седой суровой старины. Это память о том железном времени, когда под этими крестами загнанный путник находил спасение и кров. Всякий, кто укроется у креста на дороге, не только защищен под его сенью от разбойника, гласят соборные постановления, но преследуемый неприятелем, здесь получает свободу.

Таковы были успехи цивилизации в Западной Европе в эпоху императора Конрада II.

2. 2. ТОРЖЕСТВО ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ ИДЕИ ПРИ ИМПЕРАТОРАХ ГЕНРИХЕ III И IV

Император Генрих III. Генрих III, прозванный Смуглым и Черным, подавал при вступлении на престол большие надежды в Германии и частью оправдал их. Он был одарен решительной волей и замечательной проницательностью, качествами, напоминавшими энергичного отца. После Оттона I никто не производил такого обаяния, как Генрих III. Это и понятно, если принять во внимание те свойства, в которых он превосходил Конрада II. Он поддерживал монастырские школы, о чем не заботились его предшественники. Он высоко ценил ученых того времени и приближал их к себе. Вместе с тем он задается грандиозными целями. Могуществу Генриха III много способствовало огромное наследство, которое он получил от своего отца. Он наследовал Швабию, Баварию, Хоруту-

нию, Бургундию и Лотарингию. Он раздает эти области, имевшие свои этнографические отличия и свою собственную историю в управление своим наместникам. Так, принцу Вельфу была поручена славянская Хорутания вопреки его желанию. Вельфу было бы гораздо приятнее получить Швабию, потому что Швабия была некоторым образом достоянием дома Вельфов. Но когда Вельф заявил честолюбивые замыслы, то его Хорутания была уменьшена и от нее отделены особые марки: Штирия, славянская Крайна и Истрия. Тем не менее Вельф усиливался, получил авторитет в глазах феодалов и готовился стать опасным соперником императору¹.

Изгоняя своих мелких врагов, Генрих III чувствовал себя настолько сильным, чтобы сокрушать венгров и итальянцев. Так в 1044 г. он отправился против первых. Венгры не могли устоять против громадных сил императора и были разбиты на Раабе. В 1044 г. их король присягнул на верность немецкому королю, который передал корону Петру на условиях вассалитета. Затем Генрих III отправился в Рим для устройства папских дел. Он застал в Риме трех пап: Бенедикта IX, Сильвестра III и Григория VI. Так как каждый из них хотел властвовать самостоятельно, то понятно, что в курии была полнейшая анархия. Последний, Григорий VI, пригласил Генриха III в Рим, рассчитывая удержать за собой папскую тиару. Весь Рим, без различия партий, ожидая решения участи папского престола, был в волнении. Получив сан патриция, Генрих III предложил решить спор собору, который был созван в Сутри в 1046 г. Собор, по настоянию Генриха, низложил всех трех пап, бывших в то время в курии, и выбрал в папы немца Климента II, который поспешил короновать короля германского императором. Впрочем, клиент императора носил тиару недолго. Следующий за ним папа, Дамас II, правил еще короче. Затем Генрих III на сейме в Вормсе назначил в папы своего родственника, епископа Тульского Брунона, принявшего в 1048 г. имя Льва IX.

Папа Лев IX и возрождение курии (1048—1055). Нельзя отрицать, что благотворная деятельность этого папы была на-

¹ Источники по Генриху III: *Ламберт Герсфельдский*. *Annales usque ad a. 1077*; *Pertz*, V, 134—263. *Адам Бременский*. *История Гамбургской Церкви* в 4 кн.; *Pertz*, VII 280—389. *Винон*. *Carmen Tetralogum*; *Pertz*, XI, 247—254.

правлена на улучшение церкви. Он пришел в Рим пешком в одежде странника; его сопровождал итальянский секретарь, суровый монах по виду, субдиакон Гильдебранд. Он указывал папе дорогу. Среди курии, при содействии целого кружка энергичных людей, теперь возникла мысль: если не возвысить власть папы, то по крайней мере устранить влияние императора на дела церкви. Вообще с Генриха III в папстве начинаются изменения к лучшему. Папство заметно возрождается благодаря тому, что во главе римской курии стали появляться достойные представители. Папы теперь начинают стараться об уничтожении тех зол, которые существовали при всеобщей деморализации, губившей западнохристианский мир до второй половины XI столетия. Для успеха была необходима неустанная энергия и твердость воли. Папы наступающих десятилетий действительно будут обладать такими качествами. Уже Лев IX своим примером и своей строгой жизнью поднял папское достоинство и папскую власть. С этого времени начинаются лучшие мировые страницы курии. Все отрицательные стороны папства именно тогда, т. е. со второй половины XI столетия, на время скрылись. Теперь нет уже более шутов, носящих папскую тиару, как это нередко случалось прежде. Теперь папа относится к императору не только как равный к равному, но, мало того, он изъявляет притязания на первенство. Императоры, конечно, не обращали внимания на эти претензии, казавшиеся им пустяками. Но важно то, что из этих пустяков возникло нечто серьезное. Не без оснований курия канонизировала папу Льва IX.

Преемник Льва IX был тоже немец, Виктор II. На глазах этого папы умер Генрих III, не исполнив грандиозных замыслов, которые носились в его голове и осуществить которые он так желал. При Викторе императорский престол перешел наследственно к малолетнему сыну Генриха III — Генриху IV.

Император Генрих IV (1056—1106). Его малолетство. Папство с этого момента готовится к борьбе с империей, чтобы защищать те права, которые оно считало неприкосновенными и священными. Как прежде человечество делилось на греков и варваров, свободных и рабов, германцев и римлян, — так и теперь оно разделилось по политическим убеждениям. Все это показывает, что в вихре событий, знаменующих вторую половину XI столетия, зародились идеи, которые притягивали к себе своим обаянием и заставляли каждого высказаться, к какой партии он

принадлежит. Под внешностью и формами борьбы за инвеституру, которая возникла в это время между папством и императорством, скрывается нечто другое, более существенное. Возрождение папской курии влекло к себе симпатии всего лучшего, что было в тогдашнем обществе. То были идеалисты своего времени. Империя и ее приверженцы являлись сторонниками грубой силы. Но не надо переносить этой оценки из области нравственной в умственную. Нельзя было желать господства римской курии и монашества, хотя нравственно духовенство стояло выше. Гегемония пап могла бы устранить зачатки культуры и положить предел прогрессивному ходу истории. Папство упорно стояло за нераздельное господство авторитета. Напротив, другая сторона, императорская власть, старалась защищать дорогие интересы человеческого развития.

Двор Генриха IV не сочувствовал тому новому движению, которое возникло в курии в начале борьбы между папством и императорством.

Юного короля воспитывала его мать Агнесса. Она не понимала политики покойного мужа; она только рассчитывала закрепить за собой власть, чтобы неограниченно управлять государством. Так действительно и было, пока Генрих IV был еще ребенком. Агнесса наложила руки на королевских врагов и на могущественных феодалов Бургундии и Швабии. Но она встретила своим честолюбивым замыслам сильный отпор в лице князей. Во главе этой оппозиции стоял Ганон, архиепископ Кельнский, строгий и суровый монах. Понятно, что этот разлад должен был дать перевес папской власти.

Хитрый и ловкий Ганон старался вырвать из рук Агнессы ее сына, Генриха IV, и таким образом захватить власть над империей. Однажды Ганон пригласил к себе молодого короля посмотреть новое судно на реке. Здесь Генриха IV заманили на борт судна. Лишь только он взошел, корабль отплыл от берега. Мальчик кричал и плакал, даже бросился в воду, но все было напрасно. Генриха спасли и всячески утешили. Он не мог освободиться от коварного Ганона и был увезен в Кельн. Хотя Ганон обещал возить короля по разным областям с тем, чтобы за ним следили местные епископы, он не думал исполнять своего обещания и держал Генриха у себя и, таким образом, захватил всю власть в свои руки. Но и Ганону не вполне посчастливилось. У него по-

явился соперник, бременский архиепископ Адальберт, который думал упрочить свою епархиальную власть на севере Германии среди славянских и норманнских народов. Этот архиепископ сыграл в католизации славян большую, но не совсем светлую роль. Нельзя признавать за Адальбертом просветительской деятельности. Эта жестокая ошибка. По-видимому, он является строгим ревнителем католичества. Его стараниями некоторые славяне были обращены в католичество; он заботился о водворении христианства в Скандинавии. Он строил церкви, но при этом держался несколько формальной системы: почти все церкви существовали только на бумаге; на деле же практиковались только десятины. Для него религия была орудием онемечивания жителей и, главным образом, средством достижения личных целей. Однако нельзя думать, чтобы Адальберт являлся ревнивым поборником единства Германии. Если он что-то и делал в этом смысле, то единственно назло своим врагам. Притом известно, что ему хотелось приобрести полную власть и сделаться неограниченным властителем Северной Германии. Но его планы не удались именно потому, что его честолюбивым стремлениям на каждом шагу ставились преграды. Личные свойства Адальберта были также незavidны. В нем не было ни теплого чувства, ни веры, ни сильной, энергичной воли, необходимой при достижении каких бы то ни было целей.

Генрих IV был предметом раздора между епископами и Адальбертом. Последний овладел Генрихом, потакая всем его страстям, удовлетворяя все его малейшие желания. Вследствие этого в Генрихе выработался слабый и вспыльчивый характер. В нем в сильной степени развились леность, властолюбие, гордость, мстительность, но он не имел ни энергии, ни чувства меры, ни спокойствия, — качеств, необходимых для управления. Во всем этом видно влияние Адальберта.

Восстание в Саксонии и Тюрингии. Адальберт постоянно твердил Генриху о саксонцах и о неповиновении их государю немецкому. Вследствие этого, когда Генрих вырос, он стал жестоко мстить саксонцам и всячески теснил их. Подобно отцу, он поселился среди них, у рудников Гарца в Госларе и воздвиг крепость Гарцбург, для построения которой сотнями сгонял несчастный народ. Генрих, посмеиваясь над саксами, имел бессердечие называть их рабами. Но своими насилиями он вызвал саксонцев на

восстание. Генрих отнял у саксонского графа Оттона фон Нордгейма Баварию и посадил там сына маркграфа Эццо, Вельфа IV, который был родоначальником младшей линии вельфского дома, так как старшая линия пресеклась со смертью Хорутанского герцога. Генрих держал в тюрьме друга Оттона, герцога Магнуса, тоже саксонца. Таким образом, Генрих IV в молодые годы добровольно создал себе врага; но с другой стороны трудно было лишить Саксонского графа его владений. Оттон послал императору нечто вроде ультиматума, требуя прежде всего возвращения своих неправильно отнятых земель и вместе с тем срытия крепостей, которые Генрих построил в Баварии. Он требовал также обязательства не нарушать постановлений и совещаться с сословиями. Не получая решительного ответа от императора, саксонцы восстали и поклялись не выдавать друг друга. Вместе с ними восстала и Тюрингия, не менее Саксонии раздраженная самовластием императора; шесть тысяч саксонцев подступили к Генриху IV и явились перед Госларом, Генрих IV не вступил с ними в битву, бежал в Гарцбург, но, не достигнув крепости, скрылся в горах. Он отсюда обратился с воззванием к немцам, прося их идти на мятежных саксонцев.

Между тем саксонцы взяли Люнебург, и, чтобы спасти жизнь своих рыцарей, король должен был освободить Магнуса. Тогда же восстали князья Южной Германии. Вообще все общественное мнение в Германии в это время было раздражено самовластием Генриха IV и надменным обхождением его с подданными. Стали говорить об избрании нового короля. Генриху выказывали сочувствие только города по Рейну, принося для этого большие жертвы. Не находя симпатий к себе, Генрих отчаивался и поэтому должен был помириться с саксонцами и удовлетворить их требования. Он отдал им Гарцбург, где чернь разрушила даже церкви и императорские фамильные склепы. Но немецкие князья, видя саксонскую чернь повсюду торжествующей, испугались и готовы были даже перейти на сторону короля.

Ужасная месть со стороны саксонцев, которую они обнаружили при погроме Гарцбурга, сильно оскорбила Генриха IV, и он, во что бы то ни стало, хотел наказать их. Ему теперь после самоуправства мятежников как раз представился случай. Дело в том, что почти все немецкие князья, прежде бывшие врагами императора, теперь стали на его сторону. Даже из Чехии и Лотарингии

прибыли вассалы. Генрих IV собрал теперь такое войско, какого никогда не было у германских императоров. Саксонцы с первого же раза не могли устоять против громадных сил императора и были разбиты. Они потеряли до восьми тысяч убитыми; со стороны же Генриха пало пять тысяч королевских воинов и много рыцарей. Генрих опустошил Саксонию и не менее саксонцев зверствовал, так что немецкие князья должны были вступить за Саксонию. Саксонские рыцари присягнули в присутствии войска королю, думая этим избавиться от дальнейших преследований; но Генрих IV, вопреки объявленной амнистии, захватил саксонских рыцарей, отнял у них все земли и роздал их своим друзьям. Гарцбург и другие замки были восстановлены, и гарнизоны усилены; поборы и насилия возрастали. Наместником Саксонии он сделал, однако же, Оттона фон Нордгейма, ибо в противном случае ему угрожало совокупное действие немецких князей, которые опять перешли на сторону противника.

Смысл борьбы империи с папством. По примеру своего отца Генрих IV вздумал вмешаться в папские дела, не понимая, какая опасность ему грозит. Когда Гильдебранд предал его проклятию, то саксонцы воспользовались этим для нового восстания. Личность Генриха была очень непривлекательной. Он не пользовался популярностью, и проклятие папы совпадало с презрением общественного мнения. Тогда Генрих дошел до крайнего унижения... Эти события относятся к той знаменитой эпопее, которая имеет высокое значение во всемирной истории, как главнейший факт борьбы папства и империи.

Существенный смысл этого явления заключается в стремлении папской курии возвратиться к новой, более чистой нравственной жизни. Подобное благородное стремление вместе с тем должно было дать папству и нравственный авторитет, и известную фактическую силу для упрочения влияния. Понятно, что империя не могла допустить папского торжества, так как до сих пор она привыкла считать папство покорным себе. Такова была политика всех средневековых германских императоров, начиная с Карла Великого и кончая Гогенштауфенами. Каждый из них считал папу более или менее исполнителем своей воли. В этой борьбе выступает на вид другая сторона дела, до сих пор мало замечаемая.

Возрождение римской курии значило возрождение нравственности духовенства, уничтожение и искоренение тех пороков, ко-

торые за все это время, с самого начала организации католической церкви, в нее внедрились. Так как духовенство сильно было связано с общественной жизнью, то обновление его было вместе с тем и обновлением общества. Тот пример, который церковь преподает обществу, должен был иметь значение обязательного авторитета. В этом случае прогресс был на стороне папства. Но уже было замечено, что нравственный прогресс не есть синоним прогресса общественного, прогресса исторического. История развивается двумя путями: через процесс нравственный и процесс умственный. Первый имеет предметом упрочение известного рода обязательных идей. Второй процесс развивается сам в себе. Было бы несправедливо думать, что успех общества в нравственном отношении будет прогрессом умственным. Чем гармоничнее движение тех и других идей, тем выше в данный момент исторический идеал. Именно в силу этих причин империя, которая в сущности отстаивала права светской власти, служила прогрессивному движению. Империя, борясь с папами, в то же время защищала интересы человеческого развития и, не допустив курию восторжествовать окончательно в тогдашнем историческом мире, давала возможность обществу преуспевать умственно. Дело борьбы папства с империей было не только делом церковным, но и политическим, и даже духовным. Это было возрождением нравственных идеалов в тогдашнем мире, делом прогресса вообще. Победа папства равнялась бы обращению в монашество половины Европы, произвела бы застой в образовании; в свою очередь победа империи равнялась бы насилью светской власти над духовной, равнялась бы победе силы над духом. К счастью для истории, дело кончилось не победой какой-либо одной стороны. Потому в интересах нравственного и умственного прогресса нельзя было желать лучшего исхода.

Возрождение римской курии и духовенства. Стремление обновить католическую церковь изнутри проявилось со времени избрания немецких пап на римский престол. Мы уже говорили об этом, разбирая императорство Генриха III. Немецкие папы приносили с собой на римский престол иные представления о власти и порядке. Когда Генрих III умер, его папа Виктор II (1055—1057), преемник Льва IX, выдвинул в городе национальную партию. Эта партия, поддерживаемая немецкими папами, принесла счастье курии. При Николае II (1059—1061) выбор папы

был поручен не всему клиру, а коллегии кардиналов, желавших напомнить собой римский сенат. Целью было устранить беспорядок и ослабить немецкое влияние. Кому неизвестно, что этим благодетельным актом папство обязано Гильдебранду.

Статут о конклаве. Этот весьма важный декрет, называемый «*Statutum Nicolai II papae de electione papae*»¹, заключался буквально в следующем: «Властью, полученной нами от наших предшественников и от других святых отцов, определяем и постановляем, чтобы, по смерти первосвященителя римско-католической церкви, сначала кардиналы приступали к соглашению относительно нового избрания, тщательно наперед обсудив дело, с соблюдением должной чести и уважения (*tamen debito honore et reverentia*) к возлюбленнейшему сыну нашему Генриху (IV), нынешнему королю и будущему, по воле Божией, императору, на что уже через его посла, канцлера Лангобардии, мы дали согласие, — а также с соблюдением уважения к его преемникам, которые получили бы этот сан от апостольского престола. Приняв предосторожность, чтобы недуг купли не вторгся каким-либо образом, благочестивые мужи (т. е. кардиналы), со светлейшим сыном нашим королем Генрихом, должны избрать, а остальные признать нового первосвященителя. Избрать же его должны из недр этой самой церкви, если найдется достойный, а если не найдется в ней, то из другой»². Этот документ (изданный в апреле 1059 г.) привел хаос в порядок; им папство было спасено извне. Но еще более важную услугу мог оказать тот, кто спасет папство внутри него самого.

Здесь главнейший труд заключался в том, что духовенство надо было вернуть к апостольским временам от той гнилой и испорченной жизни, в какую оно было тогда погружено. Главные пороки заключались в симонии и в брачной жизни духовенства, что давало возможность передавать кафедры наследственно. Вот против этих двух зол направлена была деятельность немецких пап, издавна руководимая указаниями энергичного кардинала Петра Дамиани, столь много послужившего до глубокой старости римской церкви в своей монашеской келье, а еще более гением канцлера курии, близкого друга нескольких пап, монаха Гильдебранда.

¹ «Статут папы Николая II об избрании пап». — *Прим. ред.*

² *Pertz. Leges*, II, 176—180.

Петр Дамиани. Насколько Рим одичал и погряз в грубой чувственности и злобе, доказывает, в числе прочего, бывший там в 896 г. оригинальный собор, который вызвал на суд умершего перед тем за несколько месяцев папу Формозу. Стефан VI вырыл из земли полуистлевшее тело покойного, предъявил ему обвинительные пункты, отсек три пальца на руке и потом бросил труп в Тибр. Когда папство было так опозорено, везде, а особенно в Германии, светские владетели захватили в свои руки право инвеституры и продавали духовные места за деньги. Духовенство, зараженное симонизмом, страдало болезнями светского испорченного общества. Честолюбие прелатов, их непомерная роскошь и гордость, вследствие огромных богатств, их развращенная грубость нравов, их злоупотребления в раздаче церковных приходов, их жадность, доходившая до того, что они захватывали доходы нескольких епископских кафедр, — все это неопровержимо подтверждается упреками, вполне заслуженно сыпавшимися на них. Епископы совершенно втягивались в чувственно-разгульный быт баронов; они ничем и не отличались от последних. Отслужив обедню, епископ в шпорах и с кинжалом за поясом скакал прямо из церкви на соколиную охоту, а затем, после сытной и пьяной трапезы, отдыхал в обществе распутных женщин. Детей от наложниц епископы определяли потом по наследству в разные приходы и обогащали церковным добром¹. С падением духовенства исчезала единственная моральная сила в общественной жизни. Прежде чем оспаривать у императоров светскую власть, духовенству следовало укрепиться внутри, поднять свое духовное нравственное обаяние, для чего необходимо было восстановить в церкви суровую и строгую дисциплину. Помощь папству в таком трудном деле была современно оказана монашеством, окрепшим в преобразовательной системе, вышедшей из Ключни.

Зрелище глубокого унижения и нравственной порчи тогдашнего духовного и светского общества должно было сильно поразить душу настоятеля одного из ключнийских монастырей Петра Дамиани. Он неустанно писал проповеди и послания к различным лицам из всех слоев общества. Он вел переписку со многими первосвя-

¹ *P. Damiani*. I, 15; II, 6; V, 6, 13; VII, 2 и т.д. В превосходном сочинении *Laurent* (*Historie du droit des gens*, t. VI), собрана масса фактов в этом роде. Книга носит особое заглавие «*La papauté et l'empire*».

щенниками, язвил анти-пап, воодушевлял, ободрял и наставлял епископов, монахов, аббатов и светских владетельных лиц, взвешивал и поучал различные паствы, разъяснял догматы, выставлял на вид все бедствия церкви, старался всем внушить твердость духа, склонить к строгому благочинию. Письма Дамиани воспламеняли мистическим пылом самую глубину сердец, это был повелительный голос одного из тех отшельников, которые, подобно ветхозаветным пророкам, призывали к покаянию и, истязая свою плоть, первые подавали пример непорочной жизни и самого строгого воздержания. У Дамиани нет еще идеи преобладания духовной власти над светской, которую развил и осуществил его ученик Гильдебранд. Дамиани признает за обеими властями одинаковые права; он защищает их гармоническое сочетание, а не взаимную подчиненность. Как не должно быть двух государей в светской монархии, так не может быть и двух равных властителей в церкви¹. Определяя таким образом взаимные отношения светской и духовной власти, Петр Дамиани нападает главным образом на продажных прелатов, на симонию, подрывающую в корень нравственность духовенства. Он издевается над этими *князьями* (*principes*) *церкви*, щедро награждая их названиями льстецов, шутов, рабов и проч. Он осмеивает этих за деньги покупающих сан священства прелатов, издеваясь над ними в саркастических песнях. Раньше Гильдебранда из своей кельи он дает указания прелатам и влиятельным лицам, создавая план новой церковной реформы. Она развита в его великолепных письмах. Вот поучение одному епископу с идеями совершенно новыми:

Послания Дамиани

О прощении обид. «У некоторых возникает вопрос, должны ли церковные правители мстить за насилия, подобно светским людям. Они обыкновенно, как только им нанесено какое-нибудь оскорбление, сейчас же объявляют войну, снаряжают вооруженные отряды и стараются отомстить врагам в гораздо большей степени, чем сами потерпели. Мне кажутся явной несообразностью, с первого же взгляда, попытки священнослужителей стремиться к тому, что свойственно грубой толпе; в этом случае они на деле будут совершать то, что порицают на словах. Что может больше всего противоречить христианскому закону, как не чувство мес-

¹ *Damiani*. Epistola, VII, 3. Все письма помещены у *Migne*. Patrologia, t. 144.

ти, как не оплачивание обид? Где же, я спрашиваю, последование Св. Писанию? Исполняются ли этим слова Господа? Если нам заповедано не отнимать похищенного у нас, то как же возможно наносить раны из мести?.. Священнослужители, которые хотят быть великими в Царствии Небесном, должны идти впереди народа, освещая живым примером то, что проповедуют своим последователям. Мы находим в этом отношении поучение у евангелиста Луки. Жизнь Спасителя, разумеется, дана нам как образец подражания, и она не менее важна, чем евангельские поучения. А Он одолел все препоны разъярившегося мира не мщением безжалостной толпе, а неизмеримым величием ничем не сокрушимого терпения; этим он поучает равнодушно сносить мирское неистовство, а не укрощать его оружием и не отвечать на обиды притеснениями. Должно понимать, что власти духовная и светская имеют в своем распоряжении различные средства: король пользуется мирским, воинским оружием, а священник опоясывается духовным мечом слова Божия. О светском властителе апостол Павел сказал: «Он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое». (Рим XIII, 4). Царь Озия, присвоивший себе священнические обязанности, был наказан проказой (2 Пар XXVI); а если епископ возьмется за оружие, которое всецело принадлежит светским людям, тогда чего он заслуживает? Об этом я мог бы представить вам много примеров из жизни Св. отцов, но я уверен, что они вам известны лучше, чем мне. Какой унижительный стыд для церкви, когда она сама совершает то, что запрещает другим, и когда нападает на невинных с непримиримым гневом, проповедуя другим терпение и прощение! В законе Божиим не напрасно презирается тот священник, который, будучи удостоен места для проповеди откровения, оскорбляет Господа преступлением его закона. Если он делает одно, а учит другому, то этим смущает весьма многих к нарушению заповедей»¹.

О церковных имениях. По поводу церковных имуществ, которые считались по обычаю ленным достоянием епископов, он, в числе прочего, пишет другому прелату²: «Неужели ты не знаешь, что церковные имения собираются и приобретаются для того,

¹ *Damiani. Epistola, IV, 9, Migne, CXLIV, 313—315.*

² *Damiani. Epistola, IV, 12; там же, 323.*

чтобы можно было оказывать поддержку бедным, питать немощных, заботиться о вспомоществовании вдов и сирот?

Есть такие епископы, которые дарят своих людей светским владетельным лицам; они, без сомнения, не только весьма тяжко грешат, но и совершают святотатственный проступок, так как оскверняют святыню; тем же, у кого они как бы выпрашивают благосклонности, подносят смертельный яд. Иначе что такое десятинный сбор с монастырей в пользу светских владетелей, как не смертоносный плод, от которого они погибнут?».

О браках духовенства. Еще решительнее высказывается Дамиани о брачной жизни духовных лиц¹.

«Вы устанавливаете и защищаете право брачной жизни, — пишет Дамиани капелланам одного герцога, — для служителей св. алтаря... Но вот что гласит Св. Климент: «В служители церкви должны избираться такие лица, которые оставили своих жен еще до поощрения своего к исполнению божественных обязанностей. А если кто из них после посвящения опять будет разделять жизнь с женой, тот не может уже больше переступить порога храма, быть носителем священства, прикасаться к алтарю, быть участником совершения таинства и причастником тела Христова». На Никейском соборе постановлено было: «Мы разрешаем молодым членам клира брать себе жен, если пожелают, но только чтецам и певчим». На втором Карфагенском соборе сказано обо всех епископах: «Желательно, чтобы во всех и всеми, которые служат алтарю, сохранялась бы девственность». Папа Григорий I написал субдиакону Петру, в числе прочего, следующее: «Прежде субдиаконы всех церквей Сицилии удерживались от жизни с женами, по обычаю римской церкви, в продолжение трех лет». Мне кажется несообразным, чтобы лицо, не усвоившее привычки воздержания и не соблюдавшее прежде целомудрия, принуждалось бы разойтись с женой; через это для него возможно впасть еще в худшее, от чего Боже сохрани!

Лицам, которые не пожелали бы отказаться от жен после трехлетнего воздержания, следовало бы запретить вступать в священнический сан; никто не должен приступать к совершению таинства, если не будет засвидетельствовано его целомудрие. Папа Лев издал такой декрет: «Если одобрена брачная жизнь вне

¹ *Damiani. Epistola, V, 13; там же, 359—364.*

церковного мира, то в духовных сферах не должно позволять даже субдиаконам сожителства, так чтобы и те, у которых есть жены, жили бы так, как будто не имеют их, а у кого их нет, то оставались бы холостыми. Никто не должен удостаиваться священства ни в пресвитерском сане, ни в епископском, если он не даст слова в воздержании от брака. Мы постановляем, чтобы никто не смел преступать вышесказанного».

Папа Дамас говорит: «Разве не оскорбляют Св. Духа действующие против церковных правил даже по необходимости? А тем более те, которые совершают наглые поступки свободно или умышленно или входят в соглашения с намеревающимися сделать что-нибудь низкое. Подобное единомыслие составляет уже один из видов оскорбления Св. Духа, так как оно противоречит тем правилам и постановлениям, которые продиктованы Святым Духом». Итак, противящиеся нам своим противодействием оскорбляют Св. Духа, а хула на Него не простится ни в настоящем, ни в будущем. Женатым епископом называется обыкновенно тот, который имел жену еще до принятия епископского достоинства. Если его мы будем осуждать за прошлое, то в таком случае должно порицать и апостола Павла, о чем и говорить не подобает. Мы видели, что канонические законы уравнивают монахов и диаконов в преступлениях и наказаниях. Почему же они монахам не позволяют брачных уз, диаконам же предоставляют в этом случае свободу? Как же это равные во всем остаются неравными в сожительстве с женами? Необходимо постановить, чтобы или монахи (говорить-то грех!) вступали в брачные связи, или диаконы пусть воздерживаются от такого постыдного осквернения... непорочное целомудрие необходимо соблюдать всем, кто совершает или участвует при совершении таинства (*in custodienda perpetuae nuditia castitatis*).

О симонии. Симония, это ужасное зло тогдашнего духовного общества, нашла в кардинале самого энергичного противника.

«Вы говорите, — пишет он, — что никоим образом не относится ко греху Симоновой ереси тот поступок, если кто-либо получит путем покупки церковное владение, совершенно даром принимая рукоположение. Какой соблазн произошел бы в церкви, как далеко она удалилась бы от церковной дисциплины, если бы вдруг все решили, что не надо никаких толкований и разъяснений. Кто покупает церковь, тот при этом же получает и посвящение, так

как приводится к нему только через приобретение церкви. Ясно, что при покупке церкви он покупает и священство, без которого ему невозможно управлять церковью. Против этого вы возражаете, что инвеститура получается только на владение церковным имуществом, а не на духовный сан: получают-де церковные имения, а не удастаиваются божественной благодати через священство. Очевидно, что раздробляющий церковь подобным нечестным соображением и такой отвратительной хитростью делается еретиком за отделение церкви от ее доменов. Конечно, некоторые были людьми с чистой верой, но не были сведущими во всех подробностях святой католической веры; они разграничивали божескую и человеческую природу, так что признавали два существа: божеское и человеческое. Те же, которым дана возможность самоуглубляющимся умом проникать в тайну воплотившегося Слова, говорят другое; они утверждают, что оба естества сочетаются в нераздельном единстве; даже в смерти Христа не могло отделиться божество от плоти, ведь Бог не мог бы быть истинным, если бы во время смерти переставал быть ее Богом. Вы не разделяете Христа, а не боитесь делить его церковь, которая есть тело Его. Воины даже опасались разорвать одежды Его, а вы не страшитесь раздроблять Его церковь. Ведь вы домогаетесь церковных доходов не затем, конечно, чтобы достигнуть посвящения, а напротив, принимаете духовный сан для того, чтобы прочнее было ваше владение церковными имениями. Вы стремитесь не к тому, чтобы быть церковными священнослужителями, а всецело охвачены лишь желанием завладеть церковными имениями по какому-то еретическому праву. Все вы весьма близкие единомышленники действуете весьма единодушно, как во введении нового закона, противного Божьему завету, так и в распространении тезисов, несогласных с церковными постановлениями. Пророк последовательно перечислил нам тех, кто поступает так против Бога»¹.

Приведенные письма Дамиани показывают, что потребность нравственной реформы в римской церкви проникла в общественное сознание еще ранее Гильдебранда, бывшего в этом отношении последователем старого монаха, который отказался от всякой церковной карьеры, затворившись в своей келье. Он умер в

¹ *Damiani*. Epistola, V, 13; там же, с. 364—367. Все письма приведены мною в извлечениях.

тот год, когда Гильдебранд начал осуществлять эти самые идеи, облеченный всей силой высшей административной власти в римской церкви.

Ключинская школа, проводившая реформу, торжествовала. До сих пор ее представители только внушали. Теперь они могли приказывать. Один из ключинцев был избран на папский престол под именем Григория VII. От слов перешли к делу.

Заслуги Гильдербранда (1073—1085). История мало знает таких гениальных личностей, которые могли бы одолевать преграды на своем историческом пути одной силой своего творческого духа. К числу таковых принадлежал Гильдебранд, сын плотника из тосканского городка Савоны. Он с молодых лет почувствовал склонность к монашеской жизни. Такой человек, как Гильдебранд, способен был приступить к тяжкому делу с геройской отвагой. Он застал духовное и светское общество в полном падении, но оставил преобразованное духовенство, а с ним примеры нравственной крепости и живительной веры в добро для тех, кто стал бы искать новой жизни. Образец стойкости и удивительной энергии, он показал, какими силами оживляется дух человека, если он борется за идею. Григорий в беспощадной борьбе опирался на одну силу нравственного убеждения, всегда неподкупную. Каковы бы ни были его цели, какими бы средствами он ни достигал их, он заботился не о своих интересах.

В то время только одно безусловно христианское начало могло властвовать над обществом; лишь этот принцип мог быть руководителем. Он был уже не на месте, уже ненормален, например, в конце XIII в., когда развились другие институты, когда благотворные силы, силы порядка и мира заключались в коммунах, в королевской власти, в началах классического права, в преобладании экономических мотивов, наконец, в той образованности, которая уже стала заявлять себя замечательными памятниками. Обо всем этом не имеет понятия обширный период времени с IX по XI столетия, эти так называемые темные века. Этим периодом должен был заправлять другой принцип, который между прочим осуществлялся в стремлениях папской диктатуры, — такого рода власти, которая, может быть, только тогда и была необходима. Грабеж, варварство, разврат, вся грязь эпохи только и могла сдерживаться началом авторитета, опиравшегося на евангельские заветы, против которых разлагавшаяся жизнь не могла

выставить каких-либо других благотворных истин. Представлялись эти начала церковью, а так как в то время безначалия церковь необходимо требовала иерархии и верховенства, то выражать собою и проводить в жизнь эти правила должен был Рим; в этом историческая миссия пап. Но в том и было зло, что этому Риму никто не мог доверять, что Рим-то и был самым гнилым наростом, что в нем-то, как в зеркале, самым реальным образом отражались ужаснейшие сцены, когда-либо виденные людьми. Некоторые из пап были чудовищами в своем роде; об этих папах лучшие памятники эпохи приводят подлинные документы¹.

При таких условиях, как ни дурно было светское общество, оно стояло выше иных пап. Между тем владычествовать предстояло все-таки Риму, которому надлежало завоевать нравственное право на такое владычество. Человек, который будет в состоянии это сделать, заслужит исторической памяти. В этом-то и значение, и мировое место Григория VII. Гениальный первосвященник не ограничился удовлетворением только целей своего призвания; он направляет судьбы римской церкви в будущем; он собственно и есть творец этого величавого здания, именуемого католицизмом.

Его характеристика. Его жизнь и характер подверглись и подвергаются самым прихотливым и противоречивым суждениям; это общая участь великих людей. Современники, оставившие нам описание борьбы Григория VII и Генриха IV, держатся более стороны императорской. С первого взгляда это странно. Известно, что теологическое направление двигало литературу; ею занимались лица духовные, почти исключительно обладавшие грамотностью, а между тем в них-то дело Гильдебранда, дело церкви не находит сочувствия. Разгадка в том, что не было у тогдашнего западного духовенства ничего общего с церковью, что Григорию всю жизнь довелось бороться с духовенством, в лагере которого он не имел верных поборников. Он был аскет, жизнь не дала ему ничего радостного, кроме веры в правоту своего дела, а может быть, даже поколебала в нем убеждение в торжестве истины. Его образ представляется истории всегда страдальческим, каким был он в последние годы, а между тем натура его была из тех, страстность которых не может удовлетворяться долей успеха,

¹ Например, сцена суда 6 ноября 867 г. над Иоанном XII у *Лиутпранда* (*De rebus gestis Ottonis I*, с. 10—11, *Pertz*, V, 343).

требуя непременно всецелого торжества. Ему видно было только, как жизнь общества летела в вакхических порывах, как все опасались с исходом XI столетия конца мира, как все, не оглядываясь, спешили полностью насладиться жизнью¹.

Несомненно, что Гильдебранд был врагом государственного идеала; что он хотел создать великую теократическую монархию, достигнуть которой его преемники могли только в форме верховного надзора над отдельными европейскими государствами. Но, хотя бы это было справедливо, то не в том заслуга Григория; в этом смысле его планы витали в области величавых утопий, хотя редко кто являлся на историческую арену с такими грандиозными

¹ Убедительные факты за Григория приводит ирландский монах *Мариан* (*Marianus Scotus. Chronicon ab orbe condito usque ad a. 1082*), но он равнодушен к личности папы. Если Бруно из Магдебурга («*De bello saxonicо*»), враг императора, то не следует думать, что тем он уже сочувствует реформе Гильдебранда; Генриха он ненавидит, как саксонец, но ему мало дела до его великого соперника. Прочие же летописцы: *Адам Бременский*, *Ламберт* из Ашаффенбурга, священник *Бенно*, епископ *Отберт*, — враги реформы, именно потому, что были церковники. Вообще надо быть весьма осторожным в суде над этой борьбой; недаром вопрос о ней считается одним из труднейших вопросов науки. Хронист *Бернольди* и кардинал *Петр Дамиани* лучше всех поняли дело Григория. В письмах Дамиани осталась лучшая характеристика Гильдебранда; по ней можно судить, насколько возвышался над современностью Григорий; его личность казалась кардиналу демонической; он не мог относиться к ней спокойно; он и безумно любил ее, и страшно боялся; папу он называет *hostilis amicus* — друг и враг. Так страшен был Григорий даже друзьям своим; такое богатство сил отличало его. Протестантские писатели могли его ненавидеть, но нельзя сказать, чтобы они не отдавали ему должного; тут было подавляющее величие, побуждавшее иногда и их к увлечению, хотя оно не производило действия на философию XVIII в. Его выходки и цели именовали безумными, а обращение с Генрихом имперские историки объясняли диким деспотизмом и нарушением всякого права (*Royueck, Allg. Gesch.*). См. также капитальный, хотя и пристрастный труд *Гфререра*, важный вообще для истории католицизма, «*Papst Gregorius VII und sein Zeitalter*» в 7 томах 1857—1861 г. Сочинения: *Laurent*. «*La papauté et l'empire*», 1860 и *Lanfrey*. «*Hist. politique des papes*», 1860, точно и довольно беспристрастно оценили и выяснили эту деятельность с ее задачами и средствами.

замыслами, редко кто был способен к осуществлению самых смелых мечтаний. Аскет в римском монастыре, ученый среди ключенских иноков, дипломат среди германских епископов и придворных императора, он принес с собой в совет римской курии тонкий государственный ум итальянца с холодной расчетливостью и упорной стойкостью северного человека. Как архидиакон, он задолго до своего избрания двигал важнейшими политическими событиями времени, заправляя папскими делами. Его способности, удивительно разнообразные, давали ему возможность пользоваться всеми средствами; вот почему он был в одно время и дипломатом, и мистиком, и фанатиком; он был то безжалостным, то кротким; в этом богатстве сторон характера он не имеет себе равных. Это было удивительное сочетание свойств политика и аскета. Но при всем том, повторяем, осуществление идеала теократической монархии было не в его власти; не с этой стороны надо определять его место в истории. Действительные услуги он принес обществу утверждением независимости церкви, а содействовал тому он *уничтожением инвеституры*, этого «права облечения», присвоенного императорской властью для утверждения на церковные должности настоятелей и епископов, как поземельных собственников. Началась страшная борьба; сам папа не видел полного торжества исповедуемых им идей, но он сознавал, умирая, что если правда еще живет, то католичество может существовать лишь на новых началах. Эти начала вносили крутую реформу; что она была благотворна, сознавали немногие из современников. Подтверждением того, что ближайшие его цели были переходом к высшей, политической, служит его взгляд на поземельную собственность духовенства, которую он считал необходимой принадлежностью церковного властительства. Григорий не сделал в этом отношении того, о чем после думал Пасхалий II. С того часа, когда церковь отказывалась от своих земель, светская власть не имела бы причины продолжать с ней борьбу; вопрос инвеституры тогда уже не существовал бы; папство не навлекло бы на себя тех упреков, которые лежат на его памяти. На эту меру, достойную гиганта, решился слабый Пасхалий II (1099—1118), указывавший на несправедливое занятие духовных мирскими делами и посягнувший на отнятие церковной недвижимости. Понятно, что одна мысль об этом способна была возбудить волнение, лишь только была заявлена. Не то было бы,

если бы Григорий VII поднял ее на свои плечи, включил бы ее в свою программу. Даже не осуществленная им, она освятилась бы его авторитетом; из его программы она перешла бы в заветы папства, как перешли его понятия об инвеституре, симонии, безбрачии. Вот за что Гильдебранд заслуживает укора, если только позволено предоставить столь широкие права историческому суду. У него не было личного эгоизма, но был эгоизм преданий, говорит Ланфре, эгоизм сословный. За эти интересы готовилась валовая борьба двух громадных лагерей; шло дело в сущности из-за преобладания светской или духовной силы. Не следует думать, чтобы Григорий вносил в борьбу аскетическое начало; на его стороне был прогресс нравственных начал, как вообще среди церкви до второй четверти XIII столетия. Вопрос о торжестве принципа нравственной чистоты духовенства и всего общества был поставлен достойно, чтобы служить предметом для открытия борьбы; являясь его борцом, Гильдебранд был представителем высокой идеи; из мистика он делался фанатиком, но фанатиком великой души¹. Его цели были искренни; он смело поставил их, а с ними ставилось многое.

Призванием Григория было сокрушить светскую власть, потому что иначе не могла существовать независимость духовной, а преобладания последней в то время, когда не было никакой сдержки для общества, требовали самые условия жизни. Об этом мечтали лучшие люди времени. Мы привели письма кардинала Петра Дамиани. Престарелый монах стоял во главе этой партии реформы. Его голос был слышен везде. Ему вторили: Бруно, архиепископ Кельнский, Одилон, аббат Ключийский, Адальберт Магдебургский и Герберт, архиепископ Реймский. В аббатстве Ключи, в Бургундии, и в других монастырях этого ордена такой принцип передавался преемственно среди ключийских монахов. Там укрепился и Гильдебранд в своих мыслях. Но когда наступил решительный час для начала дела, тайный страх запал в душу Григория. «Я выступил в море, и бури меня охватили, — писал он в одном письме. — Страх и трепет овладевают душой»².

Запрещение браков для черного и белого духовенства. Предстояло совершить целую общественную революцию. Внешняя

¹ *Lanfrey. Hist. politique des papes*, 131.

² *Gregorii VII. Epistola*, II, 9, *Migne*, CXLVIII, 369.

борьба с императором не была так опасна, как внутренняя борьба римской курии с духовенством. В борьбе со светской властью за папу была большая половина феодалов Западной Европы. Здесь же ему приходилось бороться против заинтересованного духовенства. Уничтожить браки следовало прежде всего; ими христианская администрация приравнивалась к греческой, духовенство становилось как бы кастой и, что важнее всего, подчинялось светской власти. «Жизнь священника, — провозглашал Григорий, — должна быть рядом подвигов и самоотвержения; чувственности в ней нет места». И это он решился сказать духовенству, утопавшему в сладострастии.

Понятно, что духовные назвали эту затею ересью, а те, которые решились исполнить папский указ, едва спасались от ярости прочих. Во Франции духовные созывали соборы, на которых говорили, что декрет папы противен вере, природе и разуму. Людей, державшихся его, били и варварски терзали. Но Григорий достиг своей цели; он вооружил народ против женатых. «Я проклинаю всех, противящихся моему декрету, — писал он. — Благословение женатых да обратится в проклятие, их молитва в грех». Народ подчинился воле папы. Он стал прогонять женатых священников: их били, уродовали, убивали. Это была горькая и дикая расправа. Так обращаются к страстям толпы все революционеры, чтобы достичь своих целей и упрочить свою власть. Так действовали Марий, Гракхи, Кромвель. Всякое сопротивление было бессильно. Реформа совершилась; основной принцип нравственной чистоты осуществился. В 1075 г. Григорием был издан знаменитый декрет против светской инвеституры.

Гильдебранд, заведовавший делами своих предшественников — Виктора II (1055—1057), Стефана IX (1057—1059), Николая II (1059—1061) и Александра II (1061—1073), давно уже задумал уничтожить инвеституру. Декрет против инвеституры был строго подтвержден на соборе 1078 г. каноническим образом в следующих словах: «Так как дошло до нашего сведения, что, при поставлении священников, во многих местах светскими людьми производится инвеститура духовных и делаются в церквах большие беспорядки, оскорбляющие христианскую веру, то мы постановляем, чтобы никто из духовных не принимал инвеституры на епископство или аббатство из рук короля, императора или другого светского лица обоего пола». Благодаря инвеституре развивалась

губительным образом и симония, но для уничтожения ее надо было уничтожить корень зла, т. е. инвеституру. «Это не мною выдуманно, — говорил Григорий, — я ничего не хочу нового».

Борьба за инвеституру. А между тем эта мысль стоила Европе двухсотлетней войны. Инвеституру, а следовательно, и симонию, поддерживали короли и верховная светская власть императора. С последним и началась знаменитая борьба. Это была борьба духа и грубой силы. В ней проявились необыкновенные способности Гильдебранда, который всегда предпочитал логике оружия логику нравственных убеждений, пока это было возможно. Конечно, он прибегал ко всем средствам, ибо физической силы он, как первосвященник, не мог употребить. Теорию владычества духовной власти над светской Григорий выводил из господства духа над телом, царства небесного над царством земным.

В этом отношении знаменитый папа имел достойного предшественника в том же единомышленнике, Петре Дамиани, который в своих посланиях разработал этот интересней вопрос настолько, что Гильдебранду оставалось только повторять его. Указав на ряд примеров из Св. Писания о преимуществах духовной власти перед светской, Дамиани писал молодому императору Генриху IV¹:

«Умоляю тебя, всемилостивейший государь, прими во внимание указанные выше примеры и отврати лицо твое от дурных советников; закрой себе уши от ядовитого шипения этих змей, возбуди духовную силу в юношеском теле твоем и протяни руку помощи споткнувшейся матери твоей — римской церкви. Ведь Октавий Август хвалился некогда, что он нашел Рим кирпичным, а оставил его каменным; следует, чтобы и о тебе могли сказать: юноша нашел церковь в упадке и, прежде чем достиг зрелого возраста, успел привести ее в прежнее положение; это будет несравненно славнее и благороднее дел Августа. Тогда народ мог бы сказать о тебе то же, что об одном благочестивом человеке: «О, если бы он или не рождался, или не умирал».

Достоинство царской и духовной власти нераздельно связывается как истинным единым освящением во Христе, так взаимно скрепляется союзом в христианском народе. Одно нуждается в помощи другого; духовный сан и звание прикрывается королев-

² *Damiani. Epistola, VII, 3. Migne, CXLV, 439—440.*

ской защитой, а светская власть зиждется на первосвященническом освящении. Император опоясывается мечом, чтобы биться храбро с врагами церкви; духовенство неустанно возносит моления, чтобы умиловить Бога за царя и народ. Первый на чаше весов правосудия должен оценивать земные поступки; долг второго проповедью доставлять жаждущим источник небесного утешения. Светская власть установлена для того, чтобы удерживать людей законным преследованием от преступных и вредных для общества поступков. Духовный же чин учрежден для дел другого свойства; папа, получением от Бога ключей от небесной церкви, призван Творцом у одних возбуждать энергию к деятельности в канонической сфере, а других разрешать от грехов по кротости и божественному человеколюбию».

Здесь раздел властей, духовной и светской, исходит из совершенно нормальных условий. В доводах кардинала не слышны те энергичные и резкие звуки, которые скоро раздадутся в Риме.

О том же, уже несколько иначе, кардинал Дамиани пишет, между прочим, следующее к Цинцию, префекту Рима¹:

«Всякий, кто тщательно будет вникать в откровение, найдет там одно явление из жизни нашего Искупителя; оно ярко блистает, подобно свету звезды, хотя и не выражено словами. Что такое предназначено в ангеле, явившемся в сиянии возвестить рождение Господа? Конечно, здесь указывается на благовестителя двойного благоволения; он преисполнен и силой наставления, и блеском святой веры.

Кто иной должен подразумеваться под звездой, явившейся при рождении Иисуса, если не первосвяtitель церковной благочестивой жизни; он может быть и не очень богат способностью самоизливающегося красноречия, но своими славными подвигами светит, подобно звездным лучам; если он не может наставлять поучениями, так может укреплять живым примером подвижничества. Первосвяtitенник вселенской церкви — это небеса, возвещающие славу Божию. Потому папа, взявший на себя обязанность проповедничества, дождем проливающий духовное учение, сияющий лучами религиозной жизни, — подобно ангелу, явившемуся пастухам во всем своем блеске, — изъяснял бы проповедью то, о чем он назначен благовествовать...»

¹ *Damiani. Epistola, VII, 1. Migne, CXLIV, 462.*

Доводы Григория VII за папскую гегемонию. Дамиани в этих письмах держался всех тонкостей схоластики: казуистикой он проводил свою мысль через все препятствия, по всем ступеням. Этой же казуистики держится Григорий VII в своих посланиях; но слова его более решительные и желания более смелые; сознание безусловного превосходства духовной власти слышно в каждом звуке горделивой папской речи. «Если мы почитаем, — пишет Гильдебранд, — наших матерей и отцов по плоти, то не должны ли мы тем более почитать отцов духовных? И если тот, кто проклинает своего плотского отца или мать, заслуживает смерти, то чего заслуживает проклинающий своего духовного отца?»... «Если ли на земле такой властитель, который своим словом претворил бы хлеб и вино в тело и кровь Христову? Могут ли земные владыки вязать и решать на небе и на земле? Все это преимущество папской власти; отсюда превосходство оной. Когда все обращено на земле, когда никто не знает Бога, то может ли это достоинство не подчиниться другой власти, установленной самим Богом для славы имени Его и данной миру по Божьему милосердию. Если мы рассмотрим всю историю от начала веков до наших дней, то не найдем ни одного короля и императора, который сравнялся бы в своих подвигах с одним из святых, презревших мир. Что значит величие императора в сравнении с величием Св. Антония или Св. Бенедикта — величием нетленным? Мирская слава ничтожна перед вечным спасением».

Во всей этой аргументации тогда было легко опираться на известное отношение духовной природы к телесной, отношение неба к земле; надо заметить, что все эти доводы не были тогда избиты, а отличались новизной. Григорий ссылается еще на место Св. Августина из его сочинения «*De dignitate sacerdotale*»: «Царство вечной свободы будет следовать за этим раболопным и скоропреходящим земным царствованием. Всякая светская власть, которой поклоняются рабы, сравнительно с пастырями церкви то же, что олово перед золотом. Уже Константин признавал эту истину; на соборе в Никее он занимал место позади всех епископов. Он, повелевая почти всем светом, называл епископов богами, почитал их, понимая, что они могут не подчиняться его велениям». Эти толкования исторически неверны и отличаются натяжками. Папа Геласий (493—496), приводит Гильдебранд другой пример, писал восточному императору Анастасию, что тот зависит от суда духовной власти,

хотя отнюдь не может управлять ею по своей воле. «Тот же папа высказал ту великую истину, — продолжает убеждать Григорий VII, — что две верховные власти управляют миром: власть епископа и власть царя, но первая из них важнее, потому что на суде Божиим должна отдать отчет за земных владык». Наконец и сам Григорий раздражается своей аргументацией в классической форме; в письме к Вильгельму Завоевателю он пишет: «Мир физический освещается двумя светилами: солнцем и луной; более значительным представляется солнце, менее значительным — луна. В нравственном порядке вещей папа изображает собой солнце, король занимает место луны». По той же теории сами императоры, а не только крупные феодалы считаются «людьми» папы в средневековом значении этого слова. Папа — сюзерен; все светские владыки его — слуги и обязаны ему общей верностью за землю. Несомненно, все это было выгодно для демократических интересов.

В начатой борьбе папа потому имел успех, что вел за собой массу народа; он был демократ, более смелый, чем кто-либо в то время.

Из действий Григория нельзя не видеть, что он стремится создать теократический цезаризм. *De facto* было заявлено, что все земли, могущие быть приобретены впредь от язычников или неверных, будут принадлежать папе. Поэтому все христианские приобретения в Испании от мавров, так же как и приобретения от славян и финнов, должны делаться для выгод папы. Отсюда обычай давать дань папам. Папские легаты еще в конце XI в. начинают играть коронами. Владетель Далмации получил заочное благословение от папы и как залог власти Св. Петра получил меч и знамя. Граф Прованса делается клиентом папы. Вот что пишет Григорий VII нашему Изяславу Ярославичу (в крещении Димитрию 1054—1077), *regi Russurum*¹, 15 мая 1075 г.: «Сын ваш, посетив святые места Рима, смиренно молил нас, чтобы мы властью Св. Петра утвердили его на княжении; он дал присягу быть верным главе Апостолов. Мы исполнили сию благую волю, согласную с вашей, как он свидетельствует; мы поручили ему кормило государства Российского именем Верховного Апостола² с

¹ *Gregorii VII. Epistola, VII, 26, Migne, CXLVIII, 569.*

² Королю Руси. Строго говоря, Изяслав формально не являлся королем, а был только великим князем, что на Западе соответствует титулу герцога. — *Прим. ред.*

тем намерением и желанием, чтобы Св. Петр сохранил ваше здравие, княжение и благое достояние до кончины живота и сделал вас сопричастником славы вечной». Письмо к королю Польскому Болеславу II еще более резко¹. Григорий VII предписывает ему, как устроить церковь в государстве, велит ему возратить сокровища, отнятые им у русского великого князя Димитрия (т. е. Изяслава). «Эти предписания делаются нами с тем, чтобы Св. Апостол Петр сохранил ваше достояние до кончины живота и сделал бы нас причастником славы вечной». Видно, как папа умеет обращаться с каждым: одному он приказывает, другого просит, третьего убеждает, четвертому обещает свои услуги. Но из сущности своих идей он не уступает ничего. Напротив, под конец весь христианский мир объявляется феодем папским. Тогда открылась борьба папы с императором Генрихом IV.

Борьба с Генрихом IV. Эта борьба с самым могущественным соперником имела существенное значение и для Гильдебранда, и для истории вообще. Эта борьба начинается с первых лет папствования Григория. Саксонские дела послужили к тому предлогом. Саксонцы принесли в Рим жалобу на императора за то, что тот держит в заключении их князей. Григорий воспользовался этим случаем и потребовал от Генриха объяснения, объявив, что если он этого не сделает, то будет проклят и отлучен от церкви. Такая расправа с сильнейшим государем Европы была встречена повсюду с недоумением. Генрих приказал на соборе в Вормсе отлучить самого папу; в послании по этому поводу от короля «изволением Божиим» — Гильдебранду, не папе, а лживому монаху, он пишет: «Ты заслужил это порицание за то, что смутил всех членов церкви. Ты обходишься с правителями святой церкви как с рабами, которые не знают, что делает их господин. Тем самым ты стараешься снискать похвалы от подлой черни. Ты возвысился хитростью и обманом. Золотом ты стяжал милости и власть; насильем ты вступил на престол, возбуждая народ. Истинный папа Св. Петр сам говорил: «Бога бойтесь, царя чтите». Не зная страха Божия, ты не чтешь и меня, Богом поставленного. За все это, по суду нашему и всех епископов, ты должен быть отлучен. Место Св. Петра не должен занимать человек с божественным словом на устах и с высокомерием в сердце». В ответ на это папа

¹ *Gregorii VII. Epistola, VII, 2. Migne, CXLVIII, 424.*

не замедлил с не менее резкой мерой: «Мы предаем проклятию императорского сына, Генриха, восставшего против церкви с неслыханным высокомерием. Да познают все народы, что Св. Петр есть камень, на котором сын Божий утвердил святую церковь».

Отлучение Генриха IV и Каносса. Это отлучение произвело страшное действие. Отлучения прежних пап игнорировались, потому что мало кто обращал внимания на этих хилых, развратных носителей тиары. Теперь было не то. Теперь проклятие шло от человека, который заручился громадным авторитетом в массах. Грозный приговор папы лег на Генриха, к удивлению его самого, тяжким камнем. От него отвернулись все, не только чернь, но и герцоги и города. Папские легаты открыто вели свою пропаганду. Они отвратили от короля большую часть Германии, так что король должен был смириться и просить год, чтобы обдумать свое положение. Между тем указывали на швабского герцога Рудольфа, как на нового короля. Скоро появился новый кандидат Генрих Распе. Все это приводило императора в отчаяние.

Ожидали самого папу в Аугсбурге на имперский сейм для разбора императорского дела. Григорий собрался и выехал из Рима осенью 1076 г., но дорогой, в Тосканских пределах, узнал, что сам Генрих спешит с войском в Рим. Это его удивило; впрочем, слухи оказались ложны. Однако папа свернул с дороги и остановился в Каноссе, в замке графини Матильды, владельницы Тосканской марки, которая была замужем за герцогом Нижней Лотарингии, но не жила с мужем. Супруги держались разных политических убеждений. Муж был на стороне императора, Матильда была страстная сторонница папы. Григорий был предметом ее платонического поклонения. В Каноссе не знали, что император решился покориться. Не дождавшись условленного срока и боясь присутствия папы среди герцогов и князей, Генрих оставил Германию с женой и одним вассалом; он решился личным свиданием покончить ссору с папой, чтобы только удержать за собой престол.

Была суровая зима, когда Генрих предпринял с небольшой свитой путешествие в Италию через Мон-Сенис. От него, как от отверженного, все устранились; дорогой путники обносили съ и обнищали: им приходилось просить милостыню. Кое-как добрались они до Мон-Сениса. Через эту гору Генрих хотел выйти в Ломбардию.

Переход в снежных горах был труден и чрезвычайно опасен; однажды император едва не лишился жизни. Когда путники спустились в Ломбардию, то были удивлены сочувственной встречей, которую им устроили. Здесь не любили Григория, преимущественно среди высшего духовенства; епископы находились здесь под проклятием. С некоторой решимостью Генрих мог бы поднять эту страну и, собрав вокруг себя приверженцев, устрашить папу. Но он ослаб духом и телом; так напугало его общее отвержение в Германии.

Теперь он шел покориться и вымолить себе прощение. Не принимая услуг, предлагаемых ему ломбардскими сеньорами, он направился в Каноссу. Был январь; настала зима, редкая в тех местах. Генрих прибыл в замок, но папа заставил его долго ждать. С трудом Матильда уговорила папу принять короля. Здесь Генрих простоял три дня во дворе в одежде кающегося, в одной рубашке, без обуви, не принимая пищи, и, как обыкновенный грешник, просил папу о разрешении. Наконец, сжалившись над унижением короля, папа пригласил его к себе, освободил от проклятия, но обязал явиться в Рим по первому требованию. До произнесения окончательного решения Генрих не мог пользоваться королевской властью и почестями.

Когда он, опозоренный и униженный, возвращался назад в Ломбардию, то раскаялся, что не воспользовался раньше расположенными к нему ломбардскими силами. По возвращении домой, в Германию, Генрих застал другого короля, Рудольфа Швабского. Началась трехлетняя междоусобная война. Папа мог бы признать Рудольфа, но в его практических расчетах было ослабить обоих соперников. Папские легаты не высказывались открыто ни в пользу того, ни другого: «Они носились от Рудольфа к Генриху, — говорит Бруно, — обнадеживая обоих и, по обычаю римлян, набивая себе карманы деньгами». Когда же Генрих был разбит под Мюльгаузеном, папа решился поддержать Рудольфа и послал ему корону с надписью: *Petris dedit Petro, Petris diadema Rudolrho*. Затем, в силу того, что Генрих, вопреки обещанию, поднял оружие без одобрения папы, Григорий предал его вторичному проклятию.

Временная удача императора. Тогда Генрих, собрав собор в Майнце, повторил низложение Григория, в присутствии девятнадцати епископов, к которым затем в Бриксене присоединилось

еще тридцать итальянских епископов. Здесь избрали папой на место Григория архиепископа Гвиберта Равеннского, под именем Климента III. Таким образом, явилось два короля и два папы. После битвы под Цейцем (на месте славянских Жицей) Рудольф умер от раны, которую, как говорят, нанес ему Готфрид Бульойнский, рыцарь из Нижней Лотарингии. Генрих, хотя был разбит, но чувствовал себя счастливым; он передал Швабию зятю, мужу Агнессы, Фридриху, который перенес свою резиденцию, находившуюся сперва у подножия горы Штауфен, на вершину этой горы и прозвал свой замок Гогенштауфеном. Отсюда ведет свое начало знаменитый дом, будущая императорская династия. После смерти Фридриха Агнесса была выдана за австрийского маркграфа Леопольда (из Бабенбергеров). Император, таким образом, вступил в родство с владельцами двух обширных областей. Благодаря Агнессе Генрих заключил мир с Швабией и Австрийской маркой; он приобрел себе в них союзников. Больше Генриху не к кому было обратиться. Тем не менее в 1081 г. он мог повести на Рим значительное войско; он думал сокрушить Григория силой, но ошибся. Три года немцы вместе с римлянами осаждали замок Св. Ангела, где заперся папа, отказываясь от всяких переговоров с отлученным королем. Тогда немцы провозгласили Григория VII низложенным. Вместо него под императорским давлением был избран конклавом Виктор III. Генрих IV должен был войти в соглашение с новым папой, который, наконец, в 1084 г. короновал его императорской короной. Более Генриху не суждено было видаться с Григорием, которого продолжали осаждать в замке сами римляне. Сицилийский герцог из норманнов, Робер Гвискар, пришел спасти Григория; он взял Рим, сжег значительную, опустелую и обезлюдившую с тех пор часть столицы, пригласил папу с собой в Салерно, где знаменитый деятель жил под защитой норманнских щитов.

В годы своего унижения Гильдебранд не чувствовал себя побежденным. Григорий не думал о примирении; он хотел выиграть дело полностью, хотел увидеть у ног своих императора, хотел навсегда уничтожить в духовенстве браки и симонию. Умирая, он оставался тем же гордым, решительным, неукротимым. Этот невзрачный, черный человек, с резкими чертами лица, угрюмый, был таким же обаятельным в последние дни, как всегда. Современники, в том числе и духовные, полагали, что Григорий действу-

ет не иначе, как в союзе с дьяволом. Лично папа был побежден, но он уносил с собой горделивое сознание в том, что его дело восторжествовало. Потому-то, предвидя торжество папства в будущем, он завещал назвать своего преемника Виктором, указывая при этом на аббата Монтекассинского монастыря, Дезидерия. Умирая, Григорий простил всех своих личных врагов и снял с них проклятие, но не простил врагов церкви, не простил врагов того дела, на которое он положил богатые силы своего духа. Находясь под могучим покровительством герцога Робера, дикое зверство которого не раз приходилось укрощать Григорию, папа созвал собор в Салерно. Здесь он наложил новое проклятие на императора и смело послал особого нунция, епископа Оттона в Германию, чтоб поставить об этом в известность всю империю. В январе 1085 г. папа заболел от постоянных тревог и волнений. Видимо, силы его слабели. Чувствуя приближение смерти, он старался внушить окружающим ту бодрость духа, которая никогда не покидала его и которая теперь была еще сильнее. Он говорил им о необходимости стоять за идею чести и долга. Этот долг он видел в борьбе за высшие интересы нравственности и религии.

Было воскресенье 25 мая 1085 г., день, празднуемый и поныне католической церковью, когда в Салерно умирал Григорий. Его окружал тесный кружок фанатически преданных ему людей. Кидая на них угасавшие взоры, он закончил свою жизнь следующими словами: «Я любил правду и ненавидел несправедливость, а потому умираю в изгнании (*dilexi justitiam, odi iniquitatem, propterea morior in exilio*)».

В этих словах была сказана целая жизнь его.

— Папа не может быть изгнан; вся земля его наследие, — слышался чей-то голос.

Григорий уже не слышал этих слов; он был мертв. Так жил и умер «святой сатана»¹, как прозвали великого человека смутно боявшиеся его современники.

2. 3. ПРЕЕМНИКИ ГИЛЬДЕБРАНДА ДО ВОРМСКОГО КОНКОРДАТА

Преемники Григория VII (1086—1125). Преемники Гильдебранда неуклонно держались его завета; они продолжали борьбу, даже тогда когда все было против успехов римского дела. Мате-

¹ *Damiani. Epistola, I, 16. Migne, CXLIV, 236.*

риальная сила была на стороне императоров. Папы могли опираться только на силу общественного мнения. Им часто приходилось защищать свое существование, потому что внутренний враг восставал против них в стенах Рима.

В эти трудные годы только солидарность с обществом могла внушить им ту непреклонность, то сознание высоты дела, которые они обнаружили. Особенно способных людей между ними не было. Это были: Виктор III (1086—1088), Урбан II (1088—1099), Пасхалий II (1099—1118), Геласий II (1118—1119), Каллист II (1119—1124). Всех их не покидало убеждение не только в правоте, но и в святости их дела. Оно и давало им силы на борьбу. Виктор III и вообще три первых преемника Гильдебранда прекрасно знали дух Григория и его замыслы, потому что пользовались его расположением.

Бессильные в своей столице, эти папы буллами, писанными иногда в изгнании, влияют на весь Запад. Испытывая ряд неудач, они остаются такими же непреклонными, и это геройство увлекает других. Виктор III имел случай собрать духовенство на собор в Беневенто (1087) и здесь еще раз отлучил Генриха IV. Отлучение в своей формуле было тождественно тому, которое произнес Григорий, но выражено более резко. Всякое духовное лицо, позволившее инвестироваться от руки мирянина, отлучалось от церкви, исторгалось из общества епископов и священников. То же относилось и к низшим духовным должностям. Все, посвященные рукою мирянина, отлучались от церкви. «Если, — говорится в булле, — какой-нибудь император, король или герцог, маркиз или граф или другое светское лицо осмелится дать инвеституру на какое-нибудь духовное звание, то подлежит отлучению». Присутствие при молитве симонистов навлекает отлучение, так как нельзя на них смотреть как на законных пастырей. Между тем как Генрих IV торжествовал, а его клиенты владели Римом, папа Урбан II спешит освятить свое дело именем Гильдебранда: «Я отвергаю то, что отвергал он, осуждаю то, что он осуждал, хочу того же, чего он хотел. Его помыслы и взгляды будут моими». Стойкость Урбана дает ему возможность поддержать римский авторитет перед Филиппом I французским и Вильгельмом II английским.

Величайшее событие средневековой истории, крестовое движение, сделало законного папу вождем взволновавшегося Запада. Это движение дало Урбану огромное влияние на Европу и

причинило несчастья императору. От императора отпала Ломбардия; Майнцский архиепископ, авторитетом которого держалась императорская партия, признал Урбана. Вообще Генрих IV не успел восторжествовать после кончины Гильдебранда. Тень знаменитого первосвященника как будто грозила франконцу и из могилы посылала несчастья. Казалось, он мог отдохнуть за несколько лет после смерти своего врага, но события сложились иначе. Германия была ввергнута в междоусобицы. Вся Европа готовилась в крестовым походам, но Германии было не до них. Папы торжествовали; несчастья императора были результатом той решительной политики, которой упорно держался Гильдебранд.

После Генриха Распе и Рудольфа явились новые антиимператоры: Генрих Люксембургский, Экберт Тюрингский, но они не были настойчивы. Первый впоследствии сам отказался от своих прав на престол; другой, Экберт, был убит. Саксонцы, наконец, покорились Генриху, надеясь, что несчастья сделают его менее жестоким.

Восстание сыновей против Генриха IV. Разбитый душевно и телесно, Генрих думал провести спокойно остаток своей жизни, но вдруг встретил врагов там, где меньше всего мог ожидать их, — в своих детях, Конраде и Генрихе. Конрад на протяжении восьми лет, до самой своей смерти, был на стороне врагов отца, а когда он умер, то в ряды врагов отца вступил любимый сын его Генрих, заявивший что церковное проклятие не позволяет ему поддерживать отца. Чего хитрец не мог достигнуть силой, он достиг обманом. После притворного примирения со стариком в 1005 г., Генрих вероломно напал на отца, захватил в плен и вырвал у него императорские регалии. Потом он в Майнце был объявлен императором под именем Генриха V. Униженный, низложенный Генрих IV пытался вступить в борьбу с сыном. Старик убежал в Люттих. Люттихский архиепископ, соединившись с Лотарингским герцогом, разбил Генриха V, но бывший император не успел воспользоваться плодами победы. Он умер в Люттихе в августе 1106 г.

Местный епископ похоронил его здесь, но труп был вырыт и привезен в Шпейер, где пять лет оставался без погребения в одной капелле. Этим папство мстило врагу Гильдебранда.

Император Генрих V (1106—1125). Но в Генрихе V папы нашли еще более решительного соперника. Молодой император

ни во что считал клятву, данную папе. Он не был способен добровольно отказаться от светской инвеституры. Начиналась новая борьба. Партии скомбинировались отчетливым образом. На стороне императора стали родственники его Гогенштауфены; к папе примкнули феодалы. Борьба не имела, впрочем, сначала острого характера. Генрих хотел вступить в дружеские отношения с Пасхалием. Папа созвал собор в 1106 г. в Гвастале, на который явилась Тосканская графиня Матильда, горячая поклонница Гильдебранда, и множество светских и духовных лиц, собравшихся из разных земель. Антипапа умер. Генрих V миром хотел ознаменовать начало правления.

В свою очередь Рим также хотел мира. В знак снисходительности папа положил признать епископов, получивших свой сан от императора, но изъявивших покорность. Касательно инвеституры уступок быть не могло.

Не решаясь уладить дело личными переговорами в Германии, папа искал опоры во Франции. Но союз с Францией никак не мог устроиться, потому что ее королей сам Гильдебранд считал во главе симонистов; по тому поводу между Францией и папой давно были недоразумения¹. Чтобы оградить права церкви, папа созвал собор в Труа. Здесь в мае 1107 г. было постановлено, что если кто примет инвеституру на церковную должность от светского лица, то принявший, равно как и рукоположившие, лишаются сана и отлучаются от церкви. Священников женатых и находящихся в непозволительных связях (*de uxoratis, concubinatis*) постановлено было лишать навсегда сана. Присвоивший себе имя священника не по праву, отлучается. Принявший в дар, в виде пребенды, приход, монастырь или что другое, извергается из церкви и лишается общения.

Все это, конечно, не располагало к примирению. Не надеясь на успех личных переговоров, Генрих V отправил к папе Кельнского архиепископа Фридриха и Трирского Бруно с предложением мирных условий. Король изъявил желание сообразоваться с пользой церкви и желаниями папы, если эти желания будут согласны с справедливостью. Вопрос об инвеституре был, конечно, на первом плане.

Идеи папы Пасхалия II (1099—1118). Как раз в это время и возникла у Пасхалия II мысль об отчуждении государственных

¹ *Suggerius. Vita Ludovici Grossi*, II, 9.

имущества от духовных. Это предложено было в виде опыта немецкой и итальянской церкви. Немецкая церковь за право инвеституры должна была возратить государству все земли, которые она получила от Карла Великого. На содержание церквей впредь должны были идти доходы с приписанного к ним имущества, десятины и добровольные приношения. Этими мерами папа хотел достигнуть того, чтобы церковь не зависела от государства.

Такое решение вопроса, понятно, способствовало бы и нравственному усовершенствованию духовенства, но папа встретил противодействие такой мере среди самого духовенства. Лишь только немецкие епископы услышали об этом неприятном для них намерении, как все единодушно восстали против папы. Они согласились на всякие унижения перед светской властью, потому что были задеты их практические интересы. Отрицательный характер этой меры заключался в ее исключительности. Папе предстояло совершить целую социальную революцию, но ее надлежало провести везде, а не в двух только государствах.

После таких предварительных переговоров папа согласился короновать Генриха, и тот прибыл в Рим. В базилике король клятвенно отказался от прав на инвеституру. Оставалась очередь за папой; тут все дело расстроили немецкие епископы. Они решительно отказались отступить от имущества. Напрасно папа говорил, что нужно отдать кесарево кесарю и что никто из служителей алтаря не должен вмешиваться в мирские дела, ибо употребивший оружие должен быть, по словам Св. Амвросия, лишен епископского сана. Ничего не помогло. Несмотря ни на какие увещания и приводимые в их подкрепление положения канонов, епископы упорно оставались при своем мнении. Произошло страшное смятение. Епископы удалились из заседания. Так торжественно заявила церковь свой светский феодальный характер.

Его пленение и уступки. Пасхалий лично пострадал за свой благородный поступок. Император в гневе за обман, который он приписывал папе, схватил его и подверг двухмесячному заключению. Здесь Пасхалий подвергался искушениям, которые ему предъявлял король в виде просьб князей, духовных и римских граждан. Наконец, видя несчастное положение товарищей своего плена и опасаясь расстройств церкви, папа уступил. «Я вынужден, — сказал он, — для избавления церкви согласиться на то, на что не согласился бы, если бы речь шла о спасении моей жизни».

Этот пункт, на который папа согласился с такой неохотой, был уступкой королю прав инвеституры. Хроника Монтекассинского монастыря упоминает, что пленникам грозили смертью. Папа обещал никогда не тревожить короля Генриха за нанесенную ему обиду, не предавать короля отлучению и оказывать ему помощь в делах, относящихся к императорской или королевской власти. Генрих поклялся, что он будет оказывать папе полное уважение и повиновение, насколько последнее не будет нарушать чести его короны и государства.

На другой день после этого совершился так трагически прерванный обряд коронования. Генрих, принимая корону, вложил папе в руки данное вчера обязательство, которое папа возвратил ему тут же, как бы добровольно. Папа не желал этого, «да и обычая подобного никогда не было», замечает римская хроника. Теперь Пасхалий был связан клятвой; он проиграл дело, за которое боролся сам и за которое погибли его предшественники. Церковь не могла снести своего унижения. В курии происходит сильное движение против сделанных Генриху уступок. Нужна была вся изворотливость римской политики, чтобы выпутаться из затруднительного положения.

И вот в 1112 г. созывается Латеранский собор, который должен был снять с папы вырванную у него клятву. Папа обращается к собору с речью, в которой кается в совершении грешного дела и считает необходимым исправить его, предоставляя подробности решению собора. Собор решил, что привилегия, вырванная у папы силой, не есть привилегия, и поэтому должна называться не привилегией, а беззаконием (*pravilegium*).

Латеранский собор весьма важен для папской истории того времени; он рисует много лучших сторон курии. Диктатура Рима принадлежала не личности папы, а целой партии, в которой олицетворялось торжество духовной власти над светской. Это было весной. Осенью папа позволил себе отлучить императора. Заметим, что решительный шаг делает здесь не он, а партия. Отлучение Генриха было прочитано Вьенским архиепископом Гвидо на частном соборе в его провинции. Чтобы это отлучение имело обязательную силу для католической церкви, Вьенское собрание послало его на утверждение папе. «Мы представляем Вашему Святейшеству с должным почтением, — писали прелаты, — что если будете в этом деле стоять с нами, если подтвердите то, о чем про-

сим, то будете видеть во всех нас, без исключения, верных Ваших сынов; но если Вы, чего не желаем думать, вступите на другой путь действий и откажетесь утвердить помянутые положения, то будете причиной, если мы удалимся от подчинения и послушания Вам».

Папа одобрил резолюцию Гвидо, но не произнес отлучения от своего лица. Он стеснился это сделать, потому что некогда, сам подвергшись насилию со стороны Генриха, дал клятву не отлучать его. В нем было замечательное благородство характера. Несмотря на это, императорские историки не избавляют его от упреков, указывая на то, что он не сдержал клятвы. После отлучения Генриха папа в любом случае должен был столкнуться со светской властью в Германии. Его образ действий вел к борьбе против Генриха V, но он не мог начать ее без материальных средств. Последние появились благодаря тогдашним политическим обстоятельствам Германии. Генрих V вызвал против себя неудовольствие среди саксонских рыцарей тем, что наложил на них лишние налоги. Во главе восстания стал по личным побуждениям архиепископ Майнцкий.

Вормский конкордат 29 сентября 1122 г. Вероятно, новый налог имел в виду не одну лишь Саксонию; иначе князья не решились бы поддерживать папу. Боязнь за несчастливый исход этой борьбы заставила Генриха искать мира с папой. Опасение новой борьбы привело, таким образом, к примирению сторон, известному под названием Вормского конкордата. Вормское перемирие играет существенную роль в истории вопроса об инвеституре. Император упустил случай уладить соглашение с Геласием. Папа, с которым ему привелось иметь дело, не отличался мягким характером. Это был тот самый Гвидо, который некогда отлучил его. Когда Гвидо получил известие о назначении в папы, Рим находился в печальном положении. Успеху Гвидо, названному Каллистом II, содействовало родство с французским королем и даже с самим Генрихом. Последнее, впрочем, не помешало новому папе отлучить короля от церкви и лишить его прав на престол.

Причина, по которой император согласился на уступки, заключалась в опасении за сомнительный успех битвы под Майнцем, к которой готовились обе стороны. Папские и императорские легаты подписали знаменитый конкордат, которым кончился первый акт борьбы и выгоды которого были на папской стороне. Каждая сторона делает свои уступки.

Каллист говорил: «Я, Каллист, епископ, раб рабов Божиих, предоставляю тебе, любезный сын Генрих, августейший император римлян, право требовать, чтобы выборы епископов и аббатов производились в твоём присутствии, без насилия и симонии. Если при подобных выборах произойдет какой-либо спор, то ты, по совету и решению митрополита и троих епископов провинции, к которой принадлежит вакантная кафедра, доставишь подкрепление и помощь правой стороне. Избранный, без всякого платежа со своей стороны, получит от тебя регалии посредством вручения ему скипетра и будет исполнять тебе все то, что он обязан за эти регалии делать. Что касается избранных в других местах империи, то они должны получить от тебя регалии в течение шести месяцев после своего посвящения, не платя ничего, и за это должны будут исполнять тебе то, что обязаны по праву. Если будешь по какому-либо случаю требовать моей помощи, то я помогу тебе, согласно долгу и моей обязанности. Я даю тебе, а равно всем, которые были на твоей стороне во время настоящего раздора, истинный мир».

Император в свою очередь обязывался следующим образом:

«Я, Генрих; августейший император Римлян, из любви к Богу и св. римской церкви, а равно к господину папе Каллисту и для спасения души моей, отказываюсь в пользу Бога, св. апостолов Петра и Павла от всякого рода инвеституры посредством кольца и жезла, и предоставляю всем, находящимся в Германии или в империи, церквам, права канонического избрания и свободного посвящения духовных лиц. Те из отнятых у Св. Петра владений, во время настоящего раздора, при моем отце или при мне, если только таковые находятся в моем распоряжении, будут мной возвращены; для возвращения же других доставлю нелицемерную помощь. Владения, которые в этой войне потеряны церквами, а равно духовными и светскими князьями, будут, если принадлежат мне, возвращены мной по правде и по совету князей; для возвращения же других буду нелицемерно помогать. Я даю истинный мир папе Каллисту и всем его приверженцам. Если в чем св. церковь будет просить моей помощи, помогу по совести; если в чем принесет мне жалобу, окажу ей должную справедливость».

На широкой Вормской равнине, на берегу Рейна, перед бесчисленной толпой, прочитаны были оба обязательства.

На Латеранском соборе 1123 г. Каллист утвердил условия Вормского конкордата. Папство победило. Оно воспользовалось этим конкордатом, чтобы еще более расширить свою власть. В сущности этот конкордат был перемирием. Им закончился первый акт великой борьбы, неразлучно связанный с именем Гильдебранда.

3. Торжество национального начала во Франции и Англии

Короли дома Капета. Распад империи Каролингов дал жизнь отдельным нациям. Так, в Германии, во главе власти становятся государи германского происхождения. Эти лица смотрят на свой народ не как победители, а как избранники народа. То же было и во Франции. Там существование Каролингов продолжалось на целое столетие дольше, чем в Германии и Италии. В Германии уже сумела ознаменовать себя широкими порывами саксонская династия, а во Франции правили номинально Каролинги. Мы говорили, что после смерти последнего Каролинга, Людовика V, в 987 г. французским королем был провозглашен Гуго Капет, прозванный так по головному убору. Латинское *sarra* по-французски значило *chappet (chapeau)*, по-русски «клубук» или «колпак». Гуго никогда не носил короны, а вместо ее употреблял монашеский клубук, какой носил Св. Мартин.

Во время правления Гуго Капета ходили повсюду толки о том, что приближался конец первого тысячелетия. Это производило на людей ужасное впечатление; все ждали мучений ада. По учению духовенства, только монашество и подвижническая жизнь могли спасти человека. Все ждало последней трубы, при звуках которой земля обратится в прах и начнется истинная жизнь, ибо земное существование считалось призрачным. По понятиям тогдашнего времени умереть — значило начать новую жизнь; *vivere — incipere*. Такое печальное настроение общества лучше всего выразилось в скульптуре того времени. Статуи X в. представляются как бы недоделанными, точно покойники. Сухие, безжизненные, как смерть, они в немом ужасе простирают руки к небу, как бы моля об этом втором воскресении, о переходе от смерти к жизни. Это было верное изображение того времени¹.

¹ Грановский. Аббат Сугерий.

Одна надежда была на небо. Поэтому в то время было столь сильное влечение к монашеству, даже в королях, которые на клобуки меняли свои короны, что правящее духовенство стало употреблять все усилия, чтобы не допускать высокопоставленных лиц в свою среду. Дело дошло до того, что один из норманнских герцогов, Вильгельм I, украл в одном аббатстве клобук и рясу и держал их у себя, надевая их, когда оставался один. Папа запретил герцогу Бургундскому принимать монашество; иначе он поступил бы непременно в монастырь. Император Генрих II едва был удержан от монашества. Ввиду угрожающих обстоятельств в обществе развилась склонность жертвовать свое недвижимое имущество церквям и монастырям. Дарственные записи наполнялись выражениями, подобными следующему: «Вечер мира наступает, поэтому я для спасения своей души жертвую мое имение такой-то церкви». Эти проявления были одинаковы во всех странах, и вот Гуго Капет, некогда храбрый воин, стал также в эти годы общего покаяния выглядеть монахом.

Династия Капетингов происходила из простой фамилии, хотя сами Капетинги производили себя не только от Александра Македонского, но даже от Геркулеса. Гуго Великий, умирая, завещал своему сыну Капету окончить борьбу с Каролингами. Капет удачно выполнил эту задачу. Он вступил в борьбу с Людовиком; Карл Лотарингский явился ему соперником, но напрасно. За Капета стояли духовенство и сильный нормандский герцог Ричард Бесстрашный. За это Гуго наградил впоследствии церкви и духовенство землями и разными привилегиями. Чтобы привлечь к себе другую нормандскую линию, владевшую Блуа, Туром, Шартром, Бовэ, которая не признавала Капета королем, Гуго породнился с этим домом.

Роберт I (996—1031). Его сын Роберт женился на Берте, вдове графа Одона Шампанского, с которой находился не только в кровном, но и в духовном родстве, как крестный отец одного из ее сыновей. Через два года Роберт вступил на престол, имея двадцать шесть лет от роду. Все готовилось к страшному суду в 1000 г. Тем временем, папа Григорий V отлучил Роберта от церкви, не признавая его брака. Даже близкие слуги бросили короля. По преданию, у Берты родилось чудовище, вроде дьявола, за то, что она, будучи отлучена от церкви, продолжала жить с Робертом.

Вообще тогда Сатана перестал скрываться от людей. Он стал показываться им даже воочию. Например, его удостоился видеть

папа Сильвестр II и даже беседовал с ним. Сильвестр II прежде был монахом и назывался Гербертом. Мы уже упоминали о нем, говоря об Оттоне III. У него была всегда симпатия к Капетам. Он бросил монастырь, удалился в Кордову и стал учиться латинскому языку, математике и механике. Христиане думали, что этой мудростью он был обязан дьяволу. Он сделался, наконец, наставником сына и внука Оттона Великого. Потом он преподавал в римской академии и приобрел славу ученого. Благоволение Оттона доставило ему сначала епископство, а потом и папскую тиару. Будучи первосвященником, Сильвестр разрешил Роберта от отлучения, но развод с Бертой уже состоялся. Король женился на Констанции, так как она приходилась племянницей Анжуйскому герцогу. В личности короля Роберта мы встречаем все качества нашего царя Феодора Иоанновича. Находясь в полной зависимости от своей жены и предоставив все заботы об управлении государством своим приближенным, французский король мог отдаться своей любимой страсти, именно сочинению гимнов и церковных песен и переложению их на музыку. Недаром Санмартинские анналы рисуют его как человека благочестивого, в своем роде дельного, начитанного в церковных книгах и музыканта. Затем следует перечисление всех сочиненных им гимнов и антифонов. В королевском одеянии французский король стоял на клиросе во время заутрени, обедни и вечерни, соперничая с придворными певчими. Своим музыкальным наклонностям он предавался даже несвоевременно. Однажды, осаждая один замок, король вспомнил, что сегодня день Св. Иннокентия, бросил войско и поспешил в церковь управлять хором. Летописи также передают, что король отличался милосердием и любовью к нищим. Ради нищих он прибегал даже к обманам. Иногда он отличался замечательным остроумием. Не веря в святость клятвы и не желая профанировать священные предметы, которыми клялись, король прибегал к благочестивым обманам. Вместо мощей в раки он приказывал тайно класть яйца или что-нибудь из съестного. Те, которые клялись над раками, полагая, что они клянутся над мощами, не грешили, если даже и не исполняли клятвы. Французский король готов был простить даже святотатство, если его совершали нищие, которым он особенно покровительствовал. В таких случаях он боялся только одного человека — своей жены. Таким образом, Роберт был королем

номинальным, и по справедливости летописец того времени Рауль Глабер написал на него сатиру¹. За него управляли жена его и анжуйские принцы из норманнов.

Мы специально остановились на личности Роберта потому, что им характеризуются первые Капетинги и в нем выработался тип короля того времени. В 1030 г. Роберт передал Бургундию своему младшему сыну того же имени, который сделался родоначальником древнейшей линии герцогов Бургундских. Из этого дома ведут свое происхождение короли португальские, а из Франш-Конте еще раньше вышла линия королей кастильских. Все эти династии зародились в XI столетии.

Генрих I (1031 — 1060). Трехлетний голод. Узнав о кончине отца, Роберт, получивший Бургундию, при помощи своей матери, хотел занять и французский престол. Но это ему не удалось. Всесильное духовенство было на стороне его старшего брата Генриха, который женился на дочери нашего Ярослава. При нем упомянутый нами бургундский летописец Рауль Глабер (1050) записал подробности общественных бедствий, постигших тогдашнюю Францию. Редко несчастья губили какую-либо страну так сильно, как Францию в XI в. Страшный голод начался еще в 1027 г.; даже о насилиях баронов не было слышно при этом всеобщем бедствии. Люди ели траву, всякую падаль, даже человеческое мясо. Ловили путешественников, убивали и тут же жарили. Гостеприимство стали немислимо при таких условиях. Вкус к человеческому мясу так развился, что его употребляли даже после, когда без него можно было обойтись и когда голод стал уменьшаться. Палач в Турнэ, продававший человеческое мясо, был пойман с поличным. Дело дошло до того, что жизнь животных стала безопаснее, чем жизнь человека. Когда человеческое мясо стали продавать на рынке, продавцов сжигали, но любители тайком добывали трупы и продавали. Три года продолжался этот голод. Люди умирали массами, целыми селениями, а трупы их вместо кладбища зарывали в большие ямы, человек по пятьсот или шестьсот. Этот голод был одной из существенных причин благотельного учреждения «Божьего мира» (*Pax Dei*), или точнее «перемирия» (*Treuga Dei*). Этот союз, как мы уже говорили, был

¹ *Radulphus monachus. Hist. sui temporis libri V, Bouquet, VIII, 238.* Упомянутое место находится в третьей книге.

составлен по инициативе духовенства против насилия феодальных разбойников¹. В самом деле, тогда не было другой власти, кроме духовной. Королевская власть была ничтожна, она не простиралась дальше феода. Чем дальше отстояли от короля известные области, тем незначительнее была в них его законная власть. Даже ближайшие феодалы часто игнорировали короля.

Филипп I (1060—1108). У Капетингов того времени, как у Генриха I и его преемника, короля французского Филиппа I, не было даже стремления к усилению своей власти. Свои постановления Генрих и Филипп считали обязательными только для своих феодалов; дружинные сеймы каролингской эпохи давно вышли из употребления. Учреждения Карла Великого, гарантировавшие порядок, были разрушены, а ничего нового создано не было. Не только у отдельных сословий, но и в отдельных местах были особенные права и привилегии. Прежние писанные законы заменены новыми. Старая французская пословица говорит: «Что ни колокольня, то свой закон». Южные провинции Франции резко отличались от северных, а в последних не могли утвердиться действительные права Капетингов. Тому мешали сильные феодалы, как герцоги Нормандии и Бургундии, графы Фландрии, Шампани, Вермандуа, Анжу и др. Даже в собственном феоде король не мог безопасно ездить из одного города в другой. Между городами и землями короля возвышались гордые замки баронов Куси, Монфор, Монлери, Монморанси. То были бароны, стяжавшие себе громкие разбойничьи имена. Башня замка Куси, разрушенная в XIV в., видна до сих пор; она и теперь еще имеет двадцать пять сажен в высоту и сорок две в обхват. Ее владетель говорил: «Я ни Бог, ни король, ни князь, ни граф, а просто господин Куси». Когда владельцы приобрели права наследия, то им было нечего бояться короля. Теперь феодалы, ничего и никого не опасаясь, грабили даже владения самого короля. Средневековые летописи подробно передают насилия и своеволие феодалов; XI в. имел в этом отношении печальную славу. Например, барон Куси, Эбан, гордый своими походами на мавров, безнаказанно опустошал пределы Реймской епархии, опираясь на родственные связи с домами Шампани и Лотарингии.

¹ Вопрос этот подробно изложен выше.

Наконец, король вырастил сына, защитника своих интересов; это был Людовик, прозванный впоследствии Толстым. Первые Капетинги, как мы видели, были лишены воинственности; Людовик же с молодых лет обнаружил блестящую храбрость. Он первый из Капетингов обнажил меч в защиту порядка и прав короля. Средства у Людовика VI были невелики; он был окружен лишь сотней преданных рыцарей. Эти рыцари были связаны с ним узами теснейшей дружбы и были постоянными сотрудниками во всех его предприятиях. Он первый обнажил меч в защиту «порядка и мира». Когда Сугерий в главе 13 своей «*Vita Ludovici Grossi*» записал этот факт, то это значило, что династия Капетингов с этого времени вышла из векового униженного положения. Именем королевского величества Людовик первый стал требовать от вассалов строгого повиновения. Подобные выражения не встречались у его предшественников. Людовик пошел на грабителя и в два месяца разорил огнем и мечом земли барона Куси. Особенно много нужно было бороться с владельцем Монлери, Гвидоном Трусселем. Прежде он обирал путников и не позволял Капетингам проезжать через свои земли. Но после поражения ему пришлось выдать свою дочь за второго сына короля, Филиппа, а в приданое отдать свой замок. Но Людовик оставил приобретение за собой и обменялся с братом другими землями. Такой пункт нужно было держать под особенным надзором. Даже Филипп понимал значение этого замка. «Сын мой, — говорил умирающий Филипп Людовику VI, — береги хорошенько эту башню, которая причинила мне столько досады; я успел состариться, пока приобрел ее». Впрочем, Филипп был мало способен к труду; он правил государством почти пятьдесят лет. В 1090 г. Филипп удалил свою жену Берту, чтобы вступить в брак с женой Фулька IV, графа Анжуйского, Бертрадой. Он увез ее от живого мужа и обвенчался. Духовенство не признало этого брака, хотя прежний муж не предъявлял претензий за похищение. Напротив, он приезжал ко двору и садился у ног королевы, а Филипп садился рядом с ней. Церковь настаивала на разводе, но Филипп продолжал эту связь. Бертрада ненавидела Филиппа; она пыталась отравить его, но неудачно. Людовик хотел отомстить Бертраде, но отец помешал ему. Однако старик под конец жизни должен был принести покаяние перед папскими легатами. Это несколько не помешало ему до последней минуты держать около

себя Бертраду. После смерти Филиппа все управление легло на одного Людовика VI. Когда он вступил на престол в 1108 г., то внес в жизнь Франции новые идеи. С этого времени Капетинги начинают проявлять энергию и силу воли. Эти качества благотворно отозвались на дальнейшей судьбе Франции.

Датчане в Англии. В германской и французской истории мы дошли до начала XII в. К этому времени история и других стран получила такой же характер. Внутренний строй стал одинаковым для всех христианских стран, за исключением того, что на английский народ повлияло норманнское завоевание, а на христианскую Испанию мусульманское господство и то сопротивление, которое оно вызвало в христианах.

Сперва остановимся на Англии. Эта страна была раздираема враждой двух германских племен: саксов и скандинавов. Насильственное поселение скандинавов вызвало страшное сопротивление со стороны угнетенных англосаксов. Эта борьба кончилась изгнанием и разгромом датчан и торжеством угнетенной национальности (в 1041 г.). Но эти усилия англосаксов не дали им окончательного торжества, решительного успеха. Пленный пастух Годвин и его сын Гарольд, главные виновники освобождения англосаксов от датчан, пригласили на престол Эдуарда III, потомка Альфреда Великого, из Нормандии, как сына законного короля англосаксов с тем, чтобы Эдуард женился на дочери Годвина. Но Эдуард не оправдал ожиданий англосаксов.

Норманны в Англии. Пребывание в Нормандии невыгодно отозвалось на нем; он стал чужд большинству своих соотечественников; язык ненавистного народа был языком его молодости; он сам вырос чуждым отечеству; его друзья и близкие остались за морем. Ему было поставлено между прочим в условие не привозить с собой много норманнов; впрочем, норманны в большом числе сами прибыли вслед за ним. Все те, кто любили его, устремились к английскому двору. Эдуард должен был принять, даже приблизить к себе этих людей, в благодарность за оказанное ему гостеприимство в Нормандии. Неодолимая привязанность к норманнам так овладела королем, что он стал раздавать им высшие гражданские и военные должности. Это имело важные последствия в будущем. Английские крепости были вверены охране норманнов. Духовенство из Нормандии постепенно переходит в Англию на высшие посты. У Эдуарда оказалось значительное

количество родственников, которые в свою очередь выдвигали своих приверженцев. Летопись говорит, что всякий, кто только просил на галльском (т. е. нормандском) языке, не получал отказа. Это нормандское наречие даже вытеснило из двора отечественный язык, осмеиваемый заезжими иностранцами. Всякий, подделываясь к королю, говорил на норманнском языке; все, даже знатные саксы, желая понравиться королю, старались говорить на придворном языке даже в своих домах. Они оставили свои длинные саксонские одежды и нарядились в платье норманнского покроя. Даже в грамотах и посланиях они, подражая норманнам, перестали писать свои имена на актах государственных, а привешивали к документам по норманнскому обычаю восковые печати.

Оппозиция патриотов и Годвин. Одним словом все национальные обычаи находились в пренебрежении и сохранились только в среде простого народа. Понятно, что такие новшества вызвали оппозицию. Во главе ее явился Годвин, которому сам король был обязан престолом. В его семействе и кружке явно осмеивали норманнские нововведения. Голос народа поддерживал его против норманнов, которые в будущем грозили поработить Англию. Национальный англосаксонский летописец с грустью записал об этой несчастной судьбе своих соотечественников: «Всемогущий Бог указал разом два способа для истребления англосаксонского народа, как бы желая направить на него вражеский и коварный народ. С одной стороны он послал на нас датчан; с другой скрепил наш союз с норманнами для того, чтобы мы, если выдержим удары датчан, не могли избежать гибели от коварства норманнов». Против Годвина стал действовать втихомолку сам король, и образовалась большая норманнская придворная партия, стремившаяся укрепить норманнское господство. За Годвина был народ, который восстал под начальством сына Годвина, Гарольда, и потребовал предания суду придворных норманнов. Король отвечал воззванием к норманнам и датчанам, прося вооружиться, чтобы разогнать непокорные толпы. Но королевские войска, за исключением датчан и норманнов, шли на своих с понятной неохотой. Они громко роптали и потом наотрез отказались сражаться против своих соотечественников. Решено было заключить перемирие. Видя, что дело серьезное, король сам принял начальство над войском и отправился против мятежников, не дожидаясь решения совета, собранного в Лондоне. На этот раз он

застал противников врасплох. Годвин и Гарольд были преданы суду. Но они отказались явиться на суд в Лондон, где властвовал и господствовал король. Тогда они были объявлены ослушниками и изгнаны из Англии. Дочь Годвина, на который был женат король, после изгнания своего отца была лишена всего имущества и заключена в монастырь.

Роберт Дьявол (1028—1035). Норманны стали прибывать в большом числе. Между прочим прибыл в Англию герцог Нормандский Вильгельм, побочный сын Роберта, прозванного «Великолепным». В больших хрониках о герцогах Нормандских («Chronique des ducs de Normandie»), относящихся к XIII в., изданных впоследствии бенедиктинцами конгрегации Св. Мавра, рассказывается романтическое происхождение Роберта и Вильгельма, как представляли это предания XIII в. ¹.

По этим преданиям, Роберт был проклят еще во чреве матери, соблазненной Сатаной. Он был, таким образом, осужден еще до рождения и потому прозван в народе «Дьяволом». Возвращаясь однажды с охоты, Роберт встретил у ручья девушку, стирающую белье, по имени Арлетта. С согласия отца и дяди-отшельника, она вошла в дом герцога на правах жены; ее ребенок Вильгельм был воспитан с особенной заботой. Ему минуло семь лет, когда отец его Роберт отправился пешком на поклонение в Иерусалим, и, ввиду предстоящего странствования, передал ему престол, заручившись от норманнских баронов клятвой верности. Норманнским вассалам было по душе иметь малолетнего герцога, и потому они охотно присягнули Вильгельму. Роберт умер в Никее. Французский король Филипп старался поддержать Вильгельма на престоле, потому что ему было очень невыгодно малолетство герцога.

Англия и Нормандия до завоевания. Из Вильгельма вырос отважный воин, но мстительный и злой правитель; его мучило незаконное происхождение, за которое он мстил своим подданным. Объезжая Англию, Вильгельм с удивлением увидел сильное норманнское влияние в этой стране: норманны были во флоте, на военных, гражданских и духовных должностях. Это не могло

¹ О Роберте, как известно, сложился целый эпос, получивший особенный интерес благодаря либретто французского писателя Скриба для известной оперы Мейербергера, составившей эпоху в истории музыки.

не поселить в Вильгельме мысли об успешном и легком завоевании этой уже достаточно норманнизированной страны.

Вероятно, боясь лишних проявлений дружбы между Вильгельмом и Эдуардом и усиления норманнского влияния, Годвин высадился в Кенте и пошел на Лондон. Король и теперь вовсе не был подготовлен к защите края. Он должен был уступить во всем Годвину и примириться с национальной англосаксонской партией. Тогда норманны начали покидать Англию. Первым бежал архиепископ Кентерберийский. На рыбацких лодках норманнские рыцари, прелаты и священники спешили к берегам Нормандии. Все они спасались от раздраженного англосаксонского населения на континенте.

Тогда, перед собранием мудрых, которое назначил сам народ, Годвин оправдался в возведенных на него обвинениях. Тут было оформлено изгнание из Англии всех норманнов как врагов общественного спокойствия. Годвин пошел босой на поклонение в Иерусалим и умер на обратном пути, исполнив в точности свой обет. Без него король снова пытался приблизить к себе норманнов, но Гарольд, преемник Годвина, не допускал этого.

Около 1060 г. Англия вооружила против себя папскую курию, перестав вносить ежегодный динарий Св. Петру и ограничившись по отношению к Риму только частными пожертвованиями. За это в Риме английских епископов обвинили в симонии; архиепископу Йоркскому отказали в паллиуме. Новый архиепископ Кентерберийский, сакс родом, не был признан, и ему велено было возвратить свою должность, как насильственно похищенную. Правда, антипапа Бенедикт X дал ему паллиум; но скоро Бенедикт был сам низложен. Поэтому произошло так, что старший прелат Англии остался без посвящения. Затем явился предлог к папскому вмешательству и к союзу Рима с Вильгельмом нормандским. При нормандском дворе жил ломбардский монах Ланфранк, замечательный богослов своего времени, которому схоластика обязана прочной постановкой. Папа не одобрил брака герцога с его родственницей, но Ланфранк стал ходатайствовать за герцога перед римским двором и достиг своей цели. Это содействие дало влияние Ланфранку, который не любил Англию и склонил папу к союзу с Вильгельмом против островитян. Голос Ланфранка, как известнейшего богослова и защитника курии, как замечательного писателя вообще, был весьма авторитетен в Риме. Ре-

шено было в случае надобности прибегнуть к оружию, а теперь решили подкупам и буллами поддержать притязания Вильгельма на Англию. К несчастью, Гарольд в 1065 г. сам отправился в Нормандию для выкупа заложников. Этим он отдался в руки ловкого Вильгельма. Последний вынудил от этого главного ратоборца саксонской народности согласие на признание его королем в случае смерти Эдуарда, причем Гарольд обещал поддержать Вильгельма, сдать ему Дуврский замок и жениться на его дочери. Конечно, все эти обещания были вынужденными. Гарольду грозили заточением, даже смертью в случае отказа. Более важно было то, что Гарольд поклялся в этом торжественно и положил руку на мощи, не подозревая ничего подобного. Гарольд затрепетал, когда покрывало было открыто и под его рукой оказался киот с реликвиями. Гарольд был отпущен, а его брат был оставлен заложником при нормандском дворе.

Вернувшись, Гарольд рассказал королю о своем вынужденном обещании. Тогда Эдуард вспомнил, что в дни молодости он необдуманно обещал Вильгельму престол, но только в том случае, если Вильгельм поможет ему водвориться в Англии. Обстоятельства сложились так, что Эдуард перестал нуждаться в поддержке Вильгельма. И король, и Гарольд были смущены томительными чувствами и страшными предчувствиями. К этому присоединилось негодование клерикальной партии, которая настаивала на примирении с Римом. В народе ходили мрачные толки; им овладело уныние. Духовенство распустило слух, что нарушение клятвы над мощами повлечет за собой страшные несчастья. Пророчили такие бедствия, каких саксы никогда еще не испытывали с тех пор, как пришли сюда. Предсказывали вторжение из-за моря неведомого народа и опустошение страны. К несчастью, все это сбылось.

Король Гарольд (1066). Король был близок к смерти. Он уносил в могилу тяжелые предчувствия. Он долго мучился на смертном одре, но имел еще силу передать престол Гарольду, хотя в Англии был законный наследник престола Эдгар, внук Эдмунда Железные Бока. Но Гарольд один был способен противостоять предстоящей опасности и защитить саксонскую национальность. В его царствование появилась последняя попытка отворотить норманнское вторжение. Эта реакция не продолжалась и года. Вильгельм, обрадованный известием о смерти Эдуарда, потребовал у

Гарольда исполнения клятвы и женитьбы на его дочери. Гарольд отказался передать престол и взять норманнскую невесту. «Я обещал то, что мне не принадлежало и чего я не мог исполнить; королевская власть не есть моя собственность; я не могу без согласия народа взять в супруги иностранку». Вильгельм настаивал уже только на последнем, т. е. на браке своей дочери; но после вторичного отказа он приготовился к войне. На всем материке были возмущены саксонским вероломством и кощунством, как тогда говорили. Вильгельм обратился к папе Александру II с просьбой разобрать дело. Папа вызвал Гарольда; но Гарольд не явился, справедливо не доверяя беспристрастности верховного римского судьи.

Поход Вильгельма на Англию. Тем не менее четыреста больших кораблей и тысяча парусных судов с шестьюдесятью тысячами человек войска, хорошо вооруженного, вышли в море 27 сентября 1066 г. У Вильгельма нашелся союзник в лице Гаральда, короля Норвегии, который тоже пошел на нескольких сотнях судов на Англию. В своих удобных для речного плавания судах норвежец подошел к Йорку. Но здесь ждал его король Гарольд, который, разбив его, заставил его корабли покинуть берега Англии. Хотя Гарольд был тяжело ранен в этой битве, но поспешил на защиту побережья. Через несколько дней после высадки Вильгельма произошла решительная битва. Перед началом ее Вильгельм предлагал Гарольду удержать земли на север от Йорка и уступить ему только южную часть. Тот не согласился. Вильгельм потребовал признать посредничество папы и предложил при случае решить дело поединком. Гарольд отказал в том и в другом. Тогда противники предоставили решение спора оружию. Вильгельм победил Гарольда, павшего в этой битве под Гастингсом. Все было удивительно в этом смелом до безграничности предприятии, замечает летописец, и случай и успех.

Вильгельм I, король Англии. В 1066 г. еще не кончилось покорение Англии. Вильгельм взял Лондон и принял титул английского короля, но борьба англосаксонской и норманнской национальностей продолжалась еще четыре года. Короля короновали в Лондоне тогда же, при звуке мечей и зарев зажженного города. При коронации Вильгельм дал клятву поступать с саксами так, как поступали бы лучшие из выбранных королей, но вскоре на деле доказал, насколько считал нужным держать свое обещание.

Он велел описать имущество англосаксов, которые прямо или косвенно участвовали в войне. Были переписаны имена всех погибших в битве, а равно и тех, которые замыслили, но еще не успели присоединиться к войскам Гарольда. Эта перепись была сделана тщательно, со свойственной тогдашним норманнам аккуратностью. Дети убитых и оставшихся в живых были лишены наследства безвозвратно; лицам же, не поднимавшим открыто оружия против завоевателей, была оставлена надежда на получение их имущества впоследствии, так что дети их могли рассчитывать хотя бы на часть отцовского наследства. Но это была надежда тщетная, неисполнившаяся. Все, добытое путем грабежей, пошло на удовлетворение алчности нового короля и на награды его достойным сподвижникам. Лично для себя Вильгельм взял казну прежних королей, церковные имущества и все ценное из предметов роскоши. Часть этих богатств король послал папе и роздал по тем церквям и монастырям, где пелись молебны за успех норманнского оружия. Им он дарил золотые кресты, сосуды и парчу. Затем принялись за разверстку добычи между вассалами по их степеням и сообразно договору. Начальникам и рыцарям были даны большие владения: замки, села и целые города; простым лицам даны меньшие доли. Таким образом, грабеж принял как бы законную форму. Одни просили имущество, другие руки богатых наследниц, третьи наложниц; король щедрой рукою расточал богатства направо и налево.

По мере того, как норманнские знамена подвигались вперед, все исполнялось ужаса и скорби: мужчины подвергались ограблению и рабству, женщины — насилиям и поруганию, ибо тех из них, которых не брали в жены, делали наложницами. Самый ничтожный из норманнов, последний из этих пришельцев, входил в дом знатнейшего сакса на правах победителя. «Эти разбойники не узнавали сами себя, — говорит Вильгельм Мальсберийский, — они обезумели от торжества; видя столько людей в своей власти, они позволяли себе все, лили кровь бессознательно и безжалостно вырывали последний кусок хлеба из рта несчастного; они отнимали все: вещи, деньги, землю, честь, жизнь». Все эти жестокости подробно и яркими красками описаны и у других современных летописцев.

Из приведенного свидетельства видно, что разорение было общее, но не в одинаковой степени; города пострадали иначе, чем

деревни. Разорение было меньшим по мере удаления к северу. Земли и имущества знатнейших саксов переходили безвозвратно в руки завоевателей. Как легко доставались тогда богатства, видно из того, что впоследствии норманны проигрывали в кости целые города. Саксы мстили за притеснения, как могли. «Понятно, — говорит Лаппенберг, — что побежденные саксы делались разбойниками, если их лишали всего; за ними не признавали принадлежащих им имуществ, потому что у них не было грамот с восковыми печатями, как требовалось норманнскими обычаями». Можно представить себе положение дел, если каждый мог отобрать все имущество сакса без всякого на то распоряжения выше. Ингульф замечает, что так продолжалось до переписи, которую начали делать в 1080 г.

Перепись. При всей своей суровости Вильгельм чувствовал необходимость организации страны. Он не мог примирить враждовавшие народности; он сам понимал это и притеснял саксов до конца своей жизни. Но через двадцать лет по завоевании, Вильгельм, по крайней мере, гарантировал собственность, составив реестр народного имущества. С этой целью приказано было составить подробную перепись всех поместий с указанием их ценности, имен владельцев и количества доходов, — перепись, сохранившуюся во всей полноте под именем «Думдэйбук» (*Domedaybook*), или «Книги дня воскресения», «Судной воскресной книги». Эта перепись — важнейший памятник истории экономической жизни в средние века вообще. Но прежде чем говорить о ней, полезно остановиться на более раннем памятнике экономического характера, относящемся к эпохе Карла Великого. Эта опись Ирменона, аббата монастыря Сен-Жермен де Пре в окрестностях Парижа, — памятник, по имени аббата, называемый «Полиптикой Ирменона» («*La Polyptique d'Irmenon*»).

Из сравнения этих двух интересных памятников раннего времени, IX и XI веков, можно видеть, насколько ушла вперед экономическая жизнь за два с половиной столетия, насколько изменились условия социального и экономического строя Европы.

Начнем с «Полиптики», как памятника более древнего¹.

«Полиптика» Ирменона. «Полиптика» застаёт общество в интересный момент организации феодальной системы.

¹ Одно из изданий этого памятника осуществлено в 1834 г. Гераром.

В ней определяются границы аббатства, состав и способы обработки земли, обязательства и феодальные условия в эпоху Карла Великого и его преемников. Из нее мы узнаем, сколько лиц входило в состав одного семейства, как они назывались, к какому классу принадлежали, какие должны были нести подати и обязанности; все это дает нам возможность судить об экономическом состоянии и о действовавших тогда мерах и постановлениях. Так мы узнаем, что лес в то время не имел никакой цены; доход с гектара земли, покрытой лесом, едва равнялся 30 копейкам¹. Вся ценность заключалась в пахотной земле, ценность которой с течением времени падала. Так, участок земли, дававший в рассматриваемое время до 700 тыс. франков, в XVIII в. не давал и 150 тысяч. Сословные отношения того времени представлялись в четырех классах: свободные, колоны, лиды и сервы, или рабы. Под именем свободных тогда разумелись все те, кто пользовались правом свободного передвижения. Свободные подразделялись на три категории: 1) свободные с собственностью и юрисдикцией, 2) свободные с собственностью, но без юрисдикции и 3) свободные лично, но не обладавшие не только юрисдикцией, но даже и собственностью. Колон был привязан к земле и приобретал право пользоваться ею, только выплачивая оброк; он должен был жить и умереть на ней, как растение на почве. Лиды были тоже прикреплены к земле и были обязаны нести еще большие повинности, чем колоны. Сервы, или рабы, в собственном смысле слова, представляли собой людей без всякой самостоятельности и собственности; они могли быть продаваемы или отчуждаемы и представляли собой нечто вроде движимой собственности своего господина. Земли аббатства отдавались в аренду по участкам, и такие земельные участки назывались *mansi*; эти *mansi* были наследственными. Арендная плата была очень невысока сравнительно со стоимостью земли; доход с манзы в 10 гектаров земли давал тринадцать с половиной франков, а в каждом хозяйстве было по крайней мере 6 гектаров.

Воскресная книга. Что же представляет другой памятник, т. е. английская перепись? Она обладает более широким практическим значением. В ней речь идет не об одном каком-либо аббатстве, а о целом государстве. Эта книга служит для изучения

¹ В ценах 1888 г. — Прим. ред.

англосаксонских и норманнских учреждений, доходов короля и его вассалов, вообще для уразумения административных, юридических, а также городских установлений у англосаксов и норманнов и представляет собой весьма полновесный сборник всевозможных статистических данных. «Эта книга, — говорит Лаппенберг, которым мы будем пользоваться при рассмотрении памятника, — надолго останется в высшей степени интересной для любознательного потомства. Более точное понимание этой книги должно лежать в основе всякого исторического исследования об Англии, в особенности же средневековой истории этой страны. Это — картина, написанная большей частью цифрами; тем не менее она представляет не какой-либо краткий очерк, но скорее фактическое толкование летописей и юридических актов. В ней, несмотря на пропуски и недостатки, живыми красками изображено политическое состояние Англии под конец царствования Вильгельма Завоевателя. В ней ярко просвечивают некоторые статистические и касающиеся государственного устройства данные, которые сообщают нам наглядные понятия о бедствиях Англии и положении ее завоевателей». Из этой книги Лаппенберг делает заключение, что население Англии в ту пору доходило до двух миллионов, из которых рабов было только двадцать пять тысяч. Число свободных владельцев и непосредственных вассалов короля, включая духовенство, доходило до тысячи четырехсот человек. Из них большая часть имела по одному поместью, другие же, а именно братья короля, владели большими именьями, рассеянными по всей Англии. Второстепенных вассалов значилось в тогдашней Англии до восьми тысяч. Число остальных, упоминаемых в «думлейбуке», владельцев или хозяев-собственников доходило до двухсот пятидесяти тысяч с вилланами (*ceorlas* по-саксонски). Норманнские комиссары не всегда записывали монахов, крепостных, воинов и горожан. В эту цифру входит только тысяча священников и до восьми тысяч жителей городов — явно ничтожная доля.

Непосредственно для социальной истории важны классы: *liberi homines*, *commenadati*, *sokemannen*, *bordarii* и др. Первых насчитывалось более десяти тысяч, вторых — до двух тысяч. Здесь *liberi* нельзя понимать в прямом смысле. Как людей сво-

¹ В первый раз она напечатана в 1783 г., по повелению короля Георга III.

бодных, так и людей покровительствуемых, нельзя считать безусловно свободными поземельными собственниками, и названия, данные им, служат только для того, чтобы определить их личные отношения к тем вассалам, во владении (*dominium*) которых состоят они сами или их поместья. По своим правам к классу свободных людей ближе всего подходил класс так называемых сокманов (*sokemannen*). Они приносили присягу в верности и вассальной преданности (*homagium*) и несли известные повинности и подати. Все упомянутые общественные разряды соответствуют первому и второму классам, означенным в «Полиптике». Как видно, они поставлены были в более или менее благоприятные экономические условия. Не таково было положение остальных классов, людей зависимых, большая часть которых называлась крестьянами (*villani*). Их было записано до ста десяти тысяч. Это были потомки древнего римско-британского населения. Из рассматриваемого документа не видно, чтобы норманнское завоевание улучшило общественное положение этого класса, обремененного множеством податей и служебных обязанностей; напротив, прежние его условия представлялись гораздо менее стеснительными вследствие строгости и неумолимости новых владельцев. Вилланы — это прежние колонны. Среднее место между вилланами и собственно рабами занимали бордарии, записанные в количестве восьмидесяти двух тысяч шестисот человек. Этот класс существовал только в Нормандии и занесен был в Англию ее новыми завоевателями. Трудно согласиться с Лаппенбергом, чтобы под именем бордариев скрывалась норманнская дворня, участвовавшая в борьбе с англосаксами и в выгодах завоевания. Что касается духовенства, то число его не показано, ибо монахи и монастыри были обложены податями только под конец царствования Вильгельма.

Цифры разбираемого памятника дают возможность судить об ужасах опустошения Англии. Города и деревни подверглись страшному разорению, так что первые обезлюдели до крайности, а вторые нередко были совсем оставлены жителями. Более всего был опустошен Йоркшир, где из 411 человек всего населения не ушли только 35 вилланов и 8 бордариев. В городах осталось немного домов; до завоевания Йорк и Лондон насчитывали более 10 000 домов. Большое число зданий сильно пострадало частью от грабежа и пожаров, частью от построек крепостей и замков, при сооруже-

нии которых пользовались старой каменной кладкой и готовым материалом. Мы не знаем, сколько осталось домов в Лондоне после постройки Тауэра, но в Йорке из 1800 домов осталось только тысяча, а 800 было снесено; в Рочестере из 172 осталась половина; в богатом Норвиче, в котором насчитывалось 43 церкви и 1320 домов, почти половина зданий погибла. В Линкольне для устройства крепости потребовалось разломать 166 домов, в Честере из 487 домов разрушено 205, т. е. почти половина. Но ни один город не пострадал так сильно, как Оксфорд, в котором 300 домов было обложено податями, а остальные 500 или разрушены, или разграблены. Только один город представляет обратное явление. Это Дунвич, число жителей которого возросло вдвое, что объясняется упадком соседнего Норвича. При таком разорении или, точнее, погроме, несмотря на всю свою жестокость, Вильгельм едва мог собирать 60 000 марок доходов. Цифра эта вскоре, в XII в., уменьшилась до 12 000, тогда как германские императоры, считавшиеся сравнительно менее обеспеченными, имели доходов по 300 000 марок. Это уменьшение суммы королевских доходов красноречиво свидетельствует об упадке экономического состояния края, о пагубном влиянии на него норманнского завоевания.

Смерть Вильгельма Завоевателя. Вильгельм Завоеватель умер в 1087 г. в Нормандии, в разгар войны с французским королем Филиппом I и со своим старшим сыном. Матвей Парижский свидетельствует, что он пострадал на пожаре города Нанта; здесь, в церкви Св. Марии, где он сжег двух монахинь, пламя опалило его. К тому же лошадь, перепрыгивая широкий ров, ударила короля в живот. Болезнь так развилась, что Вильгельма отвезли в Руан, где он и слег в постель. Последние минуты совесть мучила его; он старался облегчить ее угрызания делами милосердия: все пленные были отпущены на свободу; из сокровищницы он приказал наделить церкви, а большая сумма была отпущена на восстановление сожженной церкви Св. Марии. Борьбу с саксами он должен был оставить в наследие своим преемникам. Не смея восстать открыто, покоренные прибегали к тайным убийствам, так что Вильгельм вынужден был под конец жизни принять суровые меры: он приказал за каждого убитого норманна привлекать к ответственности сто саксов.

Вильгельм II Рыжий (1087—1100). Он завещал Нормандию старшему сыну своему Роберту, а Англию передал Господу Богу,

высказав только желание, чтобы это королевство досталось второму сыну — Вильгельму, которого прозвали Рыжим. У летописца записан разговор умиравшего короля по поводу завещания. Слова эти показывают, что, при всей своей неразборчивости в средствах, Вильгельм не считал себя вправе распорядиться престолом Англии. «Я сам, — говорил он, — добыл эту страну незаконным образом, не по наследству, а силой и человеческой кровью; ограничиваюсь желанием, чтобы сын мой сделался королем ее, но, впрочем, все в воле Божией, как угодно Господу Богу». Умершего бросили сыновья, братья, все близкие и придворные из страха перед будущим; следом за ними бросились бежать слуги, предварительно расхитив все, что было можно. Хоронить брошенного Завоевателя было некому; труп быстро разлагался. Один бедный и сострадательный рыцарь взял на себя хлопоты и издержки погребения. На судне перевезли тело умершего короля в Кан, где он и был погребен. Не нашлось даже места для праха страшного Завоевателя. Меньшему сыну его, Генриху, пришлось заплатить сто фунтов серебра, чтобы удовлетворить притязания одного вассала, который утверждал, что место, где погребен король, принадлежит ему по праву наследства. При самом погребении случилось несчастье: когда стали опускать гроб в могилу, то оказалось, что она была слишком узка для тучного тела Вильгельма; когда же стали силой втискивать гроб, то труп короля лопнул, и распространилось такое зловоние, что священники не вынесли запаха и разбежались, не окончив священных обрядов.

Между тем в Англии началась борьба за престол. Вильгельм Рыжий, захватив шестьдесят тысяч фунтов серебра, накопленного покойником, не дождавшись погребения отца, отправился в Англию и провозгласил себя ее королем под именем Вильгельма II. Но значительная часть баронов не была довольна новым королем, совершенно похожим характером и склонностями на своего отца. Все надеялись на лучшее положение, если бы удалось возвести на престол старшего сына Вильгельма, Роберта. Поддерживаемый ими, последний высадился на остров; борьба его с братом шла успешно; но вдруг он собственным неблагоразумием погубил все дело. Роберт помирился с Вильгельмом, предоставив ему обладание Англией, а сам остался герцогом Нормандии, которую, впрочем, скоро потерял. Таким образом, уже вслед за смертью Вильгельма Завоевателя победители начинают ссориться

за обладание покоренной страной, но англам и саксам борьба эта не принесла никаких выгод; они не могли воспользоваться ею и продолжали страдать по-прежнему.

4. Мусульманская и христианская Испания

В это время христианский мир был увлечен борьбой духовной и светской властей — борьбой, известной под названием борьбы за инвеституру. В этой борьбе под внешней формой скрывалось великое содержание. Духовная власть с очевидностью начала торжествовать с XI в. С ее перевесом начинает торжествовать все бывшее в связи с церковью. Вместе с тем усиление клерикального направления в обществе было вызвано военными успехами мусульманства, которое к тому времени сделало огромные завоевания. Не только Восток был под пятой халифов, но и Запад с тревогой ждал решения своей участи. Вот почему, в числе прочего, судьбы мусульманства заслуживают особого внимания.

В 637 г., с того дня, когда Омар взял Иерусалим, когда Европа пребывала еще в язычестве, Абассиды целых триста лет владели Палестиной, пользуясь слабостью византийского императора. Правда, в 975 г. Иоанн Цимисхий овладел Сирией, покорил все города Иудеи и освободил святой город из рук неверных, но после смерти Цимисхия Византийская империя, погрузившись снова в придворные дразги, опять потеряла Иерусалим. Европейское человечество, тем временем только что вышедшее из состояния язычества, было в высшей степени склонно боготворить символы; так как культ христианства представлялся в тесной и неразрывной связи с жизнью и деятельностью Спасителя, то поэтому естественно было сильное влечение к местам, ознаменованным событиями Его земной жизни. Эти места навсегда стали священными и великими в глазах каждого христианина. Но эти святые места были уже несколько веков в руках неверных.

Внутреннее состояние мусульманского мира в эпоху распада халифата. Мы оставили мусульманский мир на заре его блеска. Из трех династий, образовавшихся в то время в среде мусульманства, каждая имела своего собственного халифа и каждая из них владела пространством несравненно большим, чем все европейские государства, вместе взятые. В Дамаске правила династия Абассидов, в Египте — Фатимидов, в Испании, именно в Кордове — халифат Омейядов. Просвещение пришло на Запад

из последнего, наименьшего по численности, но наиболее интеллектуального халифата — Кордовского. Здесь, не только на почве Испании, но и Малой Азии, столкнулись две силы. Мусульманству легко было развивать тут свою науку, потому что в Малой Азии, Африке и Испании оно действовало на той почве, где прошли две цивилизации — римская и греческая; в Испании даже три. Несмотря на разгром римского мира, в этих странах все-таки остались следы просвещения, остались образовательные традиции, которыми не могли не воспользоваться мусульмане. Таким образом, просвещение не было возбуждено Кораном, не было развито самостоятельно мусульманами; заслуга мусульман в том, что они сумели воспользоваться цивилизацией своих предшественников — греков и римлян. Коран сам по себе не давал этих движений, ибо иначе он бы самостоятельно питал европейскую культуру. Так как просвещение арабов пользовалось памятниками древней литературы и так как, далее, оно могло найти их скорее всего на почве Испании или в Александрии, то понятно, что Испания и Египет должны были породить новое направление. Коран был нетерпим вначале ко всему чуждому. Когда же он столкнулся с классическими традициями, то стал заметно гуманнее. Следует отметить, что тогда Коран не обладал упругостью последующего времени; он не успел еще тогда закаменеть, как в XIII и XIV веках. Напротив, мусульманский мир той эпохи страдал сектантством несравненно в большей степени, чем христианство; семьдесят три секты раздирали мусульманство, из них главными толками были шиитский и суннитский. Сунниты руководствовались преданием; среди них многие занимались разъяснением философских трудностей, решением догматических вопросов, причем мусульманские богословы старались разъяснить в своих трактатах некоторые весьма интересные религиозные вопросы. Решения этих богословских трудностей не могли не породить различных толкований, дававших обильную пищу для сектантских споров. Что касается шиитов, которые признавали только Коран, отвергая предания, то и они не были в свою очередь избавлены от раздора и раскола. Так, иные считали Аллаха воплощенным божеством на земле, думая, что этот Аллах существовал еще до появления вещей, что он никогда не умирал и т. д.

Успехи мусульманской науки. От этих отвлеченных фантазий отраднo обратиться к духовной и культурной деятельности

арабов, для которой представлялся большой простор в то время. Арабы занимали все пространство от Босфора до Пиренеев. Христиане надолго потеряли лучшие провинции древнего мира, самые культурные, самые плодородные, самые богатые и самые интеллигентные. Исторический район от счастливого юга, от Египта и Испании, должен был отодвинуться к северу, где, конечно, не было для истории ни нового Карфагена, ни Антиохии, ни Александрии, этих богатейших и образованнейших городов древнего мира. Именно на этих остатках античности возникла мусульманская культура и цивилизация, черпая оттуда полной рукой. Фанатизм последователей Мухаммеда исчез через несколько столетий. В среде их образовались медики, алхимики, грамматика, математики; их учителями были несториане и евреи. Первые, как известно, когда-то внушили юноше Мухаммеду основы его учения: единобожие, презрение к идолопоклонству. Это было тогда, когда Мухаммед еще мальчиком, гоня верблюдов, приходил со своим дядей в сирийский город Бозру, где беседовал с несторианскими монахами. Влияние евреев на мусульманскую, а также и европейскую культуру было самым существенным¹.

Без несториан и евреев, как без посредников, не могло бы образоваться мусульманское и вместе с тем европейское просвещение. Несториане — это христианская секта, которая, узко понимая идею единобожия, подвергала критике догмат о Троице. Этот несторианский взгляд был во вкусе мусульман, которые готовы были простить несторианам все их прочие христианские верования ради отрицания ими догмата Троицы. Вдобавок было еще нечто общее между несторианами, евреями и мусульманами, искавшими просвещения. Несториане и евреи терпели жестокие гонения со стороны правительства, первые за свое сектантство, а вторые за свое презрение к христианской вере. Мусульмане взяли их под свое покровительство. Конечно, несториане не разделяли мусульманских убеждений о Мухаммеде, но у них была общая симпатия с мусульманами к практическим наукам, как, например, медицине и вообще ко всем тем знаниям, на которые последняя опирается.

¹ См. *Дрэпер*. История отношений между католицизмом и наукой, пер. А. Н. Пыпина, Спб., 1876, а также История умственного развития Европы, гл. 13.

Известно, что слово «врач» со времени Константина в христианской Европе было равносильно слову «язычник». Со времени официального провозглашения христианства предпочитали лечить дух, а не тело; первые обязанности должны были исполнять священники, а вторые — богадельни и преимущественно женщины. Что касается врачей, то они жестоко преследовались на Востоке, потому что каждый врач — ученик Гиппократы, каждый эскулапист — философ, следовательно, враг христианина; вследствие этого медицинские школы со времени Константина были закрыты. Духовенство вместе с женщинами приняло на себя заботу о больных. Правительство передало больницы женщинам, причем занятие медициной, требующее прежде всего изучения анатомии и рассечения трупов, строго преследовалось. Когда же одно духовное лечение не достигало цели, то приходилось или пользоваться какими-нибудь суеверными средствами, или положиться на чудо. И действительно; больные отправлялись — часто целыми толпами — на поиски этих волшебных целительных средств. Несториане и евреи, быть может, потому были ненавистны правительствам, что занимались медициной, так сильно преследуемой и на Западе, и на Востоке.

Таким образом, самые простые понятия перемешались: серьезное изучение считалось колдовством, а суеверие принималось за богоугодное дело. Нельзя было, например, исследовать траву, которая давалась больному, а необходимо было сотворить над ней известное заклятие. Известно, что несториане, избегая преследований, удалились на Евфрат после гибели их вождя, основав свою халдейскую школу. В Месопотамии еще до мусульман стали возникать училища; первое из них было в Эдессе. Это училище пользовалось экспериментальным методом древних и имело чисто практическую цель. На сирийский язык были переведены Аристотель и Плиний, из самого выбора которых видно, что эта эдесская школа и сами халдейские несториане изучали практические науки. Сверх того несториане и евреи устраивали и медицинские школы, где впервые была принята система академического обучения, вошедшая впоследствии во всеобщее употребление.

Халифы, завоевав весь восточный мир, покровительствовали несторианам, как бы не считая их христианами. Им они предоставили воспитание своих детей, а знаменитый халиф Гарун аль-Рашид отдал все школы под надзор несториан. Он же издал пове-

ление, которое к величайшей чести мусульман свято соблюдается ими по настоящее время, а именно *чтобы при каждой мечети была открыта школа*. Под руководством несториан греческие и латинские книги переводились на арабский язык и в азиатских городах устраивались библиотеки. Со своей стороны средневековые евреи содействовали успеху медицины и по преимуществу — точных знаний. Известно, что в древнееврейском мире левиты были всегда против врачей; но, освободившись от их узкого влияния, интеллигентные евреи являются сторонниками точных знаний; в Александрии возрождается центр их умственной деятельности. Евреи были также в милости у арабских халифов; многие из них выдвигались, как государственные люди.

Таким образом, вследствие обоюдного воздействия христиан и евреев скоро исчезла теологическая система учения на Востоке. В Багдаде, под еврейским влиянием и покровительством халифа, был основан университет. Туда, рассказывает арабский летописец, почти каждый день ходили караваны верблюдов, навьюченных книгами. Тогда же возникли школы в Бассоре, в Фесе, в Сицилии и Испании; в последней процветали школы в Севилье и Кордове.

Но и помимо еврейского и несторианского влияния, арабы могли сами по себе быть народом ученым. У мусульманских властителей было много таких поговорок, которые полезно бы вспоминать и в наше время. Например, они полагали: «Чернила ученого столько же достойны уважения, как и кровь мученика»; «рай столько же существует для того, кто хорошо владеет пером, сколько для того, кто пал от меча»; «мир держится четырьмя вещами: знанием мудрого, оружием сильного, молитвой доброго и мученичеством храброго». Со времени четвертого халифа вошло в обычай покровительствовать ученым. Наука пользовалась повсеместным почетом; то, что было прежде не более как делом политики, вошло после во всеобщий обычай, так что не только каждый халиф, но и всякий эмир, соответствующий западному герцогу, строил училище или даже академию, чтобы приобрести независимость. Пропорция между победителями-арабами и побежденными христианами была громадна; это соотношение между численностью одних и других увеличивалось главным образом потому, что арабы допускали многоженство, строго запрещенное христианством. Бывали магометанские се-

мейства в сто пятьдесят и сто восемьдесят душ одних детей. Кроме того, и христиане ради льгот, предоставленных мусульманам, часто обращались в мусульманство.

Алхимия. Надо заметить, что арабы исходили не из одного точного исследования. У них не было метода. Анализируя непонятные и темные факты, арабские ученые руководились указаниями алхимии, — тем, что впоследствии было названо на христианском западе чернокнижием. Непонятные факты принимались лишь к сведению, причины же их приписывались сверхъестественной силе. Опыты тоже не объяснялись. Никто, например, не мог сказать, почему происходят те или другие простейшие химические явления, почему из бесцветных жидкостей получаются при помощи огня цветные осадки и т. п. Эти опыты и исследования и назывались у арабов тайной наукой; у христиан — чернокнижным искусством. Поставив планеты и звезды в связь с существованием каждого индивидуума, арабы каждой звезде предназначали отдельного субъекта. Впоследствии из алхимии вышла химия, как из астрологии, изучавшей тайны жизни человека, образовалась астрономия. Таким образом, вместо этих таинственных наук вышли науки точные, но без первых не было бы и последних¹. Приняв алхимию, арабы сами работали над ней и добились экспериментальных способов. Арабы всюду старались отыскать, как говорили, дух или, по выражению римлян, *spiritus*; потом это слово *spiritus*, соответствовавшее сперва элементу тел, получило другое значение, совершенно противоположное.

В древности еще полагали, что земля творит золото и серебро из низших веществ; подобное предположение появилось вслед-

¹ В связи с этим хотелось бы вспомнить любопытную статью казанского профессора химии *И. И. Канонникова* «Алхимия и современная наука». Речь на акте Казанского Университета 5 ноября 1886 г. Совершенно справедливо следующее замечание автора: «Алхимия была всегда строго научной концепцией, задаваясь рационалистическим объяснением превращений материи. Нигде в ней, ни в какой из ее манипуляции и операции чудо не имеет места. Правда, не все алхимики говорили простым и ясным языком. Скорее это исключение; громадное же большинство употребляло в своих сочинениях чрезвычайно жалкую и трудно понимаемую фразеологию и терминологию, что и было причиной, почему люди, незнакомые с делом, бросали их сочинения, не разобрав их смысла, и клеймили авторов именем полоумных,

ствие того, что земля считалась таким же деятельным и производительным организмом, как и человек. Пытливый ум наблюдал, что под влиянием теплоты образовывались растения, что камни и металлы вырастали в земле. Замечали далее, что огонь очищает предметы. Отсюда появилось мнение, что искусственным способом можно произвести из низших предметов высшие. Таким образом, задумали добыть золото из низших веществ: тогда явилось учение о философском камне. Из античного мира, через несториан и евреев, этот философский камень перешел к христианам.

Авиценна и Аверроэс. В арабской медицине этому таинственному орудию соответствовал эликсир жизни, который предполагалось составить из золота, обращенного в жидкость посредством растворения в воде. Вообще алхимия с большим правом называлась в то время наукой веса, наукой горения. Конечно, ни арабам, ни христианам не удалось добыть жизненного эликсира, но важно то, что первые и вторые создали химию. Добывая эликсир жизни, арабы наткнулись на азотную и серную кислоту, фосфор и различные другие вещества. Тогда же появляются арабские ученые, из которых достаточно указать на Авиценну (Абу Али-Ибн-Сину), родившегося в Персии около 980 г. и жившего до 1037 г. Этот ученый исследователь изучил Аристотеля и, пользуясь им, составил трактаты о логике и метафизике; он же приобрел громкую известность как медик, как математик, как государственный деятель. Его труды по части медицины пользовались большой популярностью даже в конце XV в. Кроме того, он известен и по части других знаний: физики, астрономии и арабского языка; словом, это замечательнейший энциклопедист всех времен и народов. Первый ученый хирург,

а их творения бреднями. Но если мы дадим себе труд глубже вникнуть в их сочинения, а особенно в те мысли, которые руководили авторами, то мы придем к другому заключению и должны будем признать за ними великие заслуги, а за их работами и идеями строго научный характер... Остается только удивляться силе ума этих алхимиков, которые с таким ничтожным запасом фактов были способны доходить до тех замечательных выводов, которых они достигали и которые иногда являются под стать разве только нашему времени, обладающему столь изумительным богатством фактического материала в науке».

разработавший некоторые хирургические инструменты, кордовский врач Альбуказас († 1106) был последователем принципов Авиценны¹. Всесторонний гений Аверроэса (по-арабски Ибн-Рушд) развился благодаря школе Авиценны. Ибн-Рушд работал во второй половине XII в. (умер в Марокко в 1198 г.). Сознвая недостаток метода в научных исследованиях своих единоверцев, он перевел на арабский язык кодекс греческой мудрости, т. е. все сочинения Аристотеля. Это был факт великой важности непосредственно в истории мусульманской образованности, а косвенно и в истории образованности христианской, потому что дальнейшие успехи точного знания, особенно медицины и математики, в Европе направлялись некоторое время исследованиями арабских ученых². Аверроэс, живший духовно в античном мире и усвоивший философские воззрения древних, написал комментарии на творения Аристотеля, а также на Авиценну. Для средневековой образованности в высшей степени важно также то обстоятельство, что в христианских школах Испании, а потом долгое время на всем Западе за незнанием греческого, упорно презираемого языка, изучали Аристотеля по латинским отрывкам, переведенным с арабского текста Аверроэса. Благодаря главным образом алхимии и ее деятелям, арабская наука быстро развивается. Принимая материальное направление, она отрешается от всего спиритуального. Именно в этот момент перемены в направлении арабской науки арабы сталкиваются с христианами и начинают передавать им свою культуру. Обе стороны стояли на разных позициях: христиане оставили античную традицию, арабы следовали ей, но представляли эту античную традицию в таком виде, что христиане никак не могли ее одобрить. Влияние арабов на тогдашнюю спиритуальную Европу, взиравшую на них, как на учеников дьявола, с которыми не должно быть ничего общего, начинает проявляться в медицине, именно в то самое время, когда Европой овладевает религиозный экстаз.

¹ Сочинения Авиценны в латинском переводе были изданы последовательно два раза в Венеции в 1582 г. Это издание — наиболее полная медицинская энциклопедия средних веков, ибо сочинения Авиценны служили для врачей XIII-XV столетия главным источником.

² См. *Renan. Averroës et l'Averroïsme*, Paris, 1852.

Кордовский халифат. Наиболее высокого выражения мусульманские идеи достигли на почве Испании, через которую уже прошли три цивилизации: пуническая, греческая и римская. Мусульманской культуре оставалось только протянуть руку последней, чтобы потом передать свое содержание всей остальной Европе. Припомним, что в VIII в. арабы проникли даже на почву Франции и утвердились в Нарбоне. В следующем столетии они владели почти всем полуостровом, за исключением северо-западной части. Через Пиренеи они расширили свою территорию до пределов Франш-Конте. Арабы преимущественно сосредоточились в Средней и Южной Испании. Столицей халифата с 756 г. была Кордова вплоть до прекращения династии Омейядов в 1031 г. Но вестготы уберегли свою независимость в северо-западной части страны. Первым халифом кордовским был Абдаррахман (754 — 787). При его внуке того же имени, славном Абдаррахмане II (822 — 852), Кордовский халифат достиг наибольшего величия в смысле внешнем. Этот халиф любил пышность и расточительность багдадских властителей. Он был в своем роде Юстинианом для мусульман. Он окружил себя многочисленной свитой, построил дорогие общественные здания, мечети, дворцы, развел большие сады, в которых водопроводы заменяли горные ручьи. Он любил поэзию и окружал себя учеными. Не менее знаменит был его внук Абдаррахман III, восьмой халиф из Омейядов (911 — 961), правивший ровно полвека и оказавший великие услуги человечеству основанием первой медицинской школы. Современники за мудрость уподобляли его Соломону. При его дворе, кроме ученых, особым уважением пользовались поэты Ахмет Абд-Реббиги, прославившийся идиллической поэмой «Могазерат», Ибн-Деррадж и поэтесса Айша, бывшая одной из жен халифа. Кордова достигла при нем наибольшего блеска в смысле внешней культуры, так что латинская поэтесса монахиня Гросвита называет Кордову «красой вселенной». Цифры, сообщаемые по этому поводу, очень интересны, хотя необходимо заметить, что арабские летописцы любят приукрашивать и многое прибавлять.

Покоренные христиане были склонны к возмущению и не переставали сноситься с Францией. Толедо волновался и наконец открыто восстал и отошел от мусульман, но только на восемь лет. Однажды даже в самой Кордове вспыхнуло восстание христиан. В восстании участвовали главным образом духовные лица, а с

ними вся масса народа. Очень многие христиане из высших классов тогда совершенно слились с мусульманами; отказавшись от своей веры, они занимали даже видные общественные должности. Эти люди подражали своим властелинам, содержали гаремы, забывали родной язык, предпочитая арабский, который скоро и был объявлен обязательным. Им вообще жилось хорошо.

Один испанец по имени Алава говорит о них так: «Эти люди предпочитают поэмы и романы арабов, изучают философию и богословие мусульман, не с целью опровергнуть их, но чтобы приобрести хорошие обороты арабской речи. Где теперь найти мирянина, который бы читал латинские толкования к Св. Писанию? Кто читает Евангелие, пророков или апостолов? Увы, все юноши, более способные, знают только арабский язык, читают только арабские книги и кричат о превосходстве арабской литературы. Заговоришь с ними о христианских книгах — они отзовутся о них с презрением. Христиане забыли свой язык, и не найдется ни одного, который мог бы по-латыни переписываться со своим другом». Понятно, эти люди не встали во главе восстания в Кордове, которое было вызвано духовенством. Известно, что священник Евлогий призывал христиан к мученичеству и к восстанию против мусульман. Монахи стали даже врываться в мечети с проклятиями против неверных. Их казнили тут же, но тем не менее раздражение против мусульман не уменьшилось. Конечно, восстание в Кордове было легко подавлено. Халифы простирали свои замыслы даже на христиан, населявших другую часть полуострова.

Интересно проследить, как растет этот северо-западный уголок за счет остального полуострова и как мусульмане мало-помалу отодвигаются назад за берега Гвадианы.

Христианские государства в Испании. Эта борьба может быть названа крестовой; она хотя предшествовала крестовым походам, но имела то же содержание. Она продолжалась с X по XIII век¹. При падении Вестготского королевства, в горах Астурии и Бискайи, начали укрываться беглецы, которые отстаивали свою независимость, ежедневно сражаясь с маврами. Вождями в этих небольших приморских городах с правом наследства были

¹ В середине XIII в. единственным мусульманским государством в Испании остался Гранадский эмират, который пал в 1492 г. — *Прим. ред.*

выбраны Петр и Пелагий. Петр предводительствовал многочисленными толпами беглецов в Бискайе, Пелагий жил в Астурии. Обе эти области лежали рядом по южному берегу Бискайского залива. Петра называли герцогом Кантабрии, а Пелагия за его храбрость выбрали королем Астурии. Пелагий, умирая, передал Астурию своему сыну, Фавиле, как видное и независимое государство. Через два года после смерти Фавилы астурийские вельможи избрали королем сына Петра, герцога Кантабрского, храброго Альфонса, который, таким образом, соединил в своих руках всю христианскую часть Испании под именем Астурийского королевства. Из этой державы и возникли впоследствии государства христианской Испании: Арагон, Леон, Каталония, Валенсия и проч. Все эти области лежат рядом широкими параллельными полосами от запада к востоку. Впоследствии Карл Великий присоединил к своей империи часть Испании до Эбро, но эта часть после его смерти опять отошла к мусульманам, с тем, чтобы в скором времени образовать самостоятельное христианское государство. Успех Астурии в борьбе с Кордовой был мало вероятен. У мусульман был сильный флот в Средиземном море, вверенный особому начальнику, называвшемуся «Эмир-уль-ма», (повелитель вод), откуда происходит позднейшее итальянское слово «адмирал». В свою очередь Андалузские порты отправляли много пиратов в Средиземное море, которые во имя ислама часто содействовали флоту. Эти пираты впоследствии овладели Критом и на несколько дней Александрией. Они держали в страхе все побережье Средиземного моря.

Казалось, что нет никакой надежды небольшой Астурии или крошечной Барселоне одолеть могущественный халифат, который всегда мог призвать на помощь миллионы своих единоверцев из Азии и Африки. Но астурийцы были крепки благодаря энергии своих королей; в них было много религиозного экстаза и святого рвения.

Альфонс III, король Астурии (863—912). Самым талантливым королем Астурии в то время был Альфонс III, прозванный Великим за свои успехи и энергию. Он расширил свои владения, разбив арабов при Заморе. Это была первая победа над мусульманами в пределах полуострова. Но и Альфонс имел неосторожность разделить свое государство перед смертью на три части. Если бы короли стремились к единству, а не к разделению, то,

конечно, мусульманский халифат пал бы раньше. В этом постоянном делении на уделы и заключалось все несчастье христианской Испании. Так Альфонс разделил Астурийское королевство на три части: старшему из своих сыновей, Гарсии, дал Леон, Кастилию и Бискаю; второму сыну, Ордоньо II, дал Галисию; третьему, Фройлу, — Астурию. Гарсия перенес тотчас после смерти отца свою столицу из Овьедо в Леон, а потому все его государство получило название Леонского. Но он вскоре умер, и его королевство перешло к Ордоньо II. Хотя разрозненные части соединились, но тогда же на северо-востоке Испании образовалось два новых христианских государства: Наварра со своим королем Санчо I и Каталония, к которой после отошел Арагон, выделившийся из Наварры, а впоследствии совершенно обособившийся. Эти два новых государства образовались на развалинах монархии Карла Великого.

Расширение христианской Испании. Абдуррахман III, любивший лишь науку, мало обращал внимания на политику. Он дал возможность усилиться христианам, несмотря на их разрозненность и вражду, и даже поддерживал Леонского короля на престоле, вопреки собственным интересам, хотя против него и восставали. Эти стремления к феодализму дали возможность образованию независимого Кастильского государства из Леонского. Леон выделился из Астурии, а из Леона в свою очередь выделилась Кастилия. Располагавшаяся далее к востоку Кастилия ведет свое начало с 964 г., и первым ее королем был Фернандо Гонсалес.

В то время, как христианские государства за Пиренеями из года в год бьются за свое существование и с трудом отстаивают себя, мусульманский халифат процветает благодаря развитию искусств и ремесел среди арабов. Население южной половины полуострова тогда доходило до тридцати миллионов, позже существенно уменьшилось. Кордовский халифат имел в X в. сто двенадцать миллионов ливров в год дохода. Эта цифра в сравнении с ежегодным доходом тогдашних государств бесконечно велика. Нечего и говорить о материальных средствах германского императора, тем более короля французского. Современники приводят богатые числовые данные, которые показывают блеск халифата. Следует отметить, что этот самый блеск и привел государство к падению.

Так, по их словам, только в долине Гвадалквивира было двенадцать тысяч городов, местечек, поселков, ферм; окраины были заняты дворцами и садами. В одной Кордове было 113 тысяч домов, 80 высших школ, 300 бань, 28 предместий, 85 тысяч лавок и 600 мечетей. Улицы Кордовы были освещены, между тем как в то время на темных улицах Парижа и Лондона нельзя было показаться в семь часов вечера, не рискуя быть ограбленным. Знаменитая кордовская мечеть, которую строили целых два столетия, была чудом архитектуры. В ней было 19 ворот и 19 продольных галерей, 1400 мраморных колонн, 4700 ламп, в которых выгорало в ночь по 2 пуда масла. Здесь же был знаменитый, роскошный дворец халифа, Алькасар. В мусульманской Испании было 70 общественных библиотек и сотня высших учебных заведений. В одной Кордове насчиталось до 600 000 рукописей. Если эти цифры и были значительно преувеличены и если их сократить даже наполовину, то получится нечто во всяком случае довольно внушительное. Но хотя благодаря развитию ремесел и искусств халифат процветал, то в нем не было уже воинственности. Сами халифы стали игрушками двора. Талантливые воины приносили победы, но тем не менее халифат, достигнув известной силы, был лишен дальнейшего политического развития. Из счастливых мусульманских государственных людей в X в. следует назвать Мухаммеда, славного министра халифа Хашама II и Абдуррахмана IV, которыми закончилась династия Омейядов в Испании. Этот вождь в последние годы Омейядов употреблял самые героические усилия, чтобы поддержать славу халифата. Он был прозван Альмансором, т. е. защитником, за свои победы над христианами. Он прошел всю северную часть полуострова, пользуясь разрозненностью христианских государей. Он победил, по словам арабских летописцев, христиан в пятидесяти сражениях. Но когда в 1002 г. христианские короли соединились и дали ему в верховьях Дуэро битву, в которой мусульман пало несколько десятков тысяч человек, то он был разбит наголову. Тяжело раненный в этом сражении, он вскоре умер. После его смерти в халифате начались междоусобия. Эмиры против своих же государей призывали на помощь дикие арабские полчища из Африки, которые однажды, в 1013 г., произвели такой разгром в Кордове, что мусульмане с этого времени не могут оправиться, а город приходит в упадок. Трое суток продолжались резня и грабеж. Все жен-

щины и дети в эти страшные дни были перерезаны. Самые лучшие здания разрушены. Пользуясь смятениями в халифате, мусульманские эмиры объявляли себя независимыми, еще прежде чем в 1031 г. прекратилось навсегда господство Омейядов. Мусульманский халифат распался на несколько эмиратов, вся история которых состоит в постоянных войнах между собой и с христианскими государствами полуострова. Когда окончательно пресеклась династия Омейядов, христианские государства на некоторое время соединились. Война с Альмансором совершенно опустошила и без того небогатые христианские области, и только случайные обстоятельства — прекращение династии в Кордове и раздоры в мусульманском халифате — спасли существование этих опор христианства на полуострове.

Теперь христианские государи Испании стараются распространить свои пределы за счет тех же мусульман. Это начинается с XI в. Эмиры сами вмешивают христиан в свои ссоры, а те предлагают свои услуги.

Санчо III, король Наварры (1000—1035). Для христианских государств было много случаев к соединению, но они не пользовались ими; после каждого союза они опять разделялись. Так, в 1033 г. королю Наварры, Санчо Третьему удалось подчинить себе все земли испанских единоверцев. Он, искусно пользуясь обстоятельствами, присвоил себе Астурию, Галисию, Леон, Арагон, Кастилию, одним словом, всю христианскую Испанию, кроме графства Барселонского. Казалось, тогда настал момент соединения христианских государств. Но Санчо, не пользуясь благоприятным случаем, сам поднимает на себя меч. Перед смертью он, по дурному обычаю своих предков, разделил свое государство между четырьмя сыновьями. Старший из них, Гарсия, получил Наварру и Бискаю; второй, Фердинанд I, удержал за собой Кастилию, а через два года сделался властителем Галисии, Астурии и Леона, женившись на наследнице этих земель; двое же остальных наследников, Гонсалес и Рамиро, разделили между собой Арагон. Теперь наибольший интерес в борьбе с мусульманами сосредоточивается на Кастилии. Фердинанд I Кастильский привел мавров в такой ужас, что даже заставил их платить себе дань. Казалось, сама судьба определила уже изгнание из Испании ослабевших арабов; христианам необходимо было лишь больше единодушия и твердости.

Фердинанд I, впрочем, не питал серьезных политических замыслов. Он имел неосторожность разделить свое и без того небольшое государство на пять частей. Санчо II получил Кастилию, Альфонс II — Леон и Астурию, Гарсия — Галисию, остальные два государства получили две его дочери. Кастильский король в 1058 г. напал на Леонского, но сам пострадал от этого и был спасен только благодаря героизму своего вождя, Сиды Кампеадора, чье прозвище по-испански значит «господин завоеватель».

Сид Кампеадор. Настоящее имя его Рюи или Родриго Диас де Бивар. Это один из самых любимых героев испанского народа, который особенно разукрасил Сиды в своих поэмах XII в. Тот Сид, который изображается в поэмах, не похож на настоящего исторического. Но поэтические памятники о Сиде важны потому, что выражают идеал народного героя, показывают, какого героя хотел иметь испанский народ¹. Первую известность Родриго Диас приобрел после спасения короля Кастильского Санчо, которому он выиграл битву. Результатом битвы был плен Альфонса VI, но пленник бежал из тюрьмы и призвал против брата мусульман. В это время Санчо был предательски умерщвлен. Альфонс не только получил обратно все свои владения, но и Кастилию; впрочем, кортесы заставили его предварительно дать клятву в том, что он не участвовал в убийстве брата. Альфонс тотчас же поспешил изгнать Сиду, от которого потерпел столько несчастий. Сид с тех пор вел жизнь изгнанника. Он не стеснялся служить мусульманам, и народное воображение несколько этим не возмущалось. Сид помог эмиру Сарагосы пленить графа Барселонского. Ему было все равно, с кем и за что воевать. Ему нужна была война, чтобы прокормить свою громадную дружину в три тысячи рыцарей. Альфонсу некоторое время везло в борьбе с мусульманами.

В 1085 г. он решил предпринять серьезный поход против Толедо, в чем ему сочувствовало множество рыцарей из Наварры, Арагона, Франции и Германии. Этот поход был делом полностью национальным и стал как бы началом крестовых походов. Толедо был взят, но христиане вскоре должны были оставить город, так как кордовские мусульмане пригласили Сиду на помощь против

¹ Сид воспет в поэме XII в. «Песнь о моем Сиде». Сначала она была написана по-латыни, в XIII в. появилась на испанском языке под заглавием «Cronica del famoso cavallero Cid Ruy Campeador».

своих единоверцев из Африки. Это было полудикое племя, называвшееся альморавидами (от «равиды», что значит пещеры). Кочевало оно на северном берегу Африки. В 1065 г. этот народ сделал своей столицей город Марракуш в нынешнем Марокко, из которого и производил удачные набеги на христиан. Альфонс VI защищался против них, но безуспешно. В 1086 г. христиане были разбиты в двух сражениях. Но альморавиды после этих битв не пошли дальше, а обратили оружие против своих единоверцев. Подчинив многочисленных мусульманских государей Испании, предводитель альморавидов Юсуф назвался главой правоверных и гордился тем, что за него молятся в 1700 мечетях. Энергия, овладевшая сначала этими дикими племенами, ослабела. Тогда Сид опять передался христианам, гордясь, что его наемничество у мусульман было полезно для христианства, ибо мусульмане должны были содержать за свой счет христианских воинов. А когда тот же Сид стал грабить христианские поселения, то говорил, что добывает пищу для своих рыцарей. Затем все свои личные усилия он обратил против Валенсии. Этот пункт принадлежал арабам. После долгих усилий он, наконец, взял Валенсию и сделался независимым ее владельцем. Владея этим важным городом, он совершенно игнорировал остальные христианские города. Вскоре ему пришлось отбиваться одновременно от мусульман и от Альфонса Кастильского. Альфонс разбил дружину Сиды. Это событие потрясло героя; он умер в 1099 г., не успев отомстить. Мусульмане осадили Валенсию; вдова Сиды защищалась упорно, но, наконец, взяв останки героя, оставила город и похоронила их в Бургосе. Вот действительные факты из истории Сиды. Из них видны те основания, которые заставили испанский народ считать Кампеадора великим борцом своим и излюбленным героем. В самом деле, вся жизнь его прошла в борьбе с угнетателями родины. Он не испытал поражений. Правда, он не раз был изгоняем; его предавали те христианские государи, интересам которых он посвящал себя. Потому ему приходилось не раз вступать в союз с мусульманами для того, чтобы по господствовавшему и в то время считавшемуся справедливым обычаю отомстить за обиды, нанесенные ему его же соотечественниками. Каковы бы ни были действительные приключения его жизни, приключения, теряющиеся в сумраке тех отдаленных времен, — Сид представляется нам великим защитником своего народа против мав-

ританских угнетателей. Столь же сказочен, как песня о Сиде, рассказ об Альфонсе VI. Поход его в Толедо воспет не летописцами, а провансальскими трубадурами. Они заимствовали свои сюжеты у арабов, которые имели страсть к преувеличению и к художественности языка, ради которого иногда искажали факты. После смерти Сиды Альфонс был снова разбит мусульманами в 1108 г., несмотря на помощь многих иностранных рыцарей. Между этими рыцарями был граф Генрих Бургундский. Чтобы удержать его многочисленную дружину, Альфонс в 1094 г. женил графа на побочной дочери Терезе и дал ему земли между Миньо и Дуэро.

Начало королевства Португальского в 1137 г. Земля эта назвалась Португалией от города Порто-кале (нынешний Оporto). Генрих считал себя в вассальной зависимости от Альфонса, но после его смерти он отделился, объявив себя независимым. Сын же его, Альфонс I, принял даже королевский титул в 1139 г., завоевал Лиссабон с помощью крестоносцев и сделал его своей резиденцией. Таким образом, образовалось седьмое христианское королевство. Но кастильцы не признавали независимости португальского короля. В испанском христианском мире усиливались раздоры. При таком положении дел нельзя было нанести окончательного удара мусульманам. Наконец враги избрали судьей папу Александра III, который решил спор в пользу Португалии, но за это поставил ее под свое особое покровительство, за что она же должна была платить ему ежегодную дань. Между тем Альфонс VI умер бездетным. Королем Кастилии, Арагона и Наварры был провозглашен Батальадор.

V

КРЕСТОВОЕ И КОММУНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В XII в.

1. Начало крестоносного движения и первый крестовый поход

Крестовая идея, двигавшая походами западного воинства на мусульманском Востоке, была порождена столкновением двух направлений: спиритуального христианского и материалистического арабского. Конечно, гонения на пилигримов, совершаемые мусульманами, не могли быть единственными побудительными

причинами крестовых походов. Были более существенные причины — экономические. Но несомненно и то, что притеснения христиан, поклонявшихся Св. Гробу, послужили толчком для крестовых походов. Поклонение Св. местам началось с первых времен христианства¹.

¹ В хронологическом порядке первый памятник о крестовых походах принадлежит священнику *Петру Тудебоду*, принимавшему личное участие в первом крестовом походе и находившемуся при осаде Иерусалима. Он был первым, который описал крестовый поход. Труд его носит заглавие «*Historia de Hierosolymitano itinere ad. a 1095—1099*». Этот труд копировал *Роберт Монах* в «*Historia Hierosolymitana usque ad a. 1099*». Он особенно важен для изучения событий, предшествовавших крестовым походам, на Клермонском соборе, на котором он сам присутствовал, и для взятия Иерусалима. *Роберт Монах* один из лучших источников, которому можно доверять. Также копировал труд Тудебода *Бальдерик*, епископ Доля, только исправляя его слог. Он писал со слов одного аббата, который участвовал в походе, а лично на Востоке не был. Затем следует назвать *Раймунда Ангийского*, как писателя, отправившегося в поход в качестве дьякона при епископе Адемаре. Когда епископ умер, он был возведен в сан священника, а потом сделался капелланом Раймунда, графа Тулузского. Его труд носит название «*Historia Francorum, qui ceperunt Hierusalem*» (1095—1099). Он рисует эпоху со всей наивностью и слишком бредит различного рода фантастическими явлениями. События часто перемешаны, и рассказ непоследователен. Особенно хорошо изложены последние события. Он кончает фактом взятия Иерусалима, но какой-то аноним продолжил его труд еще на один месяц до битвы при Асколоне (за август 1099 г.). Все остальные источники менее важны, потому что авторы большей частью не участвовали в крестовых походах, а если и участвовали, то только в отдельных предприятиях. Так, капеллан *Фульк Шартрский* предпринял крестовый поход, но на дороге из Никеи в Антиохию оставил армию и удалился в Эдессу, приняв звание капеллана при Балдуине, который сделался князем Эдесским. Он любит таинственность, чудеса. От суеверия несколько освободился только *Гвиберт*, аббат в Ножане, родом из Клермона. Его «*Historia Hierosolymitana*» (1095—1100) уже имеет только значение мемуара. Он по крайней мере свободен от веры в сверхъестественное, *Рауль Канский*, как поэт нормандский, пишет то стихами, то прозой (1096—1110). Его произведение не мемуары, а поэма. Сам он не участвовал в первом крестовом походе, но тем не менее был в Палестине с 1107 г. и имел возможность получить все подробные сведения о походе из рассказов

Из арабских писателей наиболее известен *Абул Магассен*, живший в XV в. и написавший сочинение «Книга блестящих звезд,

соучастников. Из способа изложения уже видно, насколько автор заслуживает доверия. Монах *Ордерик Виталий* написал «церковную историю», причем указал на свои источники, которыми он руководствовался при изложении крестовых походов. В десятой главе X книги у него сделан перечень крестоносцев и переименованы важнейшие вожди. Вслед за ними идут люди, только слышавшие о крестовом походе и пользовавшиеся прежними источниками. На первом плане стоит *Альберт Ахенский* в «Истории священной войны». Он не был очевидцем описанных им событий, но излагал по показаниям участников. Рассказ его начинается с 1095 г. и кончается 1121 г. Он беседовал с толпами пилигримов и воспроизвел их похождения и чувства с живым энтузиазмом. Умер он в конце XII столетия. Следовательно, его сочинения не могут строго называться источниками, так как автор был удален от места действий. *Гийом Тирский* написал «Историю священной войны в XXIII книгах». Это сочинение доставило автору титул «князя историков крестовых походов». Он обладал замечательным красноречием. Он один из средневековых летописцев оправдывает мусульман и не щадит своих единоверцев. Его сочинение не может называться источником, а есть не что иное, как пособие, посвященное идее крестовых походов. Оно переведено на французский язык и находится в «Collection des mémoires» Гизо. Трудом Гийома Тирского пользовался *Бернард*, бывший казначеем при Фридрихе II Гогенштауфене. Он оставил нам единственную полную историю всего времени крестовых походов, и притом на старофранцузском языке «L'estoire d'Eracle empereur et de la conquete de la Terre d'Outremer» (до 1230 г.). До 1184 г. Бернард ограничивался переводом истории Гийома Тирского. С этого же года он продолжал еще сам до 1230 г.; аноним довел его хронику до 1275 г. (у Гизо, т. 19). Таким образом, Бернард Казначей полагался на Гийома Тирского, который, в свою очередь, пользовался другими источниками, так что иногда фразы Бернарда под влиянием позднейших наблюдений освещают дело. Также заимствовано сочинение *Жака де Витри*, епископа Птолемаиды, в начале XIII в., «О странах Востока» («Hist. Heros. abbreviata»). Родившись в Витри, недалеко от Парижа, он обратил на себя внимание Иннокентия III и, по его поручению, в 1230 г. проповедовал поход против альбигойцев. Потом, как храбрый воин католицизма, отправился в Палестину для просвещения мусульман. Жители Акконы выбрали его своим епископом. Здесь, в Палестине, он задумал описать все то, что видел. Когда увлечение, овладевшее христианами, охладело, он сложил с себя звание епископа и удалился в Италию, где и умер.

султанов Египта». Это сочинение очень важно, потому что оно составлено по современным свидетельствам, не дошедшим до нас.

Из византийских наиболее существенны сочинения *Анны Комнины*, жившей в XII столетии и *Никиты Хониата* (1155—1216). Сочинение последнего начинается 1118 г. и кончается 1206 г.

Пилигримы. Нельзя сказать, чтобы древняя христианская церковь покровительствовала этому поклонению. Так, Августин, автор сочинения «О граде Божием», говорит по поводу пилигримства: «Господь не сказал: иди на Восток и ищи правды, но — плыви на Запад и получишь отпущение». Григорий Нисский восстает еще решительнее в своих речах против пилигримства, от которого, по его мнению, больше всего терпят женщины, так как портится их нравственность. В числе аргументов он приводит следующее: «Разве Христос и Дух Святой не обитают повсюду? Разве следы и Гроб Господень делают жителей Палестины менее преступными в сравнении с самыми отдаленными европейцами?» Святой Иероним, хотя и ходил в Св. землю, но в принципе не защищал пилигримство.

Когда в XI столетии стал складываться организм католической церкви, то путешествие по Святым местам, по его трудности, стало богоугодным делом. Часто отец предназначал своего сына на богомолье для искупления своих грехов, и тогда первой обязанностью сына было исполнение обета. Пилигримство служило в то же время выражением благодарности. Пилигримы считались почти святыми людьми. Всякий, пожелавший совершить это путешествие, объявлял о своем желании епископу. Епископ обсуждал вопрос о том, насколько искренне желание такого лица, не хочет ли оно удовлетворить лишь любознательности, потом давал ему посох, котомку и благословение ко всем христианам на пути. Всего труднее было получить дозволение на пилигримство монахам, которые могли обратиться к светской жизни, заручившись дозволением путешествия. В дороге на пилигрима смотрели как на священника. Все искали его благословения и молитвы, хотя он и был мирянином. Странникам оказывалось всякого рода внимание. Знатный феодал должен был давать ему место за своим столом рядом с собой. Если пилигрим не сдерживал почему-либо своего обещания, медлил по какой-либо причине, то это считалось преступлением.

Так, в IX в. герцог Бретани, по имени Фротмонд, убивший своих дядю и брата, был наказан путешествием в Иерусалим в виде кающегося грешника. Из Иерусалима осужденный герцог направился пешком в Африку; отсюда же переехал в Рим на судне. Но папа не был доволен этим наказанием. Он велел ему еще раз совершить странствие. Герцог покорился; он побывал еще раз в Иерусалиме, пошел на Синай, жил там три года, оттуда отправился в Армению и, наконец, возвратившись в отечество, укрылся в монастыре. Затем Фульк, граф Анжуйский, убивший свою жену и много разбойничавший, был три раза в Палестине, три раза лобызал гроб Господень и все еще чувствовал угрызения совести. Даже женщины предпринимали эти опасные путешествия.

Умереть возле гроба, где были следы Спасителя, было величайшим счастьем. Пилигримы даже морили себя постами, подвергались бичеванию, чтобы только пострадать у гробницы Спасителя. Роберт Дьявол, герцог нормандский, предпринял путешествие к Святой Земле с большим числом своих рыцарей, а на обратном пути, в Никее, бургундец Лиутбальд умер на Масличной горе от изнурения. Мало-помалу из пилигримов стали образовываться целые толпы, так что они удивляли своей многочисленностью те страны, через которые проходили. Они ввели обыкновение нашивать на одеждах крест. В 1054 г. Лиутберт, епископ Камбре, отправился в Святую Землю в сопровождении более чем трех тысяч странников. Но эти пилигримы не достигли цели. В Болгарии на них напали славяне. Большая часть их была перебита, и епископ вернулся. В 1064 г. архиепископ Майнцский предпринял путешествие с семью тысячами человек. Это был уже целый поход, предпринятый с целью сопротивляться и даже вести войну в случае, если обстоятельства это позволят.

Тогда и мусульмане стали иначе обращаться с пилигримами.

Сельджукские турки. В это время на Востоке власть халифов Багдадских пала под ударами нового племени, называвшегося турками и вышедшего из Средней Азии, из-за пределов реки Амударьи. Они овладели Персией и приближались к Палестине. Победив халифа Багдадского в 1038 г., они решились выбрать себе властителя. До сих пор они действовали рассыпными массами. Теперь же они сделали перепись и нашли сто знаменитых колен. Потом они образовали из ста стрел пук. На каждой из этих стрел

было написано имя какого-нибудь колена. Ребенок вынул в присутствии войска стрелу. Тогда из этого многочисленного колена было выбрано сто семейств: снова образовался пук стрел, и ребенок опять вынул стрелу. Выбор пал на Тугрул-Бека, внука Сельджука. «Был же тот Сельджук, — рассказывает Гийом Тирский, — муж весьма знатный, благородный и славный в своем колене, возрастом юн, но силами цветущий; он был весьма опытен в военном деле и при своей красивой наружности имел величественный вид могущественного государя. Таким образом, презренный и ничтожный народ быстро достиг такого могущества, что господствовал над всем Востоком. Чтобы отличать людей того племени, которые избрали короля и тем снискали себе великую славу, от тех, которые, не изменяя прежнего образа жизни, пребывали в своей первобытной дикости, первые назвались турками, а последние сохранили древнее имя туркоманов».

Упрочившись в Персии, турки распространились по Малой Азии. Они дошли уже до Черноморского побережья. Здесь они разбили высланные против них византийские войска. Затем вторглись в Египет, наконец, в 1076 г. спустились в Сирию и овладели Иерусалимом.

Отношение мусульман к пилигримам. Тогда положение христиан сделалось еще невыносимее. Пилигримов обложили поборами, а у них ничего не было, кроме посохов и котомок. Из тысячи едва один мог заплатить положенную дань за поклонение гробу Господню. Их били, душили, плевали в лицо, позорили церкви, оскверняли алтари, роняли священные сосуды, терзали священников. Самого патриарха трепали за волосы и бороду и не раз свергали с престола и бросали на землю. Местные христиане страдали так же. Рыцари и прелаты, считавшие себя могущественными, имели основание предполагать, что они силой заставят сельджуков уважать христиан.

Первые походы были предприняты не королями, а частными лицами. Во главе их стояли отважные воители и энтузиасты, но между ними не было единодушия. Для Вильгельма Тирского они были не чем иным, как выражением воли Господа, хотевшего избавить свой народ от долговременного бедствия, бросившего взгляд сострадания на угнетенных христиан. Постепенно взоры западных христиан обращались с негодованием на мусульман, имевших в своих руках гроб Господень. Греки же оста-

вались равнодушными, потому что ранее испытали силу неверных. Они видели, как черные и белые палатки турок покрывали долины и горы Вифании и Каппадокии, как стада турок паслись среди развалин монастырей и церквей. Никея, в которой был первый вселенский собор, сделалась столицей мусульман. Стыдливость дев оскорблялась варварством победителей. Дети христианские тысячами подвергались обрезанию; повсюду Коран вытеснял Евангелие.

Легенда о Петре Пустыннике. Бессилие греков засвидетельствовано Гийомом Тирским¹. Он рассказывает о том, будто бы Симеон, Иерусалимский патриарх, уполномочил священника Петра просить помощи у папы, так как греки не могут подать им ни надежды, ни утешения, ибо едва могут защищать самих себя. Этого в действительности не было; вся обстановка сказания дышит религиозной фантазией. Прежде всего важно то, что ранние авторы, которые были участниками крестовых походов, или вовсе не упоминают о Петре, или упоминают вскользь. Впервые Петра пустынника вывели на историческую сцену Альберт Ахенский и Вильгельм Тирский. В этой легенде, составленной в конце XII в., выразился взгляд людей того времени на крестовые походы. Все предприятие является делом аскетов и монахов. Петру Амьенскому [Пустыннику] приписали речь, о которой не говорит никто из присутствовавших на Клермонском соборе. В некоторых летописях упоминается об одном священнике, двинувшемся в авангарде крестоносцев против мусульман, но имя этого священника не Петр, а Кукопетр. Этот священник прошел с толпами крестоносцев Венгрию, привел их в Византию, а отсюда переправился в Малую Азию. В действительности священник Петр существовал, принимал участие в крестовых походах, но не в событиях, предшествовавших им. Личность Петра была одной из таких, которые влияли на массу. Но такими были и многие другие народные агитаторы, влиявшие на массы, например, священники Готшалк, Фолькмар. Он был известен даже меньше их. Так, Рауль Кенский, норманнский хронист, забыл его имя. Вообще первый поход был направляем не королями и правительствами, а энтузиазмом отдельных личностей.

Время, знаменующее начало крестовых походов, было очень тяжелым для Западной Европы. Тогда особенно страдал народ в

¹ *Гийом Тирский. История священной войны, I, 11.*

экономическом отношении. Куда ни оглянешься, всюду царил деспотизм, своеволие знатных и сильных. Хуже всего было состояние сельской массы. Городское население только зарождалось. Оно не могло служить достаточной оппозицией самовластию, не могло создать и защищать порядок. Церковная борьба в Германии, безначалие в Италии, деспотизм в Англии невольно заставляли людей обращать последние надежды на Восток. Со второй половины XI в. многие начали распродавать свое имущество и выходить на дорогу, запасаясь оружием и припасами; все готовились идти в далекую заморскую страну, где земли даются даром, где жизнь ничего не стоит, где, по слухам, можно грабить мусульман сколько угодно и где, что было выше всего, сохранились следы земной жизни Спасителя. Последние годы были особенно тягостны народу вследствие страшного голода, что сильнее всего отразилось на экономической жизни низших классов. Имущество продавалось за ничто.

Между тем в народе стали ходить слухи, что на Востоке, около святого города, все приуготовано для христиан, что все отнимется у неверных и станет достоянием пилигримов. Когда эти обнищавшие толпы, прежде чем предпринять путешествие обращались к князьям, то получали отказ, ибо у них у самих не хватало средств прокормить народ. Не дожидаясь вмешательства князей, эти толпы, уповая на милосердие Божие, двигались группами. Они думали, что перед ними расступится все, ручьи потекут молоком, что счастье наступит скоро, что их печальная участь изменится, что сам Бог явится их заступником и вождем и что там на Востоке Он предаст богатства неверных и нечестивых в руки верных. Потому в два последних десятилетия XI в. составляются большие товарищества, которые, отыскивая на Востоке улучшения своей жизни, удовлетворяют в то же время своим религиозным чувствам. Это торжественное движение началось, таким образом, ранее, чем потребность крестовой идеи отразилась в высших слоях общества.

Клермонский собор 1095 г. Папы смотрели на этот вопрос с практической стороны. Они были заняты своими интересами, и только Урбан II поставил «крестовый» вопрос на обсуждение рядом с другими в г. Клермоне в ноябре 1095 г. Тут рассуждали о браках и симонии, запретили вступать в союз с родственниками даже в седьмом колене, решили определять в духовные должнос-

и только лиц благородного происхождения, запретили постав-
лять в епископы без прохождения низших церковных должнос-
тей, постановили тело и кровь Христову принимать отдельно, не
брать платы за погребение умерших.

Только после всего этого папа, 26 ноября выйдя на городскую
площадь и обращаясь в народу, указал на положение греков, рас-
сказал, как Карл Великий поражал мусульман и убеждал под-
няться против ислама «во имя славы Божьей».

Его прекрасная речь записана у Роберта Монаха. Этой за-
писи можно доверять, хотя она и не дословна. Известно, что
Роберт слышал ее сам, но, записывая речь Урбана, летописец
проговорился и об экономических причинах крестовых похо-
дов. «Да не увлекут вас какие-либо стяжания, — говорил
папа, — или заботы о домашних делах, потому что земля, ко-
торую вы населяете, отовсюду сдавленная морем, делается тес-
ной вследствие вашей многочисленности; богатствами она нео-
бильна, отсюда происходит то, что вы друг друга терзаете и
пожираете... Да прекратится ваша ненависть! Да смолкнут
междоусобия! Предпримите путь ко Гробу Господню, исторг-
ните эту землю из рук нечестивых народов и подчините ее себе.
Та земля, предназначенная Богом в руки христиан, течет ме-
дом и млеком; Иерусалим же, плодородный перл земли, вто-
рой рай земной, находится теперь в руках неверных». Едино-
душное одобрение тысячи голосов выразилось в крике: *Dieu le
vent* (Богу так угодно!)

Затем папа, видя общее воодушевление, стал взывать к сто-
ящим перед ним и обещал небесное царство каждому, кто примет
участие в святом деле. Женщины, больные и неспособные к вой-
не должны были оставаться дома. Во всяком случае для стран-
ствия требовалось особенное разрешение священника. Кто пред-
принимал странствие, должен был носить изображение креста
на груди; кто шел воевать, должен был носить такой же крест на
правой руке.

Весть о походе с необычайной быстротой разнеслась повсю-
ду. «Это было в то время, — говорит Ордерик Виталий, — когда
люди наносили друг другу величайшие бедствия разбоями и гра-
бежами. Злоба во всех видах дошла до крайних пределов и причи-
нила тем, которые были ею исполнены, страшные бедствия. В то
же время сильная засуха сожгла траву на лугах и, зноем истре-

бив жатву и овощи, причинила голод». Тогда, продолжает Ордерик, один епископ, искусный в медицине, наблюдая течение звезд для составления гороскопа, заметил великое чудо, о котором рассказал своему помощнику, а этот много лет спустя передал мне. Я вижу, говорил епископ, что это явление знаменует великое переселение народов из одного края в другой; многие отправляются, чтобы никогда не возвращаться». Это место в высшей степени важно для выражения настроения тогдашнего времени. Из него видно, как все искало выхода из своего невыгодного экономического положения и в то же время стремилось к удовлетворению своих религиозных чувств.

Первый поход предприняли в 1095 г. вооруженные богомольцы, которые, точно по таинственному сигналу, стекались с разных сторон. Все были одушевлены великим подвигом, все стремились принять в нем участие. По словам летописца первого и второго крестовых походов, остались только вдовы при живых мужьях. Ближайший свидетель, монах Роберт, по этому поводу вскользь замечает о деятельности Петра, не придавая таковой особенного значения. «Был в те дни Петр, известный пустыжник; он превосходил всех святостью жизни; не вкушал хлеба и мяса и, довольствуясь вином и овощами, воздерживался от всех удовольствий». Летописец не упоминает о том, чтобы Петр участвовал в соборе, и этого уже достаточно для опровержения многого факта. Он говорит, что уже после собора Петр собрал около себя немалое число пеших и конных людей и направился через Венгрию. Все позднейшие прибавления, по соображениям Зибеля, оказываются легендарными.

Готфрид Бульонский. На Венгрию же шел путь и регулярных крестовых ополчений. Из числа собравшихся особенно большие надежды подавал немецкий герцог Готфрид из Лотарингии. Он был родом из Бульона, но по своим владениям считался вассалом императора германского Генриха IV. Готфрид, говорит монах Роберт, был красивой наружности, кроток нравом и до того добр, что скорее походил на монаха, чем на воина; но при встрече с неприятелем на поле битвы он воспламенялся и был неудержим, «как лев рыкающий». Это свидетельство Роберта можно считать заслуживающим веры.

Энтузиазм крестоносцев. Тот же памятник рисует нам социальное и вообще внутреннее состояние народной массы и всех клас-

сов¹. «Крестовое движение было до того сильно между богатыми и бедными, что не спрашивали, как идти, а только куда и когда идти. Все спешили распродавать имущество». Последний год был повсюду голодный на Западе, вследствие чего хлеб и съестные припасы вздорожали, а деньги упали в цене. Теперь, ввиду предстоящего похода на отдаленный Восток, происходит обратное явление. Так как для похода нужны были деньги, то все предметы упали в цене, а деньги сильно вздорожали; накопленный ввиду голода хлеб продавался за ничто, потому что крестоносец торопился распродать все, чтобы только достать денег и участвовать в общем святом деле. Те, которые сегодня смеялись над торопившимися соседями, завтра сами делали то же; так сильно было общее увлечение. Тут и дети, и старики собирались в поход, замечает хронист. Все укладывали свои пожитки с детьми и отправлялись на Восток, причем каждый попавшийся город принимали за Иерусалим.

Эти толпы были лишены всякой организации. Первую из них повел Вальтер Голяк. С ним тащилось множество пешего народа, еще более было с обозами. Уже за ним через несколько месяцев пошел священник Петр с бесчисленным множеством народа. И те и другие встретили препятствия в Венгрии, но удачно обошли их и дошли до Константинополя. Император, нисколько не опасаясь этих неустроенных масс и зная, что они скоро погибнут в Анатолии, с удовольствием переправил их на берег Малой Азии.

Дорогой крестоносцы держали себя несообразно со своим назначением. Они грабили села, города и все, что ни попадалось им на пути. В Каппадокии они встретили регулярный отряд турок. Конечно, при первом столкновении с мусульманами все эти толпы с детьми и стариками бежали; но догнали и почти всех перебили. Тут же погиб и Вальтер. Петр успел спастись и вернулся в Константинополь, где стал ждать армии. Но еще раньше ее прибытия в пределы нынешней Турции в Венгрию вступили два новых ополчения пилигримов. Одними предводительствовал немецкий священник Готшалк; с ним было пятнадцать тысяч швабов, баварцев и лотарингцев; с другим шел буйный граф Эспик. Первое ополчение было все истреблено венграми; второе показало свою храбрость над беззащитными евреями в Майнце. Хотя последние заручились покровительством епископа, отдав ему все свои сокровища,

¹ *Robertus. Hist. Hierosolymitana, II, 5.*

но семьсот женщин и детей были крещены насильственно. Затем Эспик (по Альберту Ахенскому) собрал до 200 тысяч пеших и конных воинов. Он хотел силой прорваться через венгерские укрепления; но это ополчение было окружено венграми и перерезано; волны Дуная, где происходило побоище, надолго побагровели от крови. Отдельные отряды пилигримов, однако, продолжали со всех сторон двигаться на Венгрию. Не зная дороги, они шли, говорит Альберт Ахенский, по следам гуся и козы, предполагая в них присутствие Св. Духа. Даже регулярные войска, которые выступили осенью 1096 г., не представляли собой строго организованных сил. С ними тащились монахи, беременные женщины, дети и старики.

Путь крестоносцев. Готфрид с регулярными силами поднялся в 1096 г.; у него было только двадцать тысяч пехоты и десять тысяч конницы. Он держал путь через нынешний Белград, а оттуда на Софию и Адрианополь. С ним были братья Балдуин и Евстафий с множеством духовной и светской знати из Лотарингии и Фландрии. Князя же из Нормандии и северной Франции, Роберт Нормандский, Балдуин Фландрский, Гуго Вермандуа и знаменитый своею физической силою Стефан Блуа — пошли на Турин. Оттуда, соединившись с Боэмундом и с князем Тарентским, пройдя вдоль Италии до Бари и Брундузия, они переправились в Дураццо. Граф Раймунд и провансальцы избрали другой путь. Пройдя через Ломбардию, они спустились на северный изгиб Адриатического моря у Триеста, пошли по нынешней Далмации и Черногории до города Скутари и Дураццо. Здесь они могли соединиться со вторым ополчением, т. е. с французским, которое, как было сказано, шло на Италию и потом переправилось через Адриатическое море. Общими силами они устремились к Константинополю. Таким образом, движение было рассчитано обдуманно, причем были приняты в соображение ресурсы земель, через которые надлежало проходить.

Крестоносцы в Царьграде и Алексей I Комнин (1081—1118). В Константинополе должно было собраться более полумиллиона западных гостей. Гости эти были очень опасны для трусливого и бессильного императора. Тогда царствовала династия Комнинов¹. Алексей I Комнин был настолько расчетлив и проницате-

¹ Преемниками Константина VII Багрянородного были: Роман II (959—963), Никифор II Фока (963—969), Иоанн I Цимисхий (969—976), Васи-

лен, что потребовал от вождей крестоносцев обещания отдать ему все завоеванные земли в Малой Азии на том основании, что они издавна принадлежали Византии. Он очень смущен был известием из Дураццо, что один из вождей, граф Гуго, укрыл в своей свите двух греческих чиновников, изменивших правительству. Поэтому комендант Дураццо задержал Гуго и отправил его пленником в Константинополь. Там уже был в это время Готфрид, который и выручил своего товарища. Готфрид сумел поладить с хитрыми греками: он предупредил враждебное столкновение, поводов к которому было достаточно. Князья, наконец, по инициативе Готфрида, обещали принести императору присягу за будущие завоевания на Востоке. Отказался один только Раймунд Тулузский, но и он обещал не поднимать оружия против греков.

Крестоносцы в Малой Азии. Наконец, переправа на греческие средства была совершена уже весной 1097 г. Таким образом три четверти года было употреблено только на то, чтобы достигнуть берегов Малой Азии. Прежде всего сдалась Никея после пятидесятидневной осады. Здесь был произведен смотр крестоносному воинству; насчитано было четыреста тысяч пехоты и сто тысяч всадников. При них были тысячи женщин и детей, монахов, служителей, обозчиков. Недоставало только немногого — вождя. Отсутствие власти и дисциплины скоро сказались. Быстро вся страна до Тавра была покорена, ибо турки всюду бежали; завоеванное передавалось Византии. Все операции вел Готфрид, но и он не мог склонить к единству разрозненных князей. На небольшом пространстве Западной Анатолии армия действовала безо всякой надобности. Священная цель, после того как крестоносцы вкусили наслаждений востока, была забыта; во всех заговорил дух своекорыстия. Мусульмане на это давно рассчитыва-

лий II Болгаробойца (976—1025), при котором свершилось крещение Руси, Константин VIII (1025—1028), Роман III Аргир (1028—1034), Михаил IV Пафлагон (1034—1041), Михаил V Калафат (1041—1042), Зоя и Феодора (1042), Константин IX Мономах (1042—1054), снова Феодора (1054—1056), Михаил V (1056—1057), Исаак I Комнин (1057—1059), Константин X Дука (1059—1067), Евдокия с сыновьями Михаилом VII, Андроником I, Константином IX и вторым мужем Романом IV Диогеном (1068—1071), Михаил VII Дука (1071—1078), Никифор Вотаниат и Никифор Вриенний (1078—1081).

ли. Балдуин, повернув на восток, отделился от крестоносцев и взял Эдессу на притоке Евфрата. Его примеру последовал итальянец Боэмунд.

Осада Антиохии. Он наметил себе Антиохию, пункт очень важный по богатству, по ресурсам и по стратегическому значению. Город был сильно укреплен, по условиям того времени. Взять Антиохию можно было только при особом искусстве осаждающих. Но Боэмунд не отличался военными талантами, а его разношерстное воинство чувствовало недостаток в припасах. Средства богатой страны были истощены. Из-за недостатка припасов в лагере осаждающих начался голод, который под конец принял ужасающий характер. Люди съели большую часть лошадей, так что из семидесяти тысяч коней осталось едва две тысячи; прочие или пали, или были съедены. Уверенность покинула воинство; фанатизм, видимо, ослабел после первых испытаний. Тяжелая действительность охлаждала самые великодушные порывы. Главнейший из агитаторов священник Петр собрался бежать вместе со всеми другими. Его удержали и вернули в лагерь. К весне дела несколько улучшились. Крестоносцы, несмотря на истощение своих сил, разбили приближавшийся турецкий вспомогательный отряд; генуэзцы подвезли людей и припасы. Болезни уменьшились. Вдруг в христианский лагерь пришла весть, что Кербога, который получил в дар от султана Баркиорока Моссульское наместничество, ведет двести тысяч войска на выручку Антиохии. Некоторые из вождей крестоносцев пустились бежать: так, в числе прочих тайком скрылся Стефан, граф Блуа, а с ним четыре тысячи воинов. К счастью для христиан, один ренегат, охранявший главную городскую башню, предложил осаждающим сдать укрепление за большую сумму и впустить крестоносцев в город. Боэмунд известил об этом вождей, но потребовал, чтобы в благодарность князя обещали предоставить Антиохию в его личное и потомственное владение. Князя согласились. Ночью христиане проникли в город и стали беспощадно истреблять население: мужчины, женщины и дети погибали тысячами под копьями и ножами крестоносцев; всего погибло мусульман не менее десяти тысяч. После месячной осады христиане стали обладателями Антиохии, хотя сама крепость еще держалась. Но этим дело далеко не кончилось. Кербога подошел как раз в то время, когда христиане вошли в Антиохию. Из осаждающих они преврати-

лись в осажденных. Их вожди не приняли никаких мер к снабжению города припасами. Начался голод; к тому же оказался недостаток в воде; ключи, снабжавшие город, были отрезаны. Началось бегство из города; многие из христиан до того пали духом, что в турецком лагере принимали мусульманство, чтобы избежать мучений. Тогда, по свидетельству историка, имевшего все сведения от очевидцев, свершилось чудо. Священник Петр Варфоломей пришел к графу Тулузскому Раймунду и передал, что апостол Андрей, четыре раза посещавший его во сне, указал, что в церкви апостола Петра сокрыто копьё, которым был пронзен Спаситель, и что это копьё принесет спасение христианам. Священник повел вождей к указанному месту, где копьё действительно было зарыто, хотя очень неглубоко. Это обстоятельство одушевило крестоносцев. Самый страстный энтузиазм овладел ими. Они напрягли последние усилия и, увлеченные святым копьём, сделали вылазку. Кербога не ожидал нападения; он слишком презирал христиан и жестоко поплатился за свою самонадеянность. Он был разбит и бежал к берегам Евфрата; войско его было рассеяно; сотни христиан гнали тысячи мусульман.

Тогда началась распря между христианскими вождями. Граф тулузский, не соглашаясь на заключенное без него условие, хотел вернуть Антиохию византийскому императору. Воинство креста справедливо возмущалось этим несвоевременным препирательством вождей. «Если князья еще будут продолжать ссориться, — говорили в христианском стане, — и станут предпочитать свои счёты делу Божию, мы разрушим этот несчастный город, из-за которого происходят все ссоры. Мы выберем себе военачальника, который поведет нас в Иерусалим». Князья испугались угроз и, предоставив Боэмунду его долю, двинулись вперед к цели предприятия. Между тем под Антиохией крестоносцы потеряли целый год.

Это было уже в мае 1099 г. Войска шли между горами Ливана и морским берегом. Сюда приставали итальянские суда с припасами; 6 июня крестоносцы были в Эммаусе.

В это время Иерусалим был взят египетским полководцем Афдалом, который свергнул сельджуков. Сельджукский султан Баркиарок удалился за Евфрат и продолжал владеть этими землями. Крестоносцы предположили, что можно достигнуть обладания святым городом путем дипломатических переговоров. Но

влиятельные монахи и священники, возбудив фанатизм в войске, настояли на осаде святого города.

Взятие Иерусалима в 1099 г. и начало Иерусалимского королевства. Велика была радость крестоносцев, когда они с высот увидели священный город. Они осаждали его пять недель, думая принудить к сдаче голодом, но узнали, что на помощь осажденным идут несметные полчища мусульман. Тогда решено было взять город приступом при помощи машин. Крестоносцев было от двадцати до тридцати тысяч, между тем как мусульман около шестидесяти тысяч (по другим сведениям — сорок тысяч). Ревность к вере делала силы христиан неодолимыми и готовыми на все испытания. Осаждающие нуждались в воде, в лесу для устройства стенобитных машин. Ключи были отрезаны. Египтяне засели у всех источников и колодцев, пуская стрелы на выбор. Вьючные животные от жажды при палящем зное падали тысячами; их трупы гнили необрунные, заражая воздух. Напрасно отряды крестоносцев искали строительный материал в этой обнаженной, безлесной стране. К счастью, генуэзцы подвезли дерево как раз вовремя. Деятельно крестоносцы принялись за постройку стенобитных машин. Все с благоговением и молитвой готовились к штурму. Воины исповедались и приобщались святых таинств. После двухдневного кровопролитного штурма крестоносцы ворвались в город. Это было 15 июля 1099 г. Мусульмане отступили в мечеть Омара, выстроенную на месте храма Соломона. Здесь произошло страшное кровопролитие. По словам летописца, храм был обогрен кровью до такой степени, что лошади могли пить эту кровь и плавать в ней. В мечети Омара было перебито по крайней мере десять тысяч мусульман, а в синагоге были сожжены все загнанные туда евреи. После этого страшного избиения христиане, омывшись и одевшись в чистые одежды, босые, отправились на поклонение Гробу Господню.

По словам летописца, город буквально был разграблен, а жители перебиты; погром не миновал ни одного дома. Эти страшные сцены произвели отрицательные результаты; они вызвали во всем мусульманском мире фанатичное раздражение против христиан. Королем Иерусалима был избран Готфрид Бульонский, но он не хотел носить королевскую корону там, где Спаситель носил терновый венец. Он назвался «Защитником Гроба Господня».

2. Гогенштауфены на императорском престоле в борьбе с папством в XII в.

Нам предстоит закончить обзор папских и императорских отношений, обзор борьбы обеих властей. Мы рассказали, как обе стороны сошлись на том компромиссе, который известен под именем Вормского конкордата. По этому конкордату существенные права папской власти не были затронуты. Следующие папы добиваются расширения своих преимуществ. Но они встретили против себя не менее могущественные стремления в преемниках франконского дома на престоле священной империи¹.

¹ Анализируя источники XII в. для истории Германии, мы замечаем в них более одушевленное движение, более осмысленное направление, более широкий и более ясный взгляд. Хотя число летописей меньше, но они зато более содержательны, более интересны. Достаточно указать на епископа *Оттона Фрейзингенского*, чтобы видеть успехи средневековой историографии. Оттон приходился внуком императору Генриху IV. Он был сыном Агнессы от ее второго брака с герцогом австрийским Леопольдом. В то же время он был братом императора Конрада III и дядей Фридриха I Барбароссы. Уже одни эти родственные отношения с важнейшими персонами Германии показывают значение его хроники. Оттон Фрейзингенский учился в Париже и уже в молодые годы был епископом. Он умер в Палестине в 1157 г. Его хроника (до 1147 г. в семи книгах) составлена большей частью по другим летописям, но седьмая книга — труд современника. Его так называемая история «О деяниях Фридриха I», в двух книгах, доведенная до 1156 г., отличается замечательными литературными достоинствами. В ней существенно важно введение, представляющее обозрение всемирных исторических событий от начала папской борьбы до вступления Фридриха I. Оба труда имели продолжателем итальянца *Оттона*, аббата *Санто-Блазио*, который довел летопись до 1209 г. а историю Фридриха Барбароссы продолжал *Радевик* до 1106 г., затем анонимный автор до 1170 г. Даже современники высоко ценили литературный талант Оттона. Они находили, что он был одним из первых, кто внес в литературу тонкости философии Аристотеля. Конечно, эти средневековые критики смотрели на Оттона со стороны внешней отделки его текстов.

По отношению к итальянским делам, как на существенно важную, надо указать на историю города Лоди, сочинение *Морены* и на хронику мессира *Рауля Миланского* и его историю Фридриха в Италии. По отношению к славянам назовем *Гельмольда*; его знаменитая «Славянская хроника» дохо-

Интерес истории Германии и Священной империи в XII столетии вращается вокруг выдающихся представителей династии Гогенштауфенов. Этот дом возвысился в течение предыдущего XI в., благодаря Генриху IV, который предоставил мужу своей дочери Агнессы, графу Фридриху Бюренскому Швабию; последний назвался с тех пор Гогенштауфеном. Его старший сын, Фридрих Одноглазый, удержал за собой Швабию. После смерти мужа Агнесса вышла за австрийского герцога Леопольда. Таковы были претенденты на императорскую корону кроме саксонского герцога. Они стояли в одинаковом родственном отношении к покойному Генриху IV. Но саксонский герцог Лотарь, который считался первым кандидатом, а также Леопольд — решительно отказались от престола. Тогда швабский Гогенштауфен Фридрих хотел решительно протянуть руку к короне. Когда Майнцкий епископ предложил всем трем кандидатам вопрос — охотно ли они будут повиноваться новоизбранному, то Лотарь и Леопольд беспрекословно согласились. Фридрих молчал. Раздраженные этим князя, ввиду его назойливости, выбрали Лотаря саксонского против воли последнего.

Император Лотарь II (1125—1137). Сильные Гогенштауфены отказали ему в повиновении, почему все правление Лотаря II прошло в междоусобных войнах, за исключением двух последних лет¹.

дит до 1170 г. Гельмольд был священником новой Любекской епархии, в нынешней Южной Голштинии. Он умер в 1175 г. Он изображает процесс окатоличивания и германизации с немецкой точки зрения. Также, по отношению к славянам, важна летопись *Арнольда Любекского*, до 1209 г. Затем «Саксонский хронограф» дает лишь отрывистые сведения, преимущественно по отношению к Саксонии XII в. Также см. хронику *Альберта фон Штаде*, доведенную до 1256 г. Итальянские хроники особенно замечательны. На классической почве Италии развился вкус к истории, причем события в Италии понимались гораздо шире, чем в Германии. Там смотрели на них через призму мировых отношений, с политической точки зрения, тогда как в Германии они принимали узкий национальный характер. В Италии существовало светское направление; там боролись столько же против светских поползновений немецких императоров, сколько за республиканский принцип. В особенности этим направлением были увлечены летописцы конца XII в.

¹ *Beruhardy. Jahrbücher der deutschen Geschichte unter Lothar von Sachsen, L., 1879.*

Только в 1135 г. оба непокорных герцога подчинились императорской власти. В целях усиления своего могущества Лотарь выдал дочь свою Гертруду за баварского герцога Генриха Гордого, дав ей в приданое свое саксонское герцогство, чем значительно усилил и без того могущественный Вельфский дом. Кроме того, Генриху были предоставлены тосканские владения Матильды, с тем чтобы он после своей смерти предоставил их церкви. Вследствие этого Генрих стал сильнее самого императора. Ввиду такого обстоятельства сам Гогенштауфен видел в нем опасного соперника. Теперь вся Германия разделилась на две враждебных в политическом отношении партии — сторонников Вельфов и сторонников Гогенштауфенов. Последние, кроме своего родового замка Штауфена, имели еще замок Вейблин, от имени которого и получили свое прозвище гибеллинов (по итальянскому выговору). Эти слова — вельфы и гибеллины — стали призывным криком для двух партий, особенно в Италии. Впоследствии, эти частные интересы германских партий были перенесены и на итальянскую почву. Имена вельфов и гибеллинов стали девизами знамени папского и знамени имперского, хотя вельфы, представлявшие папскую партию, часто бывали большими послушниками папских повелений, чем гибеллины. Рядом с этими двумя домами в Северной Германии возвысился третий — Ангальтский дом, представителем которого был Альбрехт Беренский. Он получил от Лотаря северную Саксонскую марку и утвердился окончательно в Бранденбургских землях, которые колонизировал. Его можно считать истинным основателем Бранденбургской марки; при нем, впервые в XII столетии, упоминается город Берлин. Одновременно выдвигаются соперница Берлина Вена, резиденция Леопольда Австрийского, и Мюнхен, обязанный своим возвышением сыну Генриха Гордого. При таких сильных князьях император едва ли был заметен. При его рыцарстве личные хорошие качества не приносили пользы. Его походы в Италию не имеют значения. Он умер в Тироле по возвращении из Италии 3 декабря 1137 г.

Император Конрад III (1137—1152). Князья единодушно выбрали его противника, Конрада III Гогенштауфена. Он был герцогом Франконским; ему уступил первенство его неугомонный старший брат, Фридрих¹. Конрад прежде всего потребовал, чтобы Генрих отступился от некоторых своих владений. Так

¹ Jaffe. Geschichte des deutschen Reichs unter Konrad III, В., 1845.

как сосредоточение в одних руках Баварии, Саксонии и итальянских земель было опасно для государства, то за отказом последовала война, к которой Генрих совсем не был готов. Новый властитель распределил владения своих соперников таким образом: Бавария была отдана Леопольду, Саксония — Альберту, Бранденбургское герцогство потом было возвращено сыну умершего Генриха — Льву.

Его дядя энергично продолжал бороться с королем. Под Вейсбергом он был разбит самим Конрадом. По хронике монастыря Св. Панталеона в этой битве в первый раз раздались крики: *hic Welfi* и *hic Weiblingen*. Эти крики с этого дня стали лозунгом обеих партий. После осады сдался и самый город. Конрад, по той же хронике, будто бы раздраженный сопротивлением, приказал перебить всех мужчин, предоставив свободный выход женщинам с теми драгоценностями, какие только те пожелают взять с собой. Но они очень широко воспользовались данным позволением. Женщины вышли из ворот, неся на своих плечах мужей, отцов и детей. Очень вероятно, что подобное событие было действительным фактом. Во всяком случае такие чувства могли быть проявлением рыцарства, охватившего со времени крестовой идеи всю Западную Европу.

Первые иерусалимские короли в борьбе с мусульманами.

Крестовая идея имела способность пробуждаться по временам... Молодая крестовая колония у Св. Гроба составляла иерусалимское королевство. Это королевство преследовали несчастья. Готфрид, король иерусалимский, принявший титул «защитника Гроба Господня», через несколько дней по утверждению в Иерусалиме обратился на мусульман, двигавшихся из Египта, и поразил их при Аскалоне в августе 1099 г. В следующем году Готфрид умер. Уже он должен был допустить рядом с собой вассальные владения. Так, Балдуин владел Эдессой, Боэмунд — Антиохией, Раймунд — Тиром, Танкред — Галилеей. Эти люди принесли с собой в новое королевство европейские понятия и свою мелкую феодальную вражду, тогда как оно нуждалось в единодушии. Готфриду наследовал его брат Балдуин I (1100—1117), затем дальний родственник его Балдуин II Буржский (1118—1131). Первый из них, т. е. Балдуин I взял Птолемаиду, Бейрут, Сидон; второй покорил Тир, так что сирийские мусульмане сосредоточились голько в Дамаске и Алеппо. С Балдуином II кончилась линия иеру-

салимских королей. В 1131 г. иерусалимское королевство переходит к Фульку Анжуйскому (1131 — 1145), а затем к его малолетнему сыну Балдуину III (1145 — 1162).

Тогда-то начались успехи мусульман, которые видели, что малолетнему королю иерусалимскому не сдержать в подчинении своих владений, а тем более непокорных вассалов. Владетель Мосула Нуреддин воодушевил мусульман рассказами о страшных жестокостях, совершенных и совершаемых крестоносцами; он овладел Алеппо и Дамаском, а в 1144 г. отнял у христиан важный пункт, Эдессу, которая расположена на восток от того места, где береговая линия Малой Азии круто поворачивает к западу.

Св. Бернар. Взятие Эдессы с грустью отозвалось в сердцах западных христиан, волнуя как сильных, так и слабых. Этот удар возбудил прежние чувства. Монахи распространяли вести о несчастном положении христиан в Палестине, а короли внимали им. Во главе этих проповедников стоял знаменитый аббат Клервосского монастыря Св. Бернар. В нем религиозный экстаз достигал высшей степени: он был, как говорится, не от мира сего¹, но для средних веков он представляется целостным типом.

Для характеристики Св. Бернара лучше всего привести слова лиц, его знавших. Он проводил дни и ночи в молитве, пока не подгибались колени от изнурения и пока ноги, отекавшие от труда, могли поддерживать его тело. Долго тайно от всех он носил на себе власяницу. Его пища состояла из воды и отвара овощей. Враги удивлялись его жизни, говоря, что он напрягает свои силы, как ягненок, запряженный в ярмо. Его чувства были извращены так, что он едва распознавал предметы. Так, например, вместо масла он принимал сырую кровь, которую ему давали намеренно, а масло пил вместо воды и т. п. В своей келье, прожив в ней долго, он не знал, где находится вход и где оконные отверстия. Но он был не только знаменитым постником; он славился как богослов. Он поднял французского короля на крестовый поход; он же явился к германскому королю Конраду, хотя тот избегал его. Современники замечают, что нельзя было устоять против убеждений этого замечательного человека. «Сам Бог, — воскликнул император после речи Бернара, — призывает меня на служение, и я покоряюсь его воле».

¹ Все биографии его весьма интересны; они отмечены 20 августа в католических Четьи-Минеех, называемых «Acta Sanctorum».

Второй крестовый поход. Он отправился со своим племянником и старым Вельфом. На новое предприятие собралось до семи тысяч рыцарей. В Малой Азии крестоносцы встретились с нерасположением греков, которые готовы были на предательство и открыто отказывались от доставления провианта. Голодные воины должны были именем Бога нищенствовать и умирали тысячами. В 1147 г. Конрад привел под Эдессу лишь десятую часть своих воинов. Здесь ждали французы с королем Людовиком VII, которого уже успели разбить турки. Поход за малочисленностью воинства был отложен до следующего года. Тогда немцы пытались осадить Дамаск, но без успеха; оба короля и остатки их свиты воротились ни с чем. Впрочем, рыцарская репутация Конрада III осталась безупречной. Он стал другом Византии. Он собирался в Италию короноваться императорской короной, но смерть помешала ему в этом; Конрад умер королем, а не императором.

Перед смертью он указал на своего племянника Фридриха Швабского, который и был единодушно избран императором. Потомство оставило за ним прозвище Барбароссы. Это излюбленный из государей Германии после Карла Великого и излюбленный герой средних веков вообще.

Император Фридрих I (1152—1190). Ему уже было за тридцать лет, когда он надел корону. Он решительной и смелой рукой взял скипетр. Итальянцы и славяне нашли в нем врага, одинаково страшного. Он не боялся могущества вельфов, а, напротив, предоставил в собственность Генриху Вельфу Баварию и Саксонию. В этом случае он последовал политике совершенно противоположной политике своего предшественника. Впоследствии Фридрих жестоко раскаялся в своем рыцарском, но непрактическом великодушии. Приходилось долго уговаривать Леопольда Австрийского, чтобы он уступил Баварию, которую ему отдал Конрад III. Наконец Леопольд согласился возвратить Баварию с тем условием, чтобы Австрийское герцогство было признано независимым и не было поставлено в ленное отношение к Баварии, как было до сих пор.

Вельф не мог быть благодарным герцогу. Оба сильных владельца — Гогенштауфен и Вельф — действовали постоянно заодно; они поставили себе существенной целью воинственную деятельность против славян и в этом достигли значительных успехов.

Болеслав Польский должен был немедленно признать себя васалом императора, а чешский король, за измену своему племени и участие в походе против славян, получил королевский титул. Славяне были неисправимы, и, терзаемые обычными раздорами, они, придерживаясь прежней политики, выдавали друг друга немецкому императору. Венгерский король Гиза тоже признал себя ленником германским. Верхнебургундская наследница, Беатриче, выйдя замуж за Фридриха, равным образом связала Бургундию с родовыми владениями императора.

Вельф самым возмутительным образом действовал в Померании, стараясь упрочить немецкое влияние на западных границах. Вместе с тем в нем скрывался враг феодальных понятий. Сторонник унитаризма, он более ревновал к единодержавию, чем сам император. Своей решительностью Вельф восстановил против себя всех прелатов своих земель... Император долго поддерживал его в борьбе с иерархией, но когда сам почувствовал нужду в Вельфе, то получил решительный отказ. Это случилось в Италии.

Его борьба с итальянскими городами. Фридрих думал, что итальянские города серьезно подчинены ему. Он полагал, что грамоты имеют решающее значение. Он очень был привязан к этим грамотам; между тем миланцы не мирились с такой зависимостью от Фридриха и доказали ему свою силу, когда императору пришлось сразиться с ними в бою. В 1157 г. Фридрих послал грамоты о своем избрании. В Милане растоптали их. Оскорбленный император поспешил в Италию. Первый поход его начался при благоприятных для него обстоятельствах. Император собрал сейм и стал разбирать жалобы городов, подчиненных Милану. Фридриху были предложены деньги. Оскорбленный император не взял денег... Он короновался железной короной в Павии, а затем отправился в Рим, где скоро вошел в сферу папской политики.

Первое появление Барбароссы в Италии должно было вовлечь его в борьбу с папством. Враждебные отношения той и другой стороны еще не были достаточно разъяснены. В мире прошла лишь вторая четверть XII в.; другая половина его была свидетелем возобновления вражды. Но теперь борьба освещается иным светом; эту вторую фазу ее мы назвали бы итальянской. Она несколько суживается в пределах; с мировой сцены она пе-

реходит на местную; она производится из-за интересов Италии, из-за вопроса о свободе ее общин. Странно и внезапно папы из европейских теократов делаются итальянскими патриотами. Но они защищают полуостров от того же германского императора, и поэтому борьба приводит снова к раздору между папством и империей. Эта вторая фаза кончается опять победой папы. На этот раз торжество Рима полнее, потому что сами вопросы поставлены иначе. Если первый период был связан с именем Гильдебранда, то второй с памятью Александра III. Финалом первого был Вормский конкордат: второй период кончился Леньяно и Констанским миром (1176 и 1183). Папы XII столетия играют особенную роль в политической истории Италии; в силу такого двойственного характера борьбы мы должны останавливаться в настоящем изложении как на вопросах итальянской истории, так и на вопросах истории папской.

Тесная связь римских пап с политическими событиями на полуострове доходит до того, что антипапа Анаклет поддерживается не императором германским, как бывало обыкновенно, а Рожером сицилийским, который и получил от него всю Апулию и титул короля обеих Сицилий в 1150 г. Иннокентий II (1130—1142) мог утвердиться только тогда, когда примирился с новым королем по смерти антипапы. Скоро пап начинает тревожить революционное движение, которое не дает им покоя в самой столице. Так, понтификат Евгения III (1145—1153) вовлекает курию в чисто политическую борьбу; первосвященник бежал не от императора, а от республиканского реформатора Арнольда Брешианского.

Арнольд Брешианский. Этот человек был замечательным дополнением Гильдебранда; подобно последнему, он хотел преобразовать общество; подобно ему, он считал церковную власть выше светской, но сознавал, что достигнуть этого можно только коренным преобразованием духовной системы. «Церковь, — говорит он, — ничем не стала походить на церковь апостольскую; священники должны бы красоваться особенной святостью, а в них святости так же мало, как и в мирянах; они должны бы отказаться от удовольствий и мира сего, а между тем они жили в изобилии и почестях. Чтобы стать на свое истинное место, церковь должна отказаться от всякого богатства, от всякого обладания именем, от всех прав державных; ни один епископ не должен владеть леном, ни один священник не должен иметь собственно-

сти; всякое земное имущество принадлежит лишь князьям и людям мира сего». Это было полное осуществление идеи Пасхалия. Блестящее ораторское дарование Арнольда, высоконравственная жизнь этого монаха внушили к нему страстные симпатии в Ломбардии. Арнольд из области социальной пришел в чисто политическую. В своих проповедях он отвергал всякое императорское право на общины Северной Италии; он возбуждал гражданское мужество примерами древней республики. На латеранском соборе 1139 г. Арнольд был осужден. Он бежал за Альпы, но его мысли дошли до Рима. Кому, как не этому городу, было возможно увлечься идеями монаха, которым подсказывало столько великих воспоминаний. Римская чернь поднялась; народ занял Капитолий и созвал сенат.

Папой был тогда еще Иннокентий II; ему объявили, что его господство неуместно в городе, что оно кончилось, он умер среди этих смут. Папы были совершенно бессильны против революции. Люций II пытался оказать вооруженное сопротивление, но напрасно. Он кинулся на Капитолий с отрядом, но был отбит и умер от раны.

Тогда явился в город сам Арнольд, виновник движения. Составлено было правительство из двух консулов и ста сенаторов; хотели уредить по старому римскому образцу сословие всадников. Папа Евгений III (1145—1153) не мог сносить такого порядка дел; носители тиары сжились со светской политической властью. Только что избранный, он бежал, чтобы не быть вынужденным действительно стать апостольским преемником.

И вот папа зовет на помощь императорскую власть согласно условиям Вормского конкордата. Так или иначе, но без светской поддержки папство не могло существовать. Надо заметить, что предшественники Фридриха I не держались какой-либо определенной политики по отношению к Риму и к курии. Так, преемник Генриха V, саксонец Лотарь II, предшественник Гогенштауфенов, оставался другом Рима. Он выручал папу из беды от сицилийского Рожера, он приходил в Италию короноваться и усмирил бы не оказавших ему почтения строптивых ломбардцев. Он бы теперь был очень полезен и, конечно, в силу своего единодержавия, не допустил бы республики в городе, который претендовал считать столицей империи. Но его уже не было в живых. Династия Гогенштауфенов начала свою, и славную и несчастную историю.

Конрад III не внял просьбам папы; он не пришел выручить Евгения. Это был единственный из средневековых императоров, не посетивших Италии; он предпочел Палестину этой соблазнительной для немцев стране. Арнольд был простор. Его бичевал только всесильный голос Св. Бернара. Оба они были современниками, людьми с безусловно честными намерениями, но расходились в понятиях; оба были фанатиками убеждений и дела, но одному светила безотчетная вера, а другому — свобода. Один погиб за эту свободу, другой задался целью осуществить на земле теократию с папой во главе. Один выражает собой средневековой государственный порыв; другой — средневековой духовный аскетизм. Нельзя не заметить, что воззрения Бернара были односторонни и полностью осуществиться не могли. Тот голос, который направил всю рыцарскую Европу в Палестину, обрушился и на республику римскую. Ему вторило проклятие папы Адриана IV (1154—1159) и, самое главное, оружие императорского войска.

Фридрих, при первом же появлении в пределах Италии, набросил на свое имя дурную тень. Арнольд был схвачен, выдан вероломно Фридрихом папе и сожжен. Народ сбегался выручать своего вождя, но нашел один пепел. Арнольд пал мучеником свободы и первым патриотом Италии; он был предшественником Данте, Риенци, Савонаролы, Макиавелли.

Борьба Фридриха I с папами. Это произошло летом 1155 г., и тогда же, в благодарность за услугу, Барбаросса удостоился от сурового Адриана коронации. Но император не ограничился одним этим преследованием свободы; слишком ревностный во власти, он был беспощаден к врагам вообще и нарушителям императорских прав особенно. Он решил в корне извести итальянскую общинность, которую не понимал и не уважал; он видел в ней лишь одну узурпацию негодной черни; для него борцы и вожди итальянских республик были *plebs improba*. Идя в Италию, он думал лишь о триумфах Карла и Оттона. Его биограф Оттон Фрейзингенский даже не может понять той храбрости, какую выказали ломбардские города. Поставив себе задачей такую цель, Фридрих по первому удару надеялся получить поддержку от папы, но тут произошел неожиданный для него поворот в политике Адриана. Обоюдная натянутость всегда должна была быть в отношениях гордого первосвященника к сильному императору. Она прорывалась не мелочах, в требованиях держать публично пап-

ское стремя, в постоянном заявлении папского первенства, приобретенного борьбой. Заносчивость папы особенно обнаружилась в поступке римского посольства на сейме в Безансоне, по поводу ограбления лунденского епископа. Там открыто было заявлено это величие папской идеи. Эта сцена записана Радевиком¹, сообщаящим подлинный документ такого содержания:

«Ты знаешь, сын наш, с какой благостью твоя мать, святая римская церковь, приняла тебя, какими великими почестями она наградила тебя, соизволив возложить на тебя императорскую корону. Пока мы не раскаиваемся, что исполнили твое желание, даже и в таком случае, если бы ты получил от нас еще большие благодеяния (*et si majora beneficia excellentia tua de manu nostra suscepisset*); мы бы могли только радоваться этому, как средству оказать с твоей стороны еще большие услуги церкви и нам». Здесь слово *beneficia*, с намерением употребленное, намекало на вассальные отношения императора к папству. Такое слово способно было произвести взрыв негодования в князьях; но это негодование возросло до высшей степени, когда кардинал Св. Марка (после папа Александр III) произнес с полным убеждением: «От кого же император получил корону, если не от папы?» Смелый легат едва не заплатил жизнью за свою выходку; послы папские तोпились уехать на другой же день.

Упоминание бенефиции задевало и светских, и духовных князей; последние решились даже напомнить всесильному папе о снисхождении и кротких мерах; они явно становились на сторону Фридриха. Сам Барбаросса высказывал свой взгляд на дело архиепископу Трирскому так: «Сам Апостол повелевает уважать царей. Тот, кто считает империю бенефицией первосвященника, идет против Бога; он творец нечестия. Я не потерплю унижения императорского достоинства и лучше умру, чем подчинюсь насилиям папы. Вместо того, чтобы смиренно нести крест Иисусов, верховный владыка хочет играть империей и коронами, над которыми смеются в Италии; Германия не поникнет головою перед церковью».

В свою очередь Адриан смеялся над Фридрихом и его Ахеном, столь жалким перед Римом. «Как Рим превосходит Ахен, так мы выше этого короля, который именуется властителем мира и не

¹ Оттон Фрейзингенский. О деяниях Фридриха I, II, 13.

может образумить какого-либо князька своего. Императорская корона дается нами, и мы можем отнять ее по своему усмотрению, если нам станут платить неблагодарностью».

Император имел возможность всегда убедить силой оружия не признававших его первенство; Адриан умер в борьбе с ним. Против его преемника, папы Александра III, Фридрих выдвинул антипапу Виктора. Борьба переходит в область политическую; всякое духовное оружие становится бессильным. Спор решился на полях Леньяно.

Фридрих совершил пять походов в Италию, и с третьего начались для него жестокие неудачи. Здесь судьба мстила ему за ту свирепость, какую он оказывал в минуты побед своих, когда становился холодным как камень: *faciem suam firmavit in petram*, по словам очевидца. В беспощадности упрекают его даже немецкие патриоты. В нем не было той человечности, которая отличала другого шваба того же имени¹.

Папа Александр III (1159—1181). При таком решительном и даровитом противнике дело Гильдебранда пострадало бы к закату XII в., если бы не храбрость и стойкость итальянских республик. Настал бы военный деспотизм в Германии и Италии, развитие которой не привело бы тогда к тому расцвету, который стал ее достоянием в следующие века. Тут одновременно сливались два вопроса: политической свободы и независимости Италии и самостоятельности духовной власти. Папа поддержал итальянские города именно потому, что видел в них физическую опору для защиты своей самостоятельности. Мы должны перенестись теперь во внутренний домашний мир итальянских городов, этих коммун Ломбардии, на плодоносных нивах которой должен был решиться великий исторический вопрос о преобладании светской и духовной власти на Западе.

Ломбардские коммуны. В Северной Италии независимая городская муниципия сложилась ранее, чем в остальной Европе, на четыре столетия; уже в VIII в. счастливая судьба улыбнулась городам Италии. Даже в Риме, Неаполе и Венеции был тогда вполне возможен демократический строй; но в последней вскоре восторжествовала аристократическая партия. Но наряду с этим

¹ Современник *Оттона Морена* метко назвал его «злойный, жестокий и неумолимый».

усиливаются ломбардские и тосканские города. Оттон I особенно способствовал их усилению, предоставив им право суда; тем же Оттоном I были даны городам собственные епископы. Но слово «коммуна», т. е. полное право внутреннего распорядка, в Италии слышится лишь с первой четверти XII в.; именно тогда сложилось деление на сословия; тогда образовалась буржуазия, появились корпорации. Об образовании этих сословий и корпораций, похожих на касты, впервые читаем в Миланских летописях при архиепископе Гвиберте, в XII в.

Строй ломбардских коммун. Первая заря итальянской политической свободы неразлучна с именем Ломбардии и неразрывно связана с борьбой партий. Внутренняя вражда раздирала Италию: народ то выгонял епископов и выбирал своих начальников, то приглашал их снова, меняя чуть не ежегодно форму правления. Демократический строй городов, особенно излюбленный народом, епископы прикрывали единственно только из своих личных соображений; симпатия их в этом отношении была призрачна. В каждом итальянском городе, начиная с IX в., идет внутренняя борьба партий; впоследствии, после приобретения некоторой устойчивости, города борются между собой. Общий характер внутренней борьбы городов был таков, что обыкновенно торжествовала демократическая партия; тогда мелкие ленники сливались с горожанами, купцами, ремесленниками. Буржуазия вообще стала иметь преобладающее значение, так что не рыцари, а торговцы стали считаться знатью; только за заслуги возводили в звание торговца; в наказание низводили в звание так называемых нобилей. Немецкие императоры могли вмешиваться в судьбу итальянских городов только в формальном смысле; всем заправляет и над всем властвует демократия. Тогда власть епископов и крупных рыцарей ослабела; тогда прелаты уже не имели более права и нравственного основания управлять городами; они уже не пользуются популярностью в городах, да и не могут, потому что ведут жизнь, несколько не отвечающую их назначению.

Тосканский посол Андрей, аббат Вилламбразо, говоря о миланском духовенстве, передает, между прочим, следующее: «Ни один из них не живет так, как требует его звание: одни с собаками, с соколами проводят целые дни в охоте, другие заводят гостиницы, таверны, и, наконец, все явно предаются симонии. Всякая степень посвящения, всякая церковная должность с низшей до

высшей продаются. Никто не вооружается против таких пороков; нигде не видать истинных пастырей».

Когда папа Григорий VII решился начать борьбу с симонией, то он оперся на народ и не ошибся, так как народ глубоко сочувствовал папе и помогал ему. Это обстоятельство содействовало уничтожению симонии. Судьба преследовала всех симонистов; народ не признавал священников, которые не разводились со своими женами. Тогда духовенство окончательно утратило свои прежние феодальные права, дарованные ему Оттоном I. Император Генрих IV, борющийся с Гильдебрандом, поневоле держался противоположной политики. Он всеми силами защищал прелатов и женатое духовенство. Отсюда и понятно образование в Италии двух враждебных партий: вельфов (гвельфов) и гибеллинов, которые напрасно местные итальянские современные историки выводят из столкновения личных интересов горожан.

Таким образом, чисто имперский вопрос был перенесен на итальянскую почву.

Германский император не мог допустить развития демократии, так как эта демократия была в союзе с его врагом, папой. В 1166 г. император торжествовал, потому что во всех городах установилась одна форма правления: три, шесть, двенадцать консулов и два совета: совет доверенных (*consiglio di credenza*) и совет общий из всех полноправных граждан. Наименование консула было взято из прежних римских времен, но значение консула было лишь военное. Консулы не были преемниками фохта; они не были императорскими чиновниками, ибо для суда городского существовали другие должностные лица; они обладали властью прежних городских капитанов, то есть властью исполнительной. Что касается времени появления консулов, то хотя в Пизе и упоминаются консулы под 1017 г., а в Лукке несколько позднее, но достоверное существование консулов с обыкновенной консульской властью относится к 1093 г. Тогда уже был консул в общине Бландрато, откуда эта должность перенесена была в Милан. Таким образом, можно принять, что консулы появились в конце XI и в начале XII в.

Во всяком случае итальянские города были обязаны консулам своей независимостью. Каждая община была самостоятельна у себя, но взятая вместе вся сеть итальянских городов находилась в номинальной зависимости от императора. В каждом городе была

своя папская партия, в которую так или иначе входило все враждебное немцам и императору. Так Генриха V вовсе не пустили в Милан. Номинальными представителями императорской власти в совете были епископы, но чаще консулы, знавшие по-латыни и изучившие римское и германское гражданское право; из них же образовались императорские подесты (от *potestas* — власть).

Значение Милана было столь велико, что в нем часто устраивались собрания для решения общих дел всей Ломбардии; туда съезжались все епископы, являлись представители всех итальянских городов. Собрание открывалось так: перед собором на подмостках помещался консул, напротив него епископы, а кругом во множестве толпился народ. Из всего этого нельзя, однако, сделать заключение о серьезной организации или о прочной федерации ломбардских городов. Они с большим трудом вели тяжелую борьбу с рыцарями Германии, предводимыми Барбароссой. Вообще, тогда не существовало федерации в наших понятиях. Даже в Милане, во время самой войны, проявлялось разделение жителей по кварталам, где были свои гонфалоньеры¹. Ремесленники и купцы должны были служить в пехоте, а ленники и вообще мелкие землевладельцы служили в коннице. Землевладельцы должны были некоторое время жить в городе и бросать свои дела; там они волей или неволей сближались с купцами и ремесленниками; они постепенно сливались с ними, образуя одно целое, городскую буржуазию.

Демократическое самоуправление нашло себе прекрасный приют в итальянских городах, где образовались цехи, ремесленные корпорации. Но у тогдашней итальянской жизни в Ломбардии была и темная сторона. Партии были во всем и всегда; союзы воевали друг с другом. Внешние отношения городов между собой определяются политической окраской. С Миланом по средствам могла соперничать только Падуя.

Союзы ломбардских городов. Именно поэтому во главе ломбардских городов стоят по очереди то Падуя, то Милан. Это естественно, так как к каждому из двух называемых городов примыкает несколько других более мелких общин, которые сплачиваются с ними так тесно, как будто составляют одно целое; отсюда проис-

¹ Гонфалоньер — здесь глава ополчения городского квартала. — *Прим. ред.*

ходит разделение, которое с особенной резкостью бросается в глаза в начале XII в. С Миланом были в союзе Брешия, Крема, Тортона, Парма, Модена. С Падуей — насколько можно судить по летописям — сплотились следующие общины: Комо, Кремона, Лоди, Асти, а потом Реджио, Турин, Пьяченца, Верчелли, Болонья. При таких условиях возникла борьба двух союзов; торговые интересы в этой борьбе, конечно, играли существенную роль. Впоследствии эти отношения значительно изменились и перетасовались. Вражда городов иногда принимала страшные формы. Эмблемой, знаменем республики стала Карроччио, громадная красная железная колесница, украшенная массивным древком красного цвета с изображением креста и Амвросия Медиоланского, патрона города Милана. В начале борьбы Лоди был разрушен миланцами, которые потом пошли на Комо. Воины Комо в свою очередь в одной стычке захватили миланского архиепископа. Миланцы поклялись во что бы то ни стало освободить своего пастыря; они заключили союз с другими соседними городами и двинулись против врага. Пизанцы и генуэзцы привезли свои машины. Комцы бросили свой город и признали зависимость от Милана. Тогда Комо был разрушен, и миланцы отомстили за свою обиду.

В 1128 г., миланцы, не признавая императором Лотаря II, провозгласили королем Конрада Гогенштауфена и короновали его. Папа отлучил за это миланцев и успел даже вооружить против Милана соседние города. Милан должен был смириться и признать Лотаря; но тогда Падуя из ненависти к сопернице стала играть ее роль и тоже не признала Лотаря. Вражда городов между собой не раз доходила до пустых препирательств. Стоило только одному городу признавать что-нибудь, чтобы другой город, наперекор здравому смыслу, стал действовать иначе, отрицая даже факт. С чисто мелочным самолюбием шла борьба между Миланом и Падуей; в распре городов иногда забывались не только руководящие принципы, но и личные интересы. Конрад не успел короноваться императорской короной; он ограничился только тем, что просбирался в Италию. Миланцы не воспользовались выгодами своего положения, а если и воспользовались, то очень мало.

Вмешательство Фридриха I в борьбу общин. Когда Конрад III заменил Фридрих I Барбаросса, то немецкая императорская политика решительно видоизменилась. Новый император стал

иначе поступать по отношению к итальянским городам: он не вмешивался, а повелевал. Он явился в Италию, приказал общинам сложить оружие и дожидаться его суда; затем отправился в Новару для разбора жалоб некоторых городов на Милан. Вскоре Фридрих взял Нону, преданную миланцам, выгнал жителей и срыл город. Миланцы решились снова выстроить искренне преданный им город; они сверх того взяли себе в союзницы Брешию и Пьяченцу. Лодийцы между тем пострадали от соперников за преданность императору: этот город был сожжен и разграблен миланцами в короткое время. Пока Фридрих был без средств, он держался особой политики по отношению к союзу; он лавировал между тем и другим городом, но в 1158 г., усилившись войсками, прибывшими из Германии, он произнес опалу над Миланом и немедленно явился туда сам со ста тысячами пехоты и пятнадцатью тысячами конницы. Милан за отказ повиноваться суду императора был осажден и выморен голодом. Императору представлено было распоряжаться в городе; последствием борьбы было то, что Милан заплатил значительную пеню, а граждане присягнули императору, который впредь будет утверждать выбранных консулов. Верховная власть как в теории, так и на деле должна была перейти к императору.

Ронкальский сейм. Был назначен общий съезд депутатов на Ронкальском поле; там было решено оставить за городами право избрания подесты и консулов, но с утверждения императора, который удерживает за собой доходы и сбор пошлин, право пользоваться рыбными ловлями, разработкой руды и пр. Самовольные разбирательства городов между собой и внутренние междоусобицы были воспрещены; всякий должен был искать суда у своего высшего судьи, у императора.

Конечно, проведение подобных принципов было бы благотворным в интересах порядка, но так как этот принцип проводился через насилие, то он не достиг цели, разжег страсти, вооружил массу населения, которая специально старалась нарушить императорские повеления, чтобы усилить вражду народа против немцев. Между городами теперь проявились узы трогательной дружбы; раздоры на время были забыты. Одна общая опасность вражеского насилия соединила всех.

Общий Ронкальский съезд был причиной возобновления борьбы Милана с Гогенштауфеном. Император требовал повинове-

ния; город отказался подчиниться. Фридрих обратился к болонским юристам, и те приговорили город к опале. Тогда Крема и Милан выгнали императорских чиновников и овладели замком Треццо, где хранились императорские сокровища.

Осада Милана и Кремы в 1159 г. Война возобновилась со всеми ужасами. Относительно Милана император решил действовать не оружием, а жесткой блокадой; он выжигал миланские окрестности и поля, удерживал миланцев от сношения с другими городами. Тогда, в 1159 г., в Милане начался голод.

Уверенный в гибели Милана, сам император пошел на Крему. Но кремаски не сдавались императору; они вешали и пилили на части немецких пленников, а император в свою очередь жег их заложников и пленников, заставляя граждан бить из луков собственных детей. Осаждающие приходили в такую ярость, что играли отрубленными головами пленников, как шарами. Городская стена под ударами камней немецкой катапульты разрушилась, и с нею вместе погибло множество народа; только через полгода сдалась Крема¹.

Император поступил с Кремою жестоко: по его приказанию город был отдан на разграбление и сожжен. Та же участь грозила и Милану: сто тысяч немцев подошло к городу, почти уже выморенному. Голодные жители были близки к смерти; но консулы убеждали граждан не сдаваться и лучше умереть, чем позволить себе постыдную капитуляцию. Однако миланцы вынуждены были сдать-ся. Миланский архиепископ искал более выгодные условия, но император требовал безусловного повиновения. Миланцы смирились; восемь консулов положили к ногам императора обнаженные мечи. Затем пришли триста воинов и повергли к ногам Фридриха свои доспехи: император потребовал к себе всех остальных граждан и знамена. Граждане повиновались; они потянулись рядами, среди которых уныло двигалось каррочио; миланцы пришли хоронить свою свободу. Лодийцы, когда-то пострадавшие от миланцев, пришли любоваться несчастьем своих врагов. Граждане с крестами шли по кварталам; красное каррочио было преклонено перед императором; весь народ пал перед ним на колена; даже немцы были тронуты, но Фридрих остался непреклонен; он взял четырехста заложников и приказал разрушать стены.

¹ *Radevicus. Can. Chronicon*, с. 44—48, 57—63.

Прошло десять дней. Император жил в Павии. Там немцы постарались окончательно убедить Фридриха в необходимости строгой кары. Им подсказывали и вторили итальянцы, враждебные союзу; было решено разрушить город, а жителей выслать в разные места, запретив им когда-либо возвращаться на старое пепелище. Сама земля, на которой стоял город, должна быть вспахана и посыпана солью.

Разрушение Милана. Разрушение Милана Барбароссой в 1162 г. не окончило борьбы итальянских городов за их самостоятельность. Конечно, несправедлива позднейшая риторическая фраза о полном уничтожении города, однако вполне верно то, что пали крепостные стены и башни, были засыпаны овраги и город был разграблен. Из церквей были вывезены священные предметы. Так, иерусалимский король взял себе подсвечники из иерусалимского храма, приобретенные миланцами. В Кельн была отправлена часть мощей; многие дворцы пострадали от рук ненавистных немцев. Хотя город не был уничтожен, но был очищен от жителей, которые были оттуда изгнаны все и размещены по разным местам. Кремонцы и пьячентинцы в деле разрушения Милана служили орудием Фридриха; они сами срыли стены, сами засыпали рвы. Миланцы должны были заплатить пеню и подчиниться воле императора. Император уничтожил выборное начало. Подесты, назначаемые от лица императора, заменили консулов. В первое время они были только сатрапами и распоряжались гражданами произвольно: гнали на свои и общественные работы свободных граждан, заставляли их обрабатывать императорские земли, сажали в тюрьмы, предавали пыткам, казнили. Миланцы вытерпели все, что только могут вынести угнетенные от своих бесчеловечных притеснителей. Подесты собирали с них разные государственные налоги; деньги эти шли, разумеется, в пользу правителей. Оружие было отобрано у миланцев; они были поселены на открытой незащищенной местности, да и не имели права укрепляться. Вообще они были так несчастны, что сделались предметом сожаления даже прежних своих врагов; их везде встречали радушно и приветливо.

Восстание ломбардских городов в 1163 г. В 1163 г. Барбаросса прибыл в Италию в третий раз. Он ехал реставрировать свой замок Монцу, который должны были выстроить миланцы из развалин своих домов. Несчастные ждали императора на дороге,

стоя в грязи; издали увидев приближающийся с императором поезд, они бросились на колени, жалуясь на подесту и прося у императора защиты. Ответом было распоряжение о разрушении Тортоны. Тогда города возмутились. Верона, Виченца, Павия и Падуа заключили союз с Венецией, прогнали подест и стали воевать с вассалами, державшими сторону императора. Фридрих собрал итальянскую милицию и повел ее против возмутившихся городов; но они отказались ему повиноваться. Это смутило императора; он тайно скрылся из лагеря и отправился домой, чтобы собрать немецкое войско, но счастье теперь стало покидать Барбароссу. Его тирания и неумеренная жестокость вызвали отмщение. Именно тогда новый папа Александр III соединил свое дело с интересами ломбардских коммун. На помощь Ломбардии шли искуснейшие агитаторы — фанатичные монахи. Выше уже говорилось о слиянии судьбы итальянских городов с интересами пап; но с этого момента связь делается еще теснее. Монахи несли от папы благословение бойцам за веру, за родину, пытались усмирить именем Христа закоренелую муниципальную вражду; они воспламенили умы ломбардцев увлекательными речами и проповедями так, что скоро поднялось общее восстание в Ломбардии. Надо отдать должное этим агитаторам в рясах; они успели превосходно объединить Италию. В конце 1166 г. Фридрих опять появился в Италии с большой армией. Пользуясь общим движением в Ломбардии, он прошел в тылу союзников и устремился прямо на Болонью. Тогда веронцы организовали союз крупных городов; тут не было только Падуи. Это уже была новая перетасовка партий итальянских городов. Прежняя муниципальная вражда была забыта. Частные интересы приносились в жертву более обширным, национальным. Первым делом было восстановление из развалин Милана, который погиб за свободу общин. Была составлена форма присяги будущей конфедерации; каждый город в силу этой присяги должен был помогать другим; убытки и потери, понесенные в войне членом союза, должны были распределяться между всеми союзниками. Миланцы не верили своему счастью; теперь они были спасены; с криками восторга несчастные изгнанники бросились к своим родным развалинам; разрыли рвы и восстановили стены. Те самые, которые разрушали эти стены в силу муниципальной борьбы, теперь своими руками восстанавливали их в силу федерации. Потом принялись за

исправление частных домов. Милиция ушла только тогда, когда миланцы сами могли защищаться.

Теперь надо было склонить Лоди на сторону лиги. Эта коммуна отделяла Милан от остальных городов лиги; именно ввиду этого обстоятельства Фридрих мог выморить Милан голодом, заняв Лоди. Теперь приходилось просить Лоди войти в союз; два посольства были безуспешны. Этот город, благодетельствованный Фридрихом за свою вражду к Милану, получил самоуправление. Там консул и советник в один голос кричали, что готовы умереть за своего императора и не отдадут города миланцам; тогда решено было употребить против Лоди силу. Тесно обложенный федеральной милицией, Лоди сдался и дал клятву примкнуть к союзу. В 1167 г. осенью в лиге насчитывалось тринадцать больших городов, а именно: Болонья, Бергамо, Брешия, Венеция, Верона, Виченца, Кремона, Лоди, Милан, Модена, Падуя, Пьяченца, Парма. Союз не боялся императора, который находился в то время в Риме.

Отступление Фридриха. Папа бежал из Рима, но местная лихорадка, так называемая марена, которая была особенно страшна летом, беспощадно уничтожала армию Фридриха. Болезнь эта поражала внезапно. Ей благоприятствовали дожди, в особенности в тех болотистых местностях, которыми окружен Рим. Бывали случаи, что умирали люди, прибывшие на похороны своих друзей. Император бежал из Рима, пораженный ужасом этого бича; он прибыл в Павию, где его встретили представители четырех городов, не приставших к лиге из мести к миланцам, которыми они некогда были разорены. Депутаты четырех городов должны были изображать ломбардский сейм, а остальные города были объявлены мятежными, но это было не страшно. Усилившись немецкими войсками, Фридрих не решился, однако, на серьезную войну и ограничился тем, что делал небольшие нападения и мешал торговле. Немецкие латники занимались ежедневными грабежами и стягивали то, что плохо лежало; знаменитое рыцарство обратилось в наглых грабителей; так прошла зима 1168 г., а весной Фридрих тайно уехал домой, гонимый стыдом за свою неудачу. В Сузе, по дороге к Монблану, его узнали, остановили и отобрали заложников.

Ломбардская единая лига. Теперь к лиге примкнули и другие города; вне союза остались только Павия и маркиз Монфер-

ратский. Чтобы парализовать вредное влияние кичливой Павии и Монферрата, лига решила выстроить между ними крепость, которую в честь папы, покровительствовавшего союзу, назвали Александрией; туда согнали жителей восьми местечек:

Вообще города Ломбардии со времени провозглашения лиги богатели и процветали. Теперь ломбардский союз был способен доказать свое могущество Фридриху. Постепенно образовался могущественный союз равноправных городов-республик. Этот пример, конечно, мог выгодно подействовать на остальную Италию; но для этого следовало отказаться от старой закоренелой вражды между городами.

Все улыбалось лиге; Фридрих уже шесть лет жил в Германии, потому что немцам надоели опасные прогулки в Италию для поддержания гордого короля. Казалось бы, надо пользоваться временем, но лига проявила полную неспособность. Каждый член лиги высказывал самолюбие и неуместную щепетильность. Пока опасность висела над головой, являлась отвага, потому что каждый защищал свой очаг и, обороняя себя, приносил само собой пользу общему делу. Лига не собирала со своих членов никаких налогов; никаких общих решений не предпринималось. В городах существовали консулы и подесты, но они не совещались между собой. Лига имела только одну наблюдательную власть; ее решения не были окончательны; забавно, что эти решения обсуждались вновь в каждом городе. Это был тот же хаос прежних времен, очень удобный в интересах немцев, императора, но усиливавший раздоры. Не было определено, какие силы должен был выставлять город в случае войны. Кроме клятвы, не было никаких импульсов, побуждавших на защиту общего дела.

Поход Фридриха в Италию в 1174 г. Одним словом, лига дремала, когда в 1174 г. Фридрих в пятый раз вступил в Италию и занял Сузу. Тогда союз встрепенулся, но было уже поздно. Ректоры послали в Асти депутатов с просьбой держаться по возможности против немцев; они узнали, что астийцы испугались и сдались. Фридрих пошел на Александрию, против которой был особенно раздражен. Теперь в армии Фридриха не было главного сподвижника его, Генриха Льва. Старик отказался идти, ссылаясь на свои шестьдесят пять лет, но на самом деле потому, что не хотел усиления Гогенштауфенов и, может быть, даже желал видеть маленькую неудачу Фридриха. Все просьбы Фридриха оста-

лись тщетны; он уже хотел встать на колени перед своим вассалом, но жена удержала его от такого унижения. Между тем без Генриха Фридрих был слабее наполовину.

Александрийцы сначала было оробели, увидев армию Фридриха; особенно страшны им были фламандцы. Еще не были окончены городские стены. Фридрих долго боролся с естественными препятствиями, выносил болезни, дожди, наводнения, стоял четыре месяца, но Александрия не сдавалась. Между тем явились войска лиги, немцы хотели ворваться, но неудачно. Тогда Фридрих, испугавшись близости итальянцев, зажег свой лагерь и ушел к Павии. Случайно он расположился против войск лиги, которой стоило только ударить, чтобы уничтожить армию императора, но эти торговцы имели более понятия о чести, чем германский император. Они не решились воспользоваться сравнительной слабостью венценосного противника.

Когда зашла речь о мире, сейчас же обнаружилось несогласия лиги. Папская политика не допустила примирения; монахи заговорили: легаты взяли дело в свои руки. В Павии повелением папы было назначено разбирательство. Легат сказал Фридриху назидательную речь; он говорил ему о христианском мире, изнемогающем от долгих войн, ответственность за которые он возлагал на императора. Фридрих на словах выражал раскаяние, а сам поджидал войска, он хотел только провести послов. Таким образом, легаты вместе с консулами воротились ни с чем. Итальянцы дождались того, что император направил на них армию; он двинулся к Милану.

Битва при Леньяно 29 мая 1176 г. Милан взял клятву с других городов о содействии, но отряды лиги продвигались медленно. В городе образовалось два отряда из отборных юношей; оба отряда — из трехсот человек (кароччио) и из девятисот (отряд смерти) — поклялись умереть, но не отступать и не выдавать кароччио. 29 мая 1176 г. произошло столкновение с немцами при замке Леньяно. Уже от напора немцев поколебались ряды итальянцев, но когорта, охранявшая кароччио, выручила. Император упал с коня, ошеломленный; его войско рассеялось. Ночью, придя в себя, Фридрих стал пробираться окольными путями в Павию и прибыл туда на третьи сутки, когда жена его уже надела траур и все считали его мертвым.

Перемирие в Венеции 1177 г. и Констанский мир 1183 г. Через год устроилось личное свидание Фридриха I с Александ-

ром III в Венеции, после которого было установлено примирение императора с папой, перемирие Фридриха с ломбардскими городами на шесть лет, а с королем обеих Сицилий на пятнадцать лет. Император признавал законным первосвященником Александра III и отказывался от антипапы. Он сознавал, таким образом, свое поражение. Все это было засвидетельствовано в той же Венеции, в соборе Св. Марка, 23 июля 1177 г. Фридрих упал в ноги папе в дверях кафедрального собора и тот благословил его. На другой день император был прощен. Гордость папы, старая слава итальянского оружия были удовлетворены. Недаром хронисты сравнивали Леньяно с Марафоном. Тогда ликовали все поборники папства на Западе. Иоанн Солсберийский с радостью восклицает, что лев, гроза мира — *qui totius orbis terror fuerat* — позорно бежал из Италии. Барбаросса расчищал дорогу для папской процессии, помещаясь вместе с немецкими прелатами. Фридрих теперь сосредоточил свою злобу на Вельфе, который не поддержал его. Император четыре раза требовал его на сейм, но Вельф не обращал внимания; тогда он предал его суду и сам председательствовал в заседании. Саксония была тогда разделена; часть ее отошла к Ангальтскому дому; из прочих частей образовалось Вестфальское герцогство и другие мелкие владения. Бавария была предоставлена Оттону Виттельсбаху; Померания также была освобождена от вельфов и отдана славянским князьям Казимиру и Богуславу, которые непосредственно подчинялись императору. Вельф был побежден; униженный, он должен был почтительно просить прощения у императора. Ему были оставлены только Брауншвейг и Люнебург; на три года он укрылся в Англии, где у него родился сын Вильгельм; в этой стране его отдаленное потомство носило впоследствии королевскую корону.

По истечении перемирия император согласился признать совершившийся факт, т. е. образование итальянской лиги. В 1183 г. его послы подписали в Констанце договор. Император, стыдясь понесенного поражения, настоял на своем праве отступить с почетом. Он мог бы наказать всех ослушников, говорится в договоре, но, по милосердию своему, он дарует мятежным коммунам мир, прощая их. «Мы даруем вам, — обещает Фридрих членам союза, — те регалии и кутюмы, коими вы владели с давних пор, право иметь коммунальную армию, укрепления, уголовную и гражданскую юрисдикцию в городах и на их территориях. Пусть мест-

ные епископы и императорские уполномоченные исследуют на месте объем прав и регалий, которыми издавна владели города. Те договоры, которые были заключены из страха к нам или по принуждению наших нунциев, не считаются действительными. Союз городов может быть возобновлен, когда города того пожелают. В городские консулы избираются только те, которые принесут нам присягу на верность. Требуемую инвеституру они получают или от нас, т. е. через посредство нунциев (т. е. агентов) наших, на пять лет, или от епископа. По истечении указанного срока каждый город пошлет нам послов за новой инвеститурой, которая всегда дается безвозмездно. В делах исковых свыше 28 ливров — предоставляется апеллировать епископу или нунцию нашему, которые будут честно решать дело, согласно обычаям и законам этого города. Император удерживает за собой право на пребывание в городах, но обязывается оставаться в каждом городе или диоцезе столько времени, сколько вызывается необходимостью, дабы пребывание его не было в тягость». Все граждане от пятнадцати до семидесяти лет, через каждые десять лет, должны приносить императору присягу в верности. Дается всеобщая амнистия. В заключении была сделана оговорка, что если какой город нарушит статьи договора, то прочие города принудят его к исполнению условий, причем общий мир нарушен не будет.

Рассматривая эти условия, мы видим, что в Констанце был достигнут компромисс между претензиями повелителя Священной империи и старыми вольностями городов Ломбардии. Коммуны не выходили из подчинения империи, но они устанавливали предел всяким деспотическим покушениям германских императоров или собственно немцев. Папа был и остается покровителем коммуны, но, как сама война имела патриотический характер, так и договор стремится гарантировать политическую и гражданскую свободу Ломбардии. Самое унижительное условие для Фридриха I заключалось в ограничении срока его пребывания в городах, но оно являлось существенно необходимым для урегулирования взаимных отношений. Мирные итальянские горожане, победившие своим непоколебимым героизмом немецких латников, после тяжелых жертв, принесенных ими отечеству, могли справедливо гордиться минувшей войной и приравнять Леньяно к Марафону. Эта продолжительная война показала присутствие великих сил в народной массе, руководи-

мой лозунгом свободы. Когда Фридрих в досаде на неудачу под Кремой во время продолжительной осады приказал казнить пленных горожан, то осужденные, мужественно встречая смерть, воздевая руки к небу, восклицали: «Умереть за свободу — это высочайшее счастье после самой свободы»¹. Эти люди погибали во имя идеи политической свободы, впервые проявившейся на почве Северной Италии. С этой идеей сочеталось представление о возможности достигнуть лучших условий гражданской жизни во время общего бесправия. Можно положительно заключить, что именно в те годы, под влиянием жизненных условий и побуждений, сложилось понятие о политических и гражданских правах. Эти права были подсказаны нуждой, потребностью лучшего существования; здесь же они развились и обратились в идею политической свободы, которую впоследствии, в разных местах Запада, люди, боясь быть вновь поработченными, отстаивали ценой страшных жертв, хотя находились в положении более выгодном, чем разрозненные ломбардцы XII в.

Вот в чем заключается высокое значение и всемирно-историческая важность Констанцкого мира.

После этого ломбардцы приветствовали Фридриха не как врага, а как друга. Пройдя по Северной и Средней Италии как покровитель, он завязал связи с Неаполем, женив своего сына Генриха на Констанции, дочери и наследнице короля обеих Сицилий. Императору казалось, что он стеснил папу с двух сторон, но вышло нечто противоположное: неаполитанское наследство, как увидим впоследствии, было причиной гибели Гогенштауфенов.

Последние годы жизни Фридрих посвятил святому делу. Он принял участие в третьем крестовом походе. Здесь он нашел свою смерть. Он погиб в Малой Азии, в речке Каликадне, во время переправы во главе воинов Креста.

Торжество Рима. С блеском папство вступает в XIII столетие. Настало время его полного могущества, к которому оно стремилось и которого, наконец, оно достигло, хотя ненадолго.

Одному человеку суждено было олицетворить это могущество. Он соединял в себе богатые силы духа, твердую волю и широкие помыслы; натура этого итальянца отличалась замечательной всесторонностью. Подобно Гильдебранду, он готовился к политиче-

¹ *Radevicus. Canonicus Frising*, II, 63, *Muratori*, VI, 850.

ской и церковной деятельности живым примером и долгой практикой; он управлял политикой Европы в качестве архидиакона римской церкви, при слабых преемниках Александра III. При Люции III (1181—1185), Урбане III (1185—1187), Григории VIII и Клименте III (1187—1191) он играет видную роль в делах курии. Когда он сам стал папой, ему сопутствовало удивительное счастье. Это был римский граф — Лотарио Конти, надевший на тридцать седьмом году своей жизни папскую тиару под именем Иннокентия III (1198—1216). В нем католическая идея достигает своего апогея, и им непосредственно открывается тринадцатый век.

3. Развитие монархической и коммунальной идеи во Франции в XII в.

Крестовое движение, порожденное известным настроением общества, само было источником многих событий. Походы на Восток, направляемые самыми разнообразными общественными элементами, как-то: рыцарями, горожанами, вилланами, невольно сближали в интересах национального патриотизма эти несходившиеся доселе элементы. В далеких и опасных странствованиях по неизвестным землям, в пылу битв складывались национальные симпатии; словом, крестовые походы содействовали проведению в жизнь национального принципа.

Коммуны во Франции; их происхождение и организация. Прежде всего последствия этого исторического движения отразились во Франции. С этого же времени, т. е. с начала XII в., под влиянием крестовой идеи и по указанию прежних, древнеримских традиций, появляется городская организация, связывающая интересы многих членов общества. Раньше нами было замечено, что города в Италии при императоре Конраде II, а потом при Фридрихе II добыли себе самоуправление и что в них после Констанцкого мира утвердилась коммунальная система. Это же название «коммуна» перешло и на свободные города Лангедока, а оттуда распространилось дальше на север. Само латинское слово «коммуна» обозначает понятие, выражающее общность интересов. Первое время в памятниках как галльских, так и итальянских, для выражения идеи самостоятельности городов, встречаем термин *conjuratio, communa jurata* — от *jurare*, клясться. Такое название общины показывает, что ее члены давали клятву защи-

щать общие интересы и поддерживать друг друга. Отсюда горожане, соединившиеся между собой таким взаимным обязательством, назывались *jurati* (*jurés*), т. е. присяжные. Они выбирали над собой главных сановников, которые на юге Галлии носили громкое имя консулов, заимствованное из Италии; в других же частях Галлии они назывались мэрами (лат. *major*, франц. *maire*). Некоторые из *jurati* входили в состав городского управления — *magistratus*. Правда, эти должности мэра, консула существовали гораздо раньше, но они не имели такого значения, какое им присвоено было как сановникам городских общин. Вообще коммуна во Франции сложилась под влиянием франкского этнографического элемента; франкам, как всему германскому племени, был свойствен дух ассоциации. Эта идея еще раньше XII века проявлялась в Германии в так называемых цехах (нем. *ghilde*). Она же проявилась и на почве Галлии после водворения франков. Обыкновенно в городах ремесленники, занимавшиеся одним ремеслом, с целью взаимной помощи, для соблюдения своих интересов и поддержания своего производства составляли небольшие кружки-цехи; они давали клятву неуклонно заботиться об интересах всего цеха и не нарушать цеховых постановлений. Из своей среды каждый цех выбирал начальников, которые назывались мэрами (*majores*), а в иных городах «хранителями ремесла» (*gardes de métier*), «мудрыми людьми». В Южной Франции они иногда носили название «консулов». Таким образом, термины «мэр» и «консул» сами по себе существовали раньше их политического значения; также существовали и ассоциации под надзором этих выборных начальников, так что цеховые мэры и консулы были предшественниками коммунальных мэров и консулов, а сам цех был зародышем коммуны.

Три полосы самоуправления. Вся Францию относительно силы коммунального духа можно разделить на три части: северную, среднюю и южную. Некоторые историки две первые части соединяют вместе. Действительно, северная и средняя полосы, по силе и характеру коммуны, не похожи на южную (Лангедок, Прованс). В последней, сравнительно с остальными частями Франции, сильно было римское влияние; здесь было много старых римских городов, которые ревниво хранили свое муниципальное устройство, а в народе жили еще римские предания. Словом, здесь была почва для коммуны. Но, глубже анализируя вопрос,

мы заметим существенное различие между городским устройством северной и средней Франции, которое заключалось в том, что в городах средней полосы самоуправление не носило политического характера в противоположность городам севера и юга. К средней полосе принадлежат провинции Орлеане, Гатине, Мэн, Анжу, Турень, Берри, Ниверне и Бургундия. В городах этих провинций, правда, существовала самостоятельная магистратура, но общины в них пользовались ограниченными правами политической и гражданской свободы, да и те были добыты с большими усилиями и медленно. Города этой полосы назывались городами «простой буржуазии» (*villes de simple bourgeoisie*). Что касается северной полосы, то она называлась *pays de coutumes* (страна кутюмов, обычного права); южная Франция называлась страной римского права (*pays du droit Romanian*). Города центральной полосы были богато населены и развиты в промышленном и торговом отношении, но были лишены политического значения; потому политическая власть легко допускала в них коммуну. Впоследствии целью политики французских королей было уравнивать в правах коммуну севера и консульские города юга со средней Францией, за которую они совершенно не опасались. По существу политика французских королей являлась революционной.

По мнению Огюстена Тьерри, коммунальное движение средних веков представляет поразительное сходство с новейшими конституционными революциями¹. Стремлениям радикалов нашего времени в те века соответствовали порывы горожан, этих предков позднейшей буржуазии. Буржуазия шла прямо к республике, но реакция власти часто возвращала ее назад. Равновесие этих двух сил породило в городах род смешанного управления, как это было в особенности на севере. Новая организация, узаконенная грамотами, претерпевала все превратности новейших конституций: она последовательно изменялась, разрушалась и снова восстанавливалась; сеньоры и города нарушали содержание грамот.

¹ Постановкой и разъяснением вопроса о коммуне наука обязана Огюстену Тьерри, который своим популярным изложением и редким талантом умело заинтересовать образованное общество отдаленным прошлым и сделать из этого прошлого благодаря удачному сопоставлению вопрос настоящего. Мы пользуемся его «Письмами по истории Франции» («*Lettres sur l'histoire de France*»), откуда заимствуем и документы.

Если принципом средневековой коммуны была свобода, то свобода, если можно так выразиться, материальная, — свобода уходить и приходить, продавать и покупать, быть господином себе, оставлять свое имущество детям.

Во имя этой свободы, — другой свободы тогда не знали, — и жертвует буржуазия своим имуществом и жизнью. В этом существенное отличие средневековых революций от новых. Кроме того, революции нового времени исходят из распри народов с королевской властью; революции же двенадцатого века — из борьбы с феодалами.

В то время было мало городов, принадлежавших непосредственно королю. Большая часть бургов была собственностью баронов или церквей, а церковные города были под властью своих епископов. Иногда светский сеньор, владетель древней крепости и соседнего квартала, оспаривал у прелата верховную власть и над остальной частью города. Иногда король имел башню, где его прево укреплялся по-военному, чтобы собирать с горожан известные поборы, кроме тех, которые они платили епископу и светскому феодалу.

К счастью для горожан, эти три власти не уживались вместе. Восстание одного из кварталов часто находило поддержку в сеньоре соседнего, и если все население города составляло одну политическую ассоциацию, то редко случалось, чтобы один из владельцев, за деньги, не утверждал ее. В современной Южной Франции, — значит, вне тогдашнего французского королевства, — епископы были вообще друзьями местной буржуазии и покровителями коммуны. Но непосредственно во Франции, особенно в Бургундии и Фландрии, они постоянно поддерживали против коммун войну, окончившуюся спустя три века одновременным уничтожением коммун и феодальных привилегий.

Эта разница происходила оттого, что на юге франкское влияние было не так глубоко и епископы мало уподоблялись баронам. Но по мере приближения к Рейну следы франкского вторжения становились более ощутимыми: господство силы было полным, власть феодалов — деспотической; кто не был там рыцарем — тот был рабом. Этим унижительным названием епископы с высоты своих зубчатых стен величали жителей городов, записанных за церковь. Но это название выражало скорее претензию, чем факт. Своими частыми волнениями, оборонительными и насту-

пательными союзами буржуазия доказала, что рабство — не ее доля. Из временных эти ассоциации взаимной обороны (*communions, communs*) сделались с течением времени постоянными. Для обеспечения их была придумана организация административная и судебная, а затем совершился переворот.

Подобно конституциям нового времени, коммуны выдвигались одна за другой, и последние по времени подражали в организации первым. Основным источником, если можно выразиться, прототипом всех коммун, служит коммуна Камбрэ. На ней мы должны остановиться, чтобы показать на примере, как слагалась «община» средневековой Франции.

Коммуна Камбрэ. Ее история начинается с середины X в. В 957 г. епископ Камбрэ отправился к императорскому двору, чтобы просить защиты против горожан. Пользуясь этим, буржуазия образовала против него союз и поклялась не впускать его в город. Епископ узнал об этом. Он выпросил у императора войска и страшно отомстил камбрэйцам. Воины убивали всех, кто попадался; иным отрубали руки и ноги или выкалывали глаза; других клеймили раскаленным железом. Но эта военная экзекуция только ожесточила врагов епископа. Борьба скоро возобновилась. В 1024 и 1064 гг. были сильные возмущения, для подавления которых потребовались большие военные силы. Хотя оба раза епископ вышел из борьбы победителем, но граждане не теряли надежды так или иначе добиться свободы.

В 1076 г. епископ снова отправился ко двору императора, а жители Камбрэ составили союз под именем коммуны. Они поклялись, как сто лет тому назад, не впускать епископа в город, если он не присягнет коммуне; но епископ подошел к городу с войском, и камбрэйцы должны были покориться. Казалось, коммуна Камбрэ была разрушена. Но волнения, происходившие на западе вследствие отлучения Генриха IV от церкви, дали им возможность восстановить ее. Генрих V после смерти отца явился в Камбрэ с войском; он разорвал грамоту коммуны и заставил жителей поклясться в верности епископу.

Таким образом, коммуна Камбрэ была уничтожена во второй раз; но не прошло и двадцати лет, как она снова была восстановлена. Давно указывали на нее как на образец политической организации. «Что скажу я о свободе этого города? — говорит один древний писатель. — Ни епископ, ни император здесь не могли

налагать податей; никакая дань не собиралась; нельзя было вводить туда войско, если только оно не предназначалось для защиты города»....

Коммуна управлялась избирательным собранием (*magistrat*), члены которого назывались *jurés* и собирались каждый день в общественном доме, который назывался *maison de jugement* (дом суда); *jurés*, в количестве восьмидесяти человек, разделяли между собой административное и судебное управление. На них же лежала обязанность защищать город. В мирное время они должны были отстаивать независимость города от притязаний епископа. Благодаря непоколебимой твердости избранных властей коммуна Камбрэ процветала и до середины XIV в. выдерживала борьбу с клерикальной партией, которая неоднократно вынуждена была всей массой выходить из города.

Во время борьбы за коммуны в Камбрэ там жил капеллан Будри де Саршенвиль, родом из Артуа. Это был человек характера решительного, ума светлого и пытливого. Он не разделял отвращения духовенства к коммуне. Будри понимал, что это учреждение — потребность времени, а потому находил лучшим уступить буржуазии добровольно, чем проливать кровь ради временной реакции. Из Камбрэ он перешел в капитул Нойона. Этот город был в таком же положении, как Камбрэ: граждане постоянно враждовали с епископом и духовенством. В 1098 г. Будри занял там епископскую кафедру. Чтобы предупредить бесполезные кровопролития, новый епископ решил примирить противников на известных условиях. На общем собрании граждан, духовенства и рыцарей, по предложению епископа, была принята и утверждена присягой грамота коммуны, похожая на грамоту Камбрэ. По ходатайству епископа она была подтверждена королем Людовиком VI (около 1108 г.).

За несколько лет до этого, путем народного восстания, была учреждена коммуна в городе Бовэ. Граждане заставили присягнуть ей епископа (1102). В то же время, чтобы предупредить волнения, Рауль, граф Вермандуа, дал коммунальную грамоту Сан-Кантену. Духовенство и рыцари с охотой присягнули исполнять ее, не нарушая прав своего сословия. Чтобы понять, какое действие произвело на города Пикардии и Иль-де-Франса существование этих двух коммун на расстоянии каких-нибудь ста пятидесяти верст, достаточно обратить внимание на существенные пункты их грамот.

Грамота Бовэ. «Все жители города и его округа присягнут коммуне. Коммуна изберет тринадцать пэров; из них пэры, с одобрения коммуны, изберут одного или двух на должность мэра. Мэр присягнет быть беспристрастным и давать справедливое решение во всех делах. Коммуна присягнет повиноваться решениям мэра и пэров. Преступника против члена коммуны городское управление (мэр и пэры) приговаривает к телесному наказанию или штрафу.

Если виновный скроется в чей-либо замок и не будет выдан по требованию совета, то приговор будет исполнен над именем и людьми владельца замка.

Если чужеземный купец будет оскорблен в пределах коммуны, совет накажет виноватого, дабы купец не сделался врагом коммуны.

Никто из горожан не может вступать в переговоры с врагами коммуны без позволения городского совета, т. е. коммуны.

Если член коммуны, должник другого члена, убежит в замок, то владелец последнего должен или уплатить долг, или выдать виновного; в противном случае приговор будет исполнен над людьми его.

Если кто украдет деньги у члена коммуны, убежит в замок и не будет выдан, — приговор будет исполнен над людьми и именем владельца замка.

Если случится, что кто-нибудь из членов коммуны купил наследство и владел им более года, то оно останется за ним, хотя бы наследник предъявил свои права».

Сопоставим с этим документом места из грамоты коммуны Сан-Кантена, данной этому городу графом Раулем, который за деньги счел удобным отказаться от некоторой доли своих феодальных прав.

Грамота Сен-Кантена. «Личность и имущество членов этой коммуны будут неприкосновенны; ни мы, ни кто-либо другой не может требовать от них ничего.

Преступление наказывается разрушением дома, если преступник не заплатит выкуп, назначенный мэром и членами. Выкуп должен употребляться на поправку городских стен и укреплений. Не явившийся на суд по требованию мэра будет изгнан из города. Если преступник имеет в городском округе дом, мэр может разрушить его; в случае нужды граф дает ему помощь

Каждый буржуа может быть позван на суд всюду и во всякое время дня.

Наследников поземельной собственности мэр немедленно вводит во владение.

Чужеземец, вступивший в коммуну, владеет всем, что принес с собой; все же, оставшееся во владениях бывшего его сеньора, собственность последнего, кроме наследственного имения.

Если мы (т. е. граф) позовем кого-либо из членов коммуны на суд, то приговор будет постановлен особым судом в стенах Сан-Кантена. Укрепление города полностью подлежит ведению мэра и пэров. Мы не можем чеканить и перечеканивать монету без согласия мэра и пэров (*jurés*).

Граждане могут молоть зерно и печь хлеб всюду, где пожелаю. Если совет, нуждаясь в деньгах на городские потребности, наложит пошлину, то может наложить ее и на наследственные имения, и на продаваемое недвижимое имущество.

Мы жалуем все это, не нарушая ни собственных прав и чести, ни прав церкви и наших свободных людей».

Из самого способа выражения этих грамот видно, что в XII в. существовало различие между коммуной взятой с боя и коммуной пожалованной.

В первой из этих грамот видно выражение народных желаний; вторая не имеет этого оттенка. Ее редакция отличается принужденностью: она представляет как бы поражение власти, уступившей силе обстоятельств.

Город Лаон. Первым из ближайших городов, последовавших примеру Сан-Кантена, был город Лаон. Лаонцы хотели добиться коммуны мирным путем, путем взаимного соглашения с властями, но постепенно были увлечены на совершенно противоположную дорогу. Они начали просьбами о реформе, мольбой самой смиренной, а кончили избиением врагов, разрушением и пожаром. Подобно новейшим революциям, история Лаонской коммуны представляет и крайнюю степень возбуждения народных страстей, и реакцию с ее последствиями.

Город Лаон, рассказывает Огюстен Тьерри, в конце XI в. считался второй столицей французского королевства. Епископ был в то же время феодальным сеньором. Жители терпели страшные притеснения; открытые грабежи и убийства были обычным явлением. Улицы города были небезопасны даже днем. К этому

нужно присоединить лихоимство епископского управления: произвольные налоги, неправильные судебные решения и т. п.

Притеснения граждан достигали крайней степени, когда место епископа получил нормандец Годри. Это был человек с воинственными наклонностями, вспыльчивый и надменный; он любил рассуждать о сражениях и охоте, о лошадях и собаках. Годри не останавливался ни перед каким насилием. При нем городская знать и духовенство сделались еще более жадны.

Чрезмерные притеснения заставили лаонцев искать средства выйти из состояния рабства. Пользуясь отсутствием своего патрона, они составляют собрание и клянутся пожертвовать всем, лишь бы достигнуть учреждения городского самоуправления. Они подкупают духовенство и рыцарей, чтобы те признали акт выборного правления. За большую сумму они покупают согласие возвратившегося епископа и, наконец, подтверждение короля Людовика VI.

Лаонская коммуна, относительно организации муниципальных властей, взяла за образец коммуны Нойона и Сан-Кантена. Судебная и административная часть правления были предоставлены избирательными мэром и *jurés*, которых должно быть не менее двенадцати. Но лаонцы недолго пользовались купленной свободой.

Епископ, духовенство и рыцари скоро истратили деньги, полученные с граждан за коммуну; нового выкупа граждане не давали, произвольных поборов производить было нельзя. Оставалось одно средство — уничтожить коммуну. Действительно, епископу удалось подкупить короля за семьсот ливров, которые он надеялся собрать с граждан. Грамота за королевской печатью была объявлена недействительной; мэру и *jurés* приходилось вернуть все атрибуты власти епископу. Но граждане на протяжении двух лет успели свыкнуться со свободой, и трудно было заставить их спокойно воротиться к прежнему состоянию рабства.

Слух о тяжелых налогах раздражил жителей. С криком «коммуна» бросились они по улицам к епископскому двору. Они взяли дворец приступом, убили епископа и подвергли его труп осмеянию; много было перебито дворян; не щадили даже женщин и детей.

Когда мщение было удовлетворено и граждане могли спокойно обсудить свое положение, они поняли, что зашли слишком

далеко, чтобы дело окончилось миром. Опасаясь наказания со стороны короля, они просили помощи у Тома де Марля, врага короля. Но Тома не мог им помочь, потому что вассалы отказали ему в поддержке; он предложил им покинуть город и перейти в его владения. Лишенные надежды на постороннюю помощь, лаонцы в отчаянии бежали из родного города. Жители соседних деревень грабили покинутый город; противники коммуны начали жестокое мщение; оставшихся в городе жителей убивали или вешали. Лаон был разгромлен; многие дома разрушены.

Мы узнаем после, как в войну вмешался король и силой прекратил существование коммуны. Но населению трудно было вернуться к прежнему рабству. Вспыхнуло волнение; феодал-епископ должен был бежать. Тот же король Людовик VI вновь утверждает свободу Лаона, но с одной странной оговоркой. Король боится называть коммуну ее настоящим именем; это слово продолжает быть страшным, зловещим. Она была названа мирным учреждением, ее члены и присяжные именовались «присягнувшими миру», а ее пределы стали считаться «границами мира».

Частная история Лаона весьма типична; она более или менее повторялась в истории других общин. Хартии то давались, то отнимались. Королевская власть то приходила на помощь городам против епископов и светских сеньоров, то вместе с последними держала коммуну в железных тисках. Долго не было ничего установившегося, определенного в политике королей по отношению к городам.

Только в начале XII столетия положение дел выясняется. Число коммун растет. Всякими способами, то силой и мятежом, то покупкой и сделкой, то подкупом и хитростью, города добывают себе самоуправление.

Общий характер коммун во Франции. Новая администрация этих городских единиц получает республиканский характер. В Италии термин «консул» появился около 1100 г. Около того же времени о консулах упоминается во французских летописях. За двадцать лет перед этим начались крестовые походы. Нельзя отрицать, что образование мелких республик в Италии очень зависело от крестовых походов; равным образом коммунальное движение во Франции в значительной степени обязано своим развитием тому же историческому движению. Так как обыкновенно одинаковая историческая причина всегда производит и оди-

наковые последствия в разных местностях, то и по времени и по характеру коммунальное движение в Италии и во Франции представляет большое сходство.

Обыкновенно первые заботы вновь образовавшейся городской администрации были посвящены защите города. С этой целью учреждалась городская милиция; для нее выбирали начальников из храбрейших горожан; город также укрепляли извне стенами, новыми рвами и насыпями. Эти сооружения требовали расходов и вызывали налоги с членов коммуны. Затем в общем собрании коммуны составлялась хартия (*charta communaе*), в которой писались условия ассоциации и определялись отношения к феодалу. Коммунальная хартия часто составлялась путем соглашения с сеньором; поэтому она представляла сделку между городской общиной и феодалом, сделку, в силу которой коммуна обязывалась исполнять известные повинности по отношению к своему сеньору, а со стороны этого последнего некоторым образом гарантировалась свобода городской администрации. Так как король продолжал считаться верховным главой государства, то коммуны особенно дорожили утверждением своей хартии королем; за это в свою очередь коммуны должны были помогать королевской власти. Король, как верховный глава государства, имел юридическое право поддерживать спокойствие во время тогдашних беспорядков, насилий и произвола феодалов; но он для этого не имел фактической возможности. Тут-то и сходились интересы коммун и королевской власти, стремившихся ослабить произвол феодалов и искоренить беспорядок. Вследствие этого устанавливались взаимные обязательства между коммуной и королевской властью, что было весьма благотельно для развития свободы общин.

Первое проявление коммунального устройства можно было узнать по ратуше и по городской башне с вечевым колоколом. Башня эта обыкновенно ставилась около здания ратуши или прямо над ним. Ратуша служила местом собрания городского совета. Предметом особой заботы и гордости горожан была башня; она считалась символом свободы. В иных случаях, расчетливые горожане ничего не жалели на украшение башни. С развитием готического стиля городские башни стали строить в этом вкусе. Особенным величием и богатым украшением отличались башни зажиточных городов Южной Франции и Италии. Извест-

на знаменитая Пизанская башня, которая в сущности есть памятник политической самостоятельности и свободы этого города

Коммуна в настоящем виде появилась не сразу; она предполагала уже совершенную независимость. Ей предшествовали во Франции следующие степени внутреннего самоуправления городов: *affranchissement* и *franchise*. *Affranchissement* обозначило освобождение от тяжелой повинности, называемой *manus mortua* (мертвая рука); *franchise* — освобождение от большего числа феодальных повинностей и утверждение городских кутюмов с условием известной платы сеньору. Коммуна есть третья, высшая степень городской вольности, венец ее. Она имела право войны и мира, имела свой сенат или городской совет, члены которого назначались по выбору городского собрания. Сенат имел большое значение; он гордо держался перед феодалами и даже королем. Коммунальная система городского самоуправления была ненавистна как для феодала, так и для духовенства. Слово «коммуна» в летописях XII в. обозначается как *novum et pessimum nomen, detestabile nomen*. Ненависть эта понятна: коммуна по своему духу и характеру стремлений шла прямо вразрез с феодальными порядками. С ненавистью смотрел на коммуны даже такой человек, как аббат Сугерий, всегда стоявший за порядок. Тем резче высказывались люди менее широкого кругозора. Интересно взглянуть, как смотрели современники на коммуны. Так, французский монах Гиберт возмущается тем, что жители, обложенные податью, «платят налог своему господину только раз в год, а в случае преступления отделяются незначительной пеней; они перестали быть по отношению к своему феодалу рабами и освободились от всяких повинностей...» Как ни неприятна была феодалам такая революция в умах, но все новые жизненные силы общества стремились заключить с ней союз.

Связь монархической идеи с коммунальной. С усилением общин одновременно возвышается и королевская власть; но не следует думать, что королевская власть создала коммуны; напротив, коммуна способствовала усилению королей. Мишле давно заметил, что «община создала королевскую власть, а не наоборот». Точнее было бы сказать, что община поддержала королей, подала им дружескую руку. Положим, что община не принимала прямого участия в создании могущества королей; но как община, так и короли стремились к организации общественного порядка,

к ограждению общества от насилия феодалов и потому действовали заодно и помогали друг другу. Как только какая-нибудь община получала силу, она уже готова была стать за короля во имя свободы. На коммуну оказали влияние римское право, римские предания. Каждый глава коммуны должен был знать латинский язык и римское право; акты писались на латинском языке. Королевская власть также возвысилась под влиянием этого права; ее упрочению содействовали болонские юристы, которые тогда только что начали публичное преподавание в старейшем университете Италии и Европы¹. Такое одинаковое влияние римского права на развитие коммуны и королевской власти было одной из причин возникновения союза между этими двумя силами. Пример существования дружеских отношений между ними можно видеть из свидетельства летописца Ордерика Виталия, который говорит, что в его время была устроена «община народная», причем священники должны были следовать за королем с хоругвями своих приходов и с горожанами.

Людовик VI (1108—1137). Король Людовик VI, в молодости прозванный Расторопным, а под старость Толстым, иногда искренне покровительствовал коммунальному движению, иногда враждовал с ним. Он под конец оценил смысл этого движения, хотя и не без помощи знаменитого аббата Сугерия. Последний, правда, не любил общин, но, видя в них организацию порядка, считал за лучшее поддерживать их². Правления Людовика VI и

¹ Уже в конце XI в. в Болонье преподавалось римское право — сперва Пепоном (*Peпо*), который открыл публичные курсы, а затем Ирнерием (*Warnerius, Irnerius*), прозванным «светильником права», *lucerna juris*. Он положил начало школе т. н. глоссаторов, восстанавливавших тексты законов древнеримской императорской и древневизантийской эпохи из отрывков. Из Болоньи это направление публичного юридического обучения перенес в Монпелье некий Плацентийус в середине XII в.; около того же времени Азо перешел из Болоньи в Оксфорд. Это был самый популярный из профессоров всех времен и народов, собиравший десять тысяч студентов. Ученик Азо — Аккурсий, читавший в середине XIII в., прославился как знаменитейший из глоссаторов; свою кафедру он передал сыну и дочери Аккурсии. Ими закончилась школа глоссаторов-комментаторов.

² Сам *Сугерий* оставил нам биографию Людовика VI «*Vita Ludovici sexti*» (*Bouquet*, XII). Жизнь Сугерия описана монахом *Вильгельмом* в его очерке

сына его Людовика VII по характеру своему мало отличаются одно от другого; на обоих царствованиях отразилась деятельность Сугерия. Характер и значение этой деятельности, а также административные способности Сугерия раскрываются в его обширной переписке. Людовик VI предпринял свой первый поход для защиты аббата Сен-Дени и епископов Орлеанского и Реймского от феодалов. В этом предприятии он нашел поддержку в коммуне. Опасаясь противодействия коронованию со стороны некоторых вассалов, он решился возложить на себя венец в Орлеане, а не в Реймсе, епископ которого пользовался правом совершать эту церемонию. Архиепископ Санса при коронации «опоясал его мечом на защиту храмов, бедных и на защиту всех притесняемых». Эта фраза весьма важна; она показывает, что духовенство особенно чувствовало необходимость порядка, побуждая короля преследовать мятежников. Людовику VI удалось развить в себе высшее чувство справедливости, редкое в то время произвола; он сознавал, что феодальный порядок больше немислим. Лучшую половину своего царствования этот король находился под влиянием Сугерия, и все перемены, происшедшие в это царствование, нужно приписывать главным образом уму аббата. Эти перемены послужили к упрочению королевской власти. Деятельность самого короля весьма незначительна; она ограничивается защитой дорог и торговцев или борьбой с владельцами каких-нибудь замков. Но в его царствование выработалась важная идея о высшем значении королевской власти. Даже и в этих мелких предприятиях короля проглядывает одно стремление упрочить и поднять монархическую власть. Постепенно сливаясь с понятием о государстве, эта власть считает себя при каждом случае призванной для поддерж-

«Vita Sugerii»; это сочинение может служить также и документальным источником для истории времени Сугерия (1152). Но гораздо важнее переписка самого Сугерия с Людовиком VII, с папой Пасхалием II и с др. Переписка Сугерия с королем французским относится к тому времени, когда последний был на Востоке. Этот крестовый поход Людовика VII на Восток описал монах Сен-Дени *Одон Дельский* в сочинении «De profectioe Ludov. VII in Orientem». В этом походе автор летописи участвовал лично. Сугерий послужил предметом исследования многих французских ученых, как-то: *Baudier* (1645), *Du Chesne* (1648), *Gervais* (1721), *Carnet* (Etudes sur les fondateurs de l'unitй nationale en France, 1848, t. 1).

ки справедливости и порядка. Хотя король Людовик и не достиг полного признания этих притязаний, но в умах современников зародилось сознание важности королевской власти.

Людовик хотел даже показать значение короны в Нормандии, властителем которой считался король английский Генрих, отнявший ее у законного вассала Роберта и его сына. На зов Людовика откликнулись все недовольные Генрихом ленники. Французский король, казалось, стоял за справедливость и законные права. С ним были все сильнейшие графы (анжуйский, бретонский, фландрский и др.). Но вскоре обнаружилось, что на вассалов полагаться нельзя, потому что они все щадили противников, таких же рыцарей, как сами, что считалось долгом чести. Страдали только крестьяне и их жатва; горожане сидели за своими стенами. Вообще средневековая война не была похожа на войны последующих времен; она давала только случай выказать силу и ловкость; войны, закованные в железо, щадили друг друга. Так было и в данном случае; мы читаем только о мелких стычках; казалось, война обратилась в турнир. Однако в 1116 г. французы были разбиты Генрихом: убитых оказалось трое, а пленных сто сорок. После такой неудачи своего короля бароны Франции стали отпадать от него и переходить к победителю. Графы Анжу и Фландрии заключили мир с Генрихом, Людовик должен был вернуться в Париж ни с чем. Ему было обидно; самолюбие его страдало. Король обращается за советом в монастырь Сен-Дени. Оттуда ответили: «Если у вассалов мало рыцарей, обратитесь к прелатам; пусть они пригласят своих пасомых против общего врага».

Тогда все поднялись с разрешения епископов. Это было первое народное ополчение во Франции. Оно кинулось грабить Нормандию... Результаты этого события были незначительны, но важен факт такого рода, что с 1120 г. во Франции впервые образовалось национальное войско.

Коммунальное движение, начавшееся во Франции в XI в., в XII столетии достигает своего расцвета. В нормандской войне проявилась его полная сила. Если французский король не мог на этот раз достичь успеха, то все-таки коммуны помогли ему даровать Вильгельму Клитону, за которого он воевал, графство Фландрское. Затем коммуны оказали ему более важную услугу в войне с германским императором, Генрихом V. В борьбе за инвеституру Людовик всегда подчинялся влиянию Сугерия, державшего сторону папы.

Тогда умершего Пасхалия сменил Геласий; императорская партия изгнала его из Рима. Он укрылся во Франции, где и умер в Ключийском монастыре. В преемники ему был выбран француз и на французской земле; выбор пал на архиепископа военного Гвидо, друга и близкого родственника французского короля. Он принял имя Каллиста II. Император не признал его, но зато он мог быть уверен в поддержке французского короля. Франции надлежало теперь сказать решительное слово в великом вопросе, разделявшем Европу на две половины.

Собор в Реймсе в 1119 г. В Реймсе в 1119 г. был созван собор для решения дела Генриха V под председательством папы; сюда съехались пятнадцать архиепископов, двести епископов и множество других духовных лиц. Прибыл и Сугерий. Король Людовик открыл собрание. Он жаловался в своей речи главным образом на английского и германского королей и ничего не говорил об инвеституре. Сугерий так ловко повел дело, что собор отлучил императора от церкви, а дело с английским королем пока отложил. Вместе с тем были изданы каноны против симонии и брачной жизни духовных лиц. Известно, что через три года намерение Каллиста II было успешно исполнено. В 1122 г. император и папа заключили в Вормсе договор, так называемый Вормский конкордат, по которому император отказался от симонии и инвеституры, но отчасти удержал за собой право давать духовным земли на ленных условиях. Сугерий же помирил английского и французского королей в 1120 г.: он хорошо сознавал, что за королевской властью — будущее.

Увеличение коронных доменов. Людовик VI, стремясь расширить свои владения на юг, захватил несколько земель за Луарой, по поводу чего биограф его Сугерий замечает, «что у королей бывают всегда длинные руки» (*scitur enim regibus longas esse manus*). Он должен был быстро собраться с силами, чтобы выдержать объединенное нападение германского императора и английского короля. Император был женат на дочери и наследнице английского короля, Матильде. Так как сын короля, Вильгельм, утонул в 1120 г., то, следовательно, Матильда могла считаться единственной наследницей Генриха. Император, заключив союз с английским королем, начал войну с королем французским. Последний обратился за поддержкой к своему народу, что случилось с ним во второй раз. В нормандскую войну он обращался только к

communitas; теперь же он взглянул на дело шире; он воззвал к государству, собственно говоря, к вилланам, к народу. Таким образом, впервые в истории возник национальный вопрос. Речь тут зашла об отражении иноплеменного, т. е. нормандского владычества. На зов короля откликнулись рыцари, коммуны, феодалы. Сугерий говорит, что под французским знаменем собралось до трехсот тысяч человек, но для нас важен лишь национальный характер движения в пользу короля Франции. Даже аквитанские вассалы явились теперь защищать короля и Францию от немцев, Францию, дотоле им неведомую и чуждую. Король Людовик молился в Сен-Дени, так как этот святой был патроном Капетингов, и, подняв местную алую орифламму с позолоченным древком, сделал ее в 1124 г. национальным знаменем французов. Его окружал отборный отряд монастырских клириков в качестве телохранителей. Все они были друзьями его юности; среди них он вырос. При виде их Людовик воскликнул: «Они не выдадут меня ни живого, ни мертвого». Французское ополчение собралось у Реймса; как туча саранчи покрывало оно землю. Император испугался этого национального движения и отступил. «*Mont-Joie Saint-Denis!*»¹ — восклицали при этом победители.

Политика короля и Сугерия по отношению к феодализму. Остальные годы правления Людовика Толстого прошли в борьбе с мелкими феодалами, на которых он мог влиять через города. Конечно, король поддерживал горожан; не сознавая значения коммунальной системы, он руководствовался просто материальным расчетом, получая с них деньги. Несмотря на это, коммуны изнемогали от произвола своих сеньоров. Королевская власть еще не понимала своего призвания. Ей следовало энергичнее вступить за коммуну. Но она во всяком случае не повторила ошибок германского императора Конрада II.

Мы говорили, как в Лаоне свирепствовал сеньор-епископ. Он тиранил даже богатых и знатных, убивал их в церквях, выкалывал им глаза, выпускал фальшивую монету. Лаонцы, пользуясь его отсутствием, купили у короля хартию на учреждение коммуны (1109), но епископ дал больше, и перевес остался за ним. Граждане, узнав об этом, тоже обещали денег его величеству, но не могли так хорошо заплатить ему. Таким образом, свобода их

¹ Возрадуйся, Сен-Дени! — *Прим. ред.*

шла с аукциона, на котором победил епископ. Он свирепствовал в Лаоне до тех пор, пока граждане не убили его. О размерах королевского корыстолюбия можно судить по той цене, за которую приобрел самоуправление богатый город Амьен. Уже позже король дал Лаону хартию, ограждающую от произвола, но с вновь изобретенным термином «мира», в который была переименована община — *institutio pacis*. Это было в 1128 г.

Если сам король в коммунальном движении поступал необдуманно, то не так делал Сугерий. Хотя последний, как уже было замечено, высказывался против общин, но он считал их лишь настолько опасными и вредными соперниками королевской власти, насколько они мешали централизации. Он хорошо понимал, что коммуны должны будут в конце концов из опасения перед феодалами обратиться за помощью к той же королевской власти. Что касается похода Людовика VI на Брюгге, где был убит из личной мести граф фландрский Карл Добрый, то здесь король действовал не против коммунальной идеи. Он нес с собой начала порядка и спокойствия. Убийцы были варварски наказаны: один был повешен рядом с голодной собакой, которая его истерзала, а другой колесован. Король отдал Фландрию Вильгельму Клитону, этому вечному кандидату на все вакансии, который впоследствии двадцати семи лет от роду погиб в борьбе с соперниками.

До самой смерти Людовик VI не переставал преследовать врагов своей власти, и в этом заключается его заслуга, ту же миссию он завещал и своему преемнику. Его наследник и старший сын Филипп умер; это ускорило и смерть отца. По словам Сугерия, Людовик, будучи уже на смертном одре, в 1137 г. узнал, что могущественный герцог Аквитании Гильом IX умер в Испании на богомолье, отдав будто бы по завещанию руку своей дочери Алиеноры королевскому сыну, носившему имя отца, со всеми своими владениями. Очень может быть, что никакого завещания не было, а старый король сам распорядился рукой богатой наследницы, в чем он был властен в силу феодального права. Брак в Бордо, куда отправился молодой король в сопровождении пятисот рыцарей и самого Сугерия, был совершен тогда же.

Людовик VII (1137—1180). Людовику VII предстояло соединить оба населения — северное и южное, разрозненные историей трех столетий. Но он не был в силах осуществить эту задачу. Начало его правления прошло в замешательствах, смутах и тя-

желых испытаниях, причем молодой король проявил мало такта. Он встречал общее нерасположение на юге. Спеша кумирающему отцу, он должен был пролагать путь оружием. Одновременно с тем произошло отделение Нормандии от Англии. После смерти Генриха I, Нормандия досталась Матильде, его дочери, графине Анжуйской, а Англия Стефану, графу Булонскому, сыну сестры Генриха I, Адели.

Его отношение к городам. Надо было уметь пользоваться обстоятельствами. Между тем молодой король ознаменовал свое правление гонениями и бесполезной жестокостью — казнь орлеанских граждан, которые осмелились испрашивать себе коммунальную хартию. Надо заметить, что Орлеан никогда не выходил из повиновения королю; это тип коммуны средней полосы. Орлеан не домогался политических прав. Затем Людовик VII проявил еще большую жестокость в Шампани, где город Витри был взят штурмом и в одной церкви было сожжено тысяча триста человек. Старым соратникам не было места в королевском совете. Оттон Фрейзингенский говорит о французских делах: «Если бы не молитвы и не заслуги благочестивых мужей прежнего времени, Франция погибла бы вследствие междоусобиц, наставших за смертью Людовика Толстого». Впрочем, Людовик VII вовремя остановился. Война в Шампани была предпринята вопреки воле папы; она навлекла на короля отлучение, и папа простил его только тогда, когда Людовик VII согласился принять участие во втором крестовом походе.

Участие короля во втором крестовом походе. Сугерий, как администратор, был против этого нового крестового предприятия, лишавшего Францию лучшей части населения. Ему пришлось быть наместником два года, но и это не льстило его самолюбию. Религиозное чувство во Франции тогда заметно остывало. Вильгельм, точный биограф Сугерия, пишет: «Король предпринимал поход вследствие собственного благочестивого намерения и усердия к Богу. Сугерий не внушал королю ничего подобного; он не одобрил предприятие, когда услышал о нем. После бесполезных усилий отвратить замысел в самом начале, не имея возможности умерить рвение короля, он рассудил уступить времени»¹. Поход был холодно встречен во Франции в придворных и правящих кру-

¹ *Wilhelmus. Vita Sugerii abbatis S. Dionysii*, c. 42, *Bouquet*; XII, 102—115.

гах, но народ был увлечен Бернаром Клервоским и посылал лучших своих сынов. Бернар справедливо гордился своими успехами, видя, как Франция выслала массы воинов в этот крестовый поход, который, не будучи популярным, кончился несчастливо.

Причина непопулярности похода заключалась в положении самого короля, оскорбленного до начала экспедиции. Как бы то ни было, Франция прежде других стран встала на критическую точку зрения. В ней крестовая идея была подвергнута оценке в самом начале. Скоро пришло известие, что Конрад и Людовик перессорились под Дамаском. Тогда Сугерий решил принять личное участие в войне, но восьмидесятилетний старец умер во время приготовлений к походу. Ему история отдает справедливость в том, что он первый посеял мысль, осуществленную впоследствии кардиналом Ришелье. Единственным практическим результатом похода был развод Алиеноры с королем. Через три месяца она вступила в брак с соперником французского короля, герцогом Нормандским, Генрихом Плантагенетом, который рассчитывал не без успеха на корону Англии, по прекращении прямой нормандской линии.

Генрих приходился правнуком Вильгельму Завоевателю¹. Брак с Алиенорой дал ему всю Западную Францию от Нанта до Пиренеев. Он, не довольствуясь этим, сделал покушение на Тулузское герцогство и взял Керси. Он овладел сверх того в средней Франции Бери, Лимузеном, Овернью и купил Ла-Марш. Он был в родственных отношениях с арагонским домом. В 1170 г. в одной Франции Генрих владел нынешними сорока департаментами, тогда как у французского короля не было и половины того. Между тем он считался вассалом французского короля, даже когда получил английскую корону. Это неравенство, конечно, вызывало столкновения. В борьбе прошло почти все правление Людовика VII.

4. Первые Плантагенеты и третий крестовый поход

Генрих II, король Англии (1154—1189) и Томас Бекет. Генрих Плантагенет открывает собой самую длинную династию средневековой Англии. Редкая история богата столь разнообразным драматическим содержанием. На английский престол этот ры-

¹ Генрих Плантагенет был сыном Матильды, дочери Генриха I, и Жоффрау, графа Анжуйского. — *Прим. ред.*

царь принес с собой такие политические идеи, с которыми большинство не могло примириться. Он был сторонником болонского учения, поддерживавшего монархическую власть и гражданское равенство. Он пригласил к себе Томаса Бекета, учившегося в Оксерре, отец которого был саксонцем, а мать сарацинкой. Томас скоро достиг должности канцлера, сделался воспитателем наследника престола, а потом стал первым духовным лицом Англии в сане архиепископа Кентерберийского. Он внушал королю мысль бороться с прелатами, опираясь на народ, пока сам был мирянином, а потом явился поборником клерикализма, когда получил соответствующие его положению указания папства.

Борьба между королем и архиепископом. Вражда короля Генриха II с его бывшим другом Томасом Бекетом имеет значение не для одной истории Англии. Она получила смысл крупного мирового исторического события. Это была борьба идей, а не лиц. Столкнулись на почве Англии две силы, одинаково непреклонные, одинаково сознававшие свою правоту. Светская власть отстаивала государственный порядок, который признавался еще не всеми; она боролась за начало одинакового для всех суда и одинаковой для всех ослушников кары. Духовная власть в лице нового архиепископа, гордая последним торжеством теократии, считая неприкосновенным авторитет церкви, ревниво относилась к домогательствам короля, видя в них грубое насилие, нарушение церковных прерогатив. В Британии, таким образом, повторилось по существу то, что недавно при последних франконцах составляло предмет борьбы в Германии.

Архиепископ Томас Бекет находился под живым обаянием побед и триумфов папства. Александр III, первосвященник столь необычайно счастливый, был предметом его благоговения. Фанатик своей веры, человек искренне убежденный, Томас ни на минуту не остановился перед выбором, когда ему предстояло пожертвовать или своими прежними дружескими отношениями к королю, или чувством долга по отношению к церкви. Томас Бекет был вполне на своем месте. Как служитель алтаря, он был безупречен; в противоположность большей части прелатов, он был аскетом. Самая грубая и грязная власяница покрывала его тело; ежедневно, по три раза, он бичевал себя и, стоя на коленях, умывал ноги двенадцати нищим, изображавшим учеников Спасителя.

Когда в 1163 г. он окончательно решился принять высшую церковную кафедру Англии, Генрих II ликовал. Издавна домогаясь подчинить духовенство светскому суду и рассчитывая осуществить свой план в скором времени, он в лице Бекета полагал найти самого преданного человека. Он не имел никакого основания думать, что встретит в нем самого энергичного противника своих планов, что чувства прежней дружбы, преданности, наконец, благодарности, тотчас же заглохнут, когда речь пойдет о долге и служении церкви.

Уже из первых распоряжений Бекета король мог усмотреть, что бывший канцлер стал другим человеком. Возвратив королю все замки, которые были ему даны в ленное владение, он считал себя освобожденным от всяких дальнейших обязательств. Считая себя высшим представителем церковных интересов в Англии, Бекет стал относиться к королю, как равный к равному. Генрих II был ревнив к своей власти, ревнив не без основания, так как сознавал всю пользу для двух миллионов подданных от водворения одинакового суда и равенства перед законом; при этом он был упрям и, как большинство рыцарей, неукротим в своих порывах. Он, конечно, не мог позволить, чтобы мантия архиепископа прикрывала разбойнические поступки священников и монахов и чтобы их злодеяния оставались безнаказанными. Между тем Томас Бекет заведомо скрывал преступления своих подчиненных и то, что прежде он сам карал со всей присущей ему энергией, теперь в его глазах не имело серьезного значения и заслуживало лишь легкого взыскания. Митра прелата затмила ясность его взора и понимания. Дошло до того, что в продолжение десяти лет буйные священники, может быть, потомки нормандских корсаров, совершили около сотни убийств, которые большей частью не были раскрыты. Если что-либо подобное доходило до сведения духовных трибуналов, то судьи старались замять дело, уверенные в поддержке архиепископа, который принципиально был против всякой огласки и обсуждения действий служителей церкви. В его глазах они все находились на своем месте; они не могли порочить своего звания. Наконец, всякого рода поблажки раздражили светских феодалов и рыцарей. Они обострили отношения между светским и церковным обществом. Король вышел из себя, в числе прочего, по следующему случаю.

Каноник, бывший прежде воином, убил рыцаря, воспользо-

вавшись его слабостью. Духовный суд оправдал убийцу к общему негодованию. Королевский судья хотел вновь возбудить дело; ему не позволили. Архиепископ потребовал дело к себе и приговорил убийцу к лишению доходов на два года.

Такой возмутительный приговор вызвал взрыв негодования в придворной партии. Лица, окружающие короля, говорили, что такое самовластие Бекета внушает презрение к королевскому суду, поощряет клир к разбоям и что вообще образ действий гордого прелата обещает сделать из Англии папское государство. Король решил прибегнуть к крутым мерам. Он созвал в октябре 1163 г. в Вестминстере совет высших светских и духовных лиц, потребовав ограничения юрисдикции духовных судов. Он предложил, чтобы церковники, обвиненные в тяжких преступлениях, по лишении духовного сана, были представляемы светским уголовным судам. Эту мысль вполне одобрил лондонский епископ Джильберт, который считал безусловно необходимым жить в мире с королевской властью. Бекет противился; он обвинял умеренных в трусости и раболепстве и настоял на принятии условного постановления, не имевшего никакого значения. Епископы обещали соблюдать старые обычаи без нарушения прав церкви. Король, возмущенный этим решением, пригрозил прелатам. Стало известно, что сам папа против прелатов. Томас Бекет несколько одумался и в частной беседе с Генрихом II в Вудстоке обещал добросовестно соблюдать старые обычаи. Король воспользовался этим и, желая оформить обещания Бекета, назначил второй съезд в местечке Кларендон, недалеко от города Солсбери, из духовных и светских лиц. Здесь королевскими советниками были выработаны так называемые шестнадцать пунктов, основанные будто на старых обычаях, но которые по существу были выражением новых понятий об авторитете государства и общественном порядке. В них нельзя не видеть проявлений новых отношений к правящему духовенству, этому первому сословию средневекового государства.

Кларендонские постановления. По Кларендонским постановлениям лица духовные, совершившие преступление, подлежат светским судам; апелляции на приговоры последних приносятся королю. Назначение на духовные должности обусловлено согласием короля, который дает инвеституру на обладание имуществом, приписанным к церкви или к должности. Этим самым духовное

лицо становится ленником и несет такие же обязательства, как все владельцы вообще. Что касается доходов с вакантных епископств и аббатств, то они принадлежат королю. Далее правительство вторгалось в права церкви. Так, было постановлено, что королевские вассалы не могут быть отлучаемы от церкви без согласия короля, а сыновья несвободных не должны быть принимаемы в клир без согласия их господ. Казалось также стеснительным для епископов запрещение выезжать за границу без королевского позволения; это было установлено из-за той агитации, которую вели против Генриха II сторонники Бекета.

Архиепископ сперва согласился на Кларендонские постановления и приложил к ним свою печать. Он видел в них то самое, что обещал исполнять еще в Вудстоке. Но узнав, что его святейшество не одобряет его уступчивости, он пал духом, стал осуждать самого себя за податливость. Он думал одно время бежать из Англии, но несчастная звезда удержала его в отечестве. Противный ветер не позволил судну выйти из гавани. Бекет остался против воли и, при первом объяснении с разгневанным королем, увидел, насколько опасно стало его положение.

Придворная партия возбудила вопрос о неправильном захвате куска земли Кентерберийской кафедры. Архиепископ был вызван в суд, но отказался явиться. Это послужило поводом к обвинению в нарушении ленных обязанностей. Бекет был предан королевскому суду, как непокорный вассал, обвиняемый вместе с тем в удержании королевских доходов. Он заявил, что апеллирует к папе и отдает себя и кентерберийскую епархию под охрану Божию. Это возмутило баронов, которые публично назвали прелата изменником и клятвопреступником. Очевидно, что дело короля было делом всей феодальной военной партии; идеи монархизма вызывали к себе сочувствие; упорство Бекета возбуждало негодование. Общество стремилось вперед; не довольствуясь настоящим, оно искало новых идеалов. Но народ был на стороне благочестивого прелата; толпа при виде его падала ниц в ожидании его благословения. Тем не менее Бекету пришлось удалиться в изгнание. Он с удовольствием отправился во Францию, в город Санс, к папе Александру III, во имя которого он боролся. Папа отвел изгнаннику цистерцианский монастырь в Понелиньи, где Томас, сложив с себя архиепископский сан, стал вести отшельническую жизнь. Он скоро поддался убеждениям папы,

снова принял паллиум, а король тем временем преследовал его сторонников. Но их число росло, так как в нем видели мученика; его поклонники с молитвой ждали возвращения на кафедру любимого архипастыря. Они дождались.

Прошло шесть лет, Генрих II склонился первым. После победы над Барбароссой папа Александр III стал опасным противником для английского короля. Плантагенет боялся дальнейших осложнений. Летом 1170 г. он прибыл на континент в свои французские владения. В окрестностях Тура произошло свидание короля с непреклонным прелатом. Генрих вложил руку в стремя архиепископа и первый сказал: «Забудем прошлое, будем старыми друзьями». Он пригласил Фому вернуться и после письменно обещал разрешить все недоумения в пользу церкви. С согласия папы, с грамотой на звание папского легата, с обширными полномочиями карать и прощать, прибыл Фома в Кентербери 1 декабря 1170 г. Здесь народ встретил его как святого, но духовенство отнеслось с некоторой недоверчивостью. Легат прежде всего отлучил от церкви двух епископов. «Он пришел не как пастырь, а с огнем и мечом», — говорили про Бекета. Эти же люди окончательно вооружили и озлобили против него короля, который, находясь тогда в Нормандии, имел неосторожность сказать: «Каких-каких трусов кормлю я; неужели же нет между вами ни одного, который бы отмстил, наконец, за свой позор этому наглому монаху».

Охотники услужить скоро отыскались. Четыре могучих рыцаря сочли королевские слова приказанием и выехали в Англию в один и тот же день, стараясь казаться между собой незнакомыми.

Убийство Бекета. Прошло четыре недели со времени возвращения в Кентербери архиепископа, как 29 декабря 1170 г. ему дали знать, что по королевскому приказу знатные рыцари желают видеть прелата. Они были приняты и грубо потребовали объяснения по поводу совершенных несправедливостей. Разговор перешел в брань. Бекет, сопровождаемый перепуганными монахами, хотел укрыться в церкви; убийцы последовали за ним. Прелат не боялся смерти, и когда один из рыцарей обнажил меч, он опрокинул его. Напрасно злодеи пытались вытащить свою жертву из храма, не желая обогреть кровью святое место. Когда борьба одного против четырех стала невозможной, Томас Бекет склонил голову и, принимая сыпавшиеся на него удары, произ-

нес: «Господи, в руки Твои предаю дух мой». Обезображенное тело было погребено тайно в склепе; народная молва тогда же сочла прах мученика святым и чудодейственным.

Король испугался, когда узнал об убийстве. Он не сломил церковный авторитет, он только нажил себе в лице папы непримиримого врага. Он понял, что зашел слишком далеко. Теперь, чтобы удержаться на престоле, ему следовало принести покаяние, так как общий голос народный именно его считал убийцей. Король поспешил назначить при дворе траур и трое суток подвергал себя епитимье, добровольно наложенной; он изменил сам образ жизни. Но Томас преследовал его неустанно, как бы из могилы. Генрих II прежде всего спешил оправдаться перед папой; тот прислал двух легатов. Они остановились в Нормандии и долго беседовали с королем, которого успели тогда же склонить к отмене Кларендонских постановлений; впредь была допущена лишь ленная присяга епископов. Генрих II старался только удержаться на престоле. Но легату было мало унижения короля Англии.

Наконец, произошла сама церемония покаяния. Легаты привели короля к дверям церкви в г. Кане. Здесь ждала громадная толпа народа. Король преклонил колена и клялся торжественно в том, что неповинен в смерти прелата и что впредь будет строго исполнять договор, заключенный с легатами. Между тем Томас Бекет был канонизирован; его могилу посещали сотни тысяч богомольцев, главным образом саксы, считавшие его своим. В числе других пилигримов через три года явился туда же сам король. Босой, в одежде кающегося грешника, он приблизился к раке святого, целые сутки провел в посте и в молитве, а потом, обнажив спину, просил монахов бичевать себя. Присутствующие плакали от умиления, замечает летописец.

Скоро в восстании обоих сыновей против Генриха II народное мнение усмотрело кару Божию за гибель мученика.

Томас Бекет очевидно защищал притязания папского престола. Но народное предание взглянуло на эту борьбу иначе. В Бекете оно усмотрело мученика за саксонскую национальность, борца против нормандского завоевателя, тем более, что по своему происхождению Томас был сакс. Уже одно это объясняет, почему народная поэзия сделала из него национального героя. По этому преданию, сам замысел погубить Бекета созрел в той же комнате, в которой Вильгельм задумал завоевание Англии.

В борьбе между Генрихом II и Томасом Бекетом надо видеть не национальный принцип, а борьбу духовного и физического элементов — права и силы. Если английский король был отлучен от церкви и должен был принести унижительное покаяние над гробом Томаса, то с этой уступкой восторжествовали клерикальные претензии и, естественно, должны были получить прочность религиозные идеи. В тот день, когда в 1174 г. английский король принужден был у гроба Св. Томаса обнажить спину и подставить ее для бичевания, вынести далеко не отеческое наказание от рук епископов, в тот день проявился в Англии перевес духовного элемента над светским.

Вражда короля с сыновьями. Этим разладом короля с прелатами прежде всего воспользовались его дети: старший сын Генрих, которого он короновал еще при своей жизни, второй — Ричард, прозванный впоследствии Львиное Сердце, которому король предоставил в удел Пуату, затем Жоффрау Бретонский и, наконец, четвертый Иоанн, не получивший удела и прозванный поэтому *sans terre*, т. е. Безземельный. Последний был слишком молод, чтобы участвовать в ссоре, и не был опасен, но двое других, подстрекаемые своей матерью Алиенорой и вассалами Пуату, приняли сторону старшего брата, Генриха. Французский король Людовик VII поддерживал их. Он взял с них клятву, что они никогда не заключат с отцом ни мира, ни перемирия без участия французского короля. Нормандия также взволновалась в пользу сыновей. Напрасно Генрих II выхлопотал у папы отлучение восставшим. Его враги с Ричардом во главе вторглись в пределы Англии. Напрасно старик отдавал половину владений старшему сыну. Папа Александр III пока не считал успехи королевских сыновей своим делом.

Бертран де Борн¹. Эта борьба открывала простор для рыцарской удали и военного искусства. Бертран де Борн отличался в средней Франции. То была эпоха рыцарства в его расцвете, когда каждый воин был в то же время и поэтом. Интересно перенестись в то время и познакомиться со взглядами феодалов на политические события.

¹ Бертран де Борн (1140—1215) — провансальский трубадур, рыцарь, участник междоусобиц. Сохранилось более сорока его стихов, посвященных войнам. — *Прим. ред.*

Целью Бертрана было поссорить все, что было вокруг него. Его искренним желанием было, чтобы французский и английский короли враждовали между собой, и если между ними устраивался мир или перемирие, то он всячески старался расстроить соглашение. Вследствие этого Бертран употреблял всю ловкость, чтобы раздуть ссору между королем Англии и его сыновьями. Это он делал ради блага своей Аквитании. Всякий раз он одерживал верх над Генрихом или его сыновьями, смотря по тому, чью сторону держал, и всегда желал, чтобы они оба пребывали в войне между собой. Сперва он поддерживал старшего сына Генриха, расточая ему советы против его братьев. Когда старший сын умер, Бертран вооружил против отца Ричарда, когда же не стало старого короля, он вооружил его подданных против французского короля, а последнего против Ричарда. Конечно, вся эта вражда не имеет исторического значения; все это даже мало вредило стране. Разве кое-где страдали незащищенные деревни. Бертран де Борн, этот выразитель средневековых идеалов рыцарства, дожив до глубокой старости, наслаждался тем, что вокруг него не было мира. Он не допускал ни на минуту соглашения между враждующими. Тогда поэзия начинает приобретать большое значение, соответствующее нынешней периодической литературе. Тогда еще в Аквитании не было церковной инквизиции. Там свободно и открыто рассуждали о тех делах, о которых в остальной Галлии не смели и думать. Против самоуправства королевских детей не было другого средства, кроме сатиры и сирвента. Одно время эти сыновья примирились с отцом, выдали ему всех защитников. Так Ричард поступил в Аквитании. Там на него смотрели как на чужеземца. Там говорили на другом языке, вместо французского *oui* произносилось *oc*¹. Одним словом, государи Аквитании не понимали своего народа, как народ их. Со временем говор Южной Галлии оформился; тогда развился провансальский язык, который имеет свои особенные формы и грамматику, сходную с грамматиками других романских языков, свою лексикографию и много слов, заимствованных от арабов.

Ричард Львиное Сердце (1189—1199). Когда Ричард выдал раздраженному отцу население Аквитании, то такое предательство взорвало страну. Аквитанские рыцари восстали от Луары до

¹ Т.н. северный язык «ойль» («уй») и южный язык «ок». — Прим. ред.

Пиренеев. В 1183 г. умер старший сын Генриха, и Ричард открыто принял сторону французского короля, объявив себя его ленником. Последние годы Генриха II прошли во вражде с Ричардом. Старик заболел от огорчения. Рим вмешался в дело и принял сторону отца против французского короля. Генрих согласился уступить свое право Иоанну, но не Ричарду, которого он не любил за его крутой характер.

В Ричарде, кроме его склонности к поэзии, выразился тип средневекового воинственного рыцаря. Но этот герой старой Англии клал на все печать своей собственной индивидуальности. Этот человек не знал пощады никому и ничему. Он помахивал топором на прелатов, оскорблял на каждом шагу французского короля, а также своего отца и братьев; одним словом, это был полнейший самодур XII в., но вместе тип своего времени. Мы увидим ниже, как его изумили особенные условия итальянской жизни и как он не мог понять, что кроме герцога кто-либо смеет иметь собственность, которую нельзя отнять. Такое понимание было недоступно английскому государю. Зато современники дали ему оригинальное прозвище Львиное Сердце; они прославляли его подвиги, никогда не позволяя себе издеваться над ним. Этот храбрый король, но бестолковый правитель представляется позднейшим поколениям с отрицательной стороны, а в то время он был популярным героем¹. Когда старик отец не мог поладить с буйным сыном, Рим вмешался в ссору. Папа принял даже сторону отца против французского короля, который стоял за Ричарда. Папский легат ввиду того, что на французском престоле сидел другой король, Филипп II, прозванный после Августом, грозил отлучением. Но что-то уже произошло в духе средних веков, ибо эти отлучения перестали производить свое прежнее действие.

«Я не боюсь Рима, — говорил Филипп Август в ответ на заявление легата, — папа не имеет права наказывать французского короля ни запрещением, ни каким-либо другим способом. Если король нашел необходимым выступить против непокорных вассалов, то твоему папе нет до этого никакого дела. Да, господин легат, ты, верно, уже познакомился с английскими стерлингами».

¹ Популярности Ричарда много содействовало художественное творчество Вальтера Скотта. Излишне прибавлять, что герой «Айвенго» слишком мало походил на действительного, исторического Ричарда.

Несмотря на эту поддержку, неудачи преследовали Генриха. Он должен был принять все предложенные ему условия и признать себя французским вассалом. Он согласился заплатить контрибуцию. Но, подписав свое унижение, он не мог вынести его. Он умер от огорчения в 1187 г. Умирая, он проклял сыновей. «Стыд побежденному, — твердил он на смертном одре: да будет проклят день моего рождения и да будут прокляты сыновья, которых я оставляю». Напрасно духовенство просило умирающего снять проклятие с детей. Старик упорствовал до последнего издыхания. Но Ричард сам испытал неудобства своей победы. Он, в силу прежнего договора, стал французским вассалом. Он не сообразил того, что, стараясь из старого отца сделать слугу французского короля, он, по тому же самому договору, делал слугой и самого себя. В увлечении король Ричард забыл и свои личные интересы.

Очутившись в неприятном положении французского ленника, король Ричард не мог удержаться в должных пределах. Надо заметить, что во время войны Ричарда с отцом духовные, окружавшие его, обещали ему поддержку, если он примет участие в крестовом походе. Ричард должен был это исполнить. В Европе ему было нечего делать, и он с удовольствием устремился на Восток. Несомненно, что существенная сторона исторической деятельности Ричарда заключается именно в его крестовом походе.

Иерусалимское королевство. Мы упоминали о неудаче, которая постигла христиан под Дамаском. Эта неудача подорвала вконец королевство Иерусалимское. Да и помимо того, король иерусалимский не имел уже никакого значения. Он был предоставлен самому себе, и наследие Готфрида быстро клонилось к падению. Сверх того, внутренние междоусобицы, вражда за королевскую корону, вражда, весьма обычная в средние века, подрывала всякую возможность существования умиравшего государства Балдуина III, который не мог сладить с обстоятельствами. Хотя его брат Амальрих I боролся с сарацинами, но при несчастных преемниках его — Балдуине IV (1173—1185) и Балдуине V (1186), — мусульмане получили перевес. Отчим короля Балдуина Ги де Лузиньян провозгласил себя иерусалимским королем на основании прав своей жены: впрочем, для него нашелся соперник в лице Раймунда Триполлийского.

Саладин. В то время, как происходили эти междоусобицы, Нурредин покорил Мосул, Эдессу и Дамаск. Нурредину помогал

полководец Ширка, у которого был племянник, прозванный Саладином (Салах-ад-дин). Теперь центр тяжести мусульманства переносится из Алеппо и Мосула в Египет. Скоро, еще при жизни дяди, выдвинулся замечательный военный талант Саладина. Он был сперва визирем, потом в 1171 г. захватил власть, устранив султана, и, опираясь на войско, в 1175 г. водворился в Сирии, воспользовавшись смертью Нурредина. С Саладина начинается новый халифат Айюбидов. Саладин, если верить арабскому историку Бохаэддину, оставаясь истинным мусульманином, был идеалом человека и государя. Христианские историки никогда так не прославляли своих королей, как мусульмане славил Саладина¹. Это был талантливый полководец, замечательный государственный деятель и гуманнейший человек, какого только знали средние века. Владея неограниченно Египтом, Сирией, Месопотамией, Палестиной, он в то же время ставил выше всего право и просвещение. Он сам, как никто, подчинялся закону. Он лично судил даже самые мелочные дела, не гнушаясь никакими подсудимыми. Дверь его была открыта для знатных и бедных. Сам он являлся по требованию в суд, даже иногда был обвиняем несправедливо, но он не оскорблялся этим, а в таком случае только награждал обидчика за хорошее мнение о его суде. Получив после Нурредина неограниченную власть, он объявил полную веротерпимость. Он не только дал право христианам занимать места при себе, но даже его племянники и дети брали христиан к себе на службу и делали их своими управителями и секретарями. Местные христиане перестали враждовать с мусульманами. Мы говорили, что даже христианские летописцы не находят похвал халифу. «Он был озарен внутренним светом христианства, хотя и не знал христианства», — так говорит о нем летописец-монах. В Саладине Ричард встретил не только достойного, но и более умного противника. У Ричарда весь закон заключался в его страшной физической силе; у Саладина на первом плане стояли право и просвещение, а потом уже те свойства, которыми любили хвастать христианские рыцари.

Сперва Саладин поддерживал в Иерусалиме Раймунда Триполитского, но затем, из-за оскорблений, нанесенных ему хрис-

¹ Юсуф Ибн-Шеддад или Бохаэддин, лучший биограф Саладина, его друг, кади иерусалимский (1235).

тианами, султан, разбив христианские войска недалеко от Иерусалима при Тивериаде, направился прямо на Святой город и осадил его.

Иерусалим сдался 2 октября 1187 г. Обложив город контрибуцией, Саладин удовлетворился очень ничтожной суммой, из которой на долю его казны досталось мало; значительную часть суммы Саладин предназначил на пособие христианам, которые в числе семи тысяч под охраной мусульманских всадников получили право свободного выхода из города. Таким образом, латинское иерусалимское королевство и ста лет не просуществовало. Иерусалимский король Ги попал в плен, во вскоре Саладин освободил его. Все, приобретенное со времен первых крестоносцев, было потеряно. У христиан оставались только Антиохия, Тир и Триполи, но и они ждали своей гибели. От такого удара иерусалимское королевство уже не могло оправиться. Мусульманский халифат раскинулся теперь от Тигра до Нила, а иерусалимского королевства более не существовало. Гвидо считался королем только в Птолемаиде.

Третий крестовый поход 1191 — 1192 г. Вновь началось крестовое движение. Оно охватывало большее пространство, чем ранее, но в сущности было слабее прежних движений. Здесь участвовали три государя: Фридрих Барбаросса с сыном Фридрихом швабским, английский король Ричард и французский Филипп II. Из этих трех вождей император, вторично прибывший на Восток, не достигнув цели, утонул в реке Каликадне. Через полгода умер сын его герцог Фридрих. Сочувствие к этому крестовому походу особенно было сильно в Англии. Можно сказать, что первый крестовый поход увлек на Восток рыцарство Франции, второй — Германии, а третий — Англии. Ричард, собираясь в поход, старательно ограбил всю отцовскую казну, не оставив казначейству никаких средств для расходов; он грабил и подданных, ссылаясь на войну. Когда истощились другие способы, он заковал отцовского казначея и выманил у него этим насилием все деньги. Жажда золота и без того была свойственна Ричарду, но теперь она стала неутолимой, так как он употреблял деньги на священную цель. Не рассчитывая вернуться, он, увлеченный крестовой идеей, стал продавать даже все свои земли, города, замки. Он не церемонился и с чужой собственностью, считая своим то, что ему не принадлежало.

Этим движением воспользовались английские общины. Саксонцы скупали у норманнов, отправлявшихся в поход, свои прежние участки и дома, обязавшись сполна уплачивать налоги. Так как норманны должны были участвовать в свите короля, то они дешево продавали дома, полагая навсегда остаться в Палестине. А саксонцы позаботились поставить себя перед королем иначе, опасаясь другого подобного правителя. Король утверждал сделки и тем гарантировал силу английских общин. Если в Италии и Галлии общины организовались в начале XII в., то здесь, в силу исторических обстоятельств, они появляются значительно позже. Уплатив Ричарду деньги вперед, общины выговорили себе право выбирать старейшин и обязались платить за это известную сумму. Ричард был так настроен, что готов был продать не только права синдика и мэра, но и весь Лондон, если бы нашлись покупатели, как говорит Вильгельм Ньюбургемский: *Londonias quoque venderem, si emptorem idoneum invenirem*. Перед отправлением оба короля (английский и французский) поклялись соблюдать между собой мир. В Мессине английские отряды соединились с французскими. Тут Ричарду пришлось испытать маленькую неприятность от поселян. Равнодушный к имущественным правам, он не признавал за преступление врываться в дома обывателей в Сицилии. За это дерзкие вилланы осыпали Ричарда градом камней. Известно, что после того благородные английские и французские рыцари должны были бежать из Мессины. Тогда равноправие считалось чем-то необычайным.

Оставляя Мессину, оба короля обнародовали ряд постановлений такого характера: всякому служащему в войске, за исключением духовных и рыцарей, запрещается игра на деньги. Духовные и рыцари могут проигрывать не более двадцати солидов в день, а герцоги и короли сколько угодно. Затем следовало подробное изложение наказаний для тех, кто покусится на королевское право, — наказаний самых варварских. Дорогой начались ссоры между немцами, англичанами и французами, отразившиеся после на судьбах крестового похода. Ричард отстал от своих союзников и утешился тем, что по пути присвоил себе остров Кипр, отнятый им у византийского императора.

Осада Акры. Гордясь этой легкой, почти бескровной победой, английский король, полный самых розовых надежд, вполне уверенный в себе, плыл на Акру. После падения иерусалим-

ского королевства и разгрома христиан этот опорный пункт владычества над Палестиной теперь вновь принадлежал мусульманам. Саладин держал там гарнизон, когда французские и немецкие рыцари, высадившиеся в Палестине ранее замедливших англичан, обложили город. Французами предводительствовал молодой король Филипп II, немцами австрийский герцог Леопольд, принявший начальство после смерти Фридриха Швабского. Когда приплыл Ричард, то общий голос назвал его главным вождем соединенных христианских сил. Его военная репутация была слишком громкая, и Филипп II, в душе не любивший Ричарда, встретил его очень дружественно. Акра не могла долго сопротивляться при всем искусстве Саладина и мусульманских вождей. Город страдал от голода. Осажденные пытались делать вылазки, но всегда терпели поражение при стойкости крестоносцев, о которой даже враги отзывались с удивлением. Осыпаемые стрелами, воины не отступали перед неприятелем ни на один шаг; обливаемые со стен варом и нефтью, они горели заживо, говорит Бохаэддин, но не покидали своих постов. Тогда Саладин вошел в соглашение с королем французским и сдал ему город под условием предоставления христианам Св. Креста, обмена пленных в равном числе и приличного выкупа за эмиров, сидевших в крепости и оставленных заложниками. Французский гарнизон занял Акру, причем король Филипп как бы игнорировал Ричарда, что раздражало его и без того слишком острое самолюбие. Когда настал день капитуляции, рыцари бросились на горожан и стали отнимать их имущество. Они поступали с ними хуже, чем сарацины. Горожане обратились к Филиппу. Тот ответил, что войдет в их положение, прибавив, что крестоносцы пришли сюда не для наживы, а для помощи стране и утверждения в ней христианской власти. С этим будто согласился даже Ричард. Крестоносцы с тех пор проявляли некоторый порядок, и рыцари, занявшие дома для постоя, не выгоняли владельцев, а входили с ними в соглашение, — факт весьма характерный и засвидетельствованный авторитетом Бернара казначея, который не любил льстить своим единоверцам. Прежде чем город был занят христианами, Ричард выместил свое недовольство и раздражение на немцах и австрийском герцоге Леопольде, с которым постоянно ссорился последнее время. Увидев развивавшееся знамя немцев, готовых

вступить в город, Ричард приказал сорвать знамя и бросить в яму, полную лагерных нечистот. Этим Ричард нажил себе в Лепольде непримиримого врага, который после принес ему много несчастий. Оскорбленные немцы бросили лагерь и уплыли в Европу следом за герцогом.

Между тем Св. Крест не был доставлен в христианский лагерь, Филипп II два раза давал отсрочку Саладину по его просьбе, но, наконец, пригрозил, что отрубит головы знатным мусульманам, которых держал заложниками... Угроза была исполнена. Несчастных эмиров отвели в укрепления и там всех казнили.

Вскоре Филипп II вернулся во Францию, опасаясь покушений на свою жизнь, о чем будто получил предупреждения. Рассказывают, что после французский король долго опасался допускать к себе незнакомых людей, называя Ричарда повсюду своим непримиримым врагом, хотя все распри между обоими королями происходили из-за сестры Филиппа, Алисы, от руки которой отказался этот славнейший из рыцарей, как многие называли Ричарда. Особенно усилились опасения Филиппа, когда пришла весть о насильственной смерти иерусалимского номинального короля Конрада, маркиза Монфератского, убитого двумя ассасинами-мусульманами.

Ассасины. Надо знать, что тогда одно имя ассасина навело страх на жителей Сирии, Палестины и Персии. Перед самым началом крестовых походов, около 1090 г., в горах Ирана, близ границ Сирии, поселились фанатичные изуверы, считавшие вначале своим призванием мстить за поношение ислама, а после небрезгавшие грабить и убивать мусульман так же, как евреев и христиан. Они избрали своим вождем старца Хасана ибн-Сабах аль Гомакры; он и его преемники назывались «старцами горы». Воля этого атамана была безгранична. Он вселял в своих подданных безусловное повиновение. Говорят, что он опьянял их с помощью гашиша (откуда происходит самое название общества), лишая их воли и сознания. Точно загипнотизированные, они шли по его слову на всякие преступления и убийства. Исповедуя мусульманство или, точнее, не исповедуя никакой веры, эти фанатики видели свою задачу в истреблении человечества. Это общество имело свои законы, обычаи, организацию, управление. Твердыни этих разбойников были в Аламуте, в пределах нынешней Персии и в Малете, в ливанских ущельях, между Антиохией

и Дамаском¹. Окрестное население трепетало от ассасинов и, как всегда бывает при подобных условиях, не раз видело в них своих защитников от хищничества мусульманских эмиров и христианских рыцарей. Все знали, как незримо рука ассасина поражает намеченную жертву, которую не защитит ни власть, ни знатность, ни богатство.

Общая молва в христианском стане полагала, что король Ричард избрал ассасинов для достижения своих целей, так как погибший Конрад стоял на его пути. Действительно, совпадение обстоятельств было неблагоприятным для Ричарда. Все знали, что его племяннику Генриху, графу Шампани, нравилась жена маркиза и что граф хотел обладать ею. Король Ричард давал своим недругам повод к самым серьезным подозрениям. Получив в Акре известие о смерти Конрада, король сел на коня и, взяв с собой племянника, помчался в Тир поздравить молодую вдову, которая согласилась передать титул иерусалимского короля, принадлежавший ей по праву наследства от отца, третьему мужу с такой же легкостью, как двум первым супругам. Скоро была отпразднована свадьба. Генрих стал именоваться королем, но его государство было призрачным.

Долгое время подозрение в убийстве тяготело над Ричардом. Он не мог хладнокровно относиться к проявлениям той отверженности, которая постигла его. Он приказал разгласить, что, согласно своему настоянию, получил от повелителя ассасинов оправдательный документ следующего содержания.

«Герцогу австрийскому и всем государям и народам христианского исповедания поклон. Так как многие короли заморских стран приписывают Ричарду, королю и властителю Англии, смерть маркиза, то я клянусь вечно царствующим Богом и соблюдаемым нами законом, что король Ричард не принимал никакого участия в убийстве».

Пометив это подложное письмо, написанное еврейскими, латинскими и греческими буквами, 1505 г. от Александра² и, рас-

¹ Французское слово *assassin* (убийца, террорист), существующее и в других романских языках, а также в английском, занесено из Палестины и происходит от имени этой секты.

² Т. е. Александра Македонского (356—323 до Р. Х.). Здесь Ричард ошибся на несколько лет. — *Прим. ред.*

пространив его через посредство своего канцлера по всей рыцарской Франции, Ричард полностью достиг своей цели. Этот маневр впоследствии принес большую пользу английскому королю, вновь склонив симпатии рыцарей на его сторону.

Договор с Саладином. Прежде чем Ричард благодаря такому смелому и оригинальному способу оправдания успел примирить с собой возмущенное рыцарство, он убедился, как вокруг него таяли силы крестоносцев. Воины покидали его один за другим и уплывали домой на его глазах. Он рисковал остаться только со своими приближенными. Ричард, скрепя сердце, поручил тогда Генриху, как королю Иерусалима, вступить в переговоры с Саладином, заявив, что он лично со своими друзьями дождетя прибытия нового воинства и что скорее съест последнего коня, чем покинет Святую землю.

Саладин хорошо знал, что творится в христианском стане. Он понимал, что имеет дело с храбрым до отчаяния, но бессильным противником. Пользуясь выгодами своего положения, султан опасался чрезмерно строгими требованиями пробудить остывавший энтузиазм крестоносцев. Желая казаться великодушным, он сам предложил возвратить бывшим христианским владельцам их прежние домены, теряя этим весьма немного. Но в то же время он потребовал срытия Асколона и Газы.

Поход на Иерусалим в 1192 г. Даже и такие сравнительно выгодные условия были отвергнуты. В августе 1191 г. Ричард повел крестоносцев вперед; зимой этого года его силы возросли, так что он считал возможным двинуться на Иерусалим. Хотя война велась с переменным успехом, но Ричард лично проявил чудеса героизма. Его подвиги, постоянно сопряженные с победой, занимали собой молву. Его имя стало популярно на Востоке. Матери пугали им своих детей. «Не видишь ли ты Ричарда?» — говорил арабский всадник пугливому и упиравшемуся коню. В конце июня 1192 г. Ричард подошел к Иерусалиму. Его появление, хотя и с незначительным воинством, произвело панику среди мусульман, по признанию их отечественного историка. Ждали штурма, которому теперь все условия благоприятствовали более, чем сто лет тому назад. Надежды на помощь не было. Но в лагере христиан произошло нечто неожиданное. Может быть, Ричард чувствовал себя недостаточно сильным, может быть, он не хотел делить славу с французами, ревнуя свою военную репутацию, но известно только то,

что он почему-то в виду Святого Гроба проявил излишнюю осторожность и неуверенность в своих силах. Воины просились идти на штурм Святого города; они не хотели оставить эти стены, не поклонившись святыне; они были уверены в победе. Саладин же, по словам Бохаэддина, не надеялся на успех; он со слезами молился в мечети, не ожидая спасения. Вдруг ему сообщили во время молитвы, что крестоносцы отступают. Ричард боялся, что источники отравлены и что христиане погибнут от жажды, прежде чем выкопают колодцы в этой каменистой окрестной пустыне. Войско было недовольно, изумляясь осторожности вождя, славившегося отвагой и геройством. Чтобы отступить под благовидным предлогом, Ричард предложил решить вопрос рыцарям-посредникам. Это было нечто подобное военному совету, составленному на избирательном начале. С этой целью триста воинов выбрали двенадцать посредников, а те избрали трех для произнесения окончательного слова. Войводство, не сходя с коней, ожидало решения. Оно услышало приказ об отступлении. Теперь уже никто не спорил.

Оставление Палестины. Отступая от стен Иерусалима, Ричард уносил с собой полное разочарование в успехе крестового дела. Он услышал тогда же тревожные вести из Англии и Франции. Его брат Иоанн, лишенный удела (Безземельный), не сдержал обещания не приезжать на остров ранее трех лет. Поддерживаемый общим недовольством баронов, он лишил власти канцлера Вильгельма Лонгшана, назначенного королем в качестве наместника. Впрочем, это могло послужить только к благу населения. По общему отзыву, этот епископ-канцлер грабил страну хуже всякого неприятеля. Знаменитый Матвей Парижский, вспоминая про него, говорит, что благодаря ему рыцари не могли сберечь серебряных перевязей, дворяне — своих колец, женщины ожерелий, евреи — своих товаров¹. Он ездил окруженный тысячью всадников и где, по несчастию, останавливался ночевать, то в одни сутки истреблялось то, что после приходилось наживать в три года. Он был известен еще тем, что за большие деньги выписывал труверов и жонглеров из Франции, которые обязаны были воспевать его славу и говорить, что в мире нет человека, ему равного (*quod non erat talis in orbe*).

¹ Матвей Парижский. Большая хроника Сент-Альбана, 1190. Такой же отзыв у *Guilelmus Neubrigensis* и *Rogerus de Hoveden*.

В то же время Ричард узнал, что король французский, ненавидевший его в глубине души, также не сдержал данной клятвы не поднимать против него оружия и не поддерживать мятежа в Англии. Чтобы облегчить свою душу, Филипп II на обратном пути из Палестины заехал в Рим и испросил у папы освобождения от клятвы, которое было дано без затруднений.

Волей-неволей приходилось возвращаться домой. Ричард заключил с Саладином перемирие на три года, три месяца и три дня в надежде вернуться снова и не без горького чувства покинул места своих героических подвигов.

Плен Ричарда. В Европе его ожидали весьма неприятные приключения. Он сознавал общее к себе нерасположение на Западе в государях, князьях, духовенстве. Он никогда не щадил чужого самолюбия и не вел счета обидам, которые наносил многочисленным врагам. Он знал, что его не любят в Аквитании, где история несчастного маркиза Монфератского была у всех на памяти. Потому Ричард решился не плыть к берегам Южной Италии или Галлии, ему враждебной; он предпочел, проплыв Адриатическое море, высадиться где-нибудь в Истрии и оттуда пробраться к Северному морю. Но здесь-то и ждала его наибольшая опасность. Избегнув одного недруга, он сам шел в сети другого. Судьба привела его во владения того самого Леопольда Австрийского, встречи с которым он так тщательно избегал. Крадучись, пробираясь герой Палестины из Истрии по незнакомым землям в сопровождении трех лиц, не подозревая, что идет навстречу своему врагу. Он был узан и, окруженный в доме, где остановился, целым строем латников, сдался герцогу, который заключил Львиное Сердце в крепкую башню в Вене под надежную стражу. Император не позволил герцогу держать короля и потребовал его выдачи, обещая уплатить герцогу долю выкупа. Филипп II, поздравляя императора с пленением Ричарда, умолял его сторожить английского короля, наделавшего столько бед, крепче, ибо «свет никогда не будет иметь покоя, если подобный крамольник успеет убежать». Французский король готов был бы заплатить сам весь выкуп за Ричарда, если бы мог получить его живым. Но имперский сейм, которому было передано дело Ричарда, отказал в выдаче королю французскому знаменитого пленника.

В конце концов английские общины рассчитались за своего короля. Они заплатили за него сто тысяч серебряных марок, что-

бы после он взял с них столько же. Ричард перед освобождением обязывался принести императору ленную присягу в силу тех бумажных претензий, которые предъявляла всемирная Священная Империя на Британию. Летописец Рожер записал факт, как при торжественной обстановке король Ричард отказался от королевства и отдал его императору, этому всеобщему верховному владельцу, сюзерену (*sicut universorum domino*), и в ознаменование передачи возложил на него свою шапку. Тогда император поспешил возвратить обратно королю в ленное владение его королевство, но под условием уплаты ежегодной дани в пять тысяч фунтов¹. Такая церемония не имела по существу значения, но в идеологическом смысле она имела большой смысл. Империя стремилась гласно и торжественно заявить свои претензии. Ричарду же эта церемония давала свободу. Заключение казалось ему тяжелым. Медленно собирали деньги в Англии с городов и вилланов; вследствие грабительства правительственных сборщиков в суммах постоянно оказывался недочет. Эта операция понравилась сборщикам настолько, что они желали тянуть сборы как можно долее. Тем временем Ричард сочинял провансальские стансы, горько печалась о холодности своих подданных и вассалов. «Много у меня друзей, но скудно они платят, — пел он. — Пусть знают мои английские, нормандские, нуатийские и гасконские люди и бароны, что из-за денег я не оставил бы ни одного из своих бедных спутников в темнице»².

Впрочем, прошло еще два года, прежде чем королю можно было отправиться на родину. Немецкие власти не отличались великодушием. Они не отпустили короля, пока не получили все условленное до последней монеты. Возбужден был даже вопрос о том, не выгоднее ли перепродать пленника французскому королю, который не только обещал платить тысячу серебряных ливров за каждый лишний месяц плена и давал вперед семьдесят тысяч за лишний год заключения, но предлагал сто пятьдесят тысяч серебряных марок за выдачу Ричарда. Император уже колебался, но члены сейма воспротивились такому предательству и освободили Ричарда в январе 1194 г.

¹ *Rogerus de Hoveden. Annalium Anglic. libri*, 1192.

² Стихи Ричарда помещены в сборнике *Raynouard. Choix des poésies des troubadours*, IV, 183.

Финансовые меры. Несчастье ничему не научило короля. Он вернулся таким же равнодушным к своему народу государем, каким был раньше, назначив еще новые поборы на выкуп заложников. Он прежде всего постарался отплатить за непохвальную медлительность сборов для его выкупа. В этом он усматривал недостаточную преданность подданных к его особе. Невзирая на общее истощение страны, он создал новый экономический кризис. Он объявил недействительными все сделки и акты по продаже крестоносцами их земель и замков перед отправлением в поход.

Надо заметить, что король, отправляясь на Восток, продал более других недвижимой собственности из коронных имений. Теперь, заботясь о собственной выгоде, он объявил все продажи погашенными займами. Этот борец без страха и упрёка проявил внезапно финансовые способности. Его финансовое ухищрение первое время привело всех в недоумение; потом средневековые короли, не любившие стесняться, находили пример Ричарда для себя весьма назидательным. Король, руководимый советниками, кроме того, обнаружил не только знакомство с терминологией, но талант тонкого казуиста. «На каком основании, — возражал он новым собственникам, — вы хотите присвоить себе то, что принадлежит нам? Разве вы не вернули полностью данных вами денег с доходов наших имений (*de fructibus rerum nostrarum*)? А если так, то вы должны знать, что грех брать излишние проценты с короля и что мы имеем от папы буллу, запрещающую вам это под опасением отлучения от церкви»¹. Впрочем, Ричард мог быть великодушным. Он обещал добавить по счетам то, что не выручено покупателями из имений. Однако охотников предъявлять счета не оказалось, а между тем то и дело требовались новые поборы.

Вильям Длинная Борода (1196). Памятники сохранили нам по этому поводу подробности о социальном движении, которое, под влиянием экономического расстройств Англии и вражды двух элементов, местного саксонского и пришлого нормандского, вырвалось наружу. Обложение налогами для уплаты назначенных сборов было предоставлено городским властям. Злоупотребле-

¹ Подлинный текст записал *Guilelmus Neubrigensis*. Приведено у *Огюстена Тьерри* в «Истории завоевания Англии норманнами», III, 153.

ния привели население Лондона к восстанию, во главе которого встал энергичный демагог, по происхождению сакс, Вильям, прозванный Длинная Борода. Он не раз приглашался в состав городского совета, так как пользовался огромной популярностью за свое сочувствие к нуждам бедняков. Хорошо зная законы и судебную практику, этот сакс явился безвозмездным ходатаем за народ, владея в одинаковом совершенстве латинским, нормандским и саксонским языками. Когда зашла речь о распределении обложения между обывателями, Вильям энергично высказался против неравномерности взимания налогов. Его обвиняли в измене королю; он ответил, что изменниками следует считать тех, которые обкрадывают королевскую казну, не платя того, что следует по закону. Ричард был тогда на континенте, в своих аквитанских владениях. К его ногам бросился Вильям, принося жалобу на городской совет. Ричард, конечно, не обратил серьезного внимания на просьбу, хотя обещал оказать справедливость.

Вильям вернулся и передал согражданам о неудаче миссии. Начались волнения. Заговорили о необходимости обороны. Общество взаимной защиты составило до пятидесяти тысяч человек, и Вильям, увлекаемый потоком движения, встал во главе восстания. Горожане и сельчане, не привыкшие к применению оружия, запаслись дубинами и топорами. Они веровали в силу и непобедимость своего Вильяма, который занимал их увлекательными речами. «Я спаситель бедняков, — взывал он на площадях Лондона. — Вы, испытавшие, как тяжела рука богатых, черпайте теперь из моего источника воду спасительного учения; черпайте с радостью, потому что настал час вашего облегчения»¹. За этими мистическими выражениями скрывались обещания лучшего существования для угнетенного народа. Королевские власти и норманнские рыцари испугались не на шутку. Они потребовали Вильяма к ответу. Он явился во главе многотысячной толпы. Когда он шел по улице, народ кричал ему: «Да здравствует король и спаситель бедняков!» Баронам трудно было вести с ним переговоры. Опасались кровавого столкновения. Тогда прелаты предложили свой план. Они сумели отделить толпу от ее вождя.

¹ Со слов *Guilielmus Neubrigensis: Salvator pauperum ego sum; vos pauperes, duras divitum manus experti, haurite de fontibus meis aquas doctrinae salutaris, et hoc cum gaudio, quia venit tempus visitationis vestrae.*

Подарками, обещаниями и угрозами они посеяли раздор среди влиятельных агитаторов. Тогда было легко бороться с мятежом, едва не принявшим разрушительный характер. Прелаты, влиявшие на набожную толпу через священников, заручились заложниками; любимых детей отбирали от матерей. Тогда настала очередь Вильяма. Его заманили в засаду и схватили среди белого дня; он вырвался, защищаясь длинным саксонским ножом, и заперся в ближайшую церковную колокольню. Он не сдавался; принесли соломы и дров; разожгли костер. Задыхаясь от дыма, Вильям сдался врагам; его привязали к хвосту лошади и избитого, истерзанного потащили к лондонской башне, где уже ждал архиепископ, приказавший его повесить без суда с девятью товарищами, его телохранителями, что и было немедленно исполнено,

Виселица, на которой погиб мученик народного дела, исчезла в ту же ночь; ее разобрали по щепкам как святыню. Со всех мест Англии стекался народ помолиться на том месте, где погиб этот первый из демагогов. Так любили Вильяма. Образованнейший из историков того времени, Матвей Парижский, говоря о гибели Вильяма Бородатого (*Barbatus*), внушительно замечает: «Он погиб за то, что взялся защищать бедных и правду». Эти слова монаха и правдивого наблюдателя нельзя заподозрить в пристрастности, потому что официальный историограф Англии был чужд демократических увлечений.

Смерть Ричарда. Скоро умер и король Ричард. Неустрашимый воитель пал в Лимузене смертью воина; 6 апреля 1099 г. он был смертельно ранен из арбалета при осаде замка Шалю, где заперся один рыцарь, которого хотел ограбить король, требуя от него найденных им сокровищ. Он погиб в сорок два года жертвой своих хищнических инстинктов, которые его никогда не покидали. Сердце его не всегда отличалось великодушием, а действия часто противоречили прозвищу, которое дали ему современники.

Ричард олицетворял отрицание всякого государственного порядка. Он не понимал идей, двигавших общество, и никогда не стремился их усвоить. В этом отношении он стоял ниже современных ему государей, которые, пользуясь обстоятельствами, старались войти в союз с благоприятными для королевской власти элементами. На дальнейшее течение государственной жизни Англии он, оставаясь ей чуждым, занятый личными интересами, не оказал никакого влияния. Впрочем, требовались большие

политические способности, чтобы высотой понимания и личной энергией содействовать ускорению хода исторической жизни.

Государственные элементы. В XII в. ни в одной стране не было заметно законченного исторического движения. XIII в. застаёт ход истории в таком виде, что нельзя было предсказать окончательного результата. Повсюду на Западе наблюдается преобладание теократических понятий, торжество духовной власти над светской или, по крайней мере, все данные для такого торжества. Во внутренней жизни народов видим борьбу трех основных элементов: феодального, наиболее сильного фактически, коммунального, набирающего силу, и монархического, мощь которого в будущем. В этом соперничестве из-за преобладания перевес останется за тем элементом, который проявит наибольшую долю политического искусства. Казалось, сперва этим искусством отличались общины, но, вступив в союз с королевской властью, они стали играть более или менее подчиненную роль. Так было во Франции. Потому в этой стране восторжествовала королевская власть, воспользовавшаяся силами общины в борьбе против феодалов. Там, где, наоборот, коммуны подали руку баронам с целью действовать против королевской власти, рядом с феодальным началом, всегда энергичным, восторжествовало деятельное народоправление, как случилось в Англии, где упрочилась ограниченная монархия. Если же общины не проявляли активной политической роли или если не последовало соединения с ними одного из элементов, — что произошло в судьбах Германии и Италии — то историческое движение не получает строго определенного направления и обычным результатом такого сочетания является политическая анархия.

Таким образом, то или другое положение, занимаемое коммунами по отношению к двум прочим факторам, определяет ход истории в трех главнейших странах Запада. Намеченная схема сохраняет силу и для прочих государств.

Но все эти явления выяснились с их последствиями лишь в следующем столетии. В XII в. мы присутствуем только при их зарождении и формировании. Мы наблюдаем сами элементы, но процесса взаимного химического их сочетания пока не видим. То же следует сказать и по отношению к явлениям как внутренней, так и духовной жизни. Рыцарство принесло плоды лишь спустя весьма продолжительное время. Пока мы не имели надобности

останавливаться ни на его проявлениях, ни на рыцарской поэзии — эпосе и лирике, давшей прекрасные образцы. В двенадцатом веке готовятся идеи для следующего столетия.

Высшего расцвета средневековая жизнь достигнет лишь в XIII в.

5. Образованность до XIII столетия. Схоластика

Задачи схоластики. В одной из предшествовавших глав мы говорили о начале средневековой образованности и указали на тот ее момент, когда на основании традиционных античных наук сложился в средние века и особый род образования, и то своеобразное мышление, которое получило название схоластики. Задачей схоластики было утвердить в свете разума то, что было усвоено верой. Схоластика средних веков должна была уяснить Священное Писание. Так как для такого трудного дела надо было приискать соответственные способы, то обратились к логике Аристотеля, труды которого послужили главным основанием схоластики, хотя изучались в крайне уродливом виде, и притом лишь в тех отрывках, которые могли непосредственно послужить орудием для известных логических приемов. Что схоластика находилась в связи с католицизмом, видно из того, что когда Реформация подорвала папство, то вместе с римской церковью пострадала и схоластика.

Во всяком случае, в схоластике по ее влияниям надо отличать две стороны — положительную и отрицательную. Исторически схоластика предшествовала новой европейской философии. Европейская мысль, построившая такие могущественные системы, была воспитана продолжительной, хотя и мелкой работой схоластики. Надо заметить, что и позднейшие философы, Декарт, Спиноза и др., были воспитаны на схоластике. Поэтому ее не следует порицать безусловно, как привыкли относиться к ней те, которые обыкновенно не знакомы с ней. Надо заметить, что диспуты схоластов происходили в присутствии большого числа слушателей и что они имели то же облагораживающее значение, какое некогда имели в Афинах беседы философов, хотя в средние века эти поучения не проникали в народ, оставаясь достоянием клириков. Над этими диспутами стояла церковь с огнем и мечом, не дозволявшая состязающимся выходить из указанных границ. Вообще схоластика представляется достойной полного внимания.

Если в Греции мы находим немногих, но великих и самостоятельных мыслителей, то здесь мы видим бесчисленные имена докторов и магистров, которых даже трудно перечислить. Правда, они не творят ничего вечного, вращаются в узком кругу мысли, но между ними встречается много самостоятельных деятелей. Схоласты писали по-латыни, которую они переработали в своеобразный орган, известный под именем «средневековой схоластической латыни». Напрасно презрительно относятся к этой латыни; в схоластических трудах этот мертвый язык дышит жизнью и отчетливо развивает каждую мысль.

Если, с одной стороны, в схоластике видна связь ее с новой философией, то, с другой стороны, нельзя не видеть ее отрицательных свойств. В схоластике были поставлены границы разуму, а где раз намечены такие границы, там не может питаться мысль, так как ей возбраняется идти далее известных пределов. Законченные формы схоластики, основанные на Аристотеле, приучили средневекового человека мыслить по определенному шаблону. Но тем не менее надо заметить, что эта условная философия, вращавшаяся в сфере религии, свидетельствует о сдержанном стремлении к свободе мысли. «Даже уродливости и темные стороны схоластов, — говорит по этому поводу Фейербах, — множество нелепых вопросов, которыми они занимались, их бесчисленные случайные различия, их курьезы и тонкости должны быть выведены из светлого, разумного начала, из их жажды света, из духа исследования, которое в то время, при могучем преобладании церкви, могло выражаться только в таком виде, а не иначе. Все множество вопросов с самоотвержением, достойным лучшего дела, развитых схоластами, все их бесполезные логические тонкости были почтенным усилением мысли пробиться на свет Божий».

Очерк движения философской мысли в XII в. В средние века задачей в области философских стремлений было примирение скудных отрывков из «Органона» Аристотеля с христианской догматикой. Это содержание заполняет собой тысячелетие человеческой мысли. Движение было слишком слабым, вялым, даже едва заметным, но тем не менее интересным по тем попыткам, которые дух человеческий проявляет при самых неблагоприятных условиях. Никогда с большей яркостью не обнаруживалась энергия духа.

Тем интереснее проследить этот трудный, весьма медленный процесс. Мысль вращалась в заколдованном кругу. Она не дерзала переступить заветных границ ни в ту, ни в другую сторону. Самостоятельной мысли, строго говоря, не было, потому что греческая логика с одной стороны и католическая религия с другой дают уже готовые формы, которые не разрабатываются более свободным духом; мысль представляется уже определенной; содержание и границы ее очерчены. Потому-то, с известной точки зрения, верно выражение ирландского монаха Иоанна Скота Эриугены¹, жившего в IX в., убитого своими учениками, — в его труде «О предопределении», что истинная философия есть истинная откровенная религия и, наоборот, истинная религия есть истинная философия. Для отцов церкви, которые тоже были учеными мыслителями, философия была средством достижения религиозного понимания; для схоластов такой цели служило богословие. Средневековая философия имела высшей задачей проникнуть в тайны откровения и оправдать разумом это откровение, или, точнее, примирить разум с верой. Все схоласты были глубоко верующими. Так, первый из них, каковым надо считать Эриугену, позволил себе собственные либеральные толкования христианских догматов. На него ссылались альбигойцы, учение которых было продуктом гностической и манихейской философии; тогда Гонорий III запретил его сочинения после нескольких веков свободного обращения. Так, Эриугена отрицал предопределение, учил об общем праве всех на спасение души, отрицал вечность мук, даже ад, находя ужасы загробного наказания оскорблением христианской любви.

Номиналисты и реалисты. Собственно движение мысли начинается с конца XI в., с сочинений Ансельма Кентерберийского и Абеляра. Оба они были представителями различных направлений. Они открывают собой борьбу так называемого номинализма и реализма, или спора об универсалиях, который составляет жизнь схоластики. До того времени ученые монахи X и XI веков, которые писали только глоссы², играли пассивную роль.

¹ Иоанн Скот Эриугена (ок. 810—ок. 877) — философ-неоплатоник, более тридцати лет живший при дворе Карла Толстого. Его учение было объявлено еретическим в XIII в. — *Прим. ред.*

² Т. е. комментарии и толкования к старым текстам. — *Прим. ред.*

Неоконченное введение Порфирия¹ к категориям Аристотеля, Боэций, да три отрывочных сочинения Аристотеля — вот весь философский запас того времени, ибо прочие исследования, как например, Эриугены, были чисто богословскими. В первом из названных трактатов был поднят вопрос: признавать ли мир мысли, мир отвлеченных общих представлений, или универсалий, действительно существующим или только воображаемым? Одни считали их реальными явлениями (*res*), другие — только именами (*nomina*). Отсюда реалисты и номиналисты. История этого вопроса стала историей средневековой мысли. Над этими задачами средневековые мыслители задумывались так серьезно, что готовы были возвести друг друга на костер. Почему же так важны эти универсалии? Теперь подобные вопросы кажутся невыносимыми; но, всматриваясь в них глубже, нельзя не признать в них существенной важности для истории духа, для судьбы христианской религии и вместе для средневековой умственной истории, в коей религиозный интерес был на первом плане. От применения того или другого взгляда зависела большая или меньшая крепость религиозного чувства.

Чтобы уяснить себе *nomina* и *res*, удобнее всего перевести их на наш современный язык. В переводе на наш язык номиналисты подобны материалистам, а реалисты — идеалистам. Под *universalia* понимаются, по Аристотелю, следующие представления: *genus* — род, *differentia* — отличительный признак, *species* — вид, *proprium* — существенный признак и *accidens* — случайный признак. Это — характер понимания о предмете, то, что для нас остается представлением; но в средние века на это смотрели иначе. Самые сильные умы думали над этим вопросом. Так, Порфирий, еще в начале IV в., говорит: «Существуют ли род и виды сами по себе только в уме, и в случае, если бы они существовали, телесны они, или бестелесны, и притом отделены ли они от чувственных вещей, или в них самих находятся и вместе с ними существуют, — все это дело слишком трудное и требует более обширного расследования». Но за это тяжелое

¹ Порфирий (234—ок. 305) — античный философ-неоплатоник. Ученик Плотина. Комментатор Платона и Аристотеля. Здесь упоминается его трактат «Введение в «Категории» Аристотеля» или «О пяти общих понятиях», которые перечисляются ниже. — *Прим. ред.*

дело взялись мыслители конца XI в. По существу вопроса они имели предшественников себе в греческих философах. Платон приписывал родам и видам независимое, отдельное существование от тела; Аристотель же полагал, что они существуют в телах, но представляться могут и отдельно от тел. Номиналисты шли дальше Аристотеля. Они говорили, что этих представлений нет в телесном виде, что они могут быть только воображаемыми. Собственно, с церковно-догматической точки зрения, последнее положение может быть в высшей степени опасно.

Архиепископ Ансельм (1034—1109). Столкновение учений номиналистов и реалистов произошло по поводу желания Ансельма из Аосты добиться доказательства реального бытия Божия. Сочинение Ансельма называется «Монолог, или образец размышления для понимания веры». Автор предполагает человека, ничего не знающего в религии, ищущего истину только с помощью собственного разума. Такой субъект будет выводить цепь догматических данных, поднимаясь до представления одного источника, сущности Божества. Чтобы разгадать эту сущность, Ансельм представляет отвлеченный идеал красоты, добра, величия — совокупность многообразных признаков, из которых каждый в большей или меньшей мере, в той или другой части присутствует во всех людях. Этот способ доказательства [бытия Бога] называется онтологическим. Мысль последовательно ищет высочайшее существо; оно не может быть представлено как абстрактная идея — это было бы обезличенное божество; оно есть в действительности, а не только в мысли, в воображении. Следовательно, отвлеченные признаки не абстрактны; они вещественны (*res*); отсюда идеальная теория Ансельма назвалась реализмом. Понятно, что представление об идеях, существующих как осязаемые предметы, приводило к противоречиям, но оно было удобно для догматических вопросов, и благодаря этому Ансельм, задавшись рационалистической задачей, разрешил ее путем ортодоксальным.

Росцеллин. Ему стало известно, что некто Росцеллин¹, родом из Бретани (о котором мы знаем лишь со слов Иоанна Солсберийского), тоже тонкий ученый диалектик, считает всевозмож-

¹ Произведения Росцеллина утеряны. Считается, что он жил около 1050—1125 гг. — *Прим. ред.*

ные *genera et species* просто пустыми звуками, — *voces, nomina* — что для него цвет не существует отдельно, а есть понятие, связанное с представлением о каком-нибудь теле, что мудрость не *res*, а только синоним души, что в действительности существуют только осязаемые индивидуальные тела: Даже представления об эмпирических признаках, которые будто неразрывно связаны с осязаемым предметом, Росцеллин отвергает, вопреки Аристотелю. Так как отвлеченные представления для него только имена, *nomina*, то и теорию его прозвали номинализмом. Церковь не обратила бы на это учение внимания, если бы Росцеллин не поспешил применить свою теорию к суждению о важнейшем христианском догмате. Дело в том: если роды и виды только слова, а в действительности существуют лишь индивидуальные вещи, то как понимать догмат о Св. Троице, догмат, который для реалистов очень ясен? Или три Божественных лица суть три индивидуальные вещи, отдельные и самобытные, как три ангела, три души, которые нельзя сочетать в одном представлении о божестве в трех лицах, или же они суть единый Бог? В последнем случае может явиться еще большая неловкость, ибо появляется один божественный индивидуум, и, следовательно, если Сын воплотился, то надлежит подразумевать, что и Отец и Дух воплотились. Так как последнее предположение нелепо, то придется остановиться на первом, т. е. впасть в ересь. И Росцеллин невольно впал в нее вследствие своего логического процесса. В 1092 г. на Суассонском соборе он был проклят, а с ним наложено проклятие и на всю теорию, представителем которой он явился. Реалисты же были взяты под покровительство церкви, которой они давали ключ к ортодоксальному и научному уяснению догматов.

Дальнейшая история мысли доказала, что философское учение нельзя задушить церковным проклятием.

Абеляр (1079—1142). В XII в. выразителем номинализма явился аббат Пьер Абеляр. Этим делом он обрекал себя на печальную судьбу и страдания. На кладбище Пер-Лашез в Париже, на котором покоятся ряды поколений десяти веков, показывают до сих пор уцелевшую старую готическую гробницу. В ней лежит прах этого смелого борца мысли вместе с телом женщины, любившей его до гроба. На ветхой почерневшей мраморной плите, перенесенной из одного бретонского аббатства, изобра-

жены оба покойника с руками, сложенными на груди; собака — эмблема привязанности — выбита в ногах. Надпись содержит следующее: *Sub eodem marmore hujus monasterii conditor primus Abelardus et abbatissa prima Heloissa, nunc aeterno, olim strictis ingenii amore, instuitis nuptiis et poenitentia, quod speramus, felicitate conjuncti. Pertus obiit XX prima apr. a. 1142, Heloissa 17 maj. 1163.* Общее участие всех образованных людей окружает эту гробницу. Еще в XVIII столетии всегда было можно видеть в ней свежие цветы; в наше время такое идеальное поклонение встречается реже.

Абеляр был образованнейшим человеком своего времени; он стоял выше номиналистов и реалистов; он дискутировал и с теми, и с другими; его не удовлетворял ни Росцеллин, ни Шампо. Зная глубже Аристотеля, чем кто-нибудь, он основательно полагал, что на его логике развилась та и другая теория. Он старался примирить обе школы. Универсалия для него не сущности, как для реалистов, не слова, как для номиналистов, но — понятия, концепты ума; свою теорию он потому называет концептуализмом. Оттого так богата событиями его жизнь и переменчива судьба, что для церкви он представлялся то другом, то врагом. Во всяком случае он был выше схоластов, потому что старался объяснить свою веру знанием, а не выводить само знание из веры; схоластика у него была самостоятельной и научной; христианство он старался сблизить с греческой философией, находя, что языческие мыслители были знакомы с догматом о Троице и могли бы уяснить его. Его главное сочинение было посвящено диалектике¹, но начало ее утрачено; толкования Порфирия дошли полностью.

Еще больше прогресса видим в его нравственной теории. Он решился стать выше ортодоксальных богословов, сказав, что грех заключается не в чувственной наклонности ко злу, не в действии, а только в намерении. Его смелые думы далеко, таким образом, опередили современников. Все окружавшее в сфере мысли было ниже его.

Абеляр родился в 1079 г. в городе Пале, недалеко от Нанта. Рыцарским упражнениям он предпочел науку, которой с детства отдался всей душой. Он слушал, одновременно и Росцеллина, и

¹ Трактат «Да и нет» («Sic et non»). — Прим. ред.

Шампо. Еще в молодости он учил по разным городам; в 1101 г. он открывает свои публичные чтения, а вскоре Абельяр сразился с самим Шампо на публичном диспуте и победил его. Наградой была кафедра богословия и философии в Париже. Абельяр имел огромный, неслыханный успех; пять тысяч студентов были у его ног. Все удивлялись его красноречию, новизне мысли, ясности речи, широте взглядов. Многие из его учеников прославились впоследствии, например папа Целестин II и Арнольд Брешианский, известный еретик, что всегда ставили ему в преступление, забывая, что в то же время он дал церкви девятнадцать кардиналов и пятьдесят епископов. Спокойствие Парижа иногда нарушалось торжественной процессией школяров, сопровождавших по улицам молодого философа; слышали, как его приветствовали восторженные крики студентов и народа.

Между тем приближалась страшная драма в жизни Абельяра. Известна его любовь к Элоизе, бывшая любимой повестью средних веков, знакомая каждому и теперь, так как она послужила темой для художественного творчества. В Париже Абельяр обучал, в числе прочего, племянницу одного каноника Фульберта, тринадцатилетнюю Элоизу. Молодой магистр и его ученица полюбили друг друга тихой, но сильной страстью. Абельяр вскоре тайно женился на Элоизе, без ведома дяди, за что был бесчестно наказан Фульбертом. Он был кастрирован. Пораженный стыдом, душевной скорбью и ужасными физическими страданиями, Абельяр постригся в монахи и удалился в монастырь Сен-Дени. Элоиза принуждена была также постричься; она обрекла себя на вечную разлуку с любимым человеком. Но развратная жизнь монахов, а может быть, и воспоминание о прежней любви, вызвали Абельяра из монастырских стен и заставили вступить на профессорское поприще, на котором он снова встретился со своими многочисленными завистниками и врагами. Последние отыскивали удобный предлог погубить Абельяра, обвинив его в ереси. В 1121 г. по этому поводу был созван собор в Суассоне. Абельяр был осужден и приговорен к заключению в том же монастыре Сен-Дени. С этой участью он не мог примириться. Монастырь Сен-Дени был богатейший в свете но, вероятно, душа Абельяра сильно возмущалась безнравственной жизнью людей, которые его окружали и которые на соборах казались образцами святости. Он решил бежать отсюда. Он основал собственную обитель, которую на-

звал греческим словом *παράκλητος* (утешитель). Лишь только слух о новом монастыре разнесся по окрестностям, как иноки и ученики начали стекаться к Абеляру. Скоро вокруг Параклета образовалась школа, даже целый город. Новое торжество Абеяра вызвало и новые козни его врагов. В отчаянии, гонимый всюду, он хочет бежать к мусульманам. Только любовь к Элоизе удержала его. Вскоре мы находим его в уединенном бретонском монастыре, на родине, где он пишет свою автобиографию, подражая Августину. Это «История моих бедствий» — история страдальца. Когда эти воспоминания дошли до Элоизы, она не выдержала своего обета молчания. Между влюбленными началась знаменитая переписка, полная то взрывов несчастной загубленной любви, которой не было возможности проявиться иначе, как в звуках, то порывов религиозного чувства, которые, казалось, одни могли усмирить эту страсть. Наконец, между супругами состоялось свидание. Оно дало церкви повод к новым обвинениям. Опять был созван собор с Сансе в 1140 г.; на этот раз на стороне обвинителей раздался грозный и властный голос Св. Бернара, этого величайшего из мистиков, воспитанного на воззрениях реалистов. Собор отлучил Абеяра от церкви за несоблюдение обетов и за дерзкие проповеди. Обвиненный апеллировал в Рим, и Иннокентий II подтвердил решение собора. Тогда Абеяра, покорно склонив голову перед силой, удалился в Ключни, бургундский монастырь ключнийцев, славившийся своим строгим уставом и суровой жизнью иноков. Там он умер через два года, успев примириться со всеми гонителями, даже с самим Бернаром. Через двадцать один год (1163) Элоиза последовала за ним. Народная поэтическая легенда увековечила их память, надолго заняв воображение потомства. Она говорит о встрече Абеяра и Элоизы в том мире, об их вечной загробной любви.

Влияния на развитие мысли. Мы остановимся на этом в очерке борьбы философских школ, борьбы номиналистов с реалистами в первой половине средних веков.

С начала XIII в. содержание философской мысли значительно расширяется. Постепенно она выходит из заколдованного узкого круга, в котором вращалась прежде. Она проявляется даже в публицистике. Она задевает теперь то, чего прежде не касалась. В ней заметно слышится веяние новых начал. Именно они и были посеяны в предшествовавший философский период. Как ни скучно

было поле философской мысли, но представители ее все же должны были или договориться о некоторых вещах, несогласных с существующими понятиями, или остановиться перед таинственной загадкой. А мысль продолжает развиваться. Причиной такого толчка было появление нового перевода Аристотелевой «Логики» с греческого языка. Эти переводы появились еще в начале XII в., но большинству ученых долго оставались неизвестными. В XIII в. выяснилось достоинство новых переводов и превосходство их перед прежними. Тогда логика сделала шаг вперед. Как обыкновенно бывает в подобных случаях, образовались две партии: *antiqui et moderni*, старая и новая. Сам Абельяр принадлежал к представителям старой партии, потому что он не был знаком с новыми переводами Аристотеля. Главными представителями новаторов явились два великих ума средних веков: Альберт Великий из Кельна и Фома Аквинский. Один был немцем, другой итальянцем. Альберт был натуралист, химик, астролог и философ. Фома занимался не только богословскими вопросами, но прославился и государственными; он был богослов, публицист и философ. Надо заметить, что католическая церковь до сих пор живет теми идеями, которые были развиты Фомой. Великий переворот, вызванный сочинениями того и другого в тогдашней философии, особенно творениями Фомы Аквинского, конечно, не мог явиться внезапно. Толчок дан был извне, из-за Пиренеев, от обитавших там в то время арабов.

Арабы были одновременно учениками Мухаммеда и Аристотеля. Благодаря тому, что они были знакомы с греческими оригиналами, они имели доступ к чистым античным источникам, тогда как европейская мысль привыкла пользоваться только скудными обрывками древности. Собственно говоря, арабская мудрость была довольно условной и не принесла много нового в чисто философскую область, так как не успела развиваться самостоятельно. Арабы только компилировали то, что заключалось в греческом материале. Действительно, они заимствовали все, что попадалось им под руку на пути завоевательного шествия халифов. Они восхищались неоплатониками на африканском берегу Средиземного моря и Аристотелем при дворе византийских императоров или, лучше, его толкователями. Так как с полным переводом «Органона» Европа познакомилась через арабов, то через них проникли в схоластическую философию и новые элементы. Когда

схоласты проявляли сколько-нибудь материальный взгляд на вещи, тогда они шли по стопам арабских философов.

Хотя европейская схоластика не осталась чуждой влиянию арабов, из этого не следует, чтобы она совершенно подчинилась арабским философам. Такие люди, как Альберт и Фома Аквинский, были ортодоксальными представителями номиналистов. Их жизнь протекла спокойно, а Фома даже был причислен к лику святых католической церковью¹. Арабское влияние следует понимать в том смысле, что оно окрылило полет европейской мысли и побудило ее относиться к богословию и философии, как к предметам самостоятельным.

Кроме арабов, на исторический ход духовной жизни средневекового Запада в последующее время оказали влияние и славяне. Богомилы из Болгарии со своим протестом против господствующей христианской догматики проникли через Ломбардию в Прованс и во все пределы Южной Галлии. Там этот протест, сперва ограничивавшийся только богословской сферой, принял характер кровавой борьбы за веру, борьбы со всемирной папской теократией. Попытки средневековой церковной реформы в недрах католицизма проявились, таким образом, под деятельным воздействием славянского племени, заявившем тогда свое участие в историческом пути всего человечества.

В XIII столетии мир был приготовлен к дальнейшему движению мысли, и во всех областях истории должен был совершиться высший расцвет средневековых идей.

¹ Альберт Великий был также канонизирован католической церковью в 1931 г. — *Прим. ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОЧЕРК СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Общий характер и периоды историографии. Приступая к классификации многочисленных памятников средневековой западной историографии, надо оговориться, что они настолько разнообразны у разных народов средневекового мира, что трудно установить периоды развития исторической литературы за десять веков. Несомненно, что средневековая историография как проявление общественной жизни имеет постепенное движение, хотя не всегда правильное. Духовная жизнь не умерла с падением Западной империи. Последняя завещала т. н. средним векам свой государственный строй, литературный, обработанный, хотя уже мертвый язык и свое право. Религиозное же содержание было дано самими германскими народами, которые пронизали собой все области истории, принимая христианство в той или другой форме. Влияние латинского языка было так могущественно, на нем говорила и писала такая масса покоренных, что необработанные языки германского разрозненного племени не только не решались вступать в борьбу с ним, но как бы растоплялись под его могущественным влиянием. Скоро после сближения почувствовалась уступка и со стороны латинского языка, который стремился получить большую сферу распространения. Он стал подделываться под местные языки, и не только под германские, но под романские говоры: итальянский, галльский, иберийский. Это столкновение породило национальные языки. Но они долго не могли сделаться орудием для выражения летописного сказания, где исключительно и всецело почти семь веков господствовал латинский язык.

Три периода. Первый период средневековой историографии был латинский по языку, но с участием национального элемента по содержанию. Исторические произведения тогда были величайшей редкостью; изложение напоминало последнее время упадка античной литературы. Образованность ослабевала с годами; духовная жизнь, постепенно замирая, наконец иссякла.

Не только в обществе грамотные люди были редкостью: правители и короли были безграмотны. Длинноволосые Меровинги едва считали по пальцам, а чтение для них было недоступной мудростью; вместо подписи они ставили крест, палку. Для этого времени особенно ценны сколько-нибудь содержательные летописи, писавшиеся с целью сохранить для потомства обрывки народных германских преданий и процесс утверждения новых народов в пределах империи. Когда на развалинах империи сложились новые государства, когда, другими словами, она разделилась на части, то историография лишилась того интереса, которым она некоторое время выделялась; широким задачам уже не было более места. Средневековая историография стала расплываться в массу мелких частных интересов; летописи стали говорить не об истории страны, а об одном лице, городе, церкви, монастыре. Мысль скудела, интересы более и более сужались, и через пятьсот лет после произведений Иордана (500—560), Григория Турского (540—594), Исидора Севильского (570—636), Беды Достопочтенного (673—735), Павла Диакона (720—799) историография становится неузнаваемой. Таким образом, первый период историографии не развивается, а постепенно падает; значит, она жила прежним импульсом и была как бы продолжением античной историографии, старалась по мере сил подражать ей.

Когда падение ознаменовалось забвением приемов и пустотой содержания, летопись на Западе начинает возрождаться сама по себе. Органом ее исподволь начинают служить народные языки, но большинство хроник второго периода составлены на варварской латыни. По способу изложения и содержания эти произведения имеют примитивный характер. Остались одни жалкие обломки: здесь был голод, там гроза, здесь пожар, тут мор, там выстроили церковь, а здесь прибыли пилигримы, где-то наречен новый епископ, а в другом месте завелся новый диакон. Чем свободнее автор владеет языком, тем, конечно, изложение живее и сам материал как бы просится под руку. А жизнь между тем давала много свежих идеалов. Уже занялся расцвет средневековой истории, эпоха общин, рыцарства, крестовых походов, папской теократии, восторжествовавшей после борьбы с империей. Таланты писателей были слишком мелки для достойного воспроизведения эпохи. Хронисты не только не доросли до понимания об-

щего смысла явлений, что было бы понятно, но они не в силах были доступно и ясно изложить то, что совершалось перед их глазами. Но были и исключения. Только авторы — участники событий, много не мудрствовавшие, более искренние, оставили нам действительно замечательные произведения. Они все пишут на новых языках и много содействуют их литературному развитию; казалось бы, постепенно хор этих новаторов должен был бы заглушить чахлые болезненные звуки латинских хронистов, которые сами чужим мертвым языком заявляли свою отчужденность от окружающей жизни. Но случилось нечто иное.

Под влиянием преданий о славе Римской империи, особенно развившихся и упрочившихся в Италии, явилось стремление воскресить обстановку былой блестящей жизни, ее литературу, ее язык. Мы чувствуем приближение возрождения классицизма, упрочению которого содействовало открытие Петраркой великолепных памятников греко-римской литературы в разных городах Италии и в Сан-Галленском монастыре. Таким образом, национальному элементу, на основе которого могла бы развиваться историография, был нанесен удар на заре его появления. Несомненно одно: если возрождение древнего искусства и литературы есть прогрессивное явление, есть само по себе прогресс для истории всеобщей, то собственно для средневековой историографии оно имело отрицательное значение; оно убивало ее, устраняя из нее все самостоятельное, оригинальное. Это явственно видно в средневековой историографии, которая вступает в третий период — псевдоклассический. Талантливейшие писатели тратят свои усилия на сооружение гигантских периодов с желанием подражать чуть ли не Цицерону; смысл и содержание их красноречия становится все более темным и запутанным; форма ставится выше содержания, в котором просвечивают атеизм с одной и сочувствие к аристократической республике с другой стороны. Звонкие речи — но на целых страницах они не могут передать толково ни одного факта. Обычная надутость и чопорность стиля лишает историка возможности высказаться, и только национальные мемуаристы и историки, предпочитающие народные языки, дают живой материал для исторической науки, например француз Комин и кастилец Айала, писавшие в конце XV в. Таковы судьбы средневековой историографии до Реформации, когда роли переменились и национальный элемент одержал победу, определив

направление новой историографии. Подобно тому, как в восточной историографии лучшие произведения того времени, например персидская история Мархуда (1435—1498) от Адама до Тимура, написаны на персидском языке, а не на арабском, так на Западе все живое и думавшее искало нового слова у нового языка. Подделка под античный склад во всех сферах средневековой жизни не могла быть удачной, ибо слишком слабы были умственные силы XV в. в сравнении с тем богатым материалом, который давала классическая образованность; это были попытки карлика сравниться с колоссом; оттого лжеантичные историки не выдержали испытания при свете лучей Реформации.

Таким образом, периоды средневековой историографии четко разделить нельзя. Это видно из приведенного очерка. Можно только определить существенное содержание выдающихся исторических произведений каждого периода.

В первом национальная история, как непосредственное продолжение истории Римской; во втором — частная раздробленная хроника, но с допущением национального языка; в третьем лжеклассическая хроника с возможно широкой задачей.

Везде, где изложение дается на новых языках, чувствуется присутствие жизни; автору становится легче; он пытается тогда обрисовать существенное настроение эпохи, так у Виллардуэна, Жуанвиля, Фруассара, братьев Виллани, Дочеца; всегда известная простота в произведениях на родном языке по истории небольшого государства: у Спинелли (1260), Малеспини (1281), Д. Компаньи (1312). Исключение представляет только Матвей Парижский, который хотя и писал по-латыни, но по справедливости считался замечательным историком средневекового мира, как Фома Аквинский был его великим философом.

Вот общий ход историографии средних веков. Мы перечислим сколько-нибудь выдающихся представителей первого периода.

Первый период

Иордан (500—560). На первых страницах средневековой историографии встречаемся с любопытным литературным явлением. Первый из памятников историографии по времени отличается такими достоинствами, которые после долго не проявлялись и которые имеют серьезный интерес.

Особое значение *Иорнанда*, или *Иордана* (*Iordanes*), придававшее высокую цену его «Истории готв», заключалось в том, что он пользовался памятниками народной поэзии и, применяя их для своих целей, не только сохранил для нас целый родник народного творчества германского племени, но показал пример, как важен такого рода источник для истории народа. Важность такого литературного явления увеличивается еще тем, что время, в которое писал Иордан, было временем забвения лучших духовных преданий прошлого, временем повального невежества, почти общей безграмотности, когда должны были цениться всякие, даже слабые обрывки знания в науке и всякие скудные сведения о старине.

Мы не знаем, кто был Иордан, не знаем в точности, когда родился и умер историк, не знаем даже точно его имени. Известно только, что он был алан по происхождению, что он писал около 550 г. и то потому, что говоря о чуме, «бывшей девять лет назад», сам историк наводит нас на довольно точную дату. Правда, он сам пытается несколько познакомить с собой, замечая: «Хотя я не был писцом, но *после обращения* стал *нотарием*». Из этого критика выводит два факта: 1) Иордан был духовным лицом, даже монахом и 2) Иордан был нотарием. Пальман¹ полагает, что здесь речь идет не о звании, не о должности, а об обращении в никейское исповедание из арианства, которому тогда следовало большинство варваров. Мнение же тех, которые из этого алана сделали епископа Равеннского, не имеет значения уже по той простой причине, что в списке иерархов Равенны епископа с таким именем не значится. Равным образом неизвестно, у кого он состоял нотарием, т. е. секретарем; эту подробность историк сообщил только в пятидесятой главе касательно своего деда, который был секретарем кунинга аланского, Кондака. Из его собственных слов видно, что Иордан пользовался каким-то сочинением национального готского историка Абладиея и утерянным теперь сочинением Кассиодора «*Libri XII de rebus gestis Gothorum*». Последнюю рукопись Иордан получил на самое короткое время (*triduanam lectio*), прочел бегло, но успел сделать извлечение. Условность труда Кассиодора, главного советника Теодориха I и видного госу-

¹ *Pahlmann*. Geschichte d. Völkerwanderung; II, 123, 2 прим. *Dahn*. «Die Könige der Germanen» (1861; 243—260).

дарственного деятеля эпохи, вытекает из того, что он писал по поручению самого короля остготов, хотя, несомненно, долей народных былин и преданий Иордан обязан записавшему их римскому историку. По плану, обработке, подробностям сочинение Кассиодора было гораздо выше труда Иордана. Кроме своего главного сочинения «*De rebus Geticis*» или, в других рукописях, «*De Gothorum sive Getarum origine*» (О происхождении и деяниях готов и гетов), древнейший Бамбергский список которого относится к XI столетию¹, Иордан написал: *De regnorum et liber de origine mundi et actibus Romanorum ceterarumque gentium*. Это компиляция из Луция Флора (*Epitome rerum romanarum*), римского историка времен Траяна и Адриана, продолженная и доведенная на основании других пособий до императора Юстиниана.

Славу Иордану создал его первый труд. В нем мы имеем дело с горячим патриотом-варваром, который, хотя весьма сносно владеет латинским языком, кое-как знает классиков, тем не менее презирает все римское. Он имел целью возвеличить готов. Нет людей выше его соплеменников и народа выше готского. Все склоняются перед готами; им сопутствует постоянное счастье. Готы всегда побеждают; иначе быть не может; они герои с того времени, как показались в Европе. В самом начале изложения Иордан гордо равняет свой народ с греками, потому что среди готов нашлось трое ученых людей. Храбрость готов доказывается между прочим тем, что они победили египтян и сам Геркулес против них бессилен, ибо он «*subegit plus dolo, quam virtute*». Сами воинственные амазонки вышли из среды готского народа, а храм Артемиды в Эфесе сооружен ими или в их честь. Все яркие краски положил автор на изображение царства *Германариха*. Понятно, что гунны, победившие готов, должны быть, наоборот, обрисованы самыми темными красками; они дети демонов и ведьм. Только тогда, когда гунны рванулись на Запад, один раз в своей исторической жизни, под ударами гуннов, готы запросили у им-

¹ Издавалась в Аугсбурге в 1551 г. с текстом Павла Диакона под редакцией Певтингера. Совместно с Прокопием в 1531 г. в Базеле. Парижские издания *Fornerii* с Кассиодором 1579, 1583, 1588. *Grotii* в Лионе, 1655. (Coll. hist. Gothorum). Bibl. Part. в Лионе 1677. (Русское издание «О происхождении и деяниях гетов и готов» (*Getica*). Пер. Е. Ч. Скржинской, М., 1960. — Прим. ред.)

ператоров земель. Для истории великого переселения Иордан — единственный источник. Тогда возрождается слава готов. Когда взволнованный Запад несколько успокоился, вестготы дали миру Алариха. Лучшим сыном их был великий Теодорих. Это светило готских народов. Восторженно говорит патриот про этого славного кунинга, опираясь на книгу Кассиодора; от гордости Иордан становится даже нервен в изложении, дотоле спокойном и эпически плавном... «И возложил Теодорих на себя знаки царского достоинства, как повелитель готов и римлян». Он заставляет нас присутствовать мысленно в предсмертные дни короля, когда тот пишет политическое завещание своему десятилетнему внуку Аталариху о верности Восточному императору. Впрочем, у Иордана нашлось столько исторического чувства, что он склоняется перед Велисарием, который нанес тяжелые удары его соплеменникам, уничтожив их политическое бытие. «Слава Велисария не преидет веки».

Этим кончается история Иордана. «Я следовал писаниям древних, — говорит он в заключении; — в обширных лугах я срывал немного цветов и из них для любознательного свил венок по силам своего ума, насколько хватило умения. Да не подумает никто, что я прибавил нечто от себя сверх того, что я прочитал и узнал, из пристрастия к готскому народу, поскольку я сам принадлежал к нему по происхождению. Я излагал все, как было, хотя рассказал весьма немногое из того, что написано и что рассказывают о готах, не для прославления их самих, а для прославления того, кто побеждал».

Иордан чувствовал тенденциозность своего рассказа, в некоторых отношениях почтенную. Нельзя согласиться с Пальманом, который произносит озлобленный приговор над Иорданом, полагая, что он взялся не за свое дело, что он не более чем компилятор, притом компилятор дурной пробы, который позволяет себе плагиат, скрывая источники, списывая целиком чужие отрывки, заимствуя даже чужие предисловия. Мы не видим достаточных оснований для приговора столь резкого. Что Иордан плохой стилист — это очевидно, но когда вдохновение посещает его, он становится неузнаваем. Речь Аттилы перед гуннами на пороге Каталаунского сражения, описание битвы, сцена похорон Аттилы, все это показывает способность к драматическому рассказу. В общем изложение историка недостаточно оживлено. Что же касается

обвинений по содержанию, то таковые вряд ли выдержат критику. Иордан слишком полагался на свою память, когда за три дня, прочитав двенадцать больших книг «сенатора» Кассиодора, без выписок написал извлечение в одной, притом не особенно тяжелой книге. При этих условиях нет места плагиату. Критики забывают, что взгляд Кассиодора, как римлянина, на варваров бы совершенно целостен и не мог иметь много общего с симпатиями Иордана к своим соплеменникам. Прочими источниками были: Дион Кассий, Трог Помпей, Орозий, какой-то Иосиф (*annalium relator verissimus*), Абладий, пересказчик готских преданий, этот лучший писатель из готов и, наконец, сами саги германцев, их древние песни. Нельзя открыть дословных заимствований из этих памятников. Сталкиваясь с двумя разнообразными мнениями, Иордан строго придерживается одного из них, правда, без критического отношения, к которому он не был способен, но всегда такого мнения, которое подходило к его национальным взглядам. В симпатиях Иордана поражает преобладание родовых хищнических инстинктов готов. Он всецело был сыном своего века и своего племени. Для него, в то тревожное и страшное время, казалось совершенно естественным разрушать, грабить, жечь. Все победители дают волю насилию, и это даже заслуживает одобрения историка. Для него пощада — явление редкое, почти неслыханное: этот город, вероятно, защитила святыня, скажет он в таких случаях. Самый Бог в его глазах является в роли мстителя. Император Валент, обративший готов в арианство, во время неудачного похода сгорел в лачуге, зажженной готами. «Это свершилось, конечно, не иначе, как по Божьему соизволению, — спешит разъяснить Иордан в двадцать шестой главе. Валент сгорел от руки тех, кого сам он завлек в огонь геенны, кому вместо просимой истинной веры дал ересь».

Другая интересная черта заключается в политических взглядах Иордана. Выросший в римской среде, он усвоил себе, однако, оригинальное мировоззрение. Он полагает, что «род людской живет для своих владык»; на эту мысль его наводят размышления о Каталаунской бойне. Увлекаясь только звуком боевого рога, он совершенно игнорирует внутреннюю жизнь, для которой его «История» не имеет никакого значения. Весь внутренний склад готской жизни, политическая организация этого народа, его обычаи и нравы — все это не заслужило его внимания.

Но было бы странно ставить эту сторону труда в вину Иордану. Живя в то время, когда более половины западноевропейского населения вело кочевую жизнь, когда наиболее надежные элементы еще продолжали бродить, историк, в жилах которого текла кровь дикаря, не мог стать выше своего времени. Всякий пишет о том, что его интересует. Внутренняя, духовная или правая жизнь человечества есть плод научной постановки истории в нашем веке. Она была не по плечу потомку полудикого алана VI столетия.

Обращаемся к Григорию, епископу Турскому, жившему несколько позже.

Григорий Турский (540—594). Григорий Турский — бытописатель Меровингов. Трагическая история этого дома прошла на его глазах. У него хорошая школа и умение охватить события. «Много совершилось дурного и худого, — говорит он, — дикие толпы безбожных людей свирепствуют, озлобление королей велико; еретики нападают на церкви, верные защищают их; святые места верными украшены, а людьми безбожными опустошены. Многие жаловались на это и восклицали: горе нашему времени, наука погибла, а никто между тем не опишет совершающегося. Так как я слышал часто эти сожаления, то, чтобы сохранить воспоминание о прошлом и передать настоящее потомству, я решился изобразить насилия безбожных людей и жизнь праведных, хотя, может быть, речь моя покажется слишком простой и безыскусной. Одно меня утешает: к великому удивлению приходится нынче слышать, что теперь весьма немногие понимают истинно ученого и образованного писателя; но тот, кто пишет простым языком, доступен многим».

По происхождению он был галл; издавна его фамилии было присвоено сенаторское звание. При нашествии франков знатные галло-римские роды склонялись перед завоевателем. Франков было немного; они казались дикарями; они прикрывались звериными шкурами, но были храбры и свирепы; перед ними бежали изнеженные римские воины, которые не могли более защищать галлов. Чтобы укрыться от мести варваров, знатные фамилии старались так или иначе примкнуть к церкви, перед видом которой опускались страшные копыя франков; поэтому многие занимали церковные должности. В семействе Григория епископское звание в Туре было наследственным. Мало того; его родственни-

ки занимали другие высшие церковные кафедры в Южной Галлии. Он сам с молодых лет был предназначен к монашеству. Хлодвиг прошел с огнем и мечом всю Южную Галлию; вражда в доме Хлодвига привела к полному разорению эту область; только в стенах монастыря население могло найти убежище. Григорий родился во время междоусобной войны Меровингов; он видел своими глазами ее продолжение, а умирая, не уносил в могилу надежды на лучшее будущее. Прочтите О. Тьерри и будете иметь точное понятие об эпохе, но помните, что Тьерри ориентируется лишь на одного Григория. Свое впечатление, сложившееся под влиянием окружающего, при виде падения веры, добрых нравов, он высказал с глубокой печалью в начале своей «Священной истории франков». Дети Хлотаря I, Зигберт и Хильперик, вступили в ужасную борьбу из-за жен: Брунгильды и Фредегонды. Епископ Тура держался Зигберта и Брунгильды. Пламя борьбы охватило Тур, Пуатье и окрестные города. Григорий поддерживал третьего брата, Гунтрама Бургундского, а потом сына Зигберта, Хильдеберта Австразийского. Он вообще был доволен ходом событий. Григорий во введении предпосылает очерк всемирной истории от сотворения мира, библейской и светской; но когда касается последней, то путается, например, в рассказе об ассирийцах и египтянах. Сведения его очень ограничены. Зато история христианства в Галлии известна ему обстоятельно; сюда в сокращении вошло кое-что из его церковно-исторического сочинения. Во второй книге он переходит к франкам и заполняет ее целиком историей Хлодвига, причем национальные предания из истории франков занимают видное место. Третья и четвертая книги доведены до Хлотаря I. Начиная с пятой Григорий рассказывает как очевидец; по мере движения событий изложение становится подробнее; последние книги охватывают лишь два года; большей подробности трудно ждать. Критики мало; события в соседних странах игнорируются.

Сочинение Григория считают в его значительной части легендарным, но эти-то легенды и ценны для нас. Тьерри заявляет, что Григорий точен даже до педантизма и что речи, которые он вкладывает в уста героям, были доподлинно ими сказаны. Это совершенно несправедливо, потому что произнесение таких речей невозможно. Возьмите, например, известную речь Хлодвига в битве при Цюльцихе в 496 г., когда франкам грозила гибель и когда

кунинг говорил, весь в страхе: «Иисусе, Ты, которого Кротекильда называет сыном Бога, Ты, который, сказывают, помогаешь находящимся в опасностях и даешь победу надеющимся на Тебя, зываю благоговейно к Твоей помощи. Если Ты поможешь мне победить врагов и если я испытаю на деле могущество Твое, которое испытывают народы Тебе верные, то я уверую в Тебя и приму крещение во имя Твое. Я зывал к моим богам, но вижу, что они не могут помочь мне; я убедился теперь, что они не имеют власти, потому что не помогают тем, кто им поклоняется. Теперь я зываю к Тебе и в Тебя хочу верить; только помоги мне одолеть моих врагов». При анализе первой части речи вы видите повторение известной молитвы, которую, конечно, язычник не мог выучить наизусть. Вторая часть естественнее, но подобная логичность речи в данном случае положительно неуместна. Скорее всего, Хлодвиг не говорил никакой речи, а если сказал несколько слов, то далеко не таких, которые просятся под перо классических историков. Так искусственно было позднейшее ораторство. Возьмем другую сцену из последней книги: Фредегонда в отчаянии; она с мужем сидит в скучном дворце около больных умирающих детей; тусклый огонь горит в очаге. Фредегонда, вспоминая свои злодеяния, кается. На королеву нашел, по мнению Тьерри, дар импровизации, присущий германским женщинам. Григорий будто записал в латинском переводе эту поэзию германской героини, только что кипевшей гневом и злобой. «Давно мы творим зло, и милосердие Божие нас терпит; часто оно карало нас болезнями и другими бедствиями, а мы все не исправились. И вот теряем сыновей наших... слышишь, их изводят слезы неимущих, жалобы вдовиц, вопли сирот, и нет нам надежды сохранить их. Мы стяжаем золото, не зная, для кого все это копим; теперь сокровища наши, полные мщения и проклятий, остаются без господина. Не полны разве были вином наши подвалы? Не ломались разве под пшеном наши житницы? Разве сундуки наши не были набиты золотом, серебром, камнями, ожерельями и всякими царскими уборами? И вот, что было у нас лучшего, — все теряем». Затем Фредегонда, в порыве кающейся грешницы, у одра умирающих сыновей, замаливает мир души их уничтожением тяжелых налогов. Но разве этот поэтический стон мог быть кем-нибудь записан, когда не было посторонних в пустом дворце? Разве епископ мог подслушать что-либо подобное? Но приведенное место — а

таковых много — в то же время служит доказательством высоко-го литературного значения творения Григория, которое, будучи единственным историческим трудом в том веке, возвышается на многих страницах до чистой поэзии. Григорий кончает свою историю 593 г. Он оставил свое отечество в состоянии некоторого покоя под властью Хильдеберта. В 594 г. он скончался.

Исидор Севильский (570—636). Далеко не столь интересны в литературном смысле труды историков вандалов, свевов и англосаксов. Один писал в VII, другой в VIII в. Исидор Севильский (*Isidorus Hispalemsis*), епископ, был ученым человеком своего времени. Он родился в Картахене, в Испании около 570 г., когда Григорий был в полной славе, а умер в 636 г. По происхождению он был грек. Как богослов, он после смерти Св. Леандра был избран на кафедру в Севилье. Вандалы разлились по полуострову; их опустошения вошли в поговорку. Исидор по отношению к ним находился в таком же положении, как Григорий к франкам. Он также был одним из покоренных, также принадлежал к богатой фамилии, также явился охранителем интересов церковных, в надежде церковью спасти от разгрома национальный элемент. Но он для католической церкви сделал больше Григория. Ему приписывают, хотя неверно, свод декреталий, давших такой авторитет папству. Еще больше он сделал для науки своей энциклопедией¹.

Беда Достопочтенный (673—731). Беда жил ровно столетием позже Григория. Вся его литературная деятельность прошла в том приходе, где он родился и умер. Кровный англосакс, он не покидал берегов Тайна.

Пресвитер большого монастыря на границах Шотландии, он написал до пятидесяти сочинений, за что получил имя «светоч церкви». Помимо своих заслуг в качестве историка англосаксов, он занимает известное место в истории еще потому, что первый внес деления в историю, исходя из основной идеи Евсевия. Таких эпох шесть: 1) от Адама до Ноя, 2) до Авраама, 3) до Давида, 4) до ассирийского пленения, 5) до Августа, 6) до Ираклия. Эта схема стала обязательной; она проведена в его «Хронике», доведенной до 726 г., произведении слабом, поверхностном, интересном толь-

¹ Труды Исидора: «Этимология», «Сентенции», «История готов». — Прим. ред.

ко своими периодами¹. Важнее другое сочинение: «Церковная история народа англов» от Цезаря до 731 г. Король Альфред перевел эту обширную историю на народный язык в X в. Как все национальные историки того времени, Беда писал в церковном духе. Тогда вообще историком мог быть только образованный монах или священник. Его интересы делались в его глазах народными. Это надо иметь в виду при оценке творений Беды.

Павел Диакон (720—790). Конечно, замечательнейшим из историков первого периода средних веков, сочинение которого продолжало оказывать влияние на историческое изложение до XV столетия, был Павел Диакон. Он не представляет собой великого таланта, дающего направление умам; он не внес нового как мыслитель в историю; его понимание истории не отличалось от взглядов предшествовавших и последующих писателей, но он остается тем не менее самым крупным представителем первого периода историографии, делая попытку возобновить античные приемы, хотя они значительно запоздали и не подходили к кругу понятий современников. Тем плодотворнее были эти попытки для последующего времени; потому-то Павел был всегда любимым историком. Недаром его главные произведения были известны в ста тридцати рукописях, из которых сохранилось сто пятнадцать; недаром он имел десять продолжателей и восемнадцать аббревиаторов. О нем писали менее, чем он заслуживает. Он сам рассказывает о своем происхождении в IV книге, 39 гл. «О деяниях лангобардов». Это место интересно с точки зрения приемов автора. У него склонность к записыванию легенд, что в сущности весьма ценно для нас.

Мы в мире наивных сказаний. Варвары сами, как видно, увлекались красотой и поэзией своей истории.

Прапрадед историка был одним из первых переселенцев в Италию; его сыновья были пленены аvaraми. Один из них, Лейпих, того же имени, как и отец, чудесным образом спасается из плена. Он знает, что его земляки в Италии, и пробирается на Запад; с ним немного провизии и лук с колчаном. Дорога была ему совсем незнакома; навстречу попался волк; он пошел за ним; волк сделался его проводником и спутником. Волк все бежал пе-

¹ Н. Розанов. Евсевий Памфил, М., 1881, с. 40—48, — разбор «Хроники», послужившей образцом для Беды.

ред ним, то озираясь назад, то останавливаясь, когда Лейпих хотел отдохнуть, и снова пускался вперед, когда тот вставал с места. Лейпих понял, что этот волк послан ему Богом указывать дорогу, которой он не знает. В продолжение многих дней они шли по диким горам; у путника закончился весь небольшой запас хлеба, но он, невзирая на это, долго продолжал свой путь с пустым желудком. Наконец, совершенно истощенный голодом, он решился натянуть лук и убить волка, чтобы его съесть. Но зверь уклонился от стрелы и исчез из глаз. Теперь Лейпих не знал, куда ему идти; голод отнял у него последние силы, так что он начал отчаиваться в своем спасении и, упав на землю, уснул. Во сне он увидел мужа, который сказал ему: «Проснись и иди туда, куда обращены ноги; там Италия, к которой ты стремишься». Лейпих тотчас встал, пошел в том направлении, которое ему было указано во время сна, и скоро достиг человеческого жилья. В том месте жили славяне (?). Его увидела одна старуха, которая сразу поняла, что беглец голоден. Побуждаемая состраданием, она спрятала его в своем доме и давала ему пищи понемногу, чтобы он, наевшись сразу, не умер. Так она поступала до той поры, пока не укрепились его прежние силы. Тогда она дала ему провизии на дорогу и сказала, в какую сторону он должен идти. Спустя несколько дней он прибыл в Италию и пришел к тому самому дому, в котором после родился Павел. Дом стоял без крыши, зарос тернием и кустарником. Лейпих все привел в порядок и на большом диком ясене, выросшем внутри стены, повесил свой колчан. От него вел свой род автор национальной истории лангобардов.

Вот прием изложения в рассказе о самой простой вещи. Автор умел сделать повествование интересным.

Павел родился в Аквилее, отчего его называют Аквилейским. Он учился при лангобардском дворе в Павии, тогдашнем Тикинуме. Все биографы с легкой руки Леони Марсикани в его Монтекассинской хронике (1, 15), приводят рассказ об отношениях Павла с королем Дезидерием и императором Карлом. Он будто по взятии Павии стал близким к императору лицом, потом изменил ему и вступил в заговор, был сослан на какой-то остров, бежал к герцогу Беневенто, потом поступил в монастырь. Из этого верно только одно, что Павел умер монахом Монтекассино, не дожив нескольких месяцев до 800 г., всегда оставаясь в лучших отношениях с Карлом Великим. Это последнее обстоятельство весьма

важно при ознакомлении с трудами историка. Их много. Он начал свою литературную деятельность с продолжения Евтропия (6 книг «Римской истории» вместе с 10 книгами Евтропия составляют 16 книг от Валента до Юстиниана). Для нас это ничтожная компиляция, но для средних веков труд, имевший огромную важность. Затем он написал: «*liber de epis. Mettensibus*», жизнь папы Григория I, беседы о Св. Бенедикте, «*Homiliatum*» для праздничных чтений, писал церковные гимны и между прочим в честь Иоанна Крестителя, послуживший своими инициалами для Гвидо д'Ареццо и его музыкальной гаммы: *Ut queant laxis — Mira gestorum — Solve polluti — Resonare fibris — Famuli tuorum — Labii reatum — Sancte Ioannes*. Главный его труд — продолжение римской истории: «История лангобардов» (568—741 гг.). У итальянцев, замечает Муратори, без него не было бы истории. Во многих изданиях, начиная с 1611 г., а также у Муратори прилагается также история короля Дезидерия, написанная очень торопливо с ошибкой в годе (723 вместо 774) плена Дезидерия, который называется *Dux Langobardorum* [герцог лангобардский]. Это сочинение не принадлежит Павлу, ибо из тридцати его сохранившихся рукописей находится только в одной. Павел пользовался народными преданиями и несохранившимся сочинением Секунда Тридентского, современника нашествия лангобардов на Италию. Критика упрекала Павла за легендарный характер его истории, но такое отношение было не вполне правильно. Дело в том, что он записывал все, что слышал по истории каждого народа, но из этого не следует, что он всему верил. Он сохранил драгоценный для нас колорит времени и места. Он не только рассказывает, но обобщает; у него везде обнаруживается связь с местными условиями. «Чем дальше от солнечного зноя на Север, — начинает он, — находится страна, чем суровее в ней зима, тем страна эта здоровее для человека и тем более приспособлена к разрастанию в ней народов. Напротив, всякая южная страна, чем она знойнее, тем в большей степени изобилует болезнями и тем менее способствует развитию человека. Этим объясняется то обстоятельство, что весьма многочисленные племена появились под северным небом и что страна, простирающаяся от Танаиса до солнечного заката, вся в совокупности называется одним именем, Германией; хотя отдельные местности носят особое название». Лангобардов (*Vinilorum*) он вы-

водит из Скандинавского острова, который «не столько расположен на море, сколько омывается морскими волнами по причине отлогости берегов своих». Когда население этого острова выросло в такой степени, что жить стадо невозможно, то, как говорят, оно все было разделено на три части и одна из них по жребию должна была оставить свое отечество и искать себе нового места (*sedes statuere*). Их вели два брата, Ибор и Айо, дети Гамбары, знаменитой ведуньи германского народа. На берегу океана, под выдающейся скалой есть пещера, где семь человек давно уже спят глубоким сном. Это римляне; они живы до сих пор. Их никто не смеет тронуть: руки отваливаются у дерзких; это, несомненно, христиане; те смертные, которые прикоснутся к ним, получают спасение. Эта вставка ведет за собой много других, но все они удачно между собой связаны. Переход сделан, например, к стране эскимосов (скритовины), через которую проходили лангобарды; говорится о морских пупах (водворотах), находящихся по ту и другую сторону Германии; сообщаются басни о Водане и Фрее объясняющие название лангобардов. Гамбара просит Фрею о помощи, которую та обещает оказать только тем, у кого длинные бороды. Но тут же оговорка: так прозвали их римляне. Затем следуют разного рода басни, как-то об ассиспитах, рассказ об амазонках с критикой его. Ламуссион, один из семи близнецов спасенный из болота, стал королем лангобардов после гибели Агельмунда; он победил булгар. Далее Павел изображает борьбу Альбоина с ругами и гепидами, его брак с Розамундой, дочерью короля гепидов; этим кончается первая книга. Во второй проведена связь с византийской историей по поводу приглашения Нарсеом лангобардов из Паннонии; следом за тем читаем описание чумы в Италии (гл. 4); в 14—24 главах описывается география Италии и нашествие лангобардов. Герои автора: Альбоин, Розамунда, Клев. В третьей книге перед нами византийский двор, Автарик, сын Клефа; Григорий Великий, борьба с франками, сватовство Теоделинды. В четвертой книге — принятие католицизма лангобардами при Агилульфе; Тассилон Баварский в борьбе со славянами; франки и Византия; Гримоальд; борьба с франками. Знаменательно окончание этого исторического труда. Финалом служит пророчество о падении лангобардов. «Лангобарды погибнут, — говорит автор, — когда падет церковь в честь Иоанна Крестителя, когда в ней заведутся порочные люди».

Мы видим, таким образом, что история Павла — составная. Ее характер эпизодический; народные сказания чередуются с записью событий по годам, которая во втором периоде средневековой историографии составляет вообще характерное явление.

Второй период

1. ЛАТИНСКИЕ ЛЕТОПИСИ И НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Эйнгард (†844). Империя Карла Великого была первой попыткой воскресить недавнее блестящее прошлое. Воспоминание о павшей Римской империи было столь впечатляющим, что не прошло и трех с половиной веков, как силами варваров эта империя была восстановлена. Идея шла из Рима, направляемая римскими епископами, которых варвары называли на испорченной латыни папами (т. е. отцами). Эти отцы нуждались в защитнике. Орудием явился Карл, кунинг франков. Из Павла Диакона мы видели, в каких неустановившихся отношениях находились франки к лангобардам. Первые сокрушили последних, руководимые гением Карла. Этот человек по справедливости получил имя Великого. Он принес с собой спокойствие измученному долгими терзаниями Западу. Этот воин, не умевший писать, обладал великим административным талантом и имел инстинктивную склонность ко всему духовному. Он устроил Палатинскую школу. Он был счастлив иметь талантливую историка, который стал его другом.

Настоящее франкское имя его было *Heingard*. Он был родом из Гессенской земли; родился около 770 г., когда Карл, правивший вместе с Карломаном с 768 г., уже имел известность как воин и дипломат. Один из его друзей, аббат в Гайхенау на Констанском озере, так записал главные события его жизни. Эйнгард родился в Восточной Франконии, в Майнцском округе и получил первое образование в знаменитом Фульдском монастыре. Когда Карл стал разыскивать во всех землях способных к учению мальчиков, то Фульдский аббат прислал ко двору Эйнгарда. «Здесь, — по словам летописца, — Эйнгард, несмотря на свою невзрачность, за свой ум и правдолюбие получил такую известность, что между всеми служителями короля не было ни одного, с кем этот могущественный государь был бы в более близ-

ких отношениях». Алкуин в 782 г. основал Палатинскую школу в нее и поступил мальчик на тринадцатом году. Он принялся за латынь, а равно и за другие необходимые науки. Здесь надо вспомнить существенные основы средневековой образованности. Обучение тогда заключалось в семи свободных искусствах: тривиуме и квадривиуме. Оно продолжалось долго. Известно что Боэций, этот посредник между древним и новым образованием, где-то у Соломона вычитал, что мудрость выстроила себе дом на семи столбах; отсюда, по его мнению, и *sapientia liberalium litterarum* должна иметь ту же основу: 1) грамматика, 2) риторика, 3) диалектика, 4) арифметика, 5) геометрия, 6) астрономия и 7) музыка¹. «Над ними, — говорит Алкуин, — потрудились все философы; ими они просветились, превзошли известностью царей и прославились навеки». — Какой практической цели служило тогдашнее знание? «Оно необходимо, — говорит Алкуин, — как опора веры для борьбы с ересями. Этими же науками защитники нашей католической веры одержали верх над всеми ересиархами. На вершине этого здания находится Священное Писание; вооружившись всеми знаниями, вы выступите после неодолимыми защитниками и утвердителями веры». С тех пор характер образованности стал безусловно клерикальным. Все ученые этой школы назывались схоластами. Именно таким было образование Эйнгарда; он остался при особе Карла. Он получил при дворе прозвище Веселиила, того библейского художника, о котором упоминает Моисей в 25 главе Исхода. Он руководил, кажется, общественными сооружениями и исполнял дипломатические поручения при папском дворе. Он близко сошелся с Людовиком и женился на дочери императора, Эмме. Тогда перед ним открылась блестящая политическая карьера. Но он вместо этого занялся историей своего времени. Он продолжал «*Annales Laurehamenses*» (Лорхские летописи), с 788 до 829 г., и вел их постепенно; период же с 741 по 788 г. он списал с прежней рукописи, как делали многие. Здесь нет заметного совершенствования в изложении и содержании летописей. Это хроника, написанная хорошим языком. Прославил Эйнгарда его труд о Карле Великом, к которому он приступил вскоре после смерти своего благодетеля. Он остался верен его памяти, привязавшись

¹ Семь свободных искусств. — Прим. ред.

к своему молодому государю родственными узами, будучи женат на его сестре. Он получил большие поместья в Германии — в Гессене и Майнцском округе. Мы не знаем, что было причиной отвращения Эйнгарда от светской жизни; это началось с 820 г. Есть указания, что его посещали видения. Он стал строить церкви, монастыри и в том числе аббатство на Майне, куда перенес мощи из Мюльгейма, назвав новое место Селиденштадт (недалеко от Дармштадта). Он здесь поселился навсегда с тем, чтобы стать монахом (в 830 г.). Очень может быть, что ссора в семействе Людовика Благочестивого, восстание детей против отца, — все это навело историка на грустные размышления. Он не развелся с женой, которая поселилась по соседству и относилась к мужу как сестра. Через шесть лет она умерла, а спустя восемь лет (844) скончался и историк, не принимая в последнее время участия в политических делах. Он проявил попытку, и притом с блестящим успехом, вернуться к античным приемам историографии в своей истории Карла, которая дошла до нас в шестидесяти рукописях, а древнейшее сказание от 821 г. имеется в каталоге аббатства Рейхенау. Он написал ее в 820 г. по образцу Светония, и по языку эта биография действительно напоминает римского историка.

Эйнгард начинает с горделиво высказанного убеждения, что никто, кроме него, не мог бы описать с такой достоверностью все пережитое им и познанное. Деяния Карла он считает великими и едва возможными для своего времени. Но он разъясняет свое пристрастие. «Карл так привязал меня к себе и сделал таким должником и при жизни и за могилой, что я справедливо был бы обвинен в неблагодарности и осужден, если бы позабыл все благодеяния, обошел молчанием все блестящие и знаменитые подвиги человека, сделавшего мне столько добра, как будто бы он никогда не существовал, как будто бы его жизнь не заслуживает ни литературных воспоминаний, ни похвального должного слова». Он сознается, что варвару, недостаточно владеющему латинской речью, слишком трудно браться за такую работу. Сам Цицерон затруднился бы в этом. Казалось, следует ждать восхвалений, но, начиная с четвертой главы, мы убеждаемся, что имеем дело со спокойным, беспристрастным писателем, чуждым увлечений даже при воспоминании о легендарных подвигах великого императора. Он не решается говорить ни о рождении, ни о детстве и отрочестве Карла, потому что для этого нет доста-

точных сведений. Обратим внимание на это обстоятельство: такое отношение поучительно и для современного историка. Поэтому он начинает прямо с указания на войны, которые не описывает подробно, а только отмечает, заявляя, что будет избегать обозрения внешних событий и остановится на внутренних фактах истории Карла по следующему плану: «Я начну с его внутренней и внешней деятельности, скажу о характере и наклонностях, об управлении и смерти, не опуская в своем повествовании ничего, что заслуживает быть известным и что необходимо знать». У Эйнгарда есть в двенадцатой главе упоминание о славянах. «Славяне по-нашему называются вильцы, по-своему велатабы. В этом походе, в числе прочих народов, следовавших по приказу за королевскими знаменами, участвовали и саксы в качестве союзников, хотя и с притворной, мало искренней покорностью. Причина войны заключалась в том, что ободриты, некогда союзники франков, оскорбляли их непрерывными набегами, которые не могли быть прекращены одними приказами. От Западного океана тянется на Восток залив, длина которого неизвестна, а ширина нигде не превышает ста тысяч шагов, а во многих местах еще уже. По берегам этого залива живет множество народцев, а именно даны, свеоны, которых мы называем норманнами. Они занимают северный берег и все земли по его протяжению. Восточный берег населяют славяне, эсты¹ и другие различные народы. Между ними первое место занимают велатабы, которым в то время король объявил войну. В один поход, предводительствуя лично войском, Карл так поразил и укротил их, что они перестали отказываться от повиновения». Еще раз в пятнадцатой главе упоминается о славянских племенах в Германии между Рейном и Вислой, Океаном и Дунаем: велатабах, сорабах, богемцах, абодритах. У Эйнгарда есть несообразности: так, по главе двадцать пятой, Карл не умел писать, а по главе двадцать девятой он участвует в составлении грамматики родного языка. В тридцати трех главах «биографии» личность Карла выступает так же рельефно, как в эпосе о Роланде. В этом художественном историке везде видно чувство меры, как и его критика сведений или, точнее, сильное стремление к ней.

¹ См. *Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии, гл. 45, об эстиях (*Aestiorum dentes*).

Тот же интерес, но с перевесом фантазии наблюдаем у Сан-Галленского летописца. Автор неизвестен; он жил при дворе Карла Толстого (около 880 г.) и изобразил деяния Великого Карла в трех книгах: в первой — предисловие, церковные дела, образование; во второй — войны. Третья же, едва ли не самая интересная книга, где была изображена частная жизнь Карла, утеряна, как и предисловие.

Король Альфред (849—900). В XI в. образ Карла принимает уже фантастический характер; историки Карла этого периода были одновременно и поэтами. В Эйнгарде мы видим весьма интересную, единичную, но удавшуюся попытку вернуться к классическим образцам. Этот счастливый почин, к сожалению, не повторялся из-за несоответствующих ему условий. А эти условия были в высшей степени неблагоприятны для развития литературы и образованности. С распадом империи Карла Великого на части, которые в свою очередь тоже дробились, настало торжество одной грубой силы. Тут было не до литературных занятий. К ним не могли питать никакого интереса люди, думавшие только о военных подвигах. Монахи, которые только одни могли, казалось, записывать дела прошлого, стали воинами. Тем ценнее исключения, особенно если таковые относятся к тем властителям, которые среди дел правления находили в ту смутную пору время заниматься литературой и историей. Таким историком-правителем был король Альфред (849—900), как после император Константин VII (905—959), Альфонс III Арагонский († 1291) и дож Андреа Дандоло († 1350). Таким образом, из четырех историков-государей двое принадлежали темным векам, тогда как всего в IX—X веках на Западе едва можно насчитать двадцать летописцев. Заслуга Альфреда тем более велика, что он первый обратился к народному языку, пробовав перевести на англосаксонский Орозия и Беду и на родном же языке описав свои путешествия. Он заслужил в глазах современников титул Великого за энергичную борьбу с язычниками, за мудрость правления.

Ассерий (†910). Его историком был епископ шербурнский Ассерий (*Menevensis*), который описал похвальным тоном его жизнь и подвиги (до 887). Это описание могут заподозрить в пристрастности, но надо помнить, что Ассерий был из бриттов. Альфред родился спустя пятнадцать лет после смерти Эйнгарда. Он был сыном Этельвульда и Осбурги. Он учился с замечательной охотой;

матери он обязан лучшими сторонами своей литературной деятельности. Его биограф жалеет о недостатке учителей. Свидетельство драгоценное: это сознание целей и потребности в литературе. «К числу главных препятствий и неудач в своей жизни, на которые король жаловался весьма часто, вздыхая из глубины сердца, он относит именно то обстоятельство, что в то время, когда он имел и надлежащий возраст, и досуг, и свежие способности, у него не было учителей. После же, повзрослев, он не мог опять заниматься по причине болезней, против которых не знали средств врачи целого острова, а также из-за внутренних и внешних забот, сопряженных с верховной властью, а равно вследствие вторжения язычников с суши и с моря, что заставляло отчасти рассеяться его учителей и учеников. Но при всем том, несмотря на различные препятствия, с детства и до настоящего дня, даже, думаю, в конце своей жизни, он сохранил ту ненасытную жажду к науке, которую не оставлял прежде и которую не переставал обнаруживать по сии дни». Его борьба с норманнами должна бы сделать его популярным, особенно после победы при Сванвиче (в Девоншире). Но случилось не так, меры короля по отношению к народу не только лишили его желательной поддержки, но даже вызвали волнение среди подданных. Альфред бежал и скрывался в пастушеских хижинах. Но потом счастье вновь повернулось к нему; он изменился в отношении к подданным и приобрел широкую популярность. Историко-литературное значение его деятельности заключается в переводах. К сожалению, его приемы не вызвали подражания. Они имели некоторый смысл, так как популяризировали историю.

Анастасий (†880?). Латинский язык во втором периоде одолевал национальные попытки. Это мы видим в папских биографиях библиотекаря Анастасия в стиле Светония. Он имел обширный материал в папском архиве для своей «Жизни римских понтификов». Этот труд продолжал библиотекарь ватиканский Вильгельм с «жизни» папы Николая I до Стефана VI, Пандольфо Пизанский от Григория VII до Гонория II. Обыкновенно все эти своды цитируют под именем Анастасия; даже Бароний в своей знаменитой церковной истории приписывал ему одному все позднейшие биографии¹. Роза в своем сочинении по историографии высоко ставит

¹ Mog. 1602. Paris, 1718—1735, *Muratorii*, III с продолжением до Иоанна XXII, Paris, 1649, Ven. 1729, *Migne*; I, 127—129.

Анастасия, считая его компиляцию самым существенным из трудов по церковной истории и лучшим (?!) подарком истории цивилизации после Аммиана Марцелина.

Нитгард (†858) и Регино (†916). Затем историография начинает мало-помалу удаляться от образцов, завещанных древностью и Эйнгардом. Это отчетливо наблюдается на графе Нитгарде, Регино и Флодоарде.

Первый был автором четырех книг. Внук Карла Великого, сын его дочери Берты, он был близок к королевскому дому и под конец жизни постригся в монахи, подобно Эйнгарду. Он умер от раны, полученной в сражении с норманнами. Будучи мирянином, он, по счастливому, но редкому исключению описал время с 814 по 843 г. История, написанная им по приказанию Карла Лысого, его двоюродного брата, носит пристрастный характер; она посвящена описанию раздоров в семье Людовика Благочестивого. Наука много обязана ему за помещение подлинной клятвы братьев в Страсбурге. Мы не останавливаемся на Нитгарде ввиду специального характера его труда.

Что касается Регино, то у него явно просматривается клерикальное направление: он без надобности сыплет библейскими текстами. Родом из Мангейма, он был аббатом Прюма близ Трира. Оставив монастырь, он умер в Трире в 915 г. Это первый летописец в пределах нынешней Германии. Его «Деяния франкских королей» доведены до 907 г., а хроника от 855 до 870 г. Последний труд — компиляция. Регино близко знал Лотаря II и сына последнего Гуго, который умер в его монастыре. Он пользуется документами, что очень важно, но пестрит отступлениями — манера, которой после следовали очень усердно. Между тем в хронологических данных частые ошибки. Это первая летопись, написанная на немецкой почве. Автор говорит между прочим так о папе Николае I: «Со времени блаженного Григория I и до настоящего дня не было ни одного епископа из всех возводимых в Риме в это достоинство, который мог бы сравниться с ним. Он держал в руках королей и тиранов, тяготев над ними своей властью, так что казался владыкой вселенной. С кроткими и богобоязненными епископами он был приветлив, ласков и мягок, а с нечестивыми и сбившимися с истинного пути грозен и строг, так что можно было справедливо подумать, что в нем воскрес второй Илия нашего времени, если не по плоти, то по его духу и добродетели».

Флодоард (894—966). Флодоард, реймский священник, продолжатель Григория, наоборот, отличается талантливостью изложения, ибо у других литературные приемы отходили тогда на задний план. Флодоард пишет латинскую поэму в стихах. Его «История Реймской церкви, ее пастырей и мучеников» — в девяти книгах от 593 до 948 г. Основная мысль — показать возрастающее торжество христианства. Все факты подводятся к тому. Не следует думать, чтобы его сочинение было поэтическим творением. Надо помнить то, что у автора было сильное желание изукрасить события и живописать их. При пользовании требуется осторожность; сцена крещения Хлодвига приукрашена. Теперь история на Западе становится летописью в ее узком смысле. Отныне будет важен материал, а не внешняя сторона, не поучительный дух произведения.

Лиутпранд (929—972). Первое место среди историков второй половины X в., принадлежит Лиутпранду. Его официальное положение обеспечивало его материалами для трудов. Лиутпранд, епископ Кремоны, писал в 959 г. свое «Воздаяние» в шести книгах. Это именно «Воздаяние», направленное против Беренгария I, короля Италии, который прогнал его от себя. Он же начал писать, но не кончил «Деяния Оттона Великого», что имеет связь с его главным произведением и что составило бы его седьмую книгу. Само «Воздаяние» есть обширное, чопорное, холодное, с претензией написанное, но тщательно отделанное «обличение». Насколько пристрастен автор, видно из его предисловия к «Воздаянию»: «Цель моего труда состоит в том, чтобы отметить, назвать и доказать дела, совершенные Беренгарием I, который не правит, а тиранствует в Италии. Я, мой дом, родные и семейство были незаслуженно поражены им — и копьем клеветы, и разграблением, и поруганием в такой степени, что не может ни язык выразить, ни перо описать. Да послужат, таким образом, настоящие страницы воздаянием. За свои страдания я обнажу и перед современниками, и перед грядущим потомством безбожие этих асеевиан. Но мой труд будет в то же время воздаянием людям блаженным и благоговейным за оказанные ими мне (!) услуги». Судите сами об исторической правде такого произведения. Во всяком случае оно важно для характеристики нравов и, несмотря на летописный характер, выделяется в литературном отношении. Всяду видно подражание комментариям Цезаря.

Видукинд (†973). В то же время Видукинд сделал попытку написать историю саксов в трех книгах (919—973), посвященную дочери Оттона I Матильде, аббатисе Кведлинбургской. Он был одним из побежденных, на котором лежала обязанность сохранить в памяти подвиги своего народа. Это небольшое произведение, ценное первой книгой, в которую вошли без разбора легенды, иногда затемняющие смысл. Такое объективное отношение автора к прошлому очень редко. Он сознается, что имеет в виду прославление своего племени и народа, хотя многое приводит только для интереса. Так, он пишет: «Мнения о происхождении саксов различны: одни думают, что саксы происходят от датчан и норманнов, другие производят их род от греков. В молодости кто-то хвастался передо мной на этот счет, что сами греки будто предполагают в саксах остатки македонского войска, следовавшего за Александром Великим, а после его смерти рассеявшегося по всему лицу земному. Несомненно лишь то, что это было древнее благородное племя, о котором упоминается в речи Агриппы у Иосифа со ссылкой на поэта Лукана». У автора пристрастие к саксонской династии. Он сожалеет, что не может изложить все подвиги Генриха I и Оттона I, и потому старается делать выбор, соблюдая только связь, чтобы представить читателю рассказ легкий и отчетливый.

Титмар (976—1018). Для нас имеет особенное значение хроника Титмара, епископа Мерзебургского. Нельзя изучать историю славянства без его труда. Немец по происхождению, из графского рода Вальдеков, родственного Саксонской династии, он в прошлом своего дома находил предания об упорной борьбе со славянами. Отец, напуганный видением, предназначил сына на службу церкви с семнадцатилетнего возраста. В 1009 г. он был назначен с согласия Генриха одиннадцатым епископом Мерзебурга и продолжал все время поддерживать с императором дружественные отношения. Это и понятно, если припомнить, что будущий историк приходился двоюродным племянником как Оттону I, так и Генриху II. Но этот чужеземец, представитель враждебного племени, оказал великие услуги славянской историографии; без него мы знали бы слишком немного. Он переживал сам интересные моменты борьбы славян с немцами за независимость и изложил нам ее, пользуясь выгодами своего положения — общественного и местного. В Мерзебурге жило много участников похода, от

которых и было возможно узнать всякие подробности, занесенные автором в рассказ о походах в славянские земли. Титмар был епископом девять лет и умер на кафедре, имея только сорок два года от роду. Он может считаться продолжателем Видукинда, который остановился на 977 г., начав изложение с 908 г. Для первых двадцати лет хроники Титмар пользуется рассказами, но весь интерес того времени сосредоточивается на славянских войнах, а в этом отношении Титмар может служить авторитетом. Конечно, он и тут говорит со слухов, но сообщения его тем не менее заслуживают весьма серьезного внимания.

Сам Титмар не был в славянских землях, потому не чужд промахов. Вот пример: «В Польше, — говорит он, — много разных обычаев; хотя они и суровы, но иногда заслуживают одобрения. Этим народом без суровых наказаний нельзя управлять. Поляков следует пасти, как быков, и исправлять, как ленивых ослов. Если кто развратит там чужую жену или будет жить развратно, то подвергается следующему наказанию: его ведут на рынок к лобному месту, кладут подле него нож и предлагают на выбор: оскотиться или умереть. Если кого-нибудь обличат в употреблении мяса во время великого поста, того наказывают вырыванием зубов. Христианство, недавно проникшее в эти страны, лучше укрепляется таким законом, чем наложенным церковью постом. Во времена язычества каждая жена во время сожжения праха умершего мужа подвергалась смерти». Если последнее сообщение верно, то достоверность двух первых подлежит большому сомнению. Мы говорили, что Титмар сокращает Видукинда, хотя не называет свой первоисточник; сокращение это не совсем удачно. Обстоятельный анализ проф. Фортинского таков. Титмар взял: II, 1—2 из II кн. Видукинда; II, 3 из II, 9—43; III, 4 из II, 44—49; III, 6 из 50—58; III, 9 из 66—72. Вместе с верными фактами, приводимыми Видукиндом, Титмар без всякого стеснения берет его ошибочные сообщения. Лучшее доказательство — буквальный перечень покоренных Генрихом племен, сообщаемый Видукиндом и Титмаром. С III книги идут Кведлинбургские анналы. В IV — время Оттона III. В III и IV кн. летописные приемы, допускающие последовательное изложение не только того, что действительно важно, а всего того, что кажется таковым. С V книги начинается самостоятельный рассказ Титмара о времени Генриха II до 1002 г., VI — до 1014 г., VII — до 1017 г., в VIII книге

описываются 1017 и 1018 годы. Титмар — тип хорошего средневекового летописца со всеми его особенностями; он прежде всего суеверен. Сновидения, пророчества, чудеса всякого рода — все это составляет пеструю смесь. Его, неизвестно кто, укоряет во сне за всякую ошибку; его судьбу определяют сны; треск дерева заставляет его ждать чьей-либо смерти. «Так как всемогущий Бог часто удостоивает посещать и утешать слабых людей, то следует устами и пером возвещать об этом потомкам, дабы прославилось имя Божие». Такова же обычная черта — иноческое самоунижение, например, в таких словах: «Я человек грешный; будучи небрежен во всем, я чужд был добра и преуспевал во зле; позднее увидел я, что есть нечто лучшее». Это общее свойство средневековых летописцев. Особенное же значение Титмар имеет для славянского мира. Он знает всех славян: полабов, чехов, поляков и русских, т. е. народы за Лабой. Титмар — один из немногих западных хронистов, упоминающий о русских. Он замечает между прочим, что Болеслав, король польский, боролся с русскими, потому что они помогали немцам. *Russi* живут на границе Пруссии и Польши; Киев их главный город; в Киеве насчитывается четыреста церквей и восемь рынков. Титмар путается в именах: жену Владимира называет Еленой вместо Анны. Болеслав Храбрый, тесть Святополка, поссорившись с Ярославом из-за зятя, штурмует и берет Киев, добывая себе невесту, сестру Ярослава; Титмар не упоминает, что после все поляки были перерезаны в Киеве. О братоубийстве Святополка¹ Титмар ничего не знает; он указывает, что все три брата разделили между собой владения отца.

Гельмольд (ок. 1125 — после 1177). Последователем Титмара был Гельмольд, живший в следующем столетии. Он был священником в Бозове, на славянских землях, и видел распространение католичества в славянском мире после долгой борьбы.

Тогда славян уже перестали бояться: они сами были предметом нападений и терпели поражения. Гельмольд выше Титмара как писатель. Его язык чистый, изложение занимательное. Две книги «Славянской хроники» начинаются с обращения славян в христианство и доведены до 1171 г. Автор — немец, но он непо-

¹ Речь идет об убийстве Бориса и Глеба; участие Святополка в этом деле некоторые историки в настоящее время подвергают сомнению. — *Прим. ред.*

средственно сосредоточился на славянском мире и изучает его с любовью. Он смотрит на свой труд, как на дань Любекской церкви за ее благодеяния, потому и описывает обращение славянского народа, «дабы изобразить, трудами каких государей и каких ревностных проповедников была первоначально насаждена христианская вера и потом снова восстановлена». Он сознает важность умственных занятий. *«Если бы среди мрака этого мира не блистал луч науки, то все покрылось бы ночью. Достойны порицания те, которые замкнули свои уста и предались скользкой суете мира сего. При помощи Божией я решился описать верно все, что случилось в наше время, или что я слышал от старожил, или сам видел, причем поздние годы должны быть описаны подробнее».*

Козьма Пражский (1045—1126). Козьма имеет значение не столько в историографии германской, сколько в историографии славянской. В этом последнем смысле оно сосредоточивается на чехах. Его сочинение, называемое «Три книги Богемской хроники», излагает судьбы Чехии и Моравии за 1039—1092 гг. В первой книге — общее обозрение до времени старшего Бретислава; во второй рассказывается о замыслах старшего Бретислава отомстить полякам за обиды, нанесенные ими чехам, приведение их замыслов в исполнение, разрушение чехами Кракова и других польских городов и крепостей, возвращение в Чехию, вмешательство германского императора, который потребовал возвращения полякам похищенных сокровищ, походы его на чехов в союзе с саксонским герцогом, причем тевтонская гордость сказалась в следующих словах императора: «Хотя бы чехи построили стены выше леса, хотя бы подняли башни до небес — не спасутся; как напрасно бросается сеть перед глазами пернатых, так нисколько не опасны для тевтонов засады чехов. Даже если бы они поднялись выше облаков и заключились между светилами небесными, все это нисколько бы не помогло погибшему и несчастному народу». Так сказал цезарь и велел всем вместе напасть на лес, а сам, опережая их, взошел на высокую гору, находившуюся среди леса и, сидя там на треножнике, говорил стоящим перед ним вельможам всего государства: «В этой долине скрывается робкая толпа богемцев, как полевая мышь в своей норе. Сражение не будет для вас трудным... Спуститесь вниз, и враги сами разбегутся от страха, так как не могут вынести вашего нападения. Идите, соколы,

ловите боязливых голубей; идите, как свирепые львы, как волки, которые, в то время как вторгаются в стада овец, не заботятся о числе, и если не всем стадом овец овладевают, то по крайней мере умерщвленной добычей». Затем (I, 10) дается живописное описание сражения, напоминающее поэтические места нашего «Слова о полку Игореве». «Блещут копья высокие, как прозрачный лес, солнце сияет на оружии, отражаясь на зеленых ветвях леса и горных вершинах. Войско сходит с горы, но никого не находит, — здесь и там стоят густые и непроницаемые леса, и, как обыкновенно бывает во всяком сражении, — задние ряды невольно вгоняют передние в сражение, — так и теперь утомленные предводители по причине напора задних рядов принуждены перейти другую гору. По причине нестерпимого зноя и невыносимой жажды язык прилипает к гортани, силы истощаются, сами руки слабеют, вырываются болезненные вздохи из груди; однако воины не смеют остановиться. Иные бросили на щиты свои панцири, другие стоят, прислонившись к деревьям, тщетно домогаясь прозрачных сокровищ, иные занемогли, как бы обезглавленные, особенно тучные и непривычные к пути в пешем вооружении. Когда приблизились к укреплению, оттуда раздался крик; над лесом расстилался, подобно облакам, пар, вышедший из утомленных тел тевтонских воинов. Видя это, богемцы на короткое время замедлили, но тотчас, как только поняли, что у тех недостает сил, смело выскочили из укрепления. Непобедимая сестра фортуны Беллона дала им смелость. О, счастливая Фортуна! Ты не всегда добрая, и теперь на нетвердой колеснице низвергаешь тевтонов в преисподнюю. Вот железные копыта скачущих коней обезображивают лица счастливых мужей; конь своей ногой яростно сокрушает животы и чресла, украшенные червлеными поясами, и растаскивает внутренности, как и внешнюю перевязь голени. Такого поражения не было ни от моровой язвы, ни от меча неприятельского. Между тем Цезарь сидит на вершине горы, обманутый своими пророчествами и ожиданием».

Несмотря на эту победу, дела чехов не поправились. Страна заплатила контрибуцию — прежнюю дань с недоимками. Бретислав возвращает Польше отнятые у нее города с обязательством уплаты ему 500 марок серебром и 30 золотых. Ему наследует Спитигнев, при котором были изгнаны все иностранцы, а в том числе его мать, аббатиса. Много места занимает поход в Мо-

равнию, изгнание брата Бретислава, который после стал его преемником, правление Бретислава, борьба его с князем и епископом Яромиром, стремление последнего подчинить моравскую церковь. Свекровь примиряет братьев Бретислава и Конрада, который делается королем, но правит недолго; ему наследует Бретислав младший. О самих чехах автор говорит мало. Во всех трех книгах виден клерикальный взгляд на события; чудодейства — любимый прием толкования. Темницы отмыкаются, и узники освобождаются благодаря заступничеству патронов Адальберта и Вячеслава, а раздоры членов герцогской фамилии объясняются кознями дьявола. В третьей книге говорится о Бретиславе II младшем, как он выгнал всех магов, гадателей и прорицателей, как во многих местах срубил и сжег деревья и рощи, почитаемые невежественным народом. Крестьяне, остававшиеся полуязычниками, на третий или четвертый день Троицыной недели отправляли некоторые суеверные обряды: совершали возлияние над источниками, закалывали животных и приносили их в жертву демонам, «своих покойников хоронили в лесу и на поле по языческому обычаю, на перекрестке двух или трех дорог ставили пищу будто для подкрепления душ усопших, в честь своих умерших также упражнялись в мирских играх, причем призывали тени покойников и надев на себя маски, бражничали»¹. Все это будто Бретислав прекратил навсегда (!).

Участие чехов в судьбах Священной Римской империи, как составной части ее, видно из этой же главы под 1094 г. Затем следует описание борьбы с моравами. Достоверно описана смерть Бретислава на охоте, борьба из-за престола. Затем выведены Боривой польский и Владислав чешский, смертью которого (1125) кончается история Козьмы.

Национальная летопись. Мы наблюдали в средневековой летописи стремление сосредоточиться на истории какого-либо одного народа и страны, но это стремление не носило в себе еще национального смысла, пока выражалось на латинском языке. Мы видели, как Гельмольд писал о славянах по-латыни с немецкой враждебной точки зрения: затем Козьма, будучи славянином, по-латыни же писал историю чехов. Но могла ли последняя пробудить патриотические стремления, если не была понятна

¹ *Пражский Козьма*. Богемская хроника, III, 1.

читателю, не знавшему по-латыни? Замечательно, что с упрочением произведений распространяется гражданское чувство и обратно; таким образом, исторические творения служат отражением политического и гражданского состояния народа. Потому в странах, где рано проявилась цивилизация с известной степенью государственного развития, скорее возникают попытки летописи на родном языке, в свою очередь укрепляющие национальное чувство. Такой страной была Италия. Но и здесь, до появления итальянской летописи, историография является в латинской форме, притом непременно с гражданским характером.

Каффаро (1030—1164). Первым явлением в этом роде была летопись Каффаро Генуэзского, современника нашего Нестора. Он был консулом в своем родном городе около 1122 г. Еще юношей в 1100 г. он участвовал на генуэзском корабле в крестовом походе и был при взятии Кесарии в Палестине. Если генуэзцы давали свои корабли крестоносцам, то с прямым расчетом получить непосредственные выгоды от перевозки, а вместе с тем завести прямые торговые сношения. Тогда их флот плавал до Черного и Азовского морей, где издавна были генуэзские колонии, послужившие предметом весьма важных исследований позднейшего времени. После первого крестового похода генуэзское правительство поручило Каффаро описать его путешествие на латинском языке, который был официальным в сенате и на котором велись тогда протоколы и составлялись акты, Каффаро описал события 1100—1163 г. в «Генуэзских анналах». Это и есть первая книга этих летописей — произведения весьма важного и содержательного¹. Следующие книги ответственно продолжали: Оберто, Оттобан, Оджеро, Марчисио, Бартоломео, Пиньоле, Гуэрцио, Якобо де Аурия и другие, всего десять книг до 1293 г. Это тип государственной летописи. Автор, написавший ее, сознает высокое значение своего города, видит патриотический завет и призвание Генуи в защите всего моря между устьем Роны и Барселоной, которая принадлежала также генуэзцам. Везде слышен гордый римский тон; горделивое сознание превосходства, здравый смысл и практический взгляд на вещи, качества вообще свойственные итальянским историческим произведениям, присущи и труду Каффаро. Каждый город имел свою летопись, потому что

¹ *Muratori*, VI, 247—610, *Pertz*, XVIII.

имел особую политическую жизнь, но видная роль Генуи требовала соответственного подъема таланта у историка.

Виллардуэн (1203). Эти официальные истории городов написаны по-латыни. Первая вполне национальная попытка сказалась на Юге, в тогдашнем королевстве обеих Сицилий, в хронике Спинелли, относящейся ко второй половине XIII в., о которой будем говорить после. Еще ранее того опыт национальной истории наблюдаем в хронике «Истории завоевания Константинополя»¹. Это произведение большой исторической важности. Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампанский, был участником IV крестового похода, который так горько обманул ожидания благочестивых людей в Европе, ознаменовав собой подрыв верований и ослабление энтузиазма крестоносцев. Собрав сколько можно было крестоносцев, французских и итальянских, их вожди, частично направляемые дожем Венеции Дандоло, заставили воинов действовать во имя совсем других интересов, чуждых прямой цели похода. Их обратили «в ребят, над которыми посмеялись», но которые, однако, продолжали наивно думать, что они служат святому делу. Совершился дерзкий обман; греков с их православием выдавали за более нечестивых, чем были сами мусульмане. Когда требовалось взять Византию, как легкую добычу, раздираемую междоусобицами ее властителей, дож и само католическое духовенство выставляли византийцев не врагами Венеции, а еретиками и врагами всего Запада. Этим прониклись даже такие сравнительно культурные люди, к числу которых принадлежал Виллардуэн. Своей французской летописью, — древнейшим памятником романской письменности валлонского языка, — на котором лишь незадолго до этого появились стихотворные произведения, Виллардуэн и его продолжатель Анри де Валансьен, верно изображают картину феодальных отношений вообще за 1198—1205 годы и попытки провести западные военные формы на Востоке. Виллардуэн весьма односторонен; он не смотрит дальше своего времени, ничего нового не вносит, но его наивность имеет особую цену. Он не скрывает венецианских хитростей, видит интригу насквозь, но из сильного недоверия к грекам относится к ним ничем не лучше, как к мусульманам, до которых ему не удалось добраться. После завоевания Восточной

¹ *Poujoulat*, Par. 1585, Lyon 1601, Par. 1657.

империи Виллардуэн получил удел в Морее, как и все другие¹. Им начинается национальная историография. Его пример нашел живую поддержку через несколько десятков лет в Неаполе и во Франции; затем эти примеры станут повторяться чаще.

Спинелли (1230—1270). Маттео Спинелли² написал заметки о последних Гогенштауфенах в Италии, о борьбе Фридриха II с папой Иннокентием IV, о несчастном Манфреде, о его борьбе с Карлом Анжуйским, о победе последнего при Беневенто.

Неаполитанские события имели европейское значение. Они сказались в истории Европы. Необходимо помнить, какую роль вообще играло королевство обеих Сицилий со своим государственным строем. Здесь рано водворилась монархия; Фридрих II развил ее силы, и его влияние в Европе было, несомненно, велико, так что формы неограниченной абсолютной монархии могли быть водворены в империи. На родном языке Спинелли свободнее высказывает свои взгляды, чем другой на латинском; но это даже не итальянский язык, а неаполитанское старое наречие. Потому сочинение имело популярность в народе.

Жуанвиль (1224—1318). Тогда же сражался в Египте вместе с Людовиком IX его друг и рыцарь Жан де Жуанвиль, описавший жизнь святого короля в «Истории Людовика IX Святого, короля Франции этого имени»³. Это капитальное произведение средних веков. Здесь история двух походов Людовика IX на Восток; в одном несчастный король был пленен, в другом умер. Но важно не описание, хотя оно отличается даже поэтическими достоинствами. Жуанвиль представляет свое время. Вся эпоха, в которую завершился расцвет средних веков, восстает перед нами. Жуанвиль, происходивший из одной знатной фамилии в Шампани, относился к современному ему клерикальному миру с несочувствием, которое мало-помалу перешло в апатию, насмешку, даже издевательство над церковными идеалами. Надо заметить,

¹ После завоевания Константинополя в европейской части Византии образовалась Латинская империя, просуществовавшая до 1261 г., в восточной части — Никейская и Трапезундская империи. — *Прим. ред.*

² «*Duirnali di messer Matteo Spinello di Giovenazzo dell'anno 1247—1268*». *Muratori*, VII, 1055—1108.

³ «*Histoire de S. Louys IX du nom, roy de France*». *Perre de Rieux*. Poitiers, 1546—1561.

что Жуанвиль получил воспитание при дворе Тибо, графа Шампанского, которого часто навещали провансальские трубадуры, певшие канцоны и сирвенты, направленные против католического духовенства. Это одно должно было поколебать Жуанвиля. Здесь он заразился скептицизмом, который виден в его истории и знаменует наставшую тогда перемену в мировоззрении. Жуанвиль не раз препирался с докторами Сорбонны и смущал своим легкомыслием благочестивого короля. Однажды между королем и Жуанвилем зашел разговор о том, что ужаснее: совершить ли смертный грех или перенести проказу... «Я, — иронизирует Жуанвиль, — сказал, что готов бы совершить десяток смертных грехов, чем заболеть проказой». «Нет такой проказы, — обиженно заметил король, — которая бы сравнялась с одним смертным грехом».

В 1245 г. заговорили о крестовом походе. Жуанвиль был уже женат, хотя еще очень молод. Он стал собирать своих слуг и вассалов в помощь королю, замечая, что делает это не из желания помогать пилигримам, а по долгу верности королю. «Не благородно сидеть рыцарю дома, когда король собирается на войну за общее дело». И он собрался, приказав аббату отслужить за него панихиду на всякий случай. Жуанвиль острит над своим положением, и улыбка не покидает этого веселого рыцаря при самых затруднительных обстоятельствах. Когда бедствия крестоносцев в Египте достигли высшей степени и христиане готовились к смерти, Жуанвиль простодушно сознается, что не мог вспомнить ни одного греха, когда хотел принести покаяние. Напуганный неудачей первого похода, Жуанвиль не пошел во второй. В 1315 г., незадолго до своей смерти, уже написав свои записки, он поднял оружие против правительства за налоги, назначенные на рыцарей. Он не примирился к требованиям государственного порядка, отличался свободным взглядом на вопросы веры и на идеи морали. Его историю сравнивают с «Музами» («Историей») Геродота. Для этого есть основания. Спокойный, наивный стиль напоминает античные приемы, а поэтическое воодушевление придает занимательность этому несомненно блестящему произведению средневековой историографии.

Матвей Парижский († 1259). Если с развитием средневековой историографии появлялись произведения, имевшие целью сосредоточиться на изучении одной страны и одного племени с

исключительным характером, то в числе их были такие весьма важные исторические труды, которые под предлогом описания истории одной страны обзревали историческую жизнь всей Западной и даже Восточной Европы. Это обуславливалось положением тогдашнего политического мира. С закреплением папской власти образовался центр, вокруг которого стала вращаться средневековая история, что придавало ей особый, весьма оригинальный характер и содержание. Теократия и корпоративность — две ее характерные черты. В середине XIII столетия сформировалось в высшей степени важное явление в истории средних веков. Решительная победа теократического начала над светской властью была вместе с тем проявлением нарушения правильного равновесия средневековой жизни. После гегемонии Иннокентия III папская сила еще могла развиваться, питаясь борьбой с империей, но когда Иннокентий IV сокрушил дом Гогенштауфенов, когда Фридрих II признал себя побежденным, а Манфред и Конрадин погибли в бесплодной борьбе, — папское могущество, дойдя до апогея, стало злоупотреблять своим блестящим положением, потеряло авторитет, придававший ему обаяние, и стало клониться к закату. Оно не могло удержаться на своей высшей точке; оно могло расти или падать. Так как дальше идти было нельзя, то оно пало — и это падение шло со страшной скоростью. Сила, которую, казалось, ничто не могло сокрушить после прежнего обаяния, даже была опозорена, унижена в глазах толпы и общественного мнения Запада, когда разыгралась трагическая история Бонифация VIII.

1250 год — высшая точка папского могущества.

Вся история второй половины XIII в. есть эпоха постепенного, хотя мало заметного падения папства. Но до 1250 г. папство жило богатой исторической жизнью. Ее мог близко наблюдать историк, на котором мы должны остановить наше внимание. Это был монах Матвей Парижский, по имени университета, в котором он учился. Он был родом из Англии, но духовное образование сделало его космополитом. Сами современники затрудняются определить, бы ли он по происхождению из англичан, французов или ирландцев; это и не важно. В 1217 г. он, после пребывания в Париже, еще будучи студентом, был посвящен в иночество в монастыре Сент-Альбан, где продолжал заниматься наукой, обращая на себя внимание ученостью, искусством каллиграфии и ри-

сования, что тогда имело особое значение и без чего нельзя было приступить к письменной работе. В 1235 г. скончался историограф монастыря, Роджер Вендовер. Обязанность историографа была почетной и вверялась наиболее достойным монахам. Несмотря на молодые годы, Матвей получил приказание продолжать работу Роджера. Таким образом, его труд есть часть общей хроники, которая составлялась в Сент-Альбанском монастыре, взявшем на себя роль историографа Англии.

Первым начал ее Роджер Вендовер из Нормандии (из местечка *Vandoeuvre*), по мнению Ватса, прозванный так от английского произношения города того же имени близ Оксфорда. Он исполнял весьма важные обязанности по управлению окрестными монастырями и за взяточничество был удален в 1216 г., хотя считался историком монастыря. Прежде думали, что он довел свой труд до 1234 г., начав от сотворения мира. Но по рукописи Сент-Альбанского монастыря заключают, что он писал только до 1186 г., ибо с 1190 г. чувствуется другой стиль. Вероятно, впад в немилость, Роджер не успел и не хотел закончить своего труда, так что работа его преемника началась с 1216 г., хотя Роджер значительную часть своего труда составил компилятивно из Мариана Скота, Сигиберта, Гемблаха, Гуго, Св. Виктора. Он описывает события после смерти Эдуарда Исповедника, норманнское завоевание, время Вильгельма I и II. Говоря о крестовом походе Вильгельма Рыжего, автор дает интересные факты из времени крестовых походов. Везде сообщаются подробности из истории Европы и с особенным вниманием о папстве и церкви. Роджер настроен против Генриха II за Томаса Бекета. Для изучения истории Иоанна Безземельного его хроника существенно важна. Матвей Парижский, вновь переписывая и продолжая Вендовера, с 1066 или, вернее, с 1216 г. вносит в них повествовательный элемент, представляющий интерес. Литературная обработка имела для него большое значение, но, кроме того, он хотел установить само понятие и значение истории. Только у него во всей средневековой историографии находим настоящие определенные цели изучения истории. «В начале этой хронографии или описания времени я считал долгом сначала ответить тем завистливым порицателям, которые смотрят на мой труд как на бесполезный; затем для тех, которые вниманием своим почтят эту историю, я изъяснюсь в немногих словах. Бессмысленные (*mali*) люди любят толко-

вать: какая надобность предавать письму жизнь и смерть людей, а равно различные происшествия, которые происходят на свете? Какая надобность описывать и предавать памяти потомства такое множество разнообразных деяний? Так пусть они выслушают, что им ответит философ. Природа вложила в сердце каждого человека желание знания. Человек без образования, без воспоминания о совершившихся событиях впадает в ту тупость, которая свойственна животным. Его прозябание можно уподобить положению человека, заживо погребенного. Если вы забудете и презрите тех, которые умерли давно и оставили вас, то кто вспомнит о вас самих? Разве не к тем относится проклятие в Писании? Память о справедливом не погибнет; его имя вечно будет воздыматься к небу, напутствуемое общими благословениями; имя же несправедливого, бесчестного, напротив, будет сопряжено с проклятием и порицаниями. Жить, избегая примера злых, следуя шаг за шагом примеру добрых, о которых я хочу писать свою историю, — вот истинная цель книг, вот верное изображение обязанностей человека». Ветхий Завет, по мнению хрониста, имеет целью внушать отвращение к злым и побудить следовать примеру добрых. То же делает Иосиф Киприан, Евсевий Кесарийский, Беда, Проспер Аквитанский, Мариан Скот, Сигизберт Гемблахский. Свой рассказ Матвей начинает с Вильгельма Завоевателя, но это целиком переписано из Вендовера. Так идет до 1217 г.; далее с каждым годом рассказ становится пространнее. Совершаются события огромной важности и в Англии, и в Европе. Хартия, исторгнутая баронами из рук Иоанна Безземельного, повела к основанию конституционного строя Англии, к восстанию баронов под предводительством Симона Монфора, графа Лейстера, к союзу их с горожанами, которых они пригласили в свой совет, к победе над королем. В других западноевропейских странах растет обаяние папской силы. Римский первосвященник — царь над царями. Это было время Фридриха II, которое основательно изучается по хронике Матвея. Сверх того английский историк дополняет других хронистов для истории шестого крестового похода. История всех народов на Западе была тогда взаимно связана под папской эгидой; потому Матвей переходит из одной страны в другую. Наш автор — поборник теократии, но от него не ускользнуло извращение принципов западной церкви. Он близко может наблюдать положение курии, потому что бывал в посольствах. Свои

взгляды он выразил в ряде легенд. Еще по поводу правления Стефана Блуа он записал сказание о колодезе Св. Патрика, из которого один ирландский витязь проник в чистилище и рай. Это также вошло в провансальские романы: «Грин Несчастный», «Сновидение Рауля Гудана» и в «Сокровищницу Брунето Латини», откуда Данте, как полагают некоторые критики, взял свой сюжет. Особенно характерна следующая легенда, которой кончает Матвей свой труд и которая рисует его время: «На небе, на великолепном троне, во всем своем величии сидит Господь; справа от Него стоит Пресвятая Дева, его мать. Слева — прекрасная женщина, тело ее роскошно, строгое лицо внушает уважение. Руки Господа простерты вперед; в левой он держит нечто вроде храма, и на лицевой его стороне золотыми буквами написано: *ecclesia*¹. На суд божественного величия предстал папа Иннокентий IV. На коленях со сложенными руками распростерся папа и просит милости, а не суда. Благородная дама, стоявшая по левую сторону от Господа, выступает и говорит: Всеправедный Судья! Учини суд праведный. Я обвиняю раба Твоего в трех преступлениях: во-первых, когда Ты учредил на земле церковь, Ты даровал ей особые вольности; он же сделал из церкви позорную рабу. Во-вторых, церковь основана ради спасения грешных, т. е. ради спасения душ несчастного, он же обратил церковь в меняльную лавку. В-третьих, церковь основана на прочной вере, справедливости, истине, он же поколебал нравы и веру, уничтожил справедливость, затемнил истину. Учини же суд праведный на мои обвинения». Тогда сказал Господь: «Ступай и по заслугам твоим получи воздаяние». И папа получил»².

Так хронист Сент-Альбанского монастыря кончает свое обширное и замечательное произведение.

2. ЛЕТОПИСЦЫ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Великие события, совершившиеся в средние века, охватывающие своим влиянием весь Запад, близко касавшиеся всякой национальности, одинаково увлекавшие всех, без различия сословий, должны были иметь своих историков. То были крестовые

¹ Церковь. — Прим. ред.

² Приведено у Бильбасова В. А. (Крестовый поход императора Фридриха II, Спб., 1863, с. 168).

походы. В самом деле, кто тогда на Западе был чужд этого рыцарского благородного движения, этого святого чувства, которое редко проявляется в истории, освежая жизнь, делая ее более возвышенной, заставляя всех служить идеалам? Этот проблёск духа был особенно важен тогда, когда все опустилось нравственно, все шло к разложению, когда всякий сильный считал себя господином, когда кроме церкви не у кого и негде было искать защиты. И вот вместо культа силы, вместо поклонения ей, к чему общество давно привыкло и на чем оно было воспитано, ему предлагают служение имени Христа, его призывают к самопожертвованию за Христа, причем сеньор приравнивается к вассалу, герцог к пилигриму. Перед одним из пилигримов склонился папа. Прежде рыцарь, сражаясь за женщину, поступал так не ради личных соображений; теперь он хочет освободить гроб Господень из рук неверных также не для себя, не для своего короля, а только ради Христова имени. И тут и там идеал отвлеченный, во имя которого люди добровольно идут на смерть. И все шли поголовно: «дома оставались одни вдовы», говорит летописец об этих годах энтузиазма. Современникам казалось, что Запад пошел на Восток; это было валовое движение, направляемое тем стадным инстинктом, который иногда дает себя чувствовать в истории, создавая целые исторические эпохи. Что такое энтузиазм, как не увлечение примером других, идущих впереди, подвиги которых увлекают и заставляют подражать?

Такое грандиозное движение должно было создать достойных себя историков. Они появились тогда, когда крестовое движение стало особенно энергичным, когда с ним освоились, когда появилось время для его осмысления. Первый поход был записан летописцами лишь официально, как факт войны, смысл которой было трудно определить, ибо явление еще не обозначилось.

Гийом Тирский († 1188). Первый труд непосредственно о крестовых походах принадлежит Гийому Тирскому и называется «История священной войны». Он говорит о времени между 1100 и 1184 годами. Гийом писал свою историю еще в конце XII в. Мы не знаем с точностью года его рождения и смерти; нам неизвестно даже, к какой нации он принадлежал: и немцы, и французы считали его одинаково своим. Он родился в Палестине, следовательно, полностью принадлежал к тому поколению, которое считало Святую Землю такой же своей, как у себя дома каждый француз,

англичанин, или немец — свою родину. В молодости Гийом ездил учиться на Запад. Вернувшись, он приобрел расположение короля Амальрика, а вместе с тем звание архидиакона в Тире. Он получил даже миссию в Константинополь. Он был воспитателем наследника престола, Балдуина, при котором сделался первым лицом и канцлером, а с 1174 г. архиепископом Тирским. Он заседал на Латеранском соборе в Риме в 1177 г., потом вел переговоры с византийским правительством. Он был близок к государственным делам, много знал и видел, следовательно, стоял вполне на высоте положения. Когда в 1188 г. Саладин взял Иерусалим, христианство пришло в смятение не только в Палестине, но везде на Западе. Надо было готовиться отстаивать то, что было взято с таким трудом. Стали действовать на короля, тогда Гийом поехал проповедовать крестовый поход Филиппу Августу и Ричарду Львиное Сердцу (1188). Неизвестно, где он умер, — в Европе или Палестине; он жил до 1193 г. Положение в качестве приближенного к королю Амальрику лица налагало на него известные обязательства. Он должен был, по его поручению, описать местную историю, что и сделал в своей «Истории деяний в заморских землях». После она стала называться в рукописи «История священной войны». Таким образом, Гийом впервые дал крестовой войне имя «священной». Этот громадный труд составил его славу; другое сочинение, касавшееся мусульманской истории до 1184 г., до нас не дошло. Это был добросовестный историк, хорошо писавший, свободно владевший латынью. Только начиная с шестнадцатой книги он пишет как очевидец; ранее он собирает письменные сведения, исторические источники, сказания. Ему-то мы и обязаны сохранением сведений об этом беспримерном движении. Он рисует положение Палестины до появления крестоносцев, приготовления к войне и подробно излагает обстоятельства первого крестового похода. Вот что он сам говорит об обязанностях историка: «Любовь к отечеству, за которое каждый человек должен жертвовать жизнью, эта любовь требует от нас, чтобы мы не допустили предать забвению то, что у нас совершилось в последние сто лет». Он вместе с тем, возвышаясь над тогдашними хронистами, придает особое значение изложению. «Не надо скрывать дурного, не надо льстить, но есть еще одна и даже более ужасная опасность, которой должно избегать всеми силами всем пишущим историю, а именно: они обязаны не допускать, чтобы

сухость речи и бедность содержания унизили достоинство деяний. Слово должно соответствовать делу, о котором идет речь, а язык писателя не должен отставать от возвышенного предмета. Потому следует сильно опасаться, чтобы богатство содержания не утратило чего от скудости изложения и чтобы неумение рассказчика не сделало ничтожным и вялым того, что само по себе было важно и полновесно». Гийом говорит, что писал по одним преданиям, за исключением немногого виденного им самим. Сначала читаем объяснение, как эти страны оказались в рабстве и по какому случаю западные князья возложили на себя бремя пилигримства. История мусульман довольно подробно была изложена в особом сочинении. Здесь же только реферат из него в первых десяти главах, где говорится и о Гарун аль-Рашиде. «Четыреста лет оставаясь под игом мусульман, Иерусалим походил на больного, который то задыхался, то вздыхал свободно, смотря по состоянию погоды». Таково же было бедственное состояние всего Запада, где царили насилия и убийства. «Небесные и земные знамена раздраженного божества не могли остановить людей, устремленных ко злу; повсюду царили чума и горечь; небо грозило, потрясалась земля». Время Амальрика описано особенно подробно. У Гийома виден уже поворот к иному взгляду на мусульман, которых он считает честными, рыцарственными, великодушными.

Бернар Казначей († 1240 ?). С 1184 г. Гийома Тирского продолжал другой писатель, Бернар, состоявший казначеем (*thesaurarius*) Фридриха II. Он переписал, точнее, перевел период 1096—1184 г. «L'estoire de la conquete terre d'Outremer». Эта хроника написана на старофранцузском языке. Он довел ее до 1250 г.; продолжатели довели до 1275 г. Автор рассказывает о третьем крестовом походе, о попытке крестоносцев завладеть Египтом, о походе Фридриха II. В XIV в. болонский монах Франческо Пипино перевел Бернара. Этот перевод долго считался подлинником, и Муратори издал его в седьмом томе своего сборника летописей. В 1729 г. отец Мартэн нашел старофранцузский оригинал и, отбросив введение, издал в трех книгах. Целью Бернара было создать труд, который послужил бы примером для того, кто сражается под знаменем Христа, был полезен для утверждения веры, преобразования нравов, опровержения неверных, замешательства нечестивых; воздать хвалу добрым и побудить других

следовать по его стопам. Далее, у Бернара есть взгляды на причины событий. Падение нравов палестинских победителей ведет их к политической гибели, совершившейся в 1187 г. Здесь Бернар не щадит красок, которые потому имеют мало значения. «Адраспахнулся широко. Помыслы этих нечестивых злобны во всякое время; они извратили все пути на земле. Всякая добродетель и всякое благочестие исчезли. Все были увлечены в пропасть и хаос; в них не было ничего святого, от головы до ног. Каков был народ, таковы были священники». Он невольно поддается обаянию мусульманской цивилизации; он сочувствует Саладину, говорит о его гуманности после взятия Иерусалима 2 октября 1187 г. «Никто не слышал, — уверяет он, — чтобы христианам было сделано насилие. Всех бедных он отпустил без выкупа, осмотрев предварительно, нет ли между ними зажиточных». Из его изложения между прочим оказывается, что христиане были более жестоки, что в них было менее рыцарского духа. Бернар высказал это против своей воли; живой язык давал большой простор изложению и не сдерживал порывов автора. Между тем это заявление для нас более ценно, чем целые дневники и летописи. В этой истории видим, как национальная историография занимает принадлежащее ей место. Она стремится вытеснить латинскую летопись; но это окончательно совершится еще не так скоро.

Жак де Витри (1182—1244). Когда мы наблюдаем у Гийома Тирского и Бернара Казначая стремление средневекового общества к критическим приемам, осуждение действий и системы христиан, сравнение с мусульманами, столь для них невыгодное, — то в этом нельзя не видеть благоприятного поворота в развитии средневековой историографии. Этот успех в критике вызван скептицизмом. Общество в лице своих историков произносит над собой суд, добровольно идет на невыгодное сравнение. Таков был Жак, родом из Витри (около Парижа), писавший по-латыни. Он был известен как энергичный проповедник против альбигойской ереси. Это обратило на него внимание Иннокентия III, который назначил его епископом в Аккону. На новом посту он проявил ту же деятельность; он был и воином, и пастырем, и проповедником, он решился описать все им виденное в сочинении. «Три книги восточной истории» с 622 г. до взятия Дамиецты в 1219 г. вместе с историей пятого крестового похода. Но главное содержание этого труда касается нравственного состояния западного обще-

ства и положения дел на Востоке, преимущественно в Палестине. Он пользовался восточными историками. Любимый конек его, о чем он сам говорит, — порицание пороков. Цель, которой он задался, излагается в прологе: «В наше время не нашлось никого, или, напротив, нашлось очень мало людей, которые предприняли бы труд рассказать и описать битвы, славные победы и дивные дела Царя Небесного во славу и хвалу Его. В наши дни Господь совершил великие деяния, достойные прославления и памяти людей, в Испании против мавров, в Провансе против альбигойцев, в Греции против отщепенцев, в Египте против сарацин, в отдаленных странах Востока против персов, ассириян, халдеев, турок. В первой книге, очертив вкратце судьбы Иерусалима, я излагаю подробно дела Господа, которые он сподобил совершить в своем милосердии к нам. Я описал жизнь жителей города и тех местностей, о которых чаще всего упоминается. Мне казалось это необходимым для большего разумения обстоятельств, которые в них излагаются; а чтобы еще более расширить мой труд, я присоединил подробности о многочисленных и различных особенностях этой земли. Во второй книге, обозрев бегло историю новейших обитателей Востока, я перешел к рассказу о делах, которые совершил Господь в наши дни в странах западных: я описал главным образом различные ордена, как светские, так и духовные, а в конце книги изложил подробное рассуждение о порядке и обязанностях крестоносцев и пользе их пилигримства. В третьей книге изложены события, которые Бог сподобил совершить в своем народе и в войске христиан, после Латеранского собора и до взятия Дамьетты». Автор полагает, что его труд будет полезен для утверждения веры, преобразования нравов, обращения неверных, замешательства нечестивых, наконец, для того, чтобы воздать хвалу доблести. В этом он повторяет буквально Бернара Казначая.

Жак де Витри прежде всего историк-моралист. В первой же книге он сгущает краски для изображения нравов палестинских христиан. Первоначально дьявол не мог найти себе помещения в местах сухих и безводных, т. е. среди тех первых пилигримов, еще бедных, истощенных продолжительными трудами; но, наконец, он увидел дом в полном спокойствии и свободный от всякой опасности, а людей, предававшихся праздности, живущими в их новом обиталище, среди обилия хлеба и масла. Взяв с собой семь

духов, более развращенных, чем он сам, он вступил в этот дом с семьей смертными грехами. Господь насытил людей, и они сделались прелюбодеями; они пустились в погоню за своими пожеланиями. Они разлеглись в своей грязи так же, как вьючное животное ложится в нечистоте; они ржали как лошади и каждый на своего ближнего. Огонь ниспал на них, и они более не видали солнца, ибо обратили глаза к земле, сделавшись гордыми, заносчивыми, наглыми, недужными, мятежными. Раздраженные леностью и малодушием, ненасытные в своем корыстолюбии, согбенные от пьянства, отвратительные от разврата и мерзости, воры, похитители, убийцы, люди крови, предатели...» Так и сыплет, точно из бранного специального лексикона, епископ в современное ему общество. «Ад распахнулся широко; он приготовил помещение для всех пресыщений и пророков. Всякая добродетель и благочестие исчезли в такой степени, что трудно было найти кого-нибудь, кто отличал бы священное от мирского и чистое от нечистого. Все были увлечены в пропасть. Какова паства, таковы были священники в Святой земле». Историк делает исключение для немногих справедливых и богобоязненных, подобно зерну в куче плевел. Нечестие злых одерживало верх, и их неправда была обильна до того, что часто они совершали симонию, венчали противозаконно, хоронили безразлично всех подряд. Мы узнаем между прочим, что «монахи и монахини бродили и шатались из места в место, посещая вместе с мирянами публичные бани». Все это автор приводит не с тем, чтобы упрекать потомство, но для того, «чтобы оно, омыв ноги в крови нечестия, научалось подражать добрым, проклинать и осуждать злых». Это относится и к тогдашним французам. Автор хорошо знает Париж и на нем останавливается в третьей книге. Тамашнее духовенство он сравнивает с паршивой козой и больной овцой, а клириков называет содомитами. Французских священников он презирает, именуя их скупцами и ханжами. Общество светское должно было пасть ниже. Но у Жака слишком строгий критерий. На него вряд ли кто угодит. Учащиеся студенты во всяком случае поступают дурно, если учатся. «Одни занимаются единственно для того, чтобы знать, — это одно любопытство; другие — чтобы прославиться, — но это тщеславие; иные — чтобы приобрести выгоду, но это корыстолюбие и симония; весьма немногие из них занимались, чтобы получить назидание и назидать других». Парижские

студенты, на быте которых несколько останавливается Жак, делились на враждебные национальные корпорации. Он называет англичан пьяницами и шутами, немцев скотами, бургундцев глупыми и грубыми, пуатевенцев льстецами, бретонцев легкомысленными и непостоянными, ломбардцев скупыми, римлян злословными, сицилийцев жестокими тиранами, брабантцев поджигателями и хищниками. Далее этих обидных прозвищ историку некуда было идти. Вообще для внутренней жизни эти две книги представляют много интересных данных. Они служат введением к третьей, которая представляет историю пятого крестового похода, предпринятого на Дамьетту иерусалимским королем Иоанном де Бриенном и Андреем Венгерским в 1217 г., при содействии немецкого флота. В походе участвовал сам автор. Некоторые ввиду несообразно длинного введения к небольшой книге, касающейся одной небольшой экспедиции, полагали, что третья книга принадлежит Оливеру схоластику или кому-нибудь из кельнцев; но это неверно. Сохранились письма Жака в Лотарингию; они буквально повторяют его хронику.

Оттон Фрейзингенский († 1158). В цикл историков крестовых походов следует занести бытописателя и родственника Фридриха I Барбароссы, епископа Оттона Фрейзингенского. Он принадлежал по происхождению к двум императорским династиям. Лично знавший его каноник Радевик, восхваляя его ученые личные достоинства, придает особенное значение его связям и высокому происхождению. Оттон был внуком императора Генриха IV, племянником Генриха V по матери, единоутробным братом короля Конрада III и дядей императора Фридриха I. Он родился от второго брака дочери Генриха VI Агнессы с австрийским маркграфом Леопольдом. Герцоги Баварии и Австрии были его братьями, а сестры сидели на престолах Чехии и Польши. Все это благоприятно влияло на качество материалов, которыми располагал историк. Он получил в Париже превосходное философское образование и с младенческих лет предназначаясь к занятию высокого духовного поста. В молодые годы (с 1137) он был уже епископом Фрейзингена в Баварии. Эту должность он занимал двадцать лет до самой смерти. Его образование сказывается на его сочинениях. Он был первым, по словам Радевика, который занес в Германию «тонкость философских книг Аристотеля относительно топик, аналитики и эленхов». Полагают, что он был сам профессором

философии и толкователем Аристотеля в Фрейзингене. Известно, что с того времени в Германии на схоластических диспутах состязались ученики немецких школ. Действительно, епископ ценил все эти ухищрения. Он более чем кто-либо в средние века не любил говорить просто. Но эти украшения делают его книги в некоторых местах красивыми. Более неудобной стороной изложения Оттона является его манера в изобилии пересыпать хронику текстами Священного Писания без всякой видимой надобности. Сопутствуя императору Фридриху I во втором крестовом походе, он изобразил этот поход в двух книгах под заглавием «Деяния Фридриха I». В первой излагается предварительный очерк истории империи, начиная с борьбы Генриха IV с Гильдебрандом, «который решил побить мечом анафемы императора». С первых же строк епископ оказывается в затруднительном положении. Он, очевидно, не знает, какой стороне будет удобнее засвидетельствовать свое сочувствие. Родственные отношения влекут его к «нашему» императору, а долг и служебное положение к папе. Поэтому у него Григорий VII то «досточтимейший», то «лжемонах» или «некромант», — прозвища, которые давали Гильдебранду его враги и против которых не восстает епископ. Он не скрывает, что причиной вражды к папе был вопрос о запрещении браков. Первая книга в шестидесяти трех главах доходит до вступления на императорский престол Фридриха I и представляет особый интерес по связности изложения и по обобщениям. Для нас это лучшее из всего написанного Оттоном. Во второй книге изложены первые четыре года правления Фридриха I и крестовый поход с постоянными ссылками на документы официального характера.

Самое замечательное место в этом труде, конечно — попытка объяснить причину неудачи второго крестового похода. Автор пытается отнестись с философской, весьма оригинальной точки зрения к этому скорбному для него вопросу. Он блистает всем богатством своей учености. Перед ним роковая дилемма: великое, благое дело, поднятое во славу Господа, и неудача, отсутствие покровительства неба. «Ничто не может быть названо добрым, кроме того, что из себя, а не извне имеет начало, что действительно существует и поистине называется благим. По правилам Аристотеля метод от родового понятия ведет *ad destruendam*, к анализу, а от видового *ad construendam*, к син-

тезу. Поэтому, если я что-либо называю безусловно добрым, то при этом, подразумевая его сущность, то же самое отношу к ее видам; если же считаю что-либо хорошим только условно, то в таком случае имею в виду более полезность этого предмета, нежели его сущность. Даже одна и та же вещь бывает хороша и нехороша для одного и того же вида, смотря по обстоятельствам. Из того, что у эфиопа белые зубы, не следует, что он весь бел, и наоборот — что у него зубы черны, потому что он сам весь черен. Это же самое усматривается и из Священного Писания; когда мы говорим, что нехорошо было иудеям или Иуде предать Христа на распятие, мы сознаем, что это было благом для нас всех. Итак, в человеческой философии белые зубы не мешают эфиопу быть черным, а в Писании злоба иудеев не препятствует страстям Христа быть спасительными для нас. Подобное мы можем сказать и о вышеупомянутом походе нашем. Если его нельзя считать хорошим по концу или с точки зрения материальных удобств, то он оказался действительно хорошим для спасения многих душ; при этом мы будем руководствоваться суждением о деле не по его сущности, но по пользе, которую оно принесло»¹. Так Аристотель являлся на помощь для оправдания неудач крестоносцев путем отвлеченных логических построений.

Это сочинение было составлено вскоре по возвращении из похода. Тогда же Оттон несколько подробнее развил первую главу первой книги и в интересах императорства, вероятно, по настоянию своих близких, составил небольшой трактат о Гильдебранде, который принял форму апологии Генриха IV.

Гораздо раньше, еще до поездки в Палестину, Оттон принялся за всемирную историю, которую назвал «Хроникой от сотворения мира». Он написал ее в семи книгах и довел до 1146 г.; первые шесть изложены по эпохам Беды, а седьмая касается ближайших событий. В этом сочинении характерно собственно заключение хроники, составляющее восьмую книгу. Это история будущего, которую никто еще не пытался составить. Она изложена с приемами Апокалипсиса, толкует об Антихристе, страшном суде, воздаянии. Автор, при всем своем высоком образовании, отразил в себе типичные черты средневекового миросо-

¹ О деяниях Фридриха, I, I, 60.

зерцания¹. Аббат Санто-Блазио того же имени продолжал «Хронику», а каноник Радевик «Деяния», по личному завещанию епископа, который еще при жизни снабдил его документами.

Ваттенбах в своей известной монографии, обыкновенно сдержанный и осторожный, не находит слов для определения значения Оттона. «Мы, — говорит он, — должны считать за особенное счастье, что такой человек, при таком положении, вооруженный всем образованием, какое только можно было тогда получить, взял на себя труд писать историю»². А между тем сам Оттон очень условно, чтобы не сказать хуже, смотрит на обязанности историка. «Целью моего труда, — пишет он в прологе, — было возвестить людям о славных делах храбрых мужей, дабы этим возбудить их к доблести, а о темных же делах мужей живых или умолчать, или если их надо вывести на свет, то говорить лишь для устрашения их».

Немецкие критики вообще слишком преувеличивают значение Оттона Фрейзингенского и плетут ему венки не по заслугам. Они придают его запискам и даже хронике мировой интерес, хотя по литературным достоинствам и по приемам, Оттон стоит гораздо ниже Матвея Парижского, а тем более современных ему итальянских или византийских историков. В отношении богатства фактического содержания он уступает весьма многим, а его общественное положение часто заставляет его колебаться между Сциллой и Харибдой.

Жоффруа де Болье. Серия католических историков крестовой эпохи продолжается Жоффруа де Болье, духовником Людовика IX. Он в конце XIII века написал биографию «святого» короля: «*Vita Ludovici Novi*». Она составлена очень сжато, но полна фактов и интереса. Все втиснуто в сорок семь глав, которые могут быть отмечены только в стилистическом отношении.

Арабские источники. При изучении крестовых походов необходимо справляться с мусульманскими источниками. Из них назовем два. *Ибн-эль-Атир* из Месопотамии (1160—1233) был современником Виллардуэна; в его «*Kamil el Tewarikh*», что значит «Полный исторический труд», говорится сперва о достоин-

¹ «Хроника» сохранилась в древнейшем, может быть, подлинном манускрипте XII в. в Греце; «Деяния», также в рукописи XII века, в Форая.

² *Wattenbach*. Deutschland's Geschichtquellenortda, 421 (2 Ausg.).

стве истории, хронографии, потом об истории евреев, персов, арабов, римлян, христиан, мусульман. Амари в своей «Истории сицилийских мусульман» замечает, что в средние века нельзя указать на другого равного ему историка. Он начинается с 722 г. и кончает 1230 г.¹ Несколько позже писал *Абул-Ферадж* (1226—1286). Он был сыном еврея. Уроженец Месопотамии, он знает хорошо как мусульманский, так и еврейский мир, что видно из его хронографии от Адама, доведенной до 1284 г.² В ней говорится о халдеях, мидянах, персах, греках, римлянах, арабах, турках, которые появились тогда на исторической арене Востока. Он писал и на арабском, и на еврейском языке, ибо еврейское образование продолжало процветать в Сирии рядом с мусульманским.

Приведенными писателями не исчерпывается историография крестовых походов.

Марино Санудо († 1340). В начале крестовых походов эти летописцы отражали восторженное настроение современников, когда горячее чувство самоотвержения управляло умами, когда все готовы были принести себя в жертву ради избавления Гроба Господня от власти неверных. Таковы были Гийом Тирский и Бернар Казначей. Уже и они, ознакомившись с восточной цивилизацией, не были фанатиками; от них можно было услышать слово правды по отношению к мусульманам; но общий фон их произведений отражает всю искренность современного общества, сочувствие последнего к крестовым походам. По мере охлаждения этого энтузиазма ослабевает само настроение историков. Они не только становятся равнодушными, но даже изменяют основной взгляд на значение и смысл крестового предприятия.

Отражением такой перемены в воззрениях служит сочинение Марино Санудо, под заглавием «*Historia Hierosolymitana seu secreta fidelium Crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conservatione seu de expeditione in Terram Sanctam libri III*»³. Автор

¹ В переводе у *Мишо*. История крестовых походов, т. IV.

² Пер. *Рососке*. Оксфорд, 1663.

³ К рукописи Санудо были приложены географические карты, которые явились совершенной новостью. Одна из них, «Карта земного круга», особенно интересна; она подробно разобрана у *Santarem* («*Essai sur l'histoire de cosm. et cartographie pendant le moyen-âge*», Paris, 1849). Центром земли представляется Иерусалим. Наверху от него — Восток, внизу — Запад; Гор

жил в конце XIII и в первой половине XIV столетия; он принадлежал к старой венецианской аристократии. Вообще венецианцы относились и раньше к крестовому делу с коммерческой, спекулятивной точки зрения, но Санудо не стеснился высказаться откровенно и даже предложить новую систему эксплуатации крестовой идеи в этих чисто практических расчетах. Он указывал на более верный способ завоевания Святой земли. Он часто бывал на Востоке и на островах Эгейского моря, которые после 1204 г. принадлежали республике. Он заглядывал даже в славянские земли и в Скандинавию, как видно из его истории. Он был известный музыкант, и по его имени инструмент, который он изобрел, назван торселлусом. В бытность свою в Армении он завершил свои три книги, которые писал пятнадцать лет (1306—1321), предназначая их папе и французскому королю Филиппу IV Красивому. Интересно посвящение последнему, написанное по-французски. В нем заключается план завоевания: «Вашему Величеству ничего нет легче, как сделаться властелином вселенной, попав при этом в рай. Александр Македонский достиг обладания всем миром, но не достиг рая. Для этого необходимо исполнить следующие указания: во-первых, пусть Ваше Высокое Величество озаботится прежде всего приготовлением к заморскому походу десяти галер с 250 человек на каждой, а 300 всадников и 1000 отборной пехоты отправит для обороны Армении; во-вторых, озаботится при содействии папы пропагандой и сборами; в-третьих, заключит союз с дожем и Венецианской республикой; в-четвертых, назначит капитаном того, кто окажется к тому способным с тем, чтобы он следовал указаниям этой книги». В таком случае Санудо, как будто полностью посвященный в тайны дипломатии, обещает поддержку короля Сицилии и императора Византии, которые помогут подчинить Святую Землю. В первой книге автор развивает план предприятия и сообщения с Индией

и Магог с границами Индии замыкают восточный горизонт, Кадикс — западный. Крайние пункты Севера (который приходится слева от Иерусалима) необитаемы по причине холода; крайние страны Юга необитаемы по причине жара; южноевропейские полуостровы показаны довольно верно напротив берегов Африки. За Польшей страны язычников и рутенов-схизматиков. Санудо знает даже неверных корелов, эстонцев, Финляндию, помещенную на одном полуострове со Швецией и Норвегией.

через татарские земли, откуда можно добывать богатства и развести как тутовые деревья, так и сахарный тростник. В то же время он советует запретить вывоз из Европы на Восток металлов, хлеба и строевого леса. Египет должен служить операционной базой. Он тщательно рассчитывает, сколько провианта потребуется на армию в составе 15 000 пехоты и 300 конницы на три года, и выводит 2 100 000 флоринов (каждый флорин весил три унции золота). Он предостерегает от сухопутной экспедиции, представляя много практических указаний. Он доказывает, что христиане должны устроить военное поселение в устьях Нила, коему предстоит важное будущее. В доказательство автор указывает на могущество Венецианской республики, обусловленное ее территориальным положением. Непосредственный рассказ в последней книге — история Палестины с библейских времен до 1219 г. Только в конце автор сообщает сведения об обычаях и истории тогдашних татар. В заключение автор вновь дает указания для завоевания Святой земли, пользуясь уроками истории. Здесь видим практическую постановку истории, которая учит, чему следовать, а чего избегать. Вот его практическая мудрость: военная дисциплина и тайна, избрание по завоеванию энергичного короля во избежание могущих быть раздоров. «Какой-то вавилонский султан сравнивал себя со змеем, у которого много хвостов и одна голова, почему он легко может тащить за собой хвосты; христиан же он называл змеем с одним хвостом и многими головами, почему хвост не знает, кого слушать. Христос же сказал: «Никто не может служить двум господам». Государь должен быть образцом и примером порядка». Санудо убеждает государей быть воздержаннее. Правители должны воздерживаться от игр и всяких пустых увеселений, чтобы кто не подумал, что само государство пустилось в игру. Затем автор говорит о необходимости воздержания, правосудия, щедрости, уважения к закону и милосердия. Таким образом, произведение Санудо имеет дидактический интерес. История у него является орудием для достижения государственных и общественных целей.

Санудо является связующим звеном, соединяющим историографию крестовых походов с итальянской, на которой мы теперь остановимся.

3. ИТАЛЬЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Рикордано Малеспини († 1281). В Италии вообще средневековая историография имела практический характер. Каждый город гордился своим историком, потому что дорожил своим прошлым. Повествуя на родном языке, они приобретают большую популярность. Их серию начал Рикордано Малеспини. Он смотрит на Флоренцию как на второй Рим, а на Фьезоле как на город, освященный памятью Аполлона и Адама, с которого и начинается, предупреждая, что будет краток (гл. 1).

Он излагает свой план так: «Мы поговорим сперва о первобытных временах и трех частях света; затем будем описывать только то, что найдем в сочинениях наших предшественников, заимствуя оттуда только вполне достоверное, и, наконец, сообщим то, что известно нам лично. Так как всякому нравится краткость рассказа, то мы будем говорить о нашем предмете по возможности сжато».

Однако все классические легенды вошли в его рассказ, правда, не витиеватый, сжатый по возможности, но весьма обстоятельный. Так он доходит до Цезаря с которого (в двадцать первой главе) непосредственно начинается история, доходя до восьмидесяти четвертой главы. Его произведение интересно по умению автора свести довольно разнообразный исторический материал в историю одного города.

Приведем образчик его сжатого, но сильного рассказа. Возьмем, например, двадцать вторую главу о нашествии Аттилы «Долго думал Аттила о том, как бы ему разрушить Флоренцию. Он знал, что флорентийцы очень сильны и что не иначе как хитростью он может овладеть ими и привести в исполнение свой злокозненный замысел. И никто бы не узнал о деяниях Аттилы во Флоренции, если бы от потоков крови убитых рукава Арно не приняли бы красного цвета. После того Аттила со всем войском вышел из Флоренции, убивая по пути всех, кого встречал, мужчин и женщин, больших и малых. Затем Аттила велел зажечь город со всех сторон, желая совершенно уничтожить Флоренцию. Отсюда он отправился на то место, где находился Фьезоле, там он поставил свои знамена и объявил, что всякий желающий может здесь строить дома и башни, чтобы селиться. Аттила весьма заботился о заселении Фьезоле, так как полагал, утвердив

шись здесь, вести отсюда войну с римлянами; потому-то он препятствовал восстановлению и благосостоянию Флоренции. Этот Аттила, бич Божий, имел плешивую голову и собачьи уши. Он разрушил мною городов и замков в Тоскане, Ломбардии, Р'оманье и Марсии. Когда Фьезоле был восстановлен, Аттила направился в Маремму (болота средней Италии) и там умер»¹.

О таких отдаленных эпохах Малеспини не мог иметь точных сведений; он записывал, что слышал. Он не считал за необходимое даже сверяться с источниками; он не читал не только Иордана, но даже позднейших исторических сочинений. Но он ценен там, где говорит о близком к нему времени. В таких главах проявляется вся сила его повествовательного таланта, особенность которого в умении сказать многое в немногих словах. К сожалению, при этих достоинствах, изложение страдает разбросанностью; отдельные главы не связаны между собой внутренней связью.

Дино Компаньи († 1324). Более важное значение сравнительно с Малеспини имеет его продолжатель, Дино Компаньи. Между этими двумя летописцами огромная разница; у одного только факты, у другого освещение современности, горькое сознание недовольства, желание исправить соотечественников. За это его любил Шлоссер, который написал ему панегирик, сравнивая с классиками и с Данте: «Он справедлив, серьезен и глубок, как Фукидид, а его история строга, как приговор света. Не все в состоянии оценить блеск наивных выражений, силу речи, изящество не украшенного, а простого и вполне соответствующего содержанию слога. Упреки Дино в излишней резкости порицания в высшей степени несправедливы. Ведь из того, в чем Данте упрекает своих соотечественников, справедливо только очень немногое. Напротив, Дино, подобно Данте, выказывает себя стоящим выше своего времени и истинным республиканцем, который, в уклонении от законов религии и нравственности, видит падение свободы. Он достойный представитель энергичного, религиозного, образованного и полного жизни времени; он олицетворяет собой дух истинной и отдельной народности». Дино ничего не ищет. Он пишет на пользу потомков и для прославления имени Божия. Он очевидец и участник событий. Его история — мемуары государственного человека за самый интересный период борь-

¹ *Muratori*, VIII.

бы черных и белых, гвельфов и гибеллинов от 1280 до 1312 г., которую рассказывает в трех книгах. Как всемирно-исторические, эти годы весьма важны. Но Дино занимается только своим родным городом. Он проповедник высоких нравственных начал в истории. Ею он думает дать пример бодрости современникам. Для историка сентенция, конечно, не есть достоинство, но в то время она была иногда полезна; общество только что начинало выходить из состояния грубости. Цель Дино Компаньи — описать совершающиеся перед глазами гнусные деяния, которые слишком явны, чтобы о них можно было умолчать, ибо, по его мнению, опасность для общества растет. Это необходимо для пользы тех, которые уже будут наследниками минувшего. «Они познают, таким образом, благодеяния Господа, который царствует и управляет во все времена. Когда я предпринял свой труд, то я имел в виду изложить письменно некоторые достоверные события, которые я видел и слышал, потому что между ними были и такие замечательные факты, сущности которых никто не знал, кроме меня. Те же события, которых я свидетелем не был, я решился рассказать по слухам. А так как многие по своему произволу переходят всякую меру в речах и извращают истину, то в этом случае я решился придерживаться наиболее распространенного мнения». Как всякий частный хронист, Дино объясняет происхождение великих политических партий мелкими частными интересами. Так, гвельфы и гибеллины приурочены к счетам фамилий Бондельмонте и Уберти из-за отвергнутой невесты. Один из Бондельмонте женился на девице Донати, а не на Уберти, и в этом для Дино — происхождение будущих несчастных партий во Флоренции, гвельфов и гибеллинов.

«Пусть граждане нашего города, — восклицает Дино, — восплачут над собой и над своими детьми, ибо они, по своей гордости, благодаря своим дурным свойствам и распряму из-за должностей, погубили столь славный город, опозорили законы и потеряли в короткое время то почетное положение, которое их предки приобретали в продолжении очень долгого времени тяжелым трудом. Пусть же они ожидают правосудия Божия, которое многими знаменами обещало уже им несчастья как виновным в том, что они, будучи свободными, сами склонили выю свою под ярмо».

Вот проявление духа гражданской свободы, который был присущ всем хронистам итальянских свободных городов и который

был воспитан воспоминаниями об античном времени, пропитавшими собой историческую почву Италии.

Характер итальянской национальной историографии в XIII в. XIII в. был ознаменован развитием политической и общественной жизни средних веков, а Италия всегда была центром этой жизни, являясь столицей католического мира, которая служила предметом исторических борений. Со второй его половины начинается падение средневековых идеалов, но вместе с тем развитие новых начал. Следующее XIV столетие по справедливости может считаться для Италии блестящей эпохой политического и духовного развития. В это время коммунальная жизнь достигла блеска; города стали небольшими государствами, управляемыми выборными сановниками из лиц, выделяющихся подвигами или богатством или иногда приглашаемых правителями из других мест по народному же выбору. Эти города славились богатством; в некоторых из них совершались крупные банкирские обороты. Они гордились памятниками искусства; публичная жизнь воспитывала государственных деятелей; грамотность и образование распространились быстро, да и неграмотным, подобно древнегреческим гражданам, являлась возможность знакомиться с общественными и государственными делами благодаря публичной жизни этих государств и доступности контроля со стороны граждан, что развивало невольное знакомство с делами всех интересующихся лиц. Поэтому нигде политические обстоятельства не благоприятствовали в такой степени развитию историографии, как в Италии. Нигде историография не выразила в такой степени народной жизни, как на полуострове; редко когда она в такой степени обилвала содержанием, как в Италии последнего периода средних веков. Муниципальная вражда общин породила обширную городскую историческую литературу, страстный характер которой будто в наследство завещал междоусобную вражду. Каждый город имел своих хронистов; появление исторического сочинения было торжеством для области. В городах хронисты были гордостью общества: в них республиканцы воплощали свои симпатии, свои заветные предания, свои особенности. Общество сердечно дорожило ими и всегда предоставляло себе контроль и суд над новыми произведениями. Автор являлся на площадь или в зал народного собрания и здесь публично читал свою хронику. В университетских городах слушали и редактировали профессора

со студентами. Этот классический обычай переносил мысли граждан в далекие времена, всегда их увлекавшие своим обаянием, на старый римский форум, кипевший жизнью, заполненный свободным народом. Автор получал почетную награду, если общественный голос одобрял его труд. В иных городах было несколько летописцев, обязанных официально записывать события сперва по-латыни, потом по-итальянски. Национальные хронисты пользовались большой популярностью и оставили по себе большую литературную славу. Они были гораздо даровитее латинистов и имели неоспоримо более важное значение, как основатели итальянской прозы. Но и на историках, писавших по-итальянски, сказалось влияние классической древности, выразившееся в идеалах эпохи Возрождения. Такое движение в духе Возрождения мы наблюдаем с XIV в., когда были открыты многие дотоле неизвестные произведения классической древности, когда историки кинулись подражать Ливию в разных комментариях, исторических жизнеописаниях знаменитых мужей и т. п. творениях.

Джиованни Виллани (1275—1348). Таким образом, в жизнь Италии проникли одинаково классический дух и классические приемы. Никто не приблизился в такой степени к Ливию, как **Джиованни Виллани**. Это был видный государственный человек Флорентийской республики; одно время он был даже гонфалоньером. Никогда не была Флорентийская республика так свободна, так могуча, полна веселья, довольства и счастья, как в его время, что и отразилось в изложении ее лучшего историка. Виллани ставит свое отечество в связь не только с историей Рима, что делали даже его предшественники, но начинается с Немврода, кончая 1348 годом, когда смерть от чумы остановила его перо. Он очень похож на Ливию по тону и приему изложения. Он сознается, что хочет примером римлян возбудить новых итальянцев на геройские подвиги и, увлекательно повествуя о славном прошлом, доставляет много удовольствия тем, кто ищет в истории жизни и занимательности, а главное государственных целей. До 1284 г. он пользуется Малеспини, перефразируя его, но не называя по имени. Он гвельф; это видно повсюду, потому его считают пристрастным. Он широко понимает задачу историка; он не ограничивается одной передачей политических и военных фактов. Он касается духовной жизни своего города, который служил для него

предметом культа. Так, например, он отводит целую главу (IX, 134) памяти Данте, которого мог знать в молодые годы.

Виллани о Данте. Там читаем следующую характеристику: «Это был великий и славный гражданин Флорентийской республики. Он был знаток во всех науках и искусствах — *tutto fosse laico*, хотя оставался мирянином (что особенно удивляло современников); он был великий поэт, философ, оратор; он также хорошо владел словами, как пером, с нежным и гладким стилем, какой еще не встречался в нашем языке и не встретится. Еще в молодости он написал книгу «Новая жизнь», в которой говорил о любви; находясь в изгнании, он написал до двадцати канцон нравственных и любовных. Все письма его писаны по-латыни; в них возвышенным слогом выражаются возвышенные и благородные суждения. Эти письма были восхваляемы самыми лучшими знатоками. Кроме того он написал «Комедию»¹, где в нежных стихах изложил суждения моральные, натуральные, астрологические, философские и богословские. Сочинение разделено на сто глав, или песен, в которых говорится о существовании и положении ада, чистилища и рая так возвышенно, что нельзя даже выразить впечатления; читая, как бы видишь и чувствуешь то, что он написал. Может быть, в изгнании он составил трактат о монархии на латинском языке, где говорит о пределах власти папы и императора. Данте начал было переложение четырнадцати канцон нравственного содержания, но не мог довести до конца по причине внезапной смерти. Он успел переложить только три, которые представляют величественные, прекрасные творения, потому что изложены возвышенным слогом с философскими и астрологическими суждениями. Еще он написал маленькое сочинение под заглавием «О народном красноречии»; в нем он обещает четыре книги, но оставил только две; прочие помешала написать его ранняя смерть; здесь он витиеватой латынью рассуждает об Италии. Данте от сознания своего превосходства был иногда горд, тяжел и, по обыкновению философов, необходим; он не умел держать себя со светскими людьми; но своими познаниями, величием духа он, нам кажется, имеет право, как гражданин, занять место в этой хронике, не говоря о том, что творения его, нам оставленные, делают его поистине великим гражданином нашего

¹ Эпитет «Божественная» вошел в название позднее. — Прим. ред.

города». Это точная, весьма верная и теплая характеристика. Мы перевели ее, чтобы показать стиль автора и одновременно определить то место, какое занимал Данте в глазах современников. Здесь мы видим известную широту исторического изложения под пером Виллани. По выражению немецкого критика, он напоминает Геродота простотой, многообразием, силой и ненавистью, но есть существенная разница. У него наивность не примитивная, не та, которую может проявить всякий сказочник. Виллани не такой художник, как Геродот, но, несомненно, писатель более зрелый; его суждения строго обдуманы, взгляд выдержан.

Джиованни Виллани — человек глубоко религиозный. Его не успела еще коснуться индифферентность, которая скоро водворилась в Италии. Он уверен, что о его родине заботится небо и что Бог покровительствует Флоренции и любит ее. Если город постигают несчастья, то это Бог прогневался за грехи граждан. Так случилось, например, по поводу притязания неаполитанского короля Роберта, который считался покровителем города, — это было в 1326 г., — а теперь, угрожая войной, потребовал от Флоренции, Пистойи и Сиены огромных сумм на уплату жалования войску, которое он набирал в Провансе и во Франции. Но предоставим Виллани говорить самому: «Флорентийцы были уверены, что, исполнив требование Роберта, они сильно разорятся, но в то же время, зная способность короля нарушать договоры, они боялись за отъезд депутации (которой было приказано оставить город в случае отказа), что было также очень нежелательно. Соседние города не хотели выплачивать этих издержек, так что вся тяжесть поборов падала на флорентийцев. Наконец флорентийцы решили дать герцогу тридцать тысяч флоринов. Часть этой суммы уплатили Сиена и другие мелкие города, но Перуджия отказалась участвовать в издержках. Когда сведены были все расходы, то оказалось, что в продолжении одного года флорентийцы израсходовали на него четыреста пятьдесят тысяч золотых флоринов, исключая разные налоги, подати и другие суммы, вследствие чего флорентийские граждане сильно опечалились. Кроме того, герцог (как титуловали во Флоренции короля), по совету своих апулийских вельмож и юристов, захватил всю сеньорию в свои руки и ведал делами как большими, так и малыми, не обращая внимания на приоров. Последние же не имели права сделать ни малейшего распоряжения; им давалась свобода

разве только в совершении богослужения. На этих заседаниях всегда присутствовал один из советников герцога. Вследствие чего граждане, управлявшие городом, были сильно недовольны. Но видно, уже так было Богу угодно наказать флорентийцев за их раздоры и предать правосудию и сеньорию в руки людей недостойных и не особенно умных»¹.

Этот спокойный, выдержанный тон в рассказе о том, что так близко касалось историка, бывшего в числе самых деятельных граждан, высоко ставит Виллани как повествователя. Он возвышался над многими современниками своим мировоззрением. Он не был суевером или, тем более, изувером, и, говоря (X, 39) о казни астролога д'Асколи, который был сожжен во Флоренции на костре в 1327 г., Виллани замечает: «Хотя д'Асколи и был великий астролог, но в то же время человек суетной жизни и чрезмерно гордый знанием астрологии, науки, по существу своему неверной, потому что судьба человека зависит не от течения звезд, а от свободной воли души его, и еще более от предопределения Божия, которое всем управляет, располагает и за всем надзирает».

Занимая по выборам разные правительственные должности, участвуя не раз в посольствах, между прочим во Франции, защищая свою родину на поле битвы, как простой воин в войне с Каструччио Кастракани, Виллани, одаривший Италию и весь образованный мир таким замечательным историческим произведением, кончил жизнь в горе и несчастье. Сograждане не были к нему достаточно внимательны и, с кичливостью, наследственно свойственной флорентийцам, всегда мало ценили его гражданские и литературные заслуги. Войдя в торговую компанию с домом Буонакорси, Виллани запутался в делах, обанкротился и попал в тюрьму, из которой вышел незадолго до смерти, постигшей его в 1348 г.

Его дело продолжал брат его Маттео до 1363 г., а с шестидесятью первой главы пятнадцатой книги — сын последнего, Филиппо — до 1364 г. в полутора книгах. Популярность Дж. Виллани видна из того, что его хронику переложил стихами Антонио Пуччи («*Centiloquio in terza rima*»)².

¹ Флорентийская история, X, 9.

² Издания Виллани всегда вместе с продолжением братьев: «*Storie florentine seu cronica universale l. XII*», Firenze, 1554, 1562; Milano, 1729.

Дonato Веллутти. Их современник, Донато Веллутти, тоже был гонфалоньером; он рассказывает историю родной Флоренции за 1300—1370 гг. исключительно с дипломатической стороны. В этом смысле его сочинение представляет первый образец дипломатической истории, притом выдержанной в строго объективном тоне. Он умер в 1370 г.

Дандоло и венецианцы. Наивность, общая для средневековых летописцев, находится в дисгармонии с сухостью дипломатических нот. Если демократический строй способствовал успехам народной историографии, то аристократы республик Венеции и Генуи трудились для историографии латинской; венецианские хронисты пишут по-латыни. Так, дож *Андреа Дандоло* († 1254) изложил «*Chronicon Venetum a pontificatu S. Marci usque ad 1339*» в десяти книгах (с продолжением до 1388 г.). Первые книги потеряны; иногда оно называется «*Mare magnum historiarum*». Хроника Дандоло действительно несколько суха, зато богата содержанием и документами. Она в высокой степени беспристрастна, хотя исполнена патриотизма¹. В ней уже заметен стиль писателей Возрождения, как у *Андреа Навагеро* (до 1487); *Пьетро Бемби* (до 1513); *Паоло Паруто* (до 1551); *Морозини* (до 1615); *Нани* (до 1671) и *Микеле Фоскарини* (до 1670 г.).

Богатство итальянской историографии несомненно.

4. ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Характер византийской летописи. Исследуя национальную историографию средних веков, мы должны отвести самое видное место византийским историкам. Они вели непосредственно греко-римскую традицию, когда историография интересовала народ, была вопросом существенной для него важности, воспитательным орудием. Здесь литературный язык был всегда языком народа. Эта история была часто искусственна, чопорна, официальна, но она упрочилась гораздо ранее, чем на Западе появились первые слабые попытки национальной историографии. В Византии не только лица духовные, военные и гражданские оставили исторические сочинения, но также императоры, императрицы и члены царствующего дома. Назовем трудолюбивого императора *Константина Багрянородного*, *Евдокию*, супругу двух императо-

¹ Она была продолжена *Рафаэло Карезини* († 1499) еще на пятьдесят лет.

ров, Анну Комнину («Багрянородную кесариссу») и, наконец, Иоанна Кантакузина.

Приступая к очерку византийской историографии с начала средних веков до XIV столетия мы должны предупредить, что по многим причинам не будем говорить собственно о церковных историках, как-то: *Евсевии Кесарийском*¹, который, всегда оставаясь придворным иерархом, довел изложение судеб христианства до 324 г., об *Эрмии Созомене*², продолжавшем его до 423 г., *Феодорите* — до 427 г. *Сократе Схоластике* — до 439 г., *Никифоре Каллисте*, закончившем 610 г. Все эти историки, по специальному характеру своих довольно ценных трудов, не входят в план нашего обозрения. Мы имеем в виду непосредственно светских историков, ограничиваясь в обзоре византийских памятников XIV столетием. Необходимо заметить, что в России, с конца пятидесятих годов [XIX в.] проявилось стремление к изучению византийского мира. Отражением этого движения послужило появление нескольких томов «византийских историков» в русском переводе при Петербургской Духовной Академии. Как многие благие начинания, издание, начатое в 1808 г., прекратилось в 1862 г. Между тем на Западе тщательно были собраны византийские историки в подлинниках с латинским переводом в двух объемных изданиях сперва в Париже в XVII в., потом в Бонне благодаря Нибуру, во второй четверти XIX века³.

Несомненно, что византийцы имели лучшие заповеди в историческом искусстве, лучшую школу, чем западные, которых они потому во многом превосходят. В отношении хронологическом древних византийцев до X в. следует отнести к первому периоду историографии, но, не разбивая наш очерк, мы будем говорить о них в общей связи.

Отрывки древних византийских историков. Древние византийские историки в период III—VII веков были:

1) *Дексинн* (во второй половине III в.) изложил за 200 лет до Иордана историю Македонии после Александра, скифскую вой-

¹ *Розанов Н.* Евсевий Памфил, М., 1881.

² *Созомен Эрмий.* Церковная история Эрмия Созомена Саламинского, Спб, 1851.

³ *Byzantinae historiae scriptores.* P. 39 f., 1645—1711. Сюда вошли и латинские и французские источники, например, Анастасий и Жуанвиль.

ну и *Χρονική ἱστορία*, т. е. «Летопись» в двенадцати книгах, где события рассказывались по олимпиадам, до императора Клавдия II. Оба первых сочинения дошли в тридцати одном отрывке разного объема; от «Летописи» не дошло ничего, но из нее своевременно сделал извлечения Синкелл. Фотий называл Дексиппа Фукидидом, выражающимся ясно; Евнапий называл его человеком большого ума; Нибур считает его пустым ритором. По отрывкам, конечно, трудно судить о целом. Но несомненно, что в стилистическом отношении труды Дексиппа были хорошо обработаны. Он сам, будучи язычником, принимал участие в военных и гражданских делах своей родины. Он защищал Афины от готов, когда те разлились по Элладе; он в самые тяжелые дни не растерялся и, собрав невольников, даровав им свободу, оказал геройское сопротивление варварам. Историк-гражданин во главе войска, спасающий страну для цивилизации, — все это занимало воображение позднейших писателей. Как практический деятель, он оживляет свое повествование советами житейской мудрости: «Усердие людей, избравших лучшую часть, заслуживает похвалы, хотя бы последствия не соответствовали их ожиданиям. Для лица начальствующего всякая неудача в государственных делах горестнее, нежели для частного лица его собственное несчастье. Несчастье частного человека ограничивается им одним, а на начальствующем отзывается всякое несчастье»¹.

2) *Евнапий Сардиец*, ритор, ревностный приверженец императора Юлиана, родился в 347 и жил до 415 г. Он, по настоянию знаменитого врача Оривасия, продолжал Дексиппа, а в сущности написал историю императора Юлиана, которого христиане именовали Отступником, но перед гением которого преклоняется этот ученейший (*λογιώτατος*) историк. Это «продолжение Дексипповой истории» было в четырнадцати книгах и охватывало период 270—404 гг. Все знали — и это было видно с первого взгляда, — что Евнапий, в сущности, хотел превознести Юлиана. Историк сам не отрицал этого. «Мы сочли нужным, — говорит он, — все отнести к Юлиану, который царствовал в наше

¹ Византийские историки Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Ноннос и Феофан Византиец. Пер. С. Дестуниса, Спб., 1868, I, 42.

время и которому род человеческий поклонялся как некоему богу»¹. Можно представить себе достоверность свидетельств Евнапия, на которого, безусловно, в свое время ссылались языческая партия в последней борьбе с христианством. Всех отрывков дошло сто девять, из которых некоторые в две-три строчки; как нарочно в них меньше всего говорится об Юлиане, за исключением общих мест. Как источник для Юлиана в силу изложенных соображений Евнапий не подходит.

3) *Олимпиодор Фиванский* в первой половине V в. написал двадцать две книги «Истории» (λόγος ἱστοριῶν) с 407 до 425 г., посвятив их Феодосию Младшему. Зосима очень усердно пользовался ими или, просто говоря, переписал их. Извлечение сделал из него Фотий, этот неутомимый патриарх, которому так много обязана византология.

4) *Приск* оставил драгоценное описание посольства к Аттиле, которое не совсем верно цитировали Гиббон и Гизо. Он родился в начале V в. и умер в 471 г. Обстоятельства выдвинули его вперед, сделали дипломатом, а литературный талант давал возможность составлять описания посольств так интересно, что они обращали на себя внимание императоров. Маркиан давал ему, кроме того, поручения в Аравию и Египет. Он продолжал Олимпиодора до 474 г.; в его истории главный интерес представляли описание обычаев и нравов гуннов и изложение посольства к Аттиле, в котором он играл большую роль.

5) *Малх Филадельфиец*, родом из Палестины, продолжал Приска от 474 до 480 г. в семи книгах. По словам Фотия, в его «Библиотеке»², историческое изложение Малха превосходно; слог его чист,

¹ Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Ноннос и Феофан Византиец. Пер. С. Дестуниса, Спб., 1868, I, 83.

² *Фотий* — большей частью до своего патриаршества — перечитал до 280 книг и сделал из них оглавление или извлечения, чем оказал бесценную заслугу науке, сохранив память о массе литературных произведений, которые иначе не дошли бы до нас даже по имени. Из этих книг 200 богословских, а около 80 светских. Свод называется обыкновенно *Библиотека или Десятитысячекнижие* (Μύριοβιβλιον), но полное переводное заглавие его: «Описание и перечисление прочтенных нами книг, числом 279, обозрение коих желал иметь возлюбленный брат наш Тарасий».

непринужден, ясен, цветущ. Он не презирал новых слов, в которых есть выразительность, звучность и величие. Одним словом, по Фотию, труд Малха — образец исторического сочинения, хотя историк не мог перестать быть софистом и ритором, что обуславливалось его образованием. От Малха мы имеем гораздо более значительные отрывки, чем от предшествовавших хронистов. Это целые места, иногда даже законченные, например события под 479 г.

6) *Петр Иллириец* не раз назначался императором Юстинианом в посольства в Италию, к готам, в Персию, к папе. Однажды остготы удержали его как заложника в плену. Он тщательно заносил в дневник все, что его интересовало, и собрал весьма ценные документы, которыми снабдил книгу «О гражданском устройстве»¹. Кроме того он писал *ιστορία* о Римской империи, которое дошло до нас в самых ничтожных отрывках. Эти «Исторические события», видимо, в прагматической форме, охватывали время от Августа до Юлиана.

7) *Менандр Византиец* важен по отношению к истории славянских народов. Его сочинение называется продолжением «Истории Агафия». От него сохранились целые разделы; число отрывков, охватывающих период 568—581 гг., доходит до шестидесяти семи, причем по истории славян интересны отрывки 48, 49, 65 и 66, касающиеся также борьбы с аварами.

8) Для исследования истории болгар и Аспаруха важен *Кандид Исавр*. Он был пришельцем в Византии и внес провинциализм в свое изложение, как свидетельствует Фотий, который замечает: «Он хотел казаться трудным и не заботящимся о приятности языка». К сожалению, от него не сохранилось даже отрывков, и все, что мы знаем из Кандида, ограничивается сжатым пересказом Фотия, из которого видно, что книга Кандида была интересна. Византийцы той отдаленной поры умели иногда облекать историю в занимательный роман. В то время как на Западе классические предания исчезли и история обращалась в скучную ежегодную запись, на Востоке стремились к прагматизму и даже к художественности. Он излагал события периода 457—491 гг.

9) *Ноннос*, современник Кандида, в последние годы правления Юстиниана, описал свое посольство к эфиоплянам и к дру-

¹ Анджело Май нашел в Ватикане палимпсест под другим заглавием: *περί πολιτικής ἐπιτομῆς*.

гим восточным народам. Конспект, к сожалению, слишком краткий, сделал тот же Фотий. Труд Нонноса, в котором он описывает между прочим и посольство своего отца Авраама, весьма интересен для исследования географии Востока. Египет был описан подробно, а также Эфиопия; кажется, византийцы проникли в Абиссинию и были на островах Индийского океана. На одном из них путешественники видели, рассказывает Фотий, следующее диво. «Нонносу попались существа, имеющие вид человеческий, малорослые, черного цвета, по всему телу мохнатые. За мужчинами следовали женщины, похожие на мужчин, и дети, еще меньше их. Все были нагие; только старейшие, мужчины и женщины, прикрывались небольшой кожей. Они не имели в себе ничего дикого и свирепого; голос у них человеческий, но язык их неизвестен никому из окрестных народов, тем более спутникам Нонноса. Эти люди питались морскими устрицами и рыбами, которые море выбрасывало на остров. Они были робки и при виде людей боялись их, как мы боимся больших зверей». Это место, конечно, сильно сокращено пересказчиком. Тем внушительнее повествовательные достоинства византийских путешественников и меуаристов, воспитавшихся на образцах.

10) *Феофан Византиец* в последние годы императора Маврикия (582—602) писал историю Юстиниана, Юстина и Тиверия (до 581), обращая особое внимание на отношения к Востоку и к Персии в частности. От этого большого труда не дошло ничего. Фотий приводит два места и между прочим цитату о шелковичных червях, которых доставил при Юстиниане один перс в Византию в простой трости, научив греков искусству шелководства. «В начале весны этот перс выпустил семена на листья шелковичного дерева; вскормленные листьями семена окрылились и произвели шелк»¹. Как все византийцы, Феофан считает римлян, т. е. своих соотечественников, героями. Они убивают 1200 неприятелей в сражении, теряя только 70 убитых.

До сих пор мы имели дело с писателями несомненно знающими, но о сочинениях коих можно судить лишь по отрывкам, более или менее значительным. Следующий историк VI в. дошел до нас вполне. Без него мы не знали бы истории Юстиниана, этого Людовика XIV Византии.

¹ Византийские историки, I; 493

Прокопий Кесарийский. Прокопий Кесарийский, уроженец Палестины, жил в эпоху полного блеска Восточной империи, когда ее повелители по справедливости считали себя властителями всего исторического мира. Прокопия называют ритором и софистом, но тогда с этими словами не сочеталось обидного представления, унижающего авторитет писателя. Прокопий был учителем и, может быть, адвокатом. Он стал известен Велисария, который взял его с собой в персидский поход в качестве секретаря и с званием «советника». Прокопий долго оставался при особе знаменитого полководца и, видимо, будучи его доверенным лицом, воспользовался богатым материалом для истории войны 532 г. Началась борьба с вандалами, Велисарий опять пригласил своего *ὑπογραφεὺς*, доверяя ему даже военные, довольно щекотливые поручения. В Сиракузах, под видом закупки пшеницы, Прокопий шпионит и изучает силы и средства вандалов. В войне с готами, наставшей после погрома африканского царства, Прокопий не оставляет своего начальника. Он сопровождает греческую армию в течение всей итальянской кампании. Когда в 541 г. Велисарий, несправедливо заподозренный в измене, был отозван в Византию, Прокопий оставался в Италии. Судьба снова сблизила Прокопия со знаменитым полководцем. По намеку Феофана можно заключить, что тот же Прокопий, уже будучи и пархом, был назначен следователем и судьей в процессе Велисария.

Такое выгодное официальное положение дало Прокопию возможность описать то, что он видел. «Война римлян с персами, вандалами и готами» — так называется капитальное сочинение историка. Он сам сознает это в предисловии. Две книги посвящены персидской войне, две вандальской и четыре готской с дополнениями и поправками, для которых предназначена собственно восьмая книга¹, явившаяся позднее, а именно в 555 г., тогда как первые семь вышли в 551 г. Прокопий смотрит на свой труд с утилитарной точки зрения. «Память о тех деяниях будет знаменательна и полезна, — говорит он, — как для современников,

¹ «В ней будет изложено то, что произошло в этих войнах по изданию мною первых книг этой истории, а равно и то, что сделано против персов. Оттого в этом сочинении по необходимости повествование должно быть разнообразным» (О готской войне, IV, I). Это замечание показывает, как серьезно смотрели вообще в Византии историки на свои обязанности.

так и для потомков, если время когда-нибудь приведет их к подобной необходимости. Для тех, кто порывается на войны и на прочие подвиги, такая история может быть полезна, раскрывая им, каким образом совершались подобные предприятия прежними людьми, и знаменуя, каким, по всей вероятности, будет исход настоящих дел, для принимающихся за них благоразумно... Сочинитель убежден, что речи ораторской подобаает сила, поэзии — вымысел, истории — истина, а потому и не скрывает дурных поступков даже и хороших друзей своих, а со всей точностью описывает дела их, хороши ли они или дурны».

Прокопий обманывал самого себя, когда писал эти последние строки. Он скоро убедился, что при византийских порядках вообще, а особенно при таком самовластном и прихотливом императоре, каким был Юстиниан, не все можно писать, что думаешь. Все писатели должны были изощряться так, чтобы их можно было понимать между строк. Следовало или все хвалить, или молчать. Прокопий поступал именно так; он дерзал обсуждать только действия неприятелей, так как в греческом стане все должно было обстоять благополучно. Он в этих видах в шести книгах в тоне панегирика описал постройки Юстиниана, к которым знаменитый император чувствовал слабость. Но историк *pro domo sua*¹ изготовил небольшое дополнение, в 30 главах, весьма остроумно назвав эти очерки «Тайной историей» или «Анекдотами» (Ἀνεκδοτα, «Historia arcana»). Он, конечно, не дождался благоприятного времени для обнародования этой более истинной, а не официально хвастливой «Войны». Рукопись Прокопия в одном из ватиканских списков нашел в XVII в. ученый Алеманни и напечатал ее, смутив ученый мир неожиданным открытием памятника, который хотя принадлежал тому же Прокопию, но совершенно в ином виде изображал помпезное царствование Юстиниана. Очень многие, и тогда, и после, восстали против подлинной принадлежности «Анекдотов» Прокопию. Между тем собственные слова историка уничтожали возможность скептического отношения к вновь открытому произведению. «Мне невозможно было укрываться от множества соглядатаев, — объясняет Прокопий в «Анекдотах», — и, в случае, если бы меня уличили, избежать ужасной смерти. Я не мог положиться даже и на ближайших

¹ В свою защиту. — Прим. ред.

родственников; потому-то я и был вынужден скрывать причины событий, рассказанных в предыдущих сочинениях (λόγοις ἐπιτήμενων)»¹. Ввиду того, что Прокопий в последнем труде совершенно иначе представляет время и личность Юстиниана, называя его алчным, порочным, грабителем, критики старались в самой истории отыскать нерасположение Прокопия к императору. Из того, что историк был скуп на похвалы Юстиниану, заключали, что нет противоречия между тем и другим произведением. Так объясняли Алеманни и Гиббон. А после доказательств Тойффеля и Изамбера колебаниям и сомнениям уже нет более места. «В обоих произведениях одинаковое мирозозерцание, тот же фатализм, та же связь вины и кары, те же суеверия, то же изложение, те же обороты, та же погоня за общими местами, тот же слог, только несколько небрежнее в «Анекдотах». В наше время только тот может отвергать подлинность «Войн» или «Анекдотов», кто их не читал»¹. Прокопий ученый историк. Он тщательно собирает и анализирует свои источники. Он обращается к персам, армянам, евреям; он изучает финикийские древности; говоря о письме Спасителя к Авгару, он замечает, что в таком виде оно «не было известно сочинителям *истории того времени*»², обнаруживая знакомство с этими теперь не существующими памятниками, современными началу христианства.

Константин Багрянородный (912—959). В период с VII до X в. последовала реакция в ходе византийской историографии. Она объясняется тогдашними бурными церковными и политическими событиями того времени, частой сменой императоров, сценами насилия, которые поселяли опасения в рядах тех, кои одни имели возможность взяться за перо. Наконец, сам император стал историком.

Это был Константин VI Багрянородный, выдающийся писатель и ученый. Его прозвище объясняют то рождением в «порфире», т. е. в том здании из багряного мрамора, которое предназначалось для беременных императриц, то императорским происхождением. Принимая во внимание, что Константин родился до брака его отца Льва с Зоей, такие объяснения не могут иметь места. Согласно догадке Зернина, это прозвище дано было

¹ См. *Teuffel*. Procopius, Allgemeine Zeitschrift für Geschichte von Schmidt, Berlin, 1847.

² *Прокопий*. О персидской войне, II. 12.

сыну отцом, чтобы тем самым узаконить за мальчиком права на престол, которых он не имел по рождению. Константину не было семи лет, когда умер его отец. Фактически он был обречен на бессилие; за него управляет дядя, который через год скончался от разгульной жизни. После него вернулась из изгнания мать, окривившая себя фаворитами. Один из них, Роман Лакапин, долго управлял империей, сперва получив титул кесаря единолично, потом с двумя сыновьями. Последние постарались через двадцать лет избавиться от родителя, сослав его. Стефан и Константин, дети Романа, вызвали против себя крупные меры со стороны всегда тихого и податливого Константина VII; они были разосланы по монастырям, где пострижены, и, наконец, после пяти кесарей, правивших одновременно, настало с января 945 г. единовластие. Константин VII был слабым государем; приближенные по-прежнему делали из него, что хотели. Нелюбимая жена заменила распутную мать. Но слабый правитель, как бы отвращаясь от мира, не надевая рясы монаха, сосредоточился на ученых и литературных занятиях и, обложенный манускриптами самого разнообразного содержания, не покидал своих покоев, весьма удобно приспособленных для литературных трудов. Отвращаясь от настоящего, он весь жил в прошлом. Он допускал в свое общество ученых, художников, но не благоволил к сановникам и государственным людям. Книгу он считал своего рода палладиумом. Он составил список рукописей, которые обязательно должен иметь при себе император в походах. Прежде всего надо взять церковный служебник, затем сочинения классические по военной истории и военному искусству. Между прочим Константин составил с этой же целью трактат о метеорологических явлениях; следует захватить также для справок «Сонник» Артемидора и его же сочинение о приметах. В науке Константин нашел себе достойное место; наука создала ему славу в потомстве; она дала то, чего не нашел он в семье, в недрах которой, среди порочной атмосферы, вырос преступный сын, решившийся погубить родного отца. Хотя биограф императора, анонимный «продолженный» Феофан, выгораживает много постыдных поступков наследника престола, но Кедрин приписывает смерть Константина VI медленно действующему яду, который на Олимпе в Вифании Роман преподнес своему отцу и от которого будто Багрянородный и умер в ноябре 959 г.

Между тем именно в руководство своему преемнику и сыну Константин составлял свое сочинение «Об управлении империей». Это плод кропотливой разносторонней учености венценосца, несомненно благонамеренного, проводившего лучшие часы в духовной сфере, который хотел научить сына той политической мудрости, которая не давалась ему самому.

«Раздумывай о настоящем, сын мой, — пишет Константин во введении к своему трактату, — познавай будущее, чтобы иметь и разумный совет, и опытность и чтобы быть в силах достойным образом приняться за важные дела. Прежде всего я расскажу тебе о том, какой народ в чем может быть полезен римлянам и в чем может причинять им вред. Далее, как живут разные народы и с помощью какого народа можно угрожать войной другому или покорить его. Далее, о ненасытности и алчности их, а также о бесстыдных их требованиях. Я буду говорить о различии между народами, об их происхождении, образе жизни, о положении и условиях земли, ими населенной, об обширности и расстояниях земли, равно и о том, что происходило в разные времена между римлянами и различными народами; далее о том, что в известные эпохи сделано нового у самих нас, римлян». По этому плану, в форме поучения (постоянные *ιουτέον ἔτι*, «надо вспомнить»). Константин составил в последние годы своей жизни, от 948 по 952 г., обширный историко-политический трактат, заглавие которого не сохранилось, но которое теперь называют «Об управлении империей». Он ссылается на Феофана, Аполлодора, Артемидора и других географов. Его целью было обрисовать положение западных славянских и восточных провинций, историческая жизнь которых была, безусловно, связана с Византией. Критика делит весь труд на следующие части: 1) политическую, первые тринадцать глав, где говорится об отношениях империи с варварскими народами; 2) историко-географическую, в которой излагается образ жизни, обычаи, происхождение и нравы варваров до сорок шестой главы; 3) византийскую, до пятьдесят третьей главы. Изложение сбивчивое и вялое, но этому труду мы обязаны массой сведений о славянах русских, особенно юго-восточных, как-то: болгарях, сербах и хорватах. Из пятидесяти трех глав трактата посвящены славянам одна (IX) русским, одна (XLI) моравским, две пелопонесским (XLIX, L), одна (XXXII) болгарам, восемь (XXIX—XXXVII) сербам и хорватам. Еще более места отводит

Константин другим народам, а именно три главы (в конце) Кавказу и армянам, шесть — северным народам, шесть — германским и романским и более всего, в восьми главах, трактует об арабах. Все это помещено с четырнадцатой по сорок шестую главу. Этнография соседей, таким образом, занимает гораздо более половины всего сочинения. Заслуга Константина в том, что он собирал и компилировал ценные официальные документы. Внутренней жизни он касается мало, но бытовая сторона оценена, несмотря на спутанность изложения, довольно обстоятельно.

Его наставления имеют характер политического завещания. Например, он советует сыну Роману вступить в брак с гречанкой. «Как в животном мире общение существует только между теми, кто принадлежит к одному и тому же роду, так приличествует и людям заключать браки не с иноплеменными и разноязычными, но с принадлежащими к одному и тому же племени и языку. При таком условии обыкновенно бывают постоянное согласие и дружественное общение или сожительство; разные же нравы и различие в законах скорее порождают неприязнь и разводы вместо дружбы и общения. И государи, которые желают царствовать законно, должны следовать примеру не тех, которые по своей заносчивости в действиях своих обнаруживают недостаток такта и знания, но тех, которые царствовали, соблюдая законы и правду, совершили похвальные деяния, дав собой прекрасный образец для подражания».

Чисто исторический труд Константина посвящен жизнеописанию и правлению императора Василия Македонянина (867—886) *Ἰστορικὴ διήγησις τοῦ βίου καὶ πράξεων τοῦ Βασιλείου*. Известный автор продолжал изложение Багрянородного и описал его собственное правление, доведя хронику до 963 г. В своем трактате Константин сильно украшает рассказ риторикой. Но по общему, прекрасно выдержанному плану, по тщательной отделке это выдающееся историческое произведение обнаруживает в авторе сильный талант. Ни одно историческое сочинение X в. не может быть поставлено с ним в сравнение. В первой книге рассказана жизнь Василия до его воцарения; во второй — изображено управление, администрация; в третьей — борьба на Востоке и на Западе; в четвертой — общественные и публичные сооружения; в пятой — придворная, частная история. Большой талант, к сожалению, направлен на дурную цель. Константин хочет оправдать

Василия в тех убийствах, предательствах и политических преступлениях, в которых обелить нельзя; вот почему на помощь призваны софистика и риторика. В конце концов Василий оказывается героем.

Известные *Εὐνταγμα* «О церемониях византийского двора» также предназначались в руководство наследнику престола, ибо без церемоний Константин не понимал управления и прочности престола. Особа императора должна быть недосягаема и отделена от подданных целой стеной разных посредников, исполняющих придворный этикет. Чтобы быть государем, надо свято хранить отцовские предания, а прежде всего придворные обряды и церемонии.

Константин не закончил этот труд. Кто продолжал его — осталось неизвестным. Трактат «О фемах», или «О провинциях», в двух книгах, служит дополнением к труду «Об управлении империей», как бы составляя его неотъемлемую часть.

Лев Диакон. Десятый век был счастливым для византийской историографии. Вскоре после Багрянородного пишет обширный труд Лев Диакон. Целых десять книг он посвящает царствованию Никифора Фоки и победам Иоанна Цимисхия, т. е. времени от 963 до 976 гг. В распределении частей видно влияние истории Константина, который явился учителем позднейших историков.

Византийская историография после X в. После X в. византийская историография получает еще более широкое развитие. С X по XIV в. можно установить группы византийских историков. Представители первой группы: Никифор Вриенний, Анна Комнина, Иоанн Киннам, Никита Хониат, Никифор Григора, Георгий Пахимер, Халкондилос, Иоанн Канатакузин — излагают целые периоды; хронографы второй группы рассказывают с сотворения мира, подобно летописцам (Кедрин в XI, Манассия в XII в.); к третьей группе относятся мемуаристы и монографы; к четвертой — авторы сочинений по администрации, древностям и государственному управлению. Из названных писателей первой группы выделяются: Никифор Вриенний, его супруга Анна Комнина и Никита Хониат. Первые двое относятся к первой половине XII в.; Никита к началу XIII столетия. Никифор и Анна писали о слишком близких к ним событиях, в которых были заинтересованы; потому их труды столько же относятся к первой из перечисленных групп, как и к третьей. Никифор и Анна были и историками,

и мемуаристами, причем Анна продолжала записки своего мужа. Они подражали Константину, который в «Жизни Василия Македонянина» дал своего рода образец для составления монографий.

Никифор Вриенний. Никифор Вриенний принадлежал к адрианопольской аристократии; его дед и отец принимали участие в мятеже, за что были ослеплены после неудачной для них битвы с правительственными войсками. Но иная судьба ожидала Никифора. Родоначальник новой династии, Алексей Комнин, обратил внимание на молодого Вриенния, взял его ко двору, где Никифор скоро выдвинулся, достиг высших должностей при покровительстве императора, который сделал его самым доверенным лицом и, наконец, возведя в сан соправителя, наименовал кесарем и выдал за него дочь свою, Анну. Удивительное счастье, сопутствовавшее Никифору, не сделало его неблагодарным. Разделяя со своим венценосным покровителем труды управления, он, после его смерти, по предложению вдовы-императрицы, пользуясь официальными материалами и собственными воспоминаниями юных годов, изложил историю или, точнее, записки о времени императоров Василия II и Константина VIII и их преемников до утверждения в императорском сане Алексея I Комнина, т. е. с 976 по 1087 г. По мере приближения к позднему времени изложение становится подробнее. Автор не скрывает, что он своим трудом хочет воздать долг благодарности «великому» царю Алексею I (1081 — 1118), хотя успел описать только первые шесть лет его правления. Его цель — доказать, что Алексей Комнин справедливо поступил, отняв власть у Никифора Вотаниата. Тенденциозность, большое место у всех византийцев, тем более заслуживает сожаления, что Никифор и супруга его Анна, как их предшественники, такие, как Константин Багрянородный, так и последователи, такие, как Никита Хониат, все обладали выдающимися талантами, проявили действительное призвание к историческим трудам и могут читаться всяким образованным человеком с удовольствием даже в наше время, богатое произведениями историографии. Между тем вот к каким отзывам долг благодарности обязывает Никифора.

Беда в том, что Никифор почувствовал в себе совершенно не вовремя силы Геркулеса.

«Описание деяний Алексея было бы трудно и превышало бы мои силы, и я отказался бы от такой работы, если бы не побужда-

ла меня к тому геркулесова сила, заставляющая меня этим кратковременным трудом возблагодарить за полученные мной величайшие блага. Да и чем другим мог бы я достойно воздать ему за все; что он мне соделал, если бы обошел молчанием его деяния и попустил их покрыться глубоким мраком забвения. Если же мое слово не в состоянии будет высказать все, то да не подвергнется оно за это ни от кого порицанию. Не историю писать и не похвалы сплестать ему я намерен. Это не без труда могло бы быть исполнено даже со способностями Фукидида и с красноречием Демосфена. Приступая к сему делу, имею в виду дать некоторый повод другим, которые захотели бы описывать его деяния. Моему слову да будет имя лишь исторического материала».

Византийская историография развилась в такой мере, что уже в XII в. установилось самое широкое представление о ее целях. Современник понимал, что он не может и не должен быть историком, что он при известных обстоятельствах является так или иначе заинтересованным в событиях. Его задача ограничивается только приготовлением материала, в лучшем случае записью о том, что видело то или другое лицо, — записью, достаточно обработанной и освещенной. Но Никифор не исполнил своего намерения. Время не позволило ему изложить правление царя Алексея I. Эту задачу выполнило другое, самое близкое к нему лицо.

Анна Комнина (1083—1148). С такой же точки зрения, как Никифор, смотрит на свой труд даровитая продолжательница, его супруга Анна, дочь императора Алексея, исполнившая завет мужа и отца. Она часто называет себя Багрянородной, так как родилась, когда ее отец уже носил царский венец. Современники единогласно считают ее замечательнейшей женщиной по обширному образованию. Она превосходила в этом отношении другую писательницу, дочь полководца Константина, *Евдокию Макреволитиссу*, супругу императоров Константина Дуки и Романа Диогена, прославившуюся на литературном поприще своим «Филковым садом», полувеком раньше Анны Комнины. Евдокия проявила основательное знакомство с древней мифологией. Анна, погруженная в исторические и политические материалы, по опыту знавшая тайны государственного управления во всех его отраслях, производит впечатление весьма серьезной и умной писательницы. Она знала состав армий и флотов, организацию судов, борения внутри церкви и в то же время наизусть цитировала

Платона, Аристотеля, классиков, позднейших риторов и богословов. Она замечательно красноречиво говорила на чистейшем аттическом наречии и вообще производила сильное впечатление на всех, кто имел возможность вступить с ней в беседу. Западные гости, крестоносцы попадали под ее обаятельное влияние, равно как ученые монахи и государственные люди Византии. Эта умнейшая из всех средневековых женщин не знала высшего удовольствия, как рассуждать с учеными, обогащая ум этой беседой, чтобы потом сосредоточиться на предпринятой исторической работе в честь своего отца, оклеветанного западными историками. Естественно, благодарная дочь, благоговевшая перед памятью императора, не могла остаться хладнокровной и равнодушной к государю, «который умел и управлять и повиноваться». Она написала «Алексиаду»¹, в которой слишком превозносит своего родителя, хотя вначале обещает быть беспристрастной в сознании своей высокой задачи.

«Кто вступает на поприще историка, — пишет Анна, — тот должен забыть и о благорасположении, и о ненависти и часто превозносить величайшими похвалами врагов, когда того требуют дела, часто также обличать и людей приближеннейших, когда указываются их ошибки в исполнении дел. Посему историку не надо затрудняться ни в порицании друзей, ни в одобрении врагов». Это обещание, к сожалению, осталось неисполненным. Западная критика произнесла слишком строгий приговор над Анной, но следует заметить, что беспристрастие — особенно при данных условиях — не есть качество, которым могли бы гордиться летописи латинские, французские и даже итальянские. В сочинении Анны, помимо ее личных взглядов и суждений, важны источники, коими она располагала. Для науки на первом плане должен стоять этот материал, которым пользуются историки.

Анна приступила к своей истории потому, что ее муж, Никифор Вриенний, не исполнил своего намерения и, распространившись о событиях первой половины XI в., не успел изложить все правление Алексея. Сама Анна смотрит на свой труд лишь как на материал для периода от 1086 до 1118 г., называя его «Сокращенным сказанием», хотя «Алексиада» разрослась до десяти

¹ Анна Комнина. Алексиада. Пер. и комментарий Я. Н. Любарского, М., 1965. — Прим. ред.

книг. Увлечение Анны своим родителем высказалось в самом начале, в четвертой главе первой книги, которая документально обличает автора и впечатление от которой не могут сгладить все попытки Анны встать в дальнейшем изложении на критическую почву.

Никита Хониат (Акоминат) (1155—1216). В ряду писателей позднейшего времени Никита Хониат занимает первое место¹. Он жил во второй половине XII и в начале XIII в., был современником третьего и четвертого крестовых походов и видел начало падения своей родины². Он родился в Хонах, жил в Царьграде с 1164 г. и получил обширное образование под руководством брата. Он учился одиннадцать лет, а затем занял одну из придворных должностей. Это было при Мануиле Комнине. Когда Мануил умер, то за его малолетнего сына Алексея правила империей Мария, свергнутая двоюродным братом своего покойного мужа, Андроником. Последний удержался ненадолго, и через два года, в 1185 г., был свергнут одним из предводителей, Исааком, из рода Ангелов. «Тогда граждане, — говорит Никита, — смотрели на новое правление как на переход от зимы к весне или от бури к ясной погоде; они отовсюду стали стекаться в столицу. Тогда и Никита вернулся в Царьград. Он принял участие в государственных делах, а в 1188 г. сопровождал Исаака в болгарском походе. При походе Фридриха I Гогенштауфена он был губернатором в Филиппополе. Он не принадлежал к числу тех подозрительных греков, которые ревниво выслеживали каждый шаг крестоносцев и не советовал императору нарушать договора. В сравнительно молодые годы он стоял близко к престолу; он носил звание царского претора, логофета, сенатора, директора податных сборов, эфора, *κρητῆς του βηλόν*, спальника. В бурные события 1204 г. Никита был очевидцем и деятелем. Как сенатор, он был приглашен на выборы императора, когда 25 января 1204 г. население взволновалось против слепого Исаака, высказавшись вместе с тем и против его соправителя, наследника кесаревича Алексея. Об этом Никита говорит следующее:

¹ *Никита Хониат*. Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Пер. под ред. В. И. Долоцкого и И. В. Чельцова, 2 т., Спб., 1860—1862. — *Прим. ред.*

² О нем исследование Ф. Успенского. Никита Акоминат из Хон, Спб., 1872.

«Я восставал против низвержения императора и не соглашался на выбор нового лица. Я был уверен, что новоизбранный император несколько не может быть признан единодушно всеми партиями и будет еще иметь против себя латинских вождей, которым выгодно поддерживать царевича Алексея. Но подвижная и бурная масса народа, ставившая произвол выше всякого убеждения, повторяла, что не хочет быть в подчинении у царя из рода Ангелов и что не оставит собрания до тех пор, пока не выбран будет угодный ей правитель. Я по опыту знаю упорство этих людей и молчал. Оплакивая свою судьбу и проливая горькие слезы, я предвидел будущие бедствия».

Из этого отрывка видно, что автор не столько историк, сколько мемуарист, притом очень заинтересованный в событиях.

Мы читаем суждения практического и образованного государственного человека. Изложение весьма деловое. Нельзя согласиться с тем, что у Никиты не было нравственных принципов, потому что он служил у Ангелов, не разделяя их политики. В том-то и заслуга Никиты, что он служил государству по мере своих сил и оставил за собой право относиться критически к правительственным действиям. Как бы то ни было, Алексей Дука, прозванный Мурзуфлом¹, сверг Алексея Ангела. Исаак внезапно умер, и Мурзуфл провозгласил себя императором, удалив Никиту от двора и занимаемых им должностей. Но 12 апреля латиняне овладели Царьградом; Никита был свидетелем насилий в столице, отданной на жертву разъяренным крестоносцам. Он скрылся у венецианских купцов, которые ему когда-то были обязаны, потом бежал в Никею к Феодору Ласкарису, который после объявил себя императором. Здесь он полностью отдался ученым занятиям, созерцая несчастья своего отечества. «Знаменитый храм, — говорит он, — алтарь, который был вверен моему попечению, на моих глазах разграблен и опустошен святотатцами. И сам я, проведя в нем тридцать лет, как иссохший пень, будучи выхвачен из святилища и перенесен силой ветра через моря и горы, едва могу влачить жалкую жизнь». Он был жив еще в 1215 г., ибо найдено его письмо к патриарху от этого года. Кроме двадцати книг историй от 1118 г. до смерти Балдуина I (1206), от него остались «Слова» к императорам Алексею Комнину и Феодору Ласкарису

¹ Насупленным. — *Прим. ред.*

и *Περὶ Κωνσταντινοπόλεως* с описанием знаменитых памятников Византии.

Какова цель исторических трудов? История, по словам Никиты, имеет в виду назидание и пользу. Через нее смертные снова вызываются к жизни и как бы уподобляются бессмертным. «Я не знаю, есть ли другое более благоприятное для человека занятие. Тело разложилось на составные части, душа сошла в ад, дела же людей продолжает разглашать только история». Но Никита ради назидания располагает в известных целях историческим материалом. «Моя история, — говорит он, — не должна быть хвалебной песнью дел варварских». Говоря об Алексее III, он заявляет, что многое опускает, чтобы не делать из истории пасквиль. Он предназначает историю для всех современников и потомства. «Историю должны читать все — и высшие и низшие, образованные и невежественные; всех она должна поучать своим простым и ясным словом».

Он не был очевидцем событий, описываемых в начале его труда; он начал с 1118 г., со смерти Алексея I Комнина, когда стал править Калоиоанн¹. В первой книге изложены войны императора Иоанна и придворные известия по хронике Киннама. О Мануиле (1143—1180) семь книг, в которых не совсем точно говорится об обстоятельствах второго крестового похода и о славянах. С Алексея II (1180—1183) он более самостоятелен, а особенно с Андроника (1183—1185), к которому пристрастен, хотя не скрывает, что никогда государство не характеризовалось таким спокойствием, развитием промышленности и богатством. Лучше изложено в трех книгах время Исаака Ангела, который был два раза императором, сперва в 1185—1195 гг., потом в 1203—1204 гг., посаженный крестоносцами. Его сын Алексей IV взял на себя непосильную обязанность, которую тщетно пытался исполнить его отец. Алексею V (1204) посвящена особая книга, о событиях после завоевания столицы также существует отдельная книга. Водворением Ласкариса в Никее (1205) и коронацией императора Генриха I в Царьграде (1205) Никита кончает свою историю. В трудах Никиты византийская историография достигает высшего развития.

Георгий Пахимер. Георгий Пахимер, будучи духовным лицом, описал время с 1285 до 1308 г., т. е. царствование Михаила и

¹ «Прекрасный Иоанн», Иоанн II Комнин (1118—1143). — *Прим. ред.*

Андроника Палеологов, когда вполне обозначилось падение византийского общества и государства. Он много говорит о положении церкви и тем восполняет пробелы, оставленные другими источниками.

Никифор Григора (1295—1359). Самый выдающийся историк XIV в., Никифор Григора, изобразил время еще более печальное, — до второй половины XIV столетия. На нем видим, как изменяются цели историографии. Она вместе со всеми факторами общественной жизни принизилась в своих стремлениях. Она пишется риторически и постепенно обращается в панегирик. Нет необходимости останавливаться в подробностях на этих явлениях упадка исторического искусства. «Римская история» Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя крестоносцами, т. е. с 1204, и доведенная до 1359 г., служит тому подтверждением. К тому же, она намеренно испорчена монахами в интересах императора Андроника Кантакузина. Труд Григоры следует читать, сравнивая с сочинением сына названного Андроника, императора *Иоанна Кантакузина* (1341—1410), считавшего своим долгом защитить оклеветанного отца. С этой целью он написал историю Восточной империи от 1320 до 1355 г. Будучи тенденциозным, это сочинение не может иметь значения серьезного исторического памятника. Довольно того, что венценосный автор скрывает самые существенные факты. Он молчит, например, о взятии Никеи мусульманами, чтобы не омрачить славу своей династии.

Так постепенно хирела византийская историография, когда-то давшая столь замечательные литературные и научные произведения.

5. СЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

5. 1. ЗАПАДНАЯ

Летопись у славян польских, чешских и русских зародилась одновременно с упрочением христианства и с появлением идеи самопознания у этих народов. У поляков средневековая хроника и история излагается исключительно на латинском языке вследствие решительного торжества католицизма, у чехов видим попытку национальной хроники, а на Руси летопись народная и народу доступная. При этом бытописание везде продолжает находиться до самого XV в. в руках духовенства и преимущественно

монахов. Это относится как к католическим, так и к православным славянам. Образование у славян долго было привилегией духовного сословия. Общество было почти лишено школьной образованности; представители его — и то в очень небольшом количестве — едва умели читать и писать; светские люди не могли поэтому иметь какого-либо авторитета. Но эти монахи у поляков, например, принимали живое участие в государственных делах; при случае они являются в военных доспехах и в тоге судьбы.

5. 1. 1. Хроника у поляков

Мартин Галл († 1113). Таковым был монах Галл, сотрудник короля Болеслава Кривоустого, по всей вероятности, родом итальянец. Он с молодых лет поселился в Польше и совершенно освоился с новым отечеством. Он был современником нашего Нестора, который пережил польского летописца на три года. В его латинской хронике — «*Chronicae Polonorum usque ad 1113 libri III*» — видны полонизмы¹. Автор, видимо, думал по-польски, когда писал свою историю, и только традиционная обязанность излагать непременно по-латыни заставила его прибегнуть к мертвому литературному языку. Он начинает прямо с легендарного Попела, во второй главе говорит о Пясте, затем о Земовите, Домбровне, Болеславе Храбром, «который своей честностью позолотил всю Польшу» (I, 6) и останавливается на его походе в Россию, или «на царство рутенов». Этот рассказ весьма любопытен для нас.

«Надо на первом месте, изложить повествование о том, — говорит Галл, — как славно и великолепно отомстил Болеслав королю рутенов за свою обиду, когда тот (Ярослав) не захотел выдать за него свою сестру. Получив такую незаслуженную обиду, Болеслав вступил в царство рутенов с большим войском. Те сначала пытались отразить его натиск, но не осмеливались сражаться; он гнал их перед собой, как ветер прогоняет пыль. Он предпринял свой путь не только для занятия государства, как это было в обычае врагов, или для собирания дани, но приближался к Киеву, столице рутенов, чтобы захватить крепость государства, а вместе с ней и самого властителя. Король рутенов, по простоте своего рода, в то время случайно на лодке ловил рыбу удочкой,

¹ Впервые издана вместе с Кадлубком, жившим столетием позже, в 1749 и 1769 гг.

когда ему возвестили, что Болеслав неожиданно появился в государстве. Он едва мог этому поверить, но, наконец, испугавшись, тогда только поверил, когда ему передали об этом другие. Тогда он, возведя очи, смочив слюною крючок, сказал, к бесславию своего народа, следующую речь: «Так как Болеслав опытен в военном искусстве и привычен носить бранное оружие, поэтому Бог определил передать в его руки это царство рутенов и их богатства». Сказав это и не говоря ничего более, он обратился в бегство. Болеслав, не встречая никакого сопротивления, входя в большое и богатое государство, вынул из ножен меч, воткнул его в золотые ворота и объяснил с шутливым смехом своим, когда они удивлялись, зачем он это делает. «Как эти золотые ворота, — сказал он, — пронзаются в этот час моим мечом, так на следующую ночь обещана будет сестра этого невежественного государя, обещанная мне в жены; и не только мною, но каждым, так как этим поступком омоется обида нашего рода; это будет позором и бесславием рутенскому народу». Так он сказал и подтвердил сказанное делом... Таким образом, король Болеслав, владев десять месяцев самым богатым городом и самым могущественным царством рутенов, отправив оттуда богатства в Польшу, никогда не оставался в бездействии, на одиннадцатый же месяц, так как он обладал самым обширным государством и видя, что юноша Мешко не способен управлять, назначив это место Рутении своей резиденцией, возвратился с остальными сокровищами в Польшу. Когда он возвращался с великой радостью и богатством и когда уже приближался к границам Польши, беглый король рутенов преследовал его; собрав силы рутенских вождей, вместе с половцами и печенегами, он при реке Буге дал битву, будучи уверен в своей победе. Он думал, что поляки, по обыкновению всех народов, возвратятся домой поодиночке, хвалясь добычей от своих побед, и триумфаторски поспешат к границам своей земли, так долго находясь вне отечества без детей и жен. Он думал так не без основания, потому что большая часть польского войска разошлась без ведома короля по своим домам. Но Болеслав, видя, что у него немного воинов, врагов же более во сто раз, обратился к своим сподвижникам не из трусости или боязни, но как смелый и уверенный в будущем. «Не следует, — сказал он, — долго увещевать честных и опытных воинов, не следует нам замедлять грядущий триумф, но надлежит теперь восстановить и силы теле-

сные, и доблесть души. Если же вы будете побеждены, чему я не верю, то будете рабами рутенов, и вы, и ваши дети, да сверх того получите наказание, притом самое постыдное, за нанесенные обиды». Когда Болеслав сказал это и многое другое, подобное этому, все его воины единодушно подняли копья и отвечали, что они лучше желают прийти домой с триумфом, чем с добычей. Тогда-то король Болеслав, увещевая лично каждого из своих воинов, бросился как лев на густо сплотившихся врагов. Не наше дело рассказывать, какое было в этом сражении кровопролитие; никто не в состоянии сказать верно, сколько было тысяч погибших врагов, которых, как известно, пришло на сражение множество, а только немногие из оставшихся в живых избежали плена бегством. Весьма многие из тех, кто приходил спустя несколько дней из далеких стран на место битвы, чтобы отыскать или друзей или родных, передавали, что такое там было кровопролитие, что никто не мог ходить по всей площади иначе, как в крови или через трупы, прибавляя, что река Буг имела вид более реки крови, чем воды. С этого времени Рутения была подвластна Польше» (?!).

«И так много подвигов совершил Болеслав, и так велики они, что нам невозможно описать их все или даже пересказать о них в сжатой форме. Ибо какой математик может верно сосчитать его закаленный в боях строй, а тем менее возвестить о победах и триумфах такого множества людей, описывая их? У него было: из Познани 1300 панцирных воинов и 4000 щитоносцев, из Гнезно 1500 панцирных и 5000 щитоносных, от Владислава 800 панцирных и 2000 щитоносных, да еще 300 панцирных и 2000 щитоносных: все они были самыми храбрыми и весьма опытными в войне».

Из приведенных мест по отношению к первому русскому походу виден патриотизм Галла, который заставляет его забывать и связь фактов, и историческую истину. Через три главы хронисту приходится себе противоречить. Царство рутенов оказывается вовсе не подчиненным Польше. Война возобновляется. Из дальнейших происшествий мы усматриваем унижение польской гордости. Случилось, что в одно и то же время Болеслав вторгся враждебно на Русь, «король» же рутенов вторгся в Польшу. Не зная о намерении друг друга, оба они остановились лагерем при реке (Буге) каждый на вражеской полосе, на своем берегу реки. «Когда королю Рутенов возведено было, что Болеслав уже пере-

шел реку и засел с войском на рубеже его государства, думая окружить короля, как зверя, тенетами, он, говорят, приказал передать ему такие горделивые слова: «Болеслав не хотел быть окруженным, как свинья в болоте, моими собаками и охотниками». На это король Польши ответил: «Хорошо, ты назвал меня свиньей в болоте; потому я омочу ноги моих лошадей в крови твоих охотников и собак, все равно — вождей или воинов, и опустошу землю твою и города, как дикий кабан». Когда противники обменялись этими словами, то на следующий день все ждали битвы. Вдруг прославленный Болеслав откладывает сражение до назначенного другого дня, а в этот день приносит в жертву бесчисленное множество животных, которые приготавливаются по обычаю к столу следующего дня. Когда все повара, служители и войсковые гости собрались на берегу реки для очищения мяса и внутренностей животных, они насмеялись с другого берега над рутенами и оруженосцами их и возбуждали их к гневу постыдными словами. Те же ничего не отвечали на обиды. Тогда стали бросать перед их глазами внутренности животных. Когда же рутены, все более и более подстрекаемые оскорблениями, стали тревожить их стрелами, воины Болеслава, отпустив всех животных, которых они имели, переправились через реку в самую полночь и восторжествовали над всем множеством рутенов. Болеслав и прочее воинство, смущенное криком и шумом оружия, разублаживались, что случилось. Узнав причину этого переполоха, не понимая, сделано ли это из усердия или случайно, они, выстроившись, бросились со всех сторон на врагов; но не имели ни славы победы, ни потери крови. Так велико было число воинов, переходящих реку, что снизу представлялась не вода, а сухое пространство. Говорят, что это составляет безделицу из его войн».

Даже и тут патриотизм заставляет Галла извратить факт. О последствиях войны приходится догадываться и читать между строк.

Викентий Кадлубек († 1222) и его продолжатели. Краковский епископ, Викентий Кадлубек (*Kadlubko*), как называют его от испорченного онемеченного отчества (Богуслав, по-немецки *Gotilob*), столетие спустя сократил и продолжал Галла до 1203 г., придерживаясь того же хвалебного направления в оценке событий. Он придал повествованию о героическом периоде польской истории такую законченность, что легенды поэтического харак-

тера слились с действительной историей. В стилистическом отношении латинский рассказ Кадлубка превосходит Галла¹. Не без основания его хроника стала школьной книгой, по которой польское молодое поколение XIV—XVI веков — эпохи могущества Польши — училось латыни и истории. По выражению Цейсберга, Кадлубек был основой обучения и предметом комментариев.

Рассказ Викентия послужил источником для позднейших польских хронистов до нового времени, как-то епископа Познанского *Богухвала* († 1265), составившего польскую хронику до 1253 года², его казначея *Годислава Башко* († 1272)³, продолжавшего последнего до 1571 г. в том же духе, а также *Дзежвы*, от которого дошли только отрывки.

Длугош (1415—80). Сам Лонгин, или Ян Длугош, который стоит на рубеже средневековой и новой историографии, писал по-латыни. Это понятно, потому что он жил в эпоху Возрождения, к которой по времени, собственно, и должен быть отнесен. Мы упоминаем здесь о нем потому, что по духу своего обширного исторического труда он не подходит к представителям ложного классицизма. В нем было слишком много национального теплого чувства, чтобы не подражать древним. Он не становился на трибуну римского форума, не питал слепого поклонения к древности и не окружал себя ее деталями. Он слишком любил свою Польшу, ее легенды, ее славное прошлое. Он мастерски передал былины ее старины в своем громадном труде «*Historia polonica*», состоящем из тринадцати книг¹. Четверть века каноник Длугош работал над своей историей. Критический анализ он приложил к последним книгам, а ранний период передал на веру, с Кадлубка, более или менее занимательно. Мы привели из Длугоша легенды об эпохе Пястов выше и не будем повторять выписок. Будучи священником в Кракове, избегая высшего духовного поста, человек нечестолюбивый, живший внутренней жизнью, превыше всего любивший свое отечество, не покидавший по долгу своего кабинета, он пользовался любовью всех лучших и честных людей в своем отечестве. Кардинал Олесницкий открыл ему доступ ко

¹ *Historia Polonica seu de gestis Polonorum libri IV.*

² *Chronocon Poloniae.*

³ Вторая книга Богухвала приписывается ему. *Wiszniewski. Hist. lit. Polsk.*, II, 120—130.

двору, где радушно принимали ученого каноника. Король Казимир Ягеллон пригласил его быть воспитателем наследника престола и пользовался его услугами для дипломатической службы. Как историк, он остался вполне на католической точке зрения, и, исходя из нее, он осуждает гуситов и схизматиков. Как гражданин, он был любимым писателем целых поколений, оставил честное имя и репутацию человека с непреклонным и ничем не запятанным характером¹. Отличительная черта его писательской деятельности — он писал также историю познанских епископов — проявилась в трудолюбии и тщательном собирании материала. Чтобы ознакомиться по источникам с русской историей, Длугош специально выучил русский язык и прочел Нестора в подлиннике.

5. 1. 2. Хроника учехов

Латинская. Если польская средневековая историография, безусловно, латинская вследствие органической исторической причины, то учехов она пытается вырваться из тех тисков, которые наложены были на нее католическим духовенством. Продолжателями Козьмы Пражского, который имел значение не только для чехов, но и для других стран Запада в течение XII и XIII веков были монахи, писавшие по-латыни, как, например, *Винценций*, каноник Пражский († 1174), излагавший время 1140—1167 гг.², *Герлах* (Ярослав или Ярлох), аббат Милевский († 1228), продолжавший Винценция до 1198 г.³, *Петр Житевский* († 1339), рассказавший витиевато время от 1253 до 1338 г.⁴, сохранивший множество документов *Франциск* Пражский, пробст капитула († 1362), который связал свою летопись с именем Козьмы, непосредственно продолжая ее с 1125 г. по 1353 г.⁵. Все они в рассказе не выходят из пределов своей родины, смотрят на все глазами монахов, но у Петра и Франциска (по-чешски Франтишек) пробивается национальный колорит.

Чешская летопись, приписываемая Далимилу (1282—1314). Простор для народного духа мог быть только при условии

¹ Спасович. История славянской литературы, II, 469.

² Annales seu chronicon, *Pertz*, XVII, 657.

³ Chronicon sive Annales Boh, *Pertz*, XVII, 683.

⁴ Chronicon, Aula Rejiae, *Dober*, «Monumenta», V.

⁵ Continuatio chronici Boemici, *Dober*, VII.

изложения летописи на родном языке. И, действительно, под пером рыцаря-мирянина чешский дух сказался во всей своей силе. Прежде всего хронист высказал нерасположение к немецкому племени и к чужеземному влиянию. Такие чувства не могли заявлять не только иноземные духовные лица, но даже чешские священники вследствие безусловного подчинения Риму. Полагают, что каноник пражской церкви Св. Болеслава Далимил¹ написал это замечательное произведение, но характер и дух хроники не согласовался с церковничеством автора. Хроника рифмованная, и в ней чешским живым и приятным для народа стихом описано время от 1282 до 1315 г., т. е. до короля Яна Люксембургского. Потом возникло предположение, что большее право на авторство имеет Смиль, рыцарь из Пардубиц, ученый и патриот. Это чисто народное произведение исполнено ненависти к немцам, что сказывается при каждом случае. Ревность к своему народу, говорит автор, побудила его к повествованию о событиях древних и о происшествиях современным ему. Как горячий патриот, автор (будет ли то Далимил или Смиль) заботился о сохранении национальной чести и родного языка; его подозревают, впрочем, в том, что в его нелюбви к немцам участвовала антипатия шляхтича к мещанству. Но и те, которые высказывают это мнение, не отрицают, что автор хорошо знает свою страну, дорожит преданиями чешской шляхты и что он, несомненно, очень образованный человек своего времени. Не без основания эта стихотворная хроника была напечатана впервые в момент высшего национального возбуждения после изгнания габсбургского короля и не без основания, после битвы при Белой горе, восторжествовавшие иезуиты и немцы стали истреблять книгу, обреченную на сожжение. (Первое изд. *P. Gessin.* (Praha, 1660) было сожжено).

Пулкава († 1380). Спустя полвека после появления Далимиловой хроники священник Пжибислав из Раденина (или Пулкава) сперва по-латыни, а потом по-чешски составил общую историю Чехии, по приказанию императора и короля Карла IV. Он описал обширный период в шесть веков (700—1330) и дал своему народу книгу, которая, не отличаясь легкостью изложения, послужила источником для других чешских историков по связно-

¹ Dalimilova chronica ceská.

сти рассказа и выбору фактов. Он же перевел на чешский язык автобиографию короля Карла IV, своего покровителя.

Так хроника у чехов с трудом вышла на родную дорогу.

Тогда летопись у восточных славян, принявших православие, была давно народной, ибо греки не навязывали новопросвещаемым своего языка.

Это относится к сербам и русским. Впрочем, существовала разница в качестве бытописания в той и в другой стране и в степени влияния его на общество.

5. 2. ВОСТОЧНАЯ

Сербские жития. У сербов историография имела слишком односторонний тенденциозный характер и мало влияла на народ. Она ограничивалась только житиями царей, написанными с церковной точки зрения, но всегда на народном языке. Пример подал в начале XIII в. сербский король *Стефан Первовенчаный* († 1228), описавший жизнь своего отца Стефана Немани (в иночестве Симеона). Его примеру подражал с большим успехом *Св. Сава*, первый архиепископ сербский (1168—1237), второй сын Немани, основавший знаменитый Хиландарский монастырь на Афоне, который стал центром сербской книжной деятельности, впрочем, не обширной по качеству и значению произведений. Архиепископ *Даниил* в первой половине XIV в., при помощи других монахов, писал невозможно льстивые панегирики в своем «Родослове» кралей; Родослова, Владислава, Уроша I, Драгутина, Милутина, Стефана Дечанского, царя Стефана, сына третьего Уроша, архиепископа Арсения, Иоанникия, Евстафия, Якова, Данила II, патриархов Савы и Ефрема¹. Григорович порицает в этих надгробных словах напыщенность похвал и утомительность изложения² и гораздо выше ставит жития святых, названные выше, а особенно *Дометиана* (жизнь Св. Савы), которого очень хвалит также Янко Шафарик, называя образцовым произведением старославянской литературы, признавая за Дометианом ученость, вкус, оригинальность. Ягич и Гильфердинг считают этого историка многословным и пустым ритором, бедным фактами,

¹ *Даничић.* Животи краљева и архиепископа Српских написао арх. Данило и други, Загреб, 1866.

² *Григорович.* Опыт изложения литературы славян. Казань, 1842, I, 103.

намеренно растягивающим материал. Гильфердинг вообще низкого мнения о достоинствах сербских историков. Их лесть кралям превосходит всякую меру; самые преступные из «кравей», например Урош, обagrившие руки злодеянием и кровью, суть «возлюбленные и благочестивые». Даже «ненависть» они «воздвигают на сына возлюбленного». Их набожность, говорит Гильфердинг, всегда условная, доходит до настоящего фарисейства. Действительно, эти историки, упиваясь лестью, из самых преступных царей делали святых; другого эпитета к «кравлям» не прилагается, зато о народе нет и помина; его нужды и интересы совершенно чужды этим черствым монахам, писавшим риторические упражнения на исторические темы.

Бессилие этих авторов сказалось в деле составления летописи. Она не могла являться до конца XIV в., когда на всем Западе, у русских славян, не говоря про Византию, историография дала прекрасные образцы. Правда, в XIII в. в Сербию проникли переводные летописи с греческого, но они были болгарской редакции. Так, летопись патриарха Никифора известна была в переводе 1274 г.; другие византийские хронисты переводились в следующем столетии и позднее, как Манассия (1348), Георгий Амартола (1388), Зонара (1409). Для ознакомления с прочими народами служили у сербов палеи и хронографы, тоже болгарской редакции. Палея — это книга строго историческая, «бытийная», книга «бытия небеси и земли», это всемирная история, изложенная с условной точки. Древнейшая палея относится к концу XIII в. После, с той же целью, стали переводить хроники латинские, например Исидора Севильского с его эпохами. Исидор послужил образцом сербским хронографам, значительно дополненным сведениями о южных славянах. Но вообще западное влияние, как иноверное, с трудом проникало в средневековую Сербию.

Сербская летопись, родившаяся в то же время, составлялась из тех же житий. Сами названия могут служить доказательством, как-то: «Житие и жительство краль и царей сrbских» (до 1453), «История в кратце о сrbкских царей» (до 1503) и т. п. Эти скудные источники кончаются XVI столетием.

Летопись, приписываемая Нестору (1056—1116). Мы не имеем в виду останавливаться подробно на сводах русской летописи. Последняя в настоящем очерке имеет для нас только срав-

нительный интерес. Инок Киево-Печерского монастыря, преподобный *Нестор*, современник *Мартина Галла*, жил и писал в начале XII в. Неизвестно с точностью, в чем проявилось его участие в составлении славянской «Повести временных лет, откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда русская земля стала есть». Известно, что монах *Нестор*, на которого была возложена обязанность ведения летописной записи Печерского монастыря, списывал жития святых, из которых некоторые вошли после в общий летописный свод для всей русской земли. Он же написал «Чтение о житии и о погублении *Бориса и Глеба*». Сопоставление этого подлинного труда *Нестора*¹ с тем, что говорится о том же предмете в начальной летописи, приводит к заключению, что авторами жития и летописей были разные лица. Сверх того, в самой летописи встречаем не одно противоречие, что подтверждает мысль о разных составителях, причем участие в рукописи принимали и светские лица, как, например, в изложении языческого периода, герои которого, такие, как *Святослав*, не могли бы вызвать сочувствие в монахе.

Важную роль играла личность редактора или, вернее, редакторов разных сводов. Приписка под 1110 г. называет (6624 индикта 9 лета) игумена *Михайловского Киевского монастыря Сильвестра*, которому принадлежат и некоторые места летописи. Его участие было настолько сильно и настолько доказательнее *Нестора*, что *Костомаров* полагал назвать начальную летопись не *Несторовой*, а *Сильвестровой*. Текст в филологическом отношении представляет небольшие различия по спискам, от XIV до XVIII вв., число которых доходит до ста шестидесяти восьми. Эти списки группируются по местностям и тогда называются разрядами, а также по редакциям, и называются изводами. Древнейшие своды относятся к XIV в., как *Лаврентьевский*, который переписал монах *Лаврентий* в 1377 г., вместе с обширным продолжением событий в приднепровской Руси, Суздале и Новгороде и *Ипатьевский* список по местонахождению в *Ипатьевском костромском монастыре*), в начале XV в. Имя же *Нестора* значится только в заголовке одного позднейшего списка. Одним из письменных источников служит византийский хронист в болгарском переводе, *Амартол*, который дал сведения о начальной жизни славян на Дунае и о нашествии

¹ Древнейшая рукопись этого жития относится к XII в.

волохов. Из местных преданий наш летописец воспользовался теми, которые относятся ко времени до Олега.

Он включил в свою повесть общеславянскую начальную историю, что делает честь его пониманию племенного единства. Он останавливается на выделении русских славян. Затем летописец говорит о прибытии варягов и, пользуясь этим случаем, по Амартолу рассказывает древнейший период библейской истории, дополняя рассказ о распределении народов на севере своими сведениями. По поводу вавилонского столпотворения летописец говорит о расселении славян и о пути «из варяг в греки». Он вносит легенду об апостоле Андрее, конечно, не местного происхождения, а занесенную с Юга, говорит о судьбе полян, славян дунайских и дулебов, о расселении славян в Восточной Европе, нынешней России, заимствует из Амартола характеристики разных народов, между прочим половцев. Здесь слишком прозрачны вставки и противоречия, так как сами источники были разнообразны и между собой несогласны. Затем следует погодная летопись Печерского монастыря, причем некоторые годы пустуют, а иногда под одним годом изложено несколько событий. Часто к известному году событие отнесено случайно. Интерес и характер изложения не одинаковы; подробности чередуются с краткостью.

Это обуславливалось источниками. В свод занесены целиком материалы разного качества, фактическая сторона которых не всегда была согласована. Кроме целых летописей вошли рассказы из старых переводов или местного происхождения, документы, договоры Олега, Игоря и Святослава, в переводе с греческого, духовная Владимира Мономаха, жития, именно Св. Владимира, Св. Кирилла и Мефодия, принадлежащие монаху Иакову, Св. Бориса и Глеба того же автора в сокращении, извлечения из Палей, из византийских авторов и проч.

Высокое достоинство Нестора — его любовь к просвещению. Он понимает последнее исключительно в церковном смысле, но другим оно и не могло быть. Превыше всего он ценит книгу. Он специально останавливается на вопросе о славянских письменах. В распоряжении Св. Владимира о распространении грамотности он видит исполнение пророчества: «И в тот день глухие услышат слова книги, и прозрят из тьмы и мрака глаза слепых»¹. Любовь

¹ Ис XXIX, 18.

к просвещению заставляет его вдаваться в такого рода соображения, которые, будучи старыми, обладают всей прелестью новизны: «Велика бывает польза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяню, мудрость обретаем и воздержанье от словес книжных; се бо суть реки напаяющи вселенную, се бо суть исходища мудрости; книгам бо есть не исчетная глубина; сими бо в печали утешаемы есмы, си суть узды въздержанью... Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящещи ведикую пользу души своей; иже бо книги часто чет, то беседует с Богом или святыми мужы». Все это незаученные возвышенные речи; в них слышится убежденность; они чужды риторики. Нестор избегает холодных поучений. Все его нравоучения — а их много — вытекают из фактов и служат их развитием. Пользу монастырей для общества того времени, их просветительную роль он выводит из условий и обстановки обитателей ему современных, говоря о Феодосии Печерском; вред волхвования, под которым летописец понимает суеверие, вытекает из рассказа о волхвах, чем выясняется бессилие бесов. По характеру все поучения Нестора исполнены искренности и теплого чувства.

Его добросовестность и беспристрастие вне всякого сомнения. Редкий из рассмотренных нами летописцев был в такой степени чужд тенденциозности, как составитель начальной летописи. В этом отношении он безупречен, не старался рисовать одни светлые стороны событий и людей; он, как выражались его продолжатели, не всегда удачно подражавшие ему, «*все бытства земская не обинуяся показывает*». Книга, из которой исходил он и на которую постоянно ссылался, была Библия. Он до того в совершенстве владеет ею, до того усвоил обороты Священного Писания, что иногда его изложение, как было неоднократно замечено критикой, отличается совершенно библейским характером. Тексты, которые он в обилии приводит, не делают утомительным или манерным рассказ летописца, обладавшего замечательной способностью всегда поддерживать внимание, а иногда достигать драматичности в передаче событий.

Заслуга преподобного Нестора, а равно составителей и редакторов русской летописи, как бы они ни назывались, неизмерима. Они были истинными детьми своей земли; они носили в себе сознание не только кровного единства всех восточнославянских народов, но и общего племенного их единства со славянами

западными и юго-восточными. Тех и других они не исключают из своей истории, хотя глубоко скорбят об их иноверии. Они живут общей жизнью со всеми славянскими племенами. Великим счастьем для будущего было появление такой основной летописи именно на живом языке, доступном другим славянским народам. Никто не послужил в такой степени упрочению племенного единства славян, как составители нашей летописи, церковная профессия которых не только не отдаляла их от народа, как это было на Западе с монахами-хронистами, а, напротив, еще более сближала с ним.

Продолжатели начальной летописи. В этом же направлении продолжалась древнерусская летопись в разных краях Руси. Казалось, она разветвляется, но в сущности она разрасталась, проникая в разные города, всегда свято и бережно храня свою основу, свою начальную повесть до 1110 г. Так, Киевская летопись оканчивается 1199 годом. Излагая события Южной Руси XII столетия, она переходит в Галицко-Волынскую, которая продолжается до 1305 г. С середины XII в. от киевской отделяются ветви: Суздальская и Переяславльская. Еще с XII в. разворачиваются последовательно четыре Новгородских летописи, а за первой из них в начале XIII в. две Псковские; в XIV столетии появляется летопись в Твери. Подобно итальянским общинам, каждый край или, точнее каждый город, сколько-нибудь значительный, имеет свою летопись, над которой работает благочестивый и трудолюбивый монах местного монастыря, переписывая «правдивые сказания» и дополняя их тем, что кажется ему достойным внимания. Так, мы знаем летописи Нижегородскую, Вятскую (повесть о граде Вятке, может быть, новгородского происхождения), Владимирскую, Переяславльскую. Более всего на Руси работали в этом направлении в Ростове.

По мере упрочения единства русской земли, разрозненной случайно, летописи сводятся в большие своды, которые и называются *временниками*: *Софийский* (Новгородские), *Воскресенский* (Московские, Новгородские и Тверские) и *Никоновский* (Московские, Тверские, Рязанские). Вместе с тем с середины XIV в., в ходе исторического движения, московские записи начинают преобладать, а потом и сборники редактируются большей частью в Москве. Несколько позднее наблюдаем заимствования от западных, преимущественно польских историков, например Длу-

гоша. Это отразилось в т. н. *Густинской* летописи, которая считается обыкновенно прибавлением к *Ипатьевской*. В ней помещен сперва переделанный текст *Нестора*, потом *Ипатьевская* летопись в сокращении, а затем идут выписки из иностранных источников. С ней русская летопись входит в связь с Западом. Но из этого не следует, что в нашу летопись проникло западное влияние. Вековая враждебность к римской церкви, перенесенная из Византии и еще более упрочившаяся под влиянием покорения латинянами Царьграда, уничтожала возможность всякого сближения с Западом и даже сколько-нибудь спокойного к нему отношения. Католики представлялись еретиками, а иногда даже неверными; их обряды и обычаи встречали иронию и самое глубокое презрение московских летописцев XIV—XVI веков. От этого явления западной жизни всегда освещались односторонне, крайне тенденциозно и невежественно. Примечательно, что часто сами греки не казались достаточно православными. Покорение латинянами в глазах русской летописи было несчастьем, а падение Царьграда перед турками наказанием Божиим за измену православию, за покушение на унию, которую не без оснований старые русские бытописатели не могли простить Византии. Родство московского великого князя с Палеологами нисколько не породило духовно русских с греками; напротив, оно уменьшило симпатии, тем более, что Софья, невеста Иоанна III, прибыв от «великого Рима и немец», имела несчастье быть «по отце христианка, а по матери латынска». Потому-то современники заметили, что когда на Москву пришла «великая княгиня Софья с греки, так наша земля замешалась»¹.

6. ПЕРЕХОД НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ В ИСТОРИЮ НА ЗАПАДЕ

Переход хроники в историю на Западе. Великие моменты народной истории, когда все силы какого-либо народа напрягаются до высшей степени, когда энергия его крайне возбуждается, а тем более, когда идет борьба из-за его политического существования, — порождают талантливых бытописателей. Счастлив или нет был в этой борьбе народ, дело не в том; важность самой борьбы обуславливает появление ее историков. Такой была великая столетняя война Франции и Англии, французского и английского

¹ Сборник князя Оболенского, М., 1828, 3.

рыцарства, дающая интерес истории второй половины XIV в. и первой — XV в. Был полный расцвет рыцарства; идеализм двигал людьми; католицизм находился в полном блеске; авторитет пап ослаб, хотя духовенство продолжало давать тон. В 1328 г. на французский престол вступает дом Валуа в лице Филиппа IV. Эдуард III Английский объявляет претензию на трон, обходя са-лический закон, указывая на то, что он сын одной из дочерей Филиппа IV Красивого. Филипп IV был после разбит при Креси (1346), потеряв Кале и передав престол сыну, Иоанну Доброму (1347 — 1364). Его борьба с Черным Принцем, поражение при Пуатье в 1356 г., английский плен — все это события, требующие сильного таланта для достойного повествования их и возбуждающие особый интерес. Осиротелые французские сословия волновались, грозило разложение только что сложившегося государства; дофин был бессилен. Мир 1360 г. был унижителен для Франции; значительная часть юга и город Кале были уступлены Англии, за что Эдуард III отказался от претензий на французский престол. Карл V Мудрый (1364 — 1380) дал успокоение изнуренной Франции, искусной политикой вернул юго-западные области, но несчастья Франции только что начинались. Его жалкий сын Карл VI помешался и 42 года, считаясь королем, был игрушкой бургундской и орлеанской партий, вожди которых, дядя и брат короля, спорят о регентстве в то время, как городское сословие приходит в движение и в Париже требует уменьшения налогов и политических прав, предводимое своим отважным городским головой. Это демократическое движение было общим с восстанием в Англии Уота Тайлера, направленным против рыцарства, с союзами баварских, швабских, франконских, рейнских и швейцарских городов против немецких феодалов в эпоху слабого императора Венцеля (по-чешски Вацлав), когда не раз, как при Земпахе, в 1386 г., рыцари терпят жестокие поражения от крестьян и горожан. Потрясаемая, таким образом, внутри и извне, Франция не могла оказать сопротивление английскому королю Генриху V, когда тот, требуя назад приобретенные по прежнему договору земли, вторгнулся в Северную Францию. Под Азинкуром последовал разгром (1415), хотя французы были вчетверо сильнее англичан. Дорога к Парижу была открыта. Бургундская партия, предводимая королевой Изабеллой, чувствуя, что все потеряно, покоряется Генриху V и признает его королем, а

после его кончины провозглашает королем Генриха VI. Карл VI умирает в сумасшествии. Национальная партия выдвигает его сына Карла VII, взывает к непочатым силам самого народа, который спасает Францию, погубленную блестящим, но продажным рыцарством. Орлеанская дева своим подвигом оканчивает эту эпопею в 1431 г. При Карле VII был заключен договор с Англией (1453), которая была крайне обессилена войной Алой и Белой Розы¹ при слабом Генрихе VI, современнике Карла VII; она потому не могла теперь мечтать о славе. За Англией остался только Кале — это единственный плод войны; столетняя борьба прошла как тяжелый кошмар бесследно, но дворянство той и другой стороны было потрясено. Во Франции усилилось третье сословие; в Англии упрочилась конституционная система.

Фруассар (1333—1404). Первую половину этой великой борьбы (1326—1400) изобразил Жан Фруассар в своих написанных по-французски «Хрониках Франции, Англии, Шотландии, Испании и Бретани». Как видно из его заглавия, он имеет целью историю общую, не касаясь лишь Германии и славянских народов. Он историк рыцарства, Геродот средних веков². Фруассар, сын менялы или торговца в Валансьене, родился в конце 1333 г. Случайные обстоятельства вывели его из буржуазного мира в рыцари. Он, рано осиротев, жил у своего родственника и учился в молодости разрисовывать стекла, потом пергаменты, гербы; эти занятия заставили его полюбить рыцарство. В нем с юношеских лет развился лирический талант; на его песни обратили внимание; в них было много чувства, вызванного искренней страстью. В качестве оруженосца он, двадцати трех лет, в свите рыцаря Бомона (графа Рено), совершает свое первое путешествие. Оба они ездили каждую зиму ко дворам герцогов и князей, были в Париже, причем Фруассар, надо полагать, в качестве трувера, распевал свои песни. В этом году началась война и последовал разгром французов при Пуатье. Явился богатый материал для наблюдения и для истории. Муза Фруассара меняет свой харак-

¹ Война Алой и Белой Розы началась в 1455 г. — *Прим. ред.*

² Первое издание было осуществлено в Париже в четырех томах в 1495—1518 гг.; второе — в Лионе в двух томах (1559—1561). В 1870—1877 гг. в Брюсселе вышло бельгийское издание в двадцати пяти томах с обширным справочным аппаратом.

тер; связи, совершенно случайные, сблизили его с английским двором. Племянница его патрона стала королевой Англии, и Фруассар переселился к ее двору. Тогда же он подносит ей книгу, свои первые стихотворения, историко-поэтический опыт; теперь они утрачены. Затем ему легко было стать влиятельным человеком и доверенным лицом разных дворов. Он путешествует по Англии, Шотландии, Уэльсу, Бретани, Брабанту, Фландрии, Беарну, Артуа, по всей Франции; он был в Италии и Риме. Это дало ему большой житейский опыт, знание людей, подготовку к историческому труду, им предпринятому. Он подчиняется тому требованию, какое некогда предъявлял к историку Лукиан. «Надо, чтобы, подобно гомеровскому Зевсу, он устремлял глаза во все стороны, на Фракию и Мезию безразлично, чтоб он видел все, совершавшееся в разных местах, чтобы он вмешивался и тут и там, чтобы он бежал с побежденными и торжествовал с победителями. Его дух должен быть зеркалом без пятен; он должен отражать предметы такими, какими они есть, не прибавляя ничего своего, кроме наивного выражения». И все это есть у Фруассара, часто в такой же степени, как у Геродота. Вот его общий взгляд: «Он хочет рассуждать и писать историю так, чтобы прекрасные предприятия и доблестные подвиги, совершаемые в Англии и Франции, были преданы постоянной памяти». Как пчела собирает мед повсюду, так он работает над материалом. Он везде спрашивает, передает то, что слышал, хотя не всему верит. Он не был подражателем ни прежних, ни современных ему летописцев, ни латинских, ни национальных. Он руководствуется собственным гением, своеобразным, истинным отражением французского духа. «В свое время я пожил на свете, — пишет он, — чтобы изобразить настоящие и по собственному желанию виденные чудеса сего мира, чтоб исследовать происшествия и военные подвиги, которые описаны в этой книге». Достоверность своих сведений он объясняет тем сочувствием, которое внушали ему его искренние и заслуживающие уважения собеседники. «Я хочу, чтобы те, которые будут писать после меня, знали, что я собирал сведения от важных лиц Франции, Англии, Шотландии, Кастилии и Португалии и других стран», — отмечает историк. Рассказывать ему доставляет удовольствие. Будучи скорее фламандцем, чем французом, он симпатизирует более всего английским рыцарям, которые «по преимуществу вежливы, любезны,

тверды, исполняя свой долг, где только появятся вооруженными; они скорее предпочтут умереть, чем заслужить упрек в трусости». Но и Франция для него мила, «страна приятная и вежливая, с чудными лугами, прекрасными деревнями, это королевство славное и благородное, где столько благородного и честного рыцарства». Ни одна страна не сравнится с Францией по уменью оказывать чествования, французы — контраст немцам, которые, по отзыву Фруассара, продажны, грубы и жестоки. Итальянцев Калабрии и Апулии он обвиняет в лености, которая привела к бесплодию богатую страну. Он не сочувствует и ломбардским коммуна́м, которые после расхваливала Христина Пизанская; он обвиняет итальянцев в кичливости, гордости, непостоянстве.

Из всего приведенного видно, что труд Фруассара приблизился к рубежам поэзии. Ему много помогало художественное стремление, поэтическое настроение, которое вообще его не покидало. «Благодаря фантазии, которой я владею, я легко переносил тяжелую работу, ибо тот, кто *охотно* берется за какой-нибудь труд, всегда исполняет его легко, ибо он не кажется тяжелым».

Наступил XV в., а с ним возродилась любовь к классическим древностям. Вместе с Возрождением знаний совершилась перемена в ходе историографии.

Тип средневекового летописца. После Фруассара начинается третий период, к которому следует отнести произведения XV столетия. Те летописцы, которые трудились по внутреннему влечению, из искренней любви к делу, дорогому для них, к делу, которое было задачей их жизни, даже самой жизнью, — эти трудолюбивые монахи, которые писали «не мудрствуя лукаво», уступают место философам и моралистам Возрождения, людям, стремившимся к особым целям, более или менее искусственным, эгоистическим карьеристам, политическим деятелям или фантазерам. Летописец-монах, всецело, всем существом своим служивший бытописанию, ценивший превыше всего блага другого мира, более всего на свете дороживший рукописями, дававшими ему материал, представляет в высокой степени отрадное явление в средневековой жизни. Большей частью это были замечательные и целостные типы. Труд они ценили превыше всего в земной жизни и, желая увековечить прошлое, очень часто не считали необходимым и уместным отмечать на летописи свое имя. Соб-

ственная личность для них не существовала. Аноним, на котором весьма часто зиждется историческая наука, — это поистине высокое явление. Летописец-монах старается записать как можно больше и как можно скорее, пока не угасла эта земная жизнь, которую он так мало ценит. Он хочет этим послужить следующим поколениям и замолить литературным трудом свои грехи.

Мы не можем отказать себе в удовольствии привести для характеристики этих тружеников первого и второго периода рассказ из отдаленных веков, записанный одним из учеников Беда Достопочтенного, умершего в 735 г. С благоговением вспоминая своего учителя, дававшего пример исполнения долга и неустанного труда, он так описывает его кончину, эти предсмертные часы, в которые историк не позволял себе отдыха, посвящая их литературной работе, составлявшей заветную цель его уже угасавшей жизни¹.

«В последние дни учитель, — рассказывает *Годберт*, — был занят переводом на англосаксонский язык Евангелия от Иоанна и летописи Исидора Севильского. На Вознесение ему стало трудно дышать; ноги его начали пухнуть.

— Пишите скорее, — говорил он ученикам; — я не знаю, долго ли проживу еще.

Всю ночь он провел в молитве. На следующий день он диктовал до трех часов. Ученики ушли к божественной службе, только один из них остался при нем.

— Теперь остается только одна глава, дорогой учитель, — сказал ученик. Тебе не тяжело ли продолжать?

— Ничего, бери перо и пиши поскорее.

Ученик дописал последнюю строку.

— Теперь конец, — радостно воскликнул он.

— Да, конец, *consummatum est*, — согласился Беда, велел перенести себя на кресло и запел, восхваляя Отца, Сына и Духа Святого. И только он успел произнести это последнее слово, как испустил дух».

Историк умер на своем посту. И свершилось так потому, назидательно замечает ученик, что «преподобный трудился всегда во славу Господню, почему и отошел к сопричастию небесных радостей».

¹ *Epistola Guthberti ad Cuthvinum condiscipulum. De Sancto Beda, Acta Sanctorum, Bollandus, 1866; maji; VI, 714.*

Третий период

Историография времен Возрождения. Переходя к XV в., мы вступаем как бы в новый мир, полный своеобразных красок, научных интересов, духовной жажды, благоговения к искусству, к пластичной форме, к чувственности. «Всему, что ни есть в мире, высшим убранством служит красота, — скажем мы словами друга Рафаэля, графа Кастильоне, — это победное знамя души, когда, причастная божественному, она небесной своей силой покоряет земную природу и пронизывает насквозь тьму телесного мира лучами своего света». Вместо аскетических церковных идеалов торжествует поклонение античной жизни, дошедшее до формализма с одной и до чувственной распущенности с другой стороны. Люди отринули всякие идеалы, кроме чувственных. С легкой руки Данте, Петрарки, Боккаччо — этих носителей высоких идей, выросших на почве Италии, — общество деятельно принялось за изучение классиков, за разборку древних рукописей; изобретение книгопечатания в 1455 г. быстро двинуло работу. С 1470 до 1500 г. в одной Италии напечатано 5400 сочинений. Это обновляющее движение заметно проявилось и в историографии. Великие произведения исторического искусства чарующе действовали на воображение современников XV в. В Италии не прерывалась связь с Древним Римом. Эта связь обуславливалась и историческими традициями, и языком, который царил на этой земле восемь столетий и который оставался там долго и впоследствии языком образованных людей. К нему легко было вернуться литературе, а историография и прежде велась большей частью на этом языке. Произведения XV в. в Италии отличаются от предшествовавших стремлением приблизиться к великим подлинникам, которые никогда не теряли обаяния.

В конце концов это не удалось, породив чопорную, дутую историческую литературу, чтение которой может быть делом лишь специалистов. Особый характер этих произведений проявляется и в направлении религиозных верований. В средние века памятники античной литературы не были в разладе с верой. В бенедиктинских монастырях (Монте-Кассино, Клуни, Сен-Галлен, Фульда), наряду со служебниками и молитвами, переписывались и классические сочинения. Это делалось по воле аббата или по

благочестивому настроению монаха. Тогда те же античные произведения уживались мирно с искренним благочестием; они не производили на веру разлагающего влияния. Теперь же они обусловили атеизм, потому что религиозный авторитет католицизма был уже подорван благодаря постыдному поведению пап. Потому с понятием о деятелях Возрождения обыкновенно соединяется протест против христианства.

Этот протест растет все сильнее; центр движения сосредоточивается во Флоренции. Чем были Рим для церкви, Венеция для торговли, тем стала Флоренция для литературной и художественной жизни. Феррари приводит в этом отношении интересные числовые данные касательно политических писателей в средние века до XVI столетия включительно. За этот период во всей Европе было 494 публициста, а в Италии 424, причем в одной Флоренции более 20, притом первоклассных публицистов, как, например, Данте и Петрарка. Во Флоренции деятели Возрождения в XV столетии выдавались энциклопедическим характером своих трудов, как: *Леонардо Бруни* (1369—1444), *Поджио Браччиолини* (1380—1459), *Марсилио Фичино* (1433—1499), *Андже-ло Полизиано* (1454—1495).

Леонардо Бруни (Аретино) (1369—1444). Первый и второй были историками по профессии. Бруни был родом из Ареццо и рассчитывал посвятить себя адвокатуре. Случай столкнул его с греком Хризоларосом, который тогда проповедовал во Флоренции классическую мудрость. Он увлек молодого аретинца, который так полюбил греческую науку, что занимался «днем, ночью и во сне». Через Поджио он получил место при римском дворе и был секретарем Бонифация IX, пап Иоанна XXIII и Мартина IV. Но сердце не участвовало в его служении римскому делу, хотя с Бонифацием IX он оставался в прекрасных отношениях, и, когда многие восстали против него, Бруни не покинул папу, как после не покидал Иоанна XXIII. В своих письмах он очень осторожен и, видимо, смягчает темные краски, которыми не любил злоупотреблять. Это ценно в гуманисте Возрождения. В 1427 г. он был приглашен на должность государственного секретаря во Флоренцию. Занимаясь государственными делами, он посвящал много времени историческим и юридическим трудам. Всегда скромный, он горделиво замечает, что был реформатором латинского языка и что в этом отношении никто не может стать рядом с ним. Гово-

рят, что его «История Флоренции» дала ему такую славу, что иностранцы нарочно ездили во Флоренцию, чтобы хотя издали взглянуть на знаменитого человека. Его значение, как гуманиста и патриота, обрисовал Монетти в надгробной речи, возлагая на его останки золотую медаль и лавровый венок; он называет его звездой гуманизма, мудрецом и великолепным оратором. Его история ценна своим беспристрастием. По политическим стремлениям он был гвельф, но это не видно в его спокойном изложении, обнаруживающем опытного государственного человека. Он ищет причины событий; у него много философского исследования; он не довольствуется, подобно Виллани, одними письменными сообщениями источников. Для него история призвана оживить прошлое, т. е. представить людей со всеми чувствами и страстями. Переводчик довольно верно характеризует труд Бруни: «История весьма полезна для управления, ибо, рассматривая минувшие дела, можно лучше судить о настоящем и будущем и, таким образом, в делах города давать более мудрые советы. В истории можно видеть причины счастливых и несчастных дел, совершившихся в разное время, все великое и поучительное в жизни человека». Почти то же самое выражает Бруни в своем предисловии, обещая откинуть все баснословное, дабы изложенные факты сделались более ясными и очевидными. Он начинает с отдаленной поры, повторяя прежние сведения, сокращая легенды. В нем видим красивого стилиста-писателя, хорошо знакомого с классическими приемами. Тусков (этрусков) он выводит из Малой Азии; римляне заимствовали от них науки и искусство; они подчинились Риму из-за внутренних раздоров. В истории императорской эпохи говорит республиканец, изучавший Тацита. «Падение Римской империи началось с тех пор, как Рим, лишившись политической свободы, начал служить императорам. Если мы вспомним жестокости Тиберия, свирепость Калигулы, слабость Клавдия, зверства Нерона, Вителлия, Каракаллы, Гелиогобала, Максимиана и других подобных чудовищ, то невольно признаем, что величие римлян стало падать с тех пор, как имя цезарей, подобно чуме, появилось в городе; после уничтожения свободы исчезла добродетель. Все правление перешло в руки порочных, что и послужило причиной падения империи». Это дает возможность сделать переход к варварам. Столь же своеобразно объяснение борьбы пап с германскими императорами, которые, живя вдали от

Рима, преследовали первосвященников за то, что те не давали им церковной юрисдикции; гвельфы считали унижительным подчинение итальянцев немцам; гибеллины мечтали восстановить древнюю могущественную империю. Первая книга доведена до 1260 г.; во второй много говорится о Манфреде и Карле Анжуйском и их борьбе, в которой решалась судьба Флоренции и Милана. Кроме истории Флоренции, Бруни писал трактат о ближайших событиях в Италии. Оба сочинения Бруни важны как мемуары государственного человека, без которых нельзя изучать современную ему эпоху. Бруни пытается разрешить общие проблемы, например о причинах возвышения Рима и Флоренции, как больших городов. «Как большое дерево мешает расти маленькому, так могущество Рима не только помешало возрасти другим городам, но даже и те, которые когда-либо были могущественны, стали падать».

Поджио (1380—1459). Поджио перевел Киропедию и написал «Историю Флоренции», доведенную до 1455 г. и переведенную на итальянский язык его племянником. Поджио был влиятельным лицом в римской курии на протяжении сорока лет. Он был, между прочим, на Констанцком соборе в качестве папского секретаря и там тщательно разыскивал рукописи, возбуждая беседы о них. Он совершил научную поездку в Сен-Галленский монастырь, где в старой башне, среди всякого хлама, нашел богатую добычу, между прочим Квинтилиана, восемь речей Цицерона, а в 1415 г. в Монтекассинском монастыре открыл и Аммиана Марцеллина. Уже в старости, семьдесят двух лет, он стал официальным историком Флоренции, унаследовав эту обязанность от Бруни, бывшего в то же время канцлером. Сам Поджио был избран членом сеньории. Таков был почет историографу в Италии тех времен.

Латинская историография не составляет исключительного и обязательного явления в XV в. По-латыни пишут преимущественно в Италии, где возрождение древности пустило наиболее крепкие корни. В других странах Запада вместе с латинской продолжала процветать национальная историография. Во Франции; например, Фруассар был настолько крупным литературным явлением, что проложил путь народному направлению в историографии не только в своем отечестве, но и в соседних странах. Мы в пределах общего очерка познакомимся с любопытными образ-

цами собственно национальной историографии в Испании и во Франции в XV в., чем и закончим наши заметки.

Фруассар ознаменовал собой целый этап развития историографии. То стремление к литературному изложению на народных языках, которое проявилось, было настолько велико, настолько целесообразно, что задержать его было нельзя, даже классицизму. В Арагоне, Кастилии, Португалии, имея то же содержание, историография подает руку эпическим сказаниям и сама принимает поэтический колорит и стиль в приемах изложения.

Раймонд Мунтанер. Раймонд Мунтанер был историком Хайме I Арагонского, прозванного Завоевателем (1213—1276), победителя мавров, современника Фридриха II, одного из лучших представителей второй половины XIII века¹. Мунтанер смотрит на Хайме I, как на средневекового рыцаря, борца за христианскую идею, героя борьбы с маврами. Он передает события как участник, с фактической стороны. У него, как у художника, Хайме весь налицо: он храбр, суеверен, хитер, благочестив. В начале хроники Мунтанер говорит, что стал записывать деяния короля, потому что имел видение, которое повелевало ему составить книгу о великих происшествиях, случившихся в то время. «Встань, — говорил ему какой-то старец, — и принимайся сочинять книгу о великих чудесах, свидетелями которых мы были и которые творил Бог в тех войнах, в которых ты участвовал». Когда он не решился последовать этому приказанию, то старец явился вторично и почти силой заставил его исполнить указанный труд, за который он принимается в надежде на Божие благословение. Он много говорит о Провансе в том же эпическом стиле. Жизнь Прованса была тесно связана с судьбами Арагона. Государи последнего были родственны провансальским владетелям, которые приносили им феодальную присягу, пока сюзеренство не перешло в Париж. В том же XIV в., в соседней Кастилии, хроника также принимает эпический характер, именно в анонимной истории Альфонса X² и в поэтической хронике Айалы. Автором первой считают Фернандо Санчеса де Тонор³. Известно,

¹ *Chronica y descriptio dels fets, hazanayes del inclyt rey don Jaume, I. Rey Daragr e de molts de sos descendents*, Valladolida, 1558.

² 1221—1284, король с 1252 г. — *Прим. ред.*

³ *Chronica del muy esclavecido principe y rey D. Alfonso X 1252—1312, 1554.*

что ученость, поэтический талант и труды по части астрономии, истории, вообще занятия науками дали Альфонсу X, королю Кастилии и Леона, прозвание Мудрого. Он распорядился писать впредь все официальные государственные акты, а равно и юридические документы на вполне выработавшемся тогда испанском языке и сделал первый испанский перевод Библии; он расширил Саламанкский университет, устроил обсерватории, покровительствовал науке, издал свод законов, хотя ученые и государственные занятия не помешали ему резать своих братьев и всячески притеснять подданных. Также интересна хроника об Альфонсе XI.

Педро де Айала (1332—1407). Самое замечательное произведение испанской исторической литературы в средние века хроника Педро Лопеса де Айялы, охватывающая период с 1350 по 1396 гг.¹ Она занимает одно из первых мест во всей средневековой историографии. Айала был почти современником Педро Жестокого. Он писал под живым влиянием событий и благодаря поэтическому складу своей натуры вывел рельефный образ тирана, который во сне и наяву страдал манией убийства, поставленный в положение Макбета. Он боится соперника, побочного брата, рожденного от женщины, «которая была гонительницей его матери». Вся эта драма изложена с удивительным спокойствием, которое трудно достигается повествователем. В изложении заметно драматическое расположение частей, теплота и наивность стиля. Ненасытная подозрительность ведет Педро Жестокого от одного убийства к другому: он убивает пятерых детей фаворитки, вместе с их матерью, затем свою жену, в припадке злобы, и женится на своей любовнице Марии де Падильо. Но старший сын Алиеноры Энрике успел скрыться. В нем тиран нашел мстителя, который во Франции набрал рыцарей и, пригласив Дюгеклена², вошел в пределы Кастилии, провозгласив себя королем. Педро бежал в страхе, укрываясь то в Португалии, то в Галисии, то в Гиени, находя временную поддержку в Черном Принце³. Когда последний оста-

¹ Впервые издано в Севилье в 1495 г. с примечаниями Зуриты, потом в Мадриде в 2 т. в 1779 г.

² Бертран Дюгеклен, французский полководец. — *Прим. ред.*

³ Эдуард, принц Уэльский, английский полководец, правитель Аквитании в 1362—1372 гг. — *Прим. ред.*

вил короля, то Педро стал беззащитен. Энрике занял Толедо в 1369 г., Дюгеклен разбил Педро и взял его в плен. Французы пригласили Генриха. «Когда король дон Педро туда пришел и когда он вошел в жилище мессира Бертрана, тотчас об этом узнал дон Энрике, так как он уже был там, вооруженный и облеченный во все свои доспехи с забралом на голове, ожидая только этого донесения. И он пришел туда вооруженный и вошел в помещение мессира Бертрана. Дон Энрике пошел навстречу дону Педро; он его не узнал, потому что давно не видел его. И рассказывают, что один из оруженосцев Энрике сказал ему: будьте осторожны, вот ваш враг. Адон Энрике еще сомневался: он ли это. И рассказывают, что дон Педро сказал Энрике: да, это я, это я. И тогда только дон Энрике его признал и поразил его дротиком в лицо. Говорят, что оба короля упали на землю и что дон Энрике будто на земле нанес дону Педро много ран. И так умер дон Педро 23 марта того же года». Затем автор изображает совершенно равнодушно его портрет и кончает: «Он убил много людей в своем королевстве, почему и приключились с ним все несчастья».

Фернандо Лопес. Подобные же эпические приемы, напоминающие арабских историков, встречаем у национальных португальских хронистов в XV в. Замечательнейшим из них считается Фернандо Лопес, живший в XV в., историк Педру I Жестокого, короля Португальского (1357—1368) и предмета его любви, несчастной и поэтической Инес де Кастро¹. То был трогательный исторический роман: развитие страсти, затем самоотвержение и ужасы мести.

Недалеко от загородного дома португальских королей (Мондены) еще и теперь показывают ручеек, по течению которого были отправляемы письма любовников в заклеенных коробочках. Отец принца, Альфонс IV, не соглашался на брак и женил сына на кастильской принцессе, но Педру тайно обвенчался с Инес и имел от нее двоих детей. Отец приказал их убить. Педру укрыл Инес и детей в монастыре. Король сам явился, окруженный свитой, в их убежище; он вырвал детей из рук матери и велел умертвить. Инес

¹ *Fernão Lopes. Crônicas del Rey Don Ioam de gloriosa memoria o I deste nome e as dos Reys Don Duarte e Don Alfonso o V.* Издания в Лиссабоне, 1643, 1774, 1780. Ему же принадлежит «История Фердинанда I и Педру I», восьмого и девятого королей Португалии. Его продолжал Цурара в конце XV в.

умерла от горя. Педру впал в сумасшествие, а потом решился на страшную месть, мысль о которой питала его жизнь. И он ужасно отомстил при содействии Педро III Кастильского. Палачи не были так изобретательны и жестоки, как желал король, рассказывает Лопес. Наконец он вырвал у мертвых сердце. В этом правдивом рассказе, переданном библейским тоном, можно наблюдать зверство средневекового человека, произвол диких страстей и кровожадность краснокожих. Такую фазу развития переживало тогда человечество. Король велел восстановить честь Инес через пять лет после смерти; ее вырыли из могилы; придворные целовали ее одежды и руки. Труп вновь похоронили в королевской усыпальнице. Все это пластично рассказано талантливым хронистом. Таких образцов нет в других средневековых литературах.

Филипп де Комин (1447—1511). Мы закончим наш очерк рассказом о главнейшем представителе французской историографии XV в., следовавшем по пути Фруассара и державшемся того же плана. Филипп де Комин гораздо более приближается к мемуаристу, притом к знающему государственному человеку¹. Его «Мемуары» в восьми книгах излагают события 1460—1498 гг. Он принадлежал к аристократической фамилии, был на службе герцога Бургундского Карла, графа Шарлуа, затем его перемашил Людовик XI, который сделал его сенешалем Пуату, приблизил к себе, а потом отправил послом к Лоренцо Медичи. Это познакомило его с Италией и дало материал при описании итальянского похода Карла VIII, которому он сопутствовал в 1793 г. При Людовике XII он пользовался тем же расположением двора, породнившись через брак дочерей с королевскими династиями в Испании, Неаполе, Португалии, Сардинии, а дом графов Бретани (*Penthivore*) ранее состоял в родстве с ним. Его мемуары отличаются прекрасным языком, но в них не замечаешь наивности испанских хронистов. Везде виден холодный наблюдатель, строгий судья. Он не питает ни ненависти, ни любви к своим героям; у него везде спокойствие тона в суждениях о лицах, достигающее до фатализма: «Такова воля Провидения». Правда, он беспристрастен. Он был слишком осыпан благодеяниями сурового

¹ Cronique et hystorie contenant les choses advenues durant le regne du Roy Loys XI tant en France, Bourgogne, Flandres, Arthois, Angleterre que Espagne et lieux circonuoisins, Париж, 1525.

Людовика XI, но это не побудило его к уступкам. Комин обличает его нововведения, его деспотизм, жестокость, коварство. Поэтому он так расположен к Англии, где учреждения обыкновенно сдерживали произвол. Барант в своей «Истории Бургундских герцогов» пишет, что нет книги более полезной для политического назидания, ибо «она исполнена положительного содержания и носит на себе следы опытности автора, оставаясь чуждой всяких теоретических влияний». Комин начинает с бургундской войны, посвящает книгу бургундским делам, Перонскому свиданию, продолжению борьбы с Карлом Смелым; седьмая и восьмая книги посвящены Карлу VIII и непосредственно итальянскому походу, которому покровительствовал только Бог — туда и оттуда, *car le sens des conducteurs n'y servit de guère*. Добавив очерки итальянской истории, Комин кончает 1498 г. — годом сожжения Савонаролы и смертью Карла VIII.

Подобно тому, как итальянские походы представляют связь между средневековой и новой историей, так мемуарами Комина кончается средневековая историография.

Содержание

Предисловие	3
Введение. Характер средневековой истории и ее источников	5
I. Переходный период от язычества к упрочению христианства	14
1. Время императора Константина I	14
2. Первые преемники Константина и упрочение христианства	35
3. Юлиан и последняя реакция язычества	41
4. Усиление христианской идеи после Юлиана	48
II. Великое переселение варварских народов и распад Западной Римской империи на германские государства	57
1. Германцы, их быт и союзы	57
2. Гунны и великое переселение	70
3. Распад Западной Римской империи	93
4. Остготское королевство в Италии	100
5. Франкское королевство в Галлии	115
6. Лангобардское владычество в Италии	130
7. Англосаксы в Британии	148
III. Феодализм. Римская Империя Карла Великого на Западе и мусульманство на Востоке	159
1. Происхождение феодальной системы	159
2. Обычное право древних германцев	173
3. Арабы и Мухаммед	180

4. Каролинги в Галлии и Италии	199
5. Карл Великий	208
6. Судьба империи при первых преемниках Карла Великого	237
7. Усиление папства и мусульманства до середины IX в.	251
8. Образование англосаксонского королевства	273
9. Византийская империя в VIII—X вв.	283
10. Славяне и их первые попытки политического объединения	298

IV. Запад в X и XI столетиях. Священная римско-германская империя в борьбе с папством и славянами

1. До папско-императорской борьбы	341
1. 1. Саксонский дом в борьбе со славянами	341
1. 2. Саксонский императорский дом в борьбе за господство в Италии и свержение немецкого ига западными славянами	354
2. Папско-императорская борьба за преобладание власти	376
2. 1. Папство и католическое духовенство в XI в. и правление императора Конрада II	376
2. 2. Торжество теократической идеи при императорах Генрихе III и IV	393
2. 3. Преемники Гильдебранда до Вормского конкордата	422
3. Торжество национального начала во Франции и Англии	430
4. Мусульманская и христианская Испания	449

V. Крестовое и коммунальное движение в XII в.

1. Начало крестоносного движения и первый крестовый поход	465
--	-----

2. Гогенштауфены на императорском престоле в борьбе с папством в XII в.	481
3. Развитие монархической и коммунальной идеи во Франции в XII в.	507
4. Первые Плантагенеты и третий крестовый поход	526
5. Образованность до XIII столетия. Схоластика	551

Приложение. Очерк средневековой историографии	562
Первый период.....	565
Второй период	578
1. Латинские летописи и начало национальной историографии.....	578
2. Летописцы крестовых походов	599
3. Итальянская историография	613
4. Византийская историография	621
5. Славянская историография	640
5. 1. Западная	640
5. 1. 1 Хроника у поляков	641
5. 1. 2. Хроника у чехов	646
5. 2. Восточная	648
6. Переход национальной летописи в историю на Западе	654
Третий период.....	660

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — «Книги по почте».

Научно-популярное издание

Осокин Николай Алексеевич

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Ответственная за выпуск *В. Н. Волкова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.06.03.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Печать
высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 35,28.

Тираж 5000 экз. Заказ 1421.

ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от
27.08.02. РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

